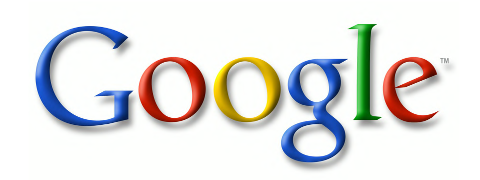
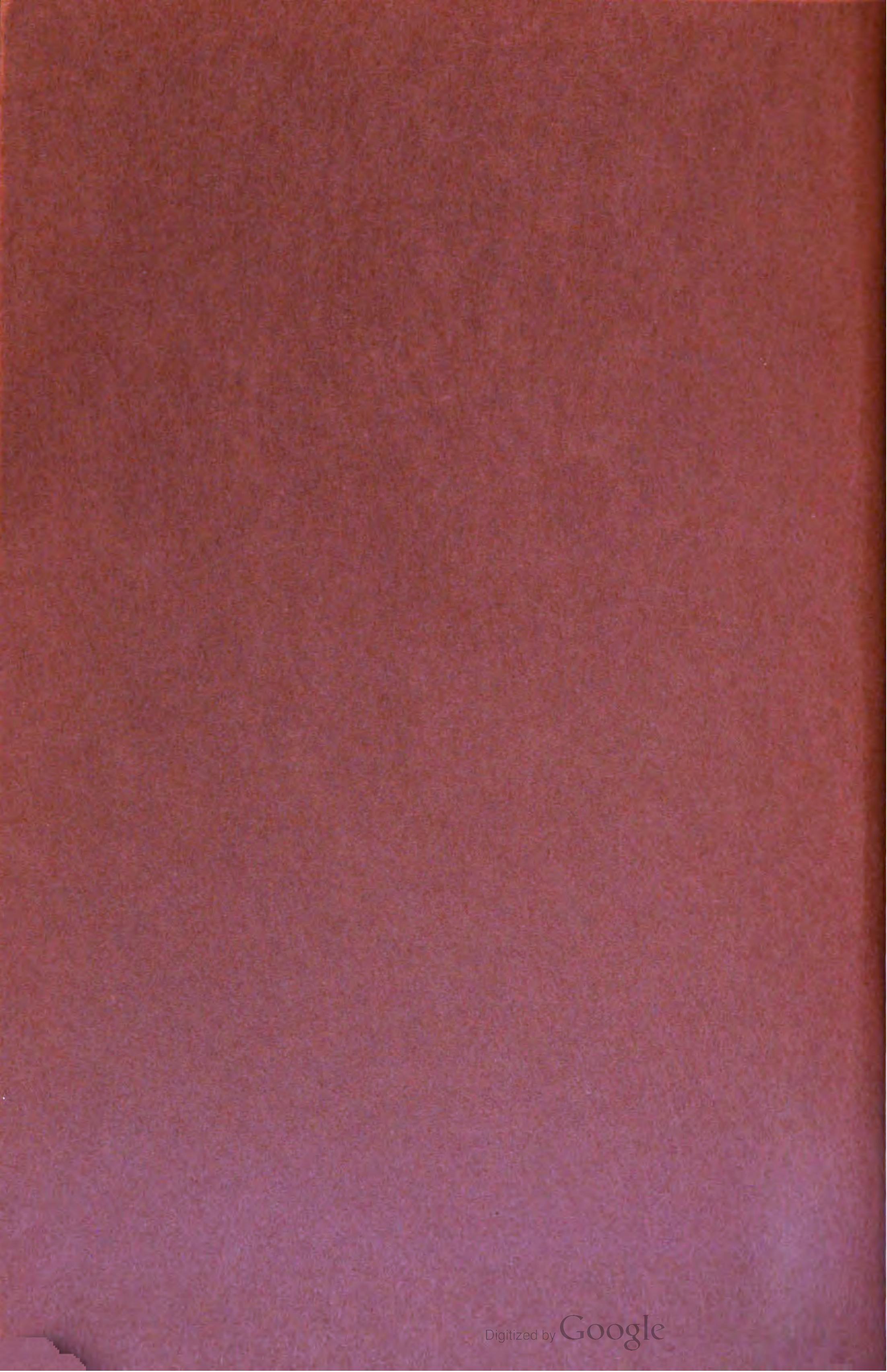

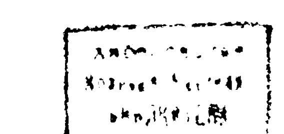

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Май № 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за вторую четверть (Апрѣль—Іюнь).

СОДЕРЖАНІЕ

№ 5 „Сѣвернаго Вѣстника" 1897 г.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Вольная Русь[1]).

Эскизы современной действительности.

II. Великополье.

I.

Мнѣ пришлось возвращаться однажды съ ярмарки, куда я ѣздилъ приторговывать лошадей, въ свой хуторъ, находившійся верстахъ въ тридцати отъ К-аго тракта. Я ѣхалъ въ легкой «казанкѣ» парой. Лошади бѣжали дружной, споркой рысью, бойко позвякивая бубенцами. Кучеръ Іона, дюжій, широкоплечій мужчина съ скуластымъ лицомъ и подслѣповатыми глазами, безпрестанно моргавшими подъ угрюмо сдвинутыми бровями, безмятежно дремалъ на козлахъ, флегматически покачиваясь и подпрыгивая на мосткахъ и выбоинахъ. Созерцая его богатырскую спину, качавшуюся передо мной, какъ маятникъ, я не зналъ чему приписать необычайную молчаливость моего возницы, никогда не пропускавшаго трехъ излюбленныхъ случаевъ: выпить, порезонерствовать съ сѣдокомъ и непремѣнно одѣлить прохожаго самымъ сквернымъ эпитетомъ. Жившій когда-то въ ямщикахъ у содержателя, «гонявшаго пошту» по здѣшнему большаку, Іона верстъ на сто по немъ зналъ каждый поселокъ, всѣ хорошіе и негодные колодцы, а въ особенности всѣ постоялые дворы да питейныя заведенія, считая ихъ единственнымъ украшеніемъ и усладой большой дороги.

По тѣмъ же причинамъ онъ до глубины души презиралъ проселки, язвительно именуя ихъ «тропками», такъ какъ постоялыхъ дворовъ за ними не значилось, а кабачки попадались значительно рѣже.

---

[1]) См. «Сѣвер. Вѣстн.» № 3 за 1897 г.

Къ тому же проселки постоянно нарушали его созерцательный кейфъ, заставляя въ каждой деревнѣ слѣзать съ козелъ, чтобы отворять ненавистныя, запертыя «воротца».

— Ишь, анафемы, проклятой народецъ — отгородились! — вопилъ онъ еще издали.—Погибели на васъ нѣтъ! Проѣзжую дорогу да запирать? Да гдѣ это видано? Ну ужъ и впрямь каторжнѣе этихъ тропокъ не сыщешь.

— Чего зеньки то пялишь, безстыжая!—накидывался онъ вдругъ на деревенскую бабу, которая шагахъ въ десяти у колодца съ любопытствомъ приглядывалась къ незнакомымъ ей лошадямъ и сѣдоку, пока мой кучеръ надсаживаясь хлопоталъ у скрипучей околицы. Послѣ такого привѣтствія баба торопливо бралась за ведра и шла неоглядываясь восвояси. Іона же взбирался на козлы и, преслѣдуемый ожесточеннымъ лаемъ собакъ, проносился по деревенской улицѣ, ругаясь и грозя кнутовищемъ мирнымъ обывателямъ, выползавшимъ изъ своихъ закорузлыхъ, покривившихся хатъ поглазѣть на столь неожиданное происшествіе. Обыкновенно, въ противуположномъ концѣ деревушки, стая пузатой дѣтворы спѣшила удалить уже всѣ преграды на пути моего грознаго возницы, видимо устрашенная его посулами «найти на нихъ управу».

Мои отношенія съ нимъ давно опредѣлились. Помѣщаясь на козлахъ, неустанно ерзая по кожаной подушкѣ, подергивая ременныя вожжи съ неизбѣжнымъ причмокиваніемъ или подсвистомъ—Іона считалъ свои обязанности исчерпанными. Всякую же возможную въ пути «оказію» онъ представлялъ уже всецѣло моему усмотрѣнію. Сломается ли вага, лопнетъ ли тяжъ, оборвутся ли постромки или самъ собьется съ дороги, блуждая по «проклятымъ тропкамъ»—онъ тотчасъ же объявляетъ мнѣ объ этомъ съ какой-то торжествующей злобой:—«На вотъ! Вѣдь ишь ты, какая незадача»! и спрыгнувъ съ облучка непреминетъ плюнуть и выругаться: «Тфу! Что-бъ тебя, проваленная»... Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мое разставаніе съ тарантасомъ считалось неизбѣжнымъ: я долженъ съ одной стороны «сообразить» поврежденія, а съ другой—принять возможныя мѣры къ дальнѣйшему передвиженію. А онъ ходитъ себѣ вокругъ лошадей, равнодушно оправляя сбрую, или, разставивъ ноги циркулемъ, глубокомысленно уставится въ землю. Ни брань, ни попытки съ моей стороны устыдить его добрымъ словомъ обыкновенно не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Приходились послѣднія числа Августа. Ранняя осень уже чувствовалась въ свѣжемъ, сыромъ воздухѣ. Въ природѣ еще пышной, но отцвѣтавшей-наступалъ замѣтный переломъ: мягкіе, сплывчатые контуры, сочныя краски—смѣнялись рѣзкими очертаніями предметовъ, яркими контрастами цвѣтовъ, блѣдными полутѣнями... Слабо трепетали порѣ-

дѣвшей листвой придорожныя березы, безшумно роняя, какъ крупныя слезы, свои отжившіе листья на бурый коверъ оголенныхъ полей, въ налитыя дождемъ канавы. Пахучею, влажной сыростью тянуло изъ ближнихъ рощъ, пестрѣвшихъ причудливой смѣсью желтыхъ, пунцовыхъ, зеленыхъ и сѣрыхъ тоновъ, тронутыхъ послѣдними лучами заходившаго солнца. Монотонно тянулись въ даль темныя пласты пахоты, чередуясь съ полосками неснятаго льна да оголеннаго жнивья. Мѣстами по его желтой щетинѣ ползъ синеватый туманъ—дымъ зажженнаго пастухами костра на опушкѣ хмураго бора. Мягкій сумракъ уже подвигался съ востока, сгущая ночныя тѣни.

Мы приближались къ тому мѣсту, откуда намъ предстояло свернуть съ «большака» восвояси, какъ вдругъ, на одномъ мостикѣ, тарантасъ сильно тряхнуло, что-то звякнуло и заскрипѣло. Іона встрепенулся, затянулъ вожжи и, обозвавъ коренника «хромымъ чертомъ», лѣниво слѣзъ съ козелъ. Я спросилъ, что случилось.

— Незадача!—угрюмо отвѣтилъ онъ, помолчавъ, и, присѣвъ на корточки, добавилъ съ сердцемъ: На вотъ-ишь, проклятыя эфти казанки—то и дѣло чини; опять упорка сломалась!

— Какая «упорка»?

— А во!—И онъ ткнулъ пальцемъ подъ кузовъ экипажа.

Я поспѣшно вылѣзъ и зажегъ спичку, чтобъ осмотрѣть поврежденіе. Оказалось, что лопнулъ болтъ, которымъ скрѣпляется передній ходъ тарантаса, и ѣхать дальше было рискованно: казанка легко могла сломаться, тѣмъ болѣе, что сумерки наступили удивительно: быстро небо заволоклось облаками.

— Что-жъ теперь дѣлать?—началъ я строго; но Іона посмотрѣлъ на меня равнодушно, почистилъ въ носу, почесалъ поясницу и только крякнулъ.

— Вѣдь ишь, темь какая! Хоть глазъ выколи!—проговорилъ онъ наконецъ, не то оправдываясь, не то недоумѣвая. Натко-сь. управь здѣсь! И откуда эфтой темноты напретъ столько? Удивленіе! Разомъ въ канаву ахнешь.

— Надо достать веревку, да обвязать передокъ,—распорядился я съ досадой. Придется заночевать въ Великопольѣ! А всему виной—ты, розиня!

Мой кучеръ по обыкновенію не издалъ ни звука. Потоптавшись на одномъ мѣстѣ, онъ распоясалъ армякъ, пошарилъ въ карманахъ и проворчалъ съ сердцемъ: «какъ есть незадача»! Минутная пауза и вдругъ возгласъ: «Нашелъ! А все неладный шутитъ—будь ему пусто»! Іона снялъ съ себя ремешокъ, сперва поплевалъ на него, потомъ на руки и кряхтя принялся за работу съ такимъ рвеніемъ, отъ котораго тарантасъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Справленъ кипажъ! объявилъ онъ мнѣ наконецъ, поднявшись съ четверинокъ.

— Поѣзжай шагомъ! отвѣчалъ я,—какъ нибудь дотащимся.

— Тутъ рукой подать! Гляди, до села то и двухъ верстъ не будетъ.

Мы тронулись и поползли; кое-какъ перебрались черезъ скрипучій мостикъ и, старательно объѣзжая канавы и рытвины, стали медленно приближаться къ Великополью.

II.

Великополье—большое село на К—омъ трактѣ съ двумя старинными, каменными церквами, среди многочисленныхъ, но безпорядочно разбросанныхъ избушекъ. Живописно раскинулось оно по высокимъ, обрывистымъ берегамъ неширокой сплавной рѣки Угры и, благодаря, во первыхъ, своему положенію, «на самомъ ходу» (какъ здѣсь принято называть бойкія, торговыя мѣстечки), а во-вторыхъ чудотворной иконѣ Божіей Матери, особенно чтимой народомъ, охотно и часто посѣщается всякимъ прохожимъ и проѣзжимъ людомъ. Дворовъ въ немъ насчитываютъ до полутораста, что для нашихъ мѣстъ, гдѣ селеній больше чѣмъ въ тридцать, сорокъ избъ не встрѣтишь, явленіе рѣдкое, исключительное. Народъ въ немъ живетъ зажиточный, бывалый, видавшій на заработкахъ и Москву и Питеръ. Да и школой, фельдшеромъ и повитухой судьба его не обидѣла. Для любителей найдется даже старая газетка—«свѣтъ» столичнаго центра. Благодаря упомянутымъ преимуществамъ, а главное двумъ трактирамъ, безусловно лучшимъ на протяженіи пятидесяти верстъ большой шоссейной дороги, село Великополье пользуется заслуженнымъ вниманіемъ.

Надо отдать должную справедливость, что трактиры или вѣрнѣе постоялые дворы въ Великопольѣ — хорошіе. Въ особенности славится «Хуторокъ», содержимый Герасимомъ Васильевичемъ Бѣловымъ, мѣстнымъ «родовымъ обывателемъ», какъ его величаютъ не безъ гордости односельчане. Герасимъ Васильевичъ верстъ на сто кругомъ извѣстенъ, а новичку о немъ каждый встрѣчный и поперечный разскажетъ. Популярностью своей Бѣловъ обязанъ личнымъ талантамъ и качествамъ: вопервыхъ, какъ посредникъ-примиритель всяческихъ смутъ въ крестьянской средѣ— онъ всѣми любимъ и уважаемъ; а во-вторыхъ, какъ хлѣбосолъ, пріятный собесѣдникъ и единственный въ округѣ музыкантъ— онъ по радушію да умѣнію привѣтить проѣзжихъ посѣтителей не имѣетъ себѣ равныхъ соперниковъ. Герасимъ Васильевичъ Бѣловъ, бывшій крѣпостной человѣкъ владѣтельницы Великополья г-жи Воронецкой, нынѣ почтенный старецъ величавой наружности и отмѣнныхъ размѣровъ. Біографія его не безъинтересна, а потому я передамъ ее вкратцѣ.

Отданный въ Москву, еще мальчуганомъ, въ былые дни крѣпостничества, къ нѣмцу-музыканту, Герасимъ, благодаря врожденнымъ способностямъ, оказалъ такіе блестящіе успѣхи, что не только научился прекрасно играть на клавикордахъ, но даже болтать по-нѣмецки. Кончивъ ученіе и вернувшись на родину съ примѣрной аттестаціей, бывшій Гераська, къ немалому удивленію всей дворни, былъ немедленно одѣтъ въ нанковый длиннополый сюртукъ и господскіе старые брюки, а взамѣнъ прежней должности казачка, получилъ званіе «губернера»—учителя. На его попеченіе были переданы два краснощекихъ бутуза-мальчугана, Поліевктъ съ Филитеромъ и десятилѣтняя дѣвочка Фруза—всѣ наличныя дѣти вдовствующей помѣщицы Воронецкой. Герасиму велѣно было обучать барчатъ музыкѣ, а въ свободное время ознакомить ихъ съ наиупотребительнѣйшими выраженіями «шустерскаго» діалекта. Задача была нѐ изъ легкихъ, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, при громкомъ ревѣ шаловливыхъ и капризныхъ учениковъ, туторъ Бѣловъ приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей. Вначалѣ дѣло шло туго, но впослѣдствіи обошлось и дало прекрасные результаты: Фрузочка научилась свободно читать ноты, мило разбирать пьески, а на тринадцатомъ году, въ день мамашинаго ангела, съ чувствомъ исполнила модный тогда романсъ: «Матушка голубушка, солнышко мое, пожалѣй, родимая, дитятко твое!» при чемъ не только пѣла, но и детонировала, хотя просвѣщенные слушатели увѣряли, что это прелестныя варіаціи. Филитеръ-же и Поліевктушка сыграли въ четыре руки какой-то бурный нѣмецкій маршъ, который учитель ихъ называлъ почему-то «бррабантомъ»...

Въ итогѣ эффектъ получился необычайный и Герасимъ сразу занялъ видное положеніе. Съѣхавшіеся на имянины гости, большею частью сосѣди—помѣщики, пришли въ восторгъ неописанный и тотчасъ-же приступили къ хозяйкѣ, прося ее разрѣшить учителю Бѣлову давать уроки ихъ дѣтямъ за приличное, разумѣется, вознагражденіе самой Воронецкой. Помѣщица покапризничала, поломалась вначалѣ, но прельщенная тирольской коровой и парой рѣдкихъ индѣйскихъ пѣтуховъ, преподнесенныхъ ей въ даръ молодымъ помѣщикомъ Косогубовымъ, сдалась, наконецъ, на капитуляцію ко всеобщему удовольствію. Съ того-же дня Герасимъ получилъ право, просвѣщая мѣстное юношество, развивать великороссійскіе таланты отъ Митькова-сельца до Плетниковки-деревни включительно: всего въ поперечникѣ съ небольшимъ верстъ двадцать.

Преподавая музыку, развивая вкусъ к—скихъ Моцартовъ, молодой учитель не переставалъ учиться и, совершенствуясь самъ, замѣтно совершенствовалъ окружающихъ. Его вліяніе сказывалось даже на престарѣлыхъ помѣщикахъ: такъ г-нъ Невзоровъ въ 59 году поставилъ

у себя статую Мельпомены, съ высокоподнятой на воздухъ ногой, а немного позднѣе г-нъ Дроздовъ-Мордовъ выстроилъ на луговинѣ передъ домомъ бесѣдку шаловливой архитектуры, назвавъ ее «божественнымъ храмомъ Гармоніи». Герасимъ Васильевичъ оцѣнилъ труды обоихъ и хотя всецѣло отнесъ ихъ къ просвѣщенному вкусу строителей (у которыхъ онъ, кстати сказать, давалъ уроки), однако въ глубинѣ души не могъ не признать своей инипіативы.

III.

Съ упраздненіемъ крѣпостного состоянія, Бѣловъ продолжалъ свои занятія съ барчуками, но уже *за плату*, какъ и подобало «свободному отъ рабскихъ оковъ» просвѣтителю юношества. Однако, дѣла у него шли не бойко: большинство дворянскихъ усадебъ опустѣло. По увѣренію Герасима Васильевича «уѣздное просвѣщеніе — пало», владѣльцы переселились «кто въ столицы, а кто въ заграницы» и онъ рѣшилъ обратиться къ болѣе практической дѣятельности. Приписавшись къ мѣщанскому обществу, Бѣловъ снялъ у крестьянъ въ долгосрочную аренду участокъ земли и первый открылъ въ родномъ селѣ постоялый дворикъ. Домъ его подъ гонтовой крышей выдѣлялся изо всѣхъ деревенскихъ построекъ своей миловидной чистотой; а ярко размалеванная вывѣска надъ крылечкомъ еще издали привлекала вниманіе проѣзжихъ. По ея синему фону, между желтымъ самоваромъ и красной связкой баранокъ красовалось причудливо выписанное изрѣченіе: «*Дворъ пастоялый Ерасима Билова славкой*». Для неграмотныхъ-же была воткнута огромная жердь съ пучкомъ соломы наверху— какъ эмблема «постоя», а затѣмъ хозяева, благословясь, приступили къ новому дѣлу. «Приступили» говорю я потому, что одновременно съ полученіемъ права идти на всѣ четыре стороны Герасимъ женился на приближенной горничной своей бывшей помѣщицы — Меланьѣ, которой г-жа Воронецкая подарила при отпускной около ста рублей кредитными. Начавъ на эти деньги коммерцію, Герасимъ Васильевичъ расторговался, пріобрѣлъ кредитъ и лѣтъ черезъ пять уже могъ смѣло расширить свое предпріятіе. Онъ сдѣлалъ пристройку къ небольшому домику съ «галдарейкой», завелъ нѣсколько комнатокъ почище для гг. проѣзжихъ помѣщиковъ, а на противуположномъ концѣ своего четырехсрубнаго дома съ «мезонинцемъ» (несомнѣнная копія господскаго флигеля) открылъ лавочку для крестьянства съ разнымъ бакалейнымъ товаромъ. Мужики шли къ нему охотно, такъ какъ ни обвѣса, ни обмѣра у него не допускалось — всѣ это знали, и репутація Герасима «справедливая душа» сложилась искренно и твердо. Водясь съ помѣщиками, онъ и своимъ братомъ не брезговалъ; держался степенно, въ

деревенскіе заправилы не лѣзъ и міроѣдомъ не сдѣлался. Торговля его съ каждымъ годомъ становилась бойчѣе, а хозяйство его считалось даже въ средѣ уѣздныхъ купцовъ—образцомъ. «Московскій» постоялый дворъ другого содержателя Кузьмы Дементьева въ томъ-же селѣ влачилъ печальное существованіе, едва окупая расходы. Впрочемъ самъ Бѣловъ мало хозяйствовалъ. Вначалѣ его постоянно отвлекали отъ дѣлъ уроки музыки (за нѣмецкій языкъ онъ уже болѣе не брался), а за послѣдніе годы Герасимъ Васильевичъ сдѣлался исключительно настройщикомъ верстъ на тридцать въ округѣ, что частенько отрывало его отъ семьи и дома.

Всѣми дѣлами заправляла Меланья Кондратьевна. Я зазналъ ее съ просѣдью и въ морщинахъ, уже сильно располнѣвшей, но старички говорятъ, что въ дни молодости «Милаша» (такъ звала свою наперсницу вдова помѣщица) славилась красотой и дородствомъ, а въ особенности черными «огневыми» глазами, смущавшими не разъ даже заправскихъ поклонниковъ самой г-жи Воронецкой. Вся усадьба была у нея «подъ рукой», какъ тогда говорилось. Она вѣдала всѣ ея тайны, не исключая интимностей и барской семейной хроники. Послѣднее обстоятельство оказало ей немаловажныя услуги, «осчастливѣвъ» на всю жизнь, по увѣренію дворни. Скромно пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ при барынѣ, черноокая фаворитка мудро обошла всѣ тенеты гг. ловеласовъ, и въ 62 году, къ досадѣ многихъ, досталась вольноотпущенному дворовому человѣку Герасиму *бѣлому* (т. е. блондину, въ отличіе отъ другого Герасима—повара, *чернаго* т. е. брюнета, принадлежавшаго той-же помѣщицѣ). Герасимъ Васильевичъ унаслѣдовалъ это прозвище, какъ фамилію.

Меланья Кондратьевна—неисчерпаемый родникъ всяческихъ новостей и сенсаціонныхъ извѣстій цѣлаго уѣзда. По увѣренію исправника,—она обладаетъ необычайнымъ чутьемъ, неожиданно извлекая сокровенныя тайны изъ такихъ нѣдръ, добраться до которыхъ не снилось самой полиціи. А между тѣмъ сама она давно уже жалуется на слабость зрѣнія и слуха, хотя умудряется видѣть многое, чего другіе и сильно зрячіе не замѣчаютъ. Въ собственномъ-же хозяйствѣ, ея лукаво прищуренные глаза становятся часто «всевидящимъ окомъ», и горе тогда соблазнившемуся молодцу или искусившейся бабѣ.

У Меланьи Кондратьевны была дочь, названная Фрузой, въ честь барышни Воронецкой, первой ученицы Герасима Васильевича. Мать въ ней души не чаяла и баловала ее, какъ только могла, стараясь изо всѣхъ силъ воспитать дочь на господскую ногу. Фруза училась вмѣстѣ съ дѣтьми одного сосѣда-помѣщика, воспринимала отъ отца музыку, отъ матери—рукодѣлье и, почитывая втихомолку всевозможныя господскія книжонки отъ Загоскина до Марлинскаго включительно, пошла-бы

вѣроятно далеко... Но, вдругъ на семнадцатомъ году страстно влюбилась въ молодого псаломщика сосѣдняго села и выпорхнула замужъ, по настоятельной просьбѣ мамаши, не желавшей «томленія» родного дѣтища. Черезъ годъ Фрузочка родила двойню, надѣла ситцевую блузу, бросила Загоскина, занялась всецѣло хозяйствомъ да пеленками и, живя теперь такъ, какъ у насъ на Руси живетъ большая часть людей въ ея положеніи, стала понемногу толстѣть и расползаться, слѣдуя и здѣсь по стопамъ своей сердобольной мамаши.

Я года три не видалъ Герасима Васильевича и, признаюсь, съ удовольствіемъ помышлялъ о предстоящемъ свиданіи. Бѣловъ былъ человѣкъ умный, дѣльный, самъ пробилъ себѣ путь изъ тьмы къ свѣту и, какъ мѣстный старожилъ, близко зналъ деревенскую среду, ея старые и новые порядки. Замарать свое имя неправдой, покривить душой или принять участіе въ дѣлѣ не особенной чистоты было для него немыслимо.

— Нѣтъ, вы тамъ сами какъ знаете, а меня въ эту коммерцію не путайте!—говаривалъ онъ обыкновенно соблазнителю, торопливо отмахиваясь отъ него пухлой мягкой рукой.—Богъ съ ними и съ барышами—какъ возможно! Уронить себя не долго, да подняться-то потомъ каково? Нѣтъ, ужъ и не говорите!..

Неподкупность и честность Бѣлова пріобрѣли ему широкую извѣстность и уваженіе. Въ затруднительныхъ случаяхъ мѣстные крестьяне до сихъ поръ прибѣгаютъ къ нему за совѣтомъ или рѣшеніемъ спора, какъ къ третейскому судьѣ и надо видѣть тогда Герасима Васильевича!..

— Что я вамъ за судья такой?—говоритъ онъ обыкновенно своимъ сермяжнымъ просителямъ.—Нѣтъ ужъ, нѣтъ... устраняюсь! Но истецъ и отвѣтчикъ неотступно стоятъ на своемъ и старикъ въ концѣ концовъ сдается. Старательно высморкавшись и утерѣвъ носъ клѣтчатымъ платкомъ необычайнаго размѣра, Бѣловъ усаживается на стулъ посреди комнаты и торжественно приступаетъ къ рѣшенію не легкой иногда задачи. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены, когда Герасимъ упорно мирилъ двухъ переругавшихся мужиковъ, ласково усовѣщевая обоихъ. Онъ внимательно выслушивалъ каждаго поочереди, по нѣскольку разъ переспрашивалъ самыя незначительныя подробности, заставляя при этомъ обѣ стороны безконечно креститься на икону, и наконецъ изрекъ свое мнѣніе—оно осталось безапеляціоннымъ приговоромъ.

IV.

Мы съ трудомъ добрались до Великополья и постоянно наѣзжая въ темнотѣ на полусгнившіе мостики, ежеминутно рискуя свалиться и доломать экипажъ, наконецъ розыскали постоялый дворъ Герасима Васильевича. Іона тотчасъ принялся ломиться въ запертыя ворота.

— Кто тамъ? — окликнулъ насъ изнутри, со двора, старческій голосъ

— Проѣзжачіе, отворяй!—басилъ мой кучеръ.—Да смотри, живо!

— Ишь ты какой прыткій! Какъ-бы не такъ! Надо-ть еще у хозяйки спроситься!.. — добавилъ тотъ-же голосъ и подбитые гвоздями сапоги поднялись по ступенькамъ крыльца и ушли въ сѣни. Іона принялся плевать и ругаться. Вскорѣ однако донесся неясный гулъ и вслѣдъ за нимъ хлопнула дверь, послышались торопливые шаги, засовъ скрипнулъ, ворота отворились. Яркая полоса свѣта легла на дорогу. Высокій сухощавый старикъ, работникъ Бѣлова, держалъ въ одной рукѣ фонарь, а другой вынималъ подворотню.

— Ишь кто гамитъ! — проговорилъ онъ, поднявъ голову и поднося фонарь къ рыжей бородѣ моего кучера.—А я и не узналъ, было! Здравствуй Ёнъ Иванычъ, безпардонная голова, какъ тебя Богъ носитъ.

— Мотри, какъ бы я тебѣ бока не нахлопалъ!—сурово отрѣзалъ Иванычъ и тотчасъ взялъ forto: — Это что за модель такая? Въ дворникахъ состоишь, а проѣзжачихъ не пускаешь.

— Ахти, Боже мой, н-ну... и ругатель!

— То-то! А ты какъ думалъ—по чину и обхожденіе.

Мы въѣхали во дворъ, заставленный телѣгами. «Мещевскій обозъ ночуетъ! Да онъ рано уйдетъ!» объявилъ Іонѣ работникъ. Я велѣлъ поставить тарантасъ подъ навѣсъ сарая, выпречъ лошадей и чѣмъ свѣтъ сходить за кузнецомъ на село, чтобы починить сломанный болтъ непремѣнно къ полдню. Мой кучеръ, неожиданно повеселѣвшій—отъ запаха-ли горячихъ щей, доносившагося изъ кухни, или отъ пріятной перспективы немедленно завалиться и захрапѣть во всѣ носовыя завертки, принялся меня успокаивать, божась, что и «справить-то казанку плевое дѣло!»

Я вошелъ въ сѣни. Меланья Кондратьевна встрѣтила меня улыбаясь, тотчасъ узнала и заахала. Держа въ одной рукѣ свѣчу, а другой торопливо запахивая расходившіяся полы своего ситцеваго капота, она невольно напоминала мнѣ одну изъ тѣхъ типичныхъ фигуръ, которыми такъ богатъ обычный жанръ Вл. Маковскаго. Мы дружелюбно раскланялись и какъ старые пріятели не преминули обмѣняться обоюдными впечатлѣніями.

— Э, матушка, да какъ вы располнѣли!—замѣтилъ я, покачавъ головою.

— Ахъ, батюшка, да и васъ-то какъ узнать. Ахъ, какъ состарились, да отощали тѣломъ!..—соболѣзновала она и, отворивъ одну изъ боковыхъ дверей корридора, ввела меня въ небольшую, чисто прибранную комнатку съ квадратнымъ окномъ, завѣшаннымъ пестрой ситце-

вой драпировкой. Деревянная кровать, столъ, два желтыхъ стула, сундукъ въ углу и неизбѣжныя олеографіи по стѣнамъ во всѣхъ направленіяхъ довершали ея незатѣйливую меблировку.

Меланья Кондратьевна оставила мнѣ свѣчу и, освѣдомившись, не желаю-ли я выпить чаю и закусить, вышла, видимо недовольная моимъ замѣчаніемъ: «пока спать хочу, матушка, и только!..» Перспектива соблазнительной бесѣды, въ программу которой неминуемо вошли-бы городскія новости съ моей стороны и уѣздныя сплетни съ ея—исчезла безвозвратно, серьезно опечаливъ мою добрѣйшую хозяйку. Европейскія дѣла и столичныя моды тоже остались невыясненными, но зато и я не узналъ ни новаго жениха Варвары Павловны Чернощековой, сорокалѣтней томной дѣвы, ни амурныхъ похожденій мѣстнаго Донъ-Жуана—молодого помѣщика Цезаря Семеновича Томилина.

Я тотчасъ-же раздѣлся, легъ въ постель и вѣроятно минутъ черезъ десять спалъ, какъ убитый.

V.

Проснувшись на другой день часу въ седьмомъ, я нѣжился въ сладкой полудремотѣ, наслаждаясь свѣжестью теплаго утра. Яркіе лучи солнца, смягченные пестрыми занавѣсками, падали тонкими, косыми полосками на чисто вымытый полъ и, ударяя въ окованный жестью сундукъ, цѣлымъ сіяніемъ отражались на стѣнѣ, выклеенной старыми газетными «бумажками». По сосновому потолку, прихотливо играя, бѣгали яркіе зайчики. Въ домѣ царила тишина; глухо тикали въ корридорѣ часы, видимо цѣпляясь маятникомъ за оловянныя гири. Гдѣ-то въ углу несносно жужжала большая муха, собака отрывисто лаяла на деревнѣ... Въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной отъ меня тонкой перегородкой, скрипнула дверь. Кто-то вошелъ и тотчасъ заговорилъ торопливо, но полушопотомъ:

— Самоваръ спрашиваетъ... да я не даю! Пожалте, говорю, напередъ деньги! Ругаться зачалъ: «Скотина, говоритъ, ты и ничего больше»!

— Ну, хорошо, хорошо!—также шопотомъ отвѣчалъ ему другой голосъ, въ которомъ я сразу узналъ интонацію Герасима Васильевича.— Хорошо, шутъ съ нимъ! Тише ты, барина разбудишь! Возьми съ него за постой гривенникъ, да и спровадь поскорѣй съ Богомъ!

— Извѣстно, одно съ нимъ безпокойство! проговорилъ вошедшій,— а только онъ денегъ за постой не даетъ! У васъ, говоритъ, тутъ блохи... должно собачьи. Я, говоритъ, глазъ не сомкнулъ всю ночь... въ кровь ободрался?.. Шумитъ, галдитъ—безобразіе.

— Ну ладно, пусть его только убирается живѣе. Что съ него, непутеваго, взять! Да я тебѣ, дураку, сколько разъ сказывалъ: солдатъ не пускать и баста!

— Да онъ вѣдь не служилый! Домой въ отпускъ идетъ и по обличію-то *средственнымъ* выглядѣлъ, а вотъ поди жъ-ты, песъ какой оказался, прости Господи!

Дверь опять скрипнула, работникъ вышелъ и снова все смолкло. Прошло минутъ пять... Гдѣ-то невдалекѣ, вѣроятно въ противоположномъ концѣ дома, послышался сперва громкій, учащенный разговоръ, перешедшій вскорѣ въ ругательства, а потомъ завизжала на ржавыхъ петляхъ калитка и кто-то хлопнувъ ею, торопливо вышелъ на улицу. Ругатня прекратилась; на дворѣ протяжно замычала корова, лошадь заржала подъ навѣсомъ. Въ сѣняхъ скрипнула дверь, и минуту спустя въ сосѣднюю комнату опять вернулся работникъ.

— Ну что? послышался мнѣ голосъ Бѣлова.

— Ушелъ! Ну его къ ляду! Псомъ меня обозвалъ и... ушелъ!

— И по дѣломъ тебѣ! Не пускай *зрящихъ*?

— Ошибся маненько, Герасимъ Василичъ. А вотъ, что на счетъ блохъ, такъ энто онъ правильно! Огромадныя блохи у насъ въ тюфякахъ, безпримѣрныя можно сказать, и такъ полагать надо, что въ заправду собачьи! Потому кусаются, словно аспидъ какой, право слово!..

— Такъ ты свѣжимъ сѣномъ его перетруси, тюфякъ-то! Чего смотришь?

— Безпремѣнно надо-ть сѣно смѣнить! согласился работникъ и, наконецъ, добавилъ:—И скажите, Герасимъ Василичъ, отъ кого энта тварь на землѣ? Неужели отъ Бога?

— Отъ Моисея!—послышалось мнѣ.

— Такъ. А кто енъ, Мосей-то?

Герасимъ Васильевичъ высморкался, и крякнулъ. «Вѣроятно табакъ нюхаетъ!» подумалось мнѣ.

— Кто Моисей? проговорилъ онъ неторопливо.—Ты не знаешь? Охъ, темнота-деревенщина! Былъ еврейскій такой пророкъ! Понялъ?

— Ишь ты!

— Да. Народъ свой изъ плѣна *Вавилонскаго* вывелъ.

— Изъ Ванвилонскаго?

— Да. Царь египетскій ихъ не пускалъ, такъ Моисей на него испытаніе наложилъ: воду въ кровь обратилъ, скотину всю поморилъ, дождь, градъ, неурожай наслалъ, лягушекъ всякихъ и блохъ этихъ самыхъ тоже!

— Для спытанья, значитъ, повторилъ работникъ. — Это такъ. Ужь на что лучше спытанья. Особливо ежели жара, духота, да онѣ въ овчинѣ, да ты на овчинѣ—бѣда! Свѣта не взвидишь—во какъ!

— Ну вотъ, вотъ!

— Ловко! Умственный, значитъ, былъ человѣкъ!

— Да, поумнѣй насъ съ тобой! согласился Герасимъ Васисьевичъ. А ты поди-ка, Митюха, свиней изъ огорода выгони. Опять, проклятыя

плетень подрыли!, съ досадой добавилъ онъ вдругъ. Дверь быстро скрипнула—и, какъ мнѣ показалось, оба поспѣшно вышли изъ комнаты.

Я пролежалъ еще минутъ съ десять, всталъ, одѣлся и отправился умываться въ сѣнцы. Рослая, красивая баба-молодуха, въ кумачевомъ сарафанѣ и бѣлой рубахѣ, откровенно выдѣлявшей внушительные контуры пухлыхъ рукъ и груди, принесла мнѣ тазъ, мыло и свѣжее холстинное полотенце. Не успѣлъ я утереться, какъ дверь со двора отворилась и Герасимъ Васильевичъ появился на порогѣ, нѣсколько суровый и постарѣвшій, но величественный по обыкновенію. Постараюсь описать его маститый образъ.

Высокій, полный, съ приличнымъ животикомъ, съ этимъ непремѣннымъ атрибутомъ солидности и почтенныхъ лѣтъ — Герасимъ Бѣловъ имѣлъ видъ добродушный и располагающій въ свою пользу. Круглое лицо его, рельефный носъ грушей, умные сѣрые глаза, сѣдые усы, теряющіеся въ широкой, окладистой бородѣ съ просѣдью. Всегда гладко причесанный, въ длинномъ старомодномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ наличныя пуговицы, Герасимъ Васильевичъ выглядѣлъ настоящимъ патріархомъ, какъ ихъ принято изображать на страницахъ иллюстрированной исторіи ветхаго завѣта. Во всей фигурѣ его было столько спокойствія, весь онъ былъ такъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства и съ такимъ тактомъ первый кланялся «гостю», что невольно хотѣлось его обнять и расцѣловать въ добродушныя губы.

— Съ пріѣздомъ, батюшка, добро пожаловать! проговорилъ онъ.— Давненько не были и съ тѣхъ поръ, позвольте вамъ доложить, постарѣли малость! Да... измѣненіе въ лицѣ вашемъ замѣтно-съ!

Я улыбнулся и дружески пожалъ его пухлую руку.

— Пойдемте-ка чай пить вмѣстѣ, да побесѣдуемъ! пригласилъ я старика и, взявъ его подъ руку, направился въ общую столовую. Въ узкомъ корридорчикѣ Бѣловъ, принимая во вниманіе свою толщину, пріостановился, далъ мнѣ пройти впередъ, а самъ, извинившись, скрылся въ низенькую стеклянную дверь, тщательно завѣшанную изнутри отъ любопытныхъ взоровъ. Какъ оказалось впослѣдствіи—это была кладовая, главный доменъ Меланьи Кондратьевны.

Столовая, чистая, опрятная комната съ двумя окнами, выходившими на улицу представляла уютный уголокъ, излюбленный проѣзжими посѣтителями. Огромный горбатый диванъ, старинной, еще крѣпостной домашней работы, занималъ весь простѣнокъ отъ угла до выходной двери. По фасаду между двумя окнами, небольшой ломберный столикъ накрытый бѣлою вязанной скатертью, остроумно скрывавшей пробѣлы старой, сильно вытертой клеенки, замѣнялъ собою письменный столъ и, по примѣру всѣхъ помѣщичьихъ столовъ, былъ заваленъ и заставленъ всевозможной ненужной дрянью.. Неизмѣнная хрустальная чернильница съ

мутной сѣроватой жидкостью на днѣ, фигурка Наполеона, отлитая изъ чугуна съ облезшею краской и сильно засиженная мухами, стеклянное пресс-папье съ выцвѣтшей карточкой снизу и старинные небольшіе часы затѣйливой формы съ неизбѣжными гирляндами литыхъ цвѣтовъ надъ циферблатомъ и помятымъ однорогимъ оленемъ наверху—прежде всего бросались въ глаза посѣтителю. Два букета полевыхъ цвѣтовъ, частью засохшихъ, торчали въ небольшихъ стеклянныхъ банкахъ изъ-подъ варенья, искусно выклеенныхъ снаружи чайнымъ свинцомъ съ узкими полосками золотой бумаги. Тутъ же лежала деревянная игрушечная лошадка съ обломаннымъ хвостомъ и огромными впадинами глазъ, изъ которыхъ были выковырены стеклянныя горошины. У сосѣдней стѣны стоялъ круглый столъ, накрытый цвѣтной узорчатой скатертью съ яркими затканными коймами. Начисто вычищенный самоваръ кипѣлъ на немъ среди груды чашекъ и стакановъ, неизвѣстно для кого предназначавшихся.

Я усѣлся на стулъ у раскрытаго окна и закурилъ папиросу.

VI.

Перекосившаяся дверь столовой, ведущая въ корридоръ, со скрипомъ отворилась и Меланья Кондратьевна выплыла величаво, неся въ одной рукѣ молочникъ со сливками, а въ другой связку барановъ домашняго приготовленія. Мы поздоровались и черезъ пять минутъ я узналъ уже, что дѣвица Варварея Чернощекова сильно «хирѣетъ», но замужъ еще не вышла—это во-первыхъ. Во-вторыхъ сердцеѣда Томилина помѣщикъ Любинъ недавно избилъ, говорятъ, заставъ съ своей женой въ семейной позѣ. Но тѣмъ не менѣе, однако Цезарь Семеновичъ, какъ настоящій кавалеръ, вызвалъ мужа на дуэль, а жену его поцѣловалъ еще разъ и выпрыгнулъ въ окошко. Въ третьихъ—у предводителя въ ногахъ проявилась подагра, отъ которой онъ лѣчится «гукель-бальзамомъ» и, наконецъ, въ четвертыхъ, весной въ Волости-Пятницкой дьяконъ такъ опился передъ заутреней, что его часа два изъ ушата на паперти окачивали... Я же со своей стороны объ «Европіи» и модахъ разсказать ничего не успѣлъ, такъ какъ въ комнату вошелъ Бѣловъ, и Меланья Кондратьевна поспѣшно, но благородно ретировалась. Мы принялись пить чай и понемногу разговорились.

— Какъ поживаете, Герасимъ Васильевичъ? началъ я, окидывая Бѣлова пытливымъ взглядомъ.

— Да что, батюшка, обо мнѣ-то говорить! Совсѣмъ плохо. Вы то какъ? Что-то полноты въ васъ незамѣтно и лицомъ-то вы какъ будто *потускнѣли*?..

— Потускнѣлъ? улыбнулся я. Что будете дѣлать: видно старость подходитъ.

— Что вы, батюшка, какая старость, развѣ можно! Да и годы то ваши нетаковскіе, рано еще... А такъ, можетъ быть, отъ заботы? Охъ, ужъ эти заботы!.. и старикъ, глубоко вздохнувъ, какъ-то вдругъ понурился.

— Можетъ быть! согласился я, да бросимъ это. Разскажите-ка вы мнѣ лучше, что у васъ дѣлается хорошаго? Давно не видались! Новаго не слыхать-ли чего?

— Новаго мало... Крестьяне бѣднѣютъ, дворяне бѣднѣютъ, мѣщане... тѣ и богатыми никогда не были. Даже купцы—и тѣ многіе сповихнулись... совсѣмъ плохо! Ну, да это не ново!

— Удивительно!—проговорилъ я. Какія же причины?

— Да, вѣдь оно и понятно-съ! Вотъ, позвольте вамъ доложить... теперь хоть-бы дворяне: какъ имъ не бѣднѣть? Земля плохая, доходовъ мало, а за умъ-то взялись немногіе. Иные какъ жить на широкую ногу привыкли, такъ до сихъ поръ отвыкнуть и не могутъ... Туда—сюда, глядишь—и долговъ надѣлалъ! Годъ, другой расплатиться нечѣмъ—ѣдетъ закладывать имѣніе. Ну, тутъ и аминь дѣлу!.. Пропалъ, какъ пить далъ...

— Разумѣется! Гдѣ ужъ въ наше время имѣнія выкупать! Трудно!

— Охъ, какъ, батюшка, трудно! Да, вотъ недавно, позвольте вамъ доложить, Купріянъ Капитонычъ имѣніе заложилъ... Хорошія деньги взялъ да и махнулъ заграницу... Вы что думаете, скоро вернется? Нѣтъ, наврядъ-ли! Будетъ жить пока деньги пропуститъ, а имѣнье-то продадутъ съ молотка, какъ сроки выдутъ. Кулакъ-міроѣдъ какой-нибудь родовое гнѣздо то и купитъ!

— Ну, хорошо, Герасимъ Васильевичъ, это такъ. Помѣщикъ-мотъ не ко двору въ наше время. Но почему-же не моты бѣднѣютъ?

Наступила продолжительная пауза. Бѣловъ досталъ табакерку, стукнулъ пальцемъ по крышкѣ и, открывъ ее, съ наслажденіемъ запустилъ въ сѣроватую пыль свои пухлые пальцы. Послѣ двухъ затяжекъ, отъ которыхъ глаза Герасима Васильевича увлажнились слезами, онъ проговорилъ съ разстановкой:

— Бѣднѣютъ-съ — это точно. Трудное времячко, что говорить! Нужна изворотливость по нынѣшнимъ временамъ, охъ какая! Ну, а помѣщики-то попрежнему больше своей господской сноровки держатся—въ хозяйствѣ разсчета не соблюдаютъ-съ! Свой-же прикащикъ ихъ завсегда проведетъ и надуетъ.

— Допустимъ! Но вѣдь не всѣ же землевладѣльцы изъ чужихъ рукъ смотрятъ? Мало-ли такихъ, что сами въ полѣ, въ лугахъ пропадаютъ съ утра до ночи?

— Такъ-то оно такъ! Герасимъ Васильевичъ видимо замялся, крякнулъ и принялся допивать стаканъ остывшаго чая.

— Вотъ позвольте вамъ доложить... Что-же на дѣлѣ стоять, ежели его не понимать! Вѣдь по нынѣшнему—старымъ порядкомъ не управишься! И плужки завелись и косилка пошла... Объ молотилкахъ, да вѣялкахъ и говорить нечего; а ко всему соотвѣтственное понятіе имѣть надо! Какъ беретъ, какъ деретъ? Сломается что — тоже починить нужно съ толкомъ... Указать, показать, понимаючи-съ!

— Есть и. такіе, Герасимъ Васильевичъ! Высшую земледѣльческую школу прошли; стали на дѣло и тоже на одномъ мѣстѣ топчутся. Перебиваются изъ куля въ рогожку...

Бѣловъ съ волненіемъ поднялся со стула и зашагалъ по комнатѣ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за выраженіемъ его лица, которое все болѣе и болѣе омрачалось.

— Значитъ, чего-то господамъ не хватаетъ! проговорилъ онъ вдругъ рѣшительно и остановился передо мною.

— Чего же, Герасимъ Васильевичъ?—Тонъ его рѣчи былъ честный, задушевный, прямой и мнѣ чудилась въ немъ скорбная нота.—Въ чемъ-же дѣло, пріятель?

Старикъ присѣлъ на край стула, одной рукой оперся на колѣно, а другой провелъ по своей сѣдой бородѣ и наконецъ проговорилъ тихо и какъ будто въ раздумьи:

— *Старая* Русь-матушка — вымираетъ-съ! *Молодая* — пришла, словно чужая! Право, ей Богу, сразу-то и не признаешь. Что за народъ сталъ—ни баре, ни мужики, ни купцы, ни мѣщане... И сказать по совѣсти—жить съ нимъ трудно-съ! Ужъ очень ловкій теперь человѣкъ народился: дотошливый! Прежнихъ завѣтовъ—не чтетъ; новыхъ своихъ—не оказываетъ. Только и норовитъ въ каждомъ дѣлѣ — всякаго въ темячко кокнуть-съ... И все это молчкомъ, не сморгнувши-съ! А самъ руки жметъ, да въ бороду посмѣивается... Вотъ какъ она жизнь-то теперешняя формуется! Къ такой-то повадкѣ, какъ полагаете-съ, тоже рожденную склонность надо имѣть-съ! Не всякъ-съ ненарокомъ сталъ съ кривымъ окомъ... Про себя скажу—самъ изъ простыхъ, какъ вамъ довольно извѣстно, своего брата не чуждаюсь... Ну, а порой такая досада разберетъ, что не въ моготу станетъ! Вотъ и прихварывать сталъ—все сердце щемитъ, неладное!..

И старикъ вдругъ какъ-то съежился и замолчалъ. Наступила томительная пауза. Намъ обоимъ сдѣлалось тяжело на душѣ и я первый поспѣшилъ прервать тягостное молчаніе, вернувшись къ затронутой темѣ.

— Ну... а крестьянство? Богатѣетъ или нѣтъ?—Я дотронулся до руки Герасима Васильевича. Старикъ встрепенулся, махнулъ рукой и заговорилъ снова, оживляясь.

— Съ чего-жъ богатѣть-то? Ну, позвольте вамъ доложить, ежели взять къ примѣру горшокъ, да на пять частей его подѣлить?... Что

выйдетъ? Одни черепки останутся! Только и всего-съ, а въ нихъ каши не сваришь! А нынче, позвольте вамъ доложить, съ раздѣлами-то въ крестьянствѣ не то что землю, а каждую лошадь да корову троятъ или четвертуютъ. Гдѣ-же тутъ достаткамъ быть, а тѣмъ паче—порядку-съ?

— Кто-же виноватъ-то, Герасимъ Васильевичъ?

— Какъ вамъ сказать? да всѣ виноваты. *Міръ* то крестьянскій еще на четверинкахъ ползитъ—въ полугарѣ, да въ темнотѣ копошится... Ничего онъ толкомъ не домекаетъ! Гдѣ на сходѣ Ѳедулъ-кулакъ его спаиваетъ, а гдѣ и трезвыхъ писарь такъ водить за носъ наловчился, что и самъ старшина у него въ той-же пятернѣ съ носомъ... А какъ поглядишь на нашу голь-темноту крестьянскую, даже сердце болитъ, затоскуешь...

И Герасимъ Васильевичъ опять безнадежно махнулъ рукою.

— Три бѣды съ нами, сударь, споконъ вѣку живутъ: авось, да небось, да какъ-нибудь. Лѣнь-матушка, нищета-свекровь, да разгулъ-родной батюшка! А всей утѣхи—молода жена—вольная волюшка бродяжеская! Еще отцы туды-сюды землю насиживали. А ужъ дѣти всѣ врозь, какъ тараканы ползутъ... Съ сѣвера, вишь, на югъ тянетъ... Съ юга—за Уралъ, да къ Амуру... Тутъ и послѣднія лаптенки протрутся, а объ достаткахъ лучше и не думать...

— Не всѣ-же переселяются...

— Точно, что такъ... Кто-же остается-то? Хворый да старый... Нѣтъ, ужъ гдѣ эта болѣзнь заведется—всю она волость переберетъ, ходоками посманитъ, разстроитъ... А всему виной—земля вишь. И плоха, и мало. А какъ ей тучнѣть-то безъ скотины, да безъ уходу. Вотъ, позвольте вамъ доложить... Пашетъ напримѣръ иной мужичекъ—смѣху достойно! Просто, гдѣ у него глаза—удивляешься! Землица-то у насъ, сами знаете, не Богъ вѣсть что... А онъ деретъ ее, словно ногтемъ скоблитъ: едва выпашетъ прежнюю старую пахоть... Нѣтъ, чтобы свѣжаго живца прихватить—куда! Эдакъ, говоритъ, лошади легче... Оно справедливо, да прокъ-то какой изъ подобной пашни быть можетъ?

— Да что-же, самъ-то онъ развѣ не понимаетъ?

— Вотъ подите! Выходитъ, что такъ. Однако, тому есть причина... Хоть и въ одной деревнѣ живемъ—да всѣ другъ другу чужіе.

— Какъ-же такъ? Объяснитесь!

— Слыхать не изволили про «мірскія» запашки-съ?

— Какъ-же, знаю!

— Ну вотъ, извольте посудить, кто ихъ по совѣсти обрабатывать станетъ, когда съ нихъ урожай поступаетъ не самому мужичку, а въ общественную «магазею».

— Вѣдь для его-же пользы идетъ; надо-же обезпечить міръ на случай неурожая.

— Вотъ вы съ крестьяниномъ и толкуйте! Онъ и своей-то надѣльной земли не навозитъ путево, потому что она ему, все равно что чужая, благодаря передѣламъ. «Что надъ ней биться-то!» говоритъ. «Я ее распашу, унавожу, раздѣлаю, а глядь она Ѳедоту не переверсткѣ достанется. Мнѣ-же Ѳедотову полосу жеребій вытянетъ... А онъ ее льнами безъ толку высосалъ». Ну и родитъ земля годъ отъ году все плоше!

Герасимъ Васильевичъ съ досадой ударилъ себя по колѣнкѣ и, видимо перебирая въ умѣ деревенскій укладъ съ его недочетами, устремилъ взглядъ вдаль, на темныя полосы разбѣгавшихся полей, виднѣвшихся намъ въ открытое окошко.

VII.

— Такъ-то у насъ все неладно идетъ!—проговорилъ Бѣловъ, уныло опустивъ на грудь голову. —Даже и говорить-то не хочется! Вотъ хотя-бы отхожій промыселъ... Сколько отъ него разстройства!..

— Какъ разстройства?—удивился я.—Мнѣ думалось, въ немъ прямая выгода!

Герасимъ съ усмѣшкой махнулъ рукою.

— Какая выгода, помилуйте-съ! — проговорилъ онъ. — Какъ по другимъ мѣстамъ, не знаю, а у насъ отъ него одно горе! Да, вотъ, позвольте вамъ доложить: уйдутъ зимой мужики въ города на работу, обнищаютъ-ли, загуляютъ-ли—ужь это неизвѣстно-съ, а только бабамъ едва на повинности вышлютъ. Да гляди еще сами къ сроку не придутъ: жена и пашетъ и сѣетъ, а придется и косить примется. Вотъ, батюшка, у насъ допрежь того неслыхано было, чтобы бабы траву косили, а теперь рѣдкой не придется убрать десятину.

— Ну это еще куда не шло, только-бы прокъ вышелъ!—замѣтилъ я, улыбаясь.

— То-то и есть прокъ, вы говорите. Его-то и нѣтъ, да и быть его не можетъ! Сами посудите, гдѣ-же безъ работника одной бабѣ справиться? Изба опять тоже. Мужикъ-то ее за зиму и починилъ-бы гдѣ надо и клѣти-бы хворостомъ обновилъ (извѣстно, лѣтомъ ему некогда). А какъ онъ уйдетъ, изба-то такъ и остается; годъ отъ году приходитъ въ упадокъ, пока совсѣмъ не завалится на сосѣда. Вы извольте-съ посмотрѣть, отчего прежде стройка на деревняхъ была чище и аккуратнѣе? Все отъ того, что надзоръ за ней былъ... Мужикъ зиму дома сидѣлъ и все помаленьку справлялъ. Въ обиходѣ опять тоже разное... То телѣгу вычинитъ, то сбрую подошьетъ, глядишь къ веснѣ и подбодрился. А ужь теперь... (Герасимъ тоскливо покачалъ головою) какъ уйдетъ крестьянинъ на заработки, такъ или

нищимъ вернется, или пьяницей. А то, гляди, еще и въ острогъ угодитъ изъ столицы...

— Вотъ подите-же!—удивился я; впрямь — вѣкъ живи, вѣкъ учись... А сколько значенія у насъ придаютъ обыкновенно этимъ отхожимъ промысламъ... Считаютъ единственнымъ подспорьемъ въ крестьянской жизни...

— Плохое подспорье, батюшка, доложу вамъ! Многія такъ разсуждаютъ-съ, что когда въ семьѣ на зиму меньше ртовъ остается, то и кормиться легче, а про руки всегда забываютъ. *Ртомъ* меньше и *двумя* руками меньше—сами себя обманываютъ!..

— Да вѣдь не всѣ-же мужики уходятъ?

— Не всѣ—точно! Одначе меньшая часть остается. (Я не о нашемъ селѣ говорю, а объ мелкой деревенской округѣ). И право, гдѣ мужикъ дома зиму сидѣлъ—тамъ и голодали меньше.

Мнѣ оставалось только пожимать плечами.

— Да оно вѣдь и понятно-съ! Нарубитъ онъ, доложу вамъ, дровецъ; коряги старыя расколетъ и везетъ въ ближній городъ на продажу. А то другой—вѣниками промышляетъ: съ осени наготовитъ, а потомъ доставляетъ когда нужно... вѣникъ всегда берутъ—и въ баню, и въ обиходъ нуженъ. Глядишь—зиму то и перебился. Избу тоже справилъ, временемъ въ извозъ сходилъ—и все въ аккуратѣ; весной работа не стоитъ... Нѣтъ, какъ можно! А сильно привыкъ народъ болтаться по городамъ—это вѣрно! Герасимъ Васильевичъ умолкъ и очемъ-то задумался.

Странное, тревожное раздумье породила и во мнѣ наша бесѣда.

Вглядѣвшись пристальнѣе въ добродушныя черты моего пріятеля, я только теперь замѣтилъ въ нихъ нѣкоторую перемѣну. Обычная жизнерадостность, столь присущая типичному лицу Герасима Васильевича, какъ мнѣ показалось, значительно измѣнилась, поблекла. За три года нашей разлуки Бѣловъ осунулся и тоже значительно «потускнѣлъ», слѣдуя его собственному опредѣленію. Глубокія складки морщинъ, несомнѣнные слѣды душевнаго разлада—легли вдоль бровей, тонкими линіями протянулись въ излучинахъ глазъ, избороздили высокій лобъ, стянули углы губъ въ грустную улыбку.

Я взялъ старика за руку и тотчасъ же почувствовалъ его ласковое рукопожатіе.

— Герасимъ Васильевичъ! Мнѣ сдается, что вы нездоровы. Я замѣчаю въ васъ значительную перемѣну!

Бѣловъ откинулся на спинку стула и впился въ меня смущенно-тревожнымъ взглядомъ. Глаза наши встрѣтились и что-то невыразимо грустное промелькнуло опять въ его принужденной улыбкѣ. Очевидно, я

попалъ на больное мѣсто: старикъ отвернулся, дѣлая видъ, что смотритъ въ окошко.

— Скрываться не стану, проговорилъ онъ наконецъ глухо и стараясь подавить охватившее его волненіе.—А впрямь, какъ-то не по себѣ. Ну, да что тамъ! Просто стариться сталъ—оттого видно и тоскливо живется...

Это признаніе энергичнаго, всегда веселаго, бодро глядѣвшаго на жизнь человѣка удивило меня своимъ совершенно неожиданнымъ выводомъ. Въ голосѣ Бѣлова звучали ноты затаенной мучительной досады.

— Тоскливо живется?..—повторилъ я.—Давно-ли, Герасимъ Васильевичъ? Смотрите, *не сглазили*-ли васъ ненарокомъ?

Бѣловъ съ волненіемъ поднялся со стула и не сразу мнѣ отвѣтилъ. Моя шутка не пробудила въ немъ обычной веселости. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, тяжело ступая, какъ человѣкъ, поднявшій непосильную ношу, и наконецъ опять остановился передо мной, видимо подавленный и взволнованный.

— Вотъ, позвольте вамъ доложить...—началъ онъ глухимъ голосомъ...—Какъ теперь самую жизнь-то понять? Что теперь такое творится—ума не приложишь! Все измѣнилось, все на новый ладъ... Сказать по совѣсти — въ толкъ не возьму теперешняго обхожденія-съ! Пьянство-съ, разгулъ, сквернословіе! И злобы, злобы—нѣсть конца!

Герасимъ Васильевичъ съ волненіемъ зашагалъ по комнатѣ, размахивая руками.

— Такъ все ею и дышетъ! Сгрызть другъ друга готовы, проглотить безъ остатку... И кому удается—тотъ и счастливчикомъ себя почитаетъ. Тащутъ, лихоимничаютъ, присвояютъ-съ. И что-же? Позвольте вамъ доложить—годъ отъ году бѣднѣютъ-съ!

— Удивительно! — отвѣтилъ я, все еще недоумѣвая, какъ могъ произойти такой неожиданный переломъ въ міровоззрѣніи Бѣлова.

— Поглядишь на земщину нашу, даже сердце заболитъ! Дымъ коромысломъ идетъ—ссоры, да споры. Все день ото дня хуже и всѣ въ разладъ, другъ противъ друга. Грызутся помѣщики, грызутся крестьяне, одинъ на другого посягаютъ-съ. Ни родства ни чтутъ, ни сосѣдства не помнятъ. Всѣ будто враги заклятые... Что-же это такое, помилуйте-съ? Каково-съ тому жить, кто старые-то завѣты помнитъ?

— Переходное время, что дѣлать! Перемелется—мука будетъ!

— Ну, а миръ да любовь?.. Такъ выходитъ ужъ брось?.. Нашу-то стариковскую доброту значитъ къ глупости приравнять остается?.. Тяжело это, сударь, а на иной характеръ даже можетъ повліять рѣшительно-съ. Чѣмъ все это кончится—единому Богу извѣстно...—Бѣловъ вздохнулъ и, сразу понизивъ голосъ, добавилъ полушопотомъ:

— Такъ-то вотъ мы съ зятемъ (псаломщикомъ онъ въ селѣ Андріанахъ) частенько бесѣдуемъ... И какъ-бы вы думали—какіе резоны

онъ мнѣ на мое обличеніе приводитъ-съ?—Герасимъ Васильевичъ взглянулъ на меня испытующе. Ахъ, говоритъ, папашка! (такъ онъ меня величаетъ). Все это ничего-съ! Пиво новое—бродитъ съ молоду! А путь—одинъ: его-же не прейдеши! Постепенно, несомнѣнно—все *образуется*! Да что,—спрашиваю,—образуется-то?—Молчитъ и какъ-то даже странно усы крутить начнетъ, улыбается, головой качаетъ, словно удивляется, что я не домекаю... Да, нечего сказать—времячко-съ!..

VIII.

Въ эту минуту дверь столовой распахнулась и на порогѣ ея появился работникъ Бѣлова въ сопровожденіи моего Іоны. Обряженный совсѣмъ по дорожному, въ армякѣ, туго перетянутомъ ремешкомъ выше таліи и съ неразлучнымъ кнутомъ въ рукахъ, кучеръ мой имѣлъ видъ внушительно-недовольный.

— Справленъ кипажъ!—объявилъ онъ громогласно и не безъ суровости добавилъ:—Ѣхать пора-бы!

Я поднялся со стула и началъ прощаться съ гостепріимнымъ старикомъ, видимо сожалѣвшемъ о моемъ отъѣздѣ. Расплатившись за постой съ Меланьей Кондратьевной, хлопотливо пытавшей своего молодца, всѣ-ли вещи уложилъ онъ въ казанку—я въ послѣдній разъ обнялъ Герасима, и мы втроемъ вышли на крылечко, къ которому лихо подкатилъ уже Іона. Отдохнувшія лошади нетерпѣливо били копытами, мотали головой, позвякивая въ унисонъ бубенцами. Утро стояло яркое, радостное. На небѣ—ни облачка. Деревенская улица дымилась пылью.

— Часъ добрый! проговорилъ Бѣловъ, пожимая мою руку.

— Нашихъ мѣстовъ не обходите-съ!—добавила щурясь и Меланья Кондратьевна.

Я сѣлъ въ казанку; мой кучеръ по обыкновенію перекрестился и подобралъ возжи.

— Прощайте, господа! Спасибо за радушіе! А васъ, Герасимъ Васильевичъ, особо—за бесѣду! Ну, трогай!

Іона причмокнулъ и мы двинулись.

Я обернулся. Герасимъ Васильевичъ махалъ мнѣ издали руками.

— А вы не грустите!—крикнулъ я ему, приподнявшись... *Переходное* время—все... *образуется!*

Іона стегнулъ коренника; казанка рванулась впередъ, бойко проскочила въ околицу и потонула въ облакахъ поднятой пыли.

Въ тотъ-же день вечеромъ со вторично сломаннымъ шкворнемъ-болтомъ (такъ хорошо починили его въ Великопольѣ) я вернулся въ свой хуторъ.

Борисъ Корженевскій.

Очерки изъ исторіи новѣйшей испанской литературы.

(Драма 1850—1892 г.).

ОЧЕРКЪ II.

Въ мартѣ прошлаго года мы посвятили нѣсколько страницъ характеристикѣ главнѣйшихъ испанскихъ драматурговъ, непосредственно слѣдующихъ за романтиками, съ которыми они, впрочемъ, находятся лишь въ слабой связи. Въ настоящей статьѣ, исключивъ изъ нашего обзора историческую драму, разсмотрѣніе которой слишкомъ далеко бы насъ увлекло, мы постараемся представить очеркъ дѣятельности новѣйшей реалистической школы (реализмъ, какъ увидимъ ниже, не безъ примѣси романтизма), оригинальной по сюжетамъ, національной по духу и не безизвѣстной русской публикѣ въ лицѣ главнѣйшаго ея представителя—Хозе Эчегарайя. Съ него мы и начинаемъ наше изложеніе.

Политическая свобода, купленная Испаніей цѣной крови и продолжительныхъ испытаній, дала возможность полному проявленію національныхъ силъ и повела къ необыкновенному подъему въ сферѣ индивидуальной жизни. Перечитывая біографіи выдающихся государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей современной Испаніи, вы будете удивляться разнообразію пережитыхъ ими перемѣнъ судьбы и переходамъ отъ высшихъ государственныхъ должностей, почета и богатства къ полному бездѣйствію, забвенію и нищетѣ—въ зависимости отъ торжества той или другой политической группы или режима. Одинъ изъ яркихъ примѣровъ такого непостоянства судьбы представляетъ собой самый крупный драматическій талантъ нашего времени—Хозе Эчегарай. Судьба этого талантливаго романтика-реалиста представляетъ весьма много замѣчательнаго, и мы напомнимъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Эчегарай, какъ видно изъ самого названія, баскъ по происхожденію. Это затерявшееся въ пиринейскихъ горахъ племя, потомки, быть можетъ, або-

ригеновъ Европы, неизвѣстнаго происхожденія, въ настоящее время самое трудолюбивое, честное и религіозное племя Испаніи. Окончивъ среднее учебное заведеніе въ Мурсіи, Эчегарай поступилъ въ инженерное училище въ Мадридѣ, гдѣ вскорѣ очаровалъ своихъ профессоровъ необыкновенными способностями къ математикѣ. Его сочиненія по дифференціальнымъ исчисленіямъ, механикѣ и стереометріи обратили на себя вниманіе мѣстныхъ спеціалистовъ. Прослуживъ въ качествѣ инженера нѣсколько лѣтъ въ провинціи, Эчегарай вернулся въ Мадридъ и былъ приглашенъ занять каѳедру въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ раньше былъ студентомъ. Лекціи не мѣшали молодому ученому продолжать съ большимъ успѣхомъ свои спеціальныя занятія, и онъ обнародовалъ рядъ математическихъ работъ, создавшихъ ему почтенную репутацію.

Съ спеціальными математическими занятіями Эчегарай находилъ время соединять занятія политической экономіей и изящной литературной, перечитывалъ массу самаго разнообразнаго матеріала и, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ опытовъ, поставилъ на сцену пьесу, имѣвшую значительный успѣхъ («Побочная дочь», 1865 г.). Въ революціи 1868 г. Эчегарай принималъ очень дѣятельное участіе и нѣкоторое время занималъ министерскій постъ. Въ 1873 г. Эчегарай былъ принужденъ поселиться въ Парижѣ, гдѣ продолжалъ свои литературныя занятія и написалъ одну изъ лучшихъ драмъ. Пребываніе его въ Парижѣ, къ счастью, не было продолжительнымъ, и Эчегарай имѣлъ возможность не только вернуться въ отечество (въ 1874 г.), но и занять прежнее высокое положеніе. Окончательно оставивъ министерство, донъ Хозе посвятилъ свои силы литературной, главнымъ образомъ драматической дѣятельности, благодаря которой и пріобрѣлъ громкую извѣстность не только въ своемъ отечествѣ, но и заграницей. Число драмъ Эчегарая довольно значительно: болѣе 50. Большинство ихъ составляетъ украшеніе испанскихъ театровъ. Смѣлый поборникъ интересовъ радикальной партіи въ политикѣ, Эчегарай является не менѣе смѣлымъ новаторомъ и въ области драматическаго творчества. Къ сожалѣнію, дѣятельность этого драматурга не подверглась сколько-нибудь удовлетворительному анализу со стороны историковъ литературы; у насъ нѣтъ монографіи, которая представила бы намъ полную картину развитія этого замѣчательнаго таланта; безпристрастный анализъ, думаю, показалъ бы намъ, что Эчегарайя нельзя считать реформаторомъ сцены, нельзя также считать его писателемъ исключительно реальнаго направленія, покончившимъ всѣ счеты съ романтизмомъ. Я думаю, наоборотъ, что связь Эчегарайя съ Викторомъ Гюго можетъ быть установлена не только въ историческихъ драмахъ, полныхъ романтическихъ эффектовъ, но и въ бытовыхъ. Какъ ни интересна сама по себѣ указанная задача, я не считаю возможнымъ ея выполненіе въ настоящее время и принужденъ ограничиться посильной

характеристикой дѣятельности Эчегарайя, основныя черты которой выяснятся послѣ знакомства съ главнѣйшими произведеніями знаменитаго драматурга. Составилось неправильное мнѣніе объ Эчегарайѣ, какъ о драматургѣ исключительно реалистическаго направленія, притомъ съ яркой позитивной окраской. Но не слѣдуетъ забывать, что дѣятельность Эчегарайя настолько обширна по внутреннему содержанію, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть обобщена въ одномъ, хотя-бы даже и удачномъ опредѣленіи. Въ драмахъ Эчегарайя, Викторъ Гюго, и Дюма, и Лопе де Вега, и Кальдеронъ найдутъ много знакомыхъ имъ мотивовъ. Тѣмъ не менѣе не романтическимъ пьесамъ, не антикварнымъ въ стилѣ старой испанской школы обязанъ Эчегарай своей извѣстностью, а ряду драмъ, въ которыхъ онъ затрогиваетъ жгучіе вопросы современныхъ семейныхъ и общественныхъ отношеній и предлагаетъ ихъ разрѣшеніе въ духѣ истинной гуманности и прогресса.

Скажемъ нѣсколько словъ объ историческихъ драмахъ нашего автора, гдѣ вліяніе драматурговъ золотого вѣка испанской литературы совмѣщается съ вліяніями французскихъ романтиковъ, особенно Виктора Гюго. Среди историческихъ драмъ Эчегарайя первое мѣсто должно быть отведено великолѣпной, хотя черезчуръ фантастичной драмѣ «На лонѣ смерти». Дѣйствіе происходитъ въ XIII в., въ Аррагоніи, а интрига ведется на фонѣ патріотической войны аррагонскаго короля съ французскимъ. Героиня—Беатриче, супруга доблестнаго защитника христіанства графа Хайме, въ которую до безумія влюбленъ сводный (незаконный) братъ ея мужа — Манфредъ. Содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: Вѣрный оруженосецъ графа, Рожеръ, узнаетъ, что алькадъ крѣпости Аргиляцъ, Беренгель, вступилъ въ тайныя сношенія съ французами и обѣщалъ ввести гарнизонъ подземнымъ ходомъ въ крѣпость. Между тѣмъ гр. Хайме, видя какъ истощены силы горсти защитниковъ, рѣшилъ отправить горячо любимую Беатриче подъ охраной брата Манфреда за предѣлы крѣпости тою же дорогой, т. е. потайнымъ ходомъ. Упрекаемый графомъ въ измѣнѣ, Беренгель открываетъ ему свои планы. Оказывается, что онъ хотѣлъ заманить французовъ въ ловушку, гдѣ они должны погибнуть, затопленные потокомъ воды, которую можно направить въ подземелье. Беренгель хочетъ привести свой планъ въ исполненіе, но графъ этому препятствуетъ, такъ какъ въ подземельѣ находятся въ эту минуту его жена и братъ. Между Хайме и Беренгелемъ происходитъ поединокъ и послѣдній падаетъ мертвымъ. Спасши свою Беатриче и Манфреда, Хайме съ ужасомъ видитъ, что его поступокъ въ сущности равняется измѣнѣ, такъ какъ теперь французы могутъ безпрепятственно овладѣть крѣпостью. Онъ ищетъ смерти, но не находитъ ея, хотя разнесся слухъ, дошедшій до Манфреда и Беатриче, что графъ палъ подъ ударами враговъ. Слабая женщина, и раньше чувствующая преступное влеченіе къ

пылкому Манфреда, теперь уступаетъ его желаніямъ. Случайный свидѣтель сцены свиданія влюбленныхъ, оруженосецъ Рожеръ, погибаетъ отъ руки Манфреда; трупъ вѣрнаго слуги остается въ Пантеонѣ, гдѣ покоятся предки графа Хайме; двери Пантеона открываются лишь тогда, когда въ него первый и послѣдній разъ входитъ новый членъ. Секретъ запора извѣстенъ лишь представителю рода Аргеляцевъ. Съ Пантеономъ были связаны легенды о мертвецѣ, не знавшемъ до тѣхъ поръ покоя, пока двери не были освящены мощами.

Король посѣщаетъ вѣрнаго своего вассала Хайме. Его удивляетъ смущеніе хозяина и его жены, дерзость и отчаяніе бастарда, отвергающаго уравненіе его въ правахъ съ братомъ по просьбѣ графа. Король требуетъ веселой пѣсни, пѣсни трубадура; вмѣсто трубадура, является женщина въ траурѣ — Хуана, безутѣшная вдова оруженосца Рожера. По ея настоянію, король слушаетъ легенду, связанную съ Пантеономъ, и обвиненіе Манфреда въ убійствѣ Рожера; онъ откладываетъ до утра свое рѣшеніе. Хайме, смущаемый поведеніемъ Беатриче и Манфреда, не перестаетъ слѣпо вѣрить въ ихъ невинность и отстаиваетъ брата, навлекая на себя неудовольствіе своего царственнаго гостя.

Послѣдній, третій актъ заключаетъ рядъ сценъ, изображающихъ слѣдствіе и судъ короля надъ преступниками. Трупъ Рожера найденъ въ подземельѣ; въ его рукахъ пергаментъ, на которомъ описана кровью покойнаго исторія его трагической кончины. Король, щадя чувства мужа и брата, рѣшаетъ не доводить до свѣдѣнія гр. Хайме о случившемся и осуждаетъ на смертъ Манфреда, къ ссылкѣ—Беатриче. Упорная, доходящая до оскорбленія величества защита виновныхъ графомъ, въ своемъ ослѣпленіи не видящемъ участія жены, не смотря на указанія общественнаго мнѣнія, заставляетъ наконецъ короля открыть ему печальную дѣйствительность. Графъ умоляетъ короля дать ему судейскія полномочія и желаетъ самъ произнести приговоръ. Въ упрекахъ графа, обращенныхъ къ женѣ и брату, слышатся отчаяніе, ненависть и любовь. Манфредъ закалываетъ себя и падаетъ въ могилу, рядомъ съ Рожеромъ. Хайме тоже смертельно ранитъ себя. Приводимъ небольшую заключительную сцену.

Б.—О Всевышній! Гдѣ мой Хайме! (она ищетъ его, находитъ, обнимаетъ и поддерживаетъ).

Х.—Счастливая судьба!.. Ты нашла меня. Да, легче смерть найти, чѣмъ счастье. Уйди!

Б.—Нѣтъ. Хайме, я хочу поговорить съ тобой, прежде чѣмъ смерть сомкнетъ глаза. Слышишь-ли ты меня? Я хочу говорить съ тобой. Вѣришь-ли ты моимъ словамъ? Скажи!

Х.—Тебѣ вѣрить?.. Почему-же нѣтъ. Было-бы безполезно лгать теперь. До послѣдней минуты ты ожидала. Нѣтъ. (Б. хочетъ говорить, Х.

останавливаетъ ее). Не говори мнѣ ничего. Ты могла-бы мнѣ дать отвѣтъ, но теперь не время. Конецъ приближается. Таетъ моя жизнь.

Б.—Если-бы ты зналъ!

Х.—Оставь. (Указываетъ на горло). Тутъ чувствую я потокъ крови. Отвѣть мнѣ немедля на одинъ вопросъ.

Б.—Хорошо.

Х.—Смотри: Манфредъ уже здѣсь умеръ — и ты сейчасъ уйдешь туда-же—съ кѣмъ хотѣла-бы ты покоиться?

Б.—Съ тобой.

Х.—Да? Иди ко мнѣ—а ты не лжешь? (выпрямляется).

Б.—Нѣтъ.

Х.—Куда падаетъ твоя слеза?

Б.—На тебя.

Х.—Если уста твои говорятъ истину, обними меня и не переставай оплакивать мою судьбу — такимъ образомъ, Беатриче, мы соединимся... на лонѣ смерти».

Романтическій сюжетъ изложенной драмы въ рукѣ неопытнаго писателя привелъ-бы къ мелодраматическимъ эффектамъ, но Эчегарай придалъ столько человѣчности этимъ архаистическимъ типамъ, такъ умѣло провелъ интригу, что и при чтеніи и на сценѣ «На лонѣ смерти» производитъ очень сильное впечатлѣніе. Вліяніе Эрнани, и еще болѣе драмъ Кальдерона, чувствуется довольно сильно. Доблестный, прямой характеръ вѣрнаго вассала довольно близко подходитъ къ излюбленнымъ героямъ Кальдерона.

Къ изложенной драмѣ, не по обстановкѣ, а по основнымъ идеямъ примыкаетъ «Жена мстителя» — одно изъ самыхъ удачныхъ въ смыслѣ, внѣшняго успѣха произведеній Эчегарайя. Персонажи дѣйствуютъ здѣсь по какому-то слѣпому фатализму. Страсти въ нихъ превосходятъ съ одной стороны ту мѣру, какая примѣнима въ современныхъ отношеніяхъ,—съ другой-же стороны главныя дѣйствующія лица не лишены извѣстной разсудительности, мѣстами довольно пошлой. Такъ, герой пьесы, Карлосъ, влюбляется въ дочь злѣйшаго своего врага Пачека, Аврору. Любовь къ дочери не мѣшаетъ ему убить отца, хотя онъ сознаетъ, какую пропасть эта смерть выроетъ между нимъ и Авророй. Чтобы имѣть возможность завязать интригу, авторъ прибѣгаетъ къ элементарному пріему: донъ Карлосъ является подъ именемъ Лоренца и пріобрѣтаетъ взаимность Авроры. Въ Аврору, между тѣмъ, влюбляется завистливый и коварный Фернандо, задавшійся цѣлью погубить соперника. Конечно, ему стоитъ открыть Аврорѣ, кто на самомъ дѣлѣ этотъ Лоренцо, чтобы разстроить его счастье, но онъ предпочитаетъ обратиться къ другому, нѣсколько дѣтскому пріему. Въ результатѣ Аврора узнаетъ, кто ея любовникъ, а Карлосъ, полный отчаянія, кончаетъ самоубійствомъ.

Крупные недостатки композиціи драмы искупаются превосходнымъ діалогомъ и сильными драматическими и лирическими мѣстами.

Къ романтическимъ не только по сюжету, но и по основнымъ идеямъ принадлежитъ драма «На концѣ шпаги», имѣвшая въ 1875 г. громадный успѣхъ, да и въ настоящее время любимая испанской публикой.

Оргацъ, богатый аристократъ, нѣкогда принудилъ Віоланту, жену почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ Родрига Монкада, уступить его желаніямъ. Плодомъ это вынужденной связи является юный Фернандо, котораго прочатъ въ мужья прелестной дѣвушкѣ Лаурѣ Мехіа. Соперникомъ Фернанда, ищущимъ сердца и руки Лауры, является тотъ-же Оргацъ. Между Фернандомъ и Оргацомъ должна состояться дуэль. Чтобы помѣшать такому противоестественному конфликту, Віоланта вызываетъ Оргаца на свиданіе. Неожиданнымъ появленіемъ Монкады, Фернанда и Лауры свиданіе разстраивается. Подозрѣніе падаетъ на ни въ чемъ не повинную Лауру. Оргацъ не считаетъ нужнымъ спасти отъ подозрѣній предметъ своей любви. Вѣрный пажъ овладѣваетъ запиской, заключающей тайну Віоланты, но скрываетъ ее, пока не будетъ заключенъ бракъ Лауры и Фернанда. Вслѣдствіе смерти пажа, убитаго Оргацомъ, Фернандо узнаетъ, кто долженъ выйти съ нимъ на свиданіе, вызываетъ оскорбителя на дуэль, но Віоланта, узнавъ объ этомъ, появляется между сражающимися и въ порывѣ отчаянія открываетъ сыну тайну его рожденія. Тогда Фернандо пронзаетъ себя шпагой, умоляя желавшаго послѣдовать его примѣру Родрига остаться въ живыхъ, чтобы спасти честь матери. Такимъ образомъ репутація матери стоитъ жизни сыну.

Я ограничусь этимъ бѣглымъ изложеніемъ трехъ драмъ, могущихъ служить образцами той манеры, съ какой Эчегарай подбираетъ и отдѣлываетъ романтическіе сюжеты. Эти драмы, какъ и нѣкоторыя другія, могутъ считаться историческими, такъ какъ почти всѣ выводимые тамъ персонажи относятся, по особенностямъ основного характера, къ далекому прошлому. Но не сценическими эффектами приковалъ къ себѣ вниманіе публики Эчегарай, а тѣми продуманными и прочувствованными драмами, въ которыхъ онъ ставитъ и разрѣшаетъ проблемы первостепенной важности, касается больныхъ мѣстъ современнаго общества, ратуетъ за интересы прогресса и ставитъ у позорнаго столба непростительныя слабости интеллигенціи. Обращаю вниманіе читателей на слѣдующія драмы Эчегарайя: «Великій Галеото», «Безуміе или святость?», «Борьба между двумя долгами», «Какъ начинается и какъ кончается», «Возвышенное въ низменномъ», «Веселая жизнь — печальная смерть», «Сынъ Донъ-Жуана», «Маріанна» и «Пятно, которое смывается».

«Великій Галеото» считается chef d'oeuvre'омъ Эчегарайя. Испанскіе критики не жалѣли автору самыхъ лестныхъ эпитетовъ: «второй Шекспиръ», «исключительный геній», «поэтъ будущаго» и т. п. Были и ху-

лители и даже очень рьяные. Послѣдніе называли эту драму построеніемъ сухого, математическаго ума, отрицали жизненность выводимыхъ типовъ и протестовали противъ постановки основного положенія. Очевидно, въ столь противоположныхъ отзывахъ нельзя искать истины. Но даже самое бѣглое чтеніе приведетъ васъ къ выводу, что Галеото—очень умѣло и искусно написанная драма. Кромѣ того, для всякаго читателя понятна важность и правильность основного тезиса. Не подлежитъ сомнѣнію, что «общественное мнѣніе» (т. е. общественное злословіе) нерѣдко является виновникомъ тѣхъ преступленій и проступковъ, которые оно взводитъ на извѣстныхъ лицъ, упорно преслѣдуя ихъ и какъ-бы наталкивая на эти преступленія. Эчегарай былъ вполнѣ правъ, посвящая свою драму «всему свѣту». «Всему свѣту, говоритъ драматургъ въ предисловіи къ своему 22-му изд. (1895) я посвящаю эту драму; такъ какъ доброму расположенію *всѣхъ*, а не своимъ заслугамъ, я обязанъ необыкновеннымъ успѣхомъ. Да, всѣмъ (я посвящаю): *публикѣ*, которая глубокимъ инстинктомъ и нравственнымъ чутьемъ поняла съ перваго-же момента идею моего произведенія и приняла его любовно подъ свое покровительство; *прессѣ*, которая оказалась благородной и щедрой по отношенію ко мнѣ и дала мнѣ доказательства симпатіи, которыхъ я никогда не забуду; *актерамъ*, которые дали жизнь персонажамъ моей драмы на сценѣ своимъ великимъ талантомъ и вдохновеніемъ, отмѣнной деликатностью и глубиной чувства, силой выраженія, комическими оттѣнками, достойными великихъ учителей искусства декламаціи, — всегда притомъ съ чувствомъ мѣры и глубокимъ тактомъ...»

Изъ этого предисловія видно, какое значеніе придавалъ Эчегарай своей драмѣ. И хотя, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ уровнѣ произведеній Шекспира, тѣмъ не менѣе «Великій Галеото»—одно изъ лучшихъ драматическихъ произведеній нашего времени, продуманное и прочувствованное, достойное тѣхъ похвалъ, которыя ему расточались. Познакомимся съ его содержаніемъ.

У достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ банкира Юліана есть жена Теодора, искренно любящая его, несмотря на различіе лѣтъ: Юліанъ годится ей въ отцы. У Юліана есть воспитанникъ, молодой человѣкъ, Эрнесто, благородный мечтатель «не отъ міра сего», поэтъ, склонный къ созерцательной жизни. Частыми посѣтителями дома Юліана, почти членами его семьи, являются братъ его Северо, невѣстка—Мерседесъ и племянникъ—Пепито. Это одинаково злобныя существа, не лишенныя привязанности къ Юліану, но ненавидящія какъ Теодору, такъ и Эрнеста. Послѣдній является по отношенію къ своему опекуну не только любимымъ воспитанникомъ, но и сыномъ друга, спасшаго нѣкогда Юліана отъ раззоренія. Первому акту предшествуетъ «діалогъ», по терминологіи Эчегарайя, т.-е. прологъ, знакомящій насъ съ характеромъ

Эрнеста и съ его отношеніями къ Юліану и Теодорѣ. Мы узнаемъ, что молодой мечтатель пишетъ драму, главнымъ героемъ которой будетъ такъ называемый свѣтъ, общество въ его цѣломъ. Сюжетъ заимствованъ изъ безсмертной исторіи Франчески да Римини у Данте [1]). Эрнесту недостаетъ жизненнаго опыта; къ сожалѣнію, таковой скоро окажется—въ самой горькой, ужасной формѣ.

Первый актъ начинается разговоромъ супруговъ, бесѣдующихъ объ Эрнестѣ и его судьбѣ. Мужъ обращаетъ вниманіе на довольно неопредѣленное положеніе молодого человѣка въ его домѣ, на его невольное бездѣйствіе, въ смыслѣ практической карьеры, обращающее вниманіе общества и могущее показаться обиднымъ крайне самолюбивому юношѣ. Появленіе Эрнеста доказываетъ, что предположенія Юліана правильны. Юноша заявляетъ о своемъ желаніи жить самостоятельно и позаботиться о томъ, чтобы содержать себя безъ чужой помощи. Юліанъ старается отклонить своего воспитанника отъ этого плана, указываетъ ему на обязательства, которыя онъ, Юліанъ, имѣетъ къ нему и, наконецъ, когда эти убѣжденія не дѣйствуютъ, предлагаетъ ему у себя мѣсто домашняго секретаря. Эрнесто съ радостью соглашается. Юліанъ уходитъ. Юноша горячо благодаритъ Теодору. Молодые люди дружески бесѣдуютъ. Въ это время входитъ Северо и Мерседесъ—достойная пара, злобная и подозрительная. Невинный разговоръ молодыхъ людей выростаетъ въ ихъ глазахъ въ преступленіе. Северо и его супруга начинаютъ говорить ясными намеками о предполагаемой ими связи молодыхъ людей. Понятно негодованіе Теодоры, когда она, наконецъ, догадывается, въ чемъ дѣло. Является Юліанъ и закрываетъ ротъ клеветникамъ, горячо протестуя противъ всякихъ попытокъ набросить тѣнь на его жену и воспитанника. Между тѣмъ Эрнесто, котораго тоже смутили услужливые языки, рѣшается отклонить предложеніе Юліана занять мѣсто секретаря и искать куска хлѣба на чужбинѣ. Юліанъ рѣшительно этому противится. Первый актъ кончается полнымъ примиреніемъ всѣхъ; интрига еще не успѣла пустить корней и отравить довѣрчивое сердце Юліана. Это случится лишь во *второмъ* актѣ.

Юліанъ и Северо посѣщаютъ скромную комнатку Эрнесто, свидѣтельствующую объ исключительно умственныхъ интересахъ молодого человѣка. Изъ разговора братьевъ мы узнаемъ, что подпольная работа Северо принесла плоды, и что въ душу Юліана проникла ни на чемъ не основанная ревность. Является достойный отпрыскъ Северо, Пепито, столь же низменный и ограниченный, какъ и его отецъ, и сообщаетъ, что Эрнесто долженъ драться на дуэли, такъ какъ его оскорбили повтореніемъ злой сплетни на счетъ Юліана и Теодоры. Понятно негодованіе Юліана,

---

[1]) Божеств. Ком. V п.

который считаетъ своимъ долгомъ вступиться за честь жены и занять мѣсто Эрнеста на дуэли. Онъ уходитъ, а Пепито вступаетъ въ бесѣду съ Эрнестомъ, изъ которой узнаетъ о его литературныхъ планахъ, о задуманной имъ драмѣ «Великій Галеото».

Галеото—имя посредника между Ланцелотомъ и Женеврой, любовную и трагическую исторію которыхъ читали Франческо и Паоло въ извѣстномъ эпизодѣ «Божественной Комедіи». Подобно тому, какъ Галеото содѣйствовалъ сближенію Ланцелота и Женевры—Великій Галеото, т.-е. *весь свѣтъ* по замыслу Эрнесто долженъ былъ толкнуть героевъ его драмы въ объятія другъ другу. Злобный Пепито выводитъ изъ словъ Эрнесто заключеніе, которое ему подсказываютъ клевета и подозрительность, и довольный своими открытіями уходитъ. Слуга сообщаетъ Эрнесто, что какая-то дама желаетъ его видѣть. Оказывается, что это Теодора, узнавшая о предстоящей дуэли, спѣшитъ убѣдить Эрнесто отказаться отъ нея, чтобы не подвергать опасности репутацію Юліана и ея. Вбѣгаетъ Пепито и сообщаетъ, что дуэль между Юліаномъ и клеветникомъ состоялась; Юліанъ раненъ. Является и онъ самъ въ сопровожденіи Северо. Раненаго желаютъ ввести въ спальню Эрнесто, въ которой скрылась Теодора. Молодой человѣкъ не позволяетъ открыть дверей. Но Теодора, услышавъ о случившемся, выбѣгаетъ къ мужу. Теперь подозрѣнія въ глазахъ Юліана оправдываются; онъ съ этой минуты увѣренъ въ виновности своей жены. Мы переходимъ къ *третьему* акту.

Больного Юліана всецѣло взяла подъ свое покровительство семья Северо. Ни Теодору, ни Эрнесто къ нему не допускаютъ. Между тѣмъ Эрнесто, въ порывѣ отчаянія и негодованія, вышелъ на дуэль съ противникомъ Юліана и убилъ его. Объ этомъ мы узнаемъ изъ разговора съ Пепито. Является Теодора, желающая посѣтить мужа. Ее принимаетъ Мерседесъ и, не щадя ни пошлыхъ нравоученій, ни наглыхъ обвиненій, рекомендуетъ немедленно удалить Эрнесто. Теодора, убѣжденная, что это необходимо для спокойствія Юліана, соглашается. По настоянію Мерседесъ, она сама говоритъ объ этомъ юношѣ, который въ отчаяніи видитъ въ словахъ Теодоры и обвиненіе и презрѣніе. Послѣдняя говоритъ ему нѣсколько примирительныхъ словъ. Эрнесто на колѣняхъ умоляетъ Теодору открыть ему истину. Въ этотъ моментъ входитъ Северо, усматривающій въ этой сценѣ любовное объясненіе и требуетъ немедленнаго удаленія Эрнесто. Теперь за него вступается Теодора, опирающаяся на свои хозяйскія права. Рѣзкій разговоръ Эрнесто съ Северо привлекаетъ вниманіе Юліана, который внѣ себя отъ гнѣва и ревности, подвергаетъ жену и воспитанника унизительному испытанію и, наконецъ, наноситъ ударъ Теодорѣ. Эрнесто вступается за молодую женщину. Юліанъ и Северо уходятъ. Въ послѣдней сценѣ мы узнаемъ о смерти Юліана. Северо выгоняетъ Теодору изъ дома ея мужа. Видя, что всѣ

усилія спасти любимую женщину тщетны, Эрнесто рѣшается сдѣлаться ея покровителемъ.

Вотъ заключеніе пьесы:

Э.—Пусть никто не касается этой женщины: она моя! Этого желалъ свѣтъ; я принимаю его рѣшеніе! Я унесу ее на моихъ рукахъ; пойдемъ, Теодора; ты ее выгоняешь отсюда! Мы повинуемся!

Северо.—Наконецъ, безчестный!..

Пепито.—Жалкій!

Э.—И то, и другое! Теперь вы правы... сознаюсь. Вы желали страсти? Будетъ страсть, безуміе! Вы желали любви? Будетъ безконечная любовь! Вы желали еще большаго? Я не отступлю! Вы будете измышлять—я исполню! Разсказывайте, разсказывайте. Молва эхомъ наполнитъ городъ! Но если кто-либо изъ васъ спроситъ, кто былъ безчестнымъ посредкомъ этого позора—я отвѣчу: «ты самъ, не сознавая того,—и языки клеветниковъ». Ступай, Теодора: тѣнь моей матери напечатлѣваетъ на твоемъ незапятнанномъ челѣ поцѣлуй! Прощайте! Она—моя! Придетъ день, когда меня и васъ разсудитъ небо!

Не подлежитъ сомнѣнію, что заключительныя слова Эрнеста являются и ключемъ къ цѣлой драмѣ.

«Великій Галеото»—это тотъ свѣтъ, который своими замыслами, клеветой, намеками и преслѣдованіями самъ наводитъ ни въ чемъ неповинныхъ людей на проступки и преступленія, о которыхъ они и не подумали-бы безъ помощи усердныхъ суфлеровъ. Есть область, въ которой съ репутаціей человѣка обыкновенно обращаются крайне неосторожно, даже легкомысленно. Это область отношеній, называемыхъ романтическими. Кто сколько-нибудь наблюдалъ не только провинціальную жизнь, но и жизнь столичныхъ общественныхъ кружковъ, вспомнитъ вѣроятно не мало случаевъ, когда на вашихъ глазахъ выростала мало правдоподобная исторія, отравляющая существованіе многимъ лицамъ, нерѣдко оканчивающаяся трагическими катастрофами. Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ во многихъ случаяхъ толки «свѣта» дѣйствуютъ деморализующимъ образомъ на тѣхъ, кого они касаются, и приводятъ иногда къ осуществленію того, что такъ упорно повторяла молва. Эчегарай задался цѣлью представить такого рода сюжетъ и съ свойственнымъ ему трагическимъ паѳосомъ выполнилъ свою задачу,—постараемся указать насколько вѣрно.

Всякій согласится, что убѣдить въ абсолютной правильности своего основнаго положенія извѣстный авторъ можетъ лишь тогда, когда онъ представитъ намъ такія комбинаціи, которыя сами по себѣ являются единственно возможными. Итакъ, мы будемъ считать общественное мнѣніе виновникомъ несчастій Юліана и его семьи лишь тогда, когда убѣдимся, что, независимо отъ своего личнаго характера, онъ приводится злобой среды къ извѣстному роковому исходу. Въ драмѣ

Эчегарайя этой необходимости мы не видимъ. Наоборотъ, мы во многомъ должны обвинять Юліана. Этотъ умный, здравомыслящій человѣкъ не дѣлаетъ ровно ничего, чтобы спасти жену, себя самого, воспитанника отъ бездны несчастія. Мало того: онъ толкаетъ всѣхъ въ эту бездну. Безъ борьбы,—ибо нельзя назвать борьбой элементарныя сомнѣнія въ началѣ,—отдаетъ онъ себя въ руки интриганамъ. Онъ вѣритъ клеветѣ чужихъ и не вѣритъ клятвамъ своихъ. Еслибы онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы противостоять демону ревности, возстановить жизненное равновѣсіе и, несмотря на всѣ усилія, палъ-бы въ неравной борьбѣ—наши симпатіи были-бы на его сторонѣ, онъ былъ-бы трагическій герой. Но Юліанъ и не думаетъ о чемъ-либо подобномъ. Онъ за миражи продаетъ дѣйствительность. Онъ не ищетъ правды, не смущается очевидной интригой, стремится въ бездну съ завязаными глазами. Это не юноша, а мужъ, въ зрѣломъ возрастѣ, практикъ въ жизни, имѣющій правильное представленіе о человѣческихъ отношеніяхъ. Его глубокая вѣра въ жену и воспитанника никакъ не можетъ ужиться съ внезапнымъ увлеченіемъ слѣпою ревностью. Какія-же имѣются доказательства мнимой связи его жены съ Эрнестомъ? Посѣщеніе Теодоры раннимъ утромъ квартиры юноши, чтобы спасти его-же, Юліана, честь. Мотивы посѣщенія настолько ясны, что способны развѣять подозрѣнія,—но для Юліана это рѣшительное обвиненіе. Та сцена, въ которой этотъ ревнивецъ поочередно оскорбляетъ молодыхъ людей, вызывая понятный протестъ въ одномъ изъ нихъ, игравшемъ роль зрителя,—просто безчеловѣчна. Поведеніе Юліана не есть единственно необходимое, а наоборотъ исключительное. Аффектація его настолько неестественна, что внушаетъ прямо изумленіе. Тезисъ, на мой взглядъ, остался недоказаннымъ, исключительно благодаря недостаточно правильно мотивированному характеру Юліана. Что касается до другихъ лицъ, то они безусловно хороши. Какъ Теодора, такъ и Эрнесто, какъ-бы созданы для того, чтобы подтвердить правильность основного положенія автора. Ихъ невинность настолько-же трогательна, какъ и ихъ довѣрчивость. Они дѣйствительно жертвы пересудовъ и клеветы общества и достойны сочувствія и сожалѣнія. Ихъ паденіе—единственно возможный для нихъ исходъ. Посредникомъ между молодыми людьми, связанными чистой, братской привязанностью, является «Великій Галеото»—свѣтъ, хватающійся за всякую клевету, болѣе легкомысленный, чѣмъ злой, приносящій въ угоду своему легкомыслію счастье и благосостояніе другихъ.

Мы не будемъ распространяться о выдающихся достоинствахъ драмы, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить ея сценичность. Почти всѣ роли представляютъ благодарное поприще для талантливаго артиста. Особенно хороша роль Эрнесто; вслѣдъ за ней по силѣ экспрессіи слѣдуетъ поставить роль Юліана—характеръ, хотя и не выдер-

жанный, но благодарный для актера. Пониманіе роли Теодоры, Северо, Пепито и Мерседесъ не представляетъ особенныхъ затрудненій. Неопытные актеры способны придать игрѣ оттѣнокъ слишкомъ большой исключительности — и тогда эта драма можетъ произвести слишкомъ одностороннее и не трагическое впечатлѣніе.

«Безуміе или святость»—можетъ быть поставлена во главѣ тѣхъ драмъ Эчегарайя, которыя изображаютъ борьбу долга съ чувствомъ, столкновеніе двухъ равносильныхъ обязательствъ, т.-е касаются вопросовъ первостепеннаго нравственнаго значенія. Пьеса эта извѣстна и на нашей сценѣ.

Въ виду этого мы въ немногихъ словахъ изложимъ ея содержаніе.

Лоренцо Альфенданно, богатый и независимый человѣкъ, всецѣло погруженъ въ научныя и литературныя занятія. Любимая книга его—«Донъ-Кихотъ» Сервантеса. Лоренцо очень счастливъ въ семейной жизни. Жена его, Анжела, повидимому, ему предана. Прелестная дочь, Инеса, души не чаетъ въ своемъ отцѣ, не менѣе нѣжно ее любящемъ.

Судьба дочери вполнѣ обезпечена: она любитъ очень достойнаго и знатнаго молодого герцога. Эдуарда, который только и мечтаетъ о бракѣ съ этой прекрасной дѣвушкой. Все улыбалось Лоренцу—какъ вдругъ надъ нимъ разразилась буря. Отъ своей престарѣлой няни, Хуаны, находящейся на краю могилы, Лоренцо узнаетъ, что онъ не сынъ тѣхъ, кого до сихъ поръ считалъ своими родителями; онъ сынъ Хуаны, хранившей тайну его рожденія съ удивительнымъ самопожертвованіемъ. Хуана представляетъ Лоренцу документъ—записку той, которая считалась его матерью,—и всѣ сомнѣнія должны исчезнуть. Благородный Лоренцо рѣшается не только признать передъ всѣмъ свѣтомъ Хуану матерью, но и отказаться отъ всего, что онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ мнимыхъ родителей въ пользу законныхъ наслѣдниковъ. Его рѣшеніе непоколебимо, хотя никто его не поддерживаетъ. Даже бѣдная старушка мать, видя отъ своего открытія только вредъ сыну, протестуетъ противъ его намѣренія и сжигаетъ роковой документъ, вложивъ вмѣсто него въ конвертъ листъ бѣлой бумаги. Когда Лоренцо при свидѣтеляхъ спрашиваетъ Хуану, сынъ-ли онъ ея—та упорно отказывается и умираетъ, не открывъ истины. Понятно, какую борьбу долженъ вынести Лоренцо съ своей семьей. Его эгоистичная и ограниченная жена, которой предстоитъ послѣ богатства и достатка влачить жалкое существованіе, хотя и допускаетъ возможность правдивости словъ мужа, предпочитаетъ объявить его полуумнымъ. Дочь, счастье которой невозможно безъ того громаднаго состоянія, отъ котораго онъ теперь хочетъ отказаться, готова противодѣйствовать отцу. Вся семья дружно сплотилась, чтобы побороть непонятное для нея упрямство Лоренцо; когда всѣ аргументы истощились—семейный совѣтъ рѣшилъ объявить его сума-

спедшимъ. Приглашенный психіатръ безъ труда открылъ «манію»—и участь Лоренцо была рѣшена. Когда послѣднее доказательство—документъ, запечатанный въ конвертѣ—оказалось листомъ бѣлой бумаги, несчастный и самъ усомнился въ своей нормальности. Заключительныя слова, обращенныя отцомъ къ дочери, проникнуты глубокимъ драматизмомъ.

На характерѣ Лоренцо, въ высшей степени исключительномъ, построена вся драма. Характеръ этотъ настолько-же возможенъ, насколько и безсмертный герой Сервантеса, съ которымъ сближаютъ его необыкновенная прямота и благородство. Элементовъ для драматическаго дѣйствія въ сюжетѣ Эчегарайя нѣтъ. Выводъ можетъ быть извлеченъ лишь самый печальный: абсолютно честный образъ дѣйствій немыслимъ при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ; быть честнымъ значитъ то же, что быть безумнымъ. Исполненіе намѣреній Лоренцо не могло бы принести нравственнаго удовлетворенія: обиженные все-же оказались-бы въ лицѣ названныхъ давно умершихъ родителей героя. Торжество принциповъ Лоренцо никому бы не принесло удовлетворенія. Такова средняя, заурядная мораль. Но публика должна быть признательной Эчегарайю, что въ своемъ произведеніи, отлично выполненномъ въ составныхъ частяхъ, онъ поднимаетъ зрителей на вершины нравственнаго совершенства, даетъ возможность хоть на время убѣдиться, что *честь и правда* важны сами по себѣ, а не въ примѣненіи къ извѣстнымъ утилитарнымъ цѣлямъ.

Болѣе слабой, хотя по основной идеѣ и примыкающей къ вышеизложенной, является драма «Conflicto entre los dos deberes». Мы сочувствуемъ автору въ его стремленіяхъ разрѣшить роковую дилемму, какой долгъ важнѣе: чести или благодарности. Къ выводу въ пользу перваго необходимо присоединиться, но постановка вопроса и послѣдовательность развитія тезиса оставляютъ желать весьма многаго. Влюбленный въ дочь своего благодѣтеля, Раймундъ уже близокъ къ исполненію своихъ завѣтныхъ мечтаній—браку съ прелестной Ампаресъ. Но на пути влюбленныхъ встрѣчается неожиданное и роковое препятствіе. Оказывается, что отецъ дѣвушки былъ прямымъ виновникомъ гибели одного своего друга, незаконно присвоилъ себѣ его состояніе и погрузилъ его дѣтей въ безвыходную нищету. Эти-то дѣти, теперь взрослыя, являются, чтобы получить должное, что для нихъ вполнѣ возможно, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся неопровержимыя документальныя доказательства виновности дона Іоакима (отца Ампаресъ). Эти документы передаются на сохраненіе Раймунда, который и не подозрѣваетъ, что судьба нѣсколькихъ лицъ и его собственная находится въ его власти. Дальнѣйшій ходъ дѣйствія понятенъ самъ собою. Обѣ стороны будутъ оказывать давленіе на Раймунда: если онъ передастъ документы Іоакиму—станетъ обманщикомъ; передавъ ихъ Бальтасару и Долоресъ (владѣльцы документовъ),

онъ погубитъ своего благодѣтеля и невѣсту. Слѣдуетъ рядъ сценъ, довольно однообразныхъ, хотя сильныхъ. Дилемма разрѣшается самоубійствомъ Іоакима. Ампаресъ имѣетъ основаніе считать Раймунда виновникомъ этой смерти и между молодыми людьми образуется вѣчная преграда, которой нѣтъ возможности переступить.

Драма такого писателя, какъ Эчегарай, не можетъ не отличаться выдающимися достоинствами: таковыя имѣются и въ вышеизложенной. Хороша фигура благоразумнаго дяди Раймунда, недоумѣвающаго изъ-за чего въ сущности терзается племянникъ. Хороша фигура Ампаресъ, въ которой прелесть дѣвической граціи и нѣжности помрачается полнымъ отсутствіемъ пониманія высшихъ интересовъ. Хороша и Долоресъ, невольная виновница всѣхъ осложненій, готовая сдѣлать всякія уступки, чтобы не внести въ семью несчастія. Но, какъ Раймундъ, такъ и Бальтасаръ, типы невыдержанные и даже неестественные; они все время двигаются на ходуляхъ. Само по себѣ очень рискованно поставить человѣка въ необходимость бороться съ двумя совершенно равносильными стремленіями. Для разрѣшенія этой дилеммы нѣтъ подходящаго выхода, и мы принуждены быть свидѣтелями борьбы, которая по существу является вполнѣ безплодной.

«Какъ начинается и какъ кончается»—драма, задуманная очень широко и въ этомъ отношеніи параллельная «Великому Галесто». Основная идея произведенія та, что *«логика необходимости получаетъ господство тогда, когда въ человѣческой душѣ нравственная свобода уступаетъ мѣсто страсти»*. Иллюстраціей служатъ убійство замужней женщиной мужа вмѣсто любовника, о которомъ будетъ рѣчь впереди. Разсматриваемая драма Эчегерайя одна изъ наиболѣе удачныхъ въ его репертуарѣ, и мы познакомимся нѣсколько подробнѣе съ ея содержаніемъ.

У Дона Пабло прелестная жена Магдалена и дочь Марія. Донъ Пабло страстно любитъ свою жену и твердо вѣритъ въ ея привязанность и неспособность даже на минуту забыть о своемъ долгѣ, какъ жены и матери. Судьба заставляетъ его на время уѣхать на Кубу, чтобы имѣть возможность улучшить благосостояніе семьи. Магдалена въ отчаяніи; она любитъ мужа, но питаетъ преступную страсть къ Энрику де-Торренте, извѣстному донжуану. Молодая женщина употребляетъ всѣ усилія, чтобы побороть свои чувства, она ищетъ опоры въ своемъ ребенкѣ, прелестной дѣвочкѣ, но ея усилія остаются тщетными. Донжуанъ торжествуетъ, а Магдалена съ трепетомъ ожидаетъ возвращенія Пабло, котораго она все же любитъ, любитъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ чувствуетъ себя виноватой передъ нимъ.

Возвращеніе мужа случилось раньше, чѣмъ ожидали. Первая встрѣча носитъ чрезвычайно тягостный характеръ. Благородный Пабло не понимаетъ неясныхъ признаній Магдалены и теряетъ самообладаніе, когда,

наконецъ, сомнѣнія невозможны. Онъ готовится къ дуэли со своимъ соперникомъ. Магдалена знаетъ, что послѣдній считается виртуозомъ въ искусствѣ фехтованія и увѣрена, что перевѣсъ окажется на сторонѣ ея любовника. Она унижается до просьбы пощадить мужа. Но Торренте, человѣкъ съ темпераментомъ Донъ-Жуана, находитъ, что Магдалена такъ хороша, что стоитъ убійства, и рѣшительно отказывается исполнить ея просьбу, а, наоборотъ, обѣщаетъ употребить всѣ усилія, чтобы видѣть ее вдовой. Тогда обезумѣвшая отъ горя женщина рѣшается на отчаянный шагъ: она намѣрена убить Торренте, пользуясь покровомъ ночи. Но въ означенное время, вмѣсто любовника, является мужъ; въ темнотѣ Магдалена не узнаетъ его, принимаетъ за Торренте и наноситъ смертельный ударъ. Горе несчастной женщины не знаетъ предѣловъ. Ошибка обнаруживается; вѣрный своему благородству, Пабло заявляетъ, что онъ самъ себя по неосторожности ранилъ, и умираетъ, простивъ свою жену и благославляя ее и дочь. Сцена это производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Несмотря на очевидныя доказательства виновности жены, Пабло не можетъ повѣрить до тѣхъ поръ, пока самъ не слышитъ ея признанія. Онъ считаетъ Магдалену жертвой клеветы и насилія и съ трепетомъ ожидаетъ подтвержденія этихъ словъ.

Вотъ отрывокъ этой сцены (III актъ, 8 сц.) Донъ Пабло, борясь съ противоположными чувствами—сомнѣніемъ и надеждой—умоляетъ свою жену открыть истину въ тайной надеждѣ, что эта истина будетъ для него утѣшительной. Магдалена колеблется; за сценой слышится голосъ дочери, зовущей мать; стоитъ послѣдней оправдаться въ глазахъ мужа—и судьба семьи будетъ спасена. Но Магдалена чувствуетъ, что эта ложь недостойна ея мужа, что рано или поздно роковая дѣйствительность обнаружится, тогда придется пережить еще болѣе тяжелыя минуты. Она хочетъ уйти къ дочери.

Пабло.—Не уходи. Нѣтъ!

Магдалена.—Дорогой Пабло!

П.—Я не хочу разстаться съ тобой.

М.—Этимъ я хочу наказать тебя за то, что ты во мнѣ усомнился.

П.—Я знаю хорошо, что ты не вернешься.

М.—Клянусь, что я вернусь.

П.—Скажи: я все узнаю.

М.—Ты узнаешь все... да все.

Д.—Почему же не теперь?

М.—Ты желаешь погубить меня!

П.—Развѣ такъ трудно тебѣ открыть предательство?

М.—Не знаю.

П.—Я полонъ гнѣва! Но сержусь на предателя—не на жертву!

М.—Пресвятая Дѣва! За что? За что?

П.—(Съ гнѣвомъ). Ты меня хочешь обмануть?

М.—Ты не позволяешь мнѣ искать въ объятіяхъ Маріи мужества, котораго мнѣ недостаетъ. Твое безуміе терзаетъ меня. Эти ужасныя мученія все возрастаютъ и возбуждаютъ мое больное воображеніе... Слушай... я буду говорить—обвинять себя.

П.—Говори!

М.—Я легкомысленна!

П.—Говори!

М.—Я клятвопреступница.

П.—Говори!

М.—Я говорю тебѣ, что между нами будетъ навсегда тѣнь преступной любви!

Еще сильнѣе заключительная сцена. Магдалена съ ужасомъ видитъ, что убитъ ею не любовникъ, а несчастный мужъ.

Сцена 16. На крикъ Магдалены сбѣгаются: Марія, Д. Пабло, Торренте, Д. Андресъ (опекунъ Магдалены).

Д. Пабло (къ дочери). Я объясню тебѣ... все. Несчастная случайность, мать извлекла кинжалъ изъ моей груди, которымъ я во снѣ пронзилъ себя. (Къ Магдаленѣ). Брось это роковое оружіе. Приди въ мои объятія! (Къ Маріи). Люби ее, дочь моя, очень люби. Кто замѣнитъ мать? Кто? (привлекаетъ Магдалену). Я тебя очень, очень любилъ; если твоя любовь меня погубила—я доволенъ своей участью! Прими послѣдній ударъ моего бѣднаго сердца, мою послѣднюю мысль, ласку и прощеніе... А ты, мое сокровище, моя Марія, осуши свои слезы! Я хочу видѣть лазурь твоихъ глазъ. Не отходите отъ меня! Согрѣйте мою грудь... Скоро въ гробу я буду чувствовать такой холодъ! Я желаю... чтобы мое тѣло почило на вашихъ рукахъ... желаю... унести вашъ образъ въ душѣ... Она невиновна... Утверждаю... вопреки всѣмъ... Поди... ближе... Я прощаю тебя!..»

Заключительныя слова Магдалены, указывающей на Торренте и мертваго Пабло, отзываются нѣкоторой искусственностью:

«Посмотри... какъ начинается (указываетъ на Торренте). Посмотри... какъ кончается! (указываетъ на Пабло).

Несмотря на успѣхъ этой драмы, нашлись и довольно усердные ея критики, указывающіе на натянутость основной интриги и на неправдоподобіе заключенія. Мнѣнія эти имѣли въ глазахъ Эчегарайя вѣсъ, такъ что онъ счелъ необходимымъ дать нѣкоторыя поясненія.

«Къ смерти Пабло отъ руки Магдалены привелъ меня не капризъ и не резонерство, какъ могло-бы легко показаться. Слыша критическія разсужденія однихъ, замѣчая недовѣріе другихъ и опасенія всѣхъ, я заглянулъ въ самаго себя, ища точки для защиты, и въ глубинѣ своего со-

знанія нашелъ въ смутномъ воспоминаніи какое-то уголовное дѣло, которое я читалъ много лѣтъ тому назадъ, гдѣ обсуждался вопросъ, убила ли обвиняемая жена или нѣтъ своего мужа, по ошибкѣ направивъ на на него ударъ въ то время, когда ей казалось, что она наказываетъ собственнаго любовника. Любопытно, что въ Парижѣ или Вѣнѣ произошло въ дѣйствительности то, что въ моей драмѣ кажется безуміемъ.

«Въ общемъ «Какъ начинается и какъ кончается» — произведеніе анализа, изученія, характеровъ и страстей, ничего больше».

Опровергнувъ одинъ за другимъ тѣ возраженія, которыя ему дѣлались по поводу композиціи, Эчегарай считается съ тѣми замѣчаніями, которыя дѣлались по поводу характеровъ и основной идеи. Особенно огорчали его тѣ, кто называлъ драму безнравственной; само собою разумѣется, что ему было достаточно изложить въ основныхъ чертахъ содержаніе этого произведенія, которое говоритъ само за себя, чтобы доказать, что упреки въ безнравственномъ сюжетѣ не могутъ выдержать ни малѣйшей критики.

Много сходства по сюжету и основной мысли съ вышеизложенной представляетъ драма «Возвышенное въ низменномъ» — весьма удачное произведеніе. *Идеальный* реалистъ противополагается *реальному* идеалисту, если мы условимся въ этихъ опредѣленіяхъ видѣть съ одной стороны отсутствіе грубаго утилитаризма и высокое благородство, подъ неказистой и не гоняющеюся за фразой оболочкой, съ другой-же стороны—низменныя стремленія, прикрываемыя громкой фразой. Подъ первую категорію вполнѣ подходитъ Бернардо, благородный и искренній человѣкъ, неуклюжій въ словахъ и дѣлахъ, страстно любящій свою жену и ею обманываемый; ко второй категоріи—Рикардо, произносящій восторженныя рѣчи, протестующій противъ реализма въ поэзіи и вмѣстѣ съ этимъ обдѣлывающій свои грязныя дѣла. Онъ находится въ связи съ женой Бернардо—Инесой, а жену свою успокаиваетъ аргументами весьма подозрительнаго качества: любовь одна—увлеченій тысячи; они дозволены мужчинѣ; въ нихъ, какъ въ огнѣ, его искреннее и истинное чувство пріобрѣтаетъ еще высшую цѣну. Понятно достоинство такихъ аргументовъ, прикрывающихъ низкій обманъ. Они далеко не убѣдительны въ глазахъ прелестной жены Рикардо Луизы, которая съ ужасомъ узнаетъ, какъ нагло обманываетъ ее мужъ. Въ свою очередь и Бернардо открываетъ продѣлки жены и друга. Онъ понимаетъ, что значило то презрѣніе, которое ему оказывали. Мягкій и кроткій человѣкъ, подъ вліяніемъ аффекта, становится послѣдовательнымъ въ своей неумолимой мести. Онъ во что бы то ни стало хочетъ драться съ Рикардо но, щадя свою жену и Луизу, предлагаетъ слѣдующее условіе: если Рикардо будетъ убитъ—весь свѣтъ узнаетъ истину; если-же, наоборотъ, Бернардо погибнетъ, то честь Инесы и Луизы будетъ спасена: въ такомъ смыслѣ

составлена записка на случай смерти. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это благородное рѣшеніе на соперника и жену мужественнаго и прямого Бернардо. Въ поединкѣ Рикардо раненъ. Обезумѣвшей отъ горя Луизѣ Бернардо, у котораго на рукахъ Инеса, потерявшая сознаніе, говоритъ:

«У насъ одинаковый долгъ:
Вы приведите къ жизни Рикардо,—
Я постараюсь оживить эту женщину
. . . .
Увидимъ, кто окажется сильнѣе:
Тотъ-ли, кто пожелалъ дать ей смерть,
Или тотъ, кто желаетъ дать ей жизнь!»

Такимъ образомъ въ благородной душѣ Бернардо возникаетъ твердое рѣшеніе подать своей женѣ въ тяжелую минуту руку друга и покровителя и любовно забыть объ ея легкомысленномъ поступкѣ.

Тенденція пьесы не нуждается въ комментаріяхъ. Что-же касается до характеровъ, то намъ кажется весьма удачнымъ сопоставленіе простого и благороднаго человѣка съ не въ мѣру болтливымъ краснобаемъ—эгоистомъ. Нравственное торжество—на сторонѣ перваго, и нельзя не считать въ дѣйствительности вполнѣ возможнымъ поступокъ Бернардо. Но и въ характерѣ Рикардо авторъ съумѣлъ соблюсти надлежащую мѣру, придавъ ему черты рыцарства и заставивъ его въ концѣ концовъ хотя отчасти понять всю гнусность своихъ поступковъ и тлетворныхъ разсужденій. Хотя на типахъ драмы лежитъ характеръ спеціально испанскаго колорита, постановка ея на нашихъ сценахъ была-бы весьма умѣстна.

«Веселая жизнь—печальная смерть» и «Сынъ Донъ-Жуана»—тѣсно связанныя между собой произведенія. Глядя на распутную жизнь нѣкоторыхъ слоевъ современнаго старшаго поколѣнія и на роковыя послѣдствія этой жизни для младшаго, Эчегарай рѣшилъ показать по возможности наглядно трагическія осложненія, возникающія на фонѣ увлеченій молодости. Эти драмы могутъ быть названы реальными по преимуществу. Передаю въ самыхъ общихъ чертахъ ихъ содержаніе.

«Веселая жизнь—печальная смерть» изображаетъ разгульную жизнь умнаго, недурного и способнаго отзываться на искреннее чувство и даже любить человѣка. Рикардо окруженъ друзьями сомнительнаго качества, кутящими на его счетъ и лишенными всякихъ благородныхъ инстинктовъ. У Рикардо есть глубокая привязанность—красивая и добрая дѣвушка, чувствами которой онъ бравируетъ, несмотря на то, что и самъ, стѣсняясь въ этомъ сознаться, ее любитъ. Онъ оскорбляетъ Долоресъ, покидаетъ ее, чтобы снова встрѣтиться съ нею на краю могилы, куда безвременно толкнула его разгульная жизнь. Мы, пропустивъ рядъ эпизодовъ, подойдемъ къ тому моменту, когда Рикардо, обезсиленный недугами,

оставленный друзьями, медленно таетъ, подвергаясь грубой эксплоатаціи слугъ и Альвара, сына одного изъ его прежнихъ товарищей, столь-же безсовѣстнаго и испорченнаго, какъ и его отецъ. Рикардо сознаетъ всю свою преступность по отношенію къ Долоресъ. Онъ узнаетъ, что у этой достойной женщины, покинутой въ нищетѣ, есть ребенокъ—теперь уже взрослая дѣвушка-красавица, отъ души полюбившая недостойнаго Альвара. Рикардо знаетъ цѣну обманчивымъ обѣщаніямъ этого молодца и, послѣ цѣлаго ряда попытокъ спасти дѣвушку (свою дочь) отъ неминуемой гибели, въ заключительной сценѣ, собравъ остатокъ старческихъ силъ, умерщвляетъ молодого ловеласа. Такимъ образомъ, Рикардо слишкомъ поздно былъ вынужденъ познать всю пустоту и преступность своей жизни—на представителѣ младшаго, еще болѣе испорченнаго поколѣнія, и убѣдился, что жизнь прожита безъ пользы для общества и во вредъ себѣ самому и дорогимъ людямъ.

Почти то же, хотя и въ другой постановкѣ, проповѣдуетъ Эчегарай въ другой своей драмѣ: «Сынъ Донъ-Жуана» [1]). Авторъ желаетъ указать на пагубныя послѣдствія бурной молодости, отражающіяся на потомствѣ и обусловливающія чрезмѣрную нервность, психическія осложненія и даже сумасшествіе. Способный и даже талантливый, но лишенный всякой нравственной энергіи, Лицаро является невольной жертвой образа жизни отца—закоренѣлаго кутилы и мота, неисправимаго въ своихъ низменныхъ вкусахъ, жалкаго притворщика и обманщика, всю жизнь играющаго комедію передъ достойной во всѣхъ отношеніяхъ женой. Излишняя впечатлительность Лицаро, принимаемая сначала за поэтическое вдохновеніе, мало-по-малу ведетъ его къ извѣстнаго рода умопомѣшательству. Не спасаетъ Лицаро ни любовь прелестной Карменъ, ни привязанность матери, ни искусство врача; онъ гибнетъ, дѣлаясь жертвой страшнаго недуга. Всѣ сцены написаны необыкновенно яркими, полными жизненности красками. Характеры отдѣланы мастерски. Драматическій элементъ очень силенъ, хотя представленъ въ очень оригинальной, слишкомъ реальной комбинаціи. Безъ сомнѣнія, драма имѣетъ и публицистическое значеніе, что имѣлъ въ виду и авторъ ея. Онъ, почерпая вдохновеніе у Ибсена, считаетъ идею своей драмы вполнѣ ясной. «Во всѣхъ сценахъ моего произведенія, во всѣхъ его персонажахъ, почти во всѣхъ его фразахъ—она (идея) выяснена».

Не будемъ-же и мы комментировать намѣреній автора, которыя сами по себѣ честны и благородны и преслѣдуютъ очень здравыя цѣли.

Сообразно съ планомъ этой статьи, мнѣ остается познакомить читателя съ такими произведеніями Эгегарайя, успѣхъ которыхъ, независимо

---

[1]) Форма «Донъ-Жуанъ», хотя и неправильная, но общеупотребительная, потому я и оставляю ее; по-испански слѣдуетъ читать «Донъ-Хуанъ».

отъ глубины и нравственной состоятельности тенденціи, зиждется главнымъ образомъ на характерѣ героини пьесы. Таковы по преимуществу; *Маріанна* и «Пятно, которое смывается». Къ содержанію ихъ мы обратимся.

Красивая и богатая вдова Маріанна отвергаетъ искательства своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, не щадя ни ихъ самолюбія, ни ихъ чувства и зло насмѣхаясь надъ ними. Наиболѣе устойчивыми оказываются молодой Даніэль и старый генералъ Пабло. Красавица, не отдавая себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, любитъ перваго и держитъ въ резервѣ второго. Ея неумѣренныя, жестокія выходки въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ для Даніэля моментовъ заставляютъ почтеннаго покровителя Маріанны, Іоахима, представить ей ультиматумъ: или выйти за Даніэля или прекратить издѣвательства надъ ними. Разговоръ этотъ приводитъ къ чистосердечному разсказу Маріанны о ея дѣтствѣ. У нея была нѣжно любимая ею и нѣжно любящая мать. Эта прекрасная и добрая женщина увлеклась эгоистичнымъ Донъ-Жуаномъ, странствовала съ нимъ по Европѣ и была покинута имъ во время тяжелой болѣзни. Маріанна видѣла страданія матери; недовѣріе и озлобленіе къ человѣчеству, особенно къ мужчинамъ, легли неизгладимымъ пятномъ на ея душу; ея любящее и впечатлительное сердце боится ударовъ и разочарованій. Но искреннее чувство Даніэля заставляетъ, наконецъ, Маріанну высказать ему свою взаимность. Счастіе молодыхъ людей близко къ осуществленію,—какъ вдругъ случайное обстоятельство раскрываетъ Маріаннѣ бездну, находящуюся между нею и Даніэлемъ. Въ домѣ археолога Кастуло Маріанна узнаетъ, что отецъ Даніэля—бывшій любовникъ ея матери. Въ душѣ молодой женщины созрѣваетъ въ этотъ моментъ рѣшеніе поставить между собою и Даніэлемъ преграду, которой они оба не были-бы въ состояніи перейти—и она соглашется выйти за Пабло. Между оскорбленнымъ Даніэлемъ и генераломъ происходитъ дуэль, отсрочившая на нѣкоторое время свадьбу. Тѣмъ не менѣе, Маріанна дѣлается женой Пабло, и мы видимъ новобрачныхъ въ ея дворцѣ. Молодая женщина избѣгаетъ всякихъ объясненій съ мужемъ и беретъ съ него клятвенное обѣщаніе оказать ей поддержку въ минуту слабости, если-бы даже это стоило жизни. Генералъ оставляетъ жену и удаляется къ себѣ, Маріанна предается мечтамъ о потерянномъ раѣ,—какъ вдругъ на сценѣ появляется Даніэль. Влюбленные объясняются; Даніэль настаиваетъ на необходимости бѣжать. Маріанна готова уступить,—но вотъ что-то напомнило ей въ Даніэлѣ его отца—убійцу матери; она зоветъ мужа; Пабло является и, вѣрный своему слову, убиваетъ Маріанну. Само собой разумѣется, что онъ будетъ драться и съ Даніэлемъ.

Таково содержаніе «Маріанны». Основная мысль та-же, что и въ «Сынѣ Донъ-Жуана»: мы отвѣчаемъ за свои поступки не только сами, но и въ лицѣ своихъ дѣтей. Только здѣсь эта отвѣтственность касается

исключительно нравственной области. Центръ тяжести въ основной роли героини. Роль Маріанны, женщины съ характеромъ очень сложнымъ, принадлежитъ къ числу такихъ, которыя *создаются* талантливыми исполнительницами. Маріанна—нервная, экспансивная натура, выросшая въ ненормальныхъ семейныхъ условіяхъ. Она почувствовала всю горечь разочарованія тогда, когда другіе смотрятъ на окружающее съ довѣрчивой улыбкой. Много ума, дѣтской шаловливости, грусти зрѣлой женщины въ этой натурѣ. Она тяжело ранена дважды—въ послѣдній разъ смертельно.

Не менѣе удачный женскій характеръ мы находимъ въ героинѣ драмы: «Пятно, которое смывается»—Матильдѣ.

Здѣсь тѣ-же ненормальныя семейныя условія, исключительность и односторонность характера, выработавшаяся подъ ихъ вліяніемъ. Матильда энергичнѣе, прямѣе и сильнѣе Маріанны. Она любитъ и ненавидитъ одинаково сильно. Отъ своей матери, отвергнутой семьей простолюдинки, она унаслѣдовала нѣкоторую угловатость пріемовъ и непосредственность. Не имѣя возможности опровергнуть обвиненій, которыя лишили ее чести, любимаго человѣка, толкнули его въ объятія дѣйствительно виноватой хитрой ханжи,—она ударомъ кинжала разрѣзаетъ гордіевъ узелъ. Правда всплываетъ—Матильда смыла кровью пятно, которое легло на ея репутацію и честь любимаго человѣка.

Какъ и всѣ драмы Эчегарайя, такъ и эта весьма сценична. Но къ галлереѣ типовъ нашего драматурга «Пятно, которое смывается» не прибавляетъ новыхъ элементовъ. Успѣхъ драмы всецѣло зависитъ отъ искусства исполнительницы главной роли.

Вотъ почти все, что я считалъ возможнымъ сообщить объ Эчегарайѣ. Я выбралъ нѣсколько наиболѣе типичныхъ его произведеній, подраздѣливъ ихъ, сообразно внутреннему содержанію, на нѣсколько отдѣловъ.

Много очень хорошихъ произведеній не было затронуто мною. Такъ, очень видное мѣсто занимаетъ прекрасная психологическая драма «То, чего нельзя сказать». Характеры безъ вины виноватой матери, обязанной хранить свою тайну, и скептика-сына, все анализирующаго и разрушающаго безпощадной критикой, безжалостно касающагося самыхъ больныхъ мѣстъ, растравляющаго старыя раны—выдержаны превосходно и, вмѣстѣ съ другими лицами, даютъ намъ яркую картину несчастной семьи, принужденной, въ виду прошлаго, жить въ страшномъ разладѣ.

Я думаю, знакомство съ выдающимися произведеніями Эчегарайя достаточно уяснило намъ особенности его дарованія. Это мыслитель и наблюдатель, умъ, исходящій изъ общихъ положеній, уживающійся съ фантазіей настоящаго художника. Отсюда и сила и слабость автора. Ему приходится иногда подгонять подъ основныя положенія живыя произведенія своего воображенія. Въ угоду тенденціи иногда дается невѣрное

направленіе дѣйствительности. По сюжетамъ, колориту и фактическому содержанію, драмы Эчегарайя являются вполнѣ національными. До общечеловѣческаго онъ не возвышается. Ему мѣшаетъ многое, между прочимъ крайности темперамента. Можно повторить за однимъ изъ критиковъ: «Не ходитъ—и не умѣетъ ходить; или бѣжитъ, или летитъ, или падаетъ».

Какъ бы то ни было, въ настоящее время Эчегарай одинъ изъ самыхъ сильныхъ драматическихъ талантовъ, одинъ изъ самыхъ благородныхъ людей, искренно любящихъ меньшую братью.

У Эчегарайя есть цѣлый рядъ послѣдователей. О наиболѣе талантливыхъ мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

Л. Шепелевичъ.

Послѣднія полярныя путешествія.

1896.

Русскимъ читателямъ, по крайней мѣрѣ, огромному ихъ большинству, едва-ли извѣстно, что на пресловутомъ Грумантѣ, т. е. на Шпицбергенѣ, есть гостинница для пріѣзжающихъ, открытая въ теченіи 6 — 7 недѣль, въ іюлѣ и августѣ, и что сношенія этого полярнаго оазиса съ европейскимъ материкомъ, именно съ Норвегіею, поддерживаются еженедѣльными пароходными рейсами. Кому-бы, кажется, дѣлать прогулки подъ 80-й градусъ широты, гдѣ природа не особенно щедра даже на продовольствіе, за исключеніемъ развѣ бѣломедвѣжьяго мяса и кое-какой рыбы? Однако, вотъ находятся люди, которые изъ подобныхъ прогулокъ сдѣлали «спортъ», едва-ли даже не практикуемый новобрачными парочками. А про полярныхъ эксцентриковъ изъ Скандинавіи, Великобританіи и Сѣверной Америки нечего и говорить: они на Шпицбергенъ прогуливаются иногда на собственныхъ пароходахъ. Американецъ Пири (Peary) плаваетъ по морямъ, сосѣднимъ Шпицбергену и даже сѣвернѣе его, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, точно въ подрывъ Нансену, который будто-бы «шуму надѣлалъ, а моря не зажегъ», какъ синица изъ басни, т. е. полюса не достигнулъ, несмотря на формальныя обѣщанія.

Въ прошломъ 1896 году полярныя страны, т. е. земли, лежащія за 66° 30′ широты, были посѣщены нѣсколькими экспедиціями, отчасти стремившимися такъ или иначе проложить дорогу къ полюсу, отчасти изучившими приполярныя земли и ихъ производительность. Начнемъ знакомство съ ними съ юга, т. е. съ болѣе близкихъ, хотя отнюдь не всегда болѣе доступныхъ земель. Южная часть Гренландіи даже, говоря математически,—страна неполярная, потому что оконечность ея, м. Фаревalь, лежитъ подъ 59° 49′ широты, но кто-же задумается надъ причисленіемъ всего гренландскаго материка и окружающихъ его морей

къ самымъ полярнымъ? Что нужды, что Фаревель южнѣе Петербурга, когда около него плаваютъ полярные льды! Въ прошломъ, 1896 году берега Гренландіи были посѣщены американцемъ Пири не въ первый, а въ пятый разъ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ. Онъ искалъ знаменитые куски самороднаго, вѣрнѣе аэролитнаго, желѣза, на которые еще въ 1818 году указалъ мореплаватель Россъ, въ окресностяхъ мыса Іорхъ (77° ш.), и нашелъ ихъ, да вывезти въ Америку, для музеевъ, не могъ, потому что не имѣлъ нужныхъ машинъ для подъема и погрузки на корабли. Для науки плаваніе Пири не пропало, однако, даромъ: онъ доказалъ, что въ 1896 году льды сѣвернаго океана, вошедшіе, по обыкновенію вокругъ м. Фареваля, въ Дэвисовъ проливъ, распространялись сѣвернѣе обычнаго предѣла на цѣлые три градуса широты, именно до 69° вмѣсто 66°. Причиною этому были южные вѣтры, все время дувшіе вдоль западныхъ береговъ Гренландіи, которые и были закрыты для мореплаванія нанесенною массою льда.

Переходя съ Гренландіи на Исландію, которая тоже не совсѣмъ арктическая земля, потому что полярный кругъ идетъ лишь у сѣверныхъ ея береговъ, мы можемъ остановиться на цѣломъ рядѣ экспедицій, бывшихъ на ней въ 1896 году и имѣвшихъ научныя цѣли. Здѣсь, гдѣ имѣются хотя рѣдкіе европейскія поселенія, дѣятельность ученыхъ путешественниковъ нерѣдко удивляетъ если не объемомъ изслѣдованныхъ земель (вся-то Исландія меньше Новгородской губерніи), то продолжительностью ученыхъ работъ. Г. Тородсенъ, напримѣръ, трудится уже пятнадцать лѣтъ надъ геологіей острова, столь извѣстнаго разными вулканическими явленіями. Въ 1896 году онъ работалъ у сѣверныхъ береговъ Исландіи, т. е. именно въ полярныхъ частяхъ ея. Здѣсь исходною точкою его былъ городокъ Акурейри, съ 500 душъ населенія. Извѣстно, что сѣверъ Исландіи изрѣзанъ длинными бухтами или фьордами, какъ Норвегія: Тородсенъ изучилъ особенно одну изъ этихъ бухтъ и служащую ей материковымъ продолженіемъ долину Фніоскадаль. Эта долина нѣкогда, во время ледниковаго геологическаго періода, была длиннымъ и глубокимъ озеромъ, которое постепенно уменьшилось въ объемѣ, оставляя по берегамъ террасы наносныхъ камней или валуновъ, пока не обсохла совсѣмъ. Длину ея, отъ сѣвера къ югу, Тородсенъ нашелъ вдвое бо́льшею, чѣмъ показывали карты, и теперь можно приблизительно судить, сколько нужно было времени для наполненія твердой землею бывшаго водяного бассейна.

Во второй половинѣ лѣта 1896 года Тородсенъ, покончивъ съ изслѣдованіями на сѣверной сторонѣ Исландіи, повернулъ на югъ и занялся изученіемъ большого центральнаго массива Гофсъ-Іокуля, который мѣстами покрытъ льдомъ и съ боковъ котораго стремятся шумные черные ручьи. Здѣсь природа пустынна: населенія нѣтъ, скалы совсѣмъ голыя,

и только въ трехъ мѣстахъ датскій путешественникъ нашелъ пастбища для своихъ вьючныхъ животныхъ. Обнаженная почва слагается то изъ лавъ и базальтовъ, то изъ крупнаго песка. Въ двухъ мѣстахъ изъ растаявшаго льда образовались двѣ большія лужи или озера; такая-же вода изъ тающаго льда и снѣга образуется на Гофсъ-Іокулѣ источника Тьорсаа, главной рѣки Исландіи, текущей на юго-западъ страны и впадающей въ море у западнаго извѣстнаго вулкана Геклы (1553 м.=5093 ф.). Низовья Тьорсаа орошаютъ равнину, самую большую въ Исландіи, но мало привѣтливую.

Другой датчанинъ, на этотъ разъ не геологъ, а гидрографъ, Гарди, изслѣдовалъ въ 1896 году сѣверо-западные берега Исландіи, ближайшіе къ Гренландіи, изученіемъ водъ которой этотъ путешественникъ уже составилъ себѣ имя. Здѣсь особаго вниманія заслуживаетъ открытіе, въ глубинѣ залива Бредефьорда, судоходнаго канала, въ 5 метровъ глубиною, близь устья котораго морской приливъ имѣетъ иногда скорость 8 и даже 12 миль въ часъ, почти какъ въ знаменитомъ норвежскомъ Мальмстрёмѣ, гдѣ плаваніе судовъ крайне опасно, даже невозможно. Парусныя суда, поэтому, не рѣшаются проникать въ восточную часть фіорда. Между тѣмъ, тутъ находится интереснѣйшая въ топографическомъ отношеніи часть Исландіи, узкій перешеекъ, который соединяетъ съ нею полуостровъ Гламъ-Іокуль, съ вершиною того-же имени, высотою въ 890 м.=2,900 ф. Весь этотъ полуостровъ образуетъ каменный столбъ, который противолежитъ Гренландіи и о который съ шумомъ разбиваются льды, приходящіе съ сѣверо-востока и направляющіеся Датскимъ проливомъ въ Атлантическій океанъ.

Гарди и Тородсенъ суть два изслѣдователя по физической географіи Исландіи; къ нимъ слѣдуетъ присоединить Бруна, археолога, несмотря на военный мундиръ. Данія, какъ видимъ, богата людьми съ широкимъ спеціальнымъ образованіемъ. Брунъ въ 1896 году изучилъ «скандинавскую Помпею», т. е. развалины датскаго-же города, въ XIV столѣтіи покрытаго вулканическимъ пепломъ. Этотъ городокъ имѣлъ всего пятнадцать домовъ; но они хорошо сохранились до нашего времени и были открыты лишь два года назадъ Эрлингсономъ. Очень любопытно, что архитектура средневѣковыхъ норманнскихъ домовъ на Исландіи совершенно напоминаетъ архитектуру домовъ теперешнихъ: видно, что климатическія и другія естественныя условія человѣческой жизни измѣнились мало, хотя Исландія перестала родить хлѣбъ. Однако, не слѣдуетъ терять изъ виду, что прежнія фермы были обширнѣе нынѣшнихъ и содержали больше скота. Въ развалинахъ Скандинавской Помпеи находятъ сараи, способные вмѣщать 30 коровъ; теперь было-бы безполезно строить такіе, за малымъ объемомъ и скудною производительностью пастбищъ; и пять коровъ уже много.—Брунъ, дѣлавшій не мало раскопокъ, заклю-

чаетъ, что со времени перваго прибытія на Исландію норманновъ, въ X вѣкѣ, производительная почва много уступила ледникамъ.

Датчане — хозяева въ Гренландіи и Исландіи; имъ, какъ видно изъ сказаннаго, по большей части, и книги въ руки... книги, по справедливости, не лишенныя интереса, если мы вспомнимъ, что все изложенное относится къ одному 1896 году. Но сѣверо-полярныя страны выходятъ далеко за предѣлы датскихъ земель и морей; тутъ есть и англійскія владѣнія, не говоря про норвежскія, русскія и ничьи... Однако, датскіе ученые и здѣсь идутъ впереди всѣхъ, не пускаясь, впрочемъ, въ дальне-полярныя мѣстности. Въ 1896 году надобно отмѣтить обширныя гидрографическія работы датскаго корабля «Ингольфа», который въ одномъ сосѣдствѣ Исландіи сдѣлалъ 122 промѣра большихъ глубинъ и отыскалъ подводный хребетъ, который связываетъ Исландію съ Фёрёрскими островами. На этомъ хребтѣ, подъ 57° шир., найдена, напримѣръ, глубина въ 1,297 метровъ, тогда какъ къ югу и сѣверу отъ него имѣются глубины въ 2,400 и 2,800 метровъ, что даетъ для высоты кряжа около 1,400 м.=4,400 ф. Наблюдатели на «Ингольфѣ», Вандель и Кнудсенъ обѣщаютъ скоро издать многочисленные результаты ихъ трудовъ. То-же слѣдуетъ сказать о работахъ датчанъ Бёргесена и Іенсена надъ изученіемъ водорослей и мховъ острововъ Фёрёрскихъ. На этихъ островахъ ими найдено, что моховая шапка прикрываетъ ихъ вершины, начиная съ высоты 300 метровъ; другія-же растенія встрѣчаются лишь ниже этого предѣла.

Островъ Жанъ-Майенъ, лежащій на пути изъ Исландіи въ Шпицбергенъ, не былъ предметомъ научныхъ изысканій въ 1896 году; за то самый Шпицбергенъ привлекъ немало посѣтителей, какъ ученыхъ, такъ и спортсменовъ. Выше уже упомянуто, что теперь на немъ есть гостинница для пріѣзжающихъ: она расположена у бухточки Адвентъ-бай, въ большомъ заливѣ Айсъ-фіордѣ, и содержится норвежцами. Говорятъ, что по совѣту Норденшильда, который въ молодости занимался геодезическими работами на Шпицбергенѣ, тамъ будетъ основанъ санаторій для чахоточныхъ, какъ въ Давосѣ, въ швейцарскихъ горахъ, «ради воздуха безъ микробовъ».—Гостинница въ Адвентъ-баѣ была очень полезна въ 1896 г. для двухъ научныхъ экспедицій. Во-первыхъ, изъ нея началъ свои изысканія внутри острова извѣстный альпинистъ, точнѣе гималаецъ, Конуэй, который пересѣкъ Шпицбергенъ между Міэнъ-баемъ и Сассанбаемъ, причемъ спутникъ его Грегори собралъ много геологическихъ данныхъ. Въ то-же время другой Конуэй и Триворъ-Бэтти изучили мѣстности сосѣднія Диксонбаю, гдѣ замѣтили, что, вопреки общему для острова правилу, мѣстный ледникъ укорачивается, отступаетъ. Въ концѣ іюля оба Конуэя и ихъ спутники сѣли на корабль и отплыли на извѣстную группу Семи-Островов, а потомъ и еще далѣе къ востоку, на

землю Короля-Карла, лежащую въ сторонѣ Новой-Земли и земель Франца-Іосифа. Ихъ намѣреніе было обогнуть Шпицбергенъ съ сѣверо-востока; но это не удалось по причинѣ изобилія льдовъ. Они возвратились на западное прибрежье Шпицбергенской островной группы, и тутъ гг. Гарнвудъ и Бэтти измѣрили высшую въ странѣ гору, Горнъ-суидъ-Тайндъ=1520 м.=4.985 ф.

Другая большая экспедиція 1896 г. на Шпицбергенъ была совершена Гееромъ, шведскимъ ученымъ, бывавшимъ въ странѣ еще въ 1882 году. Онъ сдѣлалъ съемки и промѣры Айсъ-фіорда и составилъ его карту въ размѣрѣ $^1/_{1000000}$, то-есть въ масштабѣ большой топографической карты Германіи. Успѣхъ важный; но Гееръ не только практикъ, а и теоретикъ. По поводу изученія Айсъ-фіорда онъ создалъ общую теорію формированія этого рода заливовъ, которые будто-бы образовались отъ проваловъ, отъ опусканія дна моря въ данной мѣстности, по направленію перпендикулярному къ линіи морского берега. Съ этимъ пока согласиться нельзя.—Зато Гееръ сдѣлалъ любопытныя наблюденія надъ движеніемъ шпицбергенскихъ ледниковъ. Одинъ изъ нихъ—Сефстрёмъ, удлинился съ 1882 г. на четыре версты и покрылъ островъ, находившійся въ заливѣ Экманъ-бай, что совсѣмъ противорѣчитъ выше цитированнымъ наблюденіемъ въ Диксонбаѣ.

Наконецъ, на Шпицбергенѣ-же и въ 1896 году готовилась еще одна экспедиція, и самая любопытная: полетъ на аэростатѣ къ полюсу шведовъ Андре, Стриндберга и Этхольма; но эта воздушная экспедиція, какъ извѣстно, не состоялась. Аэростатъ, рабочіе при немъ и сами путешественники были уже готовы; но вѣтеръ, съ половины іюля до половины августа, дулъ съ сѣвера, и Андрэ отложилъ поѣздку до настоящаго 1897 года. Можно и даже должно желать ему успѣха; но онъ сомнителенъ: аэростаты не научились еще летать по желаемымъ направленіямъ.

За Шпицбергеномъ, на 18° долготы къ востоку и даже къ сѣверо-востоку, лежитъ группа островов Франца-Іосифа, открытіе которой въ 1871—74 годахъ прославило австрійскихъ мореходцевъ Пайера и Вейпрёкта и которая въ 1896 году была посѣщена и переизслѣдована англійскою экспедиціею Хармсворса-Жаксона. Обширный и снабженный хорошею картою отчетъ объ этомъ предпріятіи занимаетъ не мало мѣста въ декабрьской книжкѣ «Географическаго Журнала», издаваемаго Лондонскимъ Географическимъ Обществомъ. Надо замѣтить, что экспедиція продолжалась три года, 1894—96, и что въ послѣднее время своего пребыванія въ окрестностяхъ земли Франца-Іосифа она спасла отъ смерти Нансена, оставившаго свой корабль и съ отчаянной смѣлостью пустившагося пѣшкомъ по морскому льду, причемъ ему удалось достигнуть 86°15 с. ш. Если-бы судно Жаксона «Vinqvard» не двигалось, въ видахъ открытій, на сѣверо-востокъ отъ земли Франца-Іосифа,

оно никогда не встрѣтило-бы знаменитаго норвежскаго путешественника и его спутника Андерсена, которые, конечно, погибли-бы, если не отъ проваловъ во льду, то отъ борьбы съ бѣлыми медвѣдями и моржами, которую имъ уже пришлось испытать.

Хармворсъ, богатый судовладѣлецъ, и Жаксонъ, начальникъ снаряженной имъ экспедиціи, имѣли рѣдкое въ наше время счастье найти новыя, дотолѣ неизвѣстныя земли, правда, принадлежащія все къ той-же группѣ Франца-Іосифа, но дотолѣ невѣдомыя. На этомъ полярномъ архипелагѣ, лежащемъ сѣвернѣе большей части Гренландіи, замѣтили они, что мѣстные ледники не отдѣляютъ отъ себя такихъ массъ льда, какъ гренландскіе, извѣстные подъ именемъ айсберговъ. Что причиною этому: проникновеніе въ эту часть Сѣвернаго океана атлантическаго Гольфстрема или сравнительная мелкость острововъ, на которыхъ находятся ледники? — Это еще требуетъ объясненія. Если-бы у насъ, на самомъ сѣверѣ Новой Земли, была мореходная станція для китолововъ, то мы могли-бы съ вѣроятностью большого успѣха заняться рѣшеніемъ этого вопроса, интереснаго для земной физики: вѣдь отъ Новой Земли до группы острововъ Франца-Іосифа всего 400 верстъ по морю открытому... правда въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нѣтъ нагроможденій плавучаго льда.

Ботаникъ экспедиціи Жаксона, Хари-Фишеръ, вопреки всякимъ ожиданіямъ натуралистовъ, сдѣлалъ немаловажныя научныя пріобрѣтенія: послѣ двухлѣтняго его пребыванія на землѣ Франца-Іосифа, флора ея слишкомъ удвоилась по числу описанныхъ видовъ! Правда, она и теперь слагается всего изъ 27 породъ растеній, но до того имѣла не болѣе 12-ти... Мы можемъ утѣшиться сравнительными разнообразіемъ и богатствомъ новоземельской, т.-е. русской растительности, которая считаетъ нѣсколько десятковъ растительныхъ формъ.—Не слѣдуетъ забывать, что въ 1896 году и эта полезная земля была предметомъ научныхъ изысканій именно нашихъ русскихъ ученыхъ, привлеченныхъ туда наблюденіемъ солнечнаго затменія 9 августа и поработавшихъ не по одной астрономіи. Будемъ ждать обнародованія выводовъ изъ этихъ научныхъ трудовъ.

М. Венюковъ.

Парижъ, январь 1897 г.

Незванный пришлецъ.

I.

Стукъ, стукъ, стукъ!..

— Здѣсь живетъ казенная бабка?

— Здѣсь. А что вамъ надо?

— Отворите, пожалуйста: дѣло одно есть.

— Отъ кого вы?

— Да отоприте сперва, потомъ скажу, — почти шопотомъ проговорилъ женскій голосъ.

Заспанная дѣвушка лѣтъ семнадцати, со свѣчей въ рукахъ, отперла дверь и впустила въ маленькую переднюю высокую старуху въ шубѣ, повязанную большимъ, теплымъ платкомъ и со всѣхъ сторонъ облѣпленную снѣгомъ. Вошедшая остановилась у порога и нетерпѣливо заглядывала то въ кухню, налѣво, то въ слѣдующую комнату, направо. Оттуда вскорѣ вышла небольшого роста женщина, лѣтъ двадцати-пяти, въ ночной кофточкѣ, съ растрепанными черными волосами, связанными сзади лентой въ одинъ толстый жгутъ, и, жмуря глаза отъ свѣта, глядя изподлобья на вошедшую, спросила:

— Что вамъ надо?

— Это вы самая... бабка?

— Я.

— Барынька родимая, пойдемте сейчасъ со мной: дѣло къ вамъ есть.

— Какое дѣло?

— Да послѣ узнаете, пойдемте, пожалуйста; я вамъ дорогой разскажу.—При этомъ посѣтительница бросила на стоявшую тутъ-же служанку взглядъ, означавшій, что при ней стѣсняется говорить.

— Посидите, я сейчасъ одѣнусь,—сказала молодая женщина, привыкшая уже къ подобнымъ ночнымъ посѣтительницамъ, и быстро ушла въ темную комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ онѣ обѣ уже шли по морозной улицѣ маленькаго захудалаго уѣзднаго городка одной изъ сѣверныхъ губерній. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ихъ ногами; вѣтеръ бушевалъ вокругъ, одинокія звѣзды и блѣдная луна сквозь облако снѣжной пыли тускло освѣщали сонный городъ, оцѣпенѣвшій подъ бѣлымъ покрываломъ, и полусонныхъ сторожей на его пустынныхъ улицахъ, гдѣ фонари далеко-далеко одинъ отъ другого едва мигали красными огоньками.

— Только вы, барынька, никому не говорите,—начала старуха,— у меня на квартирѣ стоитъ одна барышня. Съ нею грѣхъ случился. Извѣстно: дѣло дѣвичье, какъ-нибудь скрывать надо. Барышня эта сирота, безъ отца, безъ матери. Можетъ, слышали про купца Солодовникова? давно померъ. Такъ она его дочка. Въ дѣтствѣ-то привыкла сладко поѣсть-попить, а теперь нужда, шитьемъ занимается, хорошо шьетъ, по журналу. Только заработки плохи: много ихней сестры развелось. Худо живется—вотъ и поддалась на искушеніе; думала, замужъ возьметъ, да не беретъ... Теперь настало самое такое время, что вотъ Господь пошлетъ ей дочку либо сына... Только вы, пожалуйста, никому не говорите: потому дѣло секретное. Ради Бога, не говорите и ей, что я вамъ сейчасъ сказала: она такъ просила меня, чтобы никто не зналъ...

— Не безпокойтесь, я никому не скажу. Далеко-ли еще идти?

— Нѣтъ, сейчасъ дойдемъ. Вонъ тотъ домъ, окошко свѣтится... Какъ-бы кто не увидалъ, что я съ вами иду: сейчасъ догадаются.

II.

Онѣ подошли къ маленькому домику въ три окна на улицу и, перебравшись черезъ наметенный у воротъ сугробъ снѣгу, вступили во дворъ, поднялись на крыльцо по высокой лѣстницѣ съ узенькими ступеньками, отстоящими на аршинъ одна отъ другой, и очутились въ темныхъ сѣняхъ. Старуха нащупала дверь и постучала.

— Это вы, Трофимовна?—спросилъ изъ-за двери нервный женскій голосъ.

— Я, я, матушка.

Послышалось скрипѣнье кровати, шлепанье босыхъ ногъ по полу, лязгнулъ желѣзный крючокъ—и дверь осторожно пріотворила молодая женщина въ одномъ бѣльѣ.

— Проходите, проходите,—шепнула старуха и, протолкнувъ въ дверь спутницу, незамѣтно шмыгнула въ заднюю половину домика, въ свою келью.

Акушерка вошла въ освѣщенное жилище и прямо наткнулась на широкое устье русской печки. Рядомъ съ крошечной кухней-прихожей находилась чистая горенка, раздѣленная низкою досчатою перегородкою на двѣ половины, съ ситцевымъ пологомъ на дверяхъ.

— Что-же это вы сами отворяете? да еще раздѣтая! — сказала акушерка.—Простудитесь, горячку схватите!

Женщина въ бѣльѣ скрылась за перегородкой, а посѣтительница раздѣлась и, прислонясь къ печкѣ, стала обогрѣваться.

— Охъ, скорѣе-бы!—раздалось изъ-за перегородки.

Войдя туда, акушерка нашла молодую женщину уже въ постели. Измученное лицо ея поражало своей худобой и блѣдностью; губы запеклись; ротъ полуоткрытъ, высоко-лежащая на подушкахъ голова откинута назадъ, въ глазахъ видна полная усталость. Она тяжело дышала.

Акушерка въ одинъ мигъ преобразилась: засучила рукава, надѣла бѣлый фартукъ и съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и сноровкою принялась продѣлывать все то, чему ее учила ея маленькая, но полезная наука.

— Извините, что побезпокоили васъ ночью, — тяжело вздохнувъ, проговорила лежащая на постели женщина.

— Ничего, за мною все больше по ночамъ присылаютъ, я уже привыкла къ этому.

— Мнѣ показалось, такъ долго она ходила за вами. Думала, пропаду здѣсь одна. Вы, пожалуйста, Марья Ивановна, похлопочите: я вамъ заплачу послѣ... Только никому не говорите: родные, какъ узнаютъ, то съѣдятъ меня.

— Да, вѣдь, послѣ все равно узнаютъ: шила въ мѣшкѣ не утаишь.

— Послѣ, когда ребенка при мнѣ не будетъ, ничего, хоть и узнаютъ, а теперь чтобы не узнали...

— Какъ ребенка не будетъ? А куда-же вы его дѣнете?

— Отецъ его хочетъ, чтобы не было,—проговорила она. Но тутъ голосъ ея оборвался и она жалобно застонала.

Когда ей стало легче, она, затаивъ дыханіе, прислушалась къ завыванью вѣтра на дворѣ: оттуда доносились неожиданные звуки, хлопанье ставней и дрожаніе забора, похожее на скрипъ шаговъ по снѣгу.

— Марья Ивановна, заперли вы двери? Какъ-бы кто не вошелъ.

— Заперли, заперли.

— Ахъ, Марья Ивановна, ну, право-же, кто-то подъ окномъ ходитъ! Вы-бы сказали Трофимовнѣ, чтобы вышла—посмотрѣла.

— Да кто тамъ ходитъ! Это вѣтеръ воетъ.

Солодовникова еще внимательнѣе прислушалась, какъ-бы желая убѣдиться, точно-ли это шумъ вѣтра.

— А что, если онъ родится не живой? — спросила она вдругъ, послѣ минутнаго раздумья, пытливо взглянувъ на акушерку.

Марью Ивановну покоробилъ этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, ребенокъ долженъ родиться живымъ,—сказала она сдержанно.

У нея промелькнула мысль, что роженица можетъ, пожалуй, задушить ребенка. «Надо будетъ зорко смотрѣть за нею», подумала она. «Хоть-бы посторонній кто былъ! Нѣтъ хуже, какъ принимать у этихъ секретныхъ, быть съ ними съ глазу на глазъ и брать всю отвѣтственность на себя одну!»

Опять пошли раздирающіе душу вздохи; заскрежетали зубы, изъ груди, стиснутой судорогами, точно изъ-подъ земли вырвался глухой, страшный крикъ.

— Охъ, лучше-бы умереть! Голубушка, Марья Ивановна...

Послѣдній страшный визгъ вырвался изъ груди бѣдной женщины. На кровати появилось новое существо—незванный и нежеланный пришлецъ, и рѣзкій крикъ его наполнилъ комнату.

— У, противный, какъ онъ меня измучилъ! — проговорила мать, глубоко-глубоко вздохнувъ.

Вѣтеръ сердито загудѣлъ по угламъ, ворвался въ трубу, завылъ, засвистѣлъ, застучалъ ставнями и чѣмъ-то хлопнулъ на крыльцѣ.

Родильница судорожно вздрогнула, приподняла голову, насторожила уши и торопливо посмотрѣла на окна и на двери, завѣшанныя пологомъ.

— Голубушка, Марья Ивановна, закройте, пожалуйста, вонъ то окно.

— Да оно закрыто.

— Нѣтъ, право, Марья Ивановна, занавѣска оттопырилась и какъ будто въ ту щелку кто-то заглядываетъ: въ послѣдній разъ я такъ крикнула, что всѣ сосѣди услышали.

Прошло нѣсколько минутъ. Она лежала въ полу-обморокѣ и по временамъ вздрагивала отъ легкихъ судорогъ, то закрывая глаза, то опять открывая ихъ, осматриваясь и прислушиваясь.

Марья Ивановна принесла корыто и подогрѣтой въ самоварѣ водой обмыла новорожденную: это была дѣвочка.

— Какая она крошечная! Прелесть что за ребенокъ!.. Э, да она мѣченная! Смотрите: вотъ на груди родимое пятнышко въ родѣ бородавки.

— А покажите.—Солодовникова пристально посмотрѣла на пятнышко, слегка улыбнулась, поцѣловала ребенка и, закрывъ глаза, опять въ изнеможеніи упала на подушки.

III.

Скоро былъ готовъ самоваръ. Марья Ивановна взяла у хозяйки кринку молока, налила по стакану чаю себѣ и больной. Та жадно выпила первый стаканъ съ молокомъ и булкою и попросила еще. Чай подкрѣпилъ ея изнуренныя силы.

— Теперь какъ будто легче стало,—заговорила она,—а то, было, совсѣмъ ослабѣла. Прошлую ночь до утра вотъ такъ промучилась... Теперь, слава Богу, все это кончилось. Только сама не придумаю, какъ быть съ ребенкомъ. Пусть папаша дѣлаетъ, какъ хочетъ.

— А кто отецъ?

— Тутъ одинъ... право, не знаю, говорить ли...

— Не говорите, я не неволю. Только вы не давайте ему распоряжаться. Ребенокъ безъ матери не можетъ обойтись. Вы должны кормить его. А отецъ что? Много такихъ отцовъ найдется. Извините, но, вѣроятно, онъ негодяй какой-нибудь. Если бы онъ былъ порядочный человѣкъ, такъ женился-бы на васъ.

— Онъ и обѣщаетъ жениться.

— А если обѣщаетъ, то зачѣмъ-же ребенка спроваживать?

— Я, право, не знаю. Онъ хочетъ отправить его въ Москву.

— А—а! Вотъ оно что! Обѣщаетъ жениться, а ребенка въ Москву! Какже, женится онъ! Онъ только водитъ васъ за носъ и всегда будетъ водить. Да и наивная-жъ вы какая! Вы вѣрите въ любовь мужчинъ? Да они почти всѣ скоты! Хуже скотовъ! И вашъ возлюбленный, извините, первѣйшій негодяй! Обѣщалъ жениться! Ха-ха! Обѣщалъ! И у васъ хватило ума повѣрить!.. Я бы, на вашемъ мѣстѣ, послѣ этого, въ шею его выгнала... Не безпокойтесь, вы еще молодая: полюбитесь порядочному человѣку—и съ ребенкомъ возьметъ.

Марья Ивановна замолчала и присѣла на стулъ у кровати, на которой задумчиво полулежала ея собесѣдница съ цѣлою горою подушекъ за спиною, прикрытая ситцевымъ одѣяломъ. Маленькая лампа въ углу на столѣ освѣщала крошечную комнатку. За перегородкой часы хрипло пробили два и опять монотонно затикали, за что-то цѣпляя маятникомъ. На дворѣ непрерывно гудѣлъ вѣтеръ и завывалъ въ трубѣ, и свистѣлъ, и стучалъ ставнями.

— То-ли дѣло ребенку съ матерью,—продолжала Марья Ивановна:— вы и присмотрите за нимъ, и накормите его во время, и въ теплѣ онъ будетъ. А туда доставятъ ли еще его живымъ? Да еслибы вы знали, какъ тамъ за ними ухаживаютъ! Они мрутъ тамъ, какъ мухи. А чѣмъ ребенокъ виноватъ? Родители всему виною!

— Конечно, ребенокъ не виноватъ... Но папаша настаиваетъ...

Она больше всего боялась не угодить «папашѣ».

— Да и какъ можно отправлять его въ такую даль зимою! И кому вы довѣрите отвезти его? Пожалуй, на дорогѣ бросятъ гдѣ-нибудь.

— Нѣтъ, на дорогѣ-то не бросятъ... А если бросятъ, то на свою же душу грѣхъ возьмутъ. Тутъ есть одна женщина, честная, она этимъ постоянно занимается... Папаша пообѣщалъ ей сорокъ рублей на дорогу до Москвы и обратно. Она сегодня вечеромъ ходила подводу искать въ деревнѣ, чтобы здѣшніе не догадались.

— Господи! Ребенокъ еще не родился, а для него уже подводу ищутъ, чтобы поскорѣе отправить на тотъ свѣтъ!—какъ-бы про себя заговорила Марья Ивановна.

— Право, только не хочется ссориться съ папашей, а то взяла-бы, да и оставила его при себѣ,—проговорила Солодовникова. Немного подумавъ, она продолжала:—А мнѣ легко было-бы скрыть все это: я ходила такъ, что никто и не примѣтилъ за мною ничего.

— Почему это?

— Потому что я бинтовалась сильно.

— Что-же вамъ тяжело было, забинтовавшись?

— Иной разъ такія боли подымутся, что взяла-бы да такъ и разорвала-бы себя на части. Мнѣ дурно становилось, со мной обмороки бывали.

— Это вамъ, а ребенку-то каково! И до рожденія мучится, и при родахъ мучится, и послѣ рожденія ожидаютъ его муки! Ну, скажите, ради Бога, за что ему все это?

— Вотъ возьму, на зло всѣмъ, да и оставлю ребенка при себѣ,— проговорила Солодовникова.—Про меня разсказываютъ разныя сплетни. Пускай-же увидятъ, что я не очень-то боюсь ихъ... Возьму да и оставлю... Вы думаете, она не дорога мнѣ? Она дороже мнѣ, чѣмъ другимъ законныя дѣти! Какъ я буду наряжать ее!.. Папаша говорилъ: когда родится, то надо будетъ поскорѣе крестить. Такъ вы уже, Марья Ивановна, пожалуйста, будьте крестной матерью, чтобы постороннихъ никого не звать. За отца будетъ священникъ.

— Хорошо, я могу, если хотите.

Наступало позднее зимнее утро. За перегородкой часы пробили четыре, но на дворѣ было еще совершенно темно.

— Кажется, все уже сдѣлано,—сказала Марья Ивановна.—Теперь мнѣ можно и домой сходить. Днемъ, послѣ обѣда, я понавѣдуюсь къ вамъ.

— Нѣтъ, Марья Ивановна, ужъ вы лучше придите попозднѣе, когда стемнѣетъ, а то увидятъ, сейчасъ догадаются.

— Хорошо, приду попозднѣе.

Марья Ивановна шла домой усталая, измученная безсонною ночью. За то она была довольна сознаніемъ выполненнаго долга: «Теперь ей

стыдно будетъ бросить ребенка», подумала она. «Вечеромъ я еще поговорю съ нею объ этомъ. Каждый день буду говорить, авось расчувствуется. Вотъ еслибы еще папашу увидѣть, да пробрать».

IV.

Вечеромъ, едва стемнѣло, Марья Ивановна взяла сумку съ принадлежностями своей практики и пошла навѣстить родильницу.

Она взошла на крыльцо знакомаго уже домика. Дверь оказалась запертою извнутри. Долго она стучала и когда, наконецъ, отворили, навстрѣчу ей попался въ темнотѣ сѣней высокій мужчина въ шубѣ, молча прошелъ мимо нея, почти бѣгомъ спустился съ крыльца и безъ оглядки зашагалъ по улицѣ.

— Кто это такой?—тихонько спросила она Трофимовну, запиравшую за нею дверь.

— Сомовъ, матушка, Сомовъ. Это онъ самый и есть. Провѣдать приходилъ. Не говорите, что я сказала.

Сомовъ былъ молодой купчикъ, владѣлецъ мыловареннаго завода и бакалейной лавки. Онъ когда-то окончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и считалъ себя либераломъ и человѣкомъ образованнымъ. Но Марья Ивановна сильно недолюбливала его «Вотъ такъ либералъ!» подумала она. «Умныя книжки читаетъ, а зайдетъ къ нему хорошенькая женщина въ лавку, сейчасъ мелкимъ бѣсомъ разсыплется. Это уже третьяго ребенка принимаю отъ него»...

Обогрѣвшись, по обыкновенію, у печки и вымывши тщательно руки, Марья Ивановна подошла къ родильницѣ.

— Я такъ и не спала,—устало проговорила Солодовникова.

Марья Ивановна сдѣлала все, что нужно было для родильницы. Потомъ подошла къ ребенку и, наклонившись низко надъ нимъ, слегка сдавила двумя пальцами кончикъ крошечнаго носика, ласково улыбнулась ему и что-то проговорила. Ребенокъ отвѣтилъ ей блаженной, довольной улыбкою.

— Смѣется! воскликнула Марья Ивановна. — Въ первый разъ вижу, чтобы ребенокъ улыбался на второй день послѣ рожденія. Какіе глазки! Какія милыя губки! Прелесть что за дѣвочка! Вѣдь она хоть маленькая, а чувствуетъ, что ей хорошо, тепло. Жить ей хочется. Что-жъ, порѣшили, когда крестить?—обратилась она къ молодой матери.

— Папаша говорилъ что-то, да право, не знаю...

— Хотѣла-бы я повидать этого папашу: я бы попробовала усовѣстить его, чтобы женился на васъ.

— Н-нѣтъ, зачѣмъ-же! Я не желаю, чтобы онъ чрезъ другихъ сдѣлалъ это. Пусть какъ знаетъ. Сдержитъ свое обѣщаніе,—хорошо,

а не сдержитъ,—Богъ съ нимъ... Вотъ онъ сейчасъ былъ здѣсь... Какія только мысли приходятъ мнѣ въ голову! Сколько я передумала послѣ вашего ухода! Все думала о ребенкѣ, да о *немъ*, да о томъ, что вы говорили, а ничего хорошаго не придумала. Голова трещитъ; кажется, вотъ развалится. Хоть бы на одинъ часъ заснуть!.. Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ все это надоѣло! Пускай дѣлаетъ, что угодно, лишь бы поскорѣе это кончилось!

— Какъ, вы соглашаетесь теперь, что онъ негодяй и говорите: пускай дѣлаетъ, что знаетъ!—воскликнула Марья Ивановна.

Родильница лежала въ постели молча. Еще вчера слова акушерки навели ее на раздумье о своемъ положеніи. До сихъ поръ она гордилась своею связью и не обращала вниманія на то, какъ смотрятъ на нее родственники и знакомые. Она ухватилась за него, какъ за человѣка, который можетъ и обѣщаетъ избавить ее отъ необходимости добывать себѣ хлѣбъ тяжелымъ, изнурительнымъ трудомъ. Ей до тошноты надоѣло уже изо дня въ день, часто за полночь, корпѣть надъ иголкой или надъ машиною въ душной атмосферѣ тѣсной квартирки, съ вѣчно согнутой спиной.

Сидя за работою и замѣчая мелькомъ въ окно проходящія по улицѣ фигуры знакомыхъ, она завидовала имъ. Ей хотѣлось жизни, движенія, свѣжаго воздуха и разнообразной, нескучной дѣятельности. И вотъ въ это самое время къ ней подкатился Сомовъ. Она была польщена вниманіемъ человѣка богатаго. Правда, она слышала о его связяхъ съ другими, но тѣхъ онъ уже бросилъ. Вѣроятно, онъ ничего имъ не обѣщалъ и онѣ ничего отъ него не требовали. Но она не такая. Ей онъ признается въ любви, обѣщаетъ жениться. И если она не повѣрила ему сразу, то надѣется, что со временемъ добьется того, что онъ будетъ принадлежать ей одной и станетъ ея законнымъ мужемъ. Она съ гордостью отказывалась отъ всякихъ, правда, не особенно щедрыхъ подарковъ его, стараясь подкупить его безкорыстіемъ своей привязанности. Она не только не искала другихъ связей, но вела себя такъ, что даже никому и въ голову не приходило дѣлать какіе либо подходы къ ней. Единственнымъ утѣшеніемъ для нея за вѣрность была надежда сдѣлаться въ глазахъ всѣхъ хозяйкой и распорядительницей имущества Сомова. Ее не мало смущало то, что онъ постоянно откладывалъ свое обѣщаніе жениться и даже часто выражался, что вѣнчаются одни дураки, а люди развитые могутъ и невѣнчанными жить, какъ настоящіе мужъ и жена. Она показывала видъ, что вѣритъ искренности его словъ и соглашается съ нимъ. Но самолюбіе не позволяло ей открыто добиваться, чтобы онъ ввелъ ее въ свой домъ и сдѣлалъ ее хозяйкою. Она все ждала, что онъ самъ предложитъ ей переселиться къ нему. Но время шло, а все оставалось постарому. Между тѣмъ она почув-

ствовала, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлается матерью. Это скорѣе обрадовало ее, чѣмъ встревожило: она надѣялась, что рожденіе ребенка пробудитъ въ немъ сознаніе родительскихъ обязанностей, заставитъ его сдѣлать рѣшительный шагъ и положитъ конецъ ея томительнымъ ожиданіямъ.

Но вотъ, теперь онъ хочетъ сбыть ребенка съ рукъ, бросивъ въ какой-то подкидышный домъ. Онъ говоритъ, что дѣлаетъ это для ея же счастія, чтобы избавить ее отъ лишнихъ хлопотъ. Когда ребенокъ подростетъ, онъ возьметъ его обратно, усыновитъ и будетъ воспитывать; тогда онъ введетъ и ее въ свой домъ. Теперь-же сдѣлать это не позволяютъ разныя коммерческія соображенія... И она не посмѣла сказать, что не вѣритъ ему, не рѣшилась противиться разлукѣ съ ребенкомъ, чтобы не оттолкнуть отъ себя отца. Вѣдь эта разлука не вѣчна: черезъ годъ или два онъ возьметъ ребенка обратно. Въ послѣдніе дни ей приходило на мысль, что она обманута, одурачена имъ, но какъ утопающій хватается за соломенку, она старательно прогоняла эту мысль и принуждала себя вѣрить ему и надѣяться... Но теперь Марья Ивановна разбила всѣ эти надежды. Бѣдная женщина увидѣла себя кругомъ одураченной, обманутой любовникомъ, покинутой родственниками и знакомыми, которые изъ-за этой связи отвернулись отъ нея. Ей стало невыразимо жаль всего этого. Она не выдержала и зарыдала...

Марья Ивановна пыталась успокоить ее, но напрасно. Она ушла домой,—Солодовникова все плакала.

V.

Когда, на третій день послѣ родовъ, вечеромъ, Марья Ивановна пришла къ родильницѣ, ребенка при ней уже не было. Она сразу догадалась, куда его дѣвали, но, боясь опять довести до слезъ молодую мать, которая за эту ночь еще болѣе осунулась и поблѣднѣла въ лицѣ, она даже не заикнулась о ребенкѣ. Не дождавшись отъ нея вопроса, Солодовникова сама заговорила:

— Ребенка сегодня крестили безъ васъ. Моя хозяйка была воспріемницей. Его сейчасъ только унесли отъ меня, а завтра повезутъ въ Москву. Папаша велѣлъ взять изъ пріюта номеръ: по тому номеру можно будетъ получить ребенка обратно, когда угодно.

Марья Ивановна молча забинтовала грудь родильницы, повертѣлась возлѣ нея съ четверть часа и уже собралась уходить, какъ на крыльцѣ раздались чьи-то шаги, а за ними стукъ въ дверь.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ высокій человѣкъ и, остановившись у порога, сказалъ:

— Сегодня я крестилъ ребенка г-жи Солодовниковой. Могу-ли я ее видѣть? Я пришелъ дать молитву родильницѣ.

Вошедшій снялъ шубу и подъ нею оказалась новенькая съ иголочки шелковая ряса съ широкими рукавами. Очевидно, это было духовное лицо, но одежда его была въ рѣзкомъ разладѣ съ наружностью и всей его фигурой. Какъ уже сказано, онъ былъ высокаго роста: на молодомъ, цвѣтущемъ и энергичномъ лицѣ его едва виднѣлись слѣды пробивающихся усовъ и совсѣмъ не было бороды; круглая красивая голова низко острижена; брови густыя, черныя, немного сдвинутыя; изъ-подъ высокаго прекраснаго лба смотрѣли большіе каріе глаза.

Это былъ младшій священникъ городского собора. Онъ только на дняхъ былъ посвященъ въ этотъ санъ и еще не успѣлъ отростить своихъ тщательно остриженныхъ къ свадьбѣ волосъ.

— Я насилу нашелъ вашу квартиру,—проговорилъ онъ, расхаживая по комнатѣ.—Сначала забрался, было, въ сосѣдній домъ, но тамъ сказали, что у нихъ никакого ребенка не родилось. Когда я назвалъ фамилію Солодовниковой, мнѣ сообщили, что вы живете рядомъ. Я и попалъ, наконецъ, сюда.

— Господи!—воскликнула родильница.—Вы сказали мою фамилію? Этого еще не доставало!—продолжала она сквозь слезы.—Вздумали срамить меня!

— Извините: я шелъ по обязанности постыря, а не съ тѣмъ, чтобы срамить васъ,—говорилъ молодой священникъ, раздвивая руками пологъ на дверяхъ и проходя за перегородку. Я пришелъ для того, чтобы прочитать молитву, по уставу церкви. Обыкновенно молитву эту читаютъ предъ крещеніемъ, при чемъ и нарѣкаютъ имя новорожденному. Но...

— Никогда я не слыхала, чтобы священникъ безъ приглашенія приходилъ на домъ молитву давать,—обидчиво перебила его родильница.

— Другіе этого не дѣлаютъ, но я поступаю такъ, какъ велитъ мнѣ мой долгъ и совѣсть... Гдѣ-же вашъ ребенокъ?—спросилъ онъ, собираясь читать молитву и оглядываясь по сторонамъ.

— Его взяла женщина...

— Я такъ и думалъ. Я хотѣлъ предупредить это... Вы отказываетесь отъ собственнаго ребенка...

— Да кто вамъ сказалъ, что я отказываюсь? Его женщина взяла... на время, пока я... поправлюсь.

Прочитавъ молитву, священникъ сказалъ Солодовниковой:

— Теперь я хотѣлъ-бы поговорить съ вами.—Онъ взглянулъ на Марью Ивановну. Та поняла намекъ, распрощалась и ушла.

— Вы не будьте на меня въ претензіи,—заговорилъ онъ, оставшись наединѣ съ больною:—наша обязанность такая... Вамъ во вѣкъ

не смыть того пятна, которымъ вы сами себя запачкали... — Онъ говорилъ долго и пылко.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, не мучьте меня!—съ раздраженіемъ перебила его, наконецъ, Солодовникова.

— Вы стало-быть, не вѣрите ничему?.. Тѣмъ хуже. — Онъ сталъ доказывать ей необходимость живой вѣры, говорилъ, что не вѣрятъ только люди, понахватавшіеся верхушекъ разныхъ идей, воображающіе себя образованными, даже учеными, а на дѣлѣ — невѣжественные, черствые сердцемъ, не отзывчивые на страданія ближняго и на все доброе; какъ ничему не учившійся, такъ и образованный, и даже ученый, не затмившій своего разума и сердца ложными ученіями, непремѣнно вѣритъ въ Бога и въ будущую жизнь. Солодовникова возразила, что «не очень-то вѣрятъ ученые».

Ему оставалось только обратиться къ тѣмъ доказательствамъ, которымъ учили въ семинаріи. Онъ весь пришелъ въ движеніе, какъ наэлектризованный, и долго говорилъ, съ выразительной мимикой жестикулируя большими мускулистыми руками. Онъ выкладывалъ всѣ свои знанія, стараясь выражаться понятно для этой женщины. Рѣчь его дышала непочатой энергіей убѣжденнаго молодого проповѣдника.

Солодовникова слушала его, закусивъ нижнюю губу. Она чувствовала потребность что-либо возразить, но всѣ возможныя возраженія ея были предусмотрѣны и разбиты отцомъ Іосифомъ. Она только и нашлась сказать:

— Отецъ Іосифъ, вы говорите со всѣмъ какъ миссіонеръ говорилъ въ соборѣ. Ну, право-же... какъ миссіонеръ!..

— Хорошій примѣръ достоинъ подражанія,—возразилъ священникъ. Потомъ онъ говорилъ о высокомъ назначеніи женщины, о святости материнства, о грѣхѣ за лишеніе младенца тѣхъ благъ, которыя даны ему рожденіемъ; объ опасности всякаго безнравственнаго поступка, такъ какъ человѣкъ, однажды сдѣлавшій что-либо дурное, получаетъ склонность повторять это и въ другой разъ, падаетъ нравственно и постепенно спускается на самыя низкія ступени разврата. Очень долго говорилъ онъ.

Молодая женщина повернулась лицомъ къ стѣнѣ и, закрывъ глаза лѣвою рукою, правою сдѣлала жестъ, означавшій: замолчите, уходите отъ меня.

А священникъ продолжалъ:

— Быть можетъ, въ это самое время, когда я съ вами говорю, ребенокъ вашъ проголодался, кричитъ, надрываетъ свою грудку, инстинктивно зоветъ мать... А вы радуетесь, что сбыли его!

— Ахъ!..—вскрикнула она, махнувъ рукою, какъ бы отгоняя отъ себя кого-то: ей представился какъ живой ея ребенокъ съ родимымъ пятнышкомъ на грудкѣ; личико его искривилось, ротикъ широко от-

крытъ, онъ болтаетъ ручками и жалобно кричитъ. И этотъ крикъ, казалось ей, раздавался въ самой головѣ ея, въ груди и сердцѣ. Она быстро повернулась лицомъ внизъ, уткнулась въ подушку и судорожно зарыдала.

Полагая, что дѣло его окончено, священникъ собрался уходить. Въ это время въ комнату вошелъ Сомовъ. Онъ раздѣлся и, не называя своей фамиліи, подалъ руку отцу Іосифу, съ которымъ раньше не былъ знакомъ.

— Ну, погодка! — заговорилъ онъ, садясь на стулъ и закуривая папиросу,—всѣ улицы снѣгомъ завалило... Какъ ваше здоровье?—обратился онъ къ родильницѣ.

Но она молчала, изрѣдка всхлипывая. Священникъ внимательно посмотрѣлъ на Сомова, какъ-бы осѣненный какою-то догадкой или собираясь что-то сказать. Однако, ничего не сказалъ, прошелся по комнатѣ, потомъ распрощался и вышелъ, отказавшись отъ платы «за молитву».

— Что ты такъ невесела? — спросилъ Сомовъ Солодовникову, когда священникъ ушелъ.

— Такъ... не отчего веселиться — заговорила она сквозь слезы.— Вотъ приходилъ—молитву давать. Сначала не туда попалъ, зашелъ къ сосѣдямъ, спрашивалъ: здѣсь-ли такая-то живетъ? Теперь всѣ узнали... сраму-то надѣлали... Бѣдный ребенокъ... навѣрно голодный... кричитъ...

— Полно плакать! Экая нѣжность, подумаешь! Стоитъ изъ-за этого убиваться? Ребенку тамъ лучше будетъ,—успокаивалъ онъ ее.

Она молчала.

VI.

Сомовъ долго ходилъ по комнатѣ и курилъ.

— Ты не спишь, Анюта? Я хочу уходить,—сказалъ онъ наконецъ.

— Дай мнѣ подумать, подожди,—прошептала она.

И опять наступила тишина, нарушаемая лишь мѣрными шагами Сомова. Солодовникова лежала лицомъ къ стѣнѣ.

Сомовъ усталъ ходить и присѣлъ на стулъ у ея кровати. Минутъ десять длилось молчаніе. Наконецъ, она заговорила какимъ-то страннымъ, тихимъ прерывающимся, нервнымъ голосомъ:

— Ты не сердишься на меня, Василій Петровичъ?

— Что мнѣ на тебя сердиться?

— И я на тебя не сержусь. Дай мнѣ свою руку.—И она, не перемѣняя своего положенія, протянула ему руку черезъ голову. Онъ взялъ ее и держалъ въ своей рукѣ.

— Какъ странно все въ мірѣ устроено,—продолжала она тѣмъже, не своимъ голосомъ:—люди родятся, живутъ, умираютъ. На мѣсто ихъ другіе родятся, опять умираютъ. Куда-же дѣваются души?..

— Что-же тутъ страннаго?—сказалъ онъ.—Пока тѣло живо, и душа жива, а умерло тѣло, умираетъ и душа. Пока машина цѣла, она работаетъ, какъ живая, а сломалась,—перестаетъ работать. Вотъ тебѣ и все. Тоже самое и съ тѣломъ и душою...

Солодовникова не слушала его, погруженная въ собственныя мысли, и незамѣтно высвободила свою руку изъ его руки.

Долго длилось молчаніе. Потомъ она опять заговорила:

— Знаешь, душа... дѣтская... безсмертна: онъ правъ. Какъ я могла не вѣрить этому раньше!.. Предо мною теперь проходитъ вся жизнь моя... Какъ я погрязла! И до сихъ поръ я не замѣчала этого... Прежде, дѣвочкой, я была религіозная... я всѣхъ любила, всѣмъ желала добра. И мнѣ было хорошо, на душѣ легко. Потомъ я стала думать только о себѣ—и я все больше погрязала, погрязала... Мнѣ становилось хуже. Я хотѣла лучше, а вышло хуже. Теперь я опять перерождаюсь. Мнѣ кажется, я встаю съ того свѣта... Вся жизнь моя теперь передо мною какъ на ладони. И все мнѣ такъ ясно... Знаешь что, Василій Петровичъ, будемъ друзьями—и больше ничего. Будемъ жить какъ братъ съ сестрою... А ребенка возьмемъ обратно, воспитаемъ его...

— Объ этомъ завтра поговоримъ. Теперь засни,—сказалъ онъ сухо.

— Ты, Василій, не жалѣешь меня и не любишь ребенка... А, вѣдь, грѣхъ... Я не могу тебѣ объяснить, у меня мысли путаются—не знаю, отъ слабости-ли это или оттого, что я перерождаюсь... Но я такъ ясно вижу, что Богъ есть, что все это Онъ устраиваетъ... Знаешь, я не насилую тебя жениться на мнѣ. Будемъ друзьями. Только пошли Трофимовну за ребенкомъ, пока его не увезли...

— Хорошо, хорошо, пошлю утромъ.

— Нѣтъ, теперь пошли, а то увезутъ.

— Куда-же я теперь пошлю? ужъ второй часъ съ полуночи, всѣ спятъ. Пусть завтра... поговоримъ. Спи и ты. Я ухожу. Утромъ пришлешь ко мнѣ хозяйку: я дамъ тебѣ жаренаго поросенка. У меня сегодня отличный поросенокъ, жирный, кожа подсохла, хруститъ на зубахъ. Ты никогда такого не ѣдала. Прислать?

— Нѣтъ, ты не уходи: мнѣ спать не хочется и ѣсть не хочется. А я тебѣ много, много хотѣла сказать.

Онъ присѣлъ возлѣ нея. Она продолжала:

— Только мысли у меня путаются... не могу всего высказать... А знаешь-ли, какое счастіе имѣть своего ребенка? Какъ я не понимала этого раньше! Жизнь ребенку Богъ даетъ, Онъ даетъ душу. И мы не въ правѣ... разлучить душу съ тѣломъ... Вотъ, мнѣ кажется теперь, что я тѣломъ умираю, а душою рождаюсь, и будто душа моя отдѣ-

лилась и смотритъ со стороны на тѣло. Уфъ, какъ я устала! Должно быть, мнѣ вредно много говорить...

— А зачѣмъ-же ты говоришь?—возразилъ Сомовъ.—Спи.

— Нѣтъ, спать теперь я не буду: у меня столько мыслей въ головѣ! Только ты пошли за ребенкомъ... Я ему всего приготовлю... Право, какъ все странно... А бѣдный ребенокъ теперь проголодался, кричитъ,—закончила она упавшимъ голосомъ.

Сомовъ опять заходилъ по комнатѣ. Черезъ полчаса онъ остановился у ея кровати.

— Прощай,—сказалъ онъ.

Она ничего не отвѣчала. Онъ повернулся уходить.

— Постой,—сказала она.—Подойди сюда.

Онъ подошелъ. Она приподнялась и, опершись на локоть, смотрѣла на него широко открытыми глазами. Лицо ея выражало напряженное ожиданіе и рѣшительность.

— Ты пошлешь за ребенкомъ?

— Ну, хорошо, пошлю.

— Клянись мнѣ.

— Убирайся ты!

— А-а! — проговорила она и приподнялась еще выше и высвободила ноги изъ подъ одѣяла.

— Ты женишься на мнѣ?

— Да ужъ говорили!..

— Отвѣчай: женишься-ли ты на мнѣ сейчасъ, какъ только я оправлюсь?

— Не кричи, Трофимовна услышитъ.

— Женишься ты на мнѣ?—повторила она еще громче.—Я позову Трофимовну. Обѣщай при ней, если не лжешь.

— Не радъ, что связался съ дурой! Какой чортъ на тебѣ женится?—Онъ отвернулся.

— А-а! Мерзавецъ!..—Она въ одинъ мигъ схватилась съ кровати и сзади вцѣпилась ему въ волоса.

Онъ вырвался, оставивъ клокъ волосъ въ ея рукахъ, поймалъ ее за косу и дернулъ со всей силы. Она вскрикнула и упала на полъ. Сомовъ схватилъ шапку и шубу и выбѣжалъ на дворъ.

Она вскочила, заметалась по комнатѣ, потомъ бросилась на постель. Сердце ея стучало, какъ молотъ; въ груди клокотала смѣсь страстей—злости, досады, жалости къ самой себѣ и отчаянія. То ей хотѣлось схватиться съ кровати и бѣжать за Сомовымъ, догнать и растерзать его на части; то являлось вдругъ желаніе повѣситься на любомъ гвоздѣ. Но одно состояніе быстро смѣнялось другимъ и она не могла ни на чемъ остановиться. Въ головѣ поднялась какая-то бѣшеная скачка воспоминаній,

образовъ и мыслей. И среди этой душевной бури неожиданно припомнились ей слова Сомова: «Я пришлю тебѣ поросенка. Отличный поросенокъ, жирный, кожка подсохла. Ты никогда не ѣдала такого». Внезапно, какъ молнія, въ умѣ ея яркимъ пламенемъ вспыхнула догадка: «это совсѣмъ не поросенокъ, это онъ зарѣзалъ ребенка моего... Вотъ почему они взяли его отъ меня, будто для отправленія въ Москву! Навѣрное онъ съѣлъ такъ же и всѣхъ другихъ своихъ дѣтей. Потому-то онъ не хочетъ жениться, потому такъ странно ведетъ себя, такъ хитритъ»! И ей казалось теперь яснымъ, какъ день, что всѣ поступки Сомова, его рѣчь, движенія, самая наружность его неопровержимо доказываютъ, что онъ съѣлъ ея ребенка, что онъ для того только и живетъ, чтобы ѣсть дѣтей. Она была теперь твердо убѣждена, что бабка отнесла ребенка къ нему на квартиру. Потомъ онъ услалъ ее, а самъ раздѣлся, заперъ дверь и зарѣзалъ ребенка, выпотрошилъ его, вымылъ, положилъ на жаровню и вдвинулъ въ истопленную печь. Все это представлялось ей съ необыкновенною ясностью. Ей казалось, что она сама видѣла, какъ жарился ребенокъ, какъ кожа зарумянилась и жиръ стекалъ на жаровню...

VII.

Старуха, взявшаяся отправить ребенка въ Москву, и не думала нанимать подводу, а, ради экономіи, рѣшилась идти до губернскаго города пѣшкомъ. Сначала она разсчитывала переночевать съ ребенкомъ дома, чтобы отправиться въ путь утромъ. Но когда вечеромъ возвратился изъ лѣсу мужъ, промышлявшій дровами, и она разсказала ему о своемъ намѣреніи, то онъ посовѣтовалъ ей лучше идти на ночь; онъ боялся, чтобы Солодовникова не передумала и ночью не взяла ребенка обратно, а это лишило бы хорошаго заработка. Старуха вполнѣ согласилась съ своимъ мужемъ. Кончивъ ужинъ и помолясь Богу, она отдала ему лишнія деньги, оставивъ себѣ только на издержки, одѣлась въ шубу, завернула ребенка въ старую ватную кофту, заткнула ему ротикъ соской и закутала его поплотнѣе шубою у себя на груди. Старикъ подпоясалъ ее пониже, чтобы ребенокъ не могъ выпасть изъ-за пазухи. Взяла она рукавицы, длинную палку, перекрестилась и вышла.

Было шесть часовъ вечера, въ городскихъ церквахъ звонили ко всенощной: завтра воскресенье. Кой-гдѣ въ туманномъ небѣ блестѣли одинокія звѣзды. На дворѣ стоялъ изрядный морозъ, но въ городѣ погода казалась тихою. Минула старуха стоявшія на окраинѣ города два большія освященныя двухъэтажныя зданія больницы и острога, минула кладбище и очутилась въ полѣ. Тутъ погода сразу перемѣнилась: на встрѣчу ей подулъ рѣзкій вѣтеръ. Полы шубы распахнулись, и путницу вмѣстѣ съ ея ношею наскозь пронизало холодомъ. Ребенокъ

заворочился у нея на груди, запищалъ, силясь выбросить изо рта соску, и когда ему удалось съ большимъ трудомъ это сдѣлать, онъ закричалъ изо всѣхъ силъ испуганно и жалобно. Старуха сняла рукавицу, нащупала за пазухой соску и сердито заткнула ею ребенку ротикъ. Напрасно онъ двигалъ ножками, ручками и безсильно фыркалъ: грязная застывшая тряпка съ нажеванымъ хлѣбомъ все торчала у него во рту, отнимая всякую возможность протестовать противъ насилія единственнымъ доступнымъ для него средствомъ—крикомъ.

Ребенокъ скоро совсѣмъ присмирѣлъ, выбившись изъ силъ. Даже когда опять набѣжалъ сильный вѣтеръ и пронизалъ насквозь и старуху, и его, онъ только слабо вздрогнулъ, но не издалъ ни малѣйшаго звука. А далѣе и вздрагивать пересталъ. Старуха, довольная, что ребенокъ, наконецъ, уснулъ, пошла скорѣе. До сихъ поръ она прошла только версты три, оставалось еще верстъ семь до деревни, гдѣ она разсчитывала ночевать, а она уже успѣла сильно прозябнуть. За спиной точно былъ насыпанъ снѣгъ, зубы начинали стучать. Она шла все быстрѣе и быстрѣе, налегая грудью навстрѣчу вѣтру и опираясь на свою палку. Оступившись въ ухабъ, она упала лицомъ внизъ и придавила ребенка. Малютка не шевельнулась, не издала никакого звука. Старуха поднялась и пошла еще быстрѣе: она чувствовала, что отъ скорой ходьбы начинаетъ согрѣваться и боялась хоть на одну минуту остановиться и перевести духъ, чтобы не остынуть. Дорога была плохая, приходилось то взбираться на сугробы, то нырять въ ухабы, завязая по колѣна въ снѣгу. Силы измѣняли ей, ноги подкашивались. Она вторично упала и и опять придавила ребенка. Но онъ былъ неподвиженъ и безмолвенъ.

Это немного встревожило старуху: ей показалось невѣроятнымъ, чтобы ребенокъ не проснулся отъ такого толчка, какой онъ получилъ вотъ уже второй разъ. Снявъ рукавицу, она заложила руку за пазуху и отыскала его ножки. Онѣ оказались совершенно холодными даже на ощупь ея застывшей руки. Она нащупала ручки, но и онѣ были словно ледъ. Ей пришло въ голову, что ребенокъ замерзъ.

Какъ тутъ быть? Что дѣлать? Не везти же его мертваго въ Москву? Ужъ не бросить-ли лучше его здѣсь, на дорогѣ, зарывъ въ снѣгъ? Но это неудобно: весною снѣгъ растаетъ, тѣльце обнажится, его найдутъ, дойдетъ дѣло до полиціи—и подозрѣніе можетъ пасть на нее.

У самаго села, гдѣ нужно было ночевать, спустившись съ горы, она взяла вправо отъ мостика и пошла черезъ рѣчку уѣзженной дорогой по льду, гдѣ возвышалась какая-то черная куча. Старуха знала, что то была прорубь, для предосторожности густо обсаженная воткнутыми въ снѣгъ еловыми вѣтками, изъ которой крестьяне поили скотъ и брали воду. У нея мелькнула мысль бросить ребенка подъ ледъ и, нисколько не колеблясь, она направилась къ проруби. Но страхъ за

свою преступную попытку овладѣвалъ ею все сильнѣе и сильнѣе, и она невольно оглянулась, какъ бы желая убѣдиться, не видитъ ли кто. Взглядъ ея случайно упалъ на одиноко блестѣвшую яркую звѣзду на восточной сторонѣ неба, невысоко надъ землею. И ей показалось, что звѣзда эта, какъ всевидящій глазъ Божій, заглянула въ самую ея душу и проникла въ тайну ея мыслей. Въ то же время она увидѣла на горѣ что-то черное, спускающееся по дорогѣ все ниже и ниже къ рѣчкѣ. Она быстро запахнула ребенка шубою и пошла по направленію къ деревнѣ. «Не привель Господь грѣхъ сотворить. Ну, и слава Богу», говорила она себѣ.

Перейдя черезъ ледъ, она услышала приближающійся топотъ и посмотрѣла назадъ. Черное пятно теперь совсѣмъ догнало ее. Это былъ какой-то мужикъ, запоздавшій въ городѣ.

— Лукьяновскій будешь?—спросила она.

— Лукьяновскій. А ты откелева?

— Изъ городу. Поночевать хочу: озябла, устала. Опять же съ ребеночкомъ иду.

— Заходи, тета, ко мнѣ. Теперь вездѣ спятъ уже: передъ воскресеньемъ у насъ, по-деревенски, рано ложатся. Мои-то ждутъ меня.

Мужикъ остановился у воротъ избы съ освѣщенными окнами и въѣхалъ на дворъ. Старуха шла за нимъ.

Изба, въ которую они вошли, была черная, курная, съ закопченными стѣнами и потолкомъ. Видно было,—она недавно истоплена, такъ какъ было тепло, сильно пахло гарью и дымъ ѣлъ глаза. Надъ самымъ входомъ нависли широкія палати до такой степени низко, что нужно было наклонить голову, чтобы пройти на середину избы. На крашеномъ столѣ съ зелеными разводами по краямъ и цвѣтами посрединѣ горѣла красноватымъ огонькомъ маленькая жестяная лампа. Возлѣ нея сидѣлъ за столомъ надъ раскрытою книгой кругло остриженный русоволосый мальчикъ лѣтъ десяти. Въ концѣ стола, прислонясь къ лавкѣ и упершись ногами въ полъ, рослая, краснолицая, моложавая женщина кормила грудью ребенка. У печки, на полу шумѣлъ закипѣвшій самоваръ; направо за печкой—нары съ постелью, а надъ ними висѣла на длинномъ очепѣ, прикрѣпленномъ къ потолку, дѣтская люлька.

Хозяинъ положилъ на лавку мѣшокъ съ покупками.

— Вотъ, Настюха, женщина просится переночевать. Пустимъ ее,—сказалъ онъ женѣ.

— Пошто не пустить! изба просторна. Ночуй, тета, раздѣвайся. Да ты никакъ съ ребенкомъ? Въ экую погоду дите съ собой брать! Заморозила, поди.

Хозяинъ вышелъ отпрягать лошадь. Потомъ онъ вернулся и раздѣлся. Это былъ рослый мужикъ одинаковыхъ лѣтъ съ своею женой.

Онъ казался немного подвыпившимъ; широкая улыбка не сходила съ лица его, изрытаго оспою; подслѣповатые глаза весело улыбались.

— Ну-ка Настюха, подавай самоваръ на столъ. Тета, садись, будемъ чай пить,—обратился онъ къ путницѣ.

Старуха должна была повторить ему разсказъ о цѣли своего путешествія. Пока они разговаривали за чаемъ, ребенокъ лежалъ на лавкѣ, постепенно отогрѣваясь, по мѣрѣ того, какъ теплый воздухъ проникалъ къ его тѣльцу.

— Ты бы, тета, паренька своего развернула да положила на печку,—сказала хозяйка, укладывая въ люльку своего ребенка, который заснулъ у нея на рукахъ.

Старуха осторожно взяла ребенка и, подойдя къ печкѣ и взобравшись на приступокъ, положила его на подушку и прикрыла какою-то теплою ветошью, поданною хозяйкой.

Чаепитіе продолжалось. Старуха разсказала хозяевамъ про Сомова и про Солодовникову.

— Грѣхъ, поди, такъ-то жить, амманомъ, да дѣтей бросать,—проговорила хозяйка.

— Это нашему брату мужику грѣхъ,—возразилъ ей мужъ, не то серьезно, не то въ шутку.—А у нихъ, можетъ, совсѣмъ законъ другой. Нашему брату грѣхъ вотъ и скоромное ѣсть: цѣлый постъ жремъ капусту, да картошку, развѣ только въ праздникъ спечешь пирогъ съ грибами. А у нихъ весь постъ говядину кушаютъ: знать, имъ не грѣхъ. Можетъ, они противъ грѣха средствіе какое знаютъ: народъ образованный, небось, своей душѣ зла не желаетъ.

— Ну, ужъ ты наговоришь; чай, Богъ одинъ, что у нихъ, что у насъ.

— Богъ-то одинъ, да линія совсѣмъ другая... У насъ дѣло мужицкое, а у нихъ господское или тамъ, къ примѣру, купеческое, дворянское. Нашему брату не женившись нельзя. А по ихнему, если жениться статья не выходитъ, вотъ тебѣ и пошли жировые ребята: потому дѣвку завсегда можно аммануть, особливо ежели при капиталѣ. А родится у нея робенокъ, куда ей съ нимъ? Вотъ и отдаютъ въ такой домъ. А тамъ найдутся и няньки, и мамки: у казны денегъ много... Вотъ разспрошу людей, да возьму и своего Ваську отдамъ туда-же.

— Какъ-же, такъ и позволю я тебѣ! Ты, поди, и Петьку отдалъ-бы, какъ бы выпилъ еще больше.

Хозяинъ задумался, прихлебывая чай.

— Говорить можно все,—сказалъ онъ потомъ,—а что не хорошо, то не хорошо.

Въ это время съ печки донесся чуть слышный пискъ.

— Твой паренекъ, тета, проснулся: легокъ на поминѣ,—сказалъ хозяинъ.

Старуха поспѣшно встала и подошла къ ребенку. Онъ едва замѣтно двигалъ ножками и опять запищалъ. Она перевернула его на другой бокъ. Онъ нетерпѣливо зашевелилъ губками, побуждаемый голодомъ. Старуха осторожно взяла его на руки. Онъ медленно полуоткрылъ глаза; ротикъ и все личико его искривились; раздался слабый, замирающій крикъ и затихъ въ изнеможеніи.

— Настюха, ты бы грудью его покормила,—сказалъ хозяинъ женѣ:— съ этой соски ему проку мало.

Хозяйка взяла ребенка и приложила къ своей груди.

— Господи, какой онъ холодный! И по сю пору не согрѣлся! И блѣдный какой, а на щечкахъ вотъ чуть стала краска выступать. Достань-ка, тета, изъ печки чугунъ съ горячей водой, я искупаю его хорошенько, а то онъ у тебя помретъ,—право, помретъ.

Когда она выкупала ребенка, онъ былъ красный какъ ракъ, сердце его билось такъ отчетливо, что она ощущала его своею рукою. Черезъ минуту, лежа въ теплыхъ пеленкахъ, онъ блаженно улыбался...

— Вотъ ты и пріютила, и согрѣла сироту,—замѣтилъ хозяинъ.— Петька,—обратился онъ къ сыну,—скажи-ка стишокъ про сироту.

— Скажу!—крикнулъ Петя, закрылъ книжку и зачастилъ:

Вечеръ былъ, сверкали звѣзды,
На дворѣ морозъ трещалъ,
Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ и т. д.

— Вотъ стишокъ, такъ стишокъ!—сказалъ хозяинъ, когда мальчуганъ кончилъ.—Какъ написанъ складно: какъ разъ въ точку приходится. Подумаешь: для чего эти стишки пишутъ? такъ, зря? Анъ нѣтъ; все къ дѣлу чтобы приходилось...

На слѣдующій день старуха отправилась въ дальнѣйшій путь. День былъ тихій и теплый, солнце съ утра и до самаго вечера свѣтило такъ ярко, что даже съ крыши капало. По дорогѣ попались ей люди, которые за бутылку водки благополучно довезли ее до губернскаго города. А еще черезъ день она была уже въ Москвѣ.

VIII.

По уходѣ Сомова, Солодникова всю ночь металась, бредила и заснула только въ семь часовъ утра.

Часу въ десятомъ она поспѣшно встала, напялила на себя платье, не умываясь, стала предъ иконою, прочла «Отче нашъ», хотя въ послѣднее время, подъ вліяніемъ Сомова, совсѣмъ отвыкла молиться, и торопливо заходила по комнатѣ, блуждая глазами по сторонамъ, потомъ

порывисто подбѣжала къ столу, схватила большой платокъ, скомкала его, сдѣлала куклу и стала носить ее по комнатѣ.

Въ комнату вошла Трофимовна, долго смотрѣла на нее, вздохнула, покачала головою и спросила:

— Можетъ, ты чай будешь пить?—Я бы поставила самоваръ.

— Поставь, поставь,—скороговоркой отвѣтила она.

Трофимовна взяла самоваръ и вышла.

Солодникова бросила куклу на кровать, подошла къ столу, гдѣ лежала матерія, взятая для шитья, схватила кусокъ чужого холста и стала отрывать по аршину. Такъ она изорвала весь холстъ. Потомъ принялась за кусокъ ситцу и, изрѣзавши его, сѣла за машину и стала шить. Изъ холста будутъ пеленки, а изъ ситца—шелковое подвѣнечное платье...

Трофимовна принесла самоваръ, положила на столъ ломоть чернаго хлѣба и заварила чай.

— Ну, пей. Будетъ тебѣ шить-то.

Больная подсѣла къ столу, налила крѣпкаго чаю изъ одного чайника прямо въ блюдечко и пила, наклонясь низко надъ столомъ, не прикасаясь къ блюдечку руками, которыми придерживала куклу.

Потомъ она положила куклу на кровать, прикрыла ее концемъ одѣяла и опять сѣла за машину. За этимъ занятіемъ она провела цѣлый день. Голова ея ни на минуту не переставала усиленно работать, какъ сорвавшаяся съ поставовъ вѣтряная мельница. Душу наполнялъ какой-то туманъ.

Такъ прошелъ весь день. Вечеромъ, едва стемнѣло, пришла акушерка, имѣвшая обыкновеніе навѣщать родильницъ въ теченіе девяти дней послѣ родовъ. Разстерянный видъ больной сразу бросился ей въ глаза. Она долго озабоченно смотрѣла, какъ больная ходила по комнатѣ съ куклою въ рукахъ и вслушивалась въ ея безсмысленныя рѣчи...

Въ тотъ-же день она отправилась къ отцу Іосифу, и, разсказавъ ему, въ присутствіи миловидной молоденькой «матушки» обо всемъ, что она видѣла, осталась у нея пить чай. А отецъ Іосифъ одѣлся и пошелъ къ Сомову. Онъ засталъ его въ лавкѣ за конторкой. Высокій приказчикъ и мальчикъ заворачивали какой-то товаръ для стоявшихъ у прилавка покупателей.

— У меня есть къ вамъ одно дѣльце,—деликатно замѣтилъ отецъ Іосифъ.

— Говорите,—сказалъ Сомовъ.

Онъ уже заперъ, было, конторку, но, догадавшись, о чемъ хочетъ вести рѣчь священникъ, опять отперъ ее и, принявъ озабоченный видъ, сталъ рыться въ бумагахъ.

— У васъ тутъ, кажется, комната есть. Нельзя-ли туда?

— Хорошо, позвольте минутку... Куда это дѣвался послѣднiй счетъ на сахаръ?—спросилъ Сомовъ прикащика.

— Не знаю, у васъ гдѣ-нибудь.

— Тьфу, какая досада! Какъ нарочно кто забросилъ! Когда не нужно, попадается на глаза, а понадобится,—и днемъ съ огнемъ не найдешь.

Онъ продолжалъ возбужденно перерывать бумаги и книги, очевидно, сердясь, что священникъ не уходитъ. Но убѣдившись, что тотъ рѣшился, во что-бы то ни стало, дожидаться его, онъ заперъ конторку и сказалъ:

— Ну, пусть въ другой разъ. Пойдемте, отецъ Iосифъ.

Они прошли чрезъ узкую деревянную дверь въ маленькую комнатку съ диваномъ, тремя вѣнскими стульями и маленькимъ столикомъ.

— Я къ вамъ по дѣлу Солодовниковой, — сказалъ священникъ, усѣвшись на стулъ и уставивъ глаза на Сомова: — она находится въ бѣдственномъ положенiи,—кажется, помѣшалась умомъ, бредитъ ребенкомъ, холстъ чужой изорвала на пеленки... Какъ видно, она разсчитывала... замужъ выйти... Вообще... вамъ должна быть извѣстна причина всего этого.

Сомовъ безпокойно повернулся на стулѣ и нахмурился.

— Я-то причемъ тутъ?—сказалъ онъ, стараясь подавить свое возбужденiе.

— Я не говорю, что вы всему этому виною. Мнѣ только кажется, что вы... какъ хорошiй знакомый ея... могли-бы содѣйствовать какъ-нибудь облегченiю ея положенiя...

— Пожалуй, если хотите, я могу дать вамъ для нея... рублей десять...

— Нѣтъ, этого мало. Вы не такъ меня поняли... Не подсказываетъ-ли вамъ совѣсть чего-нибудь другого?..

— Ну, моя совѣсть... это мое личное дѣло!

— Я, какъ пастырь, обязанъ вамъ сказать, что если вы давали ей какiя-либо обѣщанiя или обязательства, то вы должны исполнить ихъ.

— Какiя обязательства?!—воскликнулъ Сомовъ, порывисто вставая со стула и взялъ шапку.—Я, право, не понимаю васъ,—продолжалъ онъ болѣе спокойно, опять садясь и кладя шапку.—Конечно, она дѣвушка бѣдная. Мнѣ жаль ее. Вотъ возьмите десять рублей, передайте ей... А какiя-жь могутъ быть у меня обязательства?! Помилуйте, отецъ Iосифъ, вы ошибаетесь. Напрасно вы говорите... Напрасно!..

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только уйти.

— Возьмите-жь деньги!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ужь вы сами помогайте ей. Не ожидалъ я этого...

Молодой священникъ вышелъ, глубоко задумавшись. Когда онъ вернулся домой, Марья Ивановна все еще сидѣла у нихъ.

— Вы не взяли денегъ!—воскликнула она, выслушавъ его разсказъ.—Такъ я пойду сейчасъ, возьму у него. Чего церемониться? Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ. И то хорошо: деньги больной пригодятся!

Черезъ четверть часа она была уже у Сомова въ лавкѣ.

— Вы предлагали отцу Іосифу деньги для одной больной женщины,—сказала она ему, въ присутствіи прикащиковъ.—Онъ не взялъ, такъ я вотъ пришла: у нея и за квартиру не заплачено, и дровъ нѣтъ, и чаю, сахару. Деньги ей очень нужны.

— Конечно...— проговорилъ Сомовъ. — А попъ почему-то закапризничалъ. Извольте вамъ десять рублей.

— Такъ вы ужь, за одно, дайте и чаю и сахару, да хоть пару булокъ; у васъ, вѣдь, этого добра много.

— Извольте, извольте. Для васъ. — Онъ любезно улыбнулся, велѣлъ дать чаю, сахару и самъ положилъ въ кулекъ булокъ.

IX.

Прошла еще недѣля. Марья Ивановна не переставала навѣщать Солодовникову. Разъ она пришла къ ней въ то время, когда больная растапливала въ печи дрова. Квартира была полна густого дыма.

— Что это у васъ?—спросила она.

— Ничего, кашку варю,—отвѣчала больная.

— А дымъ отчего?

— Ничего, пускай... дымъ...

Вбѣжала перепуганная хозяйка, отворила дверь настежь, бросилась къ печкѣ: труба оказалась закрытою.

— Что это за новости? вздумала печку растапливать въ такомъ умѣ! Ужь и добрала-же ты меня! Да ты мнѣ домъ сожжешь!

Хозяйка попросила Марью Ивановну остаться съ больной, а сама шла заявить обо всемъ начальству. Въ полиціи она застала исправника и наговорила ему всевозможныхъ ужасовъ: будто больная пыталась домъ сжечь, хватала ножъ и пытала зарѣзаться, все ломаетъ, бьетъ и неистово кричитъ.

Исправникъ велѣлъ сейчасъ-же написать повѣстки двумъ врачамъ, жившимъ въ городѣ, уѣздному и земскому съ приглашеніемъ явиться на слѣдующій день въ полицейское правленіе для освидѣтельствованія больной.

Въ десять часовъ слѣдующаго дня Солодовникову привели въ полицейское правленіе. Исправникъ сидѣлъ уже за столомъ. Черезъ полчаса явились и врачи. Уѣздный, одѣтый въ новенькую сѣрую пару, былъ низкаго роста, съ сильною просѣдью и въ золотыхъ очкахъ, сквозь которыя, прищурясь, смотрѣли добродушные, сѣрые глаза; сѣдоватая бородка его, раздѣленная проборомъ на двѣ половины, была тщательно расчесана въ обѣ стороны. Медленно, едва передвигая ноги, ходилъ онъ по присутственной комнатѣ и, ни о чемъ не думая, то бросалъ взглядъ на свое кругленькое брюшко, на которомъ болталась золотая цѣпочка часовъ, то глядѣлъ по сторонамъ, расправляя обѣими руками половинки своей бороды. Другой врачъ, земскій, высокаго роста, лѣтъ сорока, съ большимъ тертымъ лбомъ, волоса въ безпорядкѣ закинуты назадъ, на потертомъ пиджакѣ множество пятенъ, вышитая рубашка измята и заношена.

— Введите Солодовникову,—приказалъ исправникъ секретарю, сидѣвшему за отдѣльнымъ столомъ у стѣны.

Секретарь вышелъ въ переднюю и ввелъ молодую женщину, вслѣдъ за которой вошелъ городовой и почтительно остановился сзади на вытяжку.

На Солодовниковой была дешевая, но чистая ватная шубенка съ накладнымъ воротникомъ, чорная шапочка изъ вязаннаго барашка, на половину закрытая пушистымъ платкомъ, и такая-же вязанная муфта на рукахъ. Лицо блѣдное, исхудалое и невыразительное; разсѣянный взглядъ мутносѣрыхъ глазъ терялся въ пространствѣ.

— Ваша фамилія Солодовникова?—спросилъ исправникъ, сидѣвшій лицомъ ко входу.

Она взглянула на него.

— Не знаю... Можетъ быть и Солодовникова... Потому-что... зачѣмъ на судъ? Приходили солдаты, хотѣли завоевать меня. А я говорю, что сама заработаю для себя пропитаніе. Только зачѣмъ онъ ребенка съѣлъ?

— Позвольте я съ нею побесѣдую, — сказалъ земскій врачъ. — Кто вашего ребенка съѣлъ?—обратился онъ къ Солодовниковой.

— Какъ будто не знаете! Еще и вы съ нимъ вмѣстѣ ѣли. Онъ васъ угощалъ поросенкомъ, а это былъ ребенокъ. И вы пиджакъ закапали жиромъ. Вотъ пятнышко. Нѣтъ, не этотъ пиджакъ: на васъ тогда была ряса.

— Какая ряса?

— Такая, что вы были священникомъ.

— И вы видѣли меня священникомъ?

— Видѣла.

— Гдѣ вы меня видѣли?

— У Василія Петровича. Потому-что душу нельзя разлучать съ тѣломъ! Значитъ кормить нечѣмъ, теперь надо кашку варить! Да!

— Кому вы говорите, надо кашку варить?

— Ребенку, извѣстно!

— Чьему ребенку?

— Моему.

— Да гдѣ-же вашъ ребенокъ!

— А съѣлъ Василій Петровичъ? И мнѣ давалъ, да я не захотѣла.

— Значитъ, теперь у васъ нѣтъ ребенка: его съѣли, вы говорите? Зачѣмъ-же ему кашку варить? Вы несообразность говорите.

— Нѣтъ вы сами говорите глупости! Сами съѣли своего Петю и вотъ ихъ угощали, а на меня напрасно наговорили! Я не знаю, за что, я не знаю, не знаю! Нѣтъ, я отсюда теперь не уйду! Въ каторгу-бы меня, такъ и его въ каторгу! Онъ хотѣлъ меня по-міру пустить: весь товаръ отцовскій разграбилъ и деньги. Дѣлаетъ трубочки и пускаетъ на воздухъ, такъ все добро и промоталъ. Пускай меня солдаты стерегутъ день и ночь! А вы думали какъ? Дѣтская душа никогда не умираетъ, а съѣли такъ и нечего отпираться! Булатовъ побогаче васъ, а всегда шапку снимаетъ и кланяется: «здравствуйте, Анна Павловна!» А вамъ какое дѣло? Какое вамъ дѣло?

— Успокойтесь, Анна Павловна,—мягко сказалъ земскій врачъ, который былъ съ нею хорошо знакомъ и самъ раньше «подкатывался» къ ней.—Вы немного разстроены, но мы отправимъ васъ въ губернскую больницу и вы скоро поправитесь.

— Не трогайте меня, не трогайте! Я, слава Богу, въ своемъ умѣ! Если-бы вы родились въ другой разъ, то не дѣлали-бы такъ! А я, можетъ быть, тысячу разъ родилась, тысячу разъ! Вы меня ограбили, ну и довольно, и довольно! У меня ничего больше нѣтъ: молока нѣтъ, кашки нѣтъ—вотъ и корми, чѣмъ знаешь! Хотѣли дѣтскимъ мясомъ накормить! Покорно благодарю! Я купила сантиметръ на собственныя деньги, на трудовыя, у Булатова въ банѣ. А вамъ какое дѣло?

Врачи переглянулись, поговорили съ исправникомъ и стали писать протоколъ освидѣтельствованія.

Чрезъ полчаса былъ приготовленъ пакетъ, съ надписью: «Въ —скую губернскую земскую больницу. Съ препровожденіемъ умалишенной Анны Солодовниковой».

X.

Былъ двѣнадцатый часъ жаркаго лѣтняго дня. Марья Ивановна подходила къ больницѣ, построенной на берегу рѣки. Два большіе новые двухэтажные каменные красные корпуса возвышались передъ нею на широкой полянѣ, окруженной съ трехъ сторонъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ, а съ четвертой рѣкою. Въ одномъ корпусѣ помѣщались больные мужчины, въ другомъ женщины. Въ сторонѣ, на самомъ бе-

регу рѣки, стоялъ большой одноэтажный домъ. Передъ нимъ—цвѣтникъ съ клумбами и дорожками, усыпанными пескомъ. Здѣсь жили оба больничные врача. У самой опушки лѣса расположены два только что отдѣланные сосновые барака для выздоравливающихъ мужчинъ и женщинъ, а за ними въ чащѣ лѣса виднѣлась деревянная мертвецкая съ крестомъ на крышѣ.

Всѣ постройки сообщались между собою дорожками, усыпанными пескомъ и утрамбованными щебнемъ, а по сторонамъ ихъ тянулся огородъ. На грядахъ копошились больные мужчины въ парусинныхъ блузахъ и картузахъ и женщины въ однообразныхъ ситцевыхъ платьяхъ и платочкахъ, пололи и поливали подъ присмотромъ служителей и служанокъ. Серьезно больные обоихъ корпусовъ гуляли въ тѣсныхъ дворикахъ, именовавшихся садами и обнесенныхъ рѣшетчатыми оградами.

Время приближалось къ обѣду. Двое служителей прошли изъ кухни въ мужской корпусъ; одинъ несъ на головѣ деревянную доску, обитую цинкомъ, съ нарѣзанными на ней порціями мяса, другой лотокъ съ кусками хлѣба. Вышелъ служитель и сталъ дергать за веревочку, проведенную отъ звонка, укрѣпленнаго на вершинѣ высокаго столба, у параднаго подъѣзда. Раздался частый, пронзительный звонъ, длившійся съ минуту. Всѣ гулявшіе и работавшіе на огородѣ потянулись къ корпусамъ и баракамъ обѣдать. Нѣкоторыхъ служителя вводили насильно...

Длинная фельдшерица съ черными волосами и желтымъ, какъ воскъ, лицомъ ветрѣтила Марью Ивановну при входѣ въ женскій корпусъ. Онѣ были старыя знакомыя: когда-то вмѣстѣ учились. Пріятельницы обнялись, расцѣловались. Марія Ивановна разсказала пріятельницѣ, что пріѣхали въ губернскій городъ для свиданія съ матерью. Пока онѣ вели бесѣду въ пріемной, а больные обѣдали, пришелъ на обычную ежедневную визитацію старшій врачъ, успѣвшій уже обойти мужское отдѣленіе. Это былъ высокій плотный мужчина съ едва пробивающеюся сѣдиной въ черныхъ какъ уголь волосахъ, съ прекрасными карими проницательными и ласковыми лучитыми глазами.

Марья Ивановна испросила у него разрѣшеніе повидать Солодовникову.

— Господинъ докторъ, скажите, пожалуйста, поправляется-ли Солодовникова или нѣтъ?—спросила Марья Ивановна.

— Н-не особенно. Она у насъ считается неизлѣчимой.

Сидѣлка ввела Солодовникову. На ней было полосатое ситцевое платье, такое-же, какъ и на другихъ больныхъ, и такой-же матеріи кофточка; голова не покрыта, волосы, сзади стянутые гребешкомъ, слегка взбиты; лицо ея показалось Марьи Ивановнѣ энергичнѣе и гораздо полнѣе, чѣмъ какимъ она знала его раньше; взглядъ глазъ недовѣрчивый, почти враждебный; походка рѣзкая, рѣшительная.

— Здравствуйте, Анна Павловна,—сказала акушерка.

Больная окинула ее и врача надменно-враждебнымъ взглядомъ и отвернулась, ничего не сказавъ.

— Вы меня не узнаете? Здравствуйте!

Больная молча взяла протянутую руку.

— Узнали?

— Узнала.

— А кто я такая?

— Извѣстно кто: Марья Ивановна,—проговорила она тихо.

— А куклы вы теперь уже не носите съ собою? Куда вы ее дѣвали?

— Господинъ врачъ съѣли вмѣстѣ вотъ съ ними.—Она указала на сидѣлку и фельдшерицу.

— Анна Павловна, Богъ съ вами! Раньше вы говорили, что ребенка съѣли, а теперь говорите—куклу!

— Хоть куклу, хоть ребенка — развѣ не все равно? — Больная вздернула плечами.—Ничего не подѣлаешь: у нихъ одна шайка!

— Какая шайка?—спросила Марья Ивановна.

— Да вотъ господинъ врачъ и всѣ они—это одна шайка съ Василіемъ Петровичемъ, съ Сомовымъ.

— Анна Павловна, что вы говорите? Никто вашего ребенка не ѣлъ! Онъ живехонекъ! Развѣ вы не знаете, что его отправили въ Москву въ пріютъ?

— Толкуйте: это только говорятъ такъ.

— Богъ съ вами, Анна Павловна! Что вы забрали себѣ въ голову? Хотите, вашего ребенка назадъ можно взять: у меня и билетъ на него есть.

— Бумажка это и больше ничего

— Анна Павловна, выбросьте изъ головы эту мысль! Мы ребенка вамъ доставимъ. Господинъ докторъ, она можетъ выздоровѣть, только надо ей ребенка возвратить!

Врачъ привыкъ не обращать вниманія на разговоры больныхъ и препирательство съ ними онъ считалъ вреднымъ. Разглагольствованія Марьи Ивановны казались ему способными разстроить больную. Услышавъ замѣчаніе посѣтительницы, онъ всталъ изъ-за стола и, пронизавъ ее своимъ испытующимъ взглядомъ, слегка улыбнулся.

Марья Ивановна покраснѣла, какъ ракъ. Солодовникову увели въ садъ гулять.

— Право, докторъ, она выздоровѣетъ, только надо возвратить ей ребенка,—повторила она, оставшись наединѣ съ врачемъ.

Онъ опять улыбнулся и покачалъ головою.

— Вы учились лѣчить душевно-больныхъ?—спросилъ онъ мягко.

— Конечно, нѣтъ.—Марья Ивановна покраснѣла еще больше.—Но развѣ не видно и такъ?

— То-то вотъ и есть: вы не учились—и вамъ видно, а я учился и мнѣ не видно. Тутъ, что-нибудь да не ладно.

— Ну право-же, докторъ... Она помѣшалась оттого, что у нея взяли ребенка...

— Очень любила его?—спросилъ докторъ, о чемъ-то раздумывая.

— Ахъ, какъ-бы вамъ объяснить! Она хоть и не любила его, но надѣялась, что какъ онъ родится, такъ отецъ его женится на ней ради ребенка, потому что всетаки—отецъ... А онъ, какъ родился ребенокъ, взялъ да и отправилъ его въ Москву, а жениться не хочетъ. Вотъ она отъ этого и помѣшалась: отъ горя, потеряла всю вѣру въ него. Ну, а теперь она любитъ ребенка. Раньше не любила потому, что думала больше о себѣ, да о своемъ любовникѣ и дѣлала такъ, какъ онъ велѣлъ. А потомъ, какъ увидѣла, что онъ обманщикъ, такъ стала ненавидѣть его, а ребенка полюбила: чувство проснулось, потому что всетаки мать...

Заинтересованный ея разсказомъ, врачъ сталъ задавать ей вопросы. Она сообщила ему все, что знала о Солодовниковой и ея отношеніяхъ къ Сомову. Разсказала также, въ какомъ положеніи она застала ее, когда явилась на роды; какъ больная была измучена безсонницей и тревожно настроена. Упомянула потомъ, какъ отецъ Іосифъ приходилъ давать молитву и увѣщевалъ больную наединѣ, какъ послѣ его ухода Солодовникова осталась съ глазу на глазъ съ Сомовымъ и между ними, по словамъ хозяйки, произошла очень бурная сцена, а когда она пришла къ Солодовниковой на другой день, то застала ее уже помѣшанною.

Врачъ внимательно слушалъ ее, стараясь не проронить ни одного слова. Все это для него было ново. При пріемѣ больной онъ старался выяснить причину ея помѣшательства, но ничего опредѣленнаго не могъ добиться. Изъ поведенія Солодовниковой и ея безсвязныхъ словъ онъ только заключилъ, что помѣшательство вызвано какимъ-нибудь душевнымъ потрясеніемъ. Такъ и записалъ онъ у себя. Но чѣмъ произведено такое потрясеніе, это для него оставалось тайной. Теперь слова Марьи Ивановны пролили на дѣло нѣкоторый свѣтъ.

— Да,—сказалъ онъ нерѣшительно,—пожалуй, подъ вліяніемъ, такъ называемаго, душевнаго аффекта, ваша знакомая могла-бы выздоровѣть. Въ медицинской литературѣ хоть и рѣдки, но извѣстны подобные случаи. Но для этого необходимо, во-первыхъ, возвратить ей ребенка, во-вторыхъ, доказать, что тотъ ребенокъ именно ея, а не чужой. Но ничѣмъ вы ей этого не докажете.

— Она узнаетъ своего ребенка: у него родимое пятнышко на груди.

Докторъ подумалъ.

— Не хотите-ли пройтись въ садикъ? Мы тамъ поговоримъ съ нею,—сказалъ онъ,—направляясь во дворъ, куда опять повыгоняли больныхъ послѣ обѣда.

XI.

Когда они были уже въ садикѣ, къ нимъ подошли фельдшерица и младшій врачъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста, тонкій, немного сутуловатый, съ клиновидною вьющейся русой бородкою, тоненькими усиками и необыкновенно привѣтливыми голубыми глазами. Онъ недавно вышелъ изъ университета, не успѣлъ еще потерять вѣры въ различные опыты надъ больными и обращался съ ними, какъ съ нѣжно любимыми дѣтьми. Ему разсказали о Солодовниковой уже извѣстное старшему врачу. Это очень заинтересовало его...

Когда врачи подошли къ ней, она съ полузакрытыми глазами быстро ходила взадъ и впередъ среди сада но выбитой ею на пескѣ дорожкѣ на разстояніи какихъ-нибудь десяти шаговъ и, дойдя до опредѣленнаго мѣста, поворачивалась назадъ. Она то пожимала плечами, то проводила рукою по горлу, то качала головою, шопотомъ произнося какія то слова. Видно было, что она разстроена...

Старшій врачъ съ минуту постоялъ, пристально посмотрѣлъ на нее и, повернулъ назадъ. Младшій врачъ остановилъ его и сталъ что-то горячо доказывать ему.

Между тѣмъ Марья Ивановна подошла къ Солодовниковой и стала разсказывать ей, кто у нихъ въ городѣ умеръ, кто какъ живетъ.

Больная сначала не хотѣла и слушать ее, но потомъ, мало по-малу, втянулась въ разговоръ, отвѣчала на вопросы Марьи Ивановны, сама иногда спрашивала ее и все почему-то удивлялась что-бы та ни говорила.

Къ нимъ подошли оба врача.

— Разговариваете?—спросилъ младшій, обращаясь къ Марьѣ Ивановнѣ.—Помнитъ она что-нибудь изъ прошлаго?

— Почти все помнитъ. Только такая она, право, чудачка: одинъ господинъ давно умеръ, еще при ней, а она говоритъ, что видѣла его здѣсь.

— Ну, это ничего: это съ больными бываетъ. У васъ, говорятъ, ребенокъ былъ?—спросилъ онъ Солодовникову мягко.

— Не знаю Нѣтъ, былъ! Только его съѣли.

— Мальчикъ или дѣвочка?

— Нѣтъ... Машей называли!

— Значитъ, кто-же, если Машей называли: мальчикъ или дѣвочка?

— Ничего вы не понимаете, господинъ докторъ! Ну, дѣвочка, что-жъ изъ этого?

— А вы узнали-бы свою Машу, если-бы вамъ ее принесли?

— Да ужь съѣли, такъ нечего приносить.

— А предположимъ, что она была-бы живая...

— Какъ живая? Вотъ вы, господинъ докторъ, хоть и изъ императорской нѣмецкой фамиліи родомъ, а говорите Богъ знаетъ что!

— О, вы, пожалуйста, на меня не обижайтесь. Скажите только: если-бы ваша Маша была живая, да принесли ее сейчасъ къ вамъ— узнали-бы вы ее или нѣтъ?

— Узнала-бы.

— А почему-бы вы ее узнали?

— Извѣстно: моя Маша—сейчасъ видно.

— А помните, какіе у нея глаза?

— Не помню. Бѣлые, должно быть.

— Господинъ докторъ,—вмѣшалась Марья Ивановна,—спросите про родимое пятнышко. Я нарочно ей показывала его.

— У вашего ребенка, говорятъ, родимое пятнышко было?

— Можетъ быть и было.

— А вы не помните?

— Нѣтъ, не помню... Нѣтъ, помню, помню! Право, честное слово, было пятнышко! Ахъ какое пятнышко!

Докторъ взглянулъ на Марью Ивановну. Она ему кивнула головою.

Старшій врачъ все время снисходительно улыбался надъ этимъ разговорѣ, которому онъ не придавалъ серьезнаго значенія.

— Нѣтъ-ли у васъ какой-нибудь монеты мѣдной?—спросилъ младшій Марью Ивановну.

Она достала пятачекъ и двѣ копѣйки.

— Ненайдется-ли у васъ еще чего-нибудь поменьше, котороe-бы по величинѣ напоминало?... если возможно, то чтобы и цвѣта такого?..

Марая Ивановна вынула изъ кошелька двѣ перламутровыя пуговицы, потомъ наклонилась, долго смотрѣла на землю, подняла маленькій, гладкій краснобурый камешекъ величиною съ горошинку, а другой гораздо покрупнѣе и оба отдала доктору.

— Ну, посмотрите сюда,— сказалъ онъ, раскладывая на ладони монеты, пуговицы и камешки:—на какую изъ этихъ вещей походитъ родимое пятнышко?

— Да вамъ-то, господинъ докторъ, для чего это?

— О, мнѣ это очень нужно знать! Я вамъ потомъ скажу для чего, а теперь посмотрите. На что похоже пятнышко: на это, или на это?

Солодовникова внимательно всмотрѣлась и молча ткнула пальцемъ зъ камешекъ величиною съ горошину.

— Такое?—спросилъ докторъ.

— Такое.

— А можетъ быть вотъ такое? — Онъ указалъ на двѣ копѣйки.

— Нѣтъ.—И она опять ткнула пальцемъ въ тотъ-же камешекъ, подняла руки въ уровень съ лицомъ, сложила ладони вмѣстѣ—и на лицѣ ея засіяла радостная улыбка.

— Такое?

— Такое, такое! — Она закинула голову назадъ и слегка засмѣялась.

Докторъ взглянулъ на Марью Ивановну.

— Точь въ точь такое и по цвѣту, и по величинѣ,—сказала та:— Ну, право-же она узнаетъ своего ребенка!

Врачи вышли изъ садика и направились по дорожкѣ мимо главныхъ корпусовъ. Младшій горячо доказывалъ старшему возможность выздоровленія Солодовниковой, если возвратить ей ребенка.

— Память у нея въ значительной степени сохранилась,—говорилъ онъ.—Замѣтно нѣкоторое чувство любви къ ребенку. Заболѣла, безъ сомнѣнія, отъ душевнаго потрясенія. Утрата ребенка болѣе всего подѣйствовала... Гдѣ-то въ литературѣ я подобный случай встрѣчалъ...

— Пожалуй,—сказалъ онъ,—попытаемся показать ей ребенка. Но... за успѣхъ ручатся нельзя, такъ что... А все-таки попробуемъ: какъ говорится, попытка не пытка.

Рѣшено было послать за ребенкомъ Солодовниковой.

XII.

Былъ такой-же ясный день, какъ и въ описанное посѣщеніе Солодовниковой Марьей Ивановною. Весь медицинскій персоналъ психіатрической лѣчебницы собрался на женскомъ отдѣленіи: тутъ были оба врача, фельдшерица и два фельдшера. Марья Ивановна тоже пришла. Сидѣлка держала на рукахъ восьми-мѣсячнаго ребенка. Всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго. Особенное нетерпѣніе обнаруживалъ младшій врачъ.

Привели Солодовникову.

— Вотъ ваша Маша,—сказали ей.

Она не вѣрила, даже и смотрѣть не хотѣла на ребенка и сердилась, что ее обманываютъ.

— Ну, идите же, посмотрите,—сказалъ младшій врачъ. Онъ очень нѣжно взялъ ее подъ руку и подвелъ къ ребенку.

— Вотъ выдумали: пятнышко! Никакого пятнышка нѣтъ!—говорила она, наклоняясь надъ раскрытою грудью ребенка.

Но тутъ случилось чудо: больная такъ и застыла съ устремленнымъ на пятнышко взоромъ. Глаза ея раскрывались все шире и шире, плечи

приподнялись, на лицѣ изобразилось удивленіе, потомъ по немъ пробѣжала легкая улыбка, голова откинулась назадъ и больная залилась звонкимъ смѣхомъ. Долго смѣялась она... Прошлась взадъ и впередъ по своей дорожкѣ, остановилась предъ ребенкомъ, сама открыла грудь, посмотрѣла на пятнышко, не говоря ни слова, взяла ребенка на руки и опять засмѣялась.

Въ тотъ-же день Солодовникову перевели въ отдѣльную комнату. Рядомъ съ ея кроватью поставили маленькую кроватку для ребенка, а третью для сидѣлки, назначенной нянькою.

Съ этого времени въ здоровьѣ больной произошелъ переломъ. Она уже больше не говорила, что ея ребенка съѣли: мысль эта навсегда исчезла изъ ея головы. Память и сообразительность постепенно становились лучше.

Ѳ. Тищенко.

Шелестъ листьевъ

(Осенняя мелодія).

Изсушили насъ вѣтры дыханіемъ гнѣвнымъ,—
Мы, какъ вѣтры, легки, мы безъ вѣтра слетимъ.
Опалило насъ солнце лобзаньемъ полдневнымъ,—
Мы, какъ полдень, свѣтлы, мы безъ солнца блес-
тимъ.

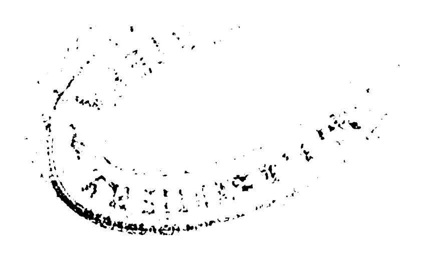
Мы лепечемъ предъ смертью, какъ дѣти больныя,
Съ каждымъ днемъ все нѣжнѣй, съ каждымъ днемъ
все мертвѣй.
Облеклись мы предъ смертью въ одежды цвѣтныя,—
Намъ не жаль ни корней, ни родимыхъ вѣтвей.

Пусть весна отшумѣла зелеными снами,—
Сонъ осенній свѣтлѣй, сна осенняго ждемъ.
Пусть земля опустѣло чернѣетъ подъ нами, —
Мы на землю слетимъ золотистымъ дождемъ.

Въ часъ ненастья ночного, иль въ полдень холодный
Мы одни, свою смерть въ красоту превратя,
Отъ вѣтвей отдѣлимся, легко и свободно,
И слетимъ-полетимъ, шелестя и блестя.

Н. Минскій.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

(Его жизнь и научная дѣятельность [1]).

IV.

Семья Чичериныхъ.

По окончаніи университета, Бестужеву пришлось подумать о выборѣ занятій, которыя-бы обезпечили его матеріальное положеніе. Отца онъ потерялъ еще въ 1848 г., служить не хотѣлось, и онъ принялъ мѣсто домашняго учителя въ семьѣ Чичериныхъ, жившихъ въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. Обязанности этого рода не были ему полною новостью. Еще студентомъ онъ давалъ уроки, между прочимъ въ домѣ графини Толстой, знакомство и добрыя отношенія съ которой сохранилъ до старости.

Счастливая звѣзда привела теперь Бестужева въ среду высокоинтеллигентныхъ людей. Говорю: счастливая потому, что трехлѣтнее пребываніе (1851—1854) въ домѣ Чичериныхъ оставило неизгладимый и плодотворный слѣдъ на всемъ умственномъ развитіи Бестужева. Глава семьи, Николай Васильевичъ Чичеринъ, отецъ извѣстнаго писателя и ученаго, профессора Б. Н. Чичерина, былъ, по словамъ его сына, «человѣкъ яснаго и твердаго ума, высокаго нравственнаго строя, съ сильнымъ характеромъ, съ глубокимъ знаніемъ людей, съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ и врожденнымъ чувствомъ изящнаго». Вся семья отличалась тѣмъ высокимъ умственнымъ аристократизмомъ и тою нравственною устойчивостью, которые всегда такъ отличали самого К. Н.

Село Караулъ, имѣніе Чичериныхъ, было средоточіемъ духовныхъ интересовъ всего мѣстнаго дворянства. Умственная жизнь била здѣсь

---

[1]) См. «Сѣверн. Вѣстн.» № 4, 1897 г.

полнымъ ключемъ; новинка въ литературномъ мірѣ возбуждала оживленныя бесѣды; короче говоря, на всемъ чувствовалось полное отсутствіе чего-либо пошлаго и банальнаго. Если въ пятидесятые годы Чичерины, повидимому, уже и не жили, какъ двадцать лѣтъ передъ этимъ, въ томъ живомъ и разнообразномъ кругу людей, какими были ихъ сосѣди помѣщики Кривцовъ и Баратынскіе,—въ той заманчивой обстановкѣ, яркую и привлекательную картину которой еще недавно нарисовалъ живыми красками въ своихъ воспоминаніяхъ Б. Н. Чичеринъ,—то самихъ ихъ эта перемѣна отнюдь не коснулась. Чичерины и въ Караулѣ остались тѣми-же, что и раньше, когда между Любичами, Уметомъ и Марою [1]), гдѣ блестящія дарованія мужчинъ соперничали съ обаяніемъ изящныхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ, существовалъ «почти ежедневный обмѣнъ, если не посѣщеній, то записокъ и посылокъ»; тогда изъ столицъ получались всѣ новости дня; тогда Кривцову присылалъ свои новинки Пушкинъ, а стихи Баратынскаго становились извѣстными прежде всего въ Марѣ. «Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали Чичерина обо всемъ, что появлялось въ литературѣ русской и иностранной, пересылали ему выходящія книги. Послѣдній романъ Байрона, недавно вышедшія лекціи Гизо, сочиненія Байрона пересылались изъ Умета въ Любичи и изъ Любичей въ Мару. И все это, при свиданіи, становилось предметомъ оживленныхъ бесѣдъ».

Повторяю, хотя съ 1837 г. Чичерины болѣе и не жили въ Уметѣ, переселившись въ Караулъ за 50 верстъ отъ центра этой умственной жизни, хотя сношенія съ друзьями стали значительно рѣже, умеръ и Кривцовъ, но традиціи недавней поры непоколебимо хранились и на новомъ мѣстѣ. Въ 1851 г. Бестужевъ засталъ ту-же умственную атмосферу, то-же преобладаніе духовныхъ интересовъ. Не даромъ «съ такимъ восторгомъ встрѣтилъ онъ статью Б. Н. Чичерина [2]): посвященная хотя и болѣе ранней порѣ, она всецѣло перенесла К. Н. въ міръ тѣхъ высокихъ умственныхъ запросовъ, какими жилъ Караулъ въ его время, живо напомнивъ ему далекіе свѣтлые годы, подъемъ бодраго духа и ту нравственную мощь, что столько разъ потомъ поддерживала на жизненномъ пути его самого. Свободно и легко дѣлалось Бестужеву въ этой атмосферѣ, и онъ всегда съ чувствомъ живой признательности и нравственнаго удовлетворенія вспоминалъ эти три года, какъ одну изъ лучшихъ полосъ своей жизни. «Ваша статья»—обратился онъ къ автору «Воспоминаній» послѣ прочтенія ихъ—«грѣшитъ лишь однимъ: вамъ слѣдовало-бы прибавить, что Караулъ былъ оазисомъ въ тогдашней дворянской средѣ». Въ этихъ словахъ прекрасная оцѣнка впечат-

[1]) Имѣнія Кривцовыхъ, Чичериныхъ и Баратынскихъ.

[2]) Изъ моихъ воспоминаній: По поводу дневника Н. И. Кривцова. «Русскій Архивъ» 1890. № 4.

лѣній, вынесенныхъ Бестужевымъ изъ пребыванія въ тамбовской деревнѣ.

Такимъ образомъ, счастливый случай далъ возможность молодому Бестужеву и внѣ Москвы продолжать жить въ мірѣ тѣхъ-же возвышенныхъ и благородныхъ идей и попрежнему держаться въ сторонѣ отъ пошлостей обыденной жизни. Нельзя, однако, не видѣть, что характеръ новой обстановки былъ совершенно иной. Кружокъ графини Саліасъ принадлежалъ къ разряду такъ называемыхъ либеральныхъ; направленіе Чичериныхъ было лишено какого-бы то ни было оттѣнка оппозиціи». «Безъ сомнѣнія»—говоритъ не разъ цитованный мною бытописатель этого круга — «образъ мыслей образованныхъ помѣщиковъ того времени былъ либеральный, насколько это требуется отъ всякаго просвѣщеннаго человѣка. Они цѣнили свободу, понимали потребность реформъ. Въ бумагахъ Кривцова найдены были даже проекты освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ землею. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ не было рѣшительно ничего похожаго на тотъ оппозиціонный, воинствующій либерализмъ, съ которымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ. Напротивъ, они уважали власть, въ которой видѣли охрану порядка и залогъ общаго благосостоянія. Они отнюдь не добивались какихъ-либо почестей. Все это они предоставляли людямъ иного разряда. Сами-же они довольствовались независимымъ положеніемъ, счастьемъ и благоустройствомъ домашняго быта, образованнымъ кругомъ друзей, хозяйственными занятіями, наконецъ, управленіемъ подвластныхъ имъ крестьянъ, которыхъ благосостояніе росло подъ ихъ просвѣщеннымъ попеченіемъ. И эта полная, обезпеченная и независимая жизнь не встрѣчала никакихъ преградъ. Даже мѣстныя власти не только не давали чувствовать своего оффиціальнаго превосходства, но, напротивъ, сами искали сближенія съ этими мѣстными тузами, которые своимъ умомъ, образованіемъ и общественнымъ положеніемъ возвышались надъ общимъ уровнемъ и пользовались тѣмъ большимъ авторитетомъ, что ничего не искали».

Вообще вліяніе Чичериныхъ было до извѣстной степени коррективомъ вліянію московскаго университета, разумѣется, не въ смыслѣ примиренія съ отрицательными сторонами тогдашней дѣйствительности, а въ смыслѣ болѣе спокойнаго, терпѣливаго къ ней отношенія, что вообще такъ гармонировало съ мягкой натурой самого К. Н. А если вспомнить его собственное признаніе, что въ университетѣ политическіе вопросы мало занимали его и его сотоварищей, что тогдашнее волненіе умовъ прошло какъ-то мимо него, то окажется, что обстановка, какъ разъ именно тѣхъ лѣтъ, когда у человѣка окончательно складывался характеръ и направленіе (1847—1854), особенно благопріятствовала выработкѣ у Бестужева кабинетнаго, незлобиваго отношенія къ текущимъ явленіямъ жизни, что, какъ извѣстно, всегда служило и впослѣдствіи его отличительною чертою.

6*

Съ особенной признательностью вспоминалъ Бестужевъ бесѣды свои съ Чичеринымъ—отцомъ. Онъ съ нимъ совѣтовался объ урокахъ и сочиненіяхъ, которыя задавалъ своимъ ученикамъ (сестрѣ и двумъ младшимъ братьямъ Бориса Николаевича), просилъ указаній относительно выбора книгъ. Колеблясь одно время, давать-ли дѣтямъ въ руки Плутарха, нѣкоторыя страницы котораго смущали его, Бестужевъ обратился съ вопросомъ къ Чичерину и получилъ въ отвѣтъ: «Дайте: чистому все чисто». Къ урокамъ своимъ Бестужевъ тщательно готовился. Въ числѣ произведеній, прочтенныхъ имъ совмѣстно съ учениками, была Божественная Комедія, Данта.

V.

Журнальная дѣятельность.

Вернувшись въ 1854 г. въ свой университетскій городъ, Бестужевъ поступилъ учителемъ въ московскіе корпуса, I-й и III-й, и съ этою цѣлью ѣздилъ въ Петербургъ читать тамъ въ главномъ штабѣ пробныя лекціи на заданныя темы. Но педагогическая дѣятельность мало влекла его къ себѣ. Научныя занятія русскою исторіею уже и теперь получили для него значеніе основного содержанія жизни, и потому тѣмъ тяжелѣе было ему сознавать, что обстоятельства складывались крайне къ тому неблагопріятно. Пробовалъ онъ держать экзаменъ на кандидата историко-филологическаго факультета, но не поладилъ съ Бодянскимъ. Въ 1856 г. онъ промѣнялъ корпуса на обязанности помощника редактора «Московскихъ Вѣдомостей», выходившихъ тогда подъ редакціею В. Ѳ. Корша; но выигрышъ отъ этого былъ развѣ только матеріальный.

Вообще 1854—1865 гг.—самый тяжелый (въ смыслѣ внѣшней обстановки) періодъ жизни К. Н.: забота о хлѣбѣ насущномъ стоитъ на первомъ планѣ. Это время усиленной спѣшной журнальной работы, компиляцій и переводовъ. Отношенія къ Коршу сложились не особенно удачно. Газетное дѣло, срочное, всегда за-полночь, назойливо вымучивая мысль, даже если она не шла въ голову и тѣмъ болѣе не укладывалась въ литературную форму, требовало большого напряженія, и умственнаго, и физическаго. Коршъ, какъ извѣстно, до конца жизни всецѣло оставался въ лагерѣ западниковъ; но Бестужевъ, хотя воспитался тамъ-же, но уже и теперь, въ пятидесятые годы, началъ относиться критически къ нѣкоторымъ изъ его положеній. А между тѣмъ время было горячее: крымская война, первые шаги новаго царствованія по пути реформъ,—пунктовъ разногласія между редакторомъ и его помощникомъ было не занимать стать.

Какъ ни тяжелы были условія газетной работы, Бестужевъ все-же усиленно выбивался изъ положенія зауряднаго журналиста. Параллельно

со статьями, писанными спѣшно и безъ желанія, со значеніемъ вполнѣ преходящимъ, онъ даетъ рядъ замѣчательныхъ этюдовъ по вопросамъ русской исторіи, свидѣтельствующихъ объ упорномъ трудѣ, серьезныхъ замыслахъ и еще болѣе о серьезныхъ требованіяхъ къ самому себѣ. Они-то и послужили краеугольнымъ камнемъ дальнѣйшаго историческаго образованія Бестужева.

Весною 1858 г. университетскій товарищъ его, Н. В. Альбертини, и бывшій сослуживецъ по московскому III-му корпусу, А. Н. Лаксъ, задумали изданіе библіографическаго журнала. Бестужевъ, большой поклонникъ англійскихъ reviews (англійскимъ языкомъ онъ овладѣлъ еще на университетской скамьѣ), убѣдилъ придать изданію характеръ этихъ послѣднихъ. Отсюда и названіе появившагося журнала: «Московское Обозрѣніе». Выработанная втромъ программа намѣчала общій обзоръ современныхъ научныхъ вопросовъ, подробный отчетъ о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ и возможно полную библіографію, тоже русскую и иностранную. Къ предпріятію примкнули А. К. Корсакъ и докторъ Я. А. Розенблатъ.

Въ началѣ 1859 г. вышла первая книжка. Къ сожалѣнію, сохранивъ особенность англійскихъ обозрѣній въ содержаніи, молодая редакція сохранила и другую, въ данномъ случаѣ мало пригодную: анонимность статей, что въ соединеніи съ исключительно серьезнымъ ихъ содержаніемъ и полнымъ отсутствіемъ беллетристики неминуемо привело къ быстрому паденію журнала. «Московское Обозрѣніе» прекратилось на 2-мъ №. Подписчиковъ оказалось всего 200 человѣкъ. Среди тогдашнихъ журналистовъ къ новому собрату отнеслись довольно безучастно. Впослѣдствіи, вспоминая о лопнувшемъ предпріятіи, К. Н. писалъ: «Помню только сочувственную статью въ «Русскомъ Мірѣ», издававшемся тогда В. Я. Стоюнинымъ, да довольно сочувственную статью А. А. Григорьева (въ «Русскомъ Словѣ»), упрекавшаго, впрочемъ, насъ въ какомъ-то кружковомъ іерействѣ, что доставило обильную пищу тогдашнимъ шутникамъ; въ «Спб. Вѣд.» П. И. Вейнбергъ посмѣялся надъ тѣмъ, что журналъ нашъ палъ въ «борьбѣ съ равнодушіемъ публики»: это было примѣненіе съ намъ фразы изъ объявленіи о прекращеніи «Атенея».

Работа, однако, не пропала для Бестужева даромъ. Въ 1-мъ № «Московскаго Обозрѣнія» появилась обширная статья его: «Современное состояніе русской исторіи, какъ науки». Она писалась лѣтомъ 1858 г. въ деревнѣ у графини Толстой, гдѣ въ теченіе мѣсяца Бестужевъ былъ ея гостемъ. Онъ взялъ съ собою Карамзина, Щербатова и Арцыбышева, по утру занимался, дѣлая выписки, а вечеръ отдыхалъ за умной оживленной бесѣдой, и вернулся въ Москву съ настолько уже готовымъ и разработаннымъ матеріаломъ, что оставалось лишь придать ему соотвѣтственную литературную форму. Такимъ образомъ статья сложилась очень

легко. Кстати объ Арцыбышевѣ, теперь уже почти забытомъ. Бестужевъ очень цѣнилъ его трудъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи С. М. Соловьеву, который, идя на лекцію, обыкновенно прочитывать соотвѣтственныя страницы Арцыбышева, извлекая оттуда необходимые факты, въ противоположность Н. А. Иванову, предпочитавшему Карамзина, изъ желанія проникнуться и блеснуть его слогомъ.

Статья «Современное состояніе русской исторіи, какъ науки», написанная въ видѣ разбора первыхъ восьми томовъ «Исторіи Россіи» Соловьева, въ сущности была изложеніемъ русской исторіографіи, сжато и обстоятельно намѣчая главнѣйшіе моменты въ развитіи нашего историческаго знанія. Послѣ аналогичнаго, хотя далеко неодинаковаго по пріемамъ труда Соловьева: «Писатели русской исторіи XVIII вѣка» [1]) это была первая серьезная и вполнѣ удовлетворительная попытка намѣтить основныя вѣхи научнаго нашего движенія въ изученіи своего прошлаго, разобраться въ главныхъ именахъ, заглянуть, такъ сказать, въ душу исторической науки, и при томъ доведя анализъ явленій до самыхъ послѣднихъ моментовъ.

Выступленіе Бестужева на поприще научной дѣятельности съ трудомъ исторіографическимъ отнюдь не случайность. Здѣсь сказалась потребность разобраться среди разнорѣчивыхъ положеній, выступавшихъ въ ту пору въ наукѣ, и потребность отыскать болѣе твердую точку опоры своему собственному мнѣнію. Исторіографическій пріемъ изученія и позже былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ у Бестужева.

Въ упомянутой статьѣ авторъ не задавался цѣлью дать полный очеркъ развитія русской исторіографіи или хотя бы даже просто обозрѣть всѣ существовавшія въ его время мнѣнія; но и то, что онъ далъ—указаніе на «существенныя фазы развитія науки русской исторіи, съ тѣхъ поръ какъ они стала наукою», анализъ и оцѣнка современнаго ея направленія—было цѣннымъ вкладомъ въ тогдашнюю литературу.

Статья обратила на себя вниманіе. Въ научномъ мірѣ о Бестужевѣ заговорили, а самому автору она послужила сильнымъ толчкомъ къ дальнѣйшей работѣ въ указанномъ направленіи. Послѣ неудачи со своимъ журналомъ, Бестужевъ бросилъ «Московскія Вѣдомости» и переѣхалъ въ Петербургъ, принявъ дѣятельное участіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, въ качествѣ постояннаго ихъ сотрудника. Рядъ статей, появившихся въ этомъ изданіи (1858—1862), окончательно опредѣлилъ дѣятельность его, какъ русскаго историка. Главнѣйшія изъ нихъ были: разборъ «Сочиненій» К. Д. Кавелина (1860, №№ 4, 6, 8), разборъ «Исторіи Россіи» Соловьева (1860, № 9; 1861, № 1) и «Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ» (1862, №№ 2, 3, 5).

---

[1]) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, изд. Калачева, 1855 года.

Послѣдняя статья замѣчательна, какъ одна изъ первыхъ, если только не самая первая по времени безпристрастная оцѣнка славянофильской школы, какъ чуждый предвзятости, спокойный анализъ положительныхъ и слабыхъ сторонъ ея воззрѣній. Авторъ несомнѣнно во многомъ сочувствуетъ славянофиламъ, но не закрываетъ глаза и на ихъ недостатки. Не ограничиваясь общею характеристикою названной школы, Бестужевъ въ то-же время обстоятельно разбираетъ особенности воззрѣній каждаго изъ ея корифеевъ: Кирѣевскаго, Хомякова и К. Аксакова. Въ статьѣ о Соловьевѣ Бестужевъ отчасти пользовался «Московскимъ Обозрѣніемъ». Она любопытна, между прочимъ, отрицательнымъ отношеніемъ автора къ знаменитому историку, изъ за преклоненія передъ «государственностью», игнорированія «обществомъ» и излишней догматичности, — всего того, что Бестужевъ находилъ и особенно подчеркивалъ въ Соловьевѣ въ ту пору. Въ разборѣ Кавелина Бестужевъ остановился на типичнѣйшихъ пунктахъ его ученія: на родовомъ, вотчинномъ и государственномъ бытѣ и на взглядахъ на народность. Характерно, что и здѣсь Бестужевъ охотно прибѣгаетъ къ ретроспективному обзору прошлаго и дѣлаетъ экскурсы въ область исторіографіи.

Съ содержаніемъ взглядовъ самого Бестужева на затронутые имъ въ этихъ статьяхъ вопросы мы познакомимся въ слѣдующей главѣ, здѣсь-же достаточно отмѣтить, что прекрасная подготовка, разносторонность образованія, какую проявилъ авторъ, ставила эти статьи выше обычнаго журнальнаго уровня. Срочныя работы хотя и мѣшали, но не останавливали ни усиленнаго чтенія, ни начатаго движенія по пути чисто-научнаго изученія нашего прошлаго. Въ результатѣ подобныя занятія мало-по-малу ввели Бестужева въ ученый кругъ петербургской жизни. Интересъ къ этнографіи и вообще значеніе, какое придавалъ Бестужевъ *народному* элементу въ исторіи, обусловили его участіе въ работахъ Русскаго Географическаго Общества, членомъ котораго онъ состоялъ вплоть до конца своей жизни съ 9 января 1863 г.; вдобавокъ въ этомъ и въ слѣдующемъ (1864) году онъ редактировалъ «Записки» Общества.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, Бестужевъ принялъ также дѣятельное участіе въ изданіи «Энциклопедическаго словаря, составленнаго русскими учеными и литераторами», ставъ редакторомъ одного изъ его отдѣловъ. Здѣсь онъ помѣстилъ много мелкихъ статей, преимущественно по русской исторіи. Въ 1864 г. Бестужева избрала въ свои члены Археографическая комиссія и тогда-же (17 мая) Русское Археологическое Общество. Съ того-же 1864 года лекціями великому князю Александру Александровичу, впослѣдствіи императору Александру III, начались для Бестужева занятія съ членами императорской фамиліи. Въ теченіе послѣдующихъ 15 лѣтъ онъ, какъ извѣстно, преподавалъ русскую исторію великимъ князьямъ, Владиміру, Алексѣю, Сергѣю и Павлу Александро-

вичамъ, Константину и Дмитрію Константиновичамъ, Петру Николаевичу, великимъ княжнамъ Маріи Александровнѣ, Вѣрѣ Константиновнѣ и герцогинѣ Лейхтенбергской Евгеніи Максиміліановнѣ.

Такъ мало-по-малу, и какъ результатъ упорной, энергичной работы, завоевалъ себѣ Бестужевъ въ русской наукѣ если еще не имя, то по крайней мѣрѣ право на вниманіе. Вотъ почему, когда съ выходомъ въ 1862 г. Н. И. Костомарова изъ Петербургскаго университета каѳедра русской исторіи осталось вакантною, то историко-филологическій факультетъ этого университета остановился на Бестужевѣ, какъ на самомъ желательномъ преемникѣ тому историку, чье имя въ ту пору, какъ извѣстно, было особенно популярно. Вліятельный въ факультетѣ голосъ И. И. Срезневскаго поддерживалъ кандидатуру Бестужева. Въ 1863 г. К. Н. выдержалъ магистерскій экзаменъ по русской исторіи (съ особаго разрѣшенія, потому что кандидатскій дипломъ онъ получилъ, какъ мы уже знаемъ, не по историко-филологическому, но по юридическому факультету), а 2-го сентября 1865 г. онъ уже читалъ въ университетѣ вступительную лекцію на тему о современныхъ задачахъ русской исторіографіи.

Съ этой поры для К. Н. Бестужева-Рюмина наступаетъ пора университетской дѣятельности. Посмотримъ-же, съ какимъ запасомъ данныхъ, съ какими взглядами и требованіями къ себѣ, съ какимъ пониманіемъ предлежащихъ ему задачъ выступилъ Бестужевъ на новое поприще.

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ братьевъ Гонкуръ.

Записки литературной жизни. Переводъ **Е. К.**

(*Продолженіе* *))

ЧАСТЬ II.

1862—1865 г.

1 января. Новый годъ для насъ день поминокъ. Сердце зябнетъ и тоскуетъ по умершимъ.

Мы поднимаемся къ старой кузинѣ Корнели, въ бѣдную ея комнатку, на пятомъ этажѣ. Она принуждена выпроводить насъ, такъ тѣсно у нея отъ гостей: дамъ, учениковъ, людей молодыхъ и старыхъ, родственниковъ близкихъ и дальнихъ. У ней не хватаетъ стульевъ, чтобы ихъ всѣхъ усадить, не хватаетъ мѣста, чтобы ихъ долго удерживать. Вотъ одна изъ хорошихъ сторонъ дворянства: не чуждаться бѣдныхъ. Въ буржуазныхъ семействахъ родство прекращается за предѣлами извѣстнаго состоянія: у четвертаго этажа дома.

Шаги нищаго, которому вы не подали и который уходитъ, оставляютъ въ вашей душѣ умирающій звукъ.

Изъ чего весьма часто создается извѣстность политическаго дѣятеля? Изъ большихъ ошибокъ на большомъ поприщѣ. Погубить большое государство—значитъ быть великимъ человѣкомъ. Человѣка судятъ по тому, что погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

10 января. Искусство не едино, или лучше сказать, существуетъ не одно искусство. Японское искусство имѣетъ свои красоты, также какъ и греческое. Въ сущности: что такое греческое искусство? Это реализмъ прекраснаго, строгое воспроизведеніе античной натуры, безъ тѣни той идейности, которую ему приписываютъ наши профессора: вѣдь ватиканскій торсъ—торсъ, переваривающій обыкновенную пищу, а не торсъ,

*) «Съв. Съв. Вѣстн.» 1897 г., № 3.

питающійся амброзіей, какъ желалъ-бы васъ увѣрить Винкельманъ. Въ красотѣ грековъ нѣтъ ни мечты, ни фантазіи, ни тайны; нѣтъ, однимъ словомъ, той крупинки опія, столь возбуждающей, столь охмѣляющей, столь любопытно загадочной для мозга созерцателя.

19-го февраля. Я думаю, что съ начала міра не было людей, болѣе насъ поглощенныхъ произведеніями искусства и разума. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, намъ чего-то не хватаетъ, намъ нечѣмъ дышать. Книги, рисунки, гравюры ограничиваютъ нашъ горизонтъ. Перелистывать, разглядывать— вотъ въ чемъ мы проводимъ жизнь: «Hic sunt tabernacula nostra». Ничто не въ силахъ отвлечь насъ, оторвать отъ этого. Нѣтъ у насъ ни одной изъ тѣхъ страстей, которыя отвлекаютъ человѣка отъ библіотеки, отъ музея, отъ созерцанія, отъ углубленія, отъ наслажденія мыслью, линіей или колоритомъ.

Политическаго тщеславія мы не знаемъ, любовь для насъ не что иное, какъ «соприкосновеніе двухъ кожъ», по выраженію Шамфора.

3-го марта. Снѣжокъ. Мы нанимаемъ извощика и отправляемся везти выпуски нашего «*Искусства въ XVIII вѣкѣ*» Теофилю Готье, въ Нельи. Улица бѣдная, застроенная жалкими деревенскими домиками, во дворахъ возятся куры, лавчонки украшены у входа маленькими метлами изъ перьевъ: улица въ родѣ тѣхъ, которыя пишетъ Гервье (Hervier) своей артистически-грязной кистью. Мы отворяемъ дверь оштукатуреннаго дома и входимъ къ «султану эпитетовъ». Гостиная, съ золоченою мебелью, тяжелой венеціанской формы, обитою краснымъ штофомъ, старинныя картины итальянской школы, съ пожелтѣвшими, красивыми тонами голаго тѣла, надъ каминомъ—тусклое зеркало, испещренное арабесками персидскихъ красокъ и рисунковъ, какъ въ турецкихъ кофейняхъ: убогая роскошь, собранная послучаю, на подобіе обстановки старой отставной актрисы, которая накупила-бы себѣ картинъ у обанкротившагося итальянскаго импрессаріо. Мы спросили его, не мѣшаемъ-ли ему?—«Нисколько. Я никогда не работаю дома. Я работаю только въ типографіи «Moniteur'а». Тамъ печатаютъ по мѣрѣ того, какъ я пишу. Запахъ типографскихъ чернилъ—вотъ единственное, что меня побуждаетъ къ работѣ. Да еще законъ необходимости. Надо подать рукопись... Да, работать я могу только тамъ. Я въ настоящее время и романа не могъ-бы написать иначе: я-бы писалъ, а печатали-бы по десяти строкъ, тутъ-же. По корректурѣ только и можно себя судить. Въ корректурѣ вы не видите своей личности, между тѣмъ какъ рукопись—это вы сами, ваша рука, она васъ держитъ за какія-то фибры, она не освободилась отъ васъ... Я все устраивалъ себѣ уголки для работы, и что-же? никогда ничего не выходило... Мнѣ нужно движеніе вокругъ себя. Я работаю успѣшно лишь среди шума и гама, а когда я запираюсь, чтобы заниматься, я скучаю. Можно тоже недурно работать въ комнатѣ прислуги,

въ мансардѣ, за простымъ бѣлымъ столомъ, за дешевой бумагой, да съ горшкомъ въ углу, чтобы не выходить за нуждой»...

Отсюда Готье перескакиваетъ къ критикѣ «Савской царицы». Мы признаемся ему въ полной нашей немощи, въ нашей музыкальной глухотѣ, такъ-какъ мы любимъ развѣ только военную музыку: «Что-же, очень пріятно слышать, возражаетъ онъ,—я точно таковъ-же. Я предпочитаю музыкѣ молчаніе. Проживъ значительную часть жизни съ пѣвицею, я достигъ лишь того, что различаю хорошую и плохую музыку, но мнѣ лично все равно. И вѣдь любопытно, что и всѣ писатели нашего времени таковы. Бальзакъ ненавидѣлъ музыку. Гюго терпѣть ее не можетъ. Самъ Ламартинъ, котораго можно назвать фортепіано для продажи или для проката, питаетъ къ ней отвращеніе. Между живописцами найдется лишь нѣсколько охотниковъ до нея... У композиторовъ пошло теперь что-то глюковское, убійственное, скучное, медленное, возвращающееся къ церковному пѣнію... Этотъ Гуно—чистый оселъ [1]). Во второмъ актѣ два хора евреекъ и савскихъ дѣвъ, которыя болтаютъ возлѣ пруда, прежде чѣмъ выкупаться... Ну да, очень милый хоръ, но вотъ и все. Зала вздохнула свободно, всѣ ахнули отъ удовольствія, до того скучно было остальное... Вы спрашиваете, что такое Верди... Верди—пустяки. Вы знаете, онъ додумался, въ пѣніи, когда слова грустныя—ставить тру-тру-тру вмѣсто тра-тра-тра,—да еще то, что онъ не помѣститъ въ похоронахъ шутовской пѣсни. А Россини, такъ тотъ—непремѣнно! У него въ Семирамидѣ тѣнь Нина является подъ звуки прелестнаго вальса... Вотъ и весь музыкальній геній Верди...»

Затѣмъ Готье начинаетъ жаловаться на современность: «можетъ быть, это потому, что я состарился. Но все-таки нынче дышать нечѣмъ. Мало того, что есть крылья, надо еще воздуху... Я чувствую себя уже не современнымъ... Да, въ 1830 году, было славное время, но я былъ слишкомъ молодъ, на два—три года. Я не попалъ въ теченіе, я не дозрѣлъ... а то я далъ бы другіе плоды...»

Разговоръ переходитъ на Флобера, на его пріемы, его терпѣніе, его семилѣтній трудъ надъ книгой въ 400 страницъ. Представьте, — восклицаетъ Готье,—что намедни Флоберъ сказалъ: «конечно, мнѣ осталось написать только десятокъ страницъ, но окончанія фразъ у меня уже готовы.

---

[1]) Братъ и я, мы старались изображать нашихъ современниковъ въ ихъ человѣчности, мы особенно старались передавать ихъ рѣчи во всей ихъ живописной правдивости. А характерное свойство, скажу даже, красота рѣчей Готье состояла въ чудовищности его парадоксовъ. Этимъ я хочу сказать, что принять это абсолютное отрицаніе музыки, эту грубую, дерзкую шутку за истинное сужденіе знаменитаго писателя о талантѣ г-на Гуно значило бы имѣть мало разсудка, или же большую вражду къ человѣку, стенографирующему эту антимузыкальную выходку.

(*Прим. авт.*)

Итакъ, ему уже слышится музыкальное окончаніе ненаписанныхъ еще фразъ! У него уже готовы окончанія! Смѣшно, не правда-ли? Я думаю, что фраза главнымъ образомъ должна имѣть внѣшній ритмъ. Напримѣръ, фраза, очень широкая въ началѣ, не должна заканчиваться слишкомъ кратко, слишкомъ вдругъ, если только въ этомъ не заключается особеннаго эффекта. Нужно, однако, сказать, что флоберовскій ритмъ часто существуетъ лишь для него одного и не чувствуется читателемъ. Книги сдѣланы не для того, чтобы читать вслухъ, а онъ оретъ ихъ самъ себѣ. Встрѣчаются въ его фразахъ такіе громкіе эффекты, которые ему кажутся гармоничными, но надо горланить, какъ онъ, чтобы получить этотъ эффектъ...

«У насъ съ вами, напримѣръ, въ вашей Венеціи и въ массѣ всѣмъ извѣстныхъ моихъ вещей, найдется много страницъ, не менѣе гармоничныхъ, надъ которыми мы такъ много не мучились... Въ сущности, бѣдненькій онъ, угрызеніе совѣсти отравляетъ его жизнь. Оно сведетъ его въ могилу. Вы не знаете, что его такъ тяготитъ: въ «Г-жѣ Бовари» онъ допустилъ два родительныхъ падежа подъ рядъ: «вѣнокъ изъ цвѣтовъ померанца (une couronne de fleurs d'oranger). Это его убиваетъ, но какъ онъ ни старался, онъ не могъ сказать иначе... Хотите посмотрѣть, что у меня есть?»

Онъ ведетъ насъ въ столовую, гдѣ завтракаютъ его дочери, потомъ наверхъ, въ маленькую мастерскую, откуда виденъ садъ съ тощими кустами. Тамъ онъ показываетъ приношенія художниковъ, ему какъ критику, бѣдныя приношенія, обличающія всю скупость, всю мизерность этого міра искусства по отношенію къ человѣку, воздвигнувшему для столь многихъ цѣлый пьедесталъ изъ фельетоновъ, окружившему славой безвѣстныя ихъ имена, одарившему ихъ покровительствомъ своихъ изящныхъ фразъ и яркихъ описаній.

29 марта. Флоберъ сидитъ на своемъ диванѣ, скрестивъ ноги по-турецки. Онъ говоритъ о своихъ планахъ, о своихъ мечтахъ, о своихъ будущихъ романахъ. Онъ повторяетъ намъ свое давнишнее желаніе, желаніе все еще живое, написать книгу о современномъ Востокѣ, о Востокѣ, одѣтомъ по-европейски. Онъ оживляется при антитезахъ, представляющихся его таланту. Сцены въ Парижѣ, сцены въ Константинополѣ, сцены на Нилѣ, сцены европейскаго ханжества, утопленіе, отрубленныя головы изъ-за подозрѣнія, изъ-за каприза: книга, которая походила бы, по его сравненію, на судно, гдѣ на палубѣ, на носу сидитъ турка, въ костюмѣ отъ парижскаго портного, а подъ палубой, въ кормовой части, весь гаремъ этого турки, съ евнухами, во всей свирѣпости древняго Востока.

Флоберъ веселится и забавляется, описываетъ все это отрепье, европейское, греческое, итальянское, еврейское, которое онъ заставитъ вращаться вокругъ своего героя, и онъ распространяется о любопытныхъ

контрастахъ, которые представляли бы, тамъ и симъ, азіатъ, начинающій поддаваться цивилизаціи, и европеецъ, возвращающійся къ первобытному состоянію, какъ французъ—химикъ, живущій на границѣ Ливіи и ничего не сохранившій изъ нравовъ и обычаевъ своей родины.

Отъ этой книги, намѣченной въ его головѣ, Флоберъ переходитъ къ другой, давно, какъ онъ говоритъ, имъ облюбованной: громадный романъ, большая картина жизни, связанная дѣйствіемъ, которое состоитъ въ уничтоженіи однихъ дѣйствующихъ лицъ другими, въ обществѣ, основанномъ на союзѣ тринадцати, гдѣ предпослѣдній изъ переживших, политическій дѣятель, будетъ приговоренъ послѣднимъ, судьей, да еще за благородный поступокъ.

Флоберъ хочетъ еще смастерить два-три маленькихъ романа, не сложныхъ, совсѣмъ простенькихъ: мужъ, жена, любовникъ.

Вечеромъ, послѣ обѣда, мы отправляемся къ Теофилу Готье, въ Нельи, и застаемъ его еще за столомъ, въ девять часовъ, за легонькимъ виномъ, которое прислано изъ Пульи и очень ему нравится, какъ и его гостю, князю Радзивиллу. Готье по-дѣтски веселъ, что такъ мило выходитъ у умныхъ людей.

Встаютъ изъ-за стола, переходятъ въ гостиную и упрашиваютъ Флобера протанцовать *Свѣтскаго Идіота*. Онъ беретъ фракъ у Готье, поднимаетъ воротникъ сорочки; изъ своихъ волосъ, фигуры, физіономіи онъ дѣлаетъ...—не знаю что, но только вдругъ онъ превратился въ чудовищную каррикатуру одуренія. Готье, зараженный соревнованіемъ, снимаетъ сюртукъ, и весь въ поту, танцуетъ *на кредитора*. Вечеръ заканчивается цыганскими пѣснями, свирѣпыми мелодіями, чудно переданными во всей своей яркости княземъ Радзивилломъ.

30-го марта. Четвертый этажъ, № 2, улица Расинъ. Маленькій господинъ, Богъ знаетъ на кого похожій, отворяетъ намъ дверь и говоритъ съ улыбкой: «Господа де-Гонкуръ!» Онъ отворяетъ другую дверь и мы оказываемся въ очень большой комнатѣ, въ родѣ мастерской.

Въ глубинѣ ея, спиной къ окну, въ которое вливается блѣдный сумракъ вечера, виднѣется сѣрая тѣнь на этомъ свѣтломъ фонѣ—женщина, которая не встаетъ, остается безъ движенія, не отвѣчаетъ на нашъ привѣтъ. Эта сидячая, какъ будто дремлющая тѣнь—госпожа Зандъ, а человѣкъ, впустившій насъ—граверъ Мансо. Госпожа Зандъ смотритъ автоматомъ. Она говоритъ монотонно, машинально, голосъ ея не возвышается, не замедляется, не оживляется. Въ ея позѣ какая-то важность, какое-то спокойствіе, что-то напоминающее полудремоту жвачнаго животнаго. И жесты медленные, медленные, какъ у ясновидящей, жесты, неизмѣнно заканчивающіеся, и всегда одинаково методично,—треніемъ восковой спички, дающей крошечной огонекъ и зажигающей папиросу у губъ женщины.

Госпожа Зандъ отнеслась къ намъ весьма любезно, расхвалила насъ, но съ такой скудостью мысли, съ такой банальностью выраженій, съ такимъ унылымъ простодушіемъ, отъ котораго становится холодно, какъ при видѣ голой стѣны комнаты. Мансо старается какъ-нибудь оживить разговоръ. Говорятъ о ея театрѣ въ Ноанѣ, гдѣ играютъ, для нея и для ея служанки исключительно, до четырехъ часовъ утра... Потомъ мы касаемся ея чудовищной работоспособности, на что она намъ отвѣчаетъ, что ея трудъ не стоитъ похвалы, такъ-какъ онъ ей всегда легко давался. Она работаетъ каждую ночь, отъ часа до четырехъ; садится еще разъ за работу среди дня, часа на два, «и», продолжаетъ Мансо, нѣсколько демонстрирующій ее, какъ показыватель рѣдкостей: «все равно, если даже ей помѣшаютъ... Положимъ, у васъ отвёрнутъ кранъ, къ вамъ входятъ, вы его завертываете. То-же самое у госпожи Зандъ».—«Да», прибавляетъ госпожа Зандъ,—«мнѣ не досадно, когда меня прерываютъ люди симпатичные, крестьяне, желающіе поговорить со мной...» Тутъ слышится нотка гуманности.

При прощаніи, она встаетъ, протягиваетъ намъ руку и провожаетъ насъ. Тогда намъ удается немного разглядѣть ея лицо,—доброе, кроткое, спокойное, съ поблекшими красками, но тонкими еще очертаніями, съ поблѣднѣвшимъ и успокоеннымъ, янтарнаго оттѣнка, цвѣтомъ кожи. Остается тонкость, мелкая чеканка облика, не передаваемая ея портретами, на которыхъ лицо ея кажется полнѣе и грубѣе.

13-ое іюля. Страданіе, мука, пытка жизни писателя—это роды. Зачинать, создавать—въ этихъ двухъ словахъ заключается, для писателя, цѣлый міръ болѣзненныхъ усилій и мученій. Изъ ничего, изъ слабаго зародыша, представляющаго первоначальную идею книги, надо вызвать punctum saliens, надо извлечь изъ головы, одинъ за другимъ, отдѣльные моменты фабулы, черты характеровъ, интригу, развязку: жизнь всего этого мірка, вышедшаго изъ вашихъ нѣдръ и составляющаго романъ. Какая работа! Какъ будто у васъ въ головѣ бѣлый листъ, по которому мысль, еще не обработанная, выводитъ неясныя, неразборчивыя каракули... А унылое утомленіе, и безконечное отчаяніе, и стыдъ передъ самимъ собою, при ощущеніи вашей немощи! Вы шарите, шарите у себя въ мозгу, но онъ издаетъ пустой звукъ. Ищете, проводите рукой по чему-то мертвому, по вашей фантазіи. Вы говорите себѣ, что не можете ничего сдѣлать, что никогда ничего не сдѣлаете. Кажется, будто вы весь пустой... А идея уже тутъ какъ тутъ, завлекающая и неуловимая, какъ прекрасная, злая фея въ облакѣ. Вы нахлестываете свою мысль, чтобы направить ее вновь по слѣду; вы ждете безсонницы, надѣясь на находку во время ночной лихорадки, вы напрягаете, чуть не до разрыва, всѣ струны вашего мозга. Нѣчто является на мгновеніе и убѣгаетъ, и вы падаете въ изнеможеніи, какъ послѣ штурма, разбившаго

васъ... О, такъ искать ощупью, сквозь мракъ воображенія, душу книги и ничего не находить; спускаться въ глубь своего *я* и возвращаться ни съ чѣмъ; находиться между послѣдней книгой, рожденной вами и уже отрѣзанной отъ васъ, уже не вашей—и книгой, которой вы не въ силахъ дать кровь и плоть; носить бремя ничтожества—вотъ дни, ужасные для человѣка мысли и фантазіи.

Все это время мы находились въ такомъ тоскливомъ состояніи. Наконецъ первые контуры, неясныя тѣни нашего романа, Ренэ Моперенъ, предстали передъ нами сегодня вечеромъ.

Это было, когда мы гуляли за домомъ, въ переулкѣ, стиснутомъ между высокими стѣнами и садами. Вѣтерокъ ходилъ, словно ропотъ, по верхушкамъ большихъ тополей. Закатъ золотилъ зелень вдали какимъ-то жаркимъ туманомъ. Налѣво обрисовывалась, черной тѣнью, группа каштановъ, съ развернутыми контурами крайнихъ листьевъ по матовому золоту вечера, на подобіе агата съ изображеніемъ деревъ, а въ темной листвѣ—небольшіе просвѣты, похожіе на звѣздочки... Точь въ точь, какъ въ картинѣ *Вечеръ*, пейзажиста Лебержъ, находящейся въ Луврѣ. Темные листья лѣпятся по безконечно свѣтлому небу, облеченному умирающей красой. Каждая книга имѣла свою колыбель.

22-го іюля. Болѣзнь понемногу завершаетъ въ нашей бѣдной Розѣ свою разрушительную работу. Это медленная и послѣдовательная смерть въ почти невещественныхъ проявленіяхъ, исходящихъ отъ ея тѣла. Физіономія ея вся измѣнилась. У ней уже не тотъ взглядъ, не тѣ жесты, и она представляется мнѣ теряющей, съ каждымъ днемъ, нѣчто изъ того невыразимаго, что составляетъ личность живого человѣка. Прежде чѣмъ убить человѣка, болѣзнь приноситъ тѣлу нѣчто незнакомое, чужое, не его, дѣлаетъ изъ него какое-то новое существо, подъ которымъ надо искать прежняго... того, чей живой и любящій силуэтъ уже исчезъ.

31-го іюля. Докторъ Симонъ сейчасъ скажетъ намъ, будетъ-ли жива или умретъ наша бѣдная Роза. Я жду его звонка, какъ подсудимые ожидаютъ звонка присяжныхъ засѣдателей, возвращающихся въ залу суда... «Конечно, никакой надежды, это лишь вопросъ времени... Болѣзнь быстро сдѣлала свое дѣло. Одно легкое погибло, а другое почти также». И надо вернуться къ больной, успокоить ее нашей улыбкой, всѣмъ нашимъ видомъ обѣщать ей выздоровленіе. Потомъ мы охвачены торопливымъ желаніемъ покинуть домъ и эту бѣдную женщину. Мы выходимъ побродить по Парижу... Усталые, мы наконецъ заходимъ въ кафе. Тамъ мы машинально развертываемъ нумеръ «Иллюстраціи» и взоръ нашъ падаетъ на послѣдній ребусъ: «отъ смерти не уйдешь!»

Понедѣльникъ, 11-го августа. Болѣзнь легкихъ осложнилась перитонитомъ. Она ужасно мучится болями въ животѣ, не можетъ двигаться, не можетъ лежать ни на спинѣ, ни на лѣвомъ боку. Мало смерти!

Нужны еще муки, пытки, какъ послѣдній и безжалостный финалъ! И переноситъ она все это, бѣдная, несчастная, въ комнатѣ для прислуги, раскаленной лѣтнимъ солнцемъ, гдѣ воздухъ, какъ въ оранжереѣ, и гдѣ такъ тѣсно, что доктору приходится класть шляпу на ея постель. Мы боролись до конца, чтобы не разставаться съ нею, наконецъ, пришлось рѣшиться отпустить ее. Она не хочетъ въ лечебницу Дюбуа, куда мы думали ее положить: двадцать пять лѣтъ назадъ, когда она поступила къ намъ, она тамъ навѣщала кормилицу Эдмонда, которая тамъ и умерла— такимъ образомъ эта лечебница представляется ей обителью смерти. Ожидаю Симона, который долженъ принесть ей билетъ для препровожденія входа въ больницу Ларибуазьеръ. Она провела ночь не дурно. Она совсѣмъ бодра, почти весела. Мы, насколько могли, скрыли отъ нея все. Ей хочется ѣхать. Она торопится. Ей кажется, что она тамъ поправится.

Симонъ приходитъ въ два часа: «Такъ-съ, все готово». Она не хочетъ, чтобы ее перенесли на носилкахъ: «Я буду думать, что умерла!» говоритъ она. Ее одѣваютъ. Какъ только она покинула постель, все, что было живого на ея лицѣ, исчезаетъ, какъ будто земля проникла подъ ея кожу.

Она спускается къ намъ. Сидя у насъ въ столовой, она дрожащими, стучащими другъ о друга пальцами надѣваетъ себѣ чулки на ноги, похожія на палки, ноги чахоточной. Потомъ она медленнымъ взоромъ окидываетъ все кругомъ,—тѣмъ взоромъ умирающихъ, который будто хочетъ унести съ собой память о покинутыхъ мѣстахъ, и дверь, затворяясь за ней, стучитъ прощальнымъ звукомъ.

Она сходитъ по лѣстницѣ и внизу отдыхаетъ немного на стулѣ. Швейцаръ, шутя, обѣщаетъ ей здоровье черезъ шесть недѣль. Она наклоняетъ голову, отвѣчаетъ «да» подавленнымъ голосомъ. Карета катится. Она положила руку на дверцу, я ее придерживаю рукой на подушкѣ, которая у нея за спиной. Открытыми, безжизненными глазами она смотритъ, какъ уходятъ дома... Она уже не говоритъ.

У дверей больницы она хочетъ выйти одна, не позволяетъ, чтобы ее внесли. «Можете дойти сами?» спрашиваетъ сторожъ. Она утвердительно киваетъ головой и идетъ. Я, право, не знаю, откуда она взяла послѣднія силы, чтобы дойти до конца.

Теперь мы въ большой, высокой, холодной, чистой и суровой залѣ, среди которой стоятъ наготовѣ носилки. Я усаживаю ее въ камышевое кресло у стекляной форточки. Чиновникъ отворяетъ форточку, спрашиваетъ меня, какъ ее зовутъ, сколько ей лѣтъ, въ продолженіе четверти часа покрываетъ письменами десятокъ листовъ бумаги, украшенныхъ каждый виньеткой божественнаго содержанія. Наконецъ, все кончено, я ее обнимаю. Служитель поддерживаетъ ее подъ одну руку, сидѣлка подъ другую... Я больше ничего не видѣлъ.

Мы идемъ въ больницу. Находимъ Розу спокойною, полною надежды, разсчитывающею скоро выписаться, не позднѣе какъ черезъ три недѣли, и до того далекой отъ мысли о смерти, что она разсказываетъ намъ дикую любовную сцену, происшедшую между женщиной, лежащей рядомъ съ нею, и молодымъ монахомъ, который и сегодня здѣсь. Бѣдная Роза—сама смерть, но смерть, вся занятая жизнью.

Въ сосѣдней койкѣ лежитъ молодая женщина, къ которой пришелъ мужъ, рабочій. Она ему говоритъ: «Погоди, какъ только мнѣ можно будетъ ходить, я столько буду гулять по саду, что волей-неволей они меня отпустятъ». И она продолжаетъ: «А что, маленькій меня вспоминаетъ?»—«Случается», отвѣчаетъ рабочій...

Пятница, 15-го августа. Я радъ сегодня вечеромъ идти на фейерверкъ, смѣшаться съ толпой, закружить мое горе. Мнѣ кажется, будто печаль пропадаетъ въ толпѣ. Я радъ потолкаться въ народѣ, какъ въ волнахъ.

Суббота, 16-го августа. Сегодня утромъ, въ девять часовъ, звонятъ. Я слышу переговоры служанки съ швейцаромъ у дверей. Отворяютъ. Входитъ швейцаръ съ письмомъ въ рукѣ; оно носитъ штемпель больницы Ларибуазьеръ. Роза умерла сегодня въ семь часовъ.

Бѣдная дѣвушка! Кончено! Я вѣдь зналъ, что она приговорена, но послѣ того, какъ я ее видѣлъ въ четвергъ такой живою, почти счастливою, веселою... И вотъ мы оба ходимъ по комнатѣ съ той мыслью, которую всегда вызываетъ смерть людей: мы ее уже болѣе не увидимъ! Невольная мысль, безпрестанно повторяющаяся внутри васъ. Какая пустота! Какая непополнимая пропасть въ нашемъ кружкѣ! Двадцатилѣтняя привычка и привязанность,—дѣвушка, которая знала всю нашу жизнь, распечатывала наши письма въ наше отсутствіе, которой мы разсказывали всѣ наши дѣла. Я игралъ въ серсо̀ съ ней, когда былъ еще совсѣмъ маленькимъ; она мнѣ покупала, на свои деньги, яблочные пирожки, когда мы ходили гулять. Она ожидала Эдмонда до утра, когда онъ, потихоньку отъ матери, ходилъ на балъ de l'Opéra. Она была та женщина, та безподобная сидѣлка, въ руки которой моя мать, умирая, положила наши руки... У нея были ключи отъ всего, она для насъ все дѣлала. Двадцать-пять лѣтъ она намъ каждый вечеръ подтыкала одѣяла, и двадцать пять лѣтъ, каждый вечеръ, однѣ и тѣ же шутки на счетъ того, что она некрасива и уродлива.

Горе, радости—она все дѣлила съ нами. Наше тѣло, въ нашихъ болѣзняхъ, въ нашихъ недугахъ, привыкло къ ея уходу. Она знала всѣхъ нашихъ любовницъ. Это была часть нашей жизни, мебель нашей квартиры, остатокъ нашей молодости, что-то нѣжное и ворчливое, и оберегающее насъ, на подобіе сторожевой собаки, нѣчто, что мы привыкли видѣть около насъ, вокругъ насъ, нѣчто, что, казалось-бы, могло кончиться лишь вмѣстѣ съ нами.

И мы ее болѣе не увидимъ! То, что движется въ домѣ—не она; тотъ, кто намъ завтра скажетъ: съ добрымъ утромъ, входя къ намъ въ комнату, будетъ не она! Великая утрата, великая перемѣна въ нашей жизни, которая намъ представляется, не знаю почему, одной изъ тѣхъ торжественныхъ остановокъ въ жизни, гдѣ, по выраженію Байрона, судьба мѣняетъ лошадей.

Иронія обстоятельствъ! Именно сегодня, двѣнадцать часовъ послѣ послѣдняго вздоха бѣдной дѣвушки, намъ надо ѣхать въ Сенъ-Граціенъ, къ принцессѣ Матильдѣ, возымѣвшей любопытство познакомиться съ нами и пригласившей насъ къ обѣду.

Воскресенье, 17 августа. Сегодня утромъ намъ предстояли всѣ грустныя хлопоты. Надо возвратиться въ госпиталь, зайти снова въ пріемный покой, гдѣ мнѣ чудится, на креслѣ около форточки, призракъ исхудалаго созданія, которое я усадилъ тамъ не болѣе, какъ недѣлю тому назадъ. «Хотите взглянуть на покойницу?» спрашиваетъ служитель грубымъ голосомъ. Мы идемъ въ самую глубь госпиталя, къ большой, желтоватой двери, на которой крупными черными буквами выведено слово: *амфитеатръ.* Служитель стучитъ. Черезъ нѣкоторое время дверь пріотворяется и высовывается голова, голова мясника, съ сигарой въ зубахъ.

Мнѣ показалось, что я вижу невольника, въ руки котораго, въ древнемъ циркѣ, передавали убитыхъ гладіаторовъ — и ему передаютъ жертву этого громаднаго цирка: современнаго общества.

Насъ заставляютъ долго ждать, пока не отворяютъ другой двери, и въ продолженіе этихъ минутъ, все наше мужество уходитъ отъ насъ, какъ выходитъ, капля за каплей, кровь раненаго, силящагося устоять на ногахъ. Неизвѣстность того, что мы увидимъ, страхъ передъ раздирающимъ сердце зрѣлищемъ, отыскиваніемъ этого трупа среди другихъ труповъ, разсматриваніе этого бѣднаго лица, вѣроятно, обезображеннаго—все это заставляло насъ трусить, какъ малыхъ дѣтей. Истощились наши силы, наша рѣшимость, нервы были напряжены до крайности и, когда дверь отворилась, мы проговорили:

«Мы кого-нибудь пришлемъ», а сами бѣжали.

Оттуда мы поѣхали къ мэру,—въ каретѣ, каждый толчекъ которой трясъ намъ головы, какъ нѣчто пустое. И невѣдомый ужасъ охватилъ насъ при мысли объ этой больничной смерти, представляющейся какой-то административной формальностью. Можно подумать, что въ этомъ фаланстерѣ агоній все такъ устроено, такъ улажено, такъ распредѣлено, что смерть открыла тамъ свою контору.

Въ то время, какъ намъ выдаютъ свидѣтельство о смерти—сколько бумаги, Боже мой, исписанной и помѣченной графами, изъ-за смерти бѣдняка!—врывается изъ сосѣдней залы мужчина радостный, восхи-

щенный, чтобы отыскать на стѣнномъ календарѣ имя святого нынѣшняго числа, и имъ назвать своего новорожденнаго. Проходя мимо, счастливый отецъ полами сюртука задѣваетъ за нашу бумагу.

Вернувшись домой, нужно было просмотрѣть ея бумаги, заставить себя собрать ея тряпки, разобраться въ хаосѣ вещей, стклянокъ, бѣлья, оставшемся послѣ болѣзни... Однимъ словомъ, рыться въ смерти. Ужасно было вернуться въ эту мансарду, гдѣ въ неоправленной еще постели виднѣлись крошки хлѣба отъ послѣдняго ея обѣда́. Я накинулъ одѣяло на тюфякъ, какъ покровъ на тѣло покойника.

Понедѣльникъ, *18 августа*. Часовня рядомъ съ анатомическимъ театромъ. Въ больницѣ Богъ и трупъ—сосѣди. За обѣдней, которую служатъ въ память ея, становятъ рядомъ съ ея гробомъ еще два-три чужихъ, которыхъ отпѣваютъ за-одно. Есть что-то отвратительное въ этой близости, въ этомъ «за-одно». Это какъ-будто общая могила молитвы.

За мною, въ часовнѣ, плачетъ племянница Розы, дѣвочка, короткое время жившая у насъ вмѣстѣ съ нею. Ей теперь девятнадцать лѣтъ. Она воспитывалась въ монастырѣ: бѣдная дѣвочка, поблекшая, блѣдненькая, рахитичка, съ узловатыми членами отъ бѣдности, съ головой слишкомъ большой по ея тѣлу, съ искривленнымъ туловищемъ—печальный остатокъ всей этой чахоточной семьи, поджидаемый смертью и уже теперь намѣченный ею,—въ ея кроткихъ глазахъ свѣтится неземное мерцаніе.

Изъ часовни до конца кладбища Монмартръ, расширеннаго какъ подземный городъ и занимающаго цѣлый участокъ — медленное, безконечное шествіе по грязи. Наконецъ, пѣніе священниковъ, и могильщики съ усиліемъ опускаютъ гробъ на веревкахъ въ яму.

Среда, *20-го августа*. Надо еще разъ съѣздить въ больницу. Между моимъ послѣднимъ посѣщеніемъ бѣдной Розы, въ четвергъ, и внезапной ея смертью на слѣдующій день остается что-то неизвѣстное, что я отталкиваю мыслью, но что постоянно возвращается ко мнѣ: неизвѣстность этой агоніи, про которую я ничего не знаю, этой столь внезапной кончины. Хочу знать и боюсь того, что услышу. Мнѣ не кажется, что она умерла; у меня только ощущеніе, что вотъ—исчезъ человѣкъ. Фантазія моя направляется къ ея послѣднимъ часамъ, отыскиваетъ ихъ ощупью, ночью возсоздаетъ ихъ, и какъ они меня мучатъ своими таинственными ужасами, эти часы! Я долженъ выйти изъ неизвѣстности. Наконецъ, сегодня утромъ я собираюсь съ силами. И снова я вижу госпиталь, и сторожа, красномордаго, толстаго, отъ котораго несетъ жизнью, какъ отъ другихъ несетъ виномъ, и снова я вижу корридоры, гдѣ утренніе лучи отражаются въ блѣдной улыбкѣ выздоравливающихъ...

Въ далекомъ углу я позвонилъ у двери, завѣшенной бѣленькой занавѣсочкой. Отворяютъ. Я въ пріемной. Между оконъ, на столикѣ, на-

поминающемъ алтарь, помѣщается статуя Богоматери. На стѣнахъ холодной и неприглядной комнаты висятъ, не понимаю по какому случаю, два вида Везувія, въ рамкахъ, несчастныя гуашъ, которые какъ будто зябнутъ и чувствуютъ себя не у мѣста. Въ дверь, отпертую позади меня, изъ маленькой комнатки, залитой солнечнымъ свѣтомъ, доносится болтовня сестеръ и дѣтей, молодыя радости, добрые, веселые смѣшки, всевозможные свѣжіе звуки и возгласы; шумъ оживленной солнцемъ голубятни... Монахини въ бѣломъ, съ черными покрывалами, входятъ и проходятъ мимо меня; одна останавливается передъ моимъ стуломъ. Она невысокаго роста, дурно сложена, дурна, но съ нѣжностью въ глазахъ, бѣдное лицо, вышедшее кое-какъ изъ рукъ божьихъ. Она присматриваетъ за палатой св. Іосифа. Она разсказываетъ мнѣ, что Роза умерла почти безъ страданій, чувствуя себя лучше, чуть-ли не вполнѣ здоровой, исполненной облегченія и надежды.

Утромъ, послѣ того какъ ей оправили постель, не понимая, что это смерть, она вдругъ скончалась. Кровь пошла у нея горломъ, что было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Я вышелъ успокоенный, избавленный отъ ужасной мысли, что она предвкусила смерть, что она страшилась ея прихода.

Четвергъ, 21-го августа. Среди обѣда, омраченнаго воспоминаніями, постоянно возвращающимися къ покойной, Марія, пришедшая пообѣдать съ нами, послѣ двухъ-трехъ нервныхъ ударовъ кончиками пальцевъ по своимъ пышнымъ, бѣлокурымъ волосамъ, вдругъ восклицаетъ: «Друзья, пока бѣдняжка была жива, я хранила профессіональную тайну... Но теперь, когда она подъ землею, надо сказать вамъ всю правду».

И мы узнаемъ про несчастную такія вещи, отъ которыхъ у насъ проходитъ аппетитъ, и во рту становится горько, какъ отъ кислаго плода, разрѣзаннаго стальнымъ ножемъ. Намъ открывается цѣлая жизнь, скрытая, ненавистная, отвратительная, плачевная. Векселя, подписанные ею, долги, оставленные у всѣхъ поставщиковъ, объясняются самымъ непредвидѣннымъ, самымъ неожиданнымъ, самымъ невѣроятнымъ образомъ. Она содержала мужчинъ, сына лавочницы, еще другого, которому она носила наше вино, цыплятъ, съѣстные припасы... Скрытая жизнь ночныхъ оргій, ночевокъ у мужчинъ, неистовствъ, заставлявшихъ ея любовниковъ говорить: «или я, или она не перенесетъ!» Страсть, сложныя страсти головы, сердца, всѣхъ чувствъ, которымъ содѣйствовали болѣзни несчастной: чахотка, вносящая неистовство въ сладострастіе, истерія, начало помѣшательства. Отъ сына лавочницы у нея было двое дѣтей: первый прожилъ шесть мѣсяцевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда она отпросилась въ деревню, она уходила родить. И по отношенію къ этимъ мужчинамъ ревность ея была такъ чрезвычайна, такъ болѣзненна, такъ безумна, что она,—до тѣхъ поръ сама честность,—крала у насъ золотые изъ свертковъ, чтобы платить любовникамъ и тѣмъ удерживать ихъ.

А послѣ этихъ безчестныхъ поступковъ, совершенныхъ поневолѣ, этихъ мелкихъ преступленій, исторгнутыхъ у ея правдивой натуры, она впадала въ такое раскаяніе, такія угрызенія совѣсти, такую грусть, такую душевную тьму, что въ этомъ аду, въ которомъ она катилась отъ проступка къ проступку, отчаянная и неудовлетворенная, она стала пить, чтобы уйти отъ самой себя, спастись отъ дѣйствительности, утонуть на нѣсколько часовъ въ глубокомъ снѣ, въ летаргическомъ оцѣпененіи, отъ которыхъ она по цѣлымъ днямъ валялась на постели.

Несчастная! Сколько предрасположеній, поводовъ и причинъ находила она въ самой себѣ, чтобы терзать себя и внутренно истекать кровью. Во-первыхъ, пробужденіе, по временамъ, религіозныхъ идей со страхомъ огненной геенны; затѣмъ ревность, какая-то особенная ревность, которая, при малѣйшемъ поводѣ, отравляла ей всю жизнь; затѣмъ, затѣмъ... отвращеніе, грубо высказываемое ей черезъ короткое время мужчинами за ея безобразіе, попреки заставившіе ее однажды выкинуть, послѣ того какъ она, мертвецки-пьяная, упала на дубовый полъ.

Это ужасное раздираніе покрова, застилавшаго намъ глаза, то-же самое, что вскрытіе въ свѣжемъ трупѣ кисты, полной страшныхъ гадостей.

Благодаря всему, что мы слышимъ, я вдругъ начинаю вникать въ то, что она выстрадала за эти десять лѣтъ: и страхъ передъ анонимными письмами, могущими дойти до насъ, и передъ обвиненіями поставщиковъ, и постоянный трепетъ изъ-за денегъ, требуемыхъ отъ нея,—которыхъ у нея не было, и стыдъ, переживаемый гордымъ созданіемъ, извращеннымъ этимъ мерзкимъ кварталомъ Сенъ-Жоржъ, стыдъ сношеній съ людьми, которыхъ она презирала, и горькое сознаніе преждевременной старости, слѣдствія пьянства, и требованія, и безчеловѣчная жестокость уличныхъ любовниковъ, и покушенія на самоубійство—я ее разъ оттащилъ отъ окна, изъ котораго, было, она совсѣмъ высунулась—и наконецъ, всѣ эти слезы, казавшіяся намъ безпричинными; все это, смѣшанное съ очень глубокой, сердечной привязанностью къ намъ, съ преданностью, похожей на горячку, когда одинъ изъ насъ заболѣвалъ.

Въ этой женщинѣ энергія характера, сила воли, искусство скрывать достигли высшей степени. Да, да, всѣ ея ужасные секреты были скрыты и замкнуты отъ нашихъ глазъ, отъ нашего слуха, отъ нашихъ наблюдательныхъ способностей, даже во время ея истерическихъ припадковъ, когда она испускала одни лишь стоны—тайна ею сохраненная до смерти, и съ которой она могла сойти въ могилу.

И отчего-же она умерла? Оттого, что, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, зимою, подъ дождемъ, она вышла ночью подкараулить сына лавочницы, прогнавшаго ее, чтобы узнать, какая женщина ее замѣнила: всю ночь простояла она подъ окномъ нижняго этажа и вернулась домой, промокшая до костей, съ смертельнымъ плевритомъ!

Бѣдное созданіе! Мы отъ души простили ее, и даже великая жалость наполняетъ намъ сердце, по мѣрѣ того, какъ намъ открываются ея страданія... Но на всю жизнь мы прониклись недовѣріемъ къ женскому полу, къ женщинѣ снизу до верху и сверху до низу. Намъ становится страшно отъ двойственности ея души, отъ могучей способности, отъ высокой геніальности всего ея существа въ наукѣ лжи [1]).

Вторникъ, 28-го октября. Эдуардъ увозитъ меня въ Клермонъ осматривать женскую тюрьму.

Онѣ большей частью выглядятъ здоровыми, лица у нихъ полныя, цвѣтъ лица нѣсколько темный, онѣ своимъ видомъ напоминаютъ и монахиню, и выздоравливающую въ больницѣ. У всѣхъ, или почти у всѣхъ, голова квадратная, голова упрямая и ожесточенная, настойчивая голова крестьянки—и, что любопытно, сплюснутая у всѣхъ на одинъ образецъ. Я не нашелъ ни одного красиваго или интереснаго лица. Весь этотъ мірокъ женщинъ съ впалыми глазами ожесточенъ, сосредоточенъ и хоронитъ массу накопленныхъ вещей подъ недвижимыми чертами. Всѣ онѣ, когда проходишь мимо, остаются наклоненными надъ работой, съ закрытыми физіономіями. Будто стѣна между вашимъ взоромъ и ими. Лицо у нихъ ничего не говоритъ, не выражаетъ; чувствуешь, что оно притворяется мертвымъ.

Вы прошли и обернулись. Взоры медленно подымаются и вы чувствуете по спинѣ, какъ всѣ эти женскіе взгляды впились въ васъ и слѣдятъ за вами съ злобнымъ любопытствомъ.

Начальникъ разсказалъ мнѣ про хитрости этихъ женщинъ, замкнутыхъ въ молчаніе, хитрости, посредствомъ которыхъ онѣ переписываются между собою. Такъ одна изъ нихъ отправила любовное посланіе, вырѣзавъ отдѣльныя буквы изъ молитвенника, и нашивъ ихъ на тряпку [2]).

Суббота, 13-го декабря. Я получилъ, вмѣстѣ съ милымъ письмецомъ по поводу нашей книги, приглашеніе къ обѣду отъ принцессы Матильды. Насъ вводятъ въ бель-этажъ, въ круглую гостиную, съ панно изъ пунцоваго штофа, декорированными зеркалами рѣзнаго стекла въ изящныхъ рамкахъ. Гаварни, Шеневьеръ, Ньюверкеркъ уже здѣсь. Является и принцесса, сопровождаемая своей чтицей, m-me де-Фли. Садимся за столъ. Насъ только семеро. Если-бы не посуда, помѣченная императорскимъ гербомъ, и не важность и безучастность лакеевъ, настоящихъ лакеевъ знатнаго княжескаго дома, нельзя было-бы и подумать, что находишься у «высочества», такъ много въ этомъ миломъ домѣ свободы духа и слова.

Эта гостиная настоящій салонъ XIX-го вѣка, и хозяйка ея совершеннѣйшій типъ современной женщины.

[1]) Исторія Розы воспроизведена въ романѣ: Жермини Ласерте.

[2]) Сцена, воспроизведенная въ «La fille Elisa». *Прим. перев.*

Женщина, любезная какъ ея улыбка, милѣйшая на свѣтѣ улыбка, жирная улыбка красивыхъ итальянскихъ устъ; естественность, которая заставляетъ васъ чувствовать себя, какъ дома, непринужденнымъ своимъ языкомъ, живостью всего, что приходитъ ей въ голову, божественной своей простотой. Сегодня, она находится среди мужчинъ и отдается веселью безъ малѣйшей задней мысли. Она поистинѣ очаровательна. Она намъ жалуется, мило и остроумно, на то, что женскій уровень страннымъ образомъ опустился въ сравненіи съ эпохой, описанной нами; на то, что она не знаетъ женщинъ, интересующихся искусствомъ, новостями литературы, и имѣющихъ наклонности, хотя и не мужскія, но возвышенныя и рѣдкія. Большая часть дамъ такова, что съ ними не о чемъ говорить. «Вѣдь вотъ, если сюда къ намъ зайдетъ женщина, придется перемѣнить разговоръ, вы сейчасъ увидите. Да, женщинъ развитыхъ я готова принимать у себя. Рашель, конечно, Рашель я согласилась-бы принять, и госпожу Зандъ я пригласила-бы съ большимъ удовольствіемъ!..

1863 г.

23-го февраля. Обѣдъ въ ресторанѣ Маньи. Шарль Эдмонъ приводитъ къ намъ Тургенева, этого иностраннаго писателя, одареннаго столь нѣжнымъ талантомъ, автора «Записокъ Охотника» и «Русскаго Гамлета».

Это милый колоссъ, кроткій великанъ съ сѣдыми волосами, съ видомъ добраго генія горъ или лѣса. Онъ прекрасенъ, величаво прекрасенъ, чудовищно прекрасенъ, съ синевой неба въ глазахъ, съ пѣвучестью русскаго акцента, пѣвучестью, напоминающею не то ребенка, не то негра.

Тронутый, пріятно настроенный сдѣланной ему оваціей, онъ сообщаетъ намъ любопытныя вещи о русской литературѣ. Она вся, по его словамъ, начиная съ романа и кончая театромъ, занята изученіемъ дѣйствительности. Онъ говоритъ намъ, что русская публика много читаетъ журналы и, краснѣя, признается намъ, что онъ и десять другихъ получаютъ по 600 франковъ съ листа. Но за-то книга тамъ еле оплачивается, не приноситъ более 4,000 франковъ...

При имени Гейне, произнесенномъ Тургеневымъ, въ то время, какъ мы громко выражаемъ наши чувства восторга къ нѣмецкому поэту, Сентъ-Бевъ, утверждающій, что онъ его отлично зналъ, восклицаетъ, что это былъ негодный плутъ. Но при общемъ шумномъ протестѣ собесѣдниковъ онъ умолкаетъ, закрываетъ себѣ лицо обѣими руками и остается въ такой позѣ все время, пока длится наша похвала.

1-го марта. Сегодня послѣднее воскресенье съ Флоберомъ, онъ уѣзжаетъ въ Круассе, чтобы тамъ зарыться въ работу.

Приходитъ господинъ, тощій, худой, угрюмый, съ жидкой бородой, съ глазами, которые онъ прячетъ подъ очки; но лицо его, нѣсколько

безцвѣтное, оживляется при разговорѣ, и взглядъ становится привѣтливымъ, когда онъ васъ слушаетъ. Рѣчь у него кроткая, исходящая изъ рта съ длинными зубами, какъ у старой англичанки.—Это Тэнъ, живое воплощеніе современной критики, критики одновременно весьма ученой, весьма остроумной, и весьма часто невѣрной до послѣднихъ предѣловъ. Въ немъ все еще замѣтенъ профессоръ, читающій лекцію. Этого уже съ себя не снимешь, но учительскія замашки уравновѣшиваются у него большой простотой, замѣчательной любезностью обхожденія, внимательностью благовоспитаннаго человѣка, учтиво отдающагося въ распоряженіе другихъ.

Такъ какъ мы говорили о томъ, что, по вчерашнему замѣчанію Тургенева, въ Россіи одинъ только писатель популяренъ, а именно Диккенсъ, что съ 1830 года наша литература у нихъ уже не имѣетъ вліянія, что все идетъ къ американскимъ и англійскимъ романамъ, Тэнъ сообщаетъ намъ, что онъ увѣренъ, что будущее еще разовьетъ это движеніе, что литературное вліяніе Франціи еще уменьшится [1]), что, правда, начиная съ XVIII вѣка, Франція имѣла, по всѣмъ отраслямъ знаній, людей замѣчательныхъ, превосходный фронтъ, но—только и всего; войска нѣтъ. Все та-же исторія: Парижъ и провинція... Онъ прибавляетъ: «Ашетъ (Hachette) недавно отказался отъ перевода Момзена, и онъ правъ: въ настоящее время въ Германіи выходитъ новое изданіе сочиненій Себастіана Баха,—изъ тысячи пяти сотъ подписокъ лишь десять приходится на долю Франціи».

Суббота, 14-го марта. Обѣдъ въ ресторанѣ Маньи. Сегодня обѣдалъ Тэнъ, съ своимъ убѣгающимъ взоромъ подъ очками, съ своей легкой, образной рѣчью, уснащенной историческими и научными свѣдѣніями, своимъ слегка тщедушнымъ изяществомъ; однимъ словомъ, той внѣшностью свѣтскаго человѣка, которая пристаетъ къ молодымъ учителямъ, занимавшимся воспитаніемъ дѣтей въ знатныхъ домахъ.

Онъ бесѣдуетъ объ отсутствіи умственнаго движенія у насъ въ провинціи, въ сравненіи съ литературными кружками англійскихъ графствъ и нѣмецкихъ городовъ; о полнокровіи все всасывающаго, все привлекающаго, всесильнаго Парижа, о будущемъ Франціи, которая, при такихъ условіяхъ, должна дойти до прилива крови къ мозгу. «Парижъ въ послѣднее время», восклицаетъ онъ, «представляется мнѣ долиной Александріи. Подъ Александріей висѣла, правда, долина Нила, но—уже мертвая долина!».

---

[1]) Болѣе ошибочнаго предсказанія никогда не бывало, ибо ни въ какое время французская книга, французскій романъ, не расходились въ такомъ числѣ экземпляровъ, какъ спустя нѣсколько лѣтъ. Впрочемъ, какъ будетъ видно въ слѣдующихъ частяхъ нашего журнала, философы какъ будто обладаютъ спеціальностью дѣлать неисполняющіяся предсказанія. *Прим. авт.*

По поводу похвалы Англіи, вновь высказанной Тэномъ, я слышу, какъ Сентъ-Бевъ сознается, что ему можно быть французомъ. «Знаю, что намъ возражаютъ: быть парижаниномъ не значитъ быть французомъ, это значитъ лишь быть парижаниномъ, но все-таки вы французъ, т. е. лично васъ считаютъ за ничто: это страна, гдѣ на каждомъ шагу сержанты... Мнѣ хотѣлось бы быть англичаниномъ. Англичанинъ, это хоть кто-нибудь... Впрочемъ, во мнѣ есть не много этой крови. Я изъ Булони, вы знаете? Бабка моя была англичанка»...

Но вотъ затягивается безконечное преніе о религіи, преніе, порожденное броженіемъ здороваго и разгоряченнаго пищеваренія въ обширныхъ мозгахъ. И Тэнъ толкуетъ о преимуществахъ и удобствахъ протестантской религіи для умовъ развитыхъ, благодаря широтѣ ея ученія, тому толкованію, которое каждый, смотря по своимъ наклонностямъ, можетъ вложить въ свою вѣру. «Въ сущности, кончаетъ онъ, все это— дѣло чувства: я убѣжденъ, что натуры музыкальныя болѣе склонны къ протестантизму, а натуры пластическія—къ католицизму».

11-го мая. Нашъ день у Маньи. Мы въ полномъ сборѣ. Двое новыхъ: Теофиль Готье и Нефцеръ.

Разговоръ касается Бальзака и останавливается на немъ. Сентъ-Бевъ нападаетъ на великаго романиста. «Бальзакъ не правдивъ, это человѣкъ геніальный, если хотите, но чудовище!»

— Да мы всѣ чудовища,—откликается Готье.—Послѣ этого, кто-же рисуетъ наше время? Гдѣ найти наше общество? Въ какой книгѣ? если Бальзакъ не представилъ его?..

— Все фантазія, все выдумки!—восклицаетъ раздраженный Сентъ-Бевъ.

— Боже мой,—замѣчаетъ Ренанъ, который сидитъ рядомъ со мной,—я нахожу госпожу Зандъ гораздо болѣе правдивой, чѣмъ Бальзака.

— Не можетъ быть!

— Да, да, у ней страсти общія...

— Да и что за слогъ у Бальзака!—подхватываетъ Сентъ-Бевъ.—Какъ будто скрученный, витой, какъ канатъ.

— Господа,—продолжаетъ Ренанъ,—госпожу Зандъ будутъ читать черезъ триста лѣтъ.

— Какъ бы не такъ! Г-жу Зандъ забудутъ, какъ г-жу де-Жанлисъ.

— Бальзакъ уже порядочно устарѣлъ,—рискуетъ вставить Сенъ-Викторъ,—да и очень сложенъ.

— А Юло (Hulot),—кричитъ Нефцеръ,—вотъ что гуманно, великолѣпно!

— Прекрасное просто,—продолжаетъ Сенъ-Викторъ.—Нѣтъ ничего болѣе прекраснаго, какъ чувства Гомера. Это остается вѣчно юнымъ... Вѣдь Андромаха интереснѣе госпожи Марнефъ!

— Не для меня!—откликается Эдмонъ.

— Какъ, не для васъ?

— Вашъ Гомеръ рисуетъ лишь картину физическихъ страданій, описывать нравственныя страданія куда труднѣе. И хотите, чтобы я вамъ сказалъ все: послѣдній психологическій романъ волнуетъ меня больше, чѣмъ весь вашъ Гомеръ... Да, я охотнѣе читаю Адольфа, чѣмъ Иліаду:

— Хоть изъ окна бросайся послѣ такихъ вещей,—реветъ Сенъ-Викторъ.

Глаза у него хотятъ выскочить! Попрали его божество, плюнули на его святыню. Онъ топчется на мѣстѣ и мычитъ:—Развѣ возможно... О грекахъ нельзя спорить. Все въ нихъ божественно.

Общій сумбуръ, во время котораго Сентъ-Бевъ набожно крестится и шепчетъ: «Но, господа, собака Одиссея?»... А Готье кричитъ: «Гомеръ—это поэма Битобе́; да, вѣдь Битобе́ его ввелъ. А́ почитайте-ка его въ подлинникѣ... очень сурово!»

А я говорю сосѣду: «Можно спорить о папѣ, ругать что угодно... но Гомеръ... Странно́е дѣло—религія въ литературѣ!»

Наконецъ, утихаютъ. Сенъ-Викторъ протягиваетъ руку Эдмону и обѣдъ продолжается.

Но вотъ Ренанъ принимается насъ увѣрять, что онъ старается очистить свою книгу отъ газетнаго языка, что онъ старается писать настоящимъ языкомъ XVII вѣка, языкомъ окончательно установившимся и приспособленнымъ къ выраженію всѣхъ чувствъ.

— Напрасно, вы этого и не достигнете,—быстро возражаетъ Готье.— Я вамъ покажу въ вашихъ книгахъ четыреста словъ, не существовавшихъ въ XVII вѣкѣ. У васъ новыя мысли, не такъ ли? Ну такъ новымъ мыслямъ нужны и новыя слова. А Сенъ-Симонъ, развѣ онъ писалъ языкомъ своего времени? А г-жа де-Савинье?

И громкое слово Готье поглощаетъ возраженія всѣхъ. Онъ продолжаетъ.

— Да, можетъ быть, имъ и достаточно было своихъ словъ,—для того времени, пожалуй. Они ничего не знали: немного латинскаго и греческаго. Ни слова объ искусствѣ. Не они ли назвали Рафаэля Миньяромъ своего вѣка! Ни слова исторіи! Ни слова архелогіи! Не написать вамъ фельетона, который я во вторникъ напишу о Бодри, словами XVII вѣка!

8-го іюня. Послѣ горячаго спора у Маньи, изъ котораго я выхожу съ сердцемъ, стучащимъ въ груди, съ пересохшимъ горломъ и языкомъ, я прихожу къ слѣдующему убѣжденію: всякій политическій споръ сводится къ одному: я лучше васъ! Всякій литературный: у меня больше вкуса, чѣмъ у васъ! Всякій художественный: я лучше васъ вижу! Всякій музыкальный: у меня слухъ лучше вашего! А вѣдь, однако, ужасно, что при каждомъ спорѣ мы стоимъ въ одиночку, не дѣлаемъ прозелитовъ. Можетъ быть, поэтому Богъ и сотворилъ насъ двоихъ одинаковыхъ.

РУДОКОПЪ.

(Изъ Ибсена).

Выше, молотъ мой, вздымайся,
Камень, съ трескомъ разрушайся,—
Надо путь пробить туда,
Гдѣ поетъ, звенитъ руда.

Жилы красно-золотыя
И каменья дорогіе
Въ темныхъ нѣдрахъ мощныхъ горъ
Мой притягиваютъ взоръ.

Вѣетъ миромъ, тишиною
Въ тьмѣ глубокой подъ землею.
Въ эту тьму, въ земную грудь
Пробивай мнѣ, молотъ, путь!

Помню, въ юности ночами
Любовался я звѣздами;
Лѣсъ, поля, цвѣты любилъ;
Солнца каждый лучъ ловилъ.

Годы шли и подъ землею
Свыкся я съ полночной тьмою
И забылъ красу небесъ,
Ароматный, свѣжій лѣсъ.

Помню, я, сходя въ первые
Въ нѣдра мрачныя земныя,
Думалъ: духи въ глубинѣ
Тайну тайнъ откроютъ мнѣ.

Но бѣжитъ стрѣлою время,
А загадокъ жизни бремя
Умъ все такъ-же тяготитъ,
Тьма во мнѣ и вкругъ царитъ.

Иль ошибкою жестокой
Былъ мой путь во тьмѣ глубокой,—
Свѣта ищутъ въ вышинѣ...
Но слѣпитъ глаза онъ мнѣ.

Нѣтъ, ужъ видно подъ землею
Путь намѣченъ мнѣ судьбою.
Глубже внизъ, въ земную грудь,
Пролагай мнѣ, молотъ, путь.

Вглубь! Пока лишь хватитъ силы,
Шагъ за шагомъ—до могилы.
Ни единый лучъ живой
Мнѣ не свѣтитъ въ тьмѣ ночной.

Анна Ганзенъ.

Ибсенъ и его критики.

> Что значитъ жить? Въ борьбѣ съ судьбою,
> Съ страстями темными сгорать.
> Творить?—То значитъ надъ собою
> Нелицемѣрный судъ держать! [1])
> *Ибсенъ.*

Много уже было написано и высказано по поводу произведеній Ибсена и самой личности его, и еще больше, вѣроятно, будетъ сказано и написано. Интересъ къ этому оригинальному и мощному представителю литературы сѣвера не только не ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, но все больше и больше возрастаетъ, и какъ на родинѣ его, такъ и заграницей то и дѣло появляются новые и новые труды, посвященные разбору и оцѣнкѣ его литературной дѣятельности.

Изъ появившихся въ послѣднее время особенно интересны: книга пастора Шака «Ходъ развитія творческой дѣятельности Ибсена», содержащая обстоятельный критическій разборъ всей дѣятельности писателя, и отвѣтная статья датскаго критика Нёррегора, въ которой, въ опроверженіе взглядовъ Шака, выдвигается совершенно новая точка зрѣнія на Ибсена и его роль въ литературѣ. Послѣднею-то статьею мы главнымъ образомъ и займемся въ данномъ очеркѣ.

Прежде всего Нёррегоръ отдаетъ должное Шаку. Послѣдній высказываетъ въ своей книгѣ много мыслей, которыя, по всей вѣроятности, шевелятся у многихъ, если не у большинства обыкновенныхъ читателей; излагаетъ Шакъ эти мысли въ высшей степени ясно, убѣдительно, часто весьма остроумно, такъ что вполнѣ овладѣваетъ среднимъ читателемъ и ведетъ его за собою до конца. Главная сила Шака въ мѣткости опредѣленій его въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно выдвинуть основную

---

[1]) Переводъ Анны Ганзенъ.

мысль отдѣльныхъ произведеній Ибсена или же указать на погрѣшности послѣднихъ—въ смыслѣ выдержанности этой мысли, и, принимая во вниманіе поверхностное отношеніе, какъ-то вяжущееся со жгучимъ интересомъ большинства читателей къ глубоко-содержательному творчеству Ибсена, нельзя не признать за трудомъ Шака извѣстной заслуги и пользы. Но тотъ, кто предположитъ,—справедливо говоритъ затѣмъ Нёррегоръ,—что Шакъ сказалъ своей книгой послѣднее слово, вполнѣ выясняющее сущность и значеніе творчества Ибсена, и что стоитъ только прочесть эту книгу, чтобы вполнѣ уразумѣть Ибсена, тотъ жестоко ошибется. Въ изображеніи Шака Ибсенъ является въ концѣ концовъ богачомъ, который мало-по-малу раззорился и теперь живетъ только грабежомъ или займами, или, ради утоленія голода, объѣдаетъ мясо съ собственныхъ костей, прикрывая свою бѣдность и убожество ослѣпительной техникой драматурга. И Нёррегоръ находитъ, что авторъ въ данномъ случаѣ пересолилъ и, пытаясь доказать слишкомъ много, не доказалъ въ сущности ничего. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли кто-нибудь изъ громаднаго числа лицъ, извѣдавшихъ и на себѣ и на другихъ обаяніе творчества Ибсена, повѣрить, что «обаяніе это исключительно обусловливается блестящею техникою, мастерствомъ формы, въ которой Ибсенъ преподноситъ свои quasi-великія истины, невѣрно понятыя и примѣненныя?» Между тѣмъ, это-то именно и утверждаетъ Шакъ; да мало того, вѣрный своей цѣли окончательно развѣнчать Ибсена, онъ еще отрицаетъ всякую постановку въ «Строителѣ Сольнесѣ» какой-либо имѣющей существенное значеніе проблеммы и утверждаетъ, что «Маленькій Эйольфъ» знаменуетъ «упадочный поворотъ къ позитивизму въ творчествѣ Ибсена» и что главная реплика въ концѣ этой пьесы «отзывается пародіей». Все это невольно заставляетъ усомниться въ правильности общаго взгляда Шака и придти къ тому выводу, что надлежащаго ключа къ творчеству Ибсена онъ, не смотря на всѣ свои старанія, своимъ трудомъ не далъ.

Кромѣ того—по мнѣнію Нёррегора—оставляетъ многаго желать и самый тонъ Шака. Ибсенъ, какъ авторъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ по оригинальности идей (если ужъ отрицать ихъ глубину) и по мастерству выполненія произведеній, имѣетъ право на извѣстное уваженіе, изъ рамокъ котораго не слѣдуетъ выходить при критическомъ разборѣ самыхъ произведеній и рисующейся въ нихъ личности автора; третировать-же эти произведенія, какъ рядъ ученическихъ работъ, какъ то дѣлаетъ въ своемъ критическомъ увлеченіи Шакъ, прямо неприлично.

Основаніемъ для построенія своихъ опредѣленій, положеній и выводовъ Шакъ выбралъ извѣстное стихотвореніе Ибсена «На просторѣ», видя въ немъ ключъ къ уразумѣнію внутренняго «я» писателя и выясненію многихъ скрыто-вложенныхъ имъ въ свои произведенія мыслей и взглядовъ. Нёррегоръ соглашается, что такой пріемъ имѣетъ

свои основанія и дѣйствительно можетъ способствовать къ выясненію нѣкоторыхъ чертъ душевной жизни писателя, но находитъ, что едва-ли правильно ограничиваться въ данномъ случаѣ однимъ стихотвореніемъ,—многія другія изъ лучшихъ стихотвореній Ибсена могутъ сослужить не меньшую службу. Самъ Нёррегоръ наиболѣе характернымъ и знаменательнымъ изъ всѣхъ стихотвореній Ибсена считаетъ помѣщенное въ этой-же книгѣ (стр. 107—108) стихотвореніе «Рудокопъ».

«Конечно, можно и послѣднимъ воспользоваться для нападокъ на Ибсена»—говоритъ Нёррегоръ; «можно найти, что онъ самъ проговорился» (какъ навѣрное замѣтилъ-бы Шакъ), признался въ своемъ предпочтеніи тьмы свѣту, въ томъ, что «забылъ» ради подземной тьмы «красу небесъ» и, хоть не нашелъ въ мрачныхъ глубинахъ разъясненія загадокъ жизни и даже самъ сомнѣвается въ правильности избраннаго имъ пути, всетаки упорствуетъ, продолжаетъ, работая своимъ обличительнымъ молотомъ, пробиваться «вглубь» *потому*, что «въ вышинѣ» искать свѣта не въ силахъ, — свѣтъ слѣпитъ ему глаза. Но если желательно уловить въ этомъ стихотвореніи душу поэта, то надо пользоваться имъ болѣе вдумчиво и осмотрительно. Вся суть здѣсь въ томъ, что «рудокопъ» Ибсена пробиваетъ себѣ дорогу вглубь, внизъ, между тѣмъ какъ обычный путь къ уясненію жизни и обрѣтенію истинныхъ ея сокровищъ, благъ ведетъ въ высь. Все остальное лежитъ въ условіяхъ избраннаго Ибсеномъ образа, и, разбирая данное стихотвореніе, надо остерегаться упустить изъ вида главное изъ за этихъ частностей. Не надо забывать, что если тутъ и высказывается, какъ тяжело и трудно пробиваться впередъ въ этихъ темныхъ глубинахъ, если и сквозитъ горестное чувство самого поэта, вызываемое въ немъ дѣятельностью его на томъ мрачномъ тяжеломъ пути, который онъ самъ избралъ себѣ, то высказывается и то, что смыслъ этого труднаго и опаснаго дѣла не только въ томъ, чтобы искать свѣта во тьмѣ, а въ томъ, чтобы извлечь изъ этой тьмы на свѣтъ Божій, на пользу людямъ, сокровища, которыя прозрѣваетъ тамъ взоръ поэта.

«Въ началѣ своей творческой дѣятельности Ибсенъ наравнѣ со многими другими изъ современныхъ поэтовъ тяготѣлъ къ свѣтлымъ идеаламъ, любовался звѣздами, любилъ природу и пытался увлечь за собою людей, по свѣтлому широкому пути вдохновенной мысли. Но его вѣрѣ въ людей и свѣтлымъ надеждамъ и идеаламъ былъ нанесенъ жестокій ударъ,—его соотечественники измѣнили, на его взглядъ, своимъ традиціямъ, самимъ себѣ [1]), и вотъ, онъ рѣшилъ, что на такой народъ, который насмѣялся надъ своими идеалами, нечего и тратить ихъ больше, отказался отъ надежды увлечь его за собой въ высь, и выбралъ иной путь—внизъ, вглубь,

[1]) Въ 1864 г. норвежцы, вопреки прежнимъ обѣщаніямъ, отказались поддержать родственную націю—датчанъ—въ борьбѣ съ нѣмцами и равнодушно предоставили Данію разгрому. Негодованіе Ибсена вылилось въ горячемъ стихотвореніи «Братъ въ бѣдѣ».

въ самые темные тайники жизни,—можетъ быть, такъ лучше удастся пробудить людей и научить ихъ мыслить! Онъ рѣшилъ углубиться въ области религіозныхъ сомнѣній, политическихъ дрязгъ, узкой и затхлой семейной жизни, дерзкаго свободомыслія и свободной любви, разъѣдающаго эгоизма, необузданной жажды наслажденій и заставить людей всюду увидѣть себя, какъ въ зеркалѣ, и поразмыслить о прочности устоевъ, на которыхъ они основываютъ свою жизнь».

Вотъ, какія задачи—по мнѣнію Нёррегора—имѣетъ въ виду Ибсенъ, изслѣдуя шагъ за шагомъ темныя области жизни и изображая ихъ вполнѣ «объективно», т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ съ дѣйствующими въ нихъ лицами рисуются передъ его умственнымъ взоромъ, не высказывая своего личнаго мнѣнія, но заставляя этихъ лицъ самихъ говорить за себя словомъ и дѣломъ. Вообще—на взглядъ Нёррегора—напрасный трудъ стараться схватить въ рѣчахъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, выступающихъ въ болѣе позднихъ произведеніяхъ Ибсена, его личное воззрѣніе; для этого надо опираться на какое-нибудь высказанное имъ непосредственно отъ своего имени устно или печатно мнѣніе,—напр. относительно «третьяго царства», о которомъ говорится въ «Императорѣ и Галилеянинѣ»; но въ томъ-то и дѣло, что Ибсенъ дѣлаетъ это крайне рѣдко, вообще намѣренно избѣгая всякаго прямого высказыванія своихъ мыслей; онъ только рисуетъ лицъ, дѣйствующихъ и говорящихъ согласно своей основной природѣ; лица эти разсуждаютъ и поступаютъ такъ, какъ они должны были въ силу естественныхъ законовъ разсуждать и поступать при такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ, самъ-же Ибсенъ избѣгаетъ даже намекомъ показать, стоитъ-ли онъ *за* или *противъ* нихъ. Шакъ прекрасно знаетъ этотъ пріемъ Ибсена, но не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи попытаться сдернуть покрывало и насильно схватить ускользающее «я» автора, причемъ, разумѣется, проявляетъ только произволъ и достигаетъ весьма сомнительныхъ результатовъ.

Нёррегоръ утверждаетъ, что объективнымъ писателемъ Ибсенъ является уже въ «Комедіи любви» и въ «Брандѣ», и, по его мнѣнію, всѣ недоразумѣнія, вызванныя этими произведеніями, противорѣчивыя и часто нелѣпыя сужденія о нихъ въ печати и въ обществѣ, на что не разъ жаловался самъ Ибсенъ, проистекаютъ именно изъ того, что читатели не замѣтили или не поняли объективности автора. «Ибсену, вѣдь, и въ голову не приходило одобрять Свангильду за то, что она выходитъ замужъ за Гульдстада ради сохраненія своей любви къ Фальку, равно какъ онъ и не думалъ осуждать Бранда заключительными словами изъ облаковъ: «Богъ есть Deus Caritatis». Въ «Комедіи любви» Ибсенъ именно хотѣлъ указать на всѣ тѣ несчастія и самопротиворѣчія, которыя вызываются современными помолвками и съ которыми не

въ состоянiи справиться даже люди идеальныхъ стремленiй. Заключительными-же словами въ «Брандѣ» онъ имѣлъ въ виду отвѣтить на вопросъ Бранда относительно способности человѣческой воли достичь, путемъ полнаго самоотреченiя, вершины, т. е. совершенства,—отвѣтить, что путь самоотреченiя и связанныхъ съ нимъ страданiя и уничиженiя и является тѣмъ путемъ, которымъ Милосердый Богъ ведетъ человѣка къ спасенiю, и что Богъ, ведя человѣка этимъ тяжелымъ путемъ, остается Богомъ Милосердiя, такъ какъ ведетъ человѣка къ спасенiю, но что человѣкъ постигаетъ это лишь пройдя путь, достигнувъ цѣли. Агнессѣ выпало на долю постичь это еще до смерти, и она благодаритъ Бранда за то, что тотъ помогъ ей дойти до цѣли».

Вообще, по мнѣнiю Нёррегора, въ «Брандѣ» нельзя найти ни защиты, ни порицанiя образа мышленiя Бранда; Ибсенъ только правдиво и объективно рисуетъ христiанское мiровоззрѣнiе въ духѣ извѣстнаго датскаго писателя Сёрена Киркегора, который любовь Бога къ человѣку уподобляетъ любви хозяина къ лошади, подгоняемой имъ ударами кнута на крутой скалистый подъемъ. Если-бы хозяинъ хоть на минуту далъ лошади остановиться, она скатилась-бы въ пропасть и разбилась; ее надо безъ отдыха гнать впередъ, хотя-бы пришлось исполосовать ей всѣ бока; на вершинѣ лошадь почувствуетъ, сознаетъ, что ее гнали ради ея-же спасенiя. «Слѣдовательно, при критическомъ разборѣ «Бранда» не должно быть и рѣчи о разборѣ съ богословской точки зрѣнiя самаго рисуемаго авторомъ христiанскаго мiровоззрѣнiя, равно какъ при разборѣ «Комедiи любви»—объ оцѣнкѣ поступковъ Свангильды и Фалька съ этической точки зрѣнiя; въ послѣднемъ случаѣ оцѣнка эта уже заранѣе принесена въ жертву, чтобы комедiя могла разыграться до конца. Не можетъ быть и рѣчи о порицанiи или одобренiи избранной авторомъ въ обоихъ случаяхъ художественной формы». Задачу критики Нёррегоръ видитъ въ томъ, чтобы уразумѣть цѣль автора, которую онъ имѣлъ въ виду, создавая данные образы, и обсудить—выдержаны-ли послѣднiе съ этой точки зрѣнiя.

Къ драмамъ, какъ «Праздникъ въ Сольгаузѣ», «Претенденты на престолъ» и «Перъ Гинтъ», Нёррегоръ допускаетъ иное отношенiе, такъ какъ въ нихъ Ибсенъ еще не является вполнѣ объективнымъ писателемъ, а ясно показываетъ себя сторонникомъ такихъ-то и такихъ-то лицъ и воззрѣнiй.

Идя дальше по пути изображенiя разъѣдающаго душу скептицизма, на который онъ ступилъ «Комедiей любви» и особенно «Претендентами на престолъ» (образъ Скуле), Ибсенъ,—по толкованiю Нёррегора — все больше и больше углубляется въ «полночную тьму шахты», причемъ объективное отношенiе его къ изображаемому вполнѣ идетъ рука объ руку съ «ударами его тяжелаго молота» по всѣмъ житейскимъ отноше-

ніямъ. И дѣятельность эта вовсе не такого рода, чтобы заставляла Ибсена окончательно проститься съ идеалами или съ христіанскимъ міросозерцаніемъ; напротивъ, въ ней можно видѣть подготовительный трудъ къ изображенію «третьяго царства»—сліянія идеаловъ христіанства съ идеалами культуры въ высшемъ единствѣ, подготовительный трудъ, безъ котораго наше современное поколѣніе, по мнѣнію Ибсена, не можетъ обойтись, если ему вообще суждено очнуться и научиться мыслить болѣе широко. Ибсенъ убѣжденъ, что именно, проведя людей черезъ эти мрачные подземные ходы, и можно заставить ихъ затосковать о свѣтлыхъ идеалахъ, пробудить въ людяхъ истинное стремленіе къ служенію этимъ идеаламъ и утвержденію «третьяго царства» не на словахъ только, а на дѣлѣ.

И вотъ, Ибсенъ пишетъ цѣлый рядъ гражданскихъ драмъ и комедій съ «Союзомъ молодежи» во главѣ; въ этой пьесѣ онъ предаетъ осмѣянію пустоту и безъидейность молодого норвежскаго радикализма, прикрывающаго свое внутреннее убожество громкими фразами. Въ слѣдующемъ произведеніи «Столпы Общества» Ибсенъ добирается и до «почтенныхъ общественныхъ дѣятелей» и пригвождаетъ ихъ къ позорному столбу, какъ радикаловъ въ предыдущемъ; исправленіе мало помогаетъ дѣлу,—мишура совлечена. Въ «Кукольномъ домикѣ» и въ «Призракахъ» очередь за семьей, столь добродѣтельной и прочной съ виду, но сгнившей въ самомъ корнѣ. Если относительно самой конструкціи и нѣкоторыхъ деталей двухъ послѣднихъ пьесъ Нёррегоръ и готовъ согласиться съ возраженіями Шака, то все же настаиваетъ на признаніи за авторомъ громадной заслуги уже за одно то, что онъ «намѣренно поднялъ трезвонъ во всѣ колокола ради того, чтобы привлечь вниманіе людей на нездоровые и зиждящіеся на фальшивыхъ основахъ браки, заставить всѣхъ, кто только имѣетъ уши и хочетъ слушать, провѣрить себя и свои семейныя отношенія и во время застраховать отъ гибели свою семью»,—какъ выясняетъ значеніе «Кукольнаго домика» профессоръ Дитрихсонъ. «Ибсенъ для того именно и сгущаетъ краски (за что на него такъ нападаетъ Шакъ), чтобы заставить читателя задать себѣ вопросъ, «а мой бракъ... покоится-ли на болѣе прочной, истинной основѣ, на которой способны создаться счастливая семья и дѣльное жизнеспособное потомство»?—и послѣ отрицательнаго отвѣта почувствовать влеченіе внести болѣе положительные жизненные идеалы, большую искренность, иначе говоря—*правду* въ наиболѣе важныя взаимныя отношенія между людьми».

«Но затѣмъ,—продолжаетъ Нёррегоръ,—Ибсенъ ополчается и противъ самаго стремленія къ правдѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ наше время. Въ трехъ драмахъ «Врагъ народа», «Дикая утка» и «Росмерсгольмъ» Ибсенъ бросаетъ яркій свѣтъ на различные фазисы борьбы за правду или стремленія къ правдѣ, чтобы и тутъ указать тѣ

подводные камни, на которыхъ можно потерпѣть крушеніе, уничтожающее всю пользу такого стремленія. Во «Врагѣ народа» изображена съ одной стороны трусость сплошного большинства, съ другой—горячность и необузданность покинутаго всѣми и преслѣдуемаго доктора». Нёррегоръ не соглашается съ мнѣніемъ Шака, видящаго въ Стокманѣ какъ-бы рупоръ самого Ибсена, но утверждаетъ, что послѣдній именно имѣлъ въ виду изобразить невозможность достиженія цѣли такимъ поборникомъ правды, избравшимъ такой путь, какъ докторъ Стокманъ. Иначе бы Ибсенъ не заставлялъ Стокмана во всемъ хватать черезъ край; вѣдь, насколько Стокманъ довѣрчивъ, добродушенъ и человѣколюбивъ въ началѣ, *до* своего разочарованія, настолько же онъ рѣзокъ, необузданъ, запальчивъ *послѣ* того; поддаваясь обуревающимъ его чувствамъ ожесточенія и презрѣнія, онъ портитъ все дѣло.

Въ «Дикой уткѣ» тоже изображено банкротство идеальнаго стремленія къ правдѣ въ лицѣ Грегера Верле. И въ данномъ случаѣ Нёррегоръ и Шакъ оба сходятся во мнѣніяхъ, что правда, которой служитъ Верле, безсодержательна, лишена положительныхъ сторонъ и, вслѣдствіе этого, ненужна и вредна, но Нёррегоръ прибавляетъ еще, что Ибсенъ какъ разъ и имѣлъ въ виду изобразить такого сорта нежелательную правду, показывая печальныя послѣдствія ея примѣненія къ дѣлу. Мнѣніе-же Шака, что этотъ поддѣльный идеалистъ Верле отражаетъ личность самого автора, Нёррегоръ вполнѣ основательно считаетъ абсурдомъ, не допуская даже сомнѣнія въ томъ, что Ибсенъ задался цѣлью дать именно типъ «поддѣльнаго идеалиста», «каррикатуру искателя правды», какіе попадаются въ наше время, и тѣмъ открыть глаза людямъ на истинную, идеальную правду.

Наконецъ, въ «Росмерсгольмѣ» изображено, какъ парализуется стремленіе къ правдѣ нечистою совѣстью. «Пока совѣсть, на которой тяготѣетъ пятно, спала, Росмеръ и Ребекка могли работать надъ осуществленіемъ служащаго соединительнымъ звеномъ между ними стремленія къ правдѣ, къ освобожденію души и мысли отъ ложныхъ путъ; но какъ только совѣсть пробудилась, Ребекка уже не можетъ осуществить своей мечты—стать женой Росмера, а онъ своей — работать во имя «счастья для всѣхъ, созданнаго всѣми». И не вина Ибсена, — справедливо замѣчаетъ Нёррегоръ—если кто изъ критиковъ и читателей не видитъ, что смыслъ и центръ всей пьесы—нечистая совѣсть.

Путь къ счастливому будущему прегражденъ для Росмера и Реббеки ихъ прошлымъ, и пьеса кончается словами: «покойница схватила ихъ». Если-же Ибсенъ рядомъ съ этой злополучной четой изобразилъ Ульрика Бренделя, то для того лишь, чтобы вызвать въ умахъ читателей сравненіе и размышленіе—что хуже: быть-ли на мѣстѣ окончательно утратившаго всѣ свои идеалы Бренделя или на мѣстѣ Росмера и Ребекки, ко-

торыя сохранили ихъ въ помыслахъ, но не въ состояніи осуществить изъ-за давящаго ихъ сознанія своей виновности? Въ развязкѣ «Росмерсгольма» Нёррегоръ не видитъ, въ противоположность Шаку, желанія Ибсена заставить читателей думать, что, бросившись въ водопадъ, Росмеръ и Ребекка дѣйствительно вновь обрѣтутъ утраченную вѣру въ самихъ себя и другъ въ друга, хоть они и утѣшаютъ себя этой надеждой. По объясненію датскаго критика, Ибсенъ посылаетъ Росмера и Ребекку въ водопадъ просто потому, что «такимъ людямъ, несмотря на все ихъ свободомысліе и любовь къ свободѣ, туда и дорога».

«Дочерью моря» открылся новый фазисъ въ дѣятельности Ибсена. «Поселившись на лѣто на берегу моря въ Собю (въ Ютландіи), Ибсенъ впервые послѣ долгихъ лѣтъ промежутка сталъ вновь прислушиваться къ пѣснямъ моря. Впечатлѣніе было захватывающее, и онъ самъ не разъ говорилъ, что море нашептало ему много страннаго, диковиннаго, чѣмъ онъ и хотѣлъ подѣлиться съ другими. И вотъ, изъ моря всплыла «Дочь моря», и съ устъ ея зазвучали слова: «свобода и отвѣтственность».

На этихъ двухъ словахъ Ибсенъ началъ строить новый рядъ драмъ, въ которыхъ онъ, пытаясь пробудить въ людяхъ стремленіе къ идеаламъ, даетъ уже не одни отрицательныя изображенія, но рисуетъ и нѣчто положительное. Въ «Дочери моря» Ибсенъ доказываетъ, что гипнотизированное, доведенное почти до безумія человѣческое существо можетъ быть исцѣлено и спасено свободнымъ выборомъ подъ личной отвѣтственностью». Шакъ старается доказать, что мужъ Элиды руководится въ данномъ случаѣ не любовью и самоотреченіемъ, а лишь слабостью характера, но Нёррегоръ не допускаетъ, чтобы это, будь оно даже правдой, сколько-нибудь умаляло значеніе драмы; идея ея въ томъ, что люди могутъ возродиться къ новой жизни, избравъ своимъ лозунгомъ слова: «свобода и отвѣтственность».

Въ слѣдующихъ трехъ драмахъ Нёррегоръ видитъ дальнѣйшее развитіе той-же идеи.

«Въ «Геддѣ Габлеръ» изображена женщина-эгоистка и естественно, что авторъ не пощадилъ красокъ для изображенія ея, чтобы самымъ нагляднымъ образомъ показать, какую нравственную порчу ведетъ за собой эгоизмъ, въ какія бы красивыя формы онъ ни облекался. Современные представители утонченнаго эгоизма, эстетики, во всемъ и вездѣ ищущіе только красоты и самоуслажденія, могутъ увидѣть себя въ Геддѣ Габлеръ, какъ въ зеркалѣ, и сами осудить себя. Въ контрастъ самоуничтожающейся жизни въ эгоизмѣ Ибсенъ нарисовалъ забывающую о себѣ для другихъ старуху тётку, которая, едва освободившись отъ заботъ и ухода за больной сестрой, ищетъ уже новаго несчастнаго, нуждающагося въ ея любви и самопожертвованіи. Противоположностью Геддѣ Габлеръ служитъ и Теа Эльвстедъ, которая способствуетъ нравственному подъему

ближняго, а затѣмъ забываетъ вмѣстѣ съ Тесманомъ себя и все остальное, чтобы спасти трудъ другого человѣка. Всѣ эти три образа, въ особенности же первый, говорятъ эгоистичному и потерявшему душевное равновѣсіе поколѣнію, «что найти это равновѣсіе можно въ любви и служеніи ближнему». И нельзя не согласиться съ Нёррегоромъ, который прибавляетъ ко всему этому, что изображеніе одного такого лица, какъ старуха тётка, не должно было бы позволить Шаку видѣть въ данной пьесѣ «одну скандалезную исторію—и только».

Слѣдуя затѣмъ совѣту Шака—отказаться по отношенію къ «Строителю Сольнесу» отъ всякихъ безплодныхъ размышленій и предположеній насчетъ того, что́ авторъ *хотѣлъ* сказать, и довольствоваться разсмотрѣніемъ того, что онъ *сказалъ*, Нёррегоръ доходитъ, однако, до совершенно иныхъ выводовъ, нежели Шакъ, и даже не понимаетъ, какимъ образомъ послѣдній, идя тѣмъ-же путемъ, могъ дойти до своихъ выводовъ, самымъ явнымъ образомъ не совпадающихъ съ намѣреніями автора.

«Въ лицѣ Сольнеса данъ типъ эгоиста мужского рода, какъ въ Геддѣ Таблеръ женскаго, и такъ-же показаны гибельныя послѣдствія такого безграничнаго себялюбія. Но въ «Строителѣ Сольнесѣ» уже не выведено такого дѣйствующаго лица, которое, служа контрастомъ эгоисту, тѣмъ изобличало-бы эгоизмъ и выясняло идею пьесы; здѣсь роль такого дѣйствующаго лица играетъ сама судьба, и обличеніе эгоизма выходитъ еще ярче. Читая пьесу, нельзя не видѣть по ходу дѣйствія, что духовное паденіе Сольнеса началось еще съ той минуты, когда онъ отказался строить церкви, т.-е. вообще служить Богу. Но судьба еще не высказываетъ своего обличительнаго слова, щадитъ его: Богъ долго, вѣдь, терпитъ людей самонадѣянныхъ, самовластныхъ и себялюбивыхъ. Судьба, продолжаетъ относительно щадить Сольнеса и тогда, когда онъ, строя ради удовлетворенія жажды славы и наживы, попираетъ всѣ законы справедливости, но начало карѣ небесъ уже положено: Сольнесъ чувствуетъ у себя на груди «большую обнаженную рану», которая «горитъ и ноетъ» и которой ему не заживить. Когда-же онъ, очарованный Гильдой, олицетворящею смѣлую самонадѣянную юность, которая и влечетъ и пугаетъ Сольнеса, восходитъ на вершину только что отстроенной имъ башни собственнаго дома и бросаетъ оттуда заранѣе обдуманный дерзкій вызовъ Богу:—«Отнынѣ я буду строить лишь чудеснѣйшее въ мірѣ, строить вмѣстѣ съ принцессою, которую люблю! И теперь я сойду внизъ, обниму и поцѣлую ее... много, много разъ!»—когда онъ такимъ образомъ не только дерзаетъ окончательно отречься отъ служенія Богу, но и отъ всякихъ обязанностей къ другимъ людямъ—судьба наноситъ ему послѣдній роковой ударъ, возмездіе совершается. Если-же кто, читая «Сольнеса», понимаетъ его иначе, слышитъ въ пьесѣ «аккорды арфы и пѣсно-

пѣнія въ честь Сольнеса и Гильды», то причины нужно искать въ ушахъ, которыя слушаютъ; авторъ не причемъ, онъ высказался достаточно ясно.

Къ этимъ двумъ пьесамъ тѣсно примыкаетъ «Маленькій Эйольфъ». Мужъ и жена живутъ, что называется «сытою жизнью», исключительно для самихъ себя, и губятъ, благодаря этому, не только свое семейное счастье, но и здоровье собственнаго ребенка. Внезапно лишившись послѣдняго, они готовы погибнуть подъ развалинами разбитой жизни, но вотъ, къ нимъ въ ихъ виллу, гдѣ они отгородились отъ всякаго соприкосновенія съ жизнью и горемъ другихъ людей, долетаютъ жалобные крики несчастныхъ деревенскихъ дѣтей, и жена первая слышитъ въ этихъ крикахъ призывъ—забыть личное горе въ помощи чужому. Она схватывается за этотъ призывъ всѣми силами души, проснувшейся отъ тяжелаго холоднаго сна эгоизма; ея горячій порывъ открываетъ глаза и мужу, и онъ видитъ, въ чемъ они могутъ найти новую основу для совмѣстной жизни и труда... Мужъ и жена подаютъ другъ другу руки и вновь подымаютъ надъ домомъ приспущенный было флагъ, подымаютъ, какъ привѣтъ новой жизни—для другихъ, возродившейся изъ умершаго личнаго счастья».

Нёррегора ничуть не смущаетъ то, въ чемъ другіе видятъ недостатокъ даннаго произведенія, а именно, что развязка пьесы напоминаетъ «Бранда» и еще больше—Евангеліе отъ Матѳея (10 и 16 гл.); по его мнѣнію, самая развязка не становится отъ этого менѣе правдивою и жизненною, вполнѣ соотвѣтствуя характеру дѣйствующихъ лицъ. «Смыслъ пьесы ясенъ: люди могутъ погубить свое счастье и даже жизнь въ эгоизмѣ и могутъ обрѣсти новую жизнь въ любви и самопожертвованіи во имя счастья другихъ. Съ религіозной точки зрѣнія можно, конечно, возразить, что такому нравственному возрожденію должно было-бы предшествовать религіозное, для котораго данная чета не обладаетъ достаточными силами и способностями, но, вѣдь, Ибсенъ задался цѣлью написать не религіозную драму, а этическую, и разъ ему удалось разработать идею пьесы такъ, что поворотъ на путь этики является единственнымъ (притомъ естественнымъ) выходомъ для изображенной въ пьесѣ четы, то онъ и достигъ цѣли».

Вообще порицать Ибсена, какъ то дѣлаетъ Шакъ, за то, что онъ часто черпаетъ свои идеи изъ сокровищницы христіанства и упрекать его въ самопротиворѣчіи можно было-бы,—по мнѣнію Нёррегора—лишь въ томъ случаѣ, если-бы Ибсенъ дѣйствительно, а не только въ воображеніи Шака, восхвалялъ или санкціонировалъ то, что слѣдуетъ отрицать и осуждать. Но такъ какъ Ибсенъ именно порицаетъ и осуждаетъ, то приходится признать вполнѣ послѣдовательнымъ съ его стороны, что онъ— авторъ «Бранда» и «Императора и Галилеянина», стремясь подготовить путь къ наступленію «третьяго царства» (т.-е. сліянію идеаловъ христіан-

ства и культуры), пользуется нѣкоторыми основными идеями христіанства для болѣе яркаго освѣщенія изображаемой имъ жизни людей, эгоистичныхъ и своевольныхъ. Возраженія, дѣлаемыя съ извѣстной точки зрѣнія противъ формъ, въ которыхъ Ибсенъ заставляетъ фигурировать христіанскія идеи, лишаются значенія, если вникнуть въ результаты, которыхъ все-таки достигаетъ Ибсенъ, не смотря на различные пробѣлы и недомолвки. Послѣднія могутъ и должны быть восполнены самими читателями, чего собственно и добивается авторъ, въ виду своей основной цѣли—пробудить въ людяхъ мысль.

Выяснивъ положительную сторону дѣятельности Ибсена, Нёррегоръ не замалчиваетъ и тѣневыхъ сторонъ. «Нельзя—говоритъ датскій критикъ—безнаказанно около полувѣка заниматься исключительно изнанкой жизни, ея темной подкладкой—самодовольствомъ, эгоизмомъ, своеволіемъ и проч., придется поплатиться за это, какъ приходится и рудокопу за постоянное пребываніе въ глубинѣ и во тьмѣ: онъ не можетъ не пострадать и въ физическомъ и въ духовномъ смыслѣ, какъ-бы ни былъ драгоцѣненъ и нуженъ металлъ, ради обрѣтенія котораго онъ остается въ этихъ мрачныхъ мѣстахъ. Писатель, долго имѣющій дѣло преимущественно съ темными сторонами жизни, съ ея изнанкой, въ концѣ концовъ начинаетъ вообще предпочитать изнанку лицевой сторонѣ,—первая вѣдь куда «интереснѣе»!

Вотъ въ этомъ-то Нёррегоръ и склоненъ обвинить Ибсена, который съ особой охотой и мастерствомъ изображаетъ именно темныя стороны жизни, углубляется въ ея мрачные тайники и все съ большимъ увлеченіемъ дѣйствуетъ своимъ тяжелымъ молотомъ, чтобы пробить брешь въ каменныхъ сердцахъ, не заботясь при этомъ, что взмахами больно ранитъ иногда и противоположную сторону. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ Нёррегоръ видитъ одну изъ причинъ путаницы и противорѣчій во взглядахъ на Ибсена, котораго многіе выставляютъ поборникомъ такихъ воззрѣній, какихъ онъ и не раздѣлялъ, и противникомъ такихъ, какіе онъ на самомъ дѣлѣ проводилъ. Другою причиною Нёррегоръ, повидимому, считаетъ доведенное Ибсеномъ до крайности воздержаніе отъ всякаго проявленія въ своихъ произведеніяхъ авторскаго «я»: люди не перестаютъ искать послѣдняго, не могутъ примириться съ его неуловимостью и принимаютъ реплики дѣйствующихъ лицъ за голосъ самого автора. Такимъ образомъ, Ибсенъ, пріобрѣтшій такую безпримѣрную популярность и на родинѣ и за-границей, остается въ сущности мало понятымъ. Читатели восхищаются его мастерствомъ, но съ трудомъ понимаютъ внутренній смыслъ этого мастерства и то въ недоумѣніи качаютъ головами, полагая, что Ибсенъ выставляетъ самоутопленіе въ водопадѣ лучшимъ средствомъ для разрѣшенія всѣхъ сомнѣній, то возмущаются или восхищаются культомъ красоты въ Геддѣ Габлеръ, предполагая, что и самъ

авторъ жрецъ того-же культа, то, захлебываясь отъ восторга, привѣтствуютъ представительницу «коренастой совѣсти» будущаго поколѣнія Гильду, опять таки, какъ идеалъ Ибсена, и т. п.

«Трудность пониманія Ибсеновскихъ произведеній обыкновенными читателями вызвало множество разъясненій и истолкованій со стороны присяжныхъ критиковъ, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ пользовались для своихъ цѣлей не только высказанными Ибсеномъ публично (устно и печатно) мнѣніями и мыслями, что было-бы въ порядкѣ вещей, но посягнули и на его частную корреспонденцію, чтобы имѣть возможность «побивать его его-же словами». Поэтому Нёррегоръ вполнѣ допускаетъ, что высказывающееся въ послѣдней пьесѣ Ибсена «Джонъ Габріель Боркманъ» горькое сѣтованіе на «самое подлое преступленіе, на какое только способенъ человѣкъ—злоупотребленіе письмами друга» носитъ до извѣстной степени личный характеръ, высказывая чувства самого автора, которому пришлось испытать нѣчто подобное, что не только затрудняло ему работу, но и смущало умы его читателей.

«Въ личности Боркмана вообще нѣсколько просвѣчиваетъ личность самого Ибсена. Это становится особенно яснымъ, если сопоставить стихотвореніе «Рудокопъ» съ слѣдующимъ діалогомъ:

Боркманъ:—Я сынъ рудокопа. И отецъ бралъ меня иногда съ собою въ рудники.—Тамъ поетъ руда.

Фрида:—Вотъ какъ? Поетъ?

Боркманъ:—Когда освобождается. Освобождаютъ ее удары молотковъ, какъ удары полночныхъ колоколовъ освобождаютъ духовъ. И вотъ, руда поетъ... отъ радости... Поетъ по-своему.

Фрида:—Зачѣмъ же она поетъ, господинъ Боркманъ?

Боркманъ:—Ей хочется на свѣтъ Божій, служить людямъ.

Дѣйствительно діалогъ этотъ дополняетъ высказанную въ «Рудокопѣ» мысль Ибсена о смыслѣ собственной творческой дѣятельности и служитъ Нёррегору извѣстнымъ подтвержденіемъ правильности его взглядовъ на Ибсена, построенныхъ главнымъ образомъ на томъ-же стихотвореніи.

На вопросъ—можно-ли смотрѣть на «Джона Габріеля Боркмана» въ цѣломъ, какъ на попытку свести личные счеты, или, какъ на авторскую исповѣдь, Нёррегоръ отвѣчаетъ отрицательно и допускаетъ только, что нѣкоторыя изъ изображенныхъ въ пьесѣ взглядовъ и положеній можно отнести къ личной жизни Ибсена. На взглядъ Нёррегора послѣдній не желаетъ сказать своимъ «Джономъ Габріелемъ Боркманомъ»: «я этотъ самый человѣкъ; я обанкрутился потому, что меня не понимали и измѣняли мнѣ, и теперь не приходятъ ко мнѣ съ повинной. Я самъ виноватъ отчасти,—мнѣ слѣдовало-бы взяться за дѣло сызнова, а не ждать пока придутъ ко мнѣ»,—но приблизительно слѣдующее: «я понимаю этого

человѣка, я самъ испыталъ нѣчто подобное, самъ потерпѣлъ не мало; и я, какъ сынъ рудокопа, слышалъ какъ поетъ руда, когда освобождается, чтобы выйти на свѣтъ Божій и служить людямъ. И нѣтъ, по моему, болѣе печальной доли, какъ сойти въ могилу такимъ мертвецомъ, услугами котораго не хотѣли воспользоваться».

Но если-бы въ душу Ибсена закралось опасеніе такой доли для себя лично, то Нёррегоръ готовъ шепнуть ему: «Не бойся! Настанетъ день, когда на весь пройденный тобой темный путь, на удары твоего тяжелаго молота будутъ смотрѣть совершенно иначе, когда поймутъ тебя, поймутъ, что ты никогда не измѣнялъ своимъ свѣтлымъ идеаламъ, а лишь мѣнялъ пути, стремясь пробудить въ людяхъ жажду этихъ идеаловъ и желаніе проводить ихъ въ жизнь, что ты не побоялся сжечь и разрушить все гнилое, нездоровое, чтобы идеалы эти восторжествовали и могли пускать все новые и новые побѣги, подобно масличному древу Паллады Аѳины послѣ великаго пожара.»

П. Ганзенъ.

Народное образованіе.

I.

Незачѣмъ слишкомъ далеко ходить, чтобы показать, насколько несостоятельна теорія раздѣленія ума и чувства, какъ особыхъ двигателей прогресса. Предъ нами на-лицо интеллигенція, съ одной стороны, и народъ—съ другой. Различіе между ними со стороны ума и чувства слишкомъ рѣзко, чтобы можно было отрицать его. Въ одномъ случаѣ высокая ступень альтруизма, до котораго доработалось современное человѣчество, интенсивное чувство справедливости и необыкновенно чуткая совѣсть явно совмѣщаются съ высокимъ умственнымъ развитіемъ, съ послѣднимъ словомъ идейнаго прогресса; въ другомъ—умственный мракъ на ряду съ тѣмъ инстинктивнымъ, безсознательнымъ и неопредѣленнымъ альтруизмомъ, который не имѣетъ ни силы, ни энергіи альтруизма интеллигентнаго и котораго не лишено ни одно человѣческое существо.

Вообще для всякаго непредубѣжденнаго человѣка очевидно различіе между альтруизмомъ интеллигентнымъ и блѣднымъ, узкимъ, въ высшей степени неустойчивымъ альтруизмомъ народнымъ. И иначе, конечно, быть не можетъ. Не только чисто альтруистическія или общественныя чувства, но и чувство справедливости, а также и чувство совѣсти не могутъ достигнуть высокой степени развитія безъ соотвѣтственно высокаго умственнаго развитія. Всѣ эти чувства неспособны зарождаться, да и вообще немыслимы сами по себѣ, безъ руководящей *идеи*. Только тѣ общественныя отношенія, тѣ явленія и факты способны дѣйствовать на чувство, которые намъ понятны, и насколько широко это пониманіе, насколько работаетъ идея, настолько проявляется и чувство. Умъ, выросшій въ простой соціальной средѣ, привыкшій анализировать только явленія, не выходящія, напримѣръ, изъ узкаго района деревни, даетъ

скудную пищу альтруизму, раскрывая предъ нимъ весьма ограниченный кругъ ясно понимаемыхъ фактовъ, т.-е. возбудителей чувства. Этому альтруизму деревни, міра, общины еще далеко до альтруизма общечеловѣческаго, одушевляющаго интеллигенцію и, надо сказать правду—мало замѣтнаго въ народѣ. Совершенно параллельно ограниченности умственнаго кругозора и бѣдности матеріаловъ для мышленія, представляемымъ деревней, чувство крестьянское работаетъ вяло, съ меньшей чистотой, рѣже возбуждается и чаще дремлетъ. За порогомъ деревни открывается новый міръ сложныхъ общественныхъ отношеній, заключающихъ обильный источникъ возбужденій для чувства, подъ непремѣннымъ, однако, условіемъ пониманія этихъ отношеній, потому что для всякаго несознающаго ихъ они не существуютъ и не могутъ производить никакой реакціи на чувство. Это, кажется, черезчуръ ясно, чтобы стоило на этомъ останавливаться. Мы отнюдь не утверждаемъ, чтобы въ этомъ новомъ мірѣ у лицъ, сознательно относящихся къ нему, рождались какія-либо особыя чувства. Главнѣйшія и элементарнѣйшія чувства, имѣющія значеніе въ дѣлѣ общественнаго прогресса, существуютъ безспорно у всѣхъ лицъ и упражняются въ большей или меньшей мѣрѣ вездѣ, гдѣ есть какое-бы то ни было общежитіе, но они несравненно чаще возбуждаются и становятся острѣе, въ сферѣ болѣе разнообразныхъ явленій и фактовъ, если только они ясно стоятъ предъ умственнымъ взоромъ носителей этихъ чувствъ. Послѣднее, повторяемъ, есть непремѣнное условіе всякаго чувственнаго возбужденія. Плохо понимая какой-либо общественный фактъ или учрежденіе, человѣкъ, при встрѣчѣ съ нимъ, равнодушно пройдетъ мимо и ничто не шевельнется въ душѣ его; но тотъ-же фактъ или учрежденіе, взвѣшенные и оцѣненные во всѣхъ отношеніяхъ умомъ другого человѣка, способны приводить въ волненіе всѣ его общественныя чувства, при всякомъ воспоминаніи о нихъ. Что говорится иногда объ именахъ, то въ данномъ случаѣ приходится сказать о примѣрахъ: exempla sunt odiosa. Мы желали-бы только предостеречь отъ свойственнаго многимъ нашимъ узкимъ народникамъ увлеченія деревенскимъ или крестьянскимъ альтруизмомъ, не имѣющимъ, въ сущности, большой цѣны или, лучше сказать,—очень слабымъ и одностороннимъ. Воспитанный жизнью среди маленькой кучки односельцевъ, этотъ альтруизмъ ими и ограничивается, на нихъ и обрывается, распространяясь лишь на очень незначительный кругъ самыхъ простыхъ житейскихъ и соціальныхъ отношеній. Чего стоитъ, напримѣръ, непониманіе цѣлой сферы политическихъ явленій или хотя-бы экономическихъ, содержащихъ неисчерпаемый источникъ стимуловъ для работы соціальныхъ чувствъ. Извѣстно, что правильная оцѣнка экономическихъ фактовъ доступна лишь развитой мысли и довольно солидному образованію, такъ что если взять человѣка невѣжественнаго, для сознанія

котораго добрая половина экономическихъ отношеній какъ-бы вычеркнута, то въ общемъ итогѣ у него неизбѣжно будутъ и чувство справедливости, и чувство совѣсти, и чувство общественной симпатіи. Это не теорія, не разсужденіе, а простая психологическая очевидность.

Совершенно несправедливо было-бы заключать изъ этихъ словъ, что человѣкъ, желающій имѣть обильный запасъ общественныхъ фактовъ, способныхъ стимулировать и развивать его чувства, долженъ личнымъ опытомъ переживать соотвѣтственныя общественныя отношенія. Никакой необходимости въ этомъ нѣтъ, идея является въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, полнымъ эквивалентомъ факта, она есть, такъ сказать, кредитная бумажка, которая, при желаніи, всегда можетъ быть размѣнена, посредствомъ личнаго опыта, на фактъ. Идея или принципъ есть даже больше, чѣмъ фактъ, потому что, кромѣ констатированія его, она показываетъ его мѣсто среди другихъ фактовъ, его отношеніе къ нимъ. Вотъ почему все отличіе народа отъ интеллигенціи заключается не столько въ томъ, что, находясь въ различныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, онъ знакомится съ иными общественными фактами и испытываетъ иныя впечатлѣнія отъ нихъ, сколько въ томъ, что онъ лишенъ обширной сферы идей, какъ о фактахъ, непосредственно переживаемыхъ имъ, такъ и о той средѣ явленій, съ которою онъ лично не соприкасается. Главная бѣда, слѣдовательно, въ невѣжествѣ и неразвитости народа.

II.

Намъ остается сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе. Послѣ всего сказаннаго всякій можетъ спросить: неужели всѣ умные и образованные люди непремѣнно пламенные альтруисты и образцы соціальной нравственности? Строго говоря, наши замѣчанія не подаютъ повода къ такому вопросу,—однако, намъ нѣтъ причинъ уклоняться отъ отвѣта даже и въ такой рѣшительной постановкѣ.

Прямой смыслъ нашихъ замѣчаній состоитъ въ томъ, что человѣкъ высокой соціальной нравственности долженъ быть умственно развитымъ; за это мы стоимъ безусловно. Но всякій ли умный и образованный человѣкъ нравствененъ? Это уже, конечно, вопросъ особый. Мы полагаемъ, что и этотъ вопросъ въ дѣйствительности рѣшается далеко не такъ, какъ рѣшаютъ его приверженцы теоріи превосходства чувства надъ умомъ, любящіе, какъ извѣстно, ворчать на умныхъ людей и плаксиво жаловаться, что между ними сплошь и рядомъ попадаются отъявленные негодяи, въ которыхъ едва можно распознать образъ и подобіе Божіе. Попадаются, это правда; однако, есть основаніе думать, что если въ этихъ негодяяхъ есть что-нибудь терпимое, то именно, благодаря ихъ умственной культурѣ и что, не получи они таковой, они были-бы еще ниже

въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ они есть. Тоже самое справедливо и относительно многочисленнаго класса людей *выдающагося* умственнаго развитія и *сомнительной* или *посредственной* нравственности; безъ умственной культуры они были-бы несравненно безнравственнѣе. Но, разумѣется, на чувство дѣйствуетъ не одинъ умъ, но и другіе моменты и условія, лежащіе въ психической организаціи, въ природѣ человѣка, и оттого, собственно, и возможны случаи хорошаго умственнаго—безъ соотвѣтственнаго нравственнаго—развитія. У всякаго человѣка къ соціальнымъ чувствамъ, находящимся, дѣйствительно, въ самой тѣсной зависимости отъ умственной культуры, присоединяются еще различныя страсти и эволюціи съ эгоистической или противообщественной тенденціей; но даже и этого рода чувства подчиняются въ значительной мѣрѣ благотворному дѣйствію умственной культуры. Такъ называемое облагораживаніе страстей, подъ вліяніемъ умственнаго развитія, есть общественный психологическій фактъ. Но мы можемъ оставить его въ сторонѣ въ виду того, что, какъ признаютъ сами приверженцы теоріи главенства чувства, эгоистическія эволюціи неподвижны и неспособны къ развитію и къ усиленію, тогда какъ соціальныя и альтруистическія чувства постоянно прогрессируютъ, какъ это хорошо выяснено Спенсеромъ въ его эволюціонной теоріи этики. Слѣдовательно, соціальныя чувства, сдѣлавшись интенсивнѣе и шире, возьмутъ верхъ надъ неподвижными эгоистическими эволюціями, умалятъ значеніе ихъ и будутъ играть главную роль въ соціальномъ прогрессѣ. Такимъ образомъ, въ окончательномъ итогѣ, вся сила въ альтруистическихъ чувствахъ и въ томъ *умственномъ развитіи*, которое стимулируетъ ихъ и вообще составляетъ главнѣйшее условіе ихъ прогресса. Уже и теперь слишкомъ замѣтно въ обществѣ наростаніе альтруизма; въ этомъ, конечно, нетрудно было-бы убѣдиться на самыхъ очевидныхъ примѣрахъ. Но это наростаніе альтруизма совершается, однако, въ интеллигентной средѣ, а не въ массѣ народа, и этимъ фактомъ, повторяемъ, лучше всякихъ разсужденій доказывается существованіе тѣсной зависимости соціально-нравственнаго отъ умственнаго развитія. Интеллигенція есть продуктъ новѣйшаго времени. Были, конечно, и прежде умные и образованные люди, между которыми также по преимуществу находились единичные носители высшей общественной нравственности. Но нынѣшняя интеллигенція съ ея сильно выраженнымъ альтруизмомъ разрослась отъ единицъ до чего-то въ родѣ особаго класса, и если прослѣдить ея исторію, то невозможно не признать, что ея альтруизмъ выросталъ и развивался вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ распространялись среди нея знанія и умножались идеи объ обществѣ и соціально экономическихъ отношеніяхъ—новое болѣе частное доказательство въ пользу той-же неизбѣжной связи между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ.

III.

И такъ, учить народъ не значитъ заниматься безпечальной культурой ума, изъ которой неизвѣстно еще какой выйдетъ прокъ. Насколько удовлетворяетъ она идеальной потребности свѣта, присущей всякому человѣческому существу, на столько же достигаются этой культурой, путемъ воздѣйствія на соціальную нравственность, практическія цѣли величайшей важности. Но какъ учить? Вотъ въ чемъ вопросъ. Послѣ всего сказаннаго не трудно догадаться, что съ нашей точки зрѣнія далеко не то, что у насъ идетъ теперь подъ именемъ народнаго образованія, стоитъ дѣятельнаго распространенія среди массъ и необходимыхъ для этого усилій и средствъ.

Помимо указаннаго нами принципіальнаго недоразумѣнія о значеніи ума и чувства, какъ факторовъ прогресса,—просвѣтительное рвеніе земства и общества неизбѣжно должно было охладѣть, вслѣдствіе полной безрезультатности 30-ти лѣтняго опыта просвѣщенія народа. Прошли блаженныя времена, когда лучшія силы интеллигентной Россіи бросались съ кипучимъ одушевленіемъ на борьбу съ безграмотностью народа. Съ тѣхъ поръ мы порядочно поостыли. Теперь уже мы учимъ народъ, точно исполняемъ какую-то прозаическую обязанность; народное образованіе порой вызываетъ еще толки; школы кое-какъ умножаются, но надъ всѣмъ этимъ дѣломъ уже носится сомнѣніе утомленной мысли, холодомъ вѣетъ отъ него, и между современными друзьями народа не много такихъ, которые рѣшились-бы, какъ это зачастую бывало прежде, всецѣло зарыться въ сельскую школу и посвятить себя азбучному просвѣщенію народа.

Съ середины 60-хъ годовъ въ 30-ти губерніяхъ общій земскій бюджетъ успѣлъ возрости слишкомъ въ 6 разъ (Оп. изслѣд. дѣят. органовъ земск. самоупр. въ Россіи, В. Ивановскаго. Казань, 1892, стр. 87), въ этомъ бюджетѣ затраты на образованіе постоянно увеличиваются такъ, что теперь онѣ составляютъ $^1/_4$—$^1/_3$ всѣхъ земскихъ расходовъ. Отъ народной школы уже и теперь трещитъ земскій бюджетъ, и она все тяжеле и тяжеле ложится на народъ. Что же будетъ потомъ? Со всѣхъ сторонъ раздаются у насъ жалобы, что земство вообще тратитъ у насъ черезчуръ мало на школы. На это можно сказать, что оно тратитъ и мало и страшно много въ одно и тоже время. Мало, потому что у насъ всѣхъ начальныхъ школъ считается до 25,000, а ихъ необходимо имѣть въ настоящее время до 300,000,—слишкомъ въ десять разъ больше. Тамъ, гдѣ народное образованіе поставлено наилучшимъ образомъ, учатся всего $^1/_3$ дѣтей учебнаго возраста, а такихъ счастливыхъ губерній всего три изъ 32; въ большинствѣ случаевъ учится несравненно меньше. Въ 7 губерніяхъ учащіеся составляютъ 20—30%, въ пяти 10—15%, въ

восьми менѣе 10% (Земскіе вопросы, В. Скалона, 58, 59). Въ частности эти отношенія еще болѣе печальны. Такъ, въ Сарапульскомъ уѣздѣ, гдѣ сравнительно на народное образованіе тратится довольно много (36,610 р., см. Журн. сарап. уѣздн. земск. собр. за 1891 г., стр. 203), изъ 35 волостей, только въ двухъ учится половина всѣхъ мальчиковъ учебнаго возраста, въ восьми волостяхъ 1/3—1/6, въ одинадцати 1/5—1/10, въ тридцати 1/10—1/25 А что касается женскаго образованія, то его можно считать у насъ несуществующимъ. Напримѣръ, въ упомянутомъ уѣздѣ въ пяти волостяхъ учится 1/100 часть дѣвочекъ учебнаго возраста, въ одной волости 1/164 часть и въ одной 1/328, среднимъ же счетомъ по всему уѣзду учится 1/200 часть. Нѣтъ сомнѣнія, что это ничтожное число учащихся слѣдуетъ приписать только недостатку школъ, но отнюдь не нерасположенію крестьянъ къ образованію. Какъ ни чувствительно опустошаетъ школа народный карманъ, но, по свидѣтельству всѣхъ, близко стоящихъ къ ней, крестьяне смотрятъ на нее съ какимъ-то своеобразнымъ почтеніемъ, потому, разумѣется, что они и не предчувствуютъ, какъ ничтожно ея образовательное значеніе. Незначительное число учащихся приходится объяснить только недостаткомъ школъ, дальностью разстоянія; какъ это въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо видно изъ фактовъ; въ Курскомъ, напр., уѣздѣ, хорошо изслѣдованномъ въ этомъ отношеніи, процентъ грамотныхъ и учащихся весьма замѣтно уменьшается съ удаленіемъ школы отъ селенія. Всего больше грамотныхъ и учащихся въ томъ селеніи, отъ котораго школа отстоитъ менѣе, чѣмъ на версту, именно первыхъ 5,75%, вторыхъ 2,13%, при удаленіи школы на 1—2 версты грамотныхъ 4,87%, учащихся 1,64%, на 3—4 версты первыхъ 4,74%, вторыхъ 1,25% и т. д. Вообще значеніе школы, по словамъ собирателя этихъ данныхъ, простирается не дальше какъ на четыре версты: «на разстояніи трехъ, четырехъ верстъ % начинаютъ колебаться, потому что колеблется самъ крестьянинъ, высчитывая сколько верстѣ будетъ до школы—3 или 4. За пять верстъ отъ школы крестьянинъ уже остается безъ свѣта» (Сборн. статист. свѣд. по Курск. губерн. Москва, 1893 г., стр. 15).

IV.

Но, несмотря на то, что земство тратитъ на школы чрезвычайно мало, относительно существующей потребности въ образованіи, странѣ оно стоитъ весьма дорого. Вѣдь земская школа даетъ народу простую азбучную грамотность, которая хотя и необходима безусловно, сама по себѣ не имѣетъ, однако, никакой цѣны и только въ такомъ случаѣ получаетъ значеніе, если за ней слѣдуетъ дальнѣйшее образованіе. Безъ этого-же послѣдняго условія грамотность, если дешевизна ея не доведена до послѣдняго предѣла, становится и тяжкимъ, и излишнимъ бременемъ. И безъ

30-ти-лѣтняго опыта ясно, что между крестьяниномъ, умѣющимъ подписать свою фамилію, и ставящимъ, вмѣсто подписи, крестъ разница не Богъ вѣсть какая. На это, безъ сомнѣнія, тотчасъ-же послѣдуетъ обычное возраженіе защитниковъ азбучнаго просвѣщенія: «во всякомъ случаѣ», скажутъ они,—грамотность лучше безграмотности, хотя-бы уже потому, что грамотный можетъ самъ дополнить свое образованіе». Что «грамотность лучше безграмотности»—на это положеніе можно-бы махнуть рукой, т. е. принять его безспорно, если-бы только грамотность доставалась даромъ или почти даромъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, если-бъ она пріобрѣталась домашнимъ, семейнымъ образомъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ привилегировинныхъ классахъ. Но когда за нее приходится платить изъ самыхъ ограниченныхъ рессурсовъ, ставить послѣднюю копѣйку ребромъ, самъ собою навязывается разсчетъ того, во что обходится грамотность. Въ чемъ она состоитъ? Этого никто еще изъ приверженцевъ грамотности не могъ путно разъяснить. Обыкновенно говорятъ, что она есть преддверіе къ чему-то высшему и лучшему. *Рядомъ, совмѣстно* не можетъ существовать дорого оплачиваемая система распространенія грамотности и еще болѣе дорогая система распространенія общаго или средняго образованія,—этого не въ состояніи вынести тощій народный карманъ. Платить возможно было-бы за что-нибудь одно, правильнѣе сказать, только въ такомъ случаѣ, если-бы грамотность постоянно удешевлялась, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, дорожать съ каждымъ годомъ; если бы она доставалась безъ чувствительныхъ затратъ, возможно и не смѣшно было-бы думать о томъ человѣческомъ образованіи для народа, котораго онъ нынѣ лишенъ.

Мало утѣшенія въ томъ наивномъ размышленіи, будто грамотность хоть тѣмъ полезна, что она даетъ возможность дополнить свое образованіе самостоятельно, чтеніемъ книжекъ. Дѣло идетъ не о единицахъ, а о массѣ; но кто-же, сколько-нибудь знакомый съ народомъ, видѣлъ, чтобы у крестьянъ чтеніе книжекъ было обычнымъ препровожденіемъ времени? Для того чтобы внести, собственно говоря, очень сомнительную и мало дѣйствительную поправку въ нынѣшнюю систему распространенія грамотности, придется завести *народныя библіотеки* и *читальни*, хотя-бы въ каждомъ селеніи, гдѣ есть школа, т.-е. увеличить и безъ того непосильные для народа расходы на образованіе.

Непомѣрная дороговизна на земскія школы сдѣлается вполнѣ очевидной, если принять въ разсчетъ, что изъ всѣхъ учащихся грамотными становятся далеко не всѣ, часть изъ нихъ *не доучивается* и не умѣетъ ни читать, ни писать, а другая часть *забываетъ* грамотность, спустя нѣкоторое время послѣ выхода изъ школы. Такимъ образомъ, изъ общаго числа учащихся придется всѣхъ недоучившихся и рецидивистовъ въ безграмотность вычесть и уже изъ этого остатка взять, безъ сомнѣнія,

очень малую часть тѣхъ, которые, послѣ оставленія школы, будутъ читать книжки и которымъ грамотность можетъ принести нѣкоторую пользу. Много-ли ихъ окажется? Если разложить всѣ расходы на образованіе на эту кучку грамотныхъ, то, разумѣется, и ничтожныя вообще затраты земства на школы выйдутъ несоразмѣрно большими. За такую грамотность, не оказывающую никакого вліянія на общее развитіе, не способную подвинуть ни на волосъ впередъ косную мысль народа, за грамотность, которая столь-же скоро забывается, какъ и пріобрѣтается, платить за нее и въ 20 разъ меньше того, что платится, будетъ слишкомъ много.

Къ сожалѣнію, интересный вопросъ о томъ, какой процентъ учащихся забываетъ вовсе грамотность и какой удерживаетъ ее на болѣе или менѣе предолжительное время, трудно разрѣшить въ настоящее время; это самое слабое мѣсто школьной статистики. Свѣдѣній такого рода чрезвычайно мало и для собиранія ихъ не выработано еще правильнаго метода. Между прочимъ, собираніемъ этихъ данныхъ занималось бердянское земство, но, вслѣдствіе ихъ исключительнаго характера, онѣ едвали подлежатъ обобщенію. Рѣдко гдѣ въ Россіи народная школа такъ хорошо поставлена, какъ въ Бердянскомъ уѣздѣ и по его школамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать о прочихъ земскихъ школахъ. Кромѣ того, въ виду значительныхъ затратъ на грамотность, ничтожные результаты ея заставляютъ серьезно задуматься о роли и значеніи нашихъ сельскихъ школъ. Вѣдь еслибы онѣ прочно, даже навсегда утверждали въ народѣ грамотность, но только одну грамотность, то это еще не Богъ знаетъ какое-бы счастье было для страны, и весьма позволительно сомнѣваться, стоили-бы они и тогда поглощаемыхъ ими денегъ. Но что сказать о школахъ существующихъ, распространяющихъ такую грамотность, которая течетъ по усамъ, а въ ротъ не попадаетъ?

V.

Вообще, правильно организованная постоянная школа есть слишкомъ дорогое, слишкомъ большое учрежденіе, а грамотность есть слишкомъ маленькій и пустяшный результатъ, чтобы можно было ихъ совмѣщать. Школа не для грамотностя, а грамотность не для школы. Странно было-бы, еслибы кто-нибудь вздумалъ завести великолѣпную оранжерею для разведенія лука; именно такого рода безуміе практикуется всей нашей системой народнаго образованія. Коренная ошибка ея заключается въ несоотвѣтствіи ея стоимости съ ея результатами, въ стремленіи увеличивать расходы на образованіе до неопредѣленной степени. Самымъ фактомъ своего существованія она не позволяетъ и думать о возвышеніи уровня народнаго образованія до той высоты, съ которой оно только и

можетъ посылать темной массѣ свой живительный свѣтъ. Къ сожалѣнію, существующая школьная система такъ прочно водворена у насъ, что она многимъ представляется вполнѣ естественной; по крайней мѣрѣ земство вовсе не замѣчаетъ, что она въ основѣ своей фальшива и является важнѣйшей изъ помѣхъ къ насажденію въ народѣ истиннаго образованія. Земство настолько ослѣплено иллюзіей полезности грамотности, что непрерывное увеличеніе расходовъ на ея распространеніе вовсе не считается имъ аномаліей, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, но, напротивъ, оно ставитъ себѣ это въ заслугу, гордится этимъ и зачисляется услужливой печатью въ рядъ прогрессивныхъ земствъ. Бердянское земство съ наивнѣйшимъ чувствомъ самодовольства ставитъ въ своемъ отчетѣ на видъ, что оно постоянно увеличиваетъ расходы на образованіе и въ 24 года истратило милліонъ на школы. Съ обычной точки зрѣнія это, конечно, похвально, да и съ нашей собственной—нѣтъ возможности порицать за это земство. Мы желаемъ только указать, какъ искренно заблужденіе нашихъ земствъ, какъ склонны они радоваться, что у нихъ уходятъ деньги, но какъ мало они думаютъ о томъ, на что онѣ уходятъ. Милліонъ *выдано* на школы, но сколько не *додано* на дороги, на продовольствіе, на больницы? Трудно предвидѣть, на чемъ остановится это непрерывное возростаніе расходовъ на грамотность. Въ Слободскомъ уѣздѣ расходы эти увеличились за 12 лѣтъ (1881—1892) въ 3,12 раза, а въ Лаишевскомъ за 10 лѣтъ въ 4,37 разъ, тогда-какъ число учащихся за это-же время увеличилось всего въ 2,86 раза (Оп. изслѣд. стр. 281). Но теперь земства выполняютъ лишь небольшую часть своей задачи; если-же они пожелали-бы исполнить ее вполнѣ, имъ пришлось-бы затратить на школы нѣсколько своихъ бюджетовъ, оставивъ безъ удовлетворенія всѣ остальныя нужды народа. Таково положеніе дѣлъ, къ которому приводитъ господствующая система народнаго образованія. Къ счастью, она, повидимому, въ самой себѣ заключаетъ серьезную помѣху къ своему дальнѣйшему развитію и даже существованію. Народныя школы теперь уже довольно туго возростаютъ въ числѣ. Крестьяне, сохраняя, по-прежнему, любовь и уваженіе къ образованію, мало чувствуютъ расположенія къ земскимъ школамъ, теперь они стараются учить дѣтей подешевле, своими домашними средствами, но, къ сожалѣнію, вмѣсто поощренія встрѣчаютъ серьезныя препятствія къ этому. Даже земство начинаетъ сознавать, что избраннымъ путемъ оно ничего не сдѣлаетъ для просвѣщенія народа. Въ прошломъ году въ петербургскомъ губернскомъ собраніи 7 гласныхъ заявили, что «устройство начальныхъ училищъ въ необходимомъ количествѣ не по силамъ земству («Земство», № 11). Конечно, пора прійти къ такому убѣжденію, и чѣмъ скорѣе согласятся съ этимъ остальныя земства, тѣмъ лучше. Послѣ сдѣланнаго опыта нечего ждать и не на что надѣяться. Народное невѣжество такъ-

же глубоко и повсемѣстно въ настоящее время, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ.

Существуетъ даже мнѣніе, что оставлять народъ на степени одной только грамотности, не обезпечивъ за нимъ перехода къ дальнѣйшему образованію, хуже, чѣмъ вовсе не учить его. Считаться-ли серьезно съ этимъ мнѣніемъ? Полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ могутъ быть компетентны лишь глубокіе и талантливые наблюдатели народной жизни, хорошо понимающіе психику, нравственный и умственный складъ современнаго крестьянства. Намъ кажется, что они нашли-бы въ вышеупомянутомъ мнѣніи частицу правды, нѣчто такое, надъ чѣмъ можно призадуматься. Если дѣло идетъ объ интеллигентномъ обществѣ, полуобразованіе обыкновенно всѣми признается вреднымъ, но грамотность, которая, въ сущности, сводится къ механическому упражненію органовъ, къ дрессировкѣ языка и рукъ съ ничтожной долей чисто умственной культуры, можно назвать, въ такомъ случаѣ, четвертнымъ образованіемъ. Для умственнаго развитія, для расширенія кругозора она ничего не дѣлаетъ, но она очень повинна въ той отвратительной чертѣ взиранія свысока на окружающихъ, не имѣвшихъ случая обучаться грамотѣ, въ томъ заносчивомъ и пренебрежительномъ отношеніи къ нимъ, которое свойственно весьма многимъ грамотнымъ крестьянамъ. Грамотный крестьянинъ всегда нѣсколько отдѣляется, въ умственномъ отношеніи, отъ своихъ односельцевъ, но, отдѣлившись, онъ, однако, не въ состояніи жить независимой умственной жизнью, напротивъ, онъ въ нѣкоторой степени обезличивается, быстрѣе и охотнѣе приспособляется къ новымъ для крестьянъ требованіямъ и условіямъ, и тѣ лица изъ образованнаго общества, которымъ приходится соприкасаться съ народомъ, находятъ именно въ грамотномъ самаго услуживаго и покладливаго исполнителя всякихъ своихъ видовъ. Когда эти «грамотники» становятся во главѣ крестьянскаго управленія, — отъ нихъ жутко приходится народу. Съ одной стороны, они отлично умѣютъ обращаться съ начальствомъ и обыкновенно считаются его любимцами; съ другой — отставъ нѣсколько отъ крестьянства, они вскорѣ находятъ своему поколебленному и неустойчивому нравственному состоянію исходъ въ хищничествѣ, въ обираніи «мужика-дурака», которое производится съ ожесточеніемъ и любовью.

VI.

Давно замѣчено: la critique est aisée, mais l'art est difficile. Если установившаяся у насъ школьная политика въ самомъ основаніи своемъ несостоятельна, то, спрашивается, какова должна быть правильно-организованная система народнаго образованія? Конечно, здѣсь можетъ быть рѣчь только о принципѣ, объ общей тенденціи такой системы, а не

практическихъ частностяхъ ея. Какъ уже выше было замѣчено, нормальная система образованія, въ противуположность нынѣ существующей, должна стремиться во что бы то ни стало къ доведенію расходовъ на распространеніе простой грамотности до послѣдняго mimimum'а въ тѣхъ видахъ, чтобы всѣ средства, которыя будутъ, такимъ образомъ съэкономизированы, можно было обратить на цѣли высшаго образованія, единственно пригоднаго, какъ для интеллигентнаго общества, такъ и для народа. «Довести до mimimum'а»—легко сказать, но какъ это сдѣлать?

Если бы не оказалось никакой возможности чувствительно удешевить теперешнюю систему распространенія грамотности, то, спрашивается, раціонально ли было-бы вовсе прекратить безобразныя затраты на этотъ предметъ съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ на устройство высшихъ народныхъ школъ, которыя, положимъ, соотвѣтствовали-бы существующимъ реальнымъ училищамъ? Мы ставимъ этотъ вопросъ въ такой рѣшительной формѣ съ единственной цѣлью лучшаго уясненія нашей мысли; въ дѣйствительности же удешевленіе способовъ распространенія грамотности вполнѣ возможное дѣло. Но еслибы это было невозможно—«тогда слѣдуетъ оставить по-старому»—вотъ отвѣтъ, который, конечно, громче всѣхъ раздается въ общемъ хорѣ голосовъ. Вокругъ народной школы успѣлъ уже сформироваться значительный контингентъ дѣльцевъ, приставшихъ къ ней, какъ мухи къ меду. Очень понятно, что значитъ шевельнуть умственную рутину и еще больше — затронуть кровные, желудочные интересы всѣхъ дѣятелей современной народной школы. Но какъ бы рьяно ни защищали они свое гнѣздо, имъ легко показать, что, поддерживая существующую систему азбучнаго просвѣщенія, они играютъ въ руку обскурантизму и добиваются вѣчнаго закрѣпощенія народа невѣжеству и нищетѣ духовной и матеріальной. Комбинація замѣны начальныхъ школъ высшими вполнѣ мыслима, принимая даже во вниманіе, что такихъ высшихъ народныхъ школъ можно устроить на нынѣ расходуемую сумму весьма мало. Теперь у насъ слишкомъ 25,000 начальныхъ школъ, а если вмѣсто нихъ будетъ тысяча, даже 500 высшихъ училищъ, то и это будетъ выигрышемъ относительно нынѣшней системы, хуже которой вообще трудно что-нибудь придумать. Пусть будетъ въ 10, во 100 разъ меньше контингентъ лицъ, учащихся въ этихъ высшихъ школахъ, всетаки эта маленькая армія образованной крестьянской молодежи на всякихъ вѣсахъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ тяжеле вѣсить нынѣ учащейся массы крестьянъ. Эта небольшая кучка интеллигентнаго крестьянства, наиболѣе свободная, по своему экономическому и сословному положенію, отъ рутины, будетъ живою культурною силою страны и истинной служительницей народа, которая съ лихвой окупитъ расходы на свое образованіе.

Говоря объ этой крестьянской интеллигенціи, мы предполагаемъ, что

она составитъ «небольшую кучку», «маленькую армію», между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, можетъ и не произойти замѣтной убыли въ общемъ числѣ учащихся. Если положить на каждую высшую школу по 200 учениковъ, то всего ихъ будетъ, при 1,000 школахъ—200 тысячъ, т.-е. почти столько-же, сколько обучается теперь въ начальныхъ школахъ Европейской Россіи. При 500 высшихъ школахъ, учащихся по этому разсчету окажется 100,000, но сюда необходимо присоединить и тѣхъ, которые будутъ учиться грамотѣ внѣ школъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще взять въ разсчетъ, что теперь многіе учащіеся, по выходѣ изъ школъ, черезъ нѣсколько лѣтъ забываютъ все, чему они учились, и всѣхъ такихъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ вычесть изъ числа нынѣ учащихся, такъ что сравненіе этого числа съ числомъ будущихъ учащихся еще болѣе выгодно для предполагаемой комбинаціи. Забывать выученное будутъ и учащіеся въ высшихъ школахъ, однако, это совсѣмъ не то, что нынѣшній рецидивизмъ въ безграмотности; ученіе въ высшихъ школахъ хотя-бы оно и забывалось въ большей или меньшей степени, всегда оставитъ слѣдъ въ общемъ развитіи. Наконецъ, приверженцамъ господствующей системы народнаго образованія нѣтъ основанія особенно возставать противъ комбинаціи, о которой идетъ рѣчь, потому что любезная имъ азбучная грамотность отнюдь не будетъ заброшена; она только не будетъ возведена, какъ теперь, на степень высшаго идеала народнаго образованія; распространяться-же она будетъ несомнѣнно лучше и быстрѣе послѣ того, какъ водворится указываемая нами система. Прежде всего крестьяне будутъ продолжать обучать дѣтей своими домашними средствами, какъ это они дѣлаютъ и теперь; а послѣ того, какъ сформируется и начнетъ усиливаться упомянутая нами крестьянская интеллигенція, успѣхъ грамотности долженъ быть гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ; она будетъ насаждаться такимъ-же порядкомъ, какъ въ настоящее время въ образованномъ обществѣ.

VII.

Мы сдѣлали предположеніе о невозможности удешевленія способовъ распространенія грамотности. Между тѣмъ, въ дѣйствительности это совершенно не такъ. Если до сихъ поръ главнымъ орудіемъ распространенія грамотности была дорогая земская школа, то не слѣдуетъ забывать, что иниціатива самихъ крестьянъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно стѣснена. Крестьяне, какъ извѣстно, все-таки ухищряются устраивать свои «тайныя» школы грамотности, дешевизна которыхъ можетъ считаться примѣрной. Постоянныхъ помѣщеній такія школы не имѣютъ, но устраиваются то въ той, то въ другой избѣ, при самой скромной обстановкѣ, учителя тоже дешевые, получающіе плату натурой и—незначительный денежный гонораръ. Учителя эти—народъ, конечно, не мудреный, но на грамот-

ность ихъ хватаетъ; за ними можно признать то достоинство, что они, по необходимости, ограничиваются въ своемъ преподаваніи самымъ существеннымъ и не могутъ растянуть обученіе грамотѣ на два, на три года, какъ это пришлось-бы сдѣлать, слѣдуя руководствамъ новѣйшихъ педагоговъ, въ родѣ какого-нибудь Бунакова, ухищряющихся изъ азбуки сдѣлать многолѣтній курсъ ученія. Но главное достоинство такихъ «самодѣльныхъ» крестьянскихъ школъ—*дешевизна* и, по нашему мнѣнію, затрачивать на такія школы больше, чѣмъ во сколько онѣ обходятся крестьянамъ, совершенно незачѣмъ. Стоитъ только предоставить самимъ крестьянамъ больше простора и свободы, и они въ значительной мѣрѣ возмѣстили-бы дорогое участіе земства въ дѣлѣ распространенія грамотности.

Къ числу мѣръ, направленныхъ къ удешевленію способовъ распространенія грамотности, слѣдуетъ отнести придуманную псковскимъ земствомъ довольно оригинальную мѣру. Въ силу постановленія псковскаго земскаго собранія, всякій, получившій свидѣтельство объ окончаніи курса въ народной школѣ, можетъ самъ сдѣлаться учителемъ и получить за каждаго представленнаго къ экзамену ученика 3 р., въ случаѣ, разумѣется, удачнаго испытанія. По всей вѣроятности, широкое распространеніе подобной мѣры имѣло-бы самыя благія послѣдствія; жаль только, что земство ограничиваетъ число такихъ учителей стѣснительнымъ требованіемъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса народнаго училища. Къ чему это требованіе, разъ знанія учениковъ, обучаемыхъ этими учителями, будутъ повѣряться земствомъ? Но, за исключеніемъ этого стѣснительнаго условія, мѣра псковскаго земства очень разумна,—3 р. за каждаго обученнаго ученика относительно недорого, потому что теперь каждый *учащійся* обходится земству, среднимъ счетомъ, не менѣе 6 рублей, а собственно *обученный* долженъ, конечно, стоить несравненно дороже. Съ другой стороны, тѣмъ, кто будетъ обучать дѣтей, нельзя жаловаться на недостаточное вознагражденіе за трудъ; платить дороже за простую грамотность земство не въ состояніи, а обучать имъ придется своихъ односельцевъ между дѣломъ, въ досужное время.

Существуетъ еще одинъ дешевый способъ распространенія грамотности; это—*подвижныя* школы, для водворенія которыхъ у насъ имѣются всѣ условія. Подвижная школа есть дитя суроваго сѣвера; это простое, но остроумное изобрѣтеніе народа, умудреннаго нищетой и стремленіемъ къ свѣту. Въ Швеціи и Норвегіи,—этихъ классическихъ странахъ образованнаго и свободолюбиваго крестьянства, подвижная школа давно уже функціонируетъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ; въ маленькой Финляндіи считается 546 подвижныхъ школъ съ 116,201 учащимися. Съ неменьшимъ успѣхомъ, конечно, могла-бы дѣйствовать подвижная школа и у насъ. Для страны бѣдной, съ громадными свободными пространствами, по которымъ гуляютъ вьюги да мятели, нельзя и придумать болѣе подходя-

щаго школьнаго учрежденія. Нѣкоторые земцы, впрочемъ, находятъ ихъ непрактичными, по причинѣ, по которой онѣ и желательны и необходимы. Земцы эти считаютъ ихъ неудобными, вслѣдствіе нашихъ громадныхъ разстояній. Переѣзды учителей, говорятъ они, дорого будутъ стоить земству и вообще затруднительны. Очевидно, подобное возраженіе не имѣетъ никакого значенія. Могутъ-ли дорого стоить три-четыре переѣзда въ годъ (для каждой школы); расходъ на это нельзя и сравнивать съ затратами на постоянную школу. Еще менѣе можно считать такіе переѣзды затруднительными. Гораздо легче и удобнѣе *учителямъ переѣзжать* съ мѣста на мѣсто, чѣмъ *дѣтямъ проходить* ежедневно по 12—14 верстъ.

Возраженіе упомянутыхъ земцевъ, будто переѣзды учителей будутъ дорого стоить, сдѣлано, очевидно, наобумъ. Относительно постоянныхъ школъ дешевизна подвижныхъ прежде всего бросается въ глаза. По разсчету, сдѣланному для Вологодскаго уѣзда, учитель каждой подвижной школы въ годъ можетъ обучить 200 человѣкъ, тогда какъ въ обыкновенной трехзимней школѣ съ 40 учениками выучивается грамотѣ ежегодно только 15 человѣкъ. Согласно этому разсчету, 8—10 учителей будутъ обучать почти столько-же учащихся, сколько ихъ теперь обучается въ 40 постоянныхъ школахъ 40 учителями (безъ законоучителей), (см. матер. для ист. земск. дѣят. по народн. образов. по Вологод. губерніи, сост. Поливитовъ и Ивановъ. Вологда. 1893, стр. 42—43). Кажется, не трудно сообразить, что дешевле—подвижная или постоянная школа?

Итакъ, дешевые способы распространенія грамотности всегда найдутся, если только поискать ихъ. Однѣ подвижныя школы могли-бы обезпечить за народомъ азбучную грамотность. Затѣмъ необходимо расширить въ этомъ дѣлѣ инициативу самихъ крестьянъ и не стѣснять устраиваемыя ими простыя школы грамотности, какъ постоянныя, такъ и временныя или «налетныя» съ бродячими учителями, весьма многочисленныя у насъ въ Россіи. Нѣкоторые считаютъ эти налетныя школы прототипомъ подвижныхъ, но онѣ отличаются отъ послѣднихъ своимъ временнымъ, случайнымъ характеромъ. Учителями тутъ являются разные прохожіе, бродячіе грамотеи, чернички, причетники, послушники, ушедшіе изъ монастырей, отставные солдаты, мелкіе чиновники, оставшіеся не у дѣлъ (въ постоянныхъ крестьянскихъ школахъ), богомольцы, странствующіе лѣтомъ по святымъ мѣстамъ, а на зиму останавливающіеся въ первой подходящей деревнѣ. Весь этотъ грамотный и полуграмотный людъ предлагалъ прежде, предлагаетъ и теперь свои услуги «учить ребятишекъ» гдѣ «за хлѣбъ и за ѣду», а гдѣ и за «что дадутъ».

Если предоставить распространеніе грамотности самимъ крестьянамъ и подвижнымъ школамъ, земство имѣло-бы возможность посвятить свои силы болѣе важному и благотворному дѣлу—развитія въ народѣ того

общаго (называемаго также среднимъ) образованія, которое теперь составляетъ удѣлъ лишь однихъ привилегированныхъ классовъ. Это новая трудная задача, за которую некому взяться, кромѣ земства; она требуетъ истиннаго благожелательства народу и самыхъ энергическихъ усилій. Главная трудность здѣсь, конечно, недостатокъ средствъ; это скала, о которую такъ часто разбиваются наилучшія намѣренія. Но самая маленькая возможность успѣха въ этомъ дѣлѣ налагаетъ на всѣхъ друзей народа нравственную обязанность стучаться, сколько достанетъ силы, въ эту завѣтную дверь, заграждающую многомилліонной массѣ доступъ къ благамъ истиннаго просвѣщенія.

Н. Геренштейнъ.

Іоганнъ Брамсъ (†).

Когда я думаю о Брамсѣ, я думаю о *фанатикѣ*, преданномъ своей идеѣ архитектоническаго величія звука, написавшемъ въ послѣдній день своей жизни конечное слово той фразы, начальныя слова которой заключены въ его первыхъ произведеніяхъ, я думаю объ одной изъ своеобразнѣйшихъ артистическихъ фигуръ XIX вѣка. Среди вакханаліи различныхъ музыкальныхъ направленій этого вѣка онъ съумѣлъ удержать свою дѣтски-наивную вѣру въ абсолютный звукъ. Онъ не любилъ умалять достоинства послѣдняго ни культомъ настроенія, ни національными и архаическими прикрасами, ни эффектами колорита, окраски, ни драматическими задачами. И я увѣренъ, спроси у него кто-нибудь, чѣмъ-бы онъ согласился пожертвовать: человѣчествомъ или своей звуковой республикой, онъ выбралъ бы для жертвы первое! Это былъ цѣльный выразитель уходящей эпохи музыкальнаго искусства, идеаловъ замкнутости послѣдняго, взглядовъ на музыку, какъ на храмъ, куда не допускаются ни слезы и страданія людей, ни высшія психологическія проблеммы. Каждая уходящая эпоха какъ-бы на прощаніе даритъ человѣчеству талантливаго своего выразителя: такъ лучи солнца становятся особенно красными, когда оно заходитъ! Такимъ талантомъ уходящей эпохи былъ Брамсъ, представляющій послѣднее важное звено въ цѣпи: Бахъ—Моцартъ—Шубертъ. Замѣтьте: я говорю здѣсь не столько о фактурѣ, сколько объ идеалахъ искусства.

Онъ доводилъ культъ абсолютнаго звука до возможныхъ послѣднихъ выводовъ. Я не говорю уже о томъ, что поэтическое настроеніе имъ считалось почти что лишнимъ! Конечно, у него были и сомнѣнія въ этомъ культѣ, и его фортепьянныя баллады (Ор. 10), его попытки возбудить извѣстныя представленія посредствомъ звука подъ сурдинкой или оригинальными интервалами—характерны именно въ этомъ смыслѣ. Но у него не поднялась-бы рука надписать надъ симфоніей:

пасторальная (какъ Бетховенъ), благодарная молитва выздоравливающаго (какъ Бетховенъ надъ однимъ изъ своихъ квартетовъ), не поднялась-бы рука ограничить самостоятельность звука надписью, программой, поэтической схемой. Понятно, онъ былъ скептикомъ и въ музыкально-національныхъ вопросахъ. Когда онъ черпаетъ матерьялъ изъ народныхъ пѣсней различныхъ націй, то менѣе всего—съ цѣлью воплощенія національнаго характера. Случайно онъ, конечно, можетъ взять для разработки національный мотивъ, но національный матерьялъ служитъ главнымъ образомъ для обогащенія его гармоніи, претворяясь тысячью лучей въ призмѣ его индивидуальности. Было-бы иначе—въ его «Liebesliedern» были-бы отражены національные характеры русскихъ, поляковъ, сербовъ, турокъ, персовъ и даже малайцевъ; «Kränze» (Op. 46,1) были-бы греческими и «Es traümte mir, ich sei dir teuer» (Op. 57,3), романсъ проникнутый настоящей индивидуальностью Брамса, отзывался-бы Испаніей.

Пожалуй, можно было-бы подумать, что произведенія Брамса выдаютъ въ немъ музыкальнаго археолога, обожествляющаго старину, старинные пріемы искусства, старинныя его формы. Безъ сомнѣнія, онъ любилъ и практиковалъ старинную технику, забытые жанры, но въ его художественной концепціи было всетаки мало архаическихъ элементовъ и рядомъ со взглядомъ (заимствованнымъ отъ XVII вѣка) на увеличенныя малыя терціи и сексты, какъ на обыкновенныя, вы встрѣтите у него и смѣлую хроматику, и энгармонизмъ новѣйшей музыки: архаизмъ Брамса не носилъ характера принципа, а служилъ опять лишь для обогащенія его звуковой республики.

Не было композитора болѣе беззаботнаго, чѣмъ онъ, относительно колорита произведенія. Оркестровая палитра его симфоній—не изъ богатыхъ и ему ничего не стоило написать произведеніе для одного состава инструментовъ и переложить потомъ на другой. Такъ, его фортепьянный квинтетъ былъ первоначально написанъ лишь для струнныхъ инструментовъ. Затѣмъ, измѣнивъ фактуру, онъ написалъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь существуетъ, и кромѣ того сдѣлалъ изъ этого матерьяла сонату для двухъ роялей. Мѣсто не позволяетъ привести другіе примѣры, но замѣчу, что упомянутый фактъ далеко не единичный у Брамса: спиритуалистъ побѣждалъ въ немъ колориста. Но было-бы ошибочно думать, что онъ былъ неспособенъ къ колориту; онъ давалъ чисто-звуковую мощь и привлекательность звука, когда этого хотѣлъ. Сомнѣвающимся посовѣтую прослушать его «серенады», первый фортепьянный концертъ и женскіе хоры съ арфой и вальторной. Не доказываетъ ли это, что Брамсъ не всегда дѣлалъ все то, что могъ, но очень часто могъ дѣлать то, что хотѣлъ!

Таковымъ онъ былъ и въ вокальной музыкѣ, гдѣ представлялись великіе соблазны для его строгой музы: соблазны драматическихъ и пси-

хологическихъ задачъ. Но композиторъ предпочиталъ всему этому простой лиризмъ, чѣмъ нѣсколько походилъ на Шуберта. И не является-ли онъ даже болѣе строгимъ, чѣмъ послѣдній, защитникомъ своего profession de foi, запрещая себѣ, даже въ балладахъ съ діалогомъ, прибѣгать къ речитативно-драматической формѣ. Я не говорю уже о балладахъ Лёве, которыя можно здѣсь привести лишь для контраста. Отсюда само собой слѣдуетъ, что композиторъ отворачивался отъ оперы и ораторіи; передъ первымъ жанромъ онъ чувствовалъ прямо какой-то панической страхъ, говоря, что, какъ боится перваго брака, такъ боится и первой оперы, могущей его увлечь въ сторону этого жанра, поверхностнаго и внѣшняго, по его мнѣнію. Его любимый инструментальный культъ—культъ органическаго единства, формы, разработки. Тематическое единство любой изъ его четырехъ симфоній поражаетъ даже «непосвященнаго» слушателя. Къ отдѣлкѣ формы Брамсъ чувствовалъ особенное пристрастіе и онъ испытывалъ какъ-бы свое дивное мастерство въ этомъ отношеніи, выбирая наиболѣе трудныя старыя формы: concerto grosso («Trippelconcert»), камерный квартетъ (di camera), варіаціи, основанныя на basso continuo (постоянный басъ), въ чемъ являлся пріемникомъ Баха. Хотите познакомиться съ тематическимъ развитіемъ, разработкой Брамса, возьмите первую часть его третьяго квартета: кажется, что тутъ авторъ нарочно беретъ короткую и слишкомъ простую начальную тему, чтобы показать какое ей можно дать впослѣдствіи развитіе.

Кто посвящаетъ себя всецѣло лирикѣ, долженъ быть расточительно богатъ мелодіей. Брамсъ владѣетъ этой силой мелодическаго дара и это можетъ отрицать развѣ тотъ, кто смѣшиваетъ мелодію съ мелодической пріятностью. Брамсъ менѣе всего «пріятенъ» въ шаблонномъ смыслѣ этого слова; въ его «Lieder» нѣтъ и сердечности Шумана, и его теплота носитъ крайне сдержанный характеръ, точно композиторъ болѣе боится пересказать, чѣмъ недосказать свое чувство. Это особенно замѣтно въ романсѣ: «Immer leiser», «серенадахъ» и пр. За то долго и строго сдерживаемое чувство прорывается у композитора бурнымъ потокомъ въ его «Mainacht», «Magelonen-Romanzen» и пр. Казалось-бы, жизнерадостная Вѣна, это царство южнаго солнца, веселья и женскихъ улыбокъ, должна была оставить слѣды на творчествѣ Брамса. Она и оставила, но очень незначительные, и композиторъ рѣдко такъ улыбается и непринужденно смѣется, какъ въ пѣснѣ: «Wir wandelten, wir zwei zusammen». Сурово-сѣверная натура Брамса, этого гамбургца, была вылита изъ желѣза и ледъ ея едвали могло растопить вѣнское солнце! Мелодіи его пѣсенъ не имѣютъ мягкихъ извивающихся линій шубертовскихъ: ихъ контуры остры и угловаты даже тогда, когда для этого нѣтъ особенныхъ поводовъ. Но *средства* выраженія расходуются композиторомъ въ высшей степени сдержанно и уже маленькіе интервалы обозна-

чають сильныя внутреннія движенія!—Исполненный всегда серьезности, въ жизни улыбающійся лишь саркастически, Брамсъ перенесъ серьезность настроенія и въ фортепьянный концертъ, придавъ его музыкальнымъ идеямъ симфоническую возвышенность и отбросивъ все, что говорило о виртуозничествѣ и внѣшнихъ погремушкахъ, которыхъ не была чужда даже муза Моцарта.

О Брамсѣ трудно сказать, что онъ реформировалъ симфонію, пѣснь, кантату, вообще музыку, поэтому я не останавливался на разборѣ его отдѣльныхъ жанровъ. Гораздо замѣчательнѣе его общая творческая индивидуальность, счастливая уже тѣмъ, что, благодаря своей значительности, она могла обходиться и безъ реформаторскихъ плановъ!

Мнѣ остается упомянуть о чисто внѣшнемъ — сказать, что Брамсъ написалъ 4 симфоніи, большія вокальныя произведенія: «Нѣмецкій Реквіемъ», кантату «Ринальдо», «Нёни», «Тріумфальную пѣснь», массу «пѣсней», фортепьянные: концерты, сонаты и мелкія вещи; камерную музыку культивировалъ во всевозможныхъ видахъ, начиная отъ струннаго квартета и кончая кларнетной литературой. Наибольшею извѣстностью пользуются его «венгерскіе танцы», произведеніе далеко не лучшее въ каталогѣ его твореній. Наивысшей точки творчество Брамса достигаетъ въ «Нѣмецкомъ Реквіемѣ», гдѣ истинно-баховская фактура соединяется съ величавой концепціей протестантизма.

Родина Брамса—сѣверная Германія (онъ родился въ Гамбургѣ, 7 мая 1833 года). Въ 1853 году Брамсъ—уже вполнѣ сформировавшійся артистъ, подготовленный къ широкой дѣятельности усидчивыми занятіями теоріей музыки и фортепьянной игрой съ знаменитымъ Марксеномъ. Первые шаги его на композиторскомъ поприщѣ (фортепьянныя «Six Melodies») вызываютъ цѣлый диѳирамбъ со стороны Шумана (статья въ «Neue Zeitschrift für Musik»), называющаго молодого автора желаннымъ «Мессіей» музыкальнаго искусства. Съ другой стороны, артиста прельщаютъ и лавры виртуоза—и онъ, съ венгерскимъ скрипачемъ Ремени, съ успѣхомъ концертируетъ по Германіи. На слѣдующіе годы приходятся: служба въ качествѣ директора музыки у принца Липпе Детмольдъ, предсѣдательство въ различныхъ вокальныхъ обществахъ Вѣны, рядъ артистическихъ турнэ по Швейцаріи и Германіи. Съ 1875 г. вплоть до своей смерти (3 апрѣля по н. ст., въ Вѣнѣ) композиторъ почти безвыѣздно живетъ въ Вѣнѣ.

Брамсъ, какъ человѣкъ, болѣе слѣдовалъ за своимъ вѣкомъ, чѣмъ какъ композиторъ. Свободная окраска міровоззрѣнія соединялась у него съ величайшей терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужому образу мыслей. Вагнеристы не запомнятъ какой-либо выходки его противъ Байрейта, хотя Брамсу вагнеровскій культъ былъ прямо антипатиченъ и его языкъ могъ-бы ему здѣсь сослужить хорошую службу, какъ весьма

мѣткій и саркастическій. Не особенно любя поклоняться «богамъ» буржуазной толпы, онъ горячо молился лишь всему возвышенному и благородному въ жизни, наукѣ и искусствѣ. Его другъ Гансликъ постоянно удивлялся его колосальной начитанности въ музыкальной, поэтической, исторической и даже филологической литературѣ. Суровый, внѣшне почти отталкивающій характеръ—онъ обладалъ тѣмъ не менѣе удивительной любвеобильностью—и чтеніе библіи, равно какъ любовь къ дѣтямъ и помощь бѣднымъ, утоляли у него эту жажду царствія Божія.

А. Ковтяевъ

Терцина.

Въ созвучіи тройномъ, какъ въ блесткахъ ожерелья,
Терцина скользкая и вьется, и ползетъ,
Какъ горная змѣя изъ темнаго ущелья,—

Изъ тайника души подъ ясный небосводъ,
Подъ солнце и лучи, для славы и веселья,
Для кликовъ и вѣнцовъ въ мечтательный народъ.

И шествуетъ она задумчиво впередъ,—
Не даромъ возгордясь игривымъ троезвучьемъ.
Гдѣ сѣмя есть и цвѣтъ—тамъ вѣрно будетъ плодъ.

Гдѣ стволъ и корни есть, тамъ мѣсто есть и сучьямъ.
Въ чемъ сходны двѣ души—въ томъ сходна третья есть
По счастью-ль мирному, по снамъ иль злополучьямъ.

Гдѣ правда и любовь—тамъ пребываетъ честь—
Три стерегущіе святыню серафима.
Гдѣ злоба и вражда—тамъ царствуетъ и месть.

Тамъ вѣрно пепелъ есть, гдѣ огнь и сумракъ дыма;
Гдѣ есть движеніе—тамъ вѣрно свѣтъ съ тепломъ,
Счастливо единясь, текутъ неутомимо.

Три мысли разумъ жгутъ, вмѣщаяся въ одномъ:
Жизнь, смерть и божество! И въ шумѣ жизни длинномъ
Мы часто познаемъ и сердцемъ, и умомъ,

Что есть три единства въ безсмертіи Единомъ!

К. Фофановъ.

Джудъ неудачникъ.

Романъ **Томаса Гарди**.

Переводъ съ англійскаго **И. Майнова**.

IX.

Прошло еще два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ наши молодые люди почти ежедневно видѣлись между собой. Арабелла казалась недовольной; она все мечтала, чего-то ждала и чему-то удивлялась.

Разъ какъ-то она встрѣтилась со странствующимъ Вильбертомъ. Она, подобно всѣмъ окрестнымъ обитателямъ коттеджей, хорошо знала этого шарлатана, и они разговорились объ ея житьѣ-бытьѣ. Ей было скучно, но, прощаясь съ докторомъ, она стала веселѣе. Вечеръ она провела на условленномъ свиданіи съ Джудомъ, который казался озабоченнымъ и грустнымъ.

— Я уѣзжаю отсюда,—объявилъ онъ ей. — Мнѣ слѣдуетъ удалиться; это будетъ лучше, какъ для васъ, такъ и для меня. Я сожалѣю, что между нами начались извѣстныя отношенія. Хорошо понимаю, что заслуживаю всякаго порицанія. Но, какъ говоритъ пословица: никогда не поздно раскаяться.

Арабелла разразилась слезами.

— Съ чего вы вообразили, что теперь уже не поздно?—набросилась она на него.—Вамъ легко говорить, а каково мнѣ слушать. Я еще вамъ не призналась!—и она посмотрѣла на него пристальнымъ взглядомъ.

— Въ чемъ такое?—спросилъ онъ, блѣднѣя.—Вы?..

— Да! и что я буду дѣлать, если вы бросите меня!

— Ахъ, Арабелла, какъ можете вы говорить это, дорогая моя! Вы знаете, что я не покину васъ!

— Ну, хорошо-же...

— Вамъ извѣстно, что я въ настоящее время еще не получаю жалованья; положимъ, мнѣ слѣдовало подумать объ этомъ раньше... Но, конечно, разъ это случилось, намъ надо жениться! Неужели вы думали, что я могъ поступить иначе?

— Я думала... я думала, милый, что вы изъ-за этого только скорѣе уѣдете и оставите меня одну на такое дѣло.

— Какъ-же мало вы меня знаете! Положимъ, шесть мѣсяцевъ и даже три мѣсяца тому назадъ, мнѣ и во снѣ не грезилась женитьба. Это вдребезги разбиваетъ мои планы — я разумѣю, Эбби, тѣ планы, которые занимали меня до знакомства съ вами. Но, въ сущности, что это за планы? Мечты о книгахъ, дипломахъ, о недоступной карьерѣ и т. п. Разумѣется, мы женимся; вѣдь, это нашъ долгъ!

Въ этотъ вечеръ Джудъ вышелъ одинъ, когда стемнѣло, и шелъ, углубившись въ размышленія. Онъ хорошо, даже слишкомъ хорошо сознавалъ въ глубинѣ души, что Арабелла была не особенно достойной представительницей женскаго пола. Но разъ, въ деревенской жизни, между порядочными молодыми людьми, зашедшими, какъ и онъ, слишкомъ далеко въ сближеніи съ женщиной, существовалъ на этотъ счетъ установившійся обычай, то онъ готовъ былъ искупить вину бракомъ, взявъ на себя послѣдствія. Для своего собственнаго успокоенія, онъ поддерживалъ въ себѣ искусственную вѣру въ Арабеллу. Въ его глазахъ главное значеніе имѣла идеализація Арабеллы, а не она сама, какъ лаконически признавался онъ себѣ иногда.

Въ первое-же воскресенье состоялось церковное оглашеніе. Прихожане всѣ въ одинъ голосъ дивились непростительной глупости молодого Фолэ. Все его ученіе привело къ тому, что ему придется продавать свои книги для покупки кухонныхъ горшковъ. Тѣ-же, которые догадывались о настоящемъ положеніи дѣла, и въ числѣ ихъ родители Арабеллы, объявили, что они ожидали этого конца отъ такого благороднаго молодого человѣка, какъ Джудъ, для искупленія ошибки, которую онъ позволилъ себѣ въ отношеніи невинной дѣвушки. Вѣнчавшій ихъ пасторъ, повидимому, считалъ это тоже похвальнымъ дѣломъ.

Итакъ, стоя передъ пасторомъ, они оба клялись, что во все прочее время ихъ жизни они будутъ неизмѣнно вѣрить другъ въ друга и любить точно такъ-же, какъ они взаимно вѣрили и любили въ продолженіи послѣдняго времени. Но всего замѣчательнѣе во всей церемоніи было то, что, повидимому, никто изъ свидѣтелей не удивлялся тому, въ чемъ клялась эта парочка.

Тетка Джуда, въ качествѣ булочницы, сдѣлала ему свадебный пирогъ, сказавъ при этомъ съ горечью, что это ея послѣдній даръ ему, несчастному глупому парню, и что было-бы гораздо лучше, еслибъ онъ, вмѣсто нелѣпой жизни для ея огорченія, давно улегся-бы въ могилу

вмѣстѣ съ своими родителями. Отъ этого пирога Арабелла отрѣзала два куска, и, завернувъ ихъ въ бѣлую бумагу, послала своимъ товаркамъ по колбасному ремеслу, Эни и Сарѣ, надписавъ на каждомъ пакетѣ: «На память о добромъ совѣтѣ».

Будущность новобрачной четы представлялась, конечно, не особенно блестящей даже для самой пылкой головы. Онъ, ученикъ каменотеса, девятнадцати-лѣтній малый, работалъ за половинное жалованье до окончанія срока выучки. Его жена была положительно безполезной въ городской квартирѣ, гдѣ, по мнѣнію Джуда, имъ первое время пришлось-бы жить. Но настоятельная необходимость въ прибавленіи заработка при такихъ маленькихъ средствахъ, заставила его поселиться въ уединенномъ придорожномъ коттеджѣ между Браунъ-хаузомъ и Меригриномъ, чтобы, для подспорья, имѣть собственный огородъ, а также, пользуясь готовымъ опытомъ жены, завести ей свинью. Но это была не та жизнь, къ которой онъ стремился, да къ тому-же далеко было ходить въ Ольфредстонъ и обратно. Арабелла, напротивъ, сознавала, что всѣ эти неудобства временныя, главное было то, что она получила мужа, со способностью къ заработку для покупки ей обновокъ и шляпъ, когда онъ начнетъ немножко тревожиться за нее и, занявшись своимъ ремесломъ, отброситъ въ сторону эти дурацкія книги для какихъ-нибудь практическихъ предпріятій.

Итакъ онъ привелъ ее въ коттеджъ въ самый день свадьбы, покинувъ свою старую комнатку у тетки, гдѣ ушло столько настойчиваго труда на изученіе греческаго и латинскаго языковъ.

Легкая дрожь пробѣжала у него по спинѣ, когда Арабелла въ первый разъ раздѣвалась при немъ. Длинную косу, которую она скручивала огромнымъ узломъ на затылкѣ, она бережно распустила, встряхнула и повѣсила на зеркало, купленное ей Джудомъ.

— Что это—коса была не твоя?—спросилъ Джудъ съ неожиданнымъ отвращеніемъ къ ней.

— Конечно, нѣтъ,—приличныя дамы теперь никогда не носятъ своихъ косъ.

— Что за вздоръ! Развѣ въ городахъ, но въ провинціи совсѣмъ другое дѣло. Къ тому-же у тебя, вѣроятно, и своихъ волосъ достаточно? Ну да, конечно такъ!

— По деревенскимъ понятіямъ, можетъ быть, и достаточно. Но въ городахъ кавалеры ожидаютъ больше, и когда я была служанкой въ Ольдбрикгэмѣ...

— Развѣ ты была служанкой?

— Не то что прямо служанкой, а я служила въ трактирѣ и подавала гостямъ пиво, да и то самое короткое время. Вотъ и все. Нѣкоторые посѣтители совѣтовали мнѣ носить подвязную косу, и я купила

ее просто ради шутки. Чѣмъ больше на дѣвушкѣ украшеній, тѣмъ лучше живется въ Ольдбрикгэмѣ, а этотъ красивый городокъ почище всѣхъ твоихъ Кристминстеровъ. Каждая приличная дама носитъ подвязную косу,—мнѣ въ парикмахерской самъ цирульникъ такъ сказывалъ.

Джудъ съ чувствомъ брезгливости подумалъ, что все это, можетъ быть, до нѣкоторой степени и справедливо, ибо и самъ онъ былъ убѣжденъ, что если многія скромныя дѣвушки переселяются въ города, гдѣ и живутъ по годамъ, не утрачивая обычной простоты жизни и уборовъ, зато у другихъ, увы, уже въ самой крови таится какой-то инстинктъ къ искусственному уродованію себя разными придатками, и онѣ начинаютъ поддѣлывать свою красоту при первомъ ея проблескѣ. Впрочемъ, можетъ быть, для женщины и не составляетъ большого грѣха дополнять свои волосы чужими, и онъ рѣшилъ болѣе объ этомъ не думать.

Молодая жена обыкновенно можетъ быть интересной послѣ брака, даже въ томъ случаѣ, когда домашняя жизнь еще не установилась и находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ ея новомъ положеніи есть извѣстная пикантность, заставляющая ее въ обращеніи забывать мрачную сторону жизни, и потому самая бѣдная жена чувствуетъ себя первое время выше угнетающей ее дѣйствительности.

Мистрисъ Фолэ, въ качествѣ молодой хозяйки, ѣхала какъ-то въ базарный день въ телѣжкѣ, по улицамъ Ольфредстона, и здѣсь встрѣтила свою прежнюю подругу, Эни, съ которой не видалась съ самой свадьбы.

Прежде чѣмъ заговорить, онѣ по обыкновенію засмѣялись; міръ казался имъ слишкомъ веселымъ безъ всякихъ словъ.

— Итакъ, кажется, вышло хорошее дѣльце!—замѣтила Эни молодой женщинѣ.—Я знала,—продолжала она,—что съ такимъ малымъ это удастся. Онъ—душа человѣкъ, и ты должна имъ гордиться.

— Я и горжусь,—равнодушно отвѣтила мистрисъ Фолэ.

— А когда ждешь?..

— Тсъ! я вовсе не жду.

— Что-же это значитъ?

— Я ошиблась, вотъ и все.

— Ахъ, Арабелла, Арабелла, женщина ты умная и вдругъ ошиблась! Признаюсь, о такой штукѣ мнѣ никогда и въ голову не приходило при всей моей опытности! И какой-же въ этомъ можетъ быть стыдъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Пожалуйста, не спѣши мнѣ кричать про стыдъ! Это вовсе не отъ стыда, а просто я незнала.

— Повѣрь моему слову—эдакъ ты его упустишь! Вѣдь онъ можетъ сказать, что это былъ обманъ, да еще двойной, клянусь тебѣ!

— Я готова признаться въ первомъ, но не во второмъ... Э, онъ объ этомъ и не подумаетъ! Онъ будетъ радъ, что я ошиблась. На такіе

пустяки онъ махнетъ рукой, право,—у мужчинъ это всегда такъ. Да и какъ имъ поступить иначе? Ужъ коли женатъ,—такъ женатъ.

Тѣмъ не менѣе Арабелла не безъ нѣкотораго безпокойства приближалась къ тому времени, когда по естественному ходу вещей ей придется объявить мужу, что возбужденная ею тревога оказалась неосновательной. Эта необходимость неожиданно представилась, однажды вечеромъ, въ то время, когда они собирались спать, и оба находились въ своей комнатѣ въ уединенномъ домикѣ, куда Джудъ ежедневно возвращался съ своей работы. Онъ усиленно работалъ въ этотъ день двѣнадцать часовъ сряду, и ушелъ спать прежде жены. Когда та вошла въ спальню, онъ уже лежалъ въ полудремотѣ, едва сознавая, что жена раздѣвается передъ маленькимъ зеркальцемъ.

Впрочемъ, вскорѣ ея гримасы передъ зеркаломъ невольно возбудили его вниманіе. Джудъ замѣтилъ, что она изощрялась въ томъ, чтобы вызвать на щекахъ тѣ ямочки, о которыхъ уже упоминалось прежде. На эту курьезную прикрасу она была мастерица, вызывая ямочки моментальнымъ всасываніемъ щекъ.

— Не дѣлай этого, Арабелла!—вмѣшался онъ неожиданно.—Мнѣ, право, не нравится видѣть тебя за такимъ вздорнымъ занятіемъ.

Она обернулась и засмѣялась.

— Господи, я и не воображала, что ты не спишь!—отвѣтила она.—Какая-же ты деревенщина, однако, что за охота обращать вниманіе на такіе пустяки.

— У кого ты этому научилась?

— Рѣшительно ни у кого. Ямочки у меня всегда бывали безъ всякихъ хлопотъ, когда я служила въ пивной, а теперь исчезли. Тогда и лицо мое было полнѣе.

— А для меня не нужно никакихъ ямочекъ. Я не думаю, чтобъ онѣ красили женщину, особенно замужнюю, да еще такую полную, какъ ты.

— Однако, многіе думаютъ иначе.

— А что мнѣ за дѣло, какъ думаютъ другіе, кому охота?—возразилъ Джудъ.—Какъ это ты додумалась до такихъ затѣй, интересно-бы знать?

— Мнѣ объ этомъ говорили, когда я служила въ пивной.

— Ага, эта служба и объясняетъ теперь твое пониманіе подмѣси въ пивѣ, когда мы, помнишь, какъ-то воскреснымъ вечеромъ спросили себѣ пиво въ гостинницѣ. А я полагалъ, когда женился на тебѣ, что ты всегда жила въ домѣ своего отца.

— Ты могъ-бы думать немного лучше обо мнѣ и замѣтить, что я была приличнѣе, нежели какою была-бы, оставаясь въ деревнѣ. Дома мнѣ почти нечего было дѣлать; я изнывала отъ скуки, и потому поступила на мѣсто на три мѣсяца.

— Скоро тебѣ предстоитъ куча дѣла, милая, не такъ-ли?
— Что ты этимъ хочешь сказать?
— Ну, да какъ-же,—произвести на свѣтъ маленькое существо.
— А...
— Когда это будетъ? Не можешь ли сказать точно, а не въ общихъ выраженіяхъ, какъ говорила до сихъ поръ?
— Да что сказать,—что?
— Ну, срокъ, когда...
— Тутъ нечего и говорить. Я ошиблась.
— Что?!
— Ну, вышла ошибка, и все тутъ.

Джудъ вскочилъ съ постели и устремилъ пристальный взглядъ на жену.

— Но какъ-же это могло быть?
— Очень просто. Женщинамъ иногда такъ представляется.
— Однако, это чортъ знаетъ что такое! — горячился Джудъ. — Вѣдь ты-же понимаешь, что совсѣмъ не приготовленный, безъ обстановки, почти безъ гроша въ карманѣ, я не сталъ-бы спѣшить съ нашей свадьбой и вводить тебя въ почти пустую хату, и только твое тревожное заявленіе заставило меня дѣйствовать, очертя голову, не думая ни о какой готовности... Ахъ, Боже мой милостивый!
— Не волнуйся такъ, милый. Что сдѣлано, того не передѣлать.
— Больше мнѣ нечего объясняться,—отвѣтилъ онъ просто и улегся опять, послѣ чего молчаніе между ними не нарушалось.

Проснувшись по утру, Джудъ смотрѣлъ на все окружающее какъ будто другими глазами. Что-же касалось спорнаго вопроса, то онъ принужденъ былъ положиться на слова жены, сознавая, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ поступить иначе.

Джуду смутно представлялось, что есть что-то фальшивое въ соціальныхъ условіяхъ, и что эта фальшь требуетъ многихъ уступокъ и жертвъ, и все изъ-за мимолетнаго взрыва, вызываемаго новымъ и преходящимъ инстинктомъ, который, не заключая въ себѣ признаковъ порока, все-же не можетъ быть названъ иначе, какъ слабостью. Онъ старался уяснить себѣ, что онъ сдѣлалъ своимъ поступкомъ, или что его жена потеряла изъ-за него, чтобы онъ могъ оказаться пойманнымъ въ ловушку, благодаря которой, если не имъ обоимъ, то по крайней мѣрѣ ему предстояло быть связаннымъ во все остальное время жизни. Быть можетъ, было нѣчто благопріятное въ томъ, что обстоятельство, побудившее его жениться, оказалось несуществующимъ. Но фактъ женитьбы все-таки остался.

X.

Пришло время убить свинью, которую наши молодые откармливали съ осени, и время закланія было назначено на самомъ разсвѣтѣ, такъ чтобы Джудъ могъ отправиться въ Ольфредстонъ, не теряя особенно много времени.

Ночь казалась необыкновенно тихой. Джудъ выглянулъ изъ окна задолго до разсвѣта, и замѣтилъ, что земля была покрыта довольно толстымъ слоемъ снѣга, хлопья котораго еще продолжали падать.

— Боюсь, что мясникъ, пожалуй, не придетъ, — сказалъ Джудъ Арабеллѣ.

— Э, придетъ. А ты вставай и нагрѣй воду, если хочешь, чтобы Чалло ошпарилъ свинью. Хотя я предпочитаю паленыхъ.

— Сейчасъ встану,—отвѣтилъ Джудъ.—Я люблю наши мѣстные обычаи.

Онъ спустился съ лѣстницы, развелъ огонь подъ котломъ, подкладывая подъ него солому, причемъ огонь весело вспыхивалъ и освѣщалъ кухню. Но для него пріятное ощущеніе тепла отравлялось мыслью о назначеніи этой топки вскипятить воду для убоя животнаго, которое было еще живо и напоминало о себѣ хрюканьемъ изъ хлѣва. Въ половинѣ седьмого,—время, которое было назначено для прихода мясника— вода вскипѣла и Арабелла сошла въ кухню.

— Чалло пришелъ?—спросила она.

— Нѣтъ!

Пришлось поджидать, а между тѣмъ уже начинало свѣтать унылымъ зимнимъ разсвѣтомъ.

Арабелла вышла взглянуть на дорогу и, возвратившись, сказала: Не видать его. Вѣрно, напился съ вечера. Такой снѣгъ не могъ бы помѣшать ему придти, конечно!

— Въ такомъ случаѣ, намъ надо отложить дѣло. Только даромъ воду кипятили. Можетъ быть, въ долинѣ снѣгъ глубокъ!

— Отложить нельзя. Больше нѣтъ корма. Еще вчера утромъ я стравила послѣднюю болтушку.

— Вчера утромъ? Чѣмъ же свинья жива съ тѣхъ поръ?

— Да ничѣмъ!

— Значитъ, она околѣваетъ съ голоду?

— Понятно. Мы всегда такъ дѣлаемъ за день или за два до убоя, чтобы не возиться съ кишками. Что за невинность не знать такихъ простыхъ вещей!

— Вотъ почему она такъ и кричитъ, бѣдняжка!

— Объ этомъ разговаривать нечего—ты долженъ заколоть ее. Я покажу тебѣ какъ. Хотя свинья такая крупная, что Чалло справился-бы съ нею лучше, чѣмъ ты. Впрочемъ, его корзинка съ ножами и прочими принадлежностями уже доставлена и мы можемъ ими воспользоваться.

— Все-таки, это совсѣмъ не твое дѣло,—возразилъ Джудъ.—Я самъ заколю, если ужь это необходимо.

Онъ вышелъ къ закутѣ, разгребъ снѣгъ, чтобы очистить мѣсто, и поставилъ впереди козелки, положивъ подлѣ ножи и веревки. Какая-то птичка съ сосѣдняго дерева присматривалась къ приготовленіямъ, но недовольная мрачнымъ видомъ этой сцены, улетѣла прочь, не смотря на то, что была голодна. Между тѣмъ Арабелла подошла къ мужу, и Джудъ, съ веревкой въ рукѣ войдя въ закуту, стреножилъ испуганное животное, которое сначала захрюкало, потомъ стало неистово и озлобленно визжать. Арабелла отворила закуту, и они вмѣстѣ взвалили жертву на козелки ногами вверхъ, и пока Джудъ придерживалъ свинью, Арабелла привязала ее, замотавъ ей ноги, чтобы она не могла барахтаться.

Визги свиньи измѣнились. Теперь ужь они выражали не ярость, а вопли отчаянія; протяжные, глухіе и безнадежные.

— Клянусь тебѣ, Арабелла, что я радъ былъ-бы отказаться отъ свиньи, лишь бы не брать на себя такого живодерства!—протестовалъ Джудъ.—Вѣдь эту несчастную тварь я кормилъ собственными руками.

— Пожалуйста, не будь такимъ нѣженкой и слюняемъ, вотъ ножикъ для убоя, онъ съ острымъ концомъ. Смотри только, какъ начнешь закалывать, не запускай слишкомъ глубоко.

— Заколю, какъ нужно, чтобы кончить въ моментъ. Это главное.

— Что ты, что ты, развѣ такъ дѣлаютъ!—вскрикнула Арабелла. Чтобы мясо не вышло кровавое, надо чтобы свинья уходилась не скоро. Вѣдь намъ убытокъ, если мясо будетъ красное и кровавое. Слегка проколи глотку, вотъ и все. Я на этомъ выросла и знаю дѣло. Хорошій мясникъ всегда даетъ долго стекать крови. Надо, чтобы свинья билась по крайней мѣрѣ десять минутъ.

— Если съумѣю, не дамъ ей и минуты мучиться, какое-бы тамъ мясо ни вышло,—возразилъ рѣшительно Джудъ. Повыдергавъ съ подпертой шеи свиньи щетину, какъ онъ это видѣлъ дѣлаютъ мясники, онъ надрѣзалъ сало, и со всей силой вонзилъ ножъ въ горло.

— О, чортъ побери!—вскрикнула Арабелла; съ тобой поневолѣ выругаешься! Таки всадилъ глубоко, когда я только и толковала тебѣ...

— А ты успокойся-ка лучше, да имѣй хоть немножко жалости къ животному!

Джудъ исполнилъ это дѣло, если и не по настоящему, то по крайней мѣрѣ сострадательно. Кровь стекала ручьями, а не тонкой струй-

кой, какъ хотѣла того Арабелла. Свинья чуть вздрагивала въ послѣдней агоніи, и ея блестящіе глаза уставились на Арабеллу съ выразительнымъ упрекомъ несчастной жертвы, понявшей, наконецъ, предательство тѣхъ, кого она считала своими единственными друзьями.

Но Арабеллѣ надоѣло слушать хрипѣнье свиньи, она быстро подняла брошенный Джудомъ ножикъ и воткнула его въ шею свиньи, перехвативъ дыхательное горло. Свинья, разумѣется, тотчасъ же стихла.

— Вотъ такъ-то лучше,—спокойно сказала Арабелла.

— Отвратительно!—вырвалось у Джуда.

— На то и свиньи, чтобъ ихъ рѣзать.

Однако, послѣдній ударъ Арабеллы явился такъ неожиданно, что Джудъ, растерявшись, опрокинулъ ногой блюдо, въ которое стекала кровь.

— Ну вотъ!, неистово кричала жена.—Теперь у меня не выйдетъ кровяныхъ колбасъ. Опять убытокъ, и все изъ-за тебя!

Джудъ поправилъ блюдо, но почти вся собранная кровь разлилась по снѣгу, имѣвшему теперь непріятный грязный видъ.

Вдругъ имъ послышался чей-то голосъ вблизи.

— Славно сдѣлано, молодая парочка! Я самъ не могъ-бы чище сработать, честное слово!

Этотъ хриплый голосъ доносился изъ-за сада, и оглянувшись они увидали тучную фигуру м-ра Чалло, облокотившагося на ограду и критически наблюдавшаго за ихъ работой.

— Вамъ хорошо стоять да зубоскалить!—напустилась на него Арабелла.—Изъ-за того, что вы опоздали, мясо вышло кровавое и на половину испорчено. Кромѣ убытковъ ничего и не вышло!

Чалло пустился въ извиненія.—Вамъ надо было маленько обождать,—сказалъ онъ, покачивая головою,—и самимъ не хлопотать съ такимъ дѣломъ, особенно въ вашемъ настоящемъ положеніи, сударыня. Вы этимъ слишкомъ много рискуете.

— Ну вамъ до этого дѣла нѣтъ,—возразила Арабелла, улыбаясь. Джудъ тоже усмѣхнулся, но въ его усмѣшкѣ просвѣчивало какая-то горечь.

Чалло старался загладить свою манкировку усердной отдѣлкой туши. Джудъ досадовалъ на себя, что взялся за такое отвратительное дѣло, хотя и сознавалъ, что свиньѣ было-бы не легче, если-бъ ее закололъ другой. Значитъ, правду сказала жена, назвавъ его нѣженкой и слюняемъ.

Послѣ этого случая, ему опротивѣла дорога въ Ольфредстонъ. Казалось, она смотрѣла на него съ какимъ-то циничнымъ упрекомъ. Предметы по сторонамъ дороги такъ сильно напоминали ему его ухаживаніе за женой, что, не желая смотрѣть на нихъ, онъ старался

больше читать по пути въ городъ и обратно. Разъ какъ-то, проходя по берегу рѣчки, на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ впервые познакомился съ Арабеллой, Джудъ услыхалъ женскіе голоса, совершенно такъ, какъ бывало въ то прежнее время. Одна изъ дѣвушекъ, бывшая подруга Арабеллы, говорила въ сараѣ съ другой подругой, при чемъ предметомъ разговора былъ самъ Джудъ, быть можетъ. именно потому, что онѣ увидали его издали. Дѣвушки, понятно, не сообразили, что стѣны сарая такъ предательски тонки и что проходившій Джудъ легко могъ слышать рѣчи.

— Какъ-ни какъ, а это я подбила ее на ту штуку! Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить, сказала я ей. Если-бъ я ее не надоумила, она бы такъ прокисла въ дѣвкахъ, по-нашему.

— А я такъ думаю, что она знала раньше...

На что такое подбила Арабеллу эта подруга, что онъ долженъ былъ сдѣлать ее своей женою? Этотъ намекъ былъ до того возмутителенъ, что Джудъ, придя домой, вмѣсто того, чтобы войти въ коттеджъ, съ сердцемъ швырнулъ свой инструментъ за калитку и ушелъ. съ намѣреніемъ навѣстить старую тетку и у нея поужинать.

Это посѣщеніе заставило его сильно запоздать возвращеніемъ домой. Впрочемъ, Арабелла, пробывъ весь день на прогулкѣ, замѣшкалась съ своей работой и потому еще хлопотала съ вытопкой сала отъ убитой свиньи. Не желая побраниться съ женой по поводу слышаннаго имъ, Джудъ говорилъ мало. Зато Арабелла была очень болтлива и между прочимъ сказала, что ей нужны деньги. Заглянувъ въ разсчетную книжку, торчавшую изъ его кармана, она замѣтила ему что онъ долженъ зарабатывать больше.

— Жалованье ученика, моя милая, вовсе не разсчитано на то, чтобы его обязательно хватало на содержаніе жены.

— Тогда не зачѣмъ было жениться.

— Полно, Арабелла! Скверно говорить такія вещи, разъ ты знаешь, почему это случилось.

— Я поклянусь, чѣмъ хочешь, что когда объявила тебѣ о своемъ положеніи, то думала, что это правда. Докторъ Вильбертъ былъ тогоже мнѣнія. Тебѣ-же на руку вышло, что это не подтвердилось!

— Я разумѣю совсѣмъ не это обстоятельство, а другое, болѣе раннее,—возразилъ онъ поспѣшно.—Вѣрю, что это была не твоя вина; но прежнія твои подруги дали тебѣ дурной совѣтъ. Еслибъ онѣ тебѣ не давали его, или еслибъ ты его не приняла, мы въ эту минуту были-бы свободны отъ союза, который, говоря правду, страшно душитъ насъ обоихъ. Это, можетъ быть, очень непріятно, но вѣрно.

— Кто сказалъ тебѣ о моихъ подругахъ? Какой совѣтъ? Я требую твоего отвѣта.

— Ну, ужъ избавь, я объяснять не желаю.

— Но ты долженъ, ты обязанъ сказать. Иначе, это будетъ подло съ твоей стороны.

— Ну хорошо,—согласился Джудъ, и деликатно передавъ подслушанный разговоръ, просилъ больше объ этомъ не говорить.

Рѣзкій тонъ Арабеллы теперь смягчился.—Это пустяки,—сказала она съ равнодушной улыбкой.—Всякая женщина имѣетъ право такъ поступить. Рискъ вѣдь на ея сторонѣ.

— Это право я безусловно отрицаю, Белла. Женщина имѣетъ право поступить такъ только въ томъ случаѣ, если ея поступокъ не навлекаетъ пожизненнаго наказанія на мужчину, а мужчина,—если не навлекаетъ того же на женщину, т.-е. если увлеченіе минуты можетъ и кончиться этой минутой, или хотя-бы однимъ годомъ. Но когда послѣдствія простираются такъ далеко, женщина не въ правѣ разставлять сѣтей, въ которые попадаетъ или мужчина, если онъ честенъ, или сама она, если онъ человѣкъ иного рода.

— Что-же мнѣ слѣдовало дѣлать по твоему?

— Дать мнѣ время приготовиться.—Однако, что это ты ночью развозилась съ этимъ саломъ?—нетерпѣливо закончилъ онъ непріятный разговоръ.—Пожалуйста, оставь это.

— Тогда мнѣ придется завтра работать, а то оно можетъ испортиться.

— Ну, ладно, убирай; успѣешь и завтра,—рѣшилъ Джудъ.

XI.

На другое утро, въ воскресенье, Арабелла опять принялась за перегонку сала, а эта работа подала ей поводъ возобновить вчерашній непріятный разговоръ, приведшій ее въ прежнее сварливое настроеніе.

— Такъ вотъ что говорятъ обо мнѣ въ Меригринѣ,—я тебя въ ловушку поймала? Было что и ловить, нечего сказать! задирала она Джуда. Занятая топленіемъ сала, она увидала нѣсколько его цѣнныхъ книгъ на столѣ, гдѣ имъ не слѣдовало лежать.—Я не хочу, чтобъ эти книги валялись тутъ!—крикнула она грубо, и, схватывая ихъ одну за другою, начала швырять на полъ.

— Оставь мои книги въ покоѣ!—унималъ ее Джудъ.—Ты должна была отложить ихъ въ сторону, если онѣ мѣшаютъ тебѣ, но пачкать ихъ такъ—глупо! За неопрятной работой руки Арабеллы были засалены, и потому пальцы ея оставляли весьма замѣтные слѣды на книжныхъ обложкахъ. Но она продолжала, не стѣсняясь, сбрасывать книги на полъ, пока выведенный изъ терпѣнія Джудъ не схватилъ за руки слишкомъ расходившуюся жену. При этомъ укрощеніи онъ какъ-то нечаянно задѣлъ ея косу, которая распустилась по плечамъ.

— Пусти!—вскрикнула Арабелла.

— Обѣщай не трогать моихъ книгъ.

Она колебалась.—Пусти меня!—повторила она.

— Обѣщай!

Послѣ маленькой паузы, она наконецъ сдалась:— Ну, обѣщаю, только пусти.

Джудъ оставилъ ея руки, а она сейчасъ-же вышла изъ дому и очутилась на большой дорогѣ уже съ заплаканнымъ лицомъ. Здѣсь она начала метаться изъ стороны въ сторону, нарочно растегнувъ лифъ и растрепавъ еще больше волосы. Было чудное воскресное утро, сухое, ясное и морозное, и по вѣтру доносился колокольный звонъ изъ Ольфредстонской церкви. Народъ шелъ по дорогѣ, одѣтый въ праздничные наряды, здѣсь была преимущественно молодежь, такія же парочки, или какъ были еще такъ недавно Джудъ и Арабелла, когда прогуливались по этой-же дорогѣ. Они заглядывались невольно на необычайный видъ Арабеллы, расхаживавшей безъ шляпки, съ развѣвавшимися по вѣтру волосами, съ растегнутымъ лифомъ, съ высоко засученными рукавами и сильно лоснившимися отъ сала руками. Одинъ изъ прохожихъ даже проговорилъ брезгливо:—Господи помилуй насъ грѣшныхъ!

Посмотрите, что мужъ сдѣлалъ со мною!—вопила Арабелла.— Заставилъ меня работать въ воскресенье, когда мнѣ надо было идти въ церковь, растрепалъ всѣ волосы, да еще платье чуть не изорвалъ!

Джудъ былъ возмущенъ этимъ безобразіемъ и вышелъ, чтобы силою втащить ее домой. Затѣмъ, мало-по-малу, его раздраженіе улеглось. Успокоенный сознаніемъ того, что между ними все кончено и потому рѣшительно все равно, какъ-бы они ни вели себя по отношенію другъ къ другу, Джудъ молча глядѣлъ на жену. Счастье ихъ разрушено, думалъ онъ, разрушено роковой ошибкой ихъ брачнаго союза; они виноваты въ томъ, что заключили пожизненный договоръ, основываясь на временномъ чувствѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ взаимной симпатіей, которая одна только дѣлаетъ сноснымъ пожизненное сожительство.

— Однако, ты начинаешь унижать меня по готовымъ примѣрамъ, какъ твой отецъ унижалъ твою мать, а сестра отца твоего унижала своего мужа,—язвительно упрекала она его.—Въ вашемъ роду видно всѣ были такими-же хорошими мужьями и женами.

Джудъ невольно остановилъ на женѣ пристальный удивленный взглядъ. Но она замолчала и продолжала расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока не утомилась. Онъ отошелъ отъ нея и, проходивъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, направился въ Меригринъ. Здѣсь онъ зашелъ къ своей старой теткѣ, становившейся съ каждымъ днемъ все слабѣе.

— Скажите, тетушка, развѣ мой отецъ унижалъ мою мать, а моя тетка своего мужа?—рѣзко спросилъ онъ, усаживаясь у камина.

Тетка закатила свои тусклые глаза, такъ что, казалось, они ушли подъ самую оборку старомоднаго чепца, съ которымъ она никогда не разставалась.

— Кто это тебѣ сказалъ?—спросила она.

— Все равно, кто; мнѣ говорили, и я желаю знать всю правду.

— Это можешь, конечно, но жена твоя должно быть дура, если она сказала тебѣ это!—Впрочемъ, узнать-то тутъ нечего. Отецъ и мать твои не могли ужиться вмѣстѣ и разошлись. Это случилось, когда ты былъ еще малюткой. Ихъ послѣдняя ссора произошла по возвращенiи ихъ домой съ базара изъ Ольфредстона, на Хоймѣ у риги Браунъ-Хаузъ и тогда-же они простились навсегда. Мать вскорѣ потомъ умерла—или, по правдѣ сказать, утопилась, а отецъ переселился съ тобой въ Южный Вессексъ, и больше никогда сюда не показывался.

Джуду вспомнилось при этомъ, что отецъ никогда не упоминалъ ни о Сѣверномъ Вессексѣ, ни о его матери, до самой своей смерти.

— Тоже самое вышло и съ теткой, сестрою твоего отца. Ея мужъ оскорблялъ ее, и наконецъ ей такъ опротивѣло жить съ нимъ, что она удалилась съ своей маленькой дѣвочкой въ Лондонъ. Фолэ не были созданы для брачнаго ярма: оно никогда на насъ складно не сидѣло. Видно, есть что-то въ нашей крови, что не мирится съ обязательствомъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ очень охотно добровольно. Вотъ поэтому-то тебѣ и слѣдовало послушаться меня и не жениться.

— Такъ гдѣ же отецъ съ матерью разошлись—вы говорите у Браунъ-Хауза?

— Немножко подальше, гдѣ дорога поворачиваетъ на Фенворсъ и останавливается пѣшая почта. Тамъ, гдѣ прежде стояла висѣлица.

Уже сумерками, выйдя отъ старушки, Джудъ отправился домой. Но, дойдя до открытой равнины, онъ свернулъ на нее и дошелъ до большаго круглаго пруда. Морозъ держался, хотя и не особенно сильный, и крупныя звѣзды медленно выступали надъ его головой, мигая изъ таинственной глубины неба. Онъ ступилъ сначала одной, а потомъ и другой ногой на край льда, затрещавшаго подъ его тяжестью; но это не смутило его. Онъ сталъ скользить по немъ дальше, при чемъ ледъ рѣзко поскрипывалъ подъ его ногами. Дойдя почти до середины пруда, онъ оглянулся и подпрыгнулъ; трескъ повторился, но Джудъ устоялъ. Послѣ новаго прыжка съ его стороны и трескъ льда прекратился. Тогда Джудъ возвратился и вышелъ на берегъ.

— Любопытная штука,—подумалъ онъ про себя.—Чего ради я уцѣлѣлъ? и онъ рѣшилъ, что не достоинъ избрать себѣ родъ смерти. Легкая смерть гнушалась имъ, не хотѣла принять его въ качествѣ добро-

вольной жертвы. Но что же оставалось ему предпринять, что было бы болѣе общеупотребительно и пошло, чѣмъ самоубійство? Пусть другой исходъ менѣе благороденъ, но онъ болѣе соотвѣтствуетъ его теперешнему унизительному положенію. Онъ можетъ напиться, это и будетъ самое подходящее, а онъ и забылъ о винѣ. Пьянство всегда было самымъ обычнымъ, избитымъ утѣшеніемъ отъявленныхъ негодяевъ. Теперь онъ началъ понимать, почему иные люди напивались въ трактирѣ. Съ этими мыслями онъ измѣнилъ направленіе пути и вскорѣ пришелъ къ одному неприглядному трактиру. Когда онъ вошелъ и сѣлъ къ столу, стѣнная картина съ изображеніемъ Самсона и Далилы напомнила ему, что онъ заходилъ сюда съ Арабеллой въ первый воскресный вечеръ ихъ флирта. Онъ потребовалъ себѣ вина и пилъ рюмку за рюмкой, въ продолженіе цѣлаго часа, если не больше.

Позднимъ вечеромъ шелъ онъ, покачиваясь, по направленію къ дому; всякое сознаніе униженія у него исчезло, голова была совершена свѣжа и онъ сталъ хохотать, представляя себѣ, какъ-то приметъ его Арабелла въ этомъ новомъ видѣ. Но домъ оказался уже въ потемкахъ и Джуду пришлось порядочно повозиться, пока въ его состояніи удалось ему зажечь огонь. Тутъ онъ замѣтилъ, что свиная туша была уже убрана, хотя отбросы еще и валялись. На стѣнѣ подлѣ очага былъ приколотъ старый конвертъ, на внутренней сторонѣ котораго Арабелла написала лаконическую строчку:

— *Ушла къ знакомымъ. Не вернусь.*

Весь слѣдующій день Джудъ оставался дома. Онъ отправилъ тушу въ городъ, потомъ убралъ комнаты, заперъ дверь, положилъ ключъ на обычное мѣсто, на случай возвращенія жены, и ушелъ въ свою мастерскую въ Ольфредстонѣ.

Вечеромъ, притащившись домой въ томъ же видѣ, какъ и наканунѣ. Джудъ увидѣлъ, что жена домой не возвращалась. Слѣдующій и еще слѣдующій день прошли въ той же неизвѣстности. Наконецъ, принесли письмо отъ нея.

Въ немъ Арабелла откровенно признавалась, что онъ надоѣлъ ей. Такой неинтересный слюняй ей не нуженъ, и его ремесло нисколько ее не занимаетъ. Нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ когда-нибудь исправился или исправилъ ее. Далѣе она сообщала, что родители ея, какъ ему извѣстно, въ послѣднее время подумывали объ эмиграціи въ Австралію, такъ какъ свиноводство теперь стало убыточнымъ. Теперь они рѣшились, наконецъ, на переселеніе и она вызвалась ѣхать съ ними, если онъ противъ этого ничего не имѣетъ. Она тамъ надѣется скорѣе найти себѣ подходящее дѣло, нежели въ этой нелѣпой сторонѣ.

Джудъ отвѣтилъ, что противъ ея отъѣзда ничего не имѣетъ. Онъ находитъ это дѣльнымъ рѣшеніемъ, разъ она задумала съ нимъ разой-

тись, и увѣренъ, что это послужитъ къ выгодѣ обѣихъ сторонъ. Вмѣстѣ съ письмомъ онъ вложилъ въ конвертъ деньги, вырученныя отъ продажи туши, прибавивъ и собственный небольшой остатокъ.

Съ этого дня Джудъ больше ничего не слыхалъ объ Арабеллѣ, узнавъ только стороною, что семья ея еще не уѣхала, ожидая распродажи своего имущества съ аукціона. Тогда онъ уложилъ всѣ вещи въ фуру и отослалъ ихъ Арабеллѣ, чтобы она продала ихъ вмѣстѣ съ прочимъ добромъ, или выбрала изъ нихъ для продажи что захочетъ.

Потомъ, возвращаясь на свою квартирку въ Ольфредстонѣ, онъ увидалъ въ окнѣ одной лавки небольшой билетикъ съ объявленіемъ о продажѣ обстановки его тестя. Вскорѣ затѣмъ ему случилось зайти въ маленькую лавчонку скупщика старыхъ вещей на главной улицѣ, и между разнымъ хламомъ изъ старой домашней утвари, повидимому только что привезеннымъ съ аукціона, Джудъ замѣтилъ небольшую фотографію въ рамкѣ, оказавшуюся его собственнымъ портретомъ.

Эту карточку онъ нарочно снялъ и далъ вставить деревенскому мастеру въ кленовую рамочку въ подарокъ для Арабеллы и торжественно преподнесъ ей въ день ихъ свадьбы. На задней сторонѣ еще видна была надпись: «*Отъ Джуда Арабеллѣ*», съ означеніемъ даты. Она, вѣроятно, выбросила этотъ портретъ вмѣстѣ съ другими вещами на аукціонъ.

Скупщикъ замѣтилъ, что Джудъ смотритъ на карточку, и, не подозрѣвая что это его портретъ, онъ, указывая на новую кучу, объяснилъ, что это лишь небольшая часть той коллекціи, которая осталась за нимъ на торгахъ въ одномъ коттеджѣ по дорогѣ въ Меригринъ. «Рамочка очень пригодная, если вынуть эту карточку. Вы можете имѣть ее всего за шиллингъ»,—говорилъ онъ.

Окончательная утрата его женою всякаго нѣжнаго чувства къ нему, что подтверждалось между прочимъ и продажей подареннаго портрета, была послѣднимъ толчкомъ, не доставившимъ для истребленія въ немъ всякаго хорошаго чувства къ женѣ. Заплативъ шиллингъ, онъ взялъ карточку и дома сжегъ ее вмѣстѣ съ рамкой.

Дня черезъ два или три послѣ этого, Джудъ услышалъ, что Арабелла уѣхала съ своими родителями. Онъ посылалъ сказать ей, что готовъ зайти проститься, но она сухо отвѣтила, что лучше обойтись безъ этихъ нѣжностей, разъ она рѣшилась разойтись съ нимъ, что, пожалуй, было и справедливо. На другой день послѣ ея отъѣзда, окончивъ дневную работу, онъ вышелъ, послѣ ужина, въ звѣздную ночь, пройтись по слишкомъ знакомой дорогѣ по направленію къ нагорью, гдѣ онъ испыталъ самыя памятныя треволненія въ своей жизни. Жизнь теперь снова принадлежала ему.

Онъ не могъ разобраться въ своихъ воспоминаніяхъ. На этой старой дорогѣ ему казалось, что онъ все такой же мальчикъ, какимъ онъ

былъ, когда фантазировалъ на вершинѣ этого самаго холма, впервые увлеченный неудержимымъ стремленіемъ къ Кристминстеру и образованію.

— Теперь я мужчина,—подумалъ онъ.—Я женатъ. Даже болѣе: я настолько возмужалъ, что, разочаровавшись въ женѣ, разлюбилъ ее, поссорился и разошелся съ нею.

Тутъ онъ замѣтилъ, что стоитъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ, какъ говорили, разстались его отецъ и мать.

Немного подальше, съ вершины, казалось, былъ видѣнъ Кристминстеръ, или то, что онъ принималъ за этотъ городъ. Мильный камень, какъ и тогда, стоялъ у самаго края дороги. Джудъ подошелъ къ нему и сейчасъ же вспомнилъ, что однажды на пути домой онъ съ гордостью вырѣзалъ острымъ новымъ рѣзцомъ на задней сторонѣ этого камня надпись, въ которой онъ выразилъ свои стремленія. Это было еще въ первую недѣлю его ученичества, прежде встрѣчи съ недостойной дѣвушкой, разрушившей всѣ его планы. Онъ не ожидалъ, что написанное имъ тогда еще можно быстро разобрать. При свѣтѣ спички онъ соскоблилъ вырѣзанную когда-то съ такимъ энтузіазмомъ надпись: «Туда! Д. Ф.» и изображенную тутъ же руку, указывавшую по направленію къ Кристминстеру.

Видъ этого камня съ сохранившеюся надписью, прикрытой травой и крапивой, зажегъ въ его душѣ искру прежняго огня. Теперь несомнѣнно его цѣлью должно быть движеніе впередъ чрезъ всѣ препятствія— лишь бы уйти отъ угнетающей скорби, отъ позорныхъ воспоминаній! *Bene agere et laetari*—дѣлать добро весело—это знакомое ему изрѣченіе Спинозы могло теперь быть и его собственнымъ девизомъ.

Еще онъ могъ вступить въ борьбу со своей судьбой и послѣдовать своему первоначальному призванію.

Пройдя еще нѣсколько по пути къ городу, онъ увидалъ его отблескъ въ сѣверо-восточной сторонѣ горизонта. Тамъ дѣйствительно виднѣлось слабое сіяніе и какой-то легкій туманъ, сквозь который только и можно было видѣть окомъ вѣры. Но для него было довольно и этого. Онъ отправится въ Кристминстеръ, какъ только кончится срокъ его ученичества.

Джудъ возвратился въ свою комнатку въ лучшемъ настроеніи и прочиталъ молитвы на сонъ грядущій.

ЧАСТЬ II.

«Кромѣ своей души у него нѣтъ звѣзды».
Свинбернъ.
«Сосѣдство послужило первою ступенью знакомства;
Время создало любовь».
Овидій.

Кристминстеръ.

I.

Впродолженіе трехъ лѣтъ послѣ женитьбы и крушенія не удавшейся супружеской жизни съ Арабеллой, Джудъ мужественно выносилъ свое долгое и трудное испытаніе. Теперь, окончательно порвавъ съ прошлымъ, онъ шелъ въ городъ Кристминстеръ.

И такъ онъ развязался наконецъ съ Меригриномъ и Ольфредстономъ; покончилъ съ ученичествомъ и, съ инструментомъ за плечами, предпринялъ новый шагъ, къ которому, за исключеніемъ перерыва, внесеннаго въ его трудовую жизнь Арабеллой, онъ стремился цѣлыхъ десять лѣтъ.

Джудъ былъ теперь бравымъ молодымъ человѣкомъ съ серьезнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Смуглый, съ темными живыми глазами, онъ носилъ коротко подстриженную черную бородку, довольно солидную для его возраста; она, вмѣстѣ съ густой шапкой кудрявыхъ волосъ на головѣ, доставляла ему много хлопотъ расчесываніемъ и смываніемъ каменной пыли, осѣдавшей при работѣ. Его ловкость въ каменотесномъ дѣлѣ, пріобрѣтенная въ маленькомъ городкѣ, сдѣлала его мастеромъ на всѣ руки, такъ какъ въ его ремесло входило тесаніе монументныхъ плитъ, лѣпка барельефовъ при ремонтѣ церквей и всякаго рода рѣзьба. Въ большомъ городѣ онъ, вѣроятно, спеціализировался-бы и вышелъ формовщикомъ или рѣщикомъ, а то, быть можетъ, и «скульпторомъ».

Сегодня, послѣ обѣда, онъ доѣхалъ изъ Ольфредстона до деревни, ближайшей къ городу, и теперь шелъ пѣшкомъ послѣднія четыре мили, такъ какъ всегда мечталъ войти въ Кристминстеръ именно такимъ образомъ. Рѣшительнымъ мотивомъ къ этому переселенію послужило одно совершенно незначительное обстоятельство сантиментальнаго свойства, какъ это часто бываетъ съ молодыми людьми. Какъ-то разъ, живя въ Ольфредстонѣ, Джудъ пришелъ навѣстить свою старую тетку. Онъ замѣтилъ у нея на каминѣ фотографическій портретъ красивой молодой дѣвушки въ широкой шляпѣ, съ лунообразно расходящимися сборками подъ

полями, въ родѣ какого-то сіянья. На его вопросъ, чей это портретъ, старушка неохотно отвѣтила, что это его кузина Сусанна Брайдхэдъ, изъ враждебной отрасли ихъ семьи; а потомъ, уступая его дальнѣйшимъ настойчивымъ разспросамъ, объяснила, что дѣвушка живетъ въ Кристминстерѣ, хотя ей неизвѣстенъ ни ея точный адресъ, ни родъ занятій.

Старушка не согласилась, однако, отдать ему карточку. Но это лицо не давало покоя Джуду, и желаніе увидѣть его привело къ окончательному рѣшенію отправиться въ этотъ городъ по слѣдамъ своего покровителя—школьнаго учителя.

И вотъ онъ остановился теперь на вершинѣ красиваго храма и передъ нимъ впервые открылась вблизи панорама этого города съ домами изъ сѣраго камня и съ темными черепичными крышами. Онъ расположился близъ самой Вессекской границы, гдѣ сонная Темза омываетъ поля этого древняго графства. Величаво отражаются въ солнечномъ закатѣ городскія зданія и соборныя башенки съ высокими шпицами, придающими еще большій блескъ этой скромной картинѣ.

Спустившись въ долину, Джудъ пошелъ ровной дорогой, по аллеѣ подрѣзанныхъ ивъ, едва замѣтныхъ въ сумерки, и скоро поровнялся съ первыми городскими фонарями, яркій блескъ которыхъ когда-то, въ дни его пылкихъ фантазій, такъ поражалъ издали его восторженный взоръ. Они какъ-то зловѣще мигали ему своими желтыми глазами, и, какъ-бы недовольные его долгими сборами, не особенно привѣтливо встрѣтили его прибытіе. Нашъ путникъ шелъ по улицамъ предмѣстья, внимательно приглядываясь. Желая прежде всего найти себѣ комнату для ночлега, онъ тщательно высматривалъ такую гостинницу, гдѣ, судя по наружному виду, могъ разсчитывать устроиться удобно и недорого. Вскорѣ онъ нашелъ то, что ему было нужно, занялъ скромный номеръ, привелъ себя въ порядокъ, и напившись чаю, отправился на прогулку по городу.

Ночь была безлунная, холодная, съ рѣзкимъ вѣтромъ. Послѣ множества поворотовъ, Джудъ подошелъ къ первому древнему зданію, какое попалось ему на встрѣчу. Это былъ колледжъ, какъ онъ узналъ изъ вывѣски надъ воротами. Онъ вошелъ во дворъ, прошелся кругомъ, и пробрался въ тѣ углы, куда не доходилъ свѣтъ фонарей. Рядомъ съ этимъ колледжемъ былъ другой, немного дальше еще. И съ новой силой его охватило чувство благоговѣнія предъ этимъ древнимъ городомъ. Когда-же ему случалось проходить мимо домовъ, не соотвѣтствовавшихъ общей физіономіи города, онъ смотрѣлъ на нихъ разсѣянно, какъ-бы не замѣчая ихъ. Онъ бродилъ вдоль стѣнъ и подъѣздовъ, и ощупывалъ контуры ихъ лѣпныхъ и рѣзныхъ украшеній. Минуты бѣжали, все меньше и меньше встрѣчалось прохожихъ, а онъ все еще бродилъ между величавыхъ тѣней исторической старины. Развѣ его воображеніе не рисовало ему этихъ тѣней, въ продолженіи десяти минувшихъ лѣтъ, да и

что для него значилъ въ это время ночной покой? Вдругъ свѣтъ фонаря освѣтитъ предъ нимъ высоко уходящія въ темное небо верхушки рѣзныхъ башенъ и зубчатыхъ стѣнъ. Въ темныхъ, позабытыхъ проходахъ, по которымъ очевидно давно уже не ступаетъ нога человѣка, неожиданно встрѣтятся портики, альковы, массивныя двери роскошной и вычурной средневѣковой рѣзьбы, оригинальная древность которыхъ подтверждается ветхою рыхлостью камня. Трудно представить себѣ, что современная мысль можетъ гнѣздиться въ такихъ ветхихъ и заброшенныхъ зданіяхъ. Не зная въ городѣ ни одной живой души, Джудъ почувствовалъ свое полное одиночество среди этихъ громадъ, точно самъ онъ былъ привидѣніе, и никому не было до него дѣла. Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ свое ночное скитаніе.

За то время пока онъ готовился къ подвигу своего переселенія, послѣ мирнаго исчезновенія жены и всего его имущества, онъ прочелъ и изучилъ почти все, что было возможно о великихъ людяхъ, проведшихъ свою юность въ этихъ старыхъ стѣнахъ. Образы нѣкоторыхъ изъ нихъ превращались въ его воображеніи въ какихъ-то гигантовъ. Шелестъ вѣтра на перекресткахъ какъ-бы вѣялъ ихъ таинственнымъ шествіемъ, а онъ, одинокій странникъ, казалось, гонится въ темнотѣ за ихъ легкими призрачными тѣнями...

Улицы были пусты. Джудъ очнулся отъ сладкаго забытья и тутъ только сообразилъ, что онъ въ незнакомомъ городѣ, и что его потрепываетъ порядочная лихорадка.

Изъ темноты до него донесся голосъ, настоящій житейскій голосъ.

— Вы давно ужъ сидите на этомъ карнизѣ, молодой человѣкъ. Вы что это тутъ подѣлываете?

Голосъ принадлежалъ полисмену, незамѣтно наблюдавшему за Джудомъ.

Нашъ странникъ пошелъ домой и улегся спать, почитавъ еще на сонъ грядущій біографіи великихъ людей. Въ ихъ изреченіяхъ Джуду чудились скорбные упреки, не всегда понятные для него...

Когда поздно утромъ Джудъ проснулся въ своемъ номерѣ, то прежде всего подумалъ.

«Однако, чортъ возьми, я совсѣмъ и забылъ о хорошенькой кузинѣ и о любимомъ старомъ учителѣ». Впрочемъ, въ его воспоминаніи объ учителѣ было меньше воодушевленія, чѣмъ въ воспоминаніи о кузинѣ.

II.

Необходимыя заботы о дальнѣйшемъ существованіи живо разсѣяли фантазіи Джуда и дали его мыслямъ болѣе обыденное направленіе. Ему нужно было прежде всего поискать работы.

Выйдя на улицу, Джудъ нашелъ, что видѣнные имъ наканунѣ колледжи предательски измѣнили теперь свою красивую наружность: одни были мрачны; другіе приняли видъ устроенныхъ надъ землею фамильныхъ склеповъ; и всѣ вообще поражали своей варварской архитектурой. А вмѣстѣ съ этой метаморфозой и духи великихъ людей исчезли безслѣдно.

Расхаживая по городу, Джудъ какъ-бы перелистывалъ богатый архитектурный альбомъ, не какъ художественный критикъ стиля и формъ, а какъ мастеръ и собратъ прежнихъ мастеровъ, руки которыхъ потрудились надъ сооруженіемъ этихъ формъ. Онъ разсматривалъ лѣпную работу, ощупывалъ ея детали, рѣшалъ, какое изъ украшеній было трудно или легко въ исполненіи, сколько пошло на него времени, было-ли оно удобнѣе для выполненія невооруженной рукой или при помощи инструмента.

Что на фонѣ ночи казалось стройнымъ и красивымъ, то днемъ оказывалось почти уродливымъ. Ему жаль было этихъ каменныхъ ветерановъ, какъ живыхъ людей. Многіе изъ нихъ были изувѣчены и обезображены въ безплодной борьбѣ съ натискомъ времени, стихій и человѣка.

Однако, засмотрѣвшись на историческіе памятники, Джудъ чуть было не забылъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Онъ пришелъ на работу, чтобы жить этой работой, а утро почти все прошло понапрасну. Впрочемъ, его нѣсколько ободряла мысль, что въ городѣ съ полуразрушенными зданіями всегда найдется дѣло для человѣка его ремесла. Разспросивъ, какъ пройти въ мастерскую одного каменотеса, имя котораго ему сообщили въ Ольфредстонѣ, онъ скоро услыхалъ знакомый стукъ каменотесныхъ инструментовъ.

Этотъ дворъ какъ разъ и оказался какъ-бы центральной мастерской для ремонтныхъ работъ. Здѣсь онъ видѣлъ исправленныя части совершенно схожія съ тѣми, которыя безобразили старинныя зданія своимъ полуразрушеннымъ видомъ.

Джудъ попросилъ вызвать хозяина, а самъ между тѣмъ осматривалъ новыя рѣзныя работы, всевозможные брусья, колонны, зубцы, карнизы, капители, стоявшія на скамьяхъ, сдѣланныя вчернѣ или въ готовомъ видѣ. Работы эти отличались тщательностью отдѣлки, математической точностью линій, изяществомъ формъ; въ этомъ отношеніи онѣ много превосходили старые образцы. Любуясь ими, Джудъ утѣшалъ себя мыслію, что и этотъ скромный ручной трудъ такъ же полезенъ въ своемъ родѣ и также достоинъ уваженія, какъ и трудъ ученыхъ свѣтилъ въ любомъ изъ видѣнныхъ имъ колледжей. Но его прежняя мечта тотчасъ-же заслонила эту мысль. Да, онъ готовъ принять всякую работу, какую могутъ предложить ему по рекомендаціи его прежняго хозяина, но онъ приметъ ее только, какъ временное занятіе.

Однако, на этотъ разъ Джудъ не получилъ здѣсь работы, и выйдя изъ мастерской, опять вспомнилъ о кузинѣ. Какъ страстно хотѣлось ему имѣть ея чудный портретъ! Наконецъ, онъ не выдержалъ и написалъ теткѣ, прося прислать его. Та исполнила его просьбу, но съ оговоркой, чтобы онъ не безпокоилъ своимъ посѣщеніемъ семьи этой дѣвушки. Но нашъ пылкій идеалистъ ничего не обѣщалъ ей, и поставивъ портретъ на каминѣ, цѣловалъ его,—и теперь чувствовалъ себя какъ-то больше дома. Миловидная кузина его смотрѣла на него изъ рамки и ему казалось, что она хозяйничала за его чайнымъ столомъ. Это ощущеніе было пріятно ему, какъ единственное звено, соединявшее его съ треволненіями живого города.

Оставался учитель, теперь ставшій, вѣроятно, почтеннымъ пасторомъ. Но въ настоящую минуту Джуду неудобно было разыскивать такую почтенную особу. Слишкомъ еще плохи были его собственныя дѣла. Поэтому онъ продолжалъ жить въ одиночествѣ. Вращаясь среди людей, онъ, въ сущности, не замѣчалъ никого; дѣловая суета городской жизни не касалась его. Подобно всѣмъ пришельцамъ, онъ засматривался на мѣстную старину съ восторгомъ, почти непонятнымъ для привычныхъ туземцевъ.

Именно теперь, когда онъ былъ весь поглощенъ стремленіемъ къ высшему образованію, онъ понялъ, какъ на самомъ дѣлѣ онъ далекъ былъ отъ своей завѣтной цѣли.

Но унывать нечего. Во всякомъ случаѣ многое у него еще впереди, и лишь-бы только посчастливилось ему найти себѣ выгодную работу, а со всѣмъ остальнымъ онъ уже справится. И онъ благодарилъ Бога за здоровье и силы, и старался ободриться. Надо обтерпѣться. Въ настоящее время предъ нимъ закрыты всѣ академическія ворота. Но, быть можетъ, настанетъ день, когда распахнутся предъ нимъ двери этихъ дворцовъ свѣта и знанія, и тогда онъ посмотритъ на міръ Божій черезъ ихъ свѣтлыя высокія окна.

Наконецъ, Джудъ дождался извѣстія изъ скульптурной мастерской, что его ждетъ работа. Это была его первая поддержка, и онъ тотчасъже принялъ предложеніе.

Нашъ труженикъ былъ молодъ и крѣпокъ, иначе онъ не могъ-бы такъ усердно заниматься своей учебной подготовкой и просиживать надъ ней иногда ночи напролетъ послѣ цѣлаго дня работы въ мастерской. Прежде всего онъ купилъ дешевенькую лампу, запасъ письменныхъ принадлежностей и пополнилъ свои пособія. Наконецъ, къ великому огорченію хозяйки, сдвинулъ съ обычнаго мѣста всю «обстановку» комнаты—единственную кушетку, служившую и для сидѣнія и для сна, протянулъ на бичевкѣ посреди комнаты занавѣску, сдѣлалъ двѣ комнаты изъ одной, повѣсилъ на окно темную штору, чтобы никто не

видалъ, какъ онъ проводитъ ночные часы, разложилъ книги и принялся за работу.

У Джуда не было никакихъ денежныхъ сбереженій и до полученія жалованья онъ принужденъ былъ жить болѣе чѣмъ скромно. Накупивъ нужныхъ книгъ, онъ не могъ даже позволить себѣ истопить печь, и когда по ночамъ въ окна несло сыростью и холодомъ, онъ сидѣлъ у своей лампы въ пальто, въ шляпѣ и даже въ теплыхъ перчаткахъ.

Изъ окна онъ могъ видѣть шпицъ собора и колокольню, съ которой раздавался звонъ большого городского колокола. Сверху онъ могъ видѣть и высокія угловыя башеньки колледжа у моста. Видъ этихъ зданій дѣйствовалъ на него ободряющимъ образомъ, когда вѣра въ будущее тускнѣла.

Время шло, Джудъ волновался, но еще не приступалъ къ главному, не узнавалъ подробностей, касающихся поступленія въ колледжи. Наслушавшись отъ случайныхъ знакомыхъ разныхъ совѣтовъ, онъ, однако, никогда не останавливался на нихъ. Всего нужнѣе, думалъ онъ, запастись сначала деньгами и знаніемъ, и затѣмъ уже рѣшить, что ему слѣдуетъ предпринять, чтобы сдѣлаться питомцемъ университета. Завѣтное желаніе настолько поглощало его, что онъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, насколько оно исполнимо.

Между тѣмъ, онъ получилъ отъ своей престарѣлой тетки сердитое письмо, въ которомъ повторялись настойчивые совѣты всячески избѣгать кузины и ея родственниковъ. Родители Сусанны уѣхали въ Лондонъ, но дѣвушка осталась въ Кристминстерѣ. Желая выставить ее въ еще болѣе непривлекательномъ свѣтѣ, тетка сообщала, что Сусанна рисовальщица иконъ, ужасная лицемѣрка, ханжа и чуть-что не идолопоклонница, такъ-какъ сама старушка считала себя протестанткой.

Но Джуда нисколько не интересовали подобныя свѣдѣнія о Сусаннѣ, и всѣ эти предостереженія только сильнѣе возбуждали его любопытство. И вотъ онъ поставилъ себѣ задачей обнаружить ея мѣстопребываніе. Поэтому, съ особеннымъ чувствомъ затаеннаго удовольствія, онъ прохаживался въ ранніе часы мимо мастерскихъ живописцевъ, и однажды увидалъ въ одной изъ нихъ молодую дѣвушку, сидящую за конторкой, поразительно похожую на данный ему портретъ. Онъ отважился зайти въ мастерскую и, сдѣлавъ незначительную покупку, засмотрѣлся на обстановку. Заведеніе принадлежало, повидимому, исключительно дамамъ. Здѣсь продавались молитвенники, письменныя принадлежности, листки съ благочестивыми изреченіями и разныя другія вещи, напримѣръ, гипсовыя статуэтки ангелочковъ и святыхъ, мраморные крестики и проч. Джудъ сильно смутился при видѣ сидѣвшей за конторкой дѣвушки; она была такая хорошенькая, что онъ радъ былъ предположить въ ней свою родственницу. Но когда она заговорила съ одной изъ стар-

шихъ подругъ, стоявшихъ тутъ-же, онъ уже прямо узналъ въ ея голосѣ что-то родственное съ своимъ, только ея голосъ былъ, разумѣется, нѣжнѣе и пріятнѣе. Онъ оглянулся кругомъ. Передъ нею лежала длинная металлическая дощечка, на которой она выписывала какое-то настѣнное изрѣченіе для церкви.

Джудъ вышелъ. Не трудно было-бы найти предлогъ заговорить съ ней, но на этотъ разъ ему казалось не деликатнымъ по отношенію къ своей теткѣ такъ легкомысленно пренебречь ея настоятельнымъ совѣтомъ.

Поэтому Джудъ не выдалъ себя. Онъ не хотѣлъ пока посѣщать Сусанну, имѣя на это и свои причины. Она казалась такою приличною по сравненію съ нимъ, въ его пыльной рабочей курткѣ, что встрѣча его съ нею, да и съ м-ромъ Филлотсономъ была-бы теперь преждевременной. Къ тому-же было весьма возможно, что и она раздѣляетъ предубѣжденія своей семьи и будетъ презирать его, особенно когда онъ посвятитъ ее въ свою непригляднуюю біографію, отмѣченную неудачнымъ бракомъ съ недостойной дѣвушкой.

Поэтому, до поры до времени, Джудъ только наблюдалъ ее, такъ сказать издали, и ему пріятно было чувствовать ея присутствіе вблизи, и это сознаніе ободряло его. Она попрежнему оставалась для него идеальнымъ характеромъ, о качествахъ котораго въ его головѣ начинали создаваться самыя фантастическія грезы на яву.

Недѣли черезъ три Джудъ вмѣстѣ съ другими рабочими былъ нанятъ сваливать противъ одного изъ колледжей каменныя плиты изъ фуры на мостовую, для пригонки ихъ къ парапету, который ремонтировался.

Однажды, въ ту минуту, какъ Джудъ подымалъ свою грузную ношу, его кузина вдругъ очутилась подлѣ него плечо съ плечомъ, и пріостановилась, чтобы пропустить его. Она прямо смотрѣла ему въ лицо своимъ добрымъ открытымъ взглядомъ, но, вѣроятно, не узнала его.

Близость къ интересовавшей его дѣвушкѣ заставила его вздрогнуть и застѣнчиво отвернуться, словно изъ опасенія быть узнаннымъ, хотя она еще никогда его не видала, да, по всей вѣроятности, и не слыхала даже его имени. Она показалась ему уже не прежней провинціальной дѣвушкой, а вполнѣ приличной барышней.

Сусанна прошла дальше, а Джудъ продолжалъ свою работу, размышляя объ этой встрѣчѣ. Дѣвушка промелькнула такъ быстро, что онъ не успѣлъ на этотъ разъ хорошенько всмотрѣться въ нее. Запомнилъ только, что она не высока ростомъ, изящна, стройна, словомъ элегантна. Вотъ все, что онъ замѣтилъ. Въ ней не было ничего натянутаго, манернаго; напротивъ, она была нервная и живая, какъ ртуть, хотя художникъ, быть можетъ, не назвалъ-бы ее красивой или

интересной. Но тѣмъ болѣе она поразила его. Могъ-ли онъ, простой рабочій, да еще свихнувшійся злосчастный неудачникъ, дерзать на сближеніе съ этимъ изящнымъ, благоуханнымъ цвѣткомъ?

Джудъ видимо увлекался, и его увлеченіе принимало какую-то почти фантастическую окраску; онъ чувствовалъ, что при всемъ уваженіи къ наставленіямъ тетки, онъ скоро не въ состояніи будетъ противиться искушенію познакомиться съ запретной кузиной.

Джудъ старался думать о ней только, какъ о близкой родственницѣ; къ этому его обязывали важныя причины, изъ которыхъ главная состояла въ томъ, что онъ былъ женатъ, и слѣдовательно всякое увлеченіе съ его стороны было-бы неудобно.

Итакъ, у него не должно быть къ Сусаннѣ иныхъ отношеній, кромѣ родственныхъ. Познакомившись съ кузиной, онъ могъ цѣнить въ ней прекрасную дѣвушку, гордиться ею; со временемъ отношенія сами собой могутъ перейти въ болѣе простыя и дружественныя, какъ подобаетъ между своими. Тогда она будетъ для него ангеломъ хранителемъ въ житейскихъ невзгодахъ, вдохновительницей въ трудѣ, нѣжнымъ другомъ...

III.

Въ слѣдующее воскресенье Джудъ отправился къ обѣднѣ въ соборъ, чтобы еще разокъ взглянуть на Сусанну, такъ какъ замѣтилъ что она часто тамъ бываетъ.

Но на этотъ разъ она не пришла, и онъ поджидалъ ее къ вечернѣ, благо и погода стала лучше къ концу дня. Онъ зналъ, что она пройдетъ въ соборъ широкой зеленой лужайкой, гдѣ въ ожиданіи онъ и стоялъ, прислушиваясь къ колокольному звону. И дѣйствительно, за нѣсколько минутъ до начала службы она въ числѣ другихъ появилась на лужайкѣ и вошла въ церковь. Джудъ послѣдовалъ за нею, весьма довольный на этотъ разъ, что еще не познакомился съ ней. Видѣть ее, а самому оставаться невидимымъ и неизвѣстнымъ,—вотъ все, что ему было нужно въ настоящее время.

Служба началась и вскорѣ хоры огласились величественными, умилительными звуками 119 псалма.

Дѣвушка, къ которой онъ начиналъ чувствовать особенную симпатію, была въ эти минуты поглощена тѣми-же дивными звуками, которые доставляли и ему высочайшее религіозное наслажденіе. Она часто посѣщала церковныя службы и, повидимому, была натура глубоко религіозная, что вполнѣ согласовалось съ ея образомъ жизни и родомъ занятій. Въ этомъ отношеніи у нея было много общаго съ Джудомъ. Для впечатлительнаго молодого отшельника сознаніе, что эта дѣвушка такъ близка ему нетолько по родству, но и по складу души, было

большимъ утѣшеніемъ въ будущемъ: она могла оказать живое воздѣйствіе на весь его умственный и соціальный кругозоръ. Джудъ въ продолженіе всей службы находился въ какомъ-то давно не испытанномъ состояніи экстаза.

Незадолго до этого дня, красивая, живая, изящная Сусанна Брайдхэдъ, пользуясь свободнымъ часомъ послѣ обѣда, вышла изъ своей мастерской на прогулку за городъ съ книгой въ рукахъ. День былъ тихій, безоблачный.

Отойдя мили на двѣ отъ городской черты, она постепенно поднялась на отлогую, но довольно высокую гору. Дорога извивалась между зеленыхъ полей, и, поднявшись, Сусанна остановилась отдохнуть и оглянулась на красивыя башни, соборы и зубчатыя стѣны разстилавшагося внизу города.

Невдалекѣ отъ себя, на тропинкѣ, она увидала разнощика, сидѣвшаго на травѣ подлѣ большого лотка съ множествомъ гипсовыхъ и бронзированныхъ статуэтокъ, которыя онъ заботливо устанавливалъ, собираясь продолжать съ ними путь. Фигуры были, разумѣется, плохими копіями извѣстныхъ оригиналовъ и представляли мифическія божества: Венеру, Діану, Апполона, Вакха, Марса, затѣмъ ученыхъ, полководцевъ и пр. Разносчикъ всталъ, поднялъ лотокъ на голову и, крикнувъ «фиг-у-уры!», направился съ предложеніемъ къ незнакомкѣ.

Послѣ нѣкотораго колебанія Сусанна сторговала двѣ болѣе крупныя фигуры, Венеру и Апполона, и, расплатившись, бережно взяла ихъ на руки, точно какое-нибудь сокровище.

Но только что продавецъ удалился, Сусанна смутилась своей ненужной покупкой и стала раздумывать, что ей теперь дѣлать съ этими несчастными фигурами. Онѣ были такія высокія, да еще пачкали свѣжимъ гипсомъ. Дѣлать нечего, Сусаннѣ пришлось дорогой нарвать широкихъ лопуховъ и обернуть въ нихъ свою громоздкую ношу, казавшуюся теперь цѣлой охапкой зелени.

Заглядывая по временамъ подъ листья, чтобы убѣдиться, цѣла-ли рука у Венеры, Сусанна возвращалась съ своей еретической покупкой въ самый клерикальный изъ городовъ, и, пробираясь глухими улицами, вошла въ мастерскую съ чернаго хода. Покупку она пронесла прямо въ свою комнату, и хотѣла сейчасъ-же запереть ее въ комодъ, куда, однако, фигуры не умѣщались; она обернула ихъ поскорѣе въ бумагу и поставила на полъ въ углу.

Хозяйка ея, миссъ Фонтоверъ, была пожилая особа въ очкахъ, носившая что-то вродѣ монашеской мантіи и отличавшаяся клерикальнымъ цѣломудріемъ и нетерпимостью, вѣроятно, по званію содержательницы иконописной мастерской и церковной солистки. Она была дочерью пастора, послѣ смерти котораго осталась въ стѣсненныхъ обстоятель-

ствахъ, и существовала небольшой лавкой церковныхъ принадлежностей, которую и довела до значительныхъ размѣровъ.

Она постучалась теперь къ Сусаннѣ, чтобы позвать ее къ чаю, и долго не получая отвѣта, вошла какъ разъ въ ту минуту, когда та поспѣшно обвязывала завернутыя фигуры.

— Вы кажется что-то купили, миссъ Брайдхэдъ?—спросила она, глядя на завернутыя покупки.

— Такъ, вещицы для украшенія моей комнаты,—нехотя отвѣтила Сусанна.

— Ну что-жъ! Хотя я думала, что довольно сдѣлала по этой части,—сказала миссъ Фонтоверъ, самодовольно оглядываясь на развѣшанныя по стѣнамъ изображенія святыхъ въ плохихъ рамахъ, не годныя для продажи и потому уступленныя для убранства этой мрачной комнаты.—Что это такое? Что-то крупное!—поинтересовалась она, прорвавъ щелку въ бумагѣ и заглядывая въ таинственную покупку.—Кажется двѣ фигуры? Гдѣ вы ихъ добыли?

— Ахъ, просто на прогулкѣ, у одного разносчика съ лотка...

— Изображенія святыхъ?

— Да.

— Какихъ именно?

— Св. Петра и св. Маріи Магдалины.

— Ну хорошо, а пока идите чай пить и потомъ выписывайте вашъ текстъ для ораторіи, если послѣ чаю будетъ еще достаточно свѣтло.

Это маленькое недоразумѣніе только пуще возбудило въ Сусаннѣ желаніе еще разъ развернуть и посмотрѣть запретный плодъ. И вотъ, собираясь ложиться спать и считая себя гарантированной отъ всякой помѣхи, она на свободѣ развернула своихъ боговъ. Поставивъ обѣ фигуры на комодъ, и съ каждой стороны по свѣчкѣ, она улеглась и начала читать книгу, о которой миссъ Фонтоверъ ничего не знала. Это былъ томъ Гиббона, гдѣ она читала о Юліанѣ Отступникѣ. Случайно она взглянула на фигуры, казавшіяся такими странными въ обстановкѣ этой комнаты, и вдругъ вскочила съ постели и, взявъ другую книгу, принялась за знакомую поэму

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ блѣднолицый.

которую она прочла до конца. Затѣмъ она потушила парныя свѣчи, раздѣлась и напослѣдокъ задула свою свѣчку на ночномъ столикѣ. Но долго экзальтированная дѣвушка не могла заснуть.

Между тѣмъ часы на колокольнѣ пробили какой-то поздній часъ. Этотъ бой коснулся слуха юноши, сидѣвшаго надъ книгами въ неособенно далекомъ разстояніи отъ Сусанны. Такъ какъ вечеръ былъ суб-

ботнiй, когда Джуду не было надобности заводить будильникъ на раннiй утреннiй часъ, то онъ продолжалъ заниматься, не стѣсняясь временемъ. Въ эту минуту онъ усердно читалъ греческую библiю, и проходившiе подъ окномъ запоздавшiе обыватели могли слышать съ жаромъ произносимыя странныя слова, имѣвшiя для Джуда неописуемую прелесть и передававшiя божественные глаголы.

IV.

Джудъ былъ искусный малый въ своемъ ремеслѣ, мастеръ на всѣ руки (какъ это всегда бываетъ въ захолустныхъ провинцiальныхъ мѣстечкахъ, тогда какъ въ Лондонѣ мастеръ, вырѣзывающiй черешокъ листка, отказывается отъ выдѣлки той его части, которая исчезаетъ въ этомъ листкѣ, точно какое-то униженiе заключается въ томъ, чтобы сработать вторую половину цѣлаго). Такимъ образомъ Джудъ, когда у него случалась заминка въ лѣпной или рѣзной фасадной работѣ, уходилъ для вырѣзки подписей на монументахъ или могильныхъ плитахъ и искалъ удовольствiя въ перемѣнѣ работы.

Въ слѣдующiй разъ онъ видѣлъ Сусанну, когда исполнялъ стѣнную работу внутри одной изъ церквей. При входѣ пастора для богослуженiя. Джудъ сошелъ съ лѣстницы и присѣлъ вмѣстѣ съ немногими богомольцами до окончанiя службы, прервавшей его постукиванiе. Въ числѣ другихъ здѣсь оказалась и Сусанна, пришедшая въ сопровожденiи старшей миссъ Фонтоверъ.

Замѣтивъ кузину, Джудъ невольно залюбовался ея красивымъ станомъ и грацiозной позой, когда она опускалась на колѣни, думая при этомъ, какою помощницей была бы ему такая скромная и религiозная дѣвушка при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ. Но вотъ кончилась служба, и какъ только богомольцы начали расходиться, Джудъ поспѣшилъ опять приняться за работу. Онъ не рѣшался встрѣтиться въ такомъ мѣстѣ съ дѣвушкой, начинавшей оказывать на него неотразимое влiянiе. Неустранимимыя препятствiя, не позволявшiя ему стремиться къ близкому знакомству съ Сусанной, стояли предъ нимъ съ прежней неумолимостью. Но очевидно было и то, что Джудъ, какъ и всякiй мужчина его темперамента, не могъ жить одной работой: онъ нуждался въ любви. Иной въ его положенiи быть можетъ опрометчиво бросился бы къ ней, воспользовался-бы возможностью легкаго сближенiя, въ которомъ она едва-ли бы отказала, и предоставилъ-бы остальное случаю. Но не такъ поступилъ Джудъ—по крайней мѣрѣ въ началѣ.

Но время шло, а неотвязчивыя мысли о Сусаннѣ не оставляли его въ покоѣ. Эта опасная игра съ огнемъ начинала тяготить его, смущая нравственное чувство, и онъ принужденъ былъ признаться себѣ, что совѣсть его все болѣе и болѣе сдавалась въ этой непосильной борьбѣ.

Несомнѣнно, что она представлялась ему почти идеальной дѣвушкой. Быть можетъ, знакомство съ нею могло-бы вылѣчить его отъ этой неожиданной и рискованной страсти. Но нравственное противорѣчіе заключалось въ томъ, что онъ желалъ познакомиться съ нею вовсе не за тѣмъ, чтобы излечиться.

Какъ то вскорѣ одна молодая дѣвушка зашла на дворъ каменотесовъ и, стараясь не запачкать платья въ известковой пыли, осторожно пробралась прямо въ мастерскую.

— Недуренькая барышня,—замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, дядя Джо.

— Кто она?—спросилъ другой.

— Не знаю,—помнится, я видалъ гдѣ-то. Впрочемъ, постойте, это должно быть дочь того ловкача Брайдхэда, который одинъ смастерилъ всю кровельную работу на церковь св. Луки лѣтъ десять тому назадъ, и перебрался потомъ въ Лондонъ. Не знаю, есть-ли у него теперь какія дѣла—едва-ли густо, а то бы дочь не возвратилась назадъ.

Между тѣмъ вошедшая незнакомка постучалась въ дверь конторы и спросила работаетъ-ли на дворѣ Джудъ Фолэ. Узнавъ, что онъ недавно куда-то отлучился, она выслушала это съ видимой досадой, и тотчасъ же удалилась. Джудъ возвратился вслѣдъ за ея посѣщеніемъ и когда ему описали дѣвушку, онъ конечно сразу узналъ въ ней свою кузину Сусанну.

Послѣ этого шага съ ея стороны Джудъ уже не желалъ болѣе умышленно избѣгать кузины и рѣшился, не откладывая, навѣстить ее въ этотъ же вечеръ. У себя дома онъ нашелъ записку отъ нея—первую съ ихъ встрѣчи. Сусанна была дѣвушка самая простодушная и безъискусственная. Называя его въ запискѣ «милымъ кузеномъ Джудомъ», она сообщала, что только сейчасъ, и то случайно, узнала, о его переселеніи въ Кристминстеръ, и упрекала, что узнала объ этомъ не отъ него. Они могли бы такъ пріятно проводить время вмѣстѣ,—писала кузина,—ибо она почти одинока и у нея не было близкихъ друзей. Но теперь ей вскорѣ предстоитъ, вѣроятно, уѣхать, и слѣдовательно возможность родственнаго сближенія упущена можетъ быть навсегда.

Въ холодный потъ бросило Джуда при извѣстіи, что она уѣзжаетъ. Такой случайности онъ совсѣмъ не ожидалъ, и потому, подъ горячимъ впечатлѣніемъ, тотчасъ же отвѣтилъ ей, что желаетъ говорить съ нею и предлагаетъ черезъ часъ встрѣтиться на прогулкѣ въ условленномъ мѣстѣ.

Отправивъ записку, Джудъ пожалѣлъ, что второпяхъ просилъ ее встрѣтиться на улицѣ, вмѣсто того, чтобы прямо сообщить, что придетъ къ ней. Это былъ у него еще остатокъ деревенскихъ нравовъ—назначать дѣвушкѣ свиданія на улицѣ. Онъ и съ Арабеллой

сходился такимъ же образомъ, но этотъ вызовъ могъ показаться не совсѣмъ почтительнымъ такой приличной дѣвушкѣ, какъ Сусанна. Однако, исправить промахъ было уже нельзя, и въ назначенный часъ онъ отправился къ условленному мѣсту, подъ мерцаніемъ только-что зажженныхъ фонарей.

Широкая улица была тиха и безлюдна, хотя еще было не поздно. Джудъ сейчасъ же увидалъ женскую фигурку на другой сторонѣ улицы, оказавшуюся Сусанной, и они оба сошлись на перекресткѣ одновременно.

— Мнѣ досадно, что я пригласилъ васъ на свиданіе сюда, а не зашелъ къ вамъ,—началъ Джудъ съ застѣнчивостью влюбленнаго.—Но я думалъ сберечь время нашей прогулкой.

— Ахъ, это меня нисколько не смутило,—возразила она со смѣлостью друга.—У меня даже нѣтъ мѣста для пріема. Напротивъ, мнѣ кажется очень забавно начинать знакомство при такихъ условіяхъ, когда я васъ еще совсѣмъ не знаю, не правда-ли?—проговорила она, разсматривая его съ головы до ногъ. — Вы кажется знаете меня больше, нежели я васъ,—прибавила она.

— Да—я видѣлъ васъ иногда.

— И вы, зная кто я, не заговорили со мной! А вотъ теперь я уѣзжаю!

— Да; это непріятно. У меня нѣтъ здѣсь ни одной знакомой души. Впрочемъ, у меня долженъ быть здѣсь одинъ знакомый, но мнѣ не очень-то хочется идти теперь къ нему. Я хотѣлъ бы знать, извѣстно-ли вамъ что-нибудь о м-рѣ Филлотсонѣ? Мнѣ кажется, онъ гдѣ-нибудь въ провинціи пасторомъ.

— Нѣтъ, я знаю одного м-ра Филлотсона. Онъ здѣсь недалеко за городомъ, въ Лемздонѣ, и занимаетъ должность учителя въ сельской школѣ.

— Ахъ, едва-ли это тотъ! Возможное-ли дѣло: до сихъ поръ только учителемъ! А не знаете, какъ зовутъ его—не Ричардъ-ли?

— Да—Ричардъ; я адресовала какъ-то книги ему, хотя лично его не знаю.

— Значитъ, его мечта не удалась!

При этой догадкѣ Джудъ невольно смутился, потому что гдѣ же ему надѣяться на успѣхъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ ученый Филлотсонъ могъ потерпѣть неудачу! Джудъ былъ-бы огорченъ еще больше, еслибъ услыхалъ это извѣстіе не отъ своей милой Сусанны; но даже въ эту минуту онъ предчувствовалъ, какъ неудача Филлотсона съ университетомъ будетъ угнетать его, когда онъ останется одинъ послѣ отъѣзда кузины.

— Такъ какъ мы идемъ на прогулку, то не зайти-ли намъ къ нему?—неожиданно спросилъ Джудъ.—Еще не поздно.

Сусанна согласилась и они пошли горою по красивой лѣсной мѣстности. Скоро показалась церковь съ угловыми башенками, а за нею и школа. Они спросили у одного изъ сосѣдей, застанутъ ли дома м-ра Филлотсона, и услыхали, что онъ всегда дома. На стукъ въ дверь учитель вышелъ со свѣчей въ рукѣ; онъ смотрѣлъ такимъ худымъ и постарѣвшимъ послѣ того, какъ Джудъ видѣлъ его въ послѣдній разъ.

Болѣе чѣмъ скромное положеніе, въ которомъ оказался м-ръ Филлотсонъ послѣ столькихъ лѣтъ, разомъ уничтожало блестящій ореолъ, окружавшій, въ воображеніи Джуда, личность этого педагога съ момента ихъ разлуки. Но въ то-же самое время онъ почувствовалъ и симпатію къ Филлотсону, какъ къ человѣку, очевидно много испытавшему и разочарованному. Джудъ назвалъ ему себя, сказавъ, что явился повидать его, какъ стараго знакомаго, бывшаго очень привѣтливымъ къ нему въ дни его юности.

— Извините, я васъ не помню,—отвѣтилъ, подумавъ, учитель.— Вы говорите, что были изъ моихъ учениковъ? Очень можетъ быть; но ихъ столько набралось у меня за это долгое время, да и сами они такъ измѣнились, что я помню только самыхъ послѣднихъ.

— Это было еще въ Меригринѣ,—объяснилъ Джудъ, желая въ то-же время провалиться сквозь землю отъ смущенія.

— Да; я былъ тамъ короткое время. А это тоже бывшая ученица?

— Нѣтъ—это моя кузина... Если припомните, я писалъ вамъ о высылкѣ мнѣ учебниковъ, и вы мнѣ ихъ прислали?

— Ахъ, да!—что-то припоминаю смутно.

— Исполненіе моей просьбы было большой любезностью съ вашей стороны. Точно также вы первый поставили меня на настоящую дорогу. Въ то утро, когда вы покидали Меригринъ и вещи ваши были уложены въ телѣжку, вы, прощаясь со мною, сказали, что намѣреваетесь поступить въ университетъ и быть посвященнымъ въ духовный санъ, что университетскій дипломъ—необходимый ярлыкъ для человѣка, желающаго сдѣлаться богословомъ или преподавателемъ.

— Да, я тогда мечталъ объ этомъ, и жалѣю, что самъ не исполнилъ даннаго вамъ совѣта. Я отказался отъ этого намѣренія уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— А я никогда не забывалъ вашего совѣта. Онъ и привелъ меня въ этотъ городъ, а изъ города сюда, чтобы побесѣдовать съ вами.

— Но что-же мы стоимъ; войдите,—пригласилъ Филлотсонъ;—и вашу кузину прошу также.

Они вошли въ пріемную школы, освѣщенную лампой съ бумажнымъ обажуромъ, бросавшей тусклый свѣтъ на лежавшія на столѣ книги. Филлотсонъ снялъ абажуръ, чтобы можно было лучше видѣть другъ друга, и теперь болѣе яркій свѣтъ падалъ на нервное, миніатюрное

личико Сусанны съ живыми карими глазами, на серьезныя черты Джуда, и болѣе зрѣлое и выразительное лицо и фигуру самого учителя, скромнаго и сосредоточеннаго человѣка, лѣтъ сорока пяти, въ черномъ сюртукѣ, который отъ времени замѣтно повытерся на спинѣ и локтяхъ.

Старое знакомство незамѣтно возобновилось и скоро завязался общій разговоръ. Филлотсонъ, между прочимъ, высказалъ, что доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, хотя и нуждается въ помощникѣ

Ужинать они не остались, такъ какъ Сусаннѣ нельзя было возвращаться домой поздно, и гости пустились въ обратный путь въ Кристминстеръ. Хотя разговоръ здѣсь шелъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ, но Джудъ былъ въ восхищеніи отъ разсужденій своей симпатичной кузины. Она была такая живая, что и рѣчи, и движенія ея— все, казалось, имѣло у нея источникомъ чувство. Вслѣдствіе умственнаго возбужденія, ее охватившаго, она шла такъ быстро, что Джудъ едва могъ поспѣвать за нею. Въ эту первую прогулку онъ не безъ тревоги замѣтилъ, что чувство кузины къ нему выражалось только въ простыхъ дружескихъ отношеніяхъ, тогда какъ онъ уже любилъ ее. На обратномъ пути его грызла мысль объ ея предстоящемъ отъѣздѣ.

— Почему вы собственно задумали уѣхать изъ Кристминстера?— рѣшился онъ наконецъ спросить ее, невольно выдавая свой интересъ къ ней.—Какъ могли вы не привязаться къ городу, такому интеллигентному и съ такимъ богатымъ историческимъ прошлымъ?

— Такъ изъ-за этого оставаться! Мнѣ никогда и въ голову не приходила подобная идея!—возразила Сусанна улыбаясь.—Нѣтъ, я должна исчезнуть,—продолжала она.—Одна изъ хозяекъ, у которыхъ я служу, миссъ Фонтоверъ, изволила обидѣться на меня, а я на нее; поэтому мнѣ всего лучше уѣхать.

— Чѣмъ-же собственно она васъ обидѣла!

— Да тѣмъ, что разбила мои статуэтки.

— Вотъ какъ!.. и умышленно?

— Да. Она нашла ихъ въ моей комнатѣ, и не обращая вниманія на то, что вещи эти мои собственныя, она швырнула ихъ на полъ и разбила со злостью въ мелкія дребезги, потому, видите-ли, что онѣ оказались не въ ея вкусѣ,—словомъ, произвела цѣлый скандалъ!

— Что-же это? Значитъ, статуэтки показались ей неприличными, что-ли?

— Ужъ не знаю... Я возмутилась ея дикой выходкой и, въ концѣ концовъ, рѣшила не оставаться у нихъ и подыскать себѣ должность, болѣе независимую.

— А почему вы не попробуете опять приняться за учительство? Я слышалъ, вы когда-то занимались этимъ дѣломъ.

— Я не думала больше возвращаться къ этой профессіи, такъ-какъ готовилась въ рисовальщицы.

— Разрѣшите мнѣ просить м-ра Филлотсона чтобы онъ позволилъ вамъ заниматься въ его школѣ? Если, согласившись на это, вы поступите въ художественную школу и сдѣлаетесь перюклассной дипломированной учительницей, то будете получать тройной окладъ противъ всякаго обыкновеннаго учителя рисованія и вдвое больше свободы.

— Пожалуй, спросите его. Ну, теперь я дома; прощайте милый Джудъ! Я такъ рада, что мы наконецъ познакомились. Намъ незачѣмъ ссориться изъ-за того, что ссорились наши родители, неправда-ли?

Джуду не хотѣлось сразу выказать ей, какъ ему любо было слышать эти слова, и, молча распростившись, онъ пошелъ своей дорогой домой, въ одну изъ отдаленныхъ улицъ города.

Устроить Сусанну въ одномъ съ собою городѣ было теперь его неотступнымъ желаніемъ, и на слѣдующій-же день онъ опять отправился въ Лемздонъ, не рѣшаясь повести это дѣло путемъ письменныхъ переговоровъ. Но предложеніе Джуда застало Филлотсона врасплохъ.

— Мнѣ вѣдь собственно нужна рисовальщица другого типа,—отвѣтилъ онъ на разспросы Джуда.—Конечно, ваша кузина по подготовкѣ способна на это дѣло; но, мнѣ кажется, ей недостаетъ опытности, не правда-ли? Развѣ она въ самомъ дѣлѣ думаетъ сдѣлаться преподавательницею рисованія?

Джудъ на собственный страхъ разсыпался въ увѣреніяхъ, что Сусанна будетъ идеальной сотрудницей м-ру Филлотсону, и въ концѣ концовъ такъ подѣйствовалъ на учителя, что тотъ согласился пригласить Сусанну и обѣщалъ Джуду, что, если его кузина дѣйствительно желаетъ поступить на эту должность и смотритъ на нее, какъ на подготовительную ступень къ дальнѣйшему усовершенствованію въ нормальной школѣ, то все время онъ будетъ въ ея распоряженіи, при чемъ и жалованье сохраняется за нею.

На другой день послѣ этого посѣщенія Филлотсонъ получилъ отъ Джуда записку, извѣщавшую, что онъ переговорилъ объ всемъ съ кузиной, все съ большимъ и большимъ сочувствіемъ склоняющейся къ педагогической дѣятельности, и что она сама явится къ нему для окончательныхъ переговоровъ. Въ эту минуту добродушному педагогу-отшельнику и въ голову не пришло, что усердіе Джуда въ устройствѣ этого дѣла вызвано какими-либо другими чувствами по отношенію къ кузинѣ, кромѣ желанія жить въ одномъ городѣ, мотива столь естественнаго между членами одной семьи.

V.

М-ръ Филлотсонъ сидѣлъ въ своей скромной квартиркѣ во флигелѣ, примыкавшемъ къ школѣ; онъ смотрѣлъ черезъ дорогу на ветхій домикъ, въ которомъ помѣщалась его помощница, Сусанна Брайдхэдъ. Договоръ состоялся между ними весьма быстро. Учитель приготовительнаго отдѣленія, переведенный было въ школу м-ра Филлотсона, измѣнилъ ему,—и взамѣнъ его была принята Сусанна. Впрочемъ, подобныя замѣщенія имѣли силу только до ближайшей годичной ревизіи правительственнаго инспектора, утвержденіе котораго было необходимо для оставленія въ должности временныхъ замѣстителей. Но Сусанна уже около двухъ лѣтъ занималась преподаваніемъ въ Лондонѣ, и слѣдовательно не была новичкомъ въ педагогіи, почему Филлотсонъ полагалъ, что не трудно будетъ упрочить ея услуги, чего и самъ усердно желалъ. Онъ нашелъ Сусанну вполнѣ дѣльной сотрудницей, и лестные отзывы о ней Джуда вполнѣ заслуженными; а какой-же руководитель школы не пожелаетъ удержать помощницу, избавляющую его отъ цѣлой половины его работы?

Итакъ, утромъ, предъ началомъ уроковъ, Филлотсонъ поджидалъ минуту, когда Сусанна пройдетъ въ школу, чтобы и самому послѣдовать за нею. Вскорѣ она показалась въ своей свѣтлой шляпкѣ, и онъ невольно заглядѣлся на интересную дѣвушку. Какое-то новое для него обаяніе озаряло въ это утро все ея существо. Сусанна много работала надъ собою подъ руководствомъ м-ра Филлотсона. Въ обязанности его, между прочимъ, входило давать ей приватные уроки по вечерамъ, причемъ обычай требовалъ, чтобы при этихъ урокахъ присутствовала какая-нибудь почтенная дама. Хотя нашъ педагогъ и считалъ нелѣпымъ такое правило въ данномъ случаѣ, когда по своимъ годамъ онъ годился этой дѣвушкѣ въ отцы, однако добросовѣстно покорился необходимости, и занимался съ нею въ комнатѣ, гдѣ одна пожилая вдовушка, въ домѣ которой помѣщалась Сусанна, сидѣла въ это время за работой. Впрочемъ, отъ соблюденія этого правила трудно было и уклониться, такъ-какъ другой пріемной комнаты въ этой квартирѣ не имѣлось.

Иногда онъ рѣшалъ съ нею и повторялъ задачи по ариѳметикѣ, причемъ ученица по временамъ невольно взглядывала на своего наставника съ чуть замѣтной вопросительной улыбкой, точно думала, что, въ качествѣ руководителя, онъ долженъ замѣчать все, происходящее въ ея головѣ. Но на самомъ дѣлѣ Филлотсонъ думалъ вовсе не объ ариѳметикѣ, а о ней и при томъ съ совершенно особеннымъ чувствомъ, что ему казалось довольно страннымъ въ положеніи маститаго педагога. Быть можетъ, Сусанна и догадывалась о такихъ его постороннихъ помыслахъ.

Вечернія занятія продолжались уже нѣсколько недѣль, съ неизмѣннымъ однообразіемъ, но это нисколько не тяготило Филлотсона. Вскорѣ какъ-то онъ задумалъ взять дѣтей въ Кристминстеръ, посмотрѣть на пріѣзжую выставку съ моделью Іерусалима. Ученики шли въ городъ парами, Сусанна подлѣ своего класса, съ перкалевымъ зонтикомъ въ рукахъ, причемъ ея маленькая ножка принаравливалась къ дѣтскому шагу, а Филлотсонъ задумчиво шелъ сзади въ плащѣ съ развѣвающимся капюшономъ, небрежно опираясь на трость. День былъ жаркій и пыльный, и когда они вошли въ залу выставки, кромѣ нихъ почти не было посѣтителей.

Модель святого города помѣщалась посреди залы и хозяинъ, вооружившись указательной палочкой, обходилъ ее, съ замѣтнымъ одушевленіемъ показывая и объясняя дѣтямъ историческія мѣста, знакомыя имъ изъ библейскихъ чтеній: Іосафатову долину, Сіонъ, стѣны и врата, окруженныя большимъ валомъ на подобіе кургана, съ небольшимъ бѣлымъ крестомъ.—Мѣсто это,—сказалъ онъ,—Голгофа.

— Я думаю,—сказала Сусанна учителю, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него,—что эта модель, при всей тщательности исполненія, произведеніе весьма фантастическое. Можетъ-ли кто-нибудь точно знать, какимъ былъ Іерусалимъ во времена Спасителя? Я увѣрена, что этотъ шарлатанъ самъ ровно ничего не понимаетъ въ этомъ.

— Надо полагать, что модель сдѣлана по лучшимъ историческимъ источникамъ, провѣреннымъ современными изслѣдованіями, — пробовалъ возразить Филлотсонъ.

Сусанна замолчала, потому что уступала легко: между тѣмъ позади группы дѣтей, обступившихъ модель, она замѣтила молодого человѣка въ бѣлой фланелевой курткѣ, который такъ низко нагнулся, заглядѣвшись на Іосафатову долину, что былъ почти скрытъ изъ виду Масличной горою.

— Посмотрите лучше на вашего кузена, — продолжалъ Филлотсонъ.—Онъ, вѣроятно, другого мнѣнія о значеніи этой модели.

— Ахъ, я и не узнала его!—воскликнула Сусанна своимъ живымъ веселымъ голоскомъ.—Однако, какъ вы заинтересовались, Джудъ!

Джудъ очнулся и тутъ впервые увидалъ ее.

— Сусанна, милая!—отозвался онъ, обрадовавшись и вспыхнувъ отъ смущенія.—Такъ вотъ ваши дѣтки! Я слышалъ, что школы будутъ допускаться послѣ уроковъ, и ожидалъ, что вы вѣроятно придете сюда съ ученицами; но меня такъ заняла модель, что я совсѣмъ забылся. Подобная вещь переноситъ зрителя совсѣмъ въ иной міръ, не правда-ли? Я въ состояніи разсматривать ее цѣлыми часами, но, къ сожалѣнію, могъ забѣжать только на минутку, такъ какъ занятъ работою здѣсь поблизости.

— Ваша кузина оказывается такой развитой особой, что критикуетъ эту модель безпощадно,—вставилъ Филлотсонъ съ легкой ироніей.—Она очень мало вѣритъ въ ея точность!

— Нѣтъ, м-ръ Филлотсонъ, вы ошибаетесь, я не такая, я вовсе не желаю, чтобъ меня принимали за такъ называемую «развитую барышню»—ихъ и безъ меня развелось теперь такъ много, — возразила Сусанна съ удареніемъ.—Я хотѣла сказать... не знаю, что я хотѣла сказать, кромѣ того, что вы этого не понимаете!

— Я знаю ваше мнѣніе,—сказалъ Джудъ съ жаромъ (хотя онъ вовсе не зналъ его),—и полагаю, что вы совершенно правы.

— За это хвалю васъ, Джудъ, я знаю, вы вѣрите въ меня! — Она крѣпко пожала ему руку, бросивъ укоризненный взглядъ на Филлотсона, причемъ въ голосѣ ея слышалась раздраженная нотка, вовсе не соотвѣтствовавшая задѣвшей ее безобидной ироніи. Она не сознавала въ ту минуту, какъ оба сердца, и молодое, и старое, стремились къ ней при этой внезапной вспышкѣ чувства, и какія осложненія создавала она въ будущемъ для обоихъ своихъ поклонниковъ.

Дѣти давно уже утомились пространными объясненіями модели, и вскорѣ маршировали обратно въ Лемздонъ, а Джудъ возвращался къ своему дѣлу. Онъ любовался на ребятишекъ въ ихъ чистыхъ платьицахъ съ передничками, шедшихъ стройными парами въ сопровожденіи Филлотсона и Сусанны, и ему досадно было, что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ жизни этихъ двухъ людей. Прощаясь, Филлотсонъ пригласилъ его навѣстить ихъ вечеркомъ въ пятницу, когда у него не будетъ занятій съ Сусанной, и Джудъ охотно обѣщалъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ.

Между тѣмъ, правительственный инспекторъ производилъ въ это время «внезапныя» ревизіи въ районѣ Лемздона, и два дня спустя, послѣ школьной прогулки на выставку, во время утреннихъ уроковъ, въ классъ Филлотсона незамѣтно вошелъ ревизоръ,—гроза начальныхъ учителей.

Для м-ра Филлотсона этотъ сюрпризъ не имѣлъ большого значенія; онъ уже столько разъ благополучно встрѣчалъ и провожалъ такія «внезапныя» посѣщенія. Но классъ Сусанны помѣщался въ самомъ концѣ залы, и во время урока она стояла спиной къ входной двери; поэтому, прежде чѣмъ она догадалась о присутствіи оффиціальнаго посѣтителя, онъ, остановившись позади учительницы, уже прислушивался къ ея преподованію. Сусанна случайно обернулась и тутъ только поняла, что давно пугавшій ее моментъ наступилъ. Она до того растерялась, что вскрикнула. Въ невольномъ испугѣ Филлотсонъ очутился подлѣ, какъ разъ во-время, чтобы поддержать ее. Впрочемъ, она вскорѣ овладѣла собою и улыбнулась; но послѣ ухода инспектора произошла реакція, и

Сусанна почувствовала такую слабость, что Филлотсонъ увелъ ее въ свою комнату, гдѣ далъ ей подкрѣпиться глоткомъ вина. Очнувшись, она увидала, что онъ нѣжно держитъ ея руку.

— Вамъ слѣдовало предупредить меня,—простонала она съ упрекомъ,—что такой пріѣздъ неизбѣженъ! Что я буду теперь дѣлать! Инспекторъ вѣроятно наговоритъ обо мнѣ начальству ужасныхъ вещей, и я навсегда останусь въ опалѣ!

— Онъ этого не сдѣлаетъ, милая барышня. Вы лучшая учительница, какую я только знаю,—говорилъ Филлотсонъ съ особеннымъ участіемъ, которымъ она была глубоко тронута; она жалѣла теперь, что такъ необдуманно упрекнула его. Оправившись, Сусанна ушла къ себѣ.

Джудъ, между тѣмъ, нетерпѣливо поджидалъ пятницы. Предстоящее свиданье такъ сильно волновало его, что вечерами онъ все прохаживался по дорогѣ въ Лемздонъ, а по возвращеніи домой оказывался совершенно неспособнымъ сосредоточить мысли на занятіяхъ.

Наконецъ, насталъ желанный день, и Джудъ, окончивъ работу и мечтая, какъ Сусанна будетъ рада видѣть его, наскоро напился чаю и пошелъ къ ней, не обращая вниманія на ненастный вечеръ. Вѣтвистыя деревья, по сторонамъ дороги, еще болѣе усиливали таинственный мракъ, и уныло кропили его каплями стекавшаго съ нихъ дождя, производя впечатлѣніе какихъ-то уродливыхъ привидѣній.

При входѣ въ мѣстечко, Джуду прежде всего бросились въ глаза двѣ фигуры, вышедшіе подъ однимъ дождевымъ зонтикомъ изъ дома мѣстнаго пастора. Джудъ былъ еще далеко позади, и не могъ быть замѣченъ ими, но онъ догадался сразу, что это Сусанна и Филлотсонъ, державшій зонтъ надъ ея головою. Они заходили къ пастору, вѣроятно, по какимъ-нибудь дѣламъ, касающимся школы. Парочка шла по безлюдной аллеѣ, и Джудъ видѣлъ, какъ Филлотсонъ обнялъ свою спутницу, при чемъ она деликатно отклонила его руку; но онъ снова обнялъ ее, и она уже ему не помѣшала, только быстро оглянулась, съ оттѣнкомъ какого-то предчувствія. Но она не замѣтила Джуда, который мгновенно спрятался за дерево, оставаясь въ этой засадѣ, пока Сусанна не вошла къ себѣ, а Филлотсонъ въ школу.

«Да вѣдь онъ-же старъ для нея—такая нелѣпость невозможна», успокаивалъ себя Джудъ, какъ-бы отвѣчая на душившія его ревнивыя мысли.

Но всякое вмѣшательство въ ихъ отношенія было-бы глупо. Онъ былъ человѣкъ безъ будущаго, онъ былъ связанъ Арабеллой. Однако идти дальше онъ не могъ и повернулъ обратно въ Кристминстеръ. Внутренній голосъ твердилъ ему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ стоять на дорогѣ Филлотсона и Сусанны. Положимъ, учитель былъ лѣтъ на двадцать старше ея, но много счастливыхъ браковъ встрѣчается

и при такой значительной разницѣ возрастовъ. Впрочемъ, грусть нашего идеалиста продолжалась недолго, такъ какъ онъ хорошо сознавалъ, что сближеніе между его кузиной и учителемъ было всецѣло устроено имъ самимъ, и досадовать было не на кого.

VI.

Старая и ворчливая тетка Джуда лежала больная въ Меригринѣ и въ ближайшее воскресенье, послѣ описаннаго эпизода, онъ пришелъ навѣстить ее. Это посѣщеніе явилось результатомъ неожиданной побѣды, одержанной имъ надъ своимъ влеченіемъ свернуть въ Лемздонъ, гдѣ его ожидало-бы тягостное свиданіе съ кузиной, безъ права высказать ей накипѣвшія въ его сердцѣ слова по поводу терзавшей его послѣдней встрѣчи въ аллеѣ...

Больная старушка уже не разставалась теперь съ постелью, и все свободное время Джуда было занято хлопотами по устройству ея дѣлъ и доставленію ей необходимаго спокойствія. Булочная была продана, и благодаря вырученной суммѣ и прежнимъ сбереженіямъ, старушка не только ни въ чемъ не терпѣла недостатка, но даже пользовалась заботливымъ уходомъ одной сосѣдки, переселившейся къ ней на это время и исполнявшей всѣ ея желанія. Собираясь въ обратный путь, Джудъ завелъ съ теткой мирный разговоръ, незамѣтно перешедшій на разспросы о кузинѣ.

— Скажите, тетушка, здѣсь родилась Сусанна?

— Да, здѣсь; даже вотъ въ этой самой комнатѣ. Родители ея жили тогда въ нашемъ мѣстечкѣ. Что тебѣ вздумалось спросить объ этомъ?

— Такъ, мнѣ хотѣлось знать...

— Значитъ, ты видѣлся съ ней?—подозрительно спросила строгая старушка.—А я тебѣ что внушала? Ну, и ты разговаривалъ съ нею?

— Да, тетушка.

— Совѣтую оставить всѣ эти нѣжности. Она воспитана отцомъ въ ненависти къ роднымъ ея матери, и съ непріязнью будетъ смотрѣть на трудового парня, какъ ты. Вѣдь она теперь городская барышня и намъ не ровня. Я никогда не обращала на нее особаго вниманія. Она такъ и осталась въ моей памяти маленькой своевольной дѣвченкой съ капризными нервами. Частенько-таки ей доставалось отъ меня за дерзости. Помню, разъ какъ-то, озорница, разувшись и поднявъ юбочку, забралась по колѣна въ прудъ, и прежде чѣмъ я успѣла пристыдить ее, кричитъ мнѣ: —Отстаньте, тетушка. Такимъ скромницамъ, какъ вы, здѣсь не на что смотрѣть!

— Она была тогда маленькой, конечно?

— Ей было двѣнадцать лѣтъ, день въ день.

— Ну, хорошо, можетъ быть. Но теперь она взрослая дѣвушка, очень дѣльная, живого симпатичнаго характера, и добра, какъ...

— Послушай, Джудъ,—воскликнула тетка, вскочивъ съ постели.— Ужъ ты не влюбленъ-ли въ нее?

— Нѣтъ, тетушка, право-же, нѣтъ.

— Твоя женитьба на Арабеллѣ была такимъ несчастіемъ, какое только можетъ человѣкъ придумать себѣ въ наказаніе за глупость. Но она отправилась на другой конецъ свѣта и больше ужъ никогда тебя не потревожитъ. Дѣло, однако, будетъ еще хуже, если ты, уже и безъ того связанный бракомъ, увлечешься Сусанной. Если кузина любезна съ тобой, то и принимай эту любезность за то, чего она стоитъ. Но заходить дальше родственнаго расположенія было-бы съ твоей стороны большимъ безуміемъ. Какъ легкомысленная горожанка, она доведетъ тебя до погибели.

— Не говорите ничего дурного про нее, тетушка, умоляю васъ; мнѣ это непріятно!

Джудъ почувствовалъ облегченіе съ приходомъ ухаживавшей за теткою сосѣдки, вѣроятно, подслушивавшей ихъ разговоръ, такъ-какъ она тоже пустилась въ свои воспоминанія о Сусаннѣ. По ея словамъ, Сусанна еще ученицей въ сельской школѣ отличалась уже разными странностями, напримѣръ, на народныхъ чтеніяхъ выступала на эстраду она, самая маленькая изъ всѣхъ ученицъ, въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ съ розовымъ кушачкомъ, и декламировала стихотворенія, причемъ насупитъ бывало маленькія бровки и, бросая кругомъ грозные взгляды, съ жаромъ произноситъ что-то въ пространство, какъ будто передъ ней и въ самомъ дѣлѣ стоитъ кто-то невидимый для другихъ.

— Нельзя сказать,—продолжала она,—что дѣвочка была такой-же повѣсой, какъ бываютъ мальчишки; но она продѣлывала такія шалости, на какія обыкновенно только тѣ и бываютъ способны. Я видѣла, какъ она бѣгала и скользила по нашему пруду, съ развѣвавшимися по плечамъ мелкими кудряшками, вмѣстѣ съ цѣлой толпой ребятишекъ, и при этомъ просто не знала устали. Кромѣ нея тутъ были все только мальчишки, которые бывало примутся апплодировать ей, кричать «ура» и всячески выражать восторги, на что она только скажетъ: «Перестаньте, мальчишки», и вдругъ упорхнетъ домой. Тѣ стараются снова ее выманить, но рѣзвушка уже не поддается.

Эти разсказы про маленькую Сусанну заставили Джуда еще сильнѣе сокрушаться, что онъ не можетъ на ней жениться, и онъ вышелъ въ этотъ день изъ домика тетки съ тяжелымъ сердцемъ. Ему хотѣлось-бы завернуть въ школу, посмотрѣть ту залу, въ которой такъ прославилась маленькая Сусанна, но онъ сдержалъ свое желаніе и пошелъ въ обратный путь.

Чѣмъ болѣе вдумывался Джудъ въ свою настоящую судьбу, тѣмъ болѣе убѣждался, что ему надо глядѣть на вещи проще. Что было толку, напримѣръ, отдавать весь свой досугъ научнымъ занятіямъ, вмѣсто того, чтобы глубже окунуться въ самую жизнь?

«Мнѣ слѣдовало объ этомъ раньше подумать», упрекалъ онъ себя на возвратномъ пути. «Лучше было вовсе не браться за исполненіе этого сложнаго плана, нежели трудиться надъ нимъ, не видя ясно, куда идешь, чего домогаешься... Это блужданіе вокругъ колледжей—словно въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь рука протянется оттуда, чтобы втащить меня—ни къ чему не ведетъ. Мнѣ необходимо заручиться указаніями людей вполнѣ компетентныхъ, чтобы чего-нибудь добиться...»

Остановившись на этомъ рѣшеніи, Джудъ искалъ теперь встрѣчи съ подходящими людьми. Удобный случай вскорѣ представился. Какъ-то на послѣ-обѣденной прогулкѣ онъ встрѣтилъ въ паркѣ пожилого господина, о которомъ случайно узналъ, что онъ состоитъ начальникомъ частнаго колледжа. Лицо у него было доброе, довольно симпатичное, но господинъ этотъ почему-то показался Джуду не общительнымъ и онъ не рѣшился заговорить съ такой важной особой. Но за то встрѣча навела его на мысль объяснить свои затрудненія въ письмахъ къ нѣкоторымъ изъ лучшихъ и наиболѣе доступныхъ ученыхъ педагоговъ и просить ихъ авторитетнаго совѣта.

Когда послѣ долгихъ колебаній, письма къ нимъ были наконецъ отправлены, Джудъ впалъ въ сомнѣнія. «Я позволилъ себѣ»,—размышлялъ онъ, «одинъ изъ тѣхъ навязчивыхъ, вульгарныхъ пріемовъ, къ которымъ и безъ меня такъ часто прибѣгаютъ въ наше время. И какъ это я рѣшился безпокоить своими письмами людей, совершенно меня не знающихъ? Можетъ быть,—я какой-нибудь обманщикъ, праздный шелопай, негодяй... Они могутъ подумать обо мнѣ что угодно!»

Тѣмъ не менѣе Джудъ не терялъ слабой надежды на какой-нибудь отвѣтъ, какъ на послѣдній якорь спасенія. Онъ ждалъ его со дня на день, терзался, увѣрялъ себя, что ждать глупо, и все таки ждалъ. Въ эпоху этихъ ожиданій онъ вдругъ былъ пораженъ совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ о Филлотсонѣ. Почтенный педагогъ оставлялъ свою школу, мѣняя ее на болѣе значительную въ другой мѣстности. Что это значитъ?—размышлялъ онъ: какъ отзовется эта перемѣна на его кузинѣ; скорѣе всего со стороны учителя это былъ обдуманный шагъ на пути къ высшему окладу, въ виду предстоящихъ заботъ о содержаніи двухъ лицъ вмѣсто одного? Джудъ не могъ разобраться въ разныхъ предположеніяхъ. Установившіяся въ послѣднее время нѣжныя отношенія между Филлотсономъ и Сусанной, въ которую Джудъ былъ такъ страстно влюбленъ, положительно мѣшали злополучному сопернику обратиться къ Филлотсону за совѣтомъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Между тѣмъ ученыя лица, къ которомъ обращался Джудъ, не удостоили его отвѣтомъ, и молодой человѣкъ былъ, по прежнему, предоставленъ самому себѣ, съ прибавкой унынія отъ несбывшихся надеждъ.

Кромѣ трудности пріобрѣсти надлежащую учебную подготовку, было еще и другое затрудненіе: невозможность оплачивать въ заведеніи право слушанія курсовъ. Взвѣсивъ хорошенько это обстоятельство, Джудъ къ немалому разочарованію своему убѣдился, что, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ему придется собирать необходимую для этого сумму цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Затѣя оказывалась безнадежной.

Джудъ помнилъ, какъ сразу очаровалъ его этотъ городъ. Придти сюда и жить здѣсь; вращаться среди древнихъ церквей и замковъ и дышать обаяніемъ чудной старины—все это, съ перваго взгляда на городъ, предоставлялось его пылкой головѣ разумнымъ и идеально прекраснымъ дѣломъ. Между тѣмъ теперь становилось очевиднымъ, что для него во всѣхъ отношеніяхъ было-бы лучше, еслибъ онъ, не увлекаясь никакими несбыточными стремленіями, отправился-бы, вмѣсто Кристминстера, прямо въ какой-нибудь коммерческій городъ съ единственной цѣлью нажить тамъ побольше денегъ и потомъ уже приступилъ-бы къ осуществленію своего намѣренія. Но какъ-бы то ни было, теперь ему ясно одно, что весь планъ его лопнулъ, подобно мыльному пузырю, отъ малѣйшаго прикосновенія разумной критики.

По счастію, ему не пришлось отравить своимъ разочарованіемъ жизнь дорогой Сусанны, впутавъ и ее въ свое крушеніе. Грустное пробужденіе его къ сознанію ограниченности своихъ силъ не коснется ея интересовъ. Она въ сущности знала только малую часть этой несчастной борьбы, на которую Джудъ отважился такимъ не подготовленнымъ, бѣднымъ и неопытнымъ юношей. Онъ понималъ теперь, что его настоящее мѣсто не въ этихъ гордыхъ зданіяхъ, манившихъ его издалека, а между ремесленниками и мастерами, на бѣдныхъ окраинахъ города, гдѣ онъ ютился,—никѣмъ не признаваемый и никому не нужный пришлецъ и пролетарій.

Подъ гнетомъ такихъ грустныхъ думъ Джудъ вышелъ побродить по улицамъ и зашелъ въ попавшуюся на глаза таверну. Здѣсь онъ выпилъ залпомъ нѣсколько кружекъ пива. Когда онъ покинулъ таверну, была уже ночь. Вернувшись домой, Джудъ нашелъ письмо на столѣ. Взглянувъ на конвертъ, онъ замѣтилъ штемпель одного изъ тѣхъ колледжей, къ ректору котораго онъ писалъ.

— Слава Богу, хоть одинъ отвѣтъ, наконецъ!—торжествуя, воскликнулъ Джудъ.

Но извѣщеніе было коротко и не соотвѣтствовало его ожиданіямъ, хотя и дѣйствительно было лично отъ директора. Оно содержало слѣдующія строки:

«Сэръ,—я съ участіемъ прочелъ ваше письмо, и, усматривая изъ него, что вы человѣкъ рабочій, смѣю думать, что вы добьетесь лучшихъ шансовъ на успѣхъ въ жизни, оставаясь въ настоящемъ положеніи и занимаясь своимъ ремесломъ, нежели на какомъ-либо иномъ поприщѣ. Отсюда вытекаетъ и мой совѣтъ, что вамъ дѣлать.

Преданный NN.»

Этотъ безусловно разумный совѣтъ окончательно разсѣялъ всѣ иллюзіи Джуда. Все это онъ и самъ прекрасно сознавалъ, но все-же этотъ отвѣтъ показался жестокимъ ударомъ послѣ многолѣтняго упорнаго труда. Съ разбитыми надеждами онъ махнулъ рукой на свои занятія и вышелъ развлечься на улицу. Потомъ отправился въ пивную и, выпивъ изрядно, безцѣльно поплелся дальше къ центру города, разсѣянно, какъ лунатикъ, глазѣя на уличную толпу и, наконецъ, вступилъ въ разговоръ со стоящимъ на углу полисменомъ.

Блюститель порядка зѣвнулъ, пріосанился, ехидно усмѣхнулся и посмотрѣвъ на Джуда, замѣтилъ:

— А вы нагрузились-таки маленько, молодой человѣкъ.

— Не бѣда; я только фундаментъ выложилъ,—цинично возразилъ Джудъ.

Онъ взглянулъ на часы, и, замѣтивъ что еще не очень поздно, зашелъ въ какое-то увеселительное заведеніе, гдѣ давался концертъ. Джудъ пробрался въ залу, переполненную лавочными сидѣльцами и дѣвушками, солдатами, ремесленными мальчишками, курящими папиросы и кокотками низшаго разбора. Джудъ окунулся въ настоящій омутъ городской жизни. Гремѣлъ оркестръ, и густая толпа, толкаясь, подвигалась взадъ и впередъ на открытой верандѣ, и по временамъ на подмосткахъ появлялся какой-нибудь «артистъ», распѣвавшій пошленькіе куплеты.

Образъ Сусанны какъ-бы носился предъ нимъ и удерживалъ отъ общенія съ веселыми женщинами, дѣлавшими ему соотвѣтствующіе авансы. Въ десять часовъ онъ ушелъ изъ таверны и нарочно избралъ путь мимо колледжа, начальникъ котораго только что прислалъ ему это злополучное письмо. Ворота были уже затворены и Джудъ досталъ изъ кармана кусокъ мѣлу, съ которымъ не разлучался, и, точно по какому-то наитію, написалъ на стѣнѣ стихъ изъ Іова:

«Подлинно, только вы люди, и съ вами умретъ мудрость. И у меня есть сердце, какъ у васъ; не ниже я васъ; и кто не знаетъ того-же? (Іов. XII, 1—3)».

VII.

На слѣдующее утро раздраженіе улеглось, и Джудъ самъ подсмѣивался надъ заносчивыми словами, написанными на стѣнѣ колледжа. Но

это былъ смѣхъ нездоровый. Онъ перечелъ пресловутое письмо, и мудрый совѣтъ директора, возмутившій его сначала, теперь охладилъ послѣдній пылъ и привелъ въ безпомощное уныніе.

Въ такомъ настроеніи Джудъ уже не могъ продолжать свои занятія. Какъ только онъ начиналъ примиряться съ судьбою въ качествѣ неудавшагося студента, спокойствіе его нарушалось безнадежными отношеніями съ Сусанной. Сознаніе, что единственная близкая душа, которую онъ встрѣтилъ въ жизни, была потеряна для него изъ-за его нелѣпаго брака, возвращалось къ нему съ такой жестокой настойчивостью, что онъ, не умѣя сладить съ этими терзаніями, опять шелъ искать развлеченій въ омутъ уличной жизни, и просиживалъ цѣлый вечеръ въ мерзѣйшей тавернѣ на окраинѣ города. Въ этомъ вертепѣ онъ сошелся съ гуляками всевозможныхъ профессій, и за стаканомъ вина болталъ среди невзыскательной компаніи пьяный вздоръ о своей учености и людской несправедливости.

Какъ-то разъ, отуманенный винными парами и оглушенный шумнымъ разгуломъ пьяной компаніи, Джудъ вышелъ за городъ на большую дорогу. Его влекла какая-то безотчетная, почти дѣтская потребность скрыться отъ бездушныхъ людей къ единственному на всемъ свѣтѣ существу, въ которое онъ вѣрилъ,—безумный порывъ, нелѣпости котораго онъ теперь не сознавалъ. Часамъ къ одиннадцати ночи онъ уже былъ въ Лемздонѣ, и, подойдя къ дому Сусанны, увидалъ свѣтъ въ нижней комнатѣ, которую, хотя и случайно, но совершенно вѣрно принялъ за комнату кузины.

Джудъ не стѣсняясь постучалъ въ окно, нетерпѣливо вызывая: «Сусанна, Сусанна!»

Вѣроятно она узнала его голосъ, ибо свѣтъ тотчасъ-же исчезъ и Сусанна появилась въ дверяхъ со свѣчею въ рукѣ.

— Кто это? Джудъ? Такъ и есть! Милый кузенъ, что такое съ вами?—съ участіемъ допрашивала Сусанна.

— Ахъ, Сусанна, голубушка, простите, я того... я не могъ удержаться, чтобъ не придти къ вамъ!—бормоталъ онъ, опускаясь на ступеньки крыльца.—Я такой скверный, Сусанна,—сердце у меня обливается кровью, и не могу я выносить такой анаѳемской жизни! И вотъ я пьянствовалъ въ кабакѣ и болталъ всякій вздоръ съ негодяями и буянами, чтобы какъ-нибудь забыть свою тоску и обиду. Ахъ, сдѣлайте со мной что-нибудь, Сусанна,—хоть убейте меня, — мнѣ все равно! Только не разлюбите и не презирайте меня, какъ всѣ другіе на бѣломъ свѣтѣ!

— Вы нездоровы, мой милый, несчастный Джудъ! Нѣтъ, я не буду, никогда не буду васъ презирать! Войдите и успокойтесь, а я посмотрю, что могу для васъ сдѣлать. Возьмите мою руку и идите за мною.

Сусанна ввела его такимъ образомъ въ комнату и усадила въ единственное кресло, оказавшееся въ ея распоряженіи, причемъ заботливо положила одну на другую его вытянутыя ноги и сняла съ него сапоги.

Сусанна спросила гостя, не голоденъ-ли онъ, но тотъ покачалъ головой. Затѣмъ, простившись съ нимъ, она обѣщала придти къ нему рано утромъ съ завтракомъ и ушла къ себѣ наверхъ.

Джудъ почти тотчасъ-же заснулъ, какъ убитый, и проснулся только на разсвѣтѣ. Сначала онъ никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ, но мало по малу догадался, въ чемъ дѣло, и его положеніе представилось ему во всей его непривлекательности. Сусанна узнала его съ самой дурной, отталкивающей стороны. Какъ онъ рѣшится теперь взглянуть на нее? Она скоро сойдетъ съ завтракомъ и вотъ онъ предстанетъ предъ нею во всемъ своемъ позорѣ. Онъ не могъ перенести этой мысли, и, тихонько обувшись и надѣвъ шляпу, безшумно вышелъ изъ дома.

Джудъ былъ подавленъ своимъ униженіемъ и не зналъ, куда ему бѣжать отъ людей, гдѣ-бы онъ могъ забыться, каяться и молиться. Тогда онъ вспомнилъ о Меригринѣ. Въ городѣ онъ узналъ, что хозяйка отказала ему отъ квартиры. Уложивъ свои пожитки, онъ вышелъ изъ города, такъ жестоко ему насолившаго, и направился въ Меригринъ. Въ карманѣ не было ни гроша, такъ какъ скудныя сбереженія его хранились въ кассѣ и по счастію остались не тронутыми. Поэтому въ Меригринъ онъ могъ добраться только пѣшкомъ, и, благо разстояніе было не маленькое, — онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы окончательно отрезвиться послѣ долгаго разгула.

Раннимъ вечеромъ Джудъ пришелъ въ Ольфредстонъ. Здѣсь онъ заложилъ свою куртку, и, выбравшись изъ города, проспалъ эту ночь въ полѣ подъ скирдомъ сѣна. На разсвѣтѣ Джудъ всталъ, и стряхнувъ съ себя сѣнную труху, пошелъ дальше по длинной дорогѣ въ гору, виднѣвшуюся еще изъ далека, и миновалъ тотъ камень, на которомъ когда-то начерталъ свои надежды. Онъ добрался до своего мѣстечка, когда обитатели его сидѣли за завтракомъ. Усталый и пыльный, онъ присѣлъ у колодца, раздумывая о своей несчастной, безпріютной, горемычной долѣ. Потомъ умылся надъ колодою и пошелъ къ домику своей тетки, которую засталъ тоже за завтракомъ въ постели.

— Что — или безъ работы остался? спросила тетка, глядя на Джуда тусклыми, глубоко впавшими глазами, отѣненными нависшими сѣдыми бровями, не умѣя иначе объяснить себѣ внезапнаго появленія злополучнаго племянника, вся жизнь котораго была безплодной борьбой изъ-за куска насущнаго хлѣба.

— Да, — уныло отвѣтилъ Джудъ, — а теперь мнѣ хочется отдохнуть съ дороги.

Подкрѣпившись завтракомъ, онъ ушелъ въ свою прежнюю комнату и прилегъ на кровать, какъ былъ, въ бѣломъ фартукѣ. Онъ спалъ не долго и очнулся точно отъ тяжелаго кошмара. Неотвязчивое сознаніе нравственнаго паденія и оскорбленное самолюбіе не давали ему покоя.

Женщину въ его положеніи могли-бы облегчить слезы, а онъ лишенъ былъ и этой отрады.

Унылый вѣтеръ шелестѣлъ въ деревьяхъ и вылъ въ каминѣ, надрывая душу. Жалобно трепеталъ каждый листокъ плюща, перекинувшагося черезъ ближнюю церковную ограду, за которой уже не было старой церкви, уступившей мѣсто новой, построенной на другомъ мѣстѣ, въ модно-готическомъ стилѣ. Но вотъ Джуду послышался изъ сосѣдней комнаты чей то незнакомый голосъ, и онъ понялъ изъ разговора, что это приходскій пасторъ бесѣдовалъ съ его теткой. Вскорѣ голосъ замолкъ и шаги пастора остановились въ корридорѣ его двери. Джудъ пригласилъ его войти.

— Очень радъ познакомиться съ вами, сэръ, — привѣтствовалъ Джудъ вошедшаго пастора.—Тетушка не разъ упоминала мнѣ о васъ. Къ вашимъ услугамъ, Джудъ Фолэ, только-что возвратился домой, и при первомъ-же знакомствѣ долженъ вамъ признаться, что малый я свихнувшійся. хотя одно время имѣлъ наилучшія намѣренія. Теперь я страшно разстроенъ отъ пьянства и всевозможныхъ другихъ безобразій.

Мало-по-малу Джудъ, что называется, выложилъ передъ пасторомъ всю свою душу, разсказалъ ему безъ утайки о своемъ порочномъ прошломъ, о стремленіи къ высшему образованію и духовной карьерѣ, о препятствіяхъ, неудачахъ и о разбитыхъ надеждахъ.

— Теперь я сознаю, что былъ глупъ, и эта глупость останется при мнѣ,—добавилъ Джудъ въ заключеніе.—Но я ни чуть не сожалѣю о крушеніи моихъ академическихъ надеждъ. Теперь я не возвратился-бы къ нимъ, будь я даже увѣренъ въ успѣхѣ. Мнѣ думается только, что я еще способенъ принести извѣстную пользу на духовномъ поприщѣ и сильно горюю, что лишенъ теперь этой возможности.

Пасторъ, человѣкъ новый въ этомъ приходѣ, живо заинтересовался такимъ признаніемъ и сказалъ Джуду:

— Если вы дѣйствительно чувствуете призваніе къ пасторскому служенію, то вамъ остается только исправиться и выработать стойкій характеръ. Тогда вы можете вступить въ это званіе сначала въ качествѣ лиценціата. Только повторяю, вамъ надо безусловно отказаться отъ распущенной, невоздержной жизни.

— Я легко могъ-бы вполнѣ исправиться,—отвѣтилъ Джудъ,— еслибъ хоть какая-нибудь надежда поддержала меня въ моихъ стремленіяхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА.

Переводъ съ французскаго [1]).

Въ предисловіи къ письмамъ И. С. Тургенева къ Эмилю Золя издатель этихъ писемъ, г. Гальперинъ-Каминскій, старается разъяснить неосновательность толковъ о двойственности И. С. и о его яко-бы неискреннемъ отношеніи къ французскимъ друзьямъ.

Такъ-какъ въ этомъ предисловіи есть документы и доказательства, еще неизвѣстные русской публикѣ, то мы и рѣшили привести его цѣликомъ.

По воспоминаніямъ Золя, онъ встрѣтился съ Тургеневымъ въ первый разъ въ началѣ 1872 года у Густава Флобера, который занималъ тогда квартиру въ улицѣ Мурильо, № 4, съ окнами, выходившими на паркъ Монсо. Въ ту-же эпоху и въ томъ-же мѣстѣ познакомился съ русскимъ писателемъ и Альфонсъ Додэ. Хотя въ своей статьѣ о Тургеневѣ, напечатанной въ 1880 г. въ нью-іоркскомъ Century Magazine, авторъ «Набаба» относитъ эту первую встрѣчу къ 1868 или 1870 г., но достовѣрно, что Золя и Додэ могли познакомиться съ Тургеневымъ только послѣ войны и не раньше начала 1872 года. Дѣйствительно, Гонкуръ, участникъ обѣдовъ Маньи, говоритъ о Тургеневѣ въ первый разъ 23-го февраля 1863 г., но это была лишь первая мимолетная встрѣча и съ однимъ только Эд. Гонкуромъ. Съ тѣхъ поръ въ «Journal des Goncourt» не упоминается о Тургеневѣ до марта 1872 г., когда о немъ говорится какъ о гостѣ Флобера, вмѣстѣ съ Теофилемъ Готье. Съ другой стороны, мы знаемъ, что Тургеневъ, оставивъ Парижъ въ 1870 г., вернулся туда только въ концѣ 1871. Значитъ только въ это время Золя и Додэ могли его встрѣтить у Флобера.

Но ихъ отношенія стали частыми только съ 1874 г., когда они начали встрѣчаться на такъ называемыхъ «обѣдахъ пяти» — «des Cinq».

[1]) См. «Сѣверн. Вѣстн.» 1897, № 4.

Гонкуръ еще точнѣе опредѣляетъ время возникновенія этихъ обѣдовъ. «Обѣдъ въ кафе Ришъ,—пишетъ онъ 14 апрѣля 1874 г.,—съ Флоберомъ, Тургеневымъ, Золя и Альфонсомъ Додэ. Обѣдъ талантливыхъ людей, уважающихъ другъ друга; мы хотѣли-бы съ будущей зимы сдѣлать эти обѣды ежемѣсячными». Съ тѣхъ поръ, они дѣйствительно, собирались сначала въ Café Riche, а потомъ въ ресторанѣ на улицѣ Фаваръ, противъ Opéra Comique, до самой смерти И. С. Тургенева въ 1883 г. Правда, что съ 1880 г.—года смерти Флобера, обѣдающихъ было всего четверо. Ихъ было даже только трое, когда Додэ писалъ свою статью для «Century Magazine», потому что Тургеневъ уже былъ пораженъ тогда жестокой болѣзнью, не дававшей ему ни минуты отдыха и которая унесла его года два спустя. Дѣйствительно, Додэ кончаетъ свою статью такой фразой: «А! мы возобновили Флоберовскій обѣдъ надняхъ,—насъ было только трое». Теперь, послѣ смерти Гонкура, ихъ было-бы только двое.

Тургеневъ до самой смерти поддерживалъ со всѣми участниками Флоберовскаго обѣда самыя сердечныя отношенія. Извѣстно, что Флобера онъ любилъ какъ брата; онъ также сталъ искреннимъ другомъ Золя съ первыхъ-же встрѣчъ. Въ это время Золя еще не былъ знаменитымъ писателемъ, какимъ мы его знаемъ; онъ переживалъ тяжелые дни выступленія въ свѣтъ. Онъ только что выпустилъ «La Fortune des Rougont», первый томъ знаменитой серіи «Ругонъ-Моккаръ», которой суждено было составить эпоху въ современной литературѣ. Золя нашелъ въ Тургеневѣ почитателя и неутомимаго защитника, и, благодаря ему, сталъ знаменитымъ въ Россіи раньше, чѣмъ во Франціи. Въ интервью, разсказанномъ г. Жюлемъ Гюрэ въ «Фигаро», Золя вспоминаетъ, что Тургеневъ представилъ его Россіи въ самый трудный моментъ его литературной карьеры. «Le Corsaire», говоритъ онъ, въ которомъ я писалъ, только-что былъ упраздненъ герцогомъ де-Брольи, конечно за мою статью «Le lendemain de la Crise». Ни одинъ журналъ не хотѣлъ печатать меня, я голодалъ; со всѣхъ сторонъ въ меня кидали грязью и вотъ тогда Тургеневъ ввелъ меня въ эту великую Россію, гдѣ меня съ тѣхъ поръ и полюбили». Тургеневъ доказалъ, какъ высоко ставилъ онъ талантъ и другихъ его друзей, школы реалистовъ—Гонкура, Додэ, Мопассана тѣмъ, что распространялъ ихъ произведенія и старался помѣщать ихъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ.

Таковъ былъ Тургеневъ, какъ товарищъ по литературѣ. Что касается до того, какой онъ былъ человѣкъ, вотъ что говоритъ Золя въ упомянутомъ интервью объ этомъ: «Я очень любилъ Тургенева и онъ меня также очень любилъ... Это было существо утонченное, въ умомъ справедливымъ и прямымъ, но не безъ нѣкоторой неровности».

Въ свою очередь Гонкуръ въ своемъ «Дневникѣ» и Додэ въ своей статьѣ съ симпатіей отзываются о Тургеневѣ, — одинъ, называя его «кроткимъ великаномъ, милымъ варваромъ», другой, вспоминая искренность ихъ отношеній.

«Онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей нашего вѣка и въ то же время самый честный, самый прямой, самый искренній, самый преданный человѣкъ, какого только можно встрѣтить». Таково начало статьи, вызванной у Мопассана смертью Тургенева. И далѣе онъ повторяетъ: «онъ былъ простъ, добръ и прямодушенъ до крайности, обязателенъ, какъ никто, преданъ, какъ ужъ теперь не бываютъ, и вѣренъ друзьямъ, живымъ и мертвымъ».—И кончаетъ: «Не было души болѣе открытой, тонкой и проницательной, ни дарованія болѣе плѣнительнаго, ни сердца болѣе честнаго и великодушнаго».

Такъ цѣнили Тургенева тѣ, которые ближе всѣхъ къ нему стояли, но даже и тѣ, которые, какъ я, только изрѣдка встрѣчались съ нимъ, не могли не быть поражены его открытымъ выраженіемъ лица и кроткимъ взглядомъ.

И вотъ какія-то мнимыя разоблаченія, напечатанныя спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Тургенева,[1]) бросили невыгодную тѣнь на его память. Разоблаченія эти и вызвали post-scriptum въ извѣстной книгѣ Додэ:

«Въ то время, какъ я провѣряю корректуру этой статьи, появившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ приносятъ книгу «Воспоминаній», въ которой Тургеневъ изъ глубины могилы отдѣлываетъ меня, какъ нельзя лучше. Какъ писатель, я ниже всего; какъ человѣкъ—послѣдній изъ людей. И друзья мои это прекрасно знаютъ и разсказываютъ обо мнѣ хорошія вещи!.. О какихъ друзьяхъ говоритъ Тургеневъ и какъ могли они оставаться моими друзьями, зная меня такъ хорошо? И его самого, добраго славянина, кто принуждалъ принимать эту личину дружбы со мной? Я вижу его у себя въ домѣ, за моимъ столомъ, кроткаго, ласковаго, цѣлующаго моихъ дѣтей. У меня есть письма отъ него сердечныя, прекрасныя. И вотъ что скрывалось подъ этой доброй улыбкой... Боже, какъ однако жизнь странна и какъ мило это милое греческое слово: Ειρωνεια».

Этотъ post-scriptum вызвалъ въ свое время (въ 1888 году), много толковъ, оживленные споры не только въ печати французской и русской, но во всѣхъ странахъ, гдѣ Тургеневъ и Додэ насчитываютъ многочисленныхъ друзей и почитателей. Русскіе были удивлены, что авторъ «Набаба» могъ повѣрить мнимымъ разоблаченіямъ неизвѣстнаго лица, искавшаго незавидной извѣстности клеветою на великаго русскаго писателя. Эта клевета тѣмъ гнуснѣе, что она дѣло одного изъ много-

---

[1]) Souvenirs sur Tourguéneff. Paris 1887.

численныхъ протеже Тургенева и что появилась уже тогда, когда Тургеневъ не могъ бороться съ нею. Уже одно это обстоятельство должно было предостеречь Альфонса Додэ противъ «разоблаченій» автора «Воспоминаній о Тургеневѣ». И потомъ, развѣ онъ не долженъ былъ поставить въ счетъ если не долгіе годы дружбы, связывавшіе его съ русскимъ писателемъ и многочисленныя доказательства искренности послѣдняго, то по крайней мѣрѣ неопровержимыя свидѣтельства стольких людей, какъ во Франціи, такъ и въ Россіи, Германіи и Англіи, знавшихъ Тургенева интимно. Зачѣмъ сталъ бы Тургеневъ такъ лицемѣрить и внушить Зола, Гонкуру, Мопассану и самому Додэ эти упомянутыя нами восхваленія его честности и прямодушія?

Золя, тоже затронутый въ этихъ самыхъ «Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ», былъ менѣе пораженъ, хотя, повидимому, тоже отчасти вѣритъ рѣчамъ, приписаннымъ покойному. Въ упомянутой нами бесѣдѣ съ г. Жюлемъ Гюрэ онъ говоритъ: «Его обвиняли, да... т.-е. что онъ немного строго насъ осудилъ въ письмахъ къ друзьямъ въ Россіи. Это правда, онъ довольно рѣзко выражался на счетъ Гонкура и Додэ; онъ говорилъ, что ничего не понимаетъ въ крайней утонченности стиля Гонкура и находилъ искусство Додэ немного узкимъ. Онъ повторялъ даже сплетни и непріятныя исторіи. Додэ былъ очень огорченъ этими разоблаченіями. Конечно, Тургеневъ былъ не правъ, входя въ частную жизнь людей съ тѣмъ, чтобы ихъ критиковать, но все-же надо признавать за писателемъ право,—каковы-бы ни были его симпатіи въ литературныхъ отношеніяхъ, — сохранять неприкосновеннымъ свое интимное сужденіе. Когда книга выходитъ, друзья говорятъ: «это прекрасно», но вы не на столько наивны, не правда-ли, чтобы повѣрить, что это ихъ рѣшительное мнѣніе, да и имѣешь-ли право сердиться на нихъ, если въ разговорахъ или письмахъ они высказываютъ свое вѣрное, критическое, однимъ словомъ, настоящее мнѣніе о вашемъ произведеніи? Можно-ли сказать, что это предательство?..»

Этотъ широкій и спокойный взглядъ Золя тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ вѣритъ не только въ сплетни, которыя всегда подозрительны, но и въ мнѣнія, выраженныя самимъ Тургеневымъ въ письмахъ къ русскимъ друзьямъ. Это убѣжденіе мы находимъ и у Додэ въ разговорѣ съ г. Жюлемъ Гюрэ, которому посвящена статья въ Фигаро:

«Да, я думалъ, что я другъ этого человѣка, я его очень любилъ и даже послѣ его смерти я написалъ о немъ въ одномъ американскомъ журналѣ и хотѣлъ ужъ помѣстить въ «Trente ans de Paris», когда мнѣ принесли его письма, въ которыхъ онъ меня отдѣлываетъ, какъ не отдѣлываютъ и убійцу...»

Я склоненъ думать, что здѣсь память измѣнила Жюлю Гюрэ. Его даровитый собесѣдникъ могъ говорить ему о письмахъ, но не могъ ска-

зать, что видалъ ихъ. По этому поводу я нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ Альфонсомъ Додэ и одинъ изъ нашихъ разговоровъ, происходившій именно во время этого инцидента, я передалъ въ одной русской газетѣ [1]).

Додэ дѣйствительно говорилъ о письмахъ Тургенева и даже называлъ мнѣ адресата тѣхъ, въ которыхъ заключались эти преступныя клеветы, но никогда не говорилъ, что видѣлъ ихъ самъ. Вотъ, по моей статьѣ въ «Новостяхъ», слова Додэ, записанныя мною почти тотчасъже послѣ нашего разговора:

— Мое возмущеніе было бы необъяснимо, если бы я узналъ о вѣроломствѣ Тургенева только изъ «Воспоминаній» его протеже; но эти разоблаченія подтвердилъ Робертъ Казъ, читавшій письма Тургенева къ Захеръ-Мазоху, въ которыхъ онъ отзывается обо мнѣ далеко не подружески.

Слѣдовательно не Додэ, а Робертъ Казъ видѣлъ эти письма. Додэ даже увѣряли, что они будутъ напечатаны въ русской газетѣ. Прошли года, а они и до сихъ поръ не появились. На это есть превосходная причина: эти письма никогда не существовали. Недавно мнѣ пришлось поѣхать въ Германію и я говорилъ объ этихъ письмахъ съ такими старыми и близкими друзьями Тургенева, какъ извѣстный критикъ Пичъ и его ученый собратъ Цабель. И они утверждаютъ, что не только Тургеневъ никогда не писалъ Захеръ-Мазоху, но что онъ всегда энергично отказывался вступать въ какія бы то ни было отношенія съ нимъ. И мы находимъ подтвержденіе этому въ письмѣ, написанномъ г. Суворину, въ которомъ онъ говоритъ по поводу Захеръ-Мазоха:

«Я съ нимъ не знакомъ лично—и признаюсь, небольшой охотникъ до его романовъ... Я никогда не могъ понять, съ какой точки зрѣнія меня сравнивали съ нимъ».

Такимъ образомъ уничтожено все основаніе этого вопроса. Онъ собственно построенъ на одномъ ложномъ утвержденіи и трудно себѣ объяснить, что заставляетъ извѣстныхъ лицъ чернить память этого великаго человѣка въ глазахъ его самыхъ интимныхъ друзей.

Только исторія этихъ мнимыхъ писемъ и придала «Воспоминаніямъ о Тургеневѣ» значеніе, котораго онъ сами по себѣ не могли имѣть, разъ была извѣстна личность автора. Но можно возразить, что письма эти могли быть написаны если не Захеръ-Мазоху, то кому нибудь другому, русскимъ друзьямъ, какъ предполагаетъ Золя. Такъ нѣтъ! Въ тысячахъ писемъ Тургенева къ его русскимъ друзьямъ, напечатанныхъ и ненапечатанныхъ, которыя я имѣлъ случай прочитать, чтобы обосновать настоящую мою статью, я не нашелъ ничего, что могло бы оправдать утвержденія его враговъ, исключая этого единственнаго отрывка письма, адресованнаго 25 ноября 1875 г. Салтыкову:

[1]) «Новости», 1—13 марта 1889 г.

«Петръ В., говорятъ, когда встрѣчалъ умнаго человѣка, цѣловалъ его въ голову; хоть я не Петръ и не Великій — а, прочитавъ ваше письмо отъ 18 ноября, охотно бы облобызалъ васъ, любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ—до того все, что вы говорите о романахъ Гонкура и Золя, мѣтко и вѣрно. Мнѣ самому все это смутно мерещилось — словно подъ ложечкой сосало; но только теперь я произнесъ: А! — и ясно прозрѣлъ. И не то, чтобы у нихъ не было таланта, особенно у Золя; но идутъ они не по настоящей дорогѣ — и ужъ очень сочиняютъ. Литературой воняетъ отъ ихъ литературы; вотъ что худо. Но по всему видно, въ эту минуту нашей русской публикѣ именно это по вкусу; и хотя не слѣдуетъ слѣпо потакать этому вкусу—не слѣдуетъ также забывать, что романы и повѣсти пишутся не для нашего брата и что намъ можетъ оскомину набить то. что для публики свѣжо, какъ ранній снѣгъ, и поэтому подождемъ, что скажетъ редакція «Отечественныхъ Записокъ».

Содержаніе Гонкуровскаго романа довольно смѣлое: это, по его словамъ, серьезное и строгое изученіе публичныхъ женщинъ [1]). Во всякомъ случаѣ, это не «Подростокъ» Достоевскаго! Получивъ послѣднюю ноябрьскую книжку «Отечественныхъ Записокъ», я заглянулъ было въ этотъ хаосъ; Боже! что за кислятина, больничная вонь, и ни кому ненужное бормотанье и психологическое ковыряніе. Вотъ къ кому всецѣло примѣняется то, что вы сказали въ своемъ письмѣ объ этомъ послѣднемъ родѣ».

Здѣсь нѣтъ и рѣчи о Додэ, а кромѣ того Тургеневъ скорѣе защищаетъ своихъ «совсѣмъ новыхъ» французскихъ друзей отъ оцѣнокъ его корреспондента. И я говорю «совсѣмъ новыхъ» потому, что письмо помѣчено 1875 г., когда, какъ мы видѣли, собранія «пяти» только что были установлены. Къ тому же выраженіе,—«пахнуть, отдавать литературой»—обыкновенное выраженіе Тургенева, которое онъ употребляетъ, говоря и о своихъ произведеніяхъ; напр., въ этомъ отрывкѣ его письма къ Анненкову: «Я прочелъ романъ Авдѣева въ Современномъ Обозрѣніи. Это плохо, очень плохо! Я тѣмъ болѣе непріятно былъ пораженъ имъ, что не могу не замѣтить нѣкотораго подраженія моей манерѣ, благодаря чему мои недостатки становятся болѣе ощутительными для меня. Мнѣ кажется, что если бы я былъ принужденъ много читать произведенія Авдѣева, я бы бросилъ перо съ отвращеніемъ. Ахъ, эта литература, пахнущая литературой!» Главная заслуга произведеній Толстого именно въ томъ, что онѣ дышатъ жизнью. Скажу всетаки, что если бы въ моихъ долгихъ изысканіяхъ я встрѣтилъ у Тургенева какое-нибудь ѣдкое замѣчаніе по адресу его французскихъ друзей, я нисколько не

---

[1]) La fille Elisa.

удивился бы, зная его впечатлительный темпераментъ и неровное состояніе здоровья, особенно за последнія десять лѣтъ его жизни. Вообще, то, что говорится въ интимномъ кругу или въ совершенно частной переписке, есть только непосредственное выраженіе подчасъ мимолетнаго впечатлѣнія. Такъ въ томъ же письмѣ извѣстно, что Тургеневъ говоритъ о «Подросткѣ» Достоевскаго. А всетаки, когда Дюранъ-Гревилль, по порученію «Revue des Deux Mondes» отправился въ Россію для изученія главныхъ представителей русской литературы, Тургеневъ, къ которому онъ обратился за совѣтомъ, указалъ ему прежде всѣхъ на Толстаго, Писемскаго и Достоевскаго, несмотря на то, что послѣдній на него сильно нападалъ въ своемъ романѣ «Бѣсы». Онъ далъ Дюрану-Гревиллю рекомендательное письмо къ Достоевскому, въ которомъ писалъ:

«Я рѣшился написать вамъ это письмо, несмотря на возникшія между нами недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ наши личныя отношенія прекратились. Вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь, въ томъ, что недоразумѣнія эти не могли имѣть ни какого вліяніяна мое мнѣніе о вашемъ крупномъ талантѣ и о томъ высокомъ мѣстѣ, которое вы по праву занимаете въ нашей литературѣ».

Въ другомъ письмѣ отъ 1 апрѣля 1865 г., къ г. Анненкову, одному изъ близкихъ ему людей, онъ говоритъ о «Войнѣ и Мірѣ»: «Я прочиталъ также романъ Льва Толстого... это не то, не то, не то! Впрочемъ, мы поговоримъ объ этомъ». Правда, что онъ въ то время прочелъ только первую часть романа. А за тѣмъ всегда и во всемъ, что говорилъ Тургеневъ и частно, и публично, онъ является страстнымъ поклонникомъ Толстого. Вотъ, напримѣръ, его мнѣніе объ этомъ самомъ романѣ «Война и Миръ» въ письмѣ къ другу своему Полонскому: «Романъ Толстого — вещь удивительная; самое слабое въ немъ—именно то, чему восторгается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его — фокусъ, битье тонкими мелочами по глазамъ А психологія—капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ. Все быстрое, описательное, военное—это первый сортъ; и подобного Толстому мастера у насъ не имѣется».

Также въ одномъ изъ писемъ Флоберу Тургеневъ не говоритъ, что онъ въ восхищеніи отъ «Assommoir'a». И въ то-же время онъ предлагаетъ г. Суворину печатать его и говоритъ: А романъ, по всему, что я о немъ знаю — отличный и взятъ изъ быта парижскихъ рабочихъ, которыхъ Золя знаетъ, какъ никто».

Это разнообразіе впечатлѣній, это противорѣчіе въ сужденіяхъ очень хорошо объяснено г. Полонскимъ, другомъ юности Тургенева, проницательнымъ неблюдателемъ. Въ письмѣ, которое онъ мнѣ написалъ во время интересующаго насъ инцидента, онъ говоритъ: «Что касается

вашего желанія привести нѣкоторые отрывки изъ моихъ писемъ въ вашей статьѣ [1]), вы, конечно, можете это сдѣлать, особенно съ тѣми, въ которыхъ я говорю, что Тургеневъ, насколько я могу судить о немъ по нашимъ бесѣдамъ, не только никогда не злословилъ про знакомыхъ ему французскихъ писателей, но гордился ихъ дружбой и уваженіемъ. Тѣмъ не менѣе у Тургенева натура была сложная. Его душа была то душой мужчины, то женщины, то ребенка. Мужчина не вѣрилъ ни клеветѣ, ни сплетнямъ, женщина раздражалась и кипятилась за какую-нибудь клевету, вѣрила ей и въ эти моменты могла быть несправедливой даже къ самымъ близкимъ людямъ. Не даромъ Тургеневъ отказываетъ женщинѣ въ чувствѣ справедливости. Если въ одинъ изъ такихъ моментовъ X... [2]) ему разсказалъ-бы что-нибудь невыгодное о Додэ или о комъ-либо другомъ, Тургеневъ могъ-бы повѣрить клеветѣ и сказать что-нибудь злое о своихъ друзьяхъ.

Впрочемъ, я себя спрашиваю, часто-ли Тургеневъ видалъ X... и не онъ-ли этотъ «фальшивый другъ», о которомъ говоритъ авторъ «Tourguéneff inconnu», изданнаго въ Парижѣ».

Дѣйствительно, М. Мишель Делинъ, авторъ «Tourguéneff inconnu», опредѣляетъ этого «ложнаго друга» довольно ясно. Онъ приводитъ даже мнѣніе Тургенева объ этой личности, мнѣніе не особенно лестное, точно въ предвидѣніи этихъ будущихъ «откровеній». Но я не назову его, не желая утверждать, какъ авторъ «Воспоминаній о Тургеневѣ» — того, чего не могу провѣрить.

Что касается писемъ, отрывки которыхъ Полонскій уполномочивалъ меня воспроизвести въ моей статьѣ въ Новостяхъ, то я не думаю, чтобы было полезно прибѣгать къ этому теперь, послѣ того, что я получилъ письмо по-французски, резюмирующее то, что онъ могъ мнѣ сказать по этому поводу въ предъидущей перепискѣ. Вотъ оно:

Петербургъ, 30 августа (11 сентября) 1896 г.

Cher Monsieur,

Во время моего пребыванія въ Спасскомъ (имѣніе Тургенева), у меня были по обыкновенію долгія бесѣды съ моимъ старымъ другомъ, Иваномъ Сергѣевичемъ, который всегда былъ очень откровененъ со мной и ничего отъ меня не скрывалъ. Вотъ почему я себѣ позволяю подтвердить съ полнымъ убѣжденіемъ, что Тургеневъ даже въ самыхъ откровенныхъ бесѣдахъ не говорилъ иначе, какъ съ самымъ большимъ уваженіемъ о своихъ друзьяхъ французскихъ писателяхъ — Флоберѣ, Золя, Додэ, Мопассанѣ, Гонкурѣ и другихъ, которыхъ очень любилъ. Онъ

[1]) Статья въ «Новостяхъ».

[2]) Авторъ «Воспоминаній» о Тургеневѣ.

гордился своими хорошими отношеніями съ знаменитыми французскими писателями и не скрывалъ этого никогда...

«Я хорошо помню, какъ, послѣ смерти Густава Флобера, котораго онъ особенно почиталъ, Тургеневъ предложилъ русской публикѣ составить подписку на памятникъ покойному; и тогда часть печати накинулась на Тургенева, доказывая ему съ ироніей, что совершенно излишне собирать подписку на памятникъ иностранному писателю, тогда какъ такія русскія знаменитости, какъ Гоголь, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ долго ждали памятника, а нѣкоторые и до сихъ поръ не дождались его.

Преданный вамъ

Яковъ Полонскій».

Наконецъ, приведу письмо, написанное мнѣ 14 ноября 1887 г. Салтыковымъ (Щедринымъ), которому Тургеневъ писалъ вышеупомянутое письмо, выражая свое мнѣніе о Гонкурѣ и Золя:

«Я не вижу ничего обиднаго и вѣроломнаго по отношенію его друзей въ оцѣнкѣ современныхъ французскихъ реалистовъ Тургеневымъ. Можно сохранять дружескія отношенія и не восторгаться всѣмъ въ своихъ друзьяхъ. Тургеневъ выразился немного грубо, сказавъ, что отъ произведеній Золя и Гонкура несетъ литературой, вотъ и все. Эта оцѣнка была отвѣтомъ на мое письмо, въ которомъ я говорилъ, что эти писатели не такіе реалисты, какъ напр. Гоголь, Диккенсъ и пр., но что они психологи, принявшіе названіе реалистовъ»...

Далѣе онъ прибавляетъ:

«Какъ-бы то ни было, я никогда не замѣчалъ въ характерѣ Тургенева ни малѣйшаго признака лицемѣрія».

Въ общемъ во всей перепискѣ Тургенева мы могли отмѣтить только одну черту, направленную противъ его литературныхъ друзей во Франціи, очень невинную, нисколько не подрывающую искренности его дружескихъ чувствъ, но доказывающую только независимость его сужденія. Какъ говоритъ Салтыковъ, можно, дѣйствительно, быть настоящимъ другомъ, не восхищаясь всѣмъ. Таково и мнѣніе Золя. Впрочемъ, онъ нисколько въ этомъ не лицемѣрилъ, какъ мы уже видѣли въ его письмѣ къ Додэ, по поводу «Набаба», гдѣ онъ не колеблясь ставилъ критику рядомъ съ похвалой.

До сихъ поръ были одни слова. Разсмотримъ факты:

По письмамъ къ Золя, которыя я публикую нынче, можно видѣть, съ какой преданностью, не жалѣя ни времени, ни труда, Тургеневъ работалъ надъ тѣмъ, чтобы познакомить Россію съ произведеніями своего друга.

То, что онъ сдѣлалъ для Золя, онъ раньше сдѣлалъ для Флобера; затѣмъ наступила очередь Гонкура, Гюи де-Мопассана. Никогда, для охраненія собственныхъ интересовъ, не старался онъ такъ усердно, какъ трудясь для друзей. Онъ заключалъ условія для нихъ; онъ испросилъ отъ Золя довѣренность для Россіи, какъ отъ Толстого для Франціи; черновую своей довѣренности, написанную рукою Тургенева, Золя нашелъ въ своихъ бумагахъ:

«Я, нижеподписавшійся, объявляю симъ, что даю полномочіе г. Ивану Тургеневу относительно моихъ авторскихъ правъ по переводамъ моихъ произведеній на русскій языкъ. Кромѣ того, уполномочиваю г. Тургенева входить въ переговоры съ переводчиками и издателями для заключенія условій».

И если желательно знать, какъ онъ представлялъ произведенія своихъ друзей, съ какимъ самоотверженіемъ стушевывался, чтобы уступить имъ мѣсто, пусть прочитаютъ слѣдующія строки письма Шарля Эдмона.

...«Газета «Temps» уже напечатала нѣкоторыя изъ его произведеній, когда, встрѣтивъ его однажды, я ему замѣтилъ, что нашъ общій другъ Гебраръ былъ-бы очень радъ оказать ему еще разъ гостепріимство въ «Temps».

— Зайдемъ, если вамъ угодно, ко мнѣ,—отвѣтилъ Тургеневъ, послѣ минутнаго размышленія,—и я обѣщаю Гебрару и вамъ сюрпризъ, которымъ вы останетесь болѣе чѣмъ довольны.

Я въ первый разъ слышалъ, чтобы Иванъ Сергѣевичъ такъ лестно отзывался о самомъ себѣ.

Придя къ себѣ, Тургеневъ вынулъ изъ своего бюро свертокъ бумаги. Привожу въ точности его слова:

— Вотъ,—сказалъ онъ что я припасъ для вашей газеты. Это значитъ, что не я авторъ ея. Мастеръ этотъ—ибо онъ дѣйствительно мастеръ своего дѣла—почти неизвѣстенъ во Франціи, но я васъ увѣряю душой и по совѣсти, что я не чувствую себя достойнымъ развязать ремня отъ сапога его».

Черезъ день появились въ «Temps» Воспоминанія о Севастополѣ Льва Толстого.

Это было въ апрѣлѣ 1876 г.

Вотъ что Тургеневъ умѣлъ дѣлать для своихъ друзей и—мнѣ кажется не скоро найдешь въ литературномъ мірѣ человѣка, способнаго на такую скромность и такое самоотверженіе.

Если я такъ настаиваю на томъ, чтобы освѣтить настоящимъ свѣтомъ великодушный и прямой характеръ Тургенева, то это потому, что вспоминаю недавній разговоръ мой съ Альфонсомъ Додэ, въ которомъ уже не было вопроса о «Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ», ни о знамени-

тыхъ письмахъ къ Захеръ-Мазоху, а шла рѣчь о личныхъ воспоминаніяхъ автора «Набаба».

«Вы можетъ быть слышали,—сказалъ онъ,—о процессѣ, затѣянномъ противъ меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ актеромъ, котораго я пріютилъ, и вознаградившимъ меня такимъ образомъ за то, что я отказался отъ сотрудничества въ нелѣпой передѣлкѣ одного изъ моихъ романовъ въ драму. Его работа была ниже всякой критики и даже свидѣтельствовала о полномъ незнаніи орѳографіи. Между тѣмъ, онъ утверждалъ, что я присвоилъ себѣ его работу и намѣренъ воспользоваться ею. Дѣло, разумѣется, объяснилось и онъ проигралъ процессъ, но я претерпѣлъ много непріятностей. До разбирательства дѣла я встрѣтился однажды съ Тургеневымъ. «Слушайте, Додэ,—сказалъ онъ,—говорятъ, что ваше дѣло не совсѣмъ ясно и что васъ могутъ обвинить...»

По тому, какъ это было сказано, я понялъ, что тѣ, которые окружали Тургенева и давали свѣдѣнія обо мнѣ, не были моими друзьями. Вѣроятно также, что онъ не могъ простить мнѣ того, что я никогда не бывалъ у него, несмотря на приглашенія. Будучи женатъ, я бываю въ семьяхъ только съ женою, а такъ какъ его приглашенія относились ко мнѣ одному, то я и не ѣздилъ къ нему».

Альфонсъ Додэ признался мнѣ, что онъ безъ сомнѣнія не написалъ бы своего post-scriptum'a, причину всего инцидента, если-бы далъ время первому впечатлѣнію улечься. Но, какъ онъ самъ говоритъ, именно въ моментъ, когда онъ провѣрялъ корректуры своей книги, предупредительные друзья, которые всегда найдутся, представили ему касающіяся его страницы въ «Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ».

Наконецъ, прочитавъ письма Тургенева къ Флоберу, напечатанныя въ «Cosmopolis'ѣ», Додэ написалъ мнѣ очень недавно слѣдующее:

«Письма Тургенева, которыя вы мнѣ сообщаете, въ связи съ вашими умными и тонкими замѣчаніями, дѣйствительно измѣнили мое отношеніе къ великому русскому писателю. Да, вы правы, Тургеневъ не былъ ни обманщикъ, ни двуличный или по крайней мѣрѣ былъ имъ лишь настолько, насколько того требуютъ свѣтскія и общественныя условія. Въ письмахъ онъ мнѣ представляется главнымъ образомъ человѣкомъ огорченнымъ, недовольнымъ всѣмъ, особенно собою; не онъ управлялъ своей жизнью и она его повела совсѣмъ не туда, куда хотѣлъ онъ. Это человѣкъ, который неудобно легъ и все ворочается въ неправильныхъ складкахъ своихъ покрововъ.

«Я также нахожу въ этой перепискѣ новое доказательство тому, что я уже выражалъ,—что иностранецъ, какъ-бы утонченъ онъ ни былъ, никогда не знаетъ хорошо нашего языка; письменныя сужденія Тургенева о французскихъ литераторахъ, какъ и сужденія его устныя, сви-

дѣтельствуютъ объ этой истинѣ. Я вспоминаю наши споры по поводу Шатобріана и «Mèmoires d'outre-tombe», его изумленіе, когда Флоберъ и я его увѣряли, что учителемъ французскаго языка XIX вѣка именно и былъ Шатобріанъ, а не кто другой.

«Но я кончаю; воспоминанія всплываютъ, а у меня нѣтъ времени болтать... (слѣдуетъ нѣсколько строчекъ частнаго характера).

Альфонсъ Додэ».

Это письмо намъ показываетъ, что если въ сердцѣ А. Додэ и таится еще нѣкоторая горечь, то по крайней мѣрѣ его большой умъ начинаетъ отрѣшаться отъ личныхъ счетовъ и является надежда, что онъ, убѣдившись вполнѣ въ истинѣ всего того, что я теперь разъяснилъ, отнесется справедливо къ своему старому другу.

Что касается мнѣнія моего даровитаго корреспондента о знаніи Тургеневымъ французскаго языка, то я напомню, что въ письмѣ къ Жоржъ-Зандъ Флоберъ выражаетъ искренное огорченіе, что не можетъ согласиться съ мнѣніемъ русскаго писателя и другого—французскаго о Шатобріанѣ! «Но какъ трудно придти къ соглашенію! восклицаетъ онъ. Вотъ два человѣка, которыхъ я очень люблю и которыхъ считаю настоящими художниками—Тургеневъ и Золя. Это нисколько не мѣшаетъ имъ не восторгаться прозой Шатобріана, ни тѣмъ менѣе прозой Готье. Фразы, которыя меня приводятъ въ восторгъ, кажутся имъ пустыми. Кто же не правъ? и какъ понравиться публикѣ, когда самые близкіе вамъ люди такъ далеки отъ васъ? Все это меня очень огорчаетъ. Не смѣйтесь» [1]).

Съ тѣхъ поръ Золя, кажется, измѣнилъ свое мнѣніе. Но не доказываетъ-ли это, что можно не очень восторгаться манерой письма (l'écriture, какъ теперь говорятъ) великаго писателя и все-таки не слыть невѣждой въ тонкостяхъ языка? Одинъ фактъ спора съ иностраннымъ писателемъ о вопросахъ стиля уже признаетъ за нимъ достаточную компетентность, особенно когда такой великій стилистъ, какъ Флоберъ, спрашиваетъ себя по этому поводу: «Кто же не правъ?» И въ самомъ дѣлѣ Тургеневъ былъ воспитанъ въ семьѣ, гдѣ хорошо знали французскій языкъ, онъ съ юныхъ лѣтъ имѣлъ гувернеровъ французовъ, затѣмъ большую часть своей жизни провелъ во Франціи, въ литературномъ кругу, и такъ сумѣлъ постичь всю красоту чистаго языка своихъ друзей, что Тэнъ могъ сказать про него, что «онъ говорилъ языкомъ французскихъ салоновъ XVIII вѣка».

Но, одно—понимать языкъ настолько, чтобы чувствовать красоту и тонкости его, и совсѣмъ иное—сумѣть создать изъ него художественное произведеніе. Поэтому Тургеневъ всегда заявлялъ, что не писалъ

---

[1]) Gustave Flaubert. Correspondence. IV série. p. 228.

ни одной строчки на другомъ языкѣ, какъ на русскомъ. Одинъ изъ его біографовъ, г. Венгеровъ сказалъ, что нѣкоторые изъ его разсказовъ были написаны по-французски или по-нѣмецки, и Тургеневъ сейчасъ-же опровергъ это. «Я никогда ни одной строки не напечаталъ не на русскомъ языкѣ; въ противномъ случаѣ я былъ-бы не художникъ, а просто—дрянь. Какъ это возможно писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то, на родномъ едва можно слѣдить съ образами, мыслями» и т. д.

И дѣйствительно, когда Тургеневъ давалъ французской публикѣ что-нибудь, онъ—хотя по издаваемой теперь перепискѣ и видно, какъ онъ изящно выражался по-французски,—прибѣгалъ къ услугамъ своихъ друзей m-r и m-me Віардо, или Мериме, или Флобера, какъ мы это видѣли въ письмахъ, адресованныхъ ему по поводу «Monsieur François»—повѣсти, появившейся первоначально въ «Nouvelle Revue». Въ этомъ отношеніи Додэ и Тургеневъ совершенно одного мнѣнія. Хотя инцидентъ, разсказанный мною, и возбудилъ многочисленные вопросы, онъ, однако, представилъ мнѣ удобный случай, чтобы выдвинуть настоящій характеръ отношеній между Тургеневымъ и его французскими друзьями.

Е. Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ Э. Золя.

I.

Дорогой Золя,

Я въ отчаяніи, что заставилъ Васъ проѣхаться понапрасну. Мнѣ казалось, я вамъ сказалъ, что буду дома до 2-хъ часовъ. Очень прошу васъ извинить меня за мою плохую память. Не пріѣдете-ли вы завтра, въ воскресенье, или въ понедѣльникъ до 2-хъ часовъ, или во вторникъ отъ 4—6? Я васъ буду ждать навѣрное. Если желаете—увѣдомьте меня о днѣ и часѣ.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

II.

Спасское, г. Мценскъ. Орловской губ. (17) 5 іюня, 1874 г.

Дорогой Золя,

Если у васъ имѣется атласъ, отыщите въ немъ карту Россіи и проведите пальцемъ отъ Москвы по направленію къ Черному морю. Вы

встрѣтите на вашемъ пути немного сѣвернѣе Орла—городъ Мценскъ. Моя деревня въ 10 километрахъ отъ этого, съ трудомъ, какъ вы видите, произносимаго мѣста. Здѣсь полное уединеніе, спокойное, зеленое, грустное. Если я буду въ состояніи тутъ работать, то останусь нѣсколько времени, если-жъ нѣтъ,—сбѣгу отсюда и, послѣ шести-недѣльнаго пребыванія въ Карлсбадѣ, возвращусь въ Парижъ, гдѣ навѣрное увижусь съ вами. Теперь къ дѣлу!

Я убѣдился въ Петербургѣ, что, ввиду настоящаго положенія международнаго законодательства, нельзя помѣшать первому встрѣчному переводить и печатать васъ и вотъ почему я не могъ помѣстить «La Conquête de Plassans»; хотя еще не появилось ни одного перевода, но издатель журнала, о которомъ я вамъ говорилъ, не хотѣлъ рисковать заказомъ перевода, такъ какъ онъ могъ-бы оказаться не новинкой. (Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, «La curée» только что появилась у одного книгопродавца подъ заглавіемъ «Добыча, брошенная собакамъ»). Упомянутый издатель, однако, желалъ-бы печатать ваши произведенія въ своемъ журналѣ и предлагаетъ черезъ мое посредничество платить вамъ по 30 руб. (105 фр.) за печатный листъ всего, что вы будете высылать ему въ рукописяхъ и корректурахъ и такъ какъ ему придется приблизительно столько-же платить переводчику, то я нахожу, что это цѣна приличная и что вы должны принять ее. Отвѣчайте мнѣ по слѣдующему адресу:

Г. И. Т. С.-Петербургъ. Гостинница Демутъ, Большая Конюшенная. Я буду тамъ дней черезъ двадцать, самое позднее, и могу передать вамъ отвѣтъ по назначенію.

Издатель читалъ вашу «Conquête» и былъ восхищенъ.

Романъ, надъ которымъ вы теперь работаете, меня очень интересуетъ. Мнѣ кажется, онъ будетъ превосходенъ. Сюжетъ его очень простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень оригиналенъ [1]).

Я только что писалъ Флоберу, но боюсь, что письмо мое его ужъ не застанетъ въ Кроассэ. У него было намѣреніе поѣхать освѣжиться въ Швейцарію, на Риги. Русской публикѣ не понравился его «Антоній», который даже не былъ запрещенъ. Не надо, чтобы онъ зналъ объ этомъ.

До свиданія, желаю вамъ здоровья и хорошаго расположенія духа и жму вамъ сердечно руку.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Политика у васъ принимаетъ странный оборотъ.

---

[1]) La Faute de l'abbé Mouret.

III.

Карлсбадъ, 11 августа 1874 г.

Дорогой Золя,

Меня должно быть кто-нибудь сглазилъ: вотъ уже три мѣсяца, что я валяюсь съ уступа на уступъ. Послѣ адскихъ страданій въ «cara patria», меня опять схватило въ ногѣ, здѣсь, въ Карлсбадѣ! Мнѣ это уже надоѣло и, какъ только я буду въ состояніи двигаться, я направлюсь въ Парижъ и оттуда въ Буживаль. Если и страдать—то все таки лучше дома. Я не забылъ о вашихъ интересахъ и моихъ обѣщаніяхъ. Я обо всемъ поговорилъ съ издателемъ русскаго журнала («Вѣстникъ Европы») г. Стасюлевичемъ. Я могъ бы передать вамъ въ подробности его предложенія, которыя очень подходящи, но такъ какъ онъ долженъ пріѣхать въ Парижъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ (около 10 или 15), я предпочитаю познакомить васъ съ нимъ и тогда мы обсудимъ все, какъ люди мудрые и разумные. Вы будете въ Парижѣ въ это время, не правда ли? Черкните мнѣ словечко въ Буживаль (Сена-и-Оаза), домъ Альгана, около церкви. Надѣюсь быть тамъ черезъ недѣлю, если чортъ (ибо подагра ничто иное, какъ чортъ) не помѣшаетъ мнѣ. Я везу вамъ переводъ «Curée», ужасно изуродованный цензурою. «La Conquête de Plassans» вкратцѣ была изложена въ одной газетѣ «Journal de St. Petersbourg, другая (Московская газета) даетъ полный переводъ въ фельетонѣ.

Желаю вамъ добраго здоровья и работы. Сюжетъ вашего новаго романа [1]) скабрезенъ, т. е. я хочу сказать труденъ, но вы сумѣете справиться съ нимъ! Вы усидчивы и у васъ нѣтъ подагры. Тысячу дружескихъ привѣтствій—и до свиданія.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я получилъ письмо отъ Флобера. Онъ въ Кроассэ и приготовляется писать свой романъ [2]).

IV.

Буживаль, 23 сентября 1874 г.

Дорогой другъ,

Три недѣли тому назадъ я вернулся сюда, все страдая подагрой. (Теперь мнѣ лучше). Чтобы написать вамъ, я ждалъ пріѣзда Стасюле-

[1]) La Faute de l'abbé. Mouret.

[2]) Bouvard et Pecuchet.

вича (издателя журнала, о которомъ я вамъ говорилъ), и вотъ получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ объявляетъ, что долженъ былъ спѣшно вернуться въ Петербургъ, чтобы спасти свой журналъ, который хотѣли запретить. Ему это удалось, но въ Парижъ ему нельзя будетъ пріѣхать до декабря мѣсяца. Пока же онъ очень желаетъ, чтобы я уговорился съ вами и прислалъ мнѣ свои условія. Намъ, слѣдовательно, надо повидаться по возможности скорѣе. Къ несчастію, я потерялъ мою книжечку съ адресами и не знаю вашего. Я принужденъ писать вамъ черезъ посредство Шарпантье. Завтра мнѣ надо ѣхать въ Парижъ, но вы до тѣхъ поръ, быть можетъ, не получите моего письма, а въ субботу, хотя и хромой еще, я ѣду къ дочери (около Шатодюнъ), гдѣ долженъ остаться до вторника. Мнѣ совѣстно заставлять васъ ѣхать въ Буживаль въ такую дурную погоду. Вотъ что я вамъ предлагаю: если Шарпантье доставитъ вамъ это письмо завтра утромъ, приходите въ 2 часа на улицу Дуэ, или назначимъ другъ другу свиданіе въ среду, въ 11 часовъ въ Café Riche, напр., чтобы вмѣстѣ позавтракать. Рѣшено, не правда-ли? Завтра или въ среду.

Я привезъ съ собой экземпляръ перевода «La Curée». «La Conquête de Plassans» имѣла два перевода, два сокращенія (подобныя тѣмъ, которыя печаталъ Форгъ въ «Revue des Deux Mondes»), три или четыре подробныхъ изложенія и столько же критическихъ статей. Въ Россіи только васъ и читаютъ.

До свиданія и тысяча дружескихъ привѣтствій.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

V.

Буживаль, 1 октября 1874 г.

Дорогой Золя!

Я вернулся третьяго дня изъ моей поѣздки въ Шатодюнъ и былъ намѣренъ отправиться на вчерашнее свиданіе съ вами, но ночью меня схватилъ девятый приступъ подагры и я утромъ же написалъ вамъ письмо, по адресу Шарпантье, чтобы васъ увѣдомить. Письмо свезъ въ Парижъ молодой Г. Шамро, мужъ старшей дочери m-me Віардо, но посыльный, которому онъ передалъ его, увѣряетъ, что не могъ найти на вашей улицѣ № 21 (адресъ далъ Шарпантье), и такимъ образомъ вы должны были проѣхаться понапрасну и прождать меня въ Café. Очень прошу васъ извинить меня.

Весь вчерашній день я провелъ въ постели и не выйду раньше 3—4-хъ дней. Но я желалъ бы повидаться съ вами и поговорить о нашемъ дѣлѣ. Если вамъ не покажется слишкомъ скучнымъ, пріѣзжайте

завтра, въ пятницу, между завтракомъ и обѣдомъ сюда. Поѣзжайте съ вокзала St. Lazare. Поѣздъ идетъ каждые часъ 35 минутъ. По прибытіи на станцію Рюэйль берите американскій омнибусъ, который привезетъ васъ въ Буживаль (не берите того, который идетъ только до Рюэйля), и затѣмъ вамъ останется пять минутъ ходьбы до дома Альганъ, около церкви.

Буду очень радъ васъ увидѣть. Пока жму вашу руку.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Я вамъ послалъ телеграмму вчера вечеромъ.

VI.

Буживаль, 3 октября 1874 г.

Дорогой Золя!

Конечно я буду въ восторгѣ увидѣть Шарпантье, но вотъ что я вамъ предлагаю. Мнѣ лучше, и я въ понедѣльникъ могу поѣхать въ Парижъ. Хотите перенести на понедѣльникъ то, что мы должны были сдѣлать въ прошлую среду, и придти съ Шарпантье въ Café Riche въ 11 часовъ? Если бы какая-нибудь чертовщина опять помѣшала, я вамъ телеграфировалъ-бы, зная теперь вашъ адресъ.

Во всякомъ случаѣ, до скораго свиданія и тысяча дружескихъ привѣтствій.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Если вы не можете быть въ понедѣльникъ, хотите въ среду? Если вы мнѣ не напишете, я буду знать, что это значитъ—въ понедѣльникъ.

VII.

(Февраль 1875 г.).

Дорогой другъ!

Благодарю васъ за присланную мнѣ статью вашу объ А. Дюма [1]). Она еще немного ухудшитъ мои отношенія съ нимъ, но для меня это безразлично. Я хотѣлъ бы пригласить васъ обѣдать(васъ и Флобера) съ Салтыковымъ. Bouillabaisse въ прошлый разъ произвелъ на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я не прочь былъ бы повторить его въ пятницу, въ томъ же самомъ мѣстѣ. Удобно-ли это вамъ? Черкните

[1]) Эта статья вышла въ «Вѣстникѣ Европы» (мартъ 1872 г.), подъ заглавіемъ: „Новый академикъ; по поводу принятія въ французскую академію А. Дюма-сына".

словечко. Я поговорю объ этомъ сегодня съ Флоберомъ. Я не могъ быть въ воскресенье.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Разумѣется, что *я* даю этотъ обѣдъ.

VIII.

25 февраля 1875 г.

Дорогой другъ!

Вашъ пакетъ отправленъ въ тотъ же день, какъ я получилъ его, т. е. въ понедѣльникъ. Надѣюсь, что поспѣетъ еще вовремя. Подождемъ отвѣта.

У меня будетъ литературно-музыкальное утро (русское, съ благотворительной цѣлью) въ субботу и у меня столько хлопотъ, что голова идетъ кругомъ.

Я навѣрное буду въ воскресенье у Флобера. Вы тоже будете?

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

IX.

Парижъ, 27 февраля 1875 г.

Дорогой другъ!

Рѣшено въ понедѣльникъ [1]). Благодарю за вашу книгу [2]). Я уже началъ ее читать. Посылаю вамъ свою маленькую вещицу, которая вышла въ Temps [3]).

Тысяча дружескихъ привѣтствій и до свиданія.

Ив. Тургеневъ.

X.

13 мая 1875 г.

Дорогой Золя!

Напишите, пожалуйста, сегодня же ($^{13}/_1$ мая) Стасюлевичу, что вы ему посылаете фельетонъ $^8/_{20}$. Онъ проситъ васъ и впредь всегда писать ему $^1/_{13}$ числа мѣсяца, чтобы предупреждать, посылаете ли вы

---

[1]) Обѣдъ съ Флоберомъ, Додэ и Гонкуромъ.

[2]) La Faute de l'abbé Mouret.

[3]) «Стучитъ».

фельетонъ или нѣтъ. Заѣду къ вамъ послѣ-завтра утромъ, чтобы передать деньги, и пр. Завтра я слишкомъ занятъ.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XI.

25/13 мая 1875 г.

Дорогой Золя!

Если хотите видѣть мой портретъ, приходите послѣ-завтра, въ четвергъ, въ полдень, на ул. Фонтэнъ 42, къ Харламову; я буду тамъ. Это будетъ послѣдній сеансъ. Портретъ почти оконченъ. Это будетъ случаемъ увидѣть васъ еще разъ передъ моимъ отъѣздомъ въ Карлсбадъ, который назначенъ на пятницу.

До свиданія и позвольте пожать вамъ руку.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XII.

Буживалъ. 26 сентября 1875 г.

Дорогой другъ!

Ваше письмо отъ 8 дошло до меня только 20-го! Почта выкидываетъ такія штуки со мной послѣднее время. Пишу вамъ въ надеждѣ, что письмо мое еще застанетъ васъ въ С. Обэнъ. Морской воздухъ несомнѣнно принесетъ большую пользу вашей женѣ и я счастливъ, что вы работаете и кончаете ваши работы. Есть значитъ еще люди, не броасющіе плуга.

Бѣдный Флоберъ въ истинно-жалкомъ нравственномъ состояніи. Надо, какъ вы говорите, чтобы зимою всѣ его друзья тѣснѣе сплотились вокругъ него, если онъ пріѣдетъ въ Парижъ, что еще не рѣшено. Звѣрски жестоко поступила судьба, нанеся такое пораженіе ему—человѣку, меньше всѣхъ въ мірѣ способному жить своимъ трудомъ. Стасюлевичъ, котораго я видалъ нѣсколько разъ впродолженіе его краткаго пребыванія въ Парижѣ, тоже очень жалѣлъ, что не могъ познакомиться съ вами; онъ условился съ Шарпантье на счетъ новаго тома [1]). Кстати, имѣете ли вы что-нибудь противъ того, чтобы ваше имя полностью выставлялось въ фельетонахъ «Вѣстника Европы»? Онъ мнѣ поручилъ

[1]) Вѣроятно „Son Excellence Eugéne Rougon“, появившееся въ «Вѣстникѣ Европы» (январь, февраль, мартъ и апрѣль 1876 г.).

спросить васъ объ этомъ. Послѣдній (о братьяхъ Гонкуръ) превосходенъ. Онъ заставитъ перевести ихъ романъ, и Стасюлевичъ уже наложилъ свою лапу на Renée Mauperin.

Какъ?! И бѣдный Гонкуръ испытываетъ денежныя затрудненія? Это и глупо, и несправедливо.

Я остаюсь здѣсь еще мѣсяцъ или недѣль шесть, но я часто ѣзжу въ Парижъ и надѣюсь имѣть возможность пожать вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

XIII.

1 декабря 1875 г.

Дорогой другъ!

Сейчасъ я получилъ письмо отъ Стасюлевича, который мнѣ пишетъ, чтобы я умолилъ васъ выслать вашъ мѣсячный фельетонъ, въ видѣ исключенія, не позднѣе 5—17 декабря, т.-е. черезъ четыре дня: съ 23 декабря стараго стиля всѣ рабочіе, типографщики и пр. въ Петербургѣ мертвецки пьяны (праздникъ Рождества) и на нихъ разсчитывать уже нельзя.

Онъ пишетъ мнѣ въ то-же время, что получилъ полностью рукопись вашего романа [1]); что онъ отправилъ вторые 400 франковъ Шарпантье и что въ началѣ января вышлетъ третьи и послѣдніе.

До воскресенья! Пока желаю вамъ добраго здоровья и полнаго успѣха.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XIV.

Парижъ. 24 января 1876 г.

Дорогой Золя!

Я только что получилъ отъ Стасюлевича письмо, полное лирическаго восторга по поводу вашего фельетона о бракѣ [2]). Онъ имѣетъ безумный успѣхъ въ Россіи. У меня было хорошее чутье, когда я направлялъ васъ въ эту сторону.

У меня уже двѣ недѣли подагра и она причина тому, что нашъ сегодняшній обѣдъ канулъ въ воду, и мѣшаетъ мнѣ также итти смотрѣть «Les Danicheff». Какъ только наступитъ маленькое улучшеніе, я возьму

---

[1]) Son Excellence Eugène Rougon.

[2]) «Бракъ во Франціи», вышелъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ январѣ 1876 г.

ложу, чтобы имѣть возможность вытянуть ногу; не поѣдете-ли вы тогда со мной?

Вы здоровы, не правда-ли?

Желаю успѣшной работы и добраго здоровья!

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XV.

Февраль, 1876.

Дорогой другъ,

Точно нарочно,—выхожу вчера въ первый разъ и вы именно въ этотъ день пріѣзжаете; расчитываю однако непремѣнно увидѣть васъ завтра у Флобера. Мы побесѣдуемъ о «Danicheff» и другихъ подобныхъ глупостяхъ.

Жму вамъ дружески руку.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XVI.

[Мартъ или апрѣль 1876 г.]

Дорогой другъ!

Вы получите надняхъ (если уже не получили) письмо отъ нѣкоего г. Баймакова, издателя «Петербургской Газеты», съ предложеніемъ сотрудничать въ его газетѣ, присылая фельетоны. *Не сговаривайтесь съ нимъ и не отвѣчайте ему,* не поговоривъ предварительно со мною. Хотите заѣхать ко мнѣ завтра до 2-хъ часовъ? Тутъ-же вы увидите и мой портретъ, который отправляется послѣзавтра на выставку [1]).

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XVII.

7 апрѣля 1876 г.

Дорогой другъ!

Я все откладывалъ писать вамъ: я надѣялся получить или телеграмму, или письмо, но ничего не получилъ. По всей вѣроятности условія, при

[1]) Портретъ, написанный Харламовымъ.

которыхъ мы принуждены были предложить «L'assommoir», оказались неподходящими. Я вполнѣ одобряю вашу мысль замѣнить ежемѣсячную корреспонденцію вашу въ «Вѣстникъ Европы» извлеченіемъ, предшествуемымъ краткимъ анализомъ, особенно, если это извлеченіе не взято изъ начала романа и тѣмъ самымъ представляетъ собою прелесть новинки. Не сомнѣваюсь, что Стасюлевичъ охотно приметъ вашу мысль и не думаю, чтобы было нужно предупреждать его заранѣе. Поэтому полагаю, что вы можете приняться за дѣло завтра-же, такъ-какъ надо, видно, отказаться отъ намѣренія выгодно помѣстить переводъ.

Въ случаѣ если всетаки что-нибудь придетъ, я васъ сейчасъ же увѣдомлю телеграммой. До воскресенья во всякомъ случаѣ.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

PS. Гонкуръ сказалъ мнѣ, что Флоберъ боленъ поясовидной рожей; это не опасно, но невыносимо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Молодые годы П. И. Чайковскаго.

Постепенный перелом въ душѣ будущаго музыканта.

Ничтожность и скудость проявленія музыкальнаго развитія Петра Ильича въ періодъ пятидесятыхъ годовъ шли объ руку съ легкомысленностью всего его направленія и существованія въ это время. Его глубоко любящая и воспріимчивая ко всему высокопрекрасному натура цѣпенѣетъ одновременно съ мертвымъ сномъ его таланта, впослѣдствіи столь дѣятельнаго и плодовитаго и, въ моментъ пробужденія, одновременно съ музыкальнымъ дарованіемъ распускаются всѣ сокровища его духовнаго существа. Вмѣстѣ съ поверхностнымъ любителемъ исчезаетъ беззаботный повѣса и вмѣстѣ съ великимъ труженикомъ возрождается самый нѣжный и благодарный сынъ, самый любящій и заботливый братъ.

Обновленіе это подготовляется совершенно незамѣтно. Трудно точно указать эпоху его возникновенія, потому что не произошло ни потрясающихъ событій и никакихъ другихъ внѣшнихъ поводовъ для этого. Но зарождается оно несомнѣнно въ началѣ 1861 года, когда одновременно Петръ Ильичъ начинаетъ снова подумывать о музыкальной дѣятельности и ищетъ въ тѣснѣйшемъ сближеніи съ семьей удовлетворенія болѣе высокихъ потребностей души, чѣмъ тѣ, которыми былъ руководимъ раньше. И въ томъ, и въ другомъ сказывается утомленіе отъ прежняго образа жизни, желаніе бросить его, страхъ навсегда погрязнуть въ омутѣ мелкаго, никому ненужнаго существованія.

Періодъ мучительныхъ сомнѣній, почти отчаянія въ моменты отрезвленія отъ лихорадочной погони за удовольствіями, о которыхъ часто поминалъ Петръ Ильичъ, можно только констатировать здѣсь и приблизительно отнести ко времени конца 1860 и начала 1861 года, не ранѣе. Нашло-ли присыщеніе праздной жизнью подъ вліяніемъ какого-нибудь невѣдомаго намъ происшествія сразу, или подготовлялось постепенно и

медленно—сказать невозможно, потому что Петръ Ильичъ пережилъ тогда эти тягостныя минуты незримо для другихъ, одинъ. Передъ нами выступаетъ онъ снова, только когда переломъ уже совершился, лежавшая передъ нимъ тьма разсѣялась и заигралъ пока еще смутный разсвѣтъ новаго фазиса его существованія.

По выходѣ замужъ въ ноябрѣ 1860 г. Александры Ильинишны, Петру Ильичу и въ голову не приходило переписываться съ нею. Его братская любовь выражалась въ пассивномъ желаніи сестрѣ всякихъ благъ и покоилась не тронутая. Но въ началѣ марта 1861 г. онъ узналъ, что Александра Ильинишна тоскуетъ по роднымъ, что ея счастье не безъ терній, и въ немъ проснулось впервые по отношенію къ ней желаніе проявить свою нѣжность, по возможности утѣшить и разсѣять.

Интересно, что одновременно съ этимъ въ томъ-же письмѣ разсказывается имъ событіе сѣренькое и ничтожное на видъ, но имѣющее значеніе начала его музыкальной жизни. А именно: Илья Петровичъ первый заговариваетъ съ нимъ о музыкальной карьерѣ и даетъ ему мысль посвятить себя ей. Въ письмѣ этомъ такъ ярко рисуется пробужденіе прежняго любвеобильнаго юноши и вмѣстѣ съ тѣмъ образъ веселаго пустоватаго свѣтскаго молодого человѣка, какимъ Петръ Ильичъ былъ тогда, что я приведу его цѣликомъ.

10 марта 1861 г. С.-Петербургъ.

Послѣ обѣда (за обѣдомъ была селянка и корюшка).

Сейчасъ, Саша, прочиталъ твои письма къ папашѣ и Малѣ. Сквозь нихъ видны такая грусть, такое тихое, но мрачное *безнадежіе*, что мнѣ стало и жалко, и досадно. Какъ тебѣ не стыдно быть въ такомъ расположеніи духа? Забудь прошлое, гони отъ себя милыя воспоминанія; смотри смѣло впередъ, ты увидишь сколько тебѣ предстоитъ тихихъ радостей, сколько счастья. Къ августу ужъ ты мать!—тутъ кстати тебѣ являются тетя Лиза и Маля:—въ вознѣ съ ребенкомъ годъ пройдетъ незамѣтно: тамъ поѣздка, хоть ненадолго въ Петербургъ; свиданіе съ друзьями, родными!—да право, я-бы хотѣлъ быть на твоемъ мѣстѣ. А мужъ, котораго ты любишь? Нѣтъ, ободрись, старайся только быть здоровою и, главное, не заглядывай въ прошедшее, пріучи себя къ этому и ты увидишь, что перестанешь грустить.

Въ моемъ образѣ жизни съ твоего отъѣзда ничего не перемѣнилось. Только поѣздка въ Медвѣдь вывела меня нѣсколько времени изъ обычной колеи. Про Медвѣдь тебѣ уже вѣроятно все извѣстно отъ Мали. Сашенька Карцова много перемѣнилась въ свою пользу; куда дѣвалась прежняя сухость, безцвѣтность. У ней теперь столько жизни, что какъ посмотришь на нее, весело дѣлается. Участвовалъ я тамъ въ домашнемъ спектаклѣ и исполнилъ двѣ роли довольно удачно. Лѣтомъ еще не знаю, гдѣ буду, легко можетъ статься, что прикачу на нѣсколько дней къ вамъ,

а можетъ быть и заграницу махну, если папаша будетъ въ состояніи удружить деньгами. Теперь великій постъ со своимъ вонючимъ масломъ, тощими рыбами, живыми картинами, оттепелью и скверными дорогами, *афишонами*, прежде и послѣосвященными обѣднями и коннымъ циркомъ.

Масляницу провелъ очень бурно и глупо. Простился со всѣми театрами, маскарадами и теперь успокоился, а всетаки дома не сидится. Сейчасъ отправляюсь къ Пиччіоли, у которыхъ хочу поговорить по-итальянски и послушать пѣніе. Откладываю письмо до возвращенія домой.

12 ч. ночи.

Я былъ у Пиччіоли. Оба они такъ-же милы, какъ прежде. Она велѣла тебѣ передать тысячу поклоновъ и сказать, что любитъ тебя по старому. Домой возвратился рано, такъ что успѣлъ поужинать. Увы! тощая, жареная рыба не утолила моего аппетита. Отъ скуки я потормошилъ Амалію: т.-е. насильно заставилъ ее пробѣжать разъ 10 по залѣ. *За ужиномъ говорили про мой музыкальный талантъ. Папаша увѣряетъ, что мнѣ еще не поздно сдѣлаться артистомъ. Хорошо-бы если такъ!* Но дѣло въ томъ, что если во мнѣ есть талантъ, то уже навѣрно его развивать уже невозможно. Изъ меня сдѣлали чиновника и то плохого: я стараюсь по возможности исправиться, заняться службою посерьезнѣе—вдругъ въ тоже время изучать генералъ-басъ! Что твое пѣніе? Отъ него, признаюсь, я не ожидаю ничего хорошаго. Ты, вѣроятно, не дотрогивалась до фортепіано и не смотришь на ноты, столь усердно собранныя и посланныя тебѣ господиномъ фонъ-Дервизомъ. Сей послѣдній выздоровѣлъ къ великой радости тети Лизы и всего русскаго народа, а въ особенности каретнаго извощика Спиридона, на которомъ онъ все еще ѣздитъ.

Въ воскресенье объявлена свобода. Я нарочно ходилъ въ приходскую церковь, чтобы видѣть впечатлѣніе, которое манифестъ произведетъ на мужичковъ. Въ этотъ день въ оперѣ оркестръ три раза игралъ «Боже Царя храни!» при громкихъ и восторженныхъ крикахъ всего собранія. Послѣ вашего отъѣзда въ оперѣ ничего замѣчательнаго не давали, все одно и то-же. «Вильгельма Телля» дали по крайней мѣрѣ десять разъ. Саша! напиши Амальѣ (только не говори, что по моему совѣту), чтобы она не поступала на сцену. Я про это съ ней никогда не говорилъ, да ты вѣдь знаешь, что я не очень разговорчивъ, когда дѣло идетъ серьезное, потому что вмѣшиваться не люблю. Во-первыхъ, хотя у ней есть задатки дарованія, но едва-ли она будетъ въ состояніи встать на первый планъ, а быть такой актрисой, какъ какая-нибудь Подобѣдова, не стоитъ; а во-вторыхъ, даже если допустить, что у нея огромный талантъ, кто можетъ поручиться за успѣхъ? Что если она не произведетъ впечатлѣнія? Тогда для нея все погибло; едвали въ такомъ случаѣ ее возьмутъ

замужъ, а остаться старой дѣвой, да притомъ неудавшейся актрисой—участь незавидная.

Что тебѣ сказать о нашихъ знакомыхъ? Засѣцкая пѣла въ одномъ концертѣ и имѣла успѣхъ. У Бутовскихъ въ послѣдній разъ я былъ при васъ. Захаиевичъ уѣхала навсегда въ Вологду и совершенно неожиданно. Я ѣздилъ съ Апухтинымъ къ ней прощаться. Апухтинъ поднесъ ей стихи и такъ разчувствовался, что разревѣлся. Ужъ этихъ пошлостей не люблю. Я обѣщалъ ей сочинить романсъ и надулъ. Она премилая личность. Почему она рѣшилась ѣхать,—покрыто мракомъ неизвѣстности. Н. совершенно забылъ прежнее, хотя называетъ тебя *эфектною дамой*, а Леву всетаки ненавидитъ. Татьяна Ивановна ему вѣрна и платья носитъ на манеръ камелій, безъ кринолина, съ безконечнымъ шлейфомъ. Адамовъ такъ-же милъ какъ прежде, находится подъ туфлей Софьи Ивановны, какъ прежде, и фразерствуетъ, какъ прежде. Съ Апухтинымъ вижусь каждый день; онъ продолжаетъ занимать при дворѣ моемъ должность перваго шута, а въ сердцѣ—перваго друга. Мещерскій часто освѣдомляется, что дѣлаетъ Смоляночка. Вотъ тоже симпатичная личность... дошли до такого *апогея* пошлости, что ихъ невозможно видѣть, особенно вмѣстѣ. Сердце мое въ томъ-же положеніи и *святое семейство* имъ завладѣло до такой степени, что никого не подпускаетъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Сережа уже 3-й мѣсяцъ какъ боленъ, но теперь выздоравливаетъ. Софи пріѣзжала ненадолго изъ Саратова и я имѣлъ счастье видѣть ее въ театрѣ. Похорошѣла ужасно. Вѣрочка выросла. Сдѣлалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ; всего чаще бываю у Есиповыхъ: у нихъ игралъ на домашнемъ спектаклѣ и танцовалъ на большомъ балу. Помирился съ Х. и сталъ у ней бывать. Она гадка, зла, умна, вонюча, весела,—какъ во времена нашей дружбы. На балу у К. она имъ сдѣлала такую исторію, что m-lle К. во время мазурки сидѣла на мѣстѣ и рыдала. Х. говоритъ, что этимъ К. не отдѣлаются: «Elles pleureront des larmes de sang», говоритъ она и сдержитъ слово. Дочь ея прехорошенькая.

У К. Н. Д. не былъ ни разу, да и не поѣду. Ни Коко, ни Васенька ни разу у насъ не были. Такъ не скучай-же, Саша. Скоро уже лѣто. То-то у васъ будетъ хорошо. Лева, цѣлую тебя тысячу разъ. Ради Господа Бога, не стѣсняйтесь, не пишите мнѣ отдѣльно. Я понимаю, что невозможно вамъ всѣмъ писать. Конечно, оно очень пріятно было-бы, но я этого не требую. Самъ-же буду писать вамъ по возможности часто. Цѣлую тебя, Саша, крѣпко, крѣпко, крѣпко.

П. Ч.

Другое событіе, почти одновременное съ этимъ письмомъ, столь-же будничное и сѣренькое, но давшее совершенно новый оборотъ интимной жизни Петра Ильича, еще нагляднѣе рисуетъ перерожденіе его въ новаго

человѣка. Здѣсь на время я слагаю съ себя роль біографа и обращаюсь къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Ко времени замужества нашей сестры, Александры Ильинишны, близнецу моему Анатолію и мнѣ было 10 лѣтъ. Хотя увлеченная радостнымъ существованіемъ сначала плѣнительной барышни, потомъ невѣсты и наконецъ молодой жены, она не принимала въ послѣдніе годы своего пребыванія въ родительскомъ домѣ почти никакого участія въ нашемъ воспитаніи, но все-же любима была нами нѣжно и поэтому, когда уѣхала навсегда изъ семьи, мы оба чувствовали себя очень осиротѣвшими. Къ этому горю присоединилось и то, что насъ въ то время отдали въ домашнюю школу нѣкоего А., гдѣ вслѣдствіе нашей отсталости учиться было просто невозможно. Дѣло въ томъ, что А. былъ лицо, подчиненное нашему отцу. Будучи человѣкомъ очень вкрадчивымъ и хитрымъ, А. съ лицемѣрнымъ восторгомъ взялся за руководство нашимъ образованіемъ, но, пользуясь довѣрчивостью нашего отца и тѣмъ, что послѣднему рѣшительно некогда было близко слѣдить за нашимъ развитіемъ, отнесся къ намъ съ большою небрежностью; окружая почетомъ, какъ «генеральскихъ сыновей», въ мелочахъ онъ льстилъ нашему тщеславію, но, убѣдившись, что мы страшно отстали отъ прочихъ учениковъ его небольшой школы, вѣроятно, счелъ невыгоднымъ устроить для насъ отдѣльный классъ и посадилъ вмѣстѣ со всѣми, гдѣ мы рѣшительно ничего не понимали и не могли понять. Вскорѣ по этому мы оба стали мишенью насмѣшекъ для учителей и для товарищей,—какими-то паріями отчасти, какъ полуидіоты, не умѣвшіе понять десятичныхъ дробей (когда мы и четырехъ правилъ-то хорошо не знали), отчасти-же какъ «генеральскіе сынки», которымъ совершенно неумѣстно оказывались привиллегіи въ родѣ подаванія кофе съ булками во время уроковъ. Мы ходили туда утромъ и часамъ къ тремъ дня возвращались домой, гдѣ были предоставлены самимъ себѣ до ночи. Совершенно безсильные въ приготовленіи заданныхъ намъ уроковъ, безпомощно бродили мы по просторной квартирѣ, выклянчивая объясненія у кого попало, а такъ какъ, начиная съ отца, всѣ въ домѣ или были отвлечены своимъ дѣломъ, или-же не въ состояніи были прійти намъ на помощь, то, отложивъ всякія попытки какъ-нибудь избѣжать насмѣшки учителей и товарищей за худые отвѣты, мы безъ призора валандались изъ комнаты въ комнату, слишкомъ большіе, чтобы заниматься какою-нибудь игрою и слишкомъ неразвитые, чтобы найти подходящее развлеченіе. Я живо помню эти длинные, тоскливые вечера, когда отецъ сидитъ въ кабинетѣ, заваленный работой по реформѣ Технологическаго института, братъ Петръ гдѣ нибудь порхаетъ внѣ дома, тетушка Елизавета Андреевна съ Амальей или тоже въ гостяхъ, или заняты своими дѣлами, а мы съ Анатоліемъ шляемся, не зная, за что приняться. Обидно было то, что въ сущности и жаловаться было не на что. Не

говоря уже о томъ, что матеріально жили мы въ довольствѣ и холѣ, но и были любимы. Цѣлый домъ поднимался на ноги въ случаѣ болѣзни одного изъ насъ. Да и въ обычное время мы не чувствовали недостатка въ ласкахъ: не говоря уже про отца, который расточалъ ихъ такъ щедро, и добрѣйшая, тетушка, и ея другъ Марья Егоровна — удѣляли ихъ намъ постоянно. Но томительнаго вечера все-таки этимъ наполнить было нельзя, и мы чувствовали себя очень одинокими. Все у насъ было, недоставало одного:—никто не интересовался нашимъ развитіемъ, по привычкѣ видѣть въ насъ ребятишекъ; всѣ какъ-бы забыли, что мы начинаемъ нуждаться въ болѣе зоркомъ и постоянномъ руководствѣ.

И вотъ однажды, въ одинъ изъ такихъ тусклыхъ вечеровъ, когда мы готовы были повторять только слово: «скучно, скучно» и съ нетерпѣніемъ ожидать часа, когда велятъ идти спать, Анатолій и я сидѣли, болтая ногами, на подоконникѣ въ залѣ и рѣшительно не знали, что съ собой дѣлать. Въ это время прошелъ мимо насъ Петя. Съ тѣхъ поръ, какъ мы себя помнили, мы росли въ убѣжденіи, что это существо не какъ всѣ и относились къ нему не то что съ любовью, а съ какимъ-то обожаніемъ. Каждое слово его казалось священнымъ. Откуда это взялось, не могу сказать, но во всякомъ случаѣ онъ для этого ничего не дѣлалъ. Мы для него какъ-бы не существовали и совершенно сжились съ отношеніемъ къ нему, какъ къ божеству, отъ котораго и требовать нельзя, чтобы оно снизошло до насъ.

Уже отъ одного сознанія, что онъ дома, что мы его видимъ, намъ стало веселѣе, но какова-же была наша радость, нашъ восторгъ, когда онъ не прошелъ мимо по обычаю, а остановился и спросилъ: «Вамъ скучно? Хотите провести вечеръ со мною?» И до сихъ поръ братъ Анатолій и я хранимъ въ памяти малѣйшую подробность этого вечера, составившаго новую эру нашего существованія, потому что съ нею началось наше тройное единеніе, прерванное только смертью.

Самый мудрый и опытный педагогъ, самая любящая и нѣжная мать съ тѣхъ поръ не могла-бы намъ замѣнить Петю, потому что въ немъ, кромѣ того, былъ нашъ товарищъ и другъ. Все, что было на душѣ и въ головѣ, мы могли повѣрять ему безъ тѣни сомнѣнія, что это ему интересно: мы шутили и возились съ нимъ, какъ съ равнымъ, а между тѣмъ трепетали, какъ передъ строжайшимъ судьею и карателемъ. Вліяніе его на насъ было безгранично, его слово законъ, а между тѣмъ никогда въ жизни далѣе хмураго лица и какого-то бичующаго взгляда проявленіе строгости его незаходило. Съ его стороны въ отношеніи къ намъ не было ничего предвзятаго, никакой тѣни сознательно, твердо исполняемаго долга, потому что къ сближенію съ нами его привлекло одно чувство, подсказавшее вѣрнѣе разума все, что было нужно для установленія полной власти надъ нашими сердцами; поэтому-то онъ и былъ совершенно свободенъ и непринужденъ въ нашемъ обществѣ. Онъ просто

любилъ его и безъ наставленій, безъ требованій могъ заставить насъ только выраженнымъ желаніемъ дѣлать то, что считалъ хорошимъ.

И вотъ мы втроемъ составили какъ-бы семью въ семьѣ. Для насъ онъ былъ братъ, мать, другъ, наставникъ—все на свѣтѣ. Мы съ своей стороны сдѣлались его любимой заботой въ жизни, дали ей смыслъ. «Моя привязанность къ этимъ двумъ человѣчкамъ,—говоритъ онъ черезъ годъ въ письмѣ къ сестрѣ,—съ каждымъ днемъ все дѣлается больше и больше. Я внутренно ужасно горжусь и дорожу этимъ лучшимъ чувствомъ моего сердца. Въ грустныя минуты жизни мнѣ только стоитъ вспомнить о нихъ—и жизнь дѣлается для меня дорога. Я по возможности стараюсь для нихъ замѣнить своею любовью ласки и заботы матери, которыхъ, къ счастью, они не могутъ знать и помнить, и кажется мнѣ это удается».

Какъ ни незначителенъ разговоръ отца съ сыномъ 10 марта 1861 г., но артистическая будущность Петра Ильича съ этого ужина была рѣшена безповоротно; поощренный Ильей Петровичемъ, онъ воспользуется первымъ случаемъ для осуществленія давнишней, завѣтной мечты. Какъ ни мелки описанныя проявленія его любви къ сестрѣ и младшимъ братьямъ, но они ложатся прочнымъ фундаментомъ главнаго интереса всей его интимной жизни въ будущемъ, тѣсно связанной съ судьбой двухъ близнецовъ и семьи Давыдовыхъ. Но какъ поворотъ солнца въ іюнѣ и декабрѣ становится ощутителенъ только спустя нѣкоторое время, такъ и поворотъ въ жизни Петра Ильича дѣлается замѣтенъ значительно позже.

Снаружи все остается, какъ было. Несмотря на утомленіе отъ разсѣянной жизни, на мучительное желаніе покончить съ ней, все-таки и хожденіе въ департаментъ, и посѣщеніе салоновъ и мѣстъ развлеченія продолжается.

Но изъ всѣхъ неизвѣданныхъ Петромъ Ильичемъ радостей осталась одна наиболѣе страстно желаемая и до сихъ поръ еще неосуществившаяся: поѣздка заграницу. И какъ-бы для того, чтобы показать тщету и этого удовольствія — судьба устраиваетъ такъ, что и оно становится доступнымъ.

Въ числѣ знакомыхъ Чайковскихъ былъ въ это время нѣкто В. В., по спеціальности инженеръ, состоявшій въ какихъ-то дѣловыхъ сношеніяхъ съ Ильей Петровичемъ. Очень пріятный и остроумный балагуръ мало-по-малу изъ дѣловыхъ знакомыхъ сталъ интимнымъ и сблизился съ Петромъ Ильичемъ. И вотъ этому В. В. понадобилось сдѣлать заграничное путешествіе для какихъ-то спеціальныхъ цѣлей. Бѣда была въ томъ, что онъ не зналъ никакихъ иностранныхъ языковъ и нуждался въ переводчикѣ. Петръ Ильичъ, плѣненный добродушіемъ В. В., на

сдѣланное предложеніе занять это мѣсто отвѣчалъ восторженнымъ согласіемъ. Илья Петровичъ, всегда радовавшійся радостямъ дѣтей своихъ, не только одобрилъ этотъ планъ, но и изъ своихъ небольшихъ средствъ далъ нѣкоторую сумму сыну, чтобы его положеніе во время путешествія не было слишкомъ зависимо отъ спутника. Ликованію Петра Ильича не было предѣловъ, и счастливое настроеніе, въ которомъ онъ находился, отразилось въ письмѣ къ сестрѣ отъ 9 іюня 1861 г.: «Какъ тебѣ не безъизвѣстно, пишетъ онъ, я ѣду заграницу; ты можешь себѣ представить мой восторгъ, а особенно, когда примешь въ соображеніе, что, какъ оказывается, путешествіе мое почти ничего не будетъ стоить; я буду что-то въ родѣ секретаря, переводчика или драгомана В. В. Конечно, оно-бы лучше и безъ исполненія этихъ обязанностей, но что-же дѣлать? Путешествіе это мнѣ кажется какимъ-то соблазнительнымъ, несбыточнымъ сномъ. Покамѣсть не сяду на пароходъ, я не могу повѣрить, что все это дѣйствительно. Я въ Парижѣ! въ Швейцаріи!—это даже смѣшно!»

Въ самомъ началѣ іюля Петръ Ильичъ и В. В. выѣхали изъ Петербурга, но не на пароходѣ, какъ воображалъ первый, а по варшавской желѣзной дорогѣ до Динабурга, откуда до границы пришлось ѣхать въ дилижансѣ «Переѣздъ черезъ границу, пишетъ Петръ Ильичъ отцу, минута поэтическая и торжественная. Всѣ перекрестились и послѣдній русскій часовой громко воскликнулъ намъ: «съ Богомъ», махнувъ знаменательно рукой».

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого путешествія и изъ четырехъ довольно объемистыхъ писемъ къ отцу изъ разныхъ городовъ Европы я приведу только краткій путь слѣдованія и соотвѣтственно немногословную оцѣнку каждаго мѣста остановки съ той точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ самъ Петръ Ильичъ на эту поѣздку. Онъ ѣхалъ единственно веселиться и вотъ—всякій городъ хорошъ или не хорошъ согласно съ тѣмъ, были-ли въ немъ пріятныя увеселенія или не были.

Первое мѣсто, гдѣ путешественники прожили четыре дня, былъ Берлинъ. Отдавъ дань обычаю каждаго русскаго, выѣзжающаго заграницу, выругать на чемъ свѣтъ стоитъ этотъ городъ [1]), онъ тѣмъ не менѣе опредѣленно не высказываетъ своего впечатлѣнія; съ одной стороны какъ будто все въ Берлинѣ скверно и уродливо, а затѣмъ онъ все-таки сознается, что путешествіе доставляетъ ему огромное наслажденіе, что «даже этотъ подлый Берлинъ интересовалъ» его; въ заключеніе, побывавъ у Кроля, на шпицбалахъ и на представленіи «Орфея въ аду» Офенбаха, онъ съ юношеской наивностью говоритъ: «Теперь мы его (т.-е. Берлинъ) однако изучили и довольно!»

[1]) Впослѣдствіи П. И. презрительно и съ негодованіемъ относился къ этому и считалъ Берлинъ однимъ изъ любимѣйшихъ городовъ въ Европѣ.

Послѣ Берлина Гамбургъ, гдѣ была проведена цѣлая недѣля, оказывается прекраснымъ. «Гамбургъ несравненно лучше Берлина», потому что тамъ, во-первыхъ, «чудный видъ съ балкона», а во-вторыхъ, «увеселеній множество»—увеселеній самыхъ первобытныхъ и низменныхъ, но въ двадцать одинъ годъ къ нимъ относятся вообще неразборчиво, а съ такой впечатлительностью, какъ у Петра Ильича, въ особенности. Онъ покидаетъ Гамбургъ «съ грустью». За то Брюссель, а потомъ Антверпенъ, въ которыхъ пришлось въ сложности быть дней десять, нашему страннику рѣшительно не понравились. Въ обоихъ городахъ В. В. оставляетъ его одного; самъ-же разъѣзжаетъ по заводамъ; а въ эти времена одиночество не было и не могло быть тѣмъ, чѣмъ было для него впослѣдствіи—потребностью и главнымъ условіемъ счастья,—и вотъ онъ скучаетъ, вздыхаетъ по Россіи и роднымъ. Единственный отзывъ во всѣхъ четырехъ письмахъ, гдѣ вопросъ о времяпровожденіи не вліяетъ на силу и глубину впечатлѣнія, относится къ Остенде, гдѣ Петръ Ильичъ провелъ три дня. «Здѣсь было очень хорошо. Я ужасно люблю море, особенно когда оно шумитъ, а въ эти дни оно какъ нарочно сумасшествовало».

Въ концѣ нашего іюля путешественники пріѣхали въ Лондонъ, гдѣ пребываніе длилось не болѣе недѣли. «Здѣсь я, вообще, время проводилъ-бы очень пріятно, если-бы меня не томила неизвѣстность объ васъ», пишетъ онъ къ отцу, «письма ждутъ меня въ Парижѣ и сердце мое рвется туда, а В. В. все откладываетъ. Лондонъ очень интересенъ, но на душу дѣлаетъ какое-то мрачное впечатлѣніе. Солнца въ немъ никогда не видно, дождь на каждомъ шагу». Здѣсь Петръ Ильичъ въ первый разъ слышитъ Патти, которой такъ восхищался впослѣдствіи, но она теперь на него «особеннаго впечатлѣнія не произвела».

Какъ и слѣдовало ожидать, лучшимъ городомъ оказывается Парижъ, который сразу и на всю жизнь завоевалъ симпатіи композитора. Какъ нарочно знакомится онъ съ нимъ при исключительной обстановкѣ; въѣзжая въ него (14) 2 августа, наканунѣ имянинъ Наполеона, которые праздновались съ большимъ великолѣпіемъ. «Вообще жизнь въ Парижѣ, пишетъ онъ, чрезвычайно пріятна. Въ немъ можно дѣлать что угодно, но только скучать нѣтъ никакой возможности. Стоитъ выйти на бульваръ и уже весело». Прелесть времяпровожденія въ Парижѣ увеличивается еще встрѣчей съ товарищемъ и другомъ дома Чайковскихъ, В. Н. Юферовымъ, а затѣмъ, съ Н. И. и Л. В. Ольховскими. Съ первымъ *онъ* поселяется на одной квартирѣ. Шесть недѣль, проведенныхъ тамъ, въ этомъ пріятномъ обществѣ, являются какъ-бы кульминаціоннымъ пунктомъ праздной эпохи существованія Петра Ильича: никогда, ни до, ни послѣ, у него не было такого разнообразія въ программѣ развлеченій и наслажденій, и никогда онъ не могъ уже отдаваться имъ такъ всецѣло, безъ оглядки, но вмѣстѣ съ тѣмъ, именно здѣсь въ этомъ году беззаботнаго упоенія жизнью ему

выпало на долю испытать весьма тяжелое разочарованіе въ своемъ спутникѣ В. В. Послѣ ряда тяжелыхъ сценъ, впечатлѣніе которыхъ могла смягчить развѣ только парижская обстановка, они разъѣхались и Петръ Ильичъ въ концѣ сентября возвратился на родину одинъ.

Всѣмъ событіямъ 1861 года въ существованіи Петра Ильича суждено было имѣть исключительное значеніе. Поѣздка заграницу не составляетъ въ этомъ смыслѣ исключенія. Правда, активной пользы ни въ умственномъ, ни въ эстетическомъ отношеніи Петръ Ильичъ изъ этого путешествія не пріобрѣлъ. Полная неподготовленность его къ воспріятію такихъ впечатлѣній просто поразительна. Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, онъ выноситъ одно только положительное знаніе: гдѣ всего веселѣе на свѣтѣ. Хотя изъ Парижа онъ пишетъ, что, «забавляясь, не забываю и дѣло, посѣщаю судъ», но здѣсь можетъ быть единственный разъ въ жизни Петръ Ильичъ кривитъ душой. Суды онъ посѣщалъ, но безъ всякой другой цѣли, кромѣ найти тамъ своеобразное развлеченіе. Въ отрицательномъ же отношеніи совсѣмъ другое. Во первыхъ, это путешествіе уже имѣетъ то значеніе, что даетъ ему возможность оцѣнить ту силу привязанности къ роднымъ, которая зародилась въ немъ. Вдали только онъ начинаетъ сознавать, какъ ихъ любитъ, и чѣмъ дальше ѣдетъ, тѣмъ выраженія безпокойства и тоски по нимъ высказываются ярче. Заботятъ его всего больше близнецы: «позаботьтесь, папаша, чтобы Толя и Модя не сидѣли сложа руки»; «учатся ли Толя и Модя?». «Поцѣлуйте покрѣпче Анатошку и Модю» [4]). «Не забудьте сказать экзаменаторамъ, что Толя и Модя приготовлены для старшаго отдѣленія. Что они мнѣ не пишутъ?»

Во вторыхъ, эта же поѣздка, какъ бы давъ извѣдать Петру Ильичу послѣдній предѣлъ возможнаго въ его средствахъ земнаго наслажденія, вмѣстѣ съ тѣмъ дала понять, что дальше итти по этому направленію нельзя, что все это можетъ быть хорошо, какъ придатокъ только при существованіи болѣе высокой цѣли жизни. Возбужденное состояніе жизнерадостности парижскаго пребыванія вызываетъ благодѣтельную реакцію, ярко отражающуюся въ ниже приводимомъ письмѣ, и у порога новой дѣятельности (съ сентября онъ началъ серьезно занятія музыкой) Петръ Ильичъ можетъ оглянуться на прошедшее, ничего не сожалѣя въ немъ и съ глубокимъ, могучимъ желаніемъ выбраться изъ его тьмы на свѣтъ Божій.

По возвращеніи въ Россію онъ пишетъ сестрѣ такъ:

23 октября 1861 года.

«...что сказать тебѣ о моемъ заграничномъ путешествіи? Лучше и не говорить о немъ. Если я въ жизни сдѣлалъ какую-нибудь колоссальную глупость, то это именно моя поѣздка. Ты помнишь В. В. Представь себѣ, что подъ личиной той bonhommie, подъ впечатлѣніемъ которой я

считалъ его за неотесаннаго, но добраго господина, скрываются самыя мерзкія качества души... Теперь тебѣ не трудно понять, каково мнѣ было провести три мѣсяца неразлучно съ такимъ пріятнымъ товарищемъ. Прибавь къ этому, что я издержалъ денегъ больше, чѣмъ слѣдовало, что ничего полезнаго изъ этого путешествія не вынесъ—и ты согласишься, что я дуракъ. Впрочемъ, не брани меня; я поступилъ, какъ ребенокъ, и только. Ты знаешь, что лучшею мечтой моей жизни было путешествіе заграницу. Случай представился, la tentation était trop grande—я закрылъ глаза и рѣшился. Не заключи изъ этого, что заграницей гадко или что путешествіе вещь скучная. Напротивъ, но для этого необходима полная свобода въ дѣйствіяхъ, достаточное количество денегъ и какая-нибудь разумная причина ѣхать. Въ Парижѣ мы жили съ Юферовымъ и это меня чрезвычайно утѣшало. Вотъ милый человѣкъ! Ты не повѣришь, какъ я былъ глубоко счастливъ, когда возвратился въ Петербургъ. Признаюсь, я питаю большую слабость къ Россійской столицѣ. Что дѣлать! Я слишкомъ сжился съ ней: все, что дорого сердцу—въ Петербургѣ и внѣ его жизнь для меня положительно невозможна. Къ тому же, когда карманъ не слишкомъ пустъ—на душѣ весело, а въ первое время послѣ возвращенія я располагалъ нѣкоторымъ количествомъ рублишекъ. Ты знаешь мою слабость. Когда у меня есть деньги въ карманѣ, я ихъ жертвую на удовольствія:—это подло, это глупо: я знаю, строго разсуждая, что у меня на удовольствіе и не можетъ быть денегъ, есть непомѣрные долги, требующіе уплаты, есть нужды самой первой потребности, но я (опять-таки по слабости) не смотрю ни на что и веселюсь. Таковъ мой характеръ. Чѣмъ я кончу? Что обѣщаетъ мнѣ будущее? объ этомъ страшно и подумать. Я знаю, что рано или поздно (но скорѣе рано) я не въ силахъ буду бороться съ трудной стороною жизни и разобьюсь въ дребезги; а до тѣхъ поръ я наслаждаюсь жизнью, какъ могу, и все жертвую для наслажденія. За то вотъ уже недѣли двѣ со всѣхъ сторонъ непріятности: по службѣ идетъ крайне плохо, рублишки уже давно испарились, въ любви—несчастье. Но все это глупости, придетъ время и опять будетъ весело. Иногда поплачу даже, а потомъ пройдусь пѣшкомъ по Невскому и пѣшкомъ возвращусь домой—и уже разсѣялся».

Въ припискѣ къ этому письму, какъ бы между прочимъ говорится: «Я началъ заниматься генералъ-басомъ и дѣло идетъ чрезвычайно успѣшно. Кто знаетъ, можетъ быть, ты года черезъ три будешь слушать мои оперы и пѣть мои аріи».

М. Чайковскій.

Изъ Испаніи.

1. Въ окрестностяхъ Мадрида.

Ты глядѣла мнѣ въ душу съ улыбкой богини,
Ты со мной была, но была на картинѣ.
Ты собой создавала видѣнье искусства,
Озаренное пламенемъ яркаго чувства.
Мы стремились къ горамъ изъ испанской столицы,
Мы съ тобой улетали, какъ вольныя птицы.
И дома чуть виднѣлись, въ лучахъ утопая,
И надъ нами раскинулась ширь голубая.
И предъ нами предстала вдали Гвадаррама,
Какъ преддверье воздушнаго бѣлаго храма.

2. Предъ картиной Греко.

На картинѣ Греко вытянулись тѣни.
Длинныя, восходятъ. Неба не достать.
«Гдѣ же намъ найти воздушныя ступени?»
«Какъ же намъ пути небесные создать?»
Сумрачный художникъ, ангелъ возмущенный,
Неба захотѣлъ ты, въ небо ты вступилъ,—
И, съ высотъ низвергнутъ. Богомъ побѣжденный,
Ужасомъ безумья дерзость искупилъ.

К. Бальмонтъ.

Мистическій иконостасъ.

Былъ первый теплый весенній день. Мы съ утра собрались, чтобы ѣхать на Смоленское кладбище и смотрѣть находящійся въ Троицкой церкви иконостасъ работы Боровиковскаго. Хотя я старый любитель, но къ стыду моему долженъ признаться, что, несмотря на то, что мнѣ было извѣстно объ этихъ чудныхъ иконахъ русскаго Мурильо, я еще ихъ не видѣлъ.

Я все собирался со дня на день и со дня на день откладывалъ. Но пріѣхалъ съ юга еще большій любитель Боровиковскаго, восторженный его поклонникъ, можетъ быть, потому, что онъ лучше зналъ его и видѣлъ всевозможные образчики его письма въ Малороссіи, на родинѣ Боровиковскаго, и своими разсказами о немъ заставилъ меня загорѣться новой жаждой увидѣть то, что осталось отъ Боровиковскаго въ Петербургѣ. Всѣмъ извѣстны портреты его, висящіе въ Эрмитажѣ, и его образа въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ, впрочемъ, сторожа, показывая пріѣзжимъ сокровища искусства, собранныя въ этомъ соборѣ, смѣшиваютъ Боровиковскаго съ Шебуевымъ. Чисто эгоистическій мотивъ былъ у меня еще посѣтить Смоленское кладбище.

Незадолго передъ этимъ я нашелъ у одного петербургскаго антиквара небольшую дощечку изъ моренаго полтавскаго дуба, на которой изображенъ Іисусъ Христосъ, погребенный въ пещерѣ. Накунунѣ, бесѣдуя съ пріѣзжимъ пріятелемъ, я высказалъ предположеніе, что находящаяся у меня дощечка принадлежитъ Боровиковскому.

— Что изображаетъ?—спросилъ у меня онъ.

Я описалъ.

— Голова на подушкѣ? Подушка въ видѣ валька? Одна рука такъ вотъ этакъ, и другая... — быстро заговорилъ онъ. — Надпись наверху: «Ангельскій соборъ оудивися, зря Тебе въ мертвыхъ вмѣнившася».

— Да, да,—отвѣчалъ я, удивленный.

Онъ продолжалъ, точно видѣлъ имѣющуюся у меня картину:

— И лицо молодое, маленькая бородка, идеальный типъ малороссійскаго казака?

Это все было совершенно вѣрно. А онъ продолжалъ:

— Закрытъ до пояса пеленою и три ангела смотрятъ съ высоты пещеры.

— Вотъ ангеловъ-то и нѣтъ,—возразилъ я,—а все остальное совершенно вѣрно. И мало того, скажу тебѣ, что въ этой надписи: «Ангельскій соборъ оудивися, зря Тебе въ мертвыхъ вмѣнишася» — есть всѣ буквы, изъ которыхъ можно составить: Владиміръ Лукинъ Боровиковскій. Принимая въ соображеніе, что онъ былъ мистикъ, легко допустить, что онъ умышленно скрылъ свою фамилію въ этомъ поэтическомъ изреченіи.

— О, да, это въ высшей степени возможно. И хотя это могъ быть и случай, но соединеніе всѣхъ этихъ признаковъ, эта надпись и отсутствіе ангеловъ убѣждаютъ меня, что отысканная тобою дощечка есть этюдъ плащаницы, которая находится въ церковно-археологическомъ музеѣ въ Кіевѣ и прислана мною изъ Миргорода, откуда Боровиковскій былъ родомъ и гдѣ еще работалъ, какъ иконописецъ, его отецъ Лука Боровикъ.

Такъ мы поговорили и на другой день этотъ любитель—я, впрочемъ, назову его фамилію — Василій Петровичъ Горленко, въ свое время въ «Русскомъ Архивѣ» напечатавшій нѣсколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній о живописи Боровиковскаго — и другой мой пріятель, петербургскій литераторъ, тоже живо заинтересованный религіозной живописью Боровиковскаго, собрались у меня. Этюдъ плащаницы Боровиковскаго, находящійся у меня, былъ признанъ Василіемъ Петровичемъ за достовѣрный, причемъ Христосъ почти тождественъ съ тѣмъ изображеніемъ, которое на большой плащаницѣ, что въ Кіевѣ; только на моемъ этюдѣ онъ представленъ еще мистичнѣе и тоньше выписанъ.

— Представь, что мужики, когда приходили приложиться къ плащаницѣ, поражались красотою Христа. А еще говорятъ, что въ народѣ мало развитъ эстетическій вкусъ, — сказалъ Василій Петровичъ. — Дивная, дивная вещь!

И вотъ, позавтракавъ, мы пустились въ путь и порѣшили ѣхать конками, чтобы ужь совсѣмъ это было похоже на путешествіе. И въ самомъ дѣлѣ, тянулось оно часа два. Мы все пересаживались съ одной конки на другую и, наконецъ, попали въ маленькую конку, похожую на гробъ, которая ѣхала посреди необыкновенно широкой улицы и все прямо, все прямо, пока не начались магазины съ зелеными вѣнками и съ надгробными памятниками, а вдали показался еще безлиственный лѣсъ, озаренный мягкими лучами мартовскаго солнца. Всегда на кладбище входишь съ какимъ-то уныніемъ въ душѣ, и что-то торжественное вѣетъ надъ

обителью смертью. Мы пробовали весело бесѣдовать, но это не выходило. Безъ особенныхъ затрудненій добрались мы до Троицкой церкви, стоящей посреди кладбища, и по витой деревянной лѣстницѣ поднялись во второй этажъ, гдѣ на хорахъ придѣлъ Михаила Архангела. Солнце продолжало свѣтить. Мягкое, нѣжное, янтарно-розовое освѣщеніе распространялось на иконостасъ. Я ожидалъ увидѣть нѣчто превосходное, а увидѣлъ гораздо больше. Похвалы, которыя расточалъ иконостасу Василій Петровичъ, далеко не превзошли дѣйствительности. Правда, нашлись и недостатки, но это ровно ничего не значитъ. Два слова о нихъ будетъ сказано ниже. Весь иконостасъ состоитъ изъ шести образовъ въ золоченыхъ рѣзныхъ рамахъ, по угламъ которыхъ и надъ иконами витаютъ скульптурные херувимы.

Первый образъ необыкновенно мистическій. Ангелъ несетъ человѣка, окончившаго свое земное странствіе. На немъ длинная мантія и ему приданы черты лица самого Боровиковскаго, съ благоговѣніемъ и вѣрою устремившаго глаза вверхъ. Внизу въ отдаленіи идетъ житейскій караванъ. Онъ состоитъ изъ верблюдовъ. На верблюдахъ тюки съ разными товарами и сидятъ купцы, другіе путники и странники, еще продолжающіе свое тревожное земное поприще. Этотъ караванъ, несмотря на то, что онъ написанъ кое-какъ, эскизно, нагоняетъ страхъ, онъ безобразенъ. Та душа, которая царитъ надъ нимъ, отрѣшившись отъ земныхъ узъ, должна испытывать радость и счастье, что она покинула этотъ караванъ, вѣчно и неустанно стремящійся куда-то въ безконечную даль. Я помню, у Бодлера, который жилъ, конечно, гораздо позднѣе Боровиковскаго, есть стихотвореніе въ прозѣ, оно называется «Химеры». Люди подъ тяжестью этихъ химеръ идутъ въ безконечность, несутъ ихъ на своихъ плечахъ и исчезаютъ, теряясь въ туманной дали. Вотъ такое впечатлѣніе, только гораздо болѣе сильное, чѣмъ это стихотвореніе, производитъ Боровиковскій на этой картинѣ. Тутъ и мистика, и поэзія, и вѣра. Слѣдующая икона — Божія Матерь во всей своей славѣ. Она окружена сонмомъ херувимовъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ приданы земныя черты. Очевидно, умышленно художникъ хотѣлъ изобразить въ лицахъ этихъ херувимовъ своихъ близкихъ, друзей своихъ, можетъ быть, родныхъ. Удивительна эта смѣлость художника-иконописца, отрѣшившагося отъ условныхъ правилъ или сумѣвшаго такъ ихъ подчинить себѣ, что они не стѣсняли его, а напротивъ, служили ему, и приэтомъ нарушеніе ихъ не только не кажется дерзостью, а приводитъ въ умиленіе вѣрующаго человѣка. Это просто, возвышенно и наивно, и только примитивные живописцы въ Италіи и въ Нидерландахъ писали съ такимъ чудеснымъ смиреніемъ и съ такой искренностью.

На царскихъ вратахъ изображенъ архангелъ Гавріилъ на лѣвой створкѣ, а на правой — Дѣва Марія, принимающая благовѣстіе. Изъ

этихъ двухъ фигуръ фигура Гавріила можетъ быть названа геніальной по необыкновенной воздушности письма и по такой проникновенной божественности изображенія, равнаго которому я не знаю не только въ русской живописи, но и въ иностранной, несмотря на то, что формы нѣсколько иконописныя и чувствуется какъ-бы стѣсненность кисти, черпающая свой источникъ въ благоговѣніи. Ангелъ весь сотканъ изъ лазурныхъ и розовыхъ тоновъ. Это улыбка неба. Въ самомъ дѣлѣ, это божья вѣсть, воплощенная въ какую-то дымку или крылатую грезу. Воскресеніе Христа—слѣдующій образъ. Лицо у него такое-же молодое, какъ и на моемъ этюдѣ. и такое-же прекрасное, съ чуть замѣтной бородкой. Боровиковскій любилъ изображать Христа въ возрастѣ около двадцати двухъ лѣтъ. Тѣло трактовано съ чисто божественной граціей и силой. Отъ Христа вѣетъ радостью воскресенія, молодостью вѣры, блаженнымъ счастьемъ спасенія человѣчества.

Нѣсколько слабѣе фигура Михаила архангела. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше отъ царскихъ вратъ вправо, тѣмъ энергія художника какъ будто ослабѣвала. Послѣдній образъ, представляющій царя надъ львинымъ рвомъ, въ которомъ, окруженный свирѣпыми животными, смиренно размышляетъ Даніилъ, является даже неоконченнымъ. Композиція этого образа показалась и самому знатоку Боровиковскаго, Василію Петровичу, неясной. Ангелъ съ гнѣвно устремленными глазами держитъ царя за волосы и подводитъ его ко рву. По всей вѣроятности, художникъ хотѣлъ въ этомъ ангелѣ изобразить тотъ духъ божій, который подъемлетъ власы на главѣ, какъ это описано въ книгѣ Іова. Царь устрашился, увидѣвъ, что земныя кары безсильны тамъ, гдѣ ими нарушается или оскорбляется воля небесъ.

Долго стояли мы передъ иконостасомъ и въ томъ восторженномъ состояніи, которое навѣваетъ на душу созерцаніе истинно вдохновенныхъ вещей, молча сошли внизъ.

— Онъ не кончилъ этого иконостаса, — объяснилъ намъ Василій Петровичъ: — потому, что смерть помѣшала ему. Его послѣдняя воля была, чтобы иконостасъ этотъ стоялъ въ этой церкви. Но согласитесь сами, господа, что вѣдь тутъ все зависитъ отъ случая. Замѣтьте, краски крѣпки, какъ эмаль, и удивительно сохранились. Но, если придетъ въ голову церковному старостѣ или настоятелю церкви реставрировать Боровиковскаго, варваръ смоетъ иконы спиртомъ и кистью сонной замараетъ ихъ мертвыми тонами. Такіе шедевры слѣдуетъ хранить подъ стекломъ и просто надо-бы перенести въ открывающійся теперь русскій музей. И нѣтъ фотографій съ этого иконостаса! Никто не знаетъ о немъ! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я случайно самъ открылъ его. Наше паломничество на Смоленское кладбище, съ цѣлью взглянуть на этотъ иконостасъ, вѣроятно, единственное въ Петербургѣ. А вотъ тутъ сейчасъ-же

возлѣ церкви могила Боровиковскаго. Недѣлю тому назадъ я пріѣзжалъ сюда одинъ и положилъ вѣнокъ. Вотъ онъ лежитъ.

Мы подошли къ надгробію Боровиковскаго. Это болѣе чѣмъ скромный памятникъ. Маленькій гранитный саркофагъ, на которомъ высѣчена надпись: «Совѣтникъ академіи, Владиміръ Лукичъ Боровиковскій. Родился тогда-то, скончался тогда-то».

Онъ не удостоился званія профессора, потому что за портреты и за иконы не давали этого отличія. Онъ былъ академикомъ и потомъ совѣтникомъ, какъ гласитъ эта надпись. Мистическій характеръ иконостаса объясняется тѣмъ, что Боровиковскій подъ конецъ жизни, повинуясь внутреннему влеченію своему, присталъ къ кружку Татариновой, этой замѣчательной женщины, имѣвшей вліяніе на очень многихъ въ Петербургѣ.

— Это былъ удивительный человѣкъ,—продолжалъ Василій Петровичъ.—Онъ отличался необыкновенной набожностью, какъ уже вы могли убѣдиться изъ иконостаса. Изъ біографическихъ чертъ, дошедшихъ до нашего времени, сохранилось, между прочимъ, что онъ долго и усердно молился, садясь за мольбертъ или читалъ особые акафисты.

Всего я не буду повторять, что сообщилъ намъ о Боровиковскомъ Василій Петровичъ. Это изложено въ его двухъ статьяхъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ нашей поѣздки на Смоленское кладбище въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Надъ могилой Боровиковскаго выросло уже большое дерево. Оно сторожитъ его покой, а онъ сторожитъ свой даръ кладбищенской церкви, въ который вложилъ всю свою благородную душу, въ которомъ его иконописный геній нашелъ свое полное выраженіе. Конечно, можетъ быть, для цѣлости картинъ и хорошо, если онѣ будутъ поставлены въ музей Императора Александра III. Я слыхалъ, что ходатайство Горленка, возбужденное на страницахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» относительно перенесенія иконостаса въ безопасное мѣсто и замѣны его хорошими копіями, «принято къ свѣдѣнію». Но съ другой стороны, при мысли объ этомъ мнѣ все кажется, что забытая могила великаго русскаго художника совсѣмъ осиротѣетъ. Погибнуть-же художественное произведеніе вездѣ можетъ, отъ гибели не спасетъ его и музей. Музеи находятся въ рукахъ людей, которые тѣмъ представляютъ своего рода опасность, что имѣютъ наклонность оправдывать необходимость своего призванія и служенія и чистятъ и моютъ картины въ качествѣ присяжныхъ реставраторовъ. Хорошо, если реставраторъ истинный любитель и знатокъ своего дѣла и обладаетъ особымъ реставраторскимъ талантомъ! А если это какіе-нибудь ярославскіе мужички, которые швыряютъ картины, какъ дрова, да станутъ переводить ихъ съ дерева на полотно, что уже само по себѣ преступленіе, но что сплошь и рядомъ дѣлается, причемъ упускается изъ виду, что художественное

произведеніе теряетъ отъ этой операціи свѣжесть красокъ, если не теперь, то современемъ, да, переводя, осыпятъ краски и т. д.? Мало-ли что можетъ случиться! Когда вы бываете въ Эрмитажѣ и замѣчая пустую раму, видите надпись на мѣстѣ картины: «Отдана такому-то для реставраціи», неужели сердце ваше, если вы любитель, не содрогается? Вы еще на прошлой недѣлѣ видѣли геніальную картину. Отъ солнца или отъ теплоты пожухли краски кое-гдѣ на фонѣ. Этого довольно, чтобы картина была взята въ чистилище. Мужикъ, не снимая со стѣны тяжелой рамы, а только отодвинувъ ее отъ стѣны, вынулъ доску съ Рембрантомъ или съ Рубенсомъ и потащилъ въ реставраторскую съ такимъ-же видомъ честной готовности, съ какимъ мужикъ Герасимъ выносилъ извѣстную посуду изъ спальни Ивана Ильича. Возможно, что Рембрандтъ или Рубенсъ возвратятся только съ новымъ лакомъ, но случается и то, что вы приходите черезъ двѣ недѣли провѣдать великое произведеніе и съ ужасомъ видите, что внизу проступили какіе-то рыжіе тона, а вверху появились рѣжущіе глазъ блики. На строгановской выставкѣ фигурировалъ Грезъ, принадлежащій лицамъ, которыя несомнѣнно когда-то пріобрѣли картины отъ самого художника. Тѣмъ не менѣе всѣхъ поразило, что эти пресловутые Грезы представляли собою что-то въ родѣ грубыхъ поддѣлокъ. Объ этомъ писали даже въ газетахъ. Что-жъ это такое? Это плоды цѣлаго ряда реставраторскихъ обновленій. Постарался мужикъ Герасимъ!

Итакъ, не лучше-ли было-бы сохранить иконостасъ Боровиковскаго въ придѣлѣ Михаила архангела, искусно наложивъ на нихъ стекла? Такимъ образомъ надлежало-бы иконостасу оставаться тамъ, гдѣ онъ написанъ самимъ благочестивымъ художникомъ. Служеніе въ этомъ придѣлѣ бываетъ рѣдко. А на случай пожара можно было-бы такъ поставить иконостасъ, чтобы онъ разбирался и лѣстницу наверхъ сдѣлать желѣзную.

На обратномъ пути мы заѣхали въ Казанскій соборъ. Чудесные строгіе образа, но какая разница! Художникъ писалъ ихъ по заказу, боялся быть самимъ собою, старался, чтобы комиссія осталась ими довольна—это все чувствуется въ этой законченности, въ этихъ умышленно наложенныхъ глубокихъ и темныхъ тѣняхъ, между тѣмъ какъ тамъ, на Смоленскомъ, все свѣтъ, все улыбка, все такъ молодо и восторженно-небесно!

I. Ясинскій.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.

Послѣ этихъ словъ всѣ рыцари бросились къ несчастному Збышко, но ихъ удержалъ грозный взоръ короля, который всталъ съ сверкающими очами и закричалъ прерывающимся отъ гнѣва голосомъ, похожимъ на стукъ повозки, которая катится по мостовой:

— Отсѣчь ему голову! отсѣчь ему голову! пусть крестоносецъ отошлетъ ее въ Мальборгъ, магистру.

Потомъ, обратившись къ стоящему по близости молодому литовскому князю, сыну, намѣстника смоленскаго, онъ крикнулъ:

— Держи его, Ямонтъ!

Испуганный королевскимъ гнѣвомъ, Ямонтъ положилъ дрожащія руки на плечи Збышко, который, обративъ къ нему поблѣднѣвшее лицо, сказалъ:

— Я не убѣгу!..

Но бѣлобородый краковскій кастелянъ, Топоръ изъ Тенчина, поднялъ руку въ знакъ того, что онъ хочетъ говорить, и когда все смолкло сказалъ:

— Милостивый король! Пусть этотъ комтуръ убѣдится въ томъ, что не твоя вспышка, но нашъ законъ смертью караетъ покушеніе на особу посла. Иначе, онъ справедливо могъ бы подумать, что нѣтъ законовъ христіанскихъ въ нашемъ королевствѣ. Мы завтра будемъ судить виновнаго.

Послѣднія слова онъ проговорилъ возвысивъ голосъ; и, очевидно, не допуская даже мысли, что его не послушаютъ, онъ обратился къ Ямонту:

— Запереть его въ тюрьму! А вы, рыцарь изъ Тачева, будете свидѣтельствовать.

— Я разскажу всю вину этого подростка, которую ни одинъ зрѣлый мужъ не допустилъ бы,—отвѣчалъ Повала, мрачно взглянувъ на Лихтенштейна.

— Онъ говоритъ справедливо!—сейчасъ же подхватили другіе,—это еще мальчикъ! За что же всѣхъ насъ оскорбили изъ-за него?

Наступила минута молчанія и всѣ недовольно взглянули на крестоносца, а тѣмъ временемъ Ямонтъ велъ Збышко, чтобы передать его въ руки стрѣльцамъ, стоящимъ на дворѣ замка. Молодое сердце его испытывало жалость къ узнику, которую подсказывала ему врожденная ненависть къ нѣмцамъ. Но какъ литовецъ, привыкшій слѣпо исполнять волю великаго князя и испуганный самъ королевскимъ гнѣвомъ, онъ сталъ по дорогѣ шептать съ доброжелательствомъ молодому рыцарю:

— Знаешь, что я тебѣ скажу:—повѣсься, лучше всего повѣсься. Король разсердился и все равно тебѣ отрубятъ голову. Отчего бы тебѣ не утѣшить его? Повѣсься, друже, у насъ такой обычай!

Збышко, полубезсознательный отъ стыда и страха, казалось сначала не понималъ словъ князя, но наконецъ сообразилъ и даже остановился въ недоумѣніи.

— Что ты говоришь?

— Повѣсься! За что тебя будутъ судить? Утѣшишь короля!—повторилъ Ямонтъ!

— Самъ повѣсься!—закричалъ молодой человѣкъ. — Хоть тебя окрестили, но шкура-то осталась на тебѣ та-же, языческая, и ты не понимаешь даже, что грѣшно христіанину поступать такъ!

А князь пожалъ плечами:

— Вѣдь это не по доброй волѣ. Все равно съ тебя снимутъ голову.

У Збышко мелькнуло въ головѣ, что за такія слова надо было бы его сейчасъ же вызвать на поединокъ, пѣшимъ, или коннымъ, на мечахъ или сѣкирахъ, но онъ подавилъ въ себѣ это желаніе, вспомнивъ, что у него не будетъ на это времени. Онъ печально опустилъ голову и молча позволилъ передать себя въ руки дворцовыхъ стрѣльцовъ.

А въ залѣ тѣмъ временемъ всеобщее вниманіе было обращено въ другую сторону. Дануся, увидѣвъ, что творится, сначала такъ напугалась, что у нея захватило дыханіе въ груди. Личико ея поблѣднѣло, какъ полотно, глаза широко раскрылись и она неподвижно глядѣла на короля, похожая на костельную восковую фигурку. Но когда она, подъ конецъ, услыхала, что Збышко отрубятъ голову, когда его взяли и вывели изъ комнаты, тогда ее охватило страшное горе; брови и губы задрожали; ничего не помогло: ни страхъ передъ королемъ, ни закусываніе губъ, и она вдругъ разразилась такими громкими жалобными слезами, что лица всѣхъ обернулись къ ней, а самъ король спросилъ:

— Что такое?

— Милостивый король!--воскликнула княгиня Анна.—Это дочка Юранда изъ Спыхова, а этотъ несчастный рыцарь поклялся ей въ вѣрности. Онъ поклялся сорвать ей три шлема съ павлиньими перьями и увидавъ такой шлемъ на комтурѣ, подумалъ что самъ Богъ посылаетъ это ему. Онъ сдѣлалъ это не со злости, но по глупости, а потому будь милостивъ къ нему и не наказывай его, о чемъ я на колѣняхъ прошу тебя.

Сказавъ это, она встала и схвативъ Данусю за руку, вмѣстѣ съ ней подбѣжала къ королю, который, увидѣвъ это, сталъ отступать. Но онѣ обѣ упали передъ нимъ на колѣни, и Дануся, обнявъ ручками ноги его, стала восклицать:

— Король, прости Збышко! прости Збышко!

И въ полузабытіи и въ страхѣ она спрятала свою свѣтлую головку въ складкахъ сѣрой одежды короля, цѣлуя колѣна его и дрожа, какъ осиновый листъ. Княгиня Земовитова стояла на колѣняхъ съ другой стороны и съ мольбой глядѣла на короля, на лицѣ котораго выразилось смущеніе. Правда, онъ отодвигался вмѣстѣ съ кресломъ, но не отталкивалъ Данусю и только отмахивался обѣими руками какъ бы отъ мухъ.

— Оставьте меня въ покоѣ!—кричалъ онъ,—онъ провинился, опозорилъ цѣлое королевство! пусть ему отрубятъ голову.

Но маленькія рученки все сильнѣе сжимали его колѣна, а дѣтскій голосокъ все жалобнѣе восклицалъ:

— Прости, Збышко, король! прости Збышко!

Въ эту минуту раздалось нѣсколько голосовъ:

— Юрандъ изъ Спыхова, славный рыцарь, страхъ для нѣмцевъ.

— И этотъ подростокъ ужъ много отличился подъ Вильной!—прибавилъ Повала.

Но король продолжалъ защищаться, хотя онъ самъ былъ взволнованъ видомъ Дануси.

— Оставьте меня въ покоѣ! Онъ провинился не передо мной, и не я могу простить. Пусть проститъ его посолъ Ордена, тогда и я прощу, а не то пусть ему отсѣкутъ голову.

— Прости его! Куно!—сказалъ Завиша Черный Сулимчикъ,—самъ магистръ не осудитъ тебя за это.

— Прости его!—закричали обѣ женщины.

— Прости его, прости!—повторили рыцари. Куно закрылъ глаза и сидѣлъ съ поднятой головой, какъ бы наслаждаясь тѣмъ, что обѣ княгини и такіе знаменитые рыцари обращаются къ нему съ просьбой. Въ одно мгновенье онъ измѣнился: опустилъ голову, скрестилъ на груди руки, изъ гордаго сдѣлался покорнымъ и заговорилъ тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Христосъ, Спаситель нашъ, простилъ разбойника на крестѣ и враговъ своихъ...

— Истинный рыцарь говоритъ это! воскликнулъ епископъ Воинъ.

—Истинный, истинный!

— Какъ же мнѣ не простить,—продолжалъ Куно дальше,—вѣдь я не только христіанинъ, но я и монахъ. Поэтому я прощаю ему отъ всего сердца, какъ слуга Христа и монахъ.

— Хвала ему!—прогремѣлъ Повала изъ Тачева.

— Хвала! повторили другіе.

— Но,—сказалъ крестоносецъ,—я посолъ и олицетворяю величіе всего Ордена, который есть орденъ Христа. А поэтому, кто оскорбилъ меня, какъ посла, тотъ оскорбилъ весь Орденъ, а кто оскорбилъ Орденъ—оскорбилъ самого Христа, и такого оскорбленія я, призывая Бога и людей въ свидѣтели, простить не могу, а если ваши законы прощаютъ его, пусть узнаютъ объ этомъ всѣ христіанскіе государи.

Послѣ этихъ словъ вокругъ воцарилось глубокое молчаніе. Только минутами кое-гдѣ слышалось скрежетаніе зубовъ, тяжелое дыханіе сдерживаемаго бѣшенства и рыданіе Дануси.

До вечера сердца всѣхъ обратились къ Збышко. Тѣ самые рыцари, которые утромъ готовы были мечами разрубить его по одному мановенію короля, теперь всячески придумывали какъ-бы помочь ему. Княгини рѣшили отправиться съ просьбой къ королевѣ, чтобы она уговорила Лихтенштейна совершенно отказаться отъ жалобы, или въ крайнемъ случаѣ умолить ее написать великому магистру Ордена, съ просьбой, чтобы онъ приказалъ Куно отказаться отъ этого дѣла. Этотъ путь казался вѣрнымъ, такъ какъ Ядвигу окружали такими необыкновенными почестями, что великій магистръ навлекъ-бы на себя гнѣвъ самого папы и порицаніе всѣхъ христіанскихъ князей, если-бы онъ отказалъ ей. Это было невѣроятнымъ также и потому, что Кондратъ фонъ-Юнгингенъ былъ человѣкъ спокойный и гораздо болѣе миролюбивый, чѣмъ всѣ его предшественники. Къ несчастью, краковскій епископъ Вышъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ главнымъ лекаремъ королевы, строжайшимъ образомъ запретилъ упоминать при ней хоть бы однимъ словомъ о всемъ этомъ дѣлѣ. «Она всегда огорчена, когда слышитъ о смертныхъ приговорахъ,—говорилъ онъ,—и даже если рѣчь идетъ о простомъ разбойникѣ, она принимаетъ это близко къ сердцу; что-же будетъ теперь, когда дѣло идетъ о головѣ юноши, который по справедливости могъ-бы ожидать ея милости? Но всякое безпокойство легко можетъ довести ее до тяжелой болѣзни, а здоровье ея значитъ больше для всего королевства, чѣмъ десять рыцарскихъ головъ». И наконецъ, прибавилъ онъ, если кто-нибудь осмѣлится вопреки его волѣ безпокоить королеву, на того онъ направитъ весь гнѣвъ короля и того

онъ самъ предастъ церковному проклятью. Испугались обѣ княгини, услыхавъ это приказаніе, и рѣшили молчать передъ королевой, а вмѣсто того умолять короля до тѣхъ поръ, пока онъ не окажетъ какой-нибудь милости. Весь дворъ и всѣ рыцари были уже на сторонѣ Збышко. Повала изъ Тачева сказалъ, что онъ скажетъ всю правду, но что все свидѣтельство его будетъ благопріятно для юноши и что онъ все дѣло представитъ только какъ запальчивость его. При всемъ этомъ каждый предвидѣлъ, а кастелянъ Ясько изъ Тенчина громко объявлялъ, что если крестоносецъ заупрямится, то строгій законъ долженъ быть удовлетворенъ. Тѣмъ больше возмущались всѣ рыцари противъ Лихтенштейна и не одинъ изъ нихъ думалъ или даже открыто говорилъ: «Онъ посолъ и его нельзя вызвать на поединокъ, но когда онъ возвратится въ Мальборгъ, дай Богъ, чтобы онъ умеръ своей собственной смертью». И это были не напрасныя угрозы, такъ какъ рыцари, которые имѣли поясъ, не имѣли права ни одного слова бросать на вѣтеръ; кто что говорилъ, тотъ долженъ былъ сдержать это, или умереть. Грозный Повала оказался при этомъ самымъ ожесточеннымъ, потому что у него въ Тачевѣ была дочка, однолѣтка Дануси,—вслѣдствіе чего слезы Дануси совсѣмъ сокрушили его сердце.

И въ тотъ-же день онъ навѣстилъ Збышко въ подземельѣ, обнадежилъ его и разсказалъ о просьбахъ обѣихъ княгинь и о слезахъ Дануси... Збышко, узнавъ, что дѣвочка ради него бросилась въ ноги королю, до слезъ растрогался этимъ и не зная какъ выразить свою благодарность и свою тоску, сказалъ, обтирая верхомъ руки свои глаза:

— Эхъ! да благословитъ ее Богъ, а мнѣ да пошлетъ Онъ скорѣе какой нибудь поединокъ за нее! Слишкомъ мало я обѣщалъ ей нѣмцевъ убить,—потому что такой надо было обѣщать ихъ столько, сколько ей лѣтъ. Лишь бы Господь Іисусъ Христосъ вызволилъ меня изъ этой бѣды, ужъ я не поскуплюсь!..

И онъ поднялъ къ небу глаза, полные благодарности.

— Прежде обѣщай что-нибудь одному изъ костеловъ, — отвѣчалъ рыцарь изъ Тачева,—потому что если твое обѣщаніе угодно будетъ Богу, ты навѣрно будешь свободнымъ сейчасъ-же. А во-вторыхъ, слушай: къ Лихтенштейну пошелъ твой дядя, а потомъ еще и я пойду. Тебѣ не стыдно будетъ попросить у него прощеніе за свою вину, потому что ты вѣдь виноватъ, и ты не у Лихтенштейна будешь прощенія просить, а у посла. Готовъ ты сдѣлать это?

— Коль скоро такой рыцарь, какъ ваша милость, говоритъ мнѣ что такъ надо—я сдѣлаю! Но если онъ захочетъ, чтобы я просилъ его такъ, какъ онъ хотѣлъ этого на дорогѣ въ Тынецъ, то пусть лучше отсѣкутъ мою голову. Дядя останется, дядя ему отплатитъ, когда окончится его обязанности...

— Посмотримъ, что скажетъ онъ Мацько,—сказалъ Повала.

А Мацько дѣйствительно былъ у нѣмца, но вышелъ отъ него мрачный какъ ночь и отправился прямо къ королю, къ которому провелъ его самъ кастелянъ. Король принялъ его ласково, потому что онъ ужъ совершенно успокоился, и когда Мацько преклонилъ передъ нимъ колѣна, онъ сейчасъ-же велѣлъ ему встать, спрашивая, чего онъ желаетъ.

— Милостивый господинъ,—сказалъ Мацько.—Была вина, должно быть и наказаніе, потому иначе не было-бы никакой справедливости на свѣтѣ. Тутъ и моя вина, потому что я не только не обуздывалъ природную вспыльчивость этого юноши, но напротивъ того хвалилъ его за это. Такъ я воспитывалъ его, а потомъ съ дѣтскихъ лѣтъ война воспитывала его. Моя вина, милостивѣйшій король, потому что я не разъ говорилъ ему: сначала вонзай, а потомъ будешь глядѣть, кого ты убилъ, и на войнѣ это хорошо было, но плохо при дворѣ, плохо! Но этотъ молодецъ чистѣйшее золото, послѣдній въ роду,—и мнѣ страшно жаль его...

— Меня опозорилъ, королевство опозорилъ,—сказалъ король:—долженъ ли я за это медомъ мазать?

А Мацько замолкъ, потому что при воспоминаніи о Збышко грусть сдавила его горло и только послѣ долгаго молчанія онъ заговорилъ еще возбужденнымъ и прерывающимся голосомъ.

— Развѣ я зналъ, что такъ люблю его, а теперь я почувствовалъ это когда бѣда пришла. Но я старикъ, а онъ послѣдній въ роду. Не будетъ его—не будетъ и насъ. Милостивый король и государь, сжалься надъ нашимъ родомъ!

Тутъ Мацько снова упалъ на колѣно и протянувъ свои натруженныя на войнѣ руки, заговорилъ со слезами:

— Мы защищали Вильно: добычу Богъ послалъ хорошую, кому я оставлю ее? Если крестоносецъ требуетъ наказанія—пусть оно будетъ, но позвольте мнѣ отдать свою голову. На что она мнѣ безъ Збышко! Онъ вѣдь молодъ, пусть выкупитъ землю и плодитъ потомство, какъ Богъ повелѣлъ человѣку. Крестоносецъ вѣдь не спроситъ чья голова упала, лишь бы она упала. А отъ этого именно потери не будетъ. Тяжело человѣку идти на смерть, но, поразмысливъ, лучше, чтобы пропалъ одинъ, чѣмъ чтобы цѣлый родъ долженъ былъ исчезнуть...

И говоря такъ, онъ обнялъ ноги короля, а этотъ послѣдній сталъ моргать глазами, что было у него знакомъ волненія, и наконецъ сказалъ:

— Этого не будетъ, чтобы я опоясанному рыцарю повелѣлъ безъ вины голову отсѣчь! Не будетъ! не будетъ...

— И не было бы въ этомъ справедливости,—прибавилъ кастелянъ,—законъ виновнаго наказываетъ, но развѣ не чудовище тотъ, кто не смотритъ, чья кровь льется. А вы помните, что позоръ былъ бы роду

вашему, если бы племянникъ вашъ согласился на то, что вы говорите; тогда и онъ, и его потомство, всѣ были-бы опозорены.

А Мацко отвѣчалъ:

— Онъ не согласился бы. Но если бы все это случилось безъ его вѣдѣнія, то онъ отомстилъ бы за меня, какъ и я отомщу за него...

— Ага!—сказалъ Тенчинскій:—добейтесь отъ крестоносца, чтобы онъ взялъ обратно жалобу.

— Я ужъ былъ у него.

— И что же?—спросилъ король, вытягивая шею:—что онъ отвѣчалъ?

— Онъ такъ отвѣчалъ мнѣ: «Надо было просить о прощеніи на дорогѣ Тынецкой—тогда вы не хотѣли, а теперь я не хочу...»

— А почему вы не хотѣли?

— Потому, что онъ требовалъ, чтобы мы сошли съ лошадей и пѣшими просили его.

Король заложилъ волосы за уши и хотѣлъ что-то отвѣчать, но въ эту минуту вошелъ придворный съ докладомъ, что рыцарь изъ Лихтенштейна проситъ объ аудіенціи.

Услыхавъ это, Ягелло взглянулъ на Ясько изъ Тенчина, потомъ на Мацько, но велѣлъ имъ остаться,—можетъ быть, ему удастся устроить дѣло своимъ королевскимъ достоинствомъ. А тѣмъ временемъ вошелъ крестоносецъ, склонился передъ королемъ и сказалъ:

— Милостивый государь! Вотъ здѣсь написана жалоба на оскорбленіе, которое было нанесено мнѣ въ королевствѣ вашемъ.

— Жалуйтесь ему,—отвѣчалъ король, указывая на Ясько изъ Тенчина.

А крестоносецъ сказалъ, прямо глядя въ лицо короля:

— Я не знаю законовъ вашихъ, ни вашихъ судовъ. Знаю одно, что посолъ Ордена можетъ жаловаться только королю.

Небольшіе глазки Ягелло замигали отъ нетерпѣнія, однако онъ протянулъ руку, взялъ жалобу и передалъ ее Тенчинскому.

А тотъ развернулъ ее и сталъ читать, и чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ тревожнѣе и печальнѣе дѣлалось лицо его.

— Господинъ,—сказалъ онъ наконецъ,—вы такъ настаиваете на смерти этого юноши, какъ будто онъ страшенъ всему вашему Ордену. Развѣ вы, крестоносцы, и дѣтей боитесь?

— Мы, крестоносцы, никого не боимся!—гордо отвѣчалъ комтуръ.

А старый кастелянъ тихо прибавилъ:

— Въ особенности Бога.

Повала изъ Тачева на другой день дѣлалъ передъ судомъ кастелянскимъ все, что было въ его власти для того, чтобы уменьшить вину Збышко. Но напрасно приписывалъ онъ все происшедшее юношескому воз-

расту и незнанію, напрасно говорилъ, что даже и болѣе старшіе, если бы поклялись добыть три шлема съ павлиньими перьями и молились объ этомъ, а потомъ вдругъ увидѣли передъ собой одинъ изъ нихъ, также могли бы подумать, что это милость Божія. Одного только не могъ не признать знатный рыцарь, это—то, что если бы не онъ, то копье Збышко ударилось бы крестоносцу въ грудь. А Куно велѣлъ принести въ судъ панцырь, въ который онъ былъ одѣтъ въ тотъ день, и оказалось, что онъ былъ изъ тонкаго листа, и употреблялся только для праздничныхъ посѣщеній и такой тонкій, что Збышко, принявъ во вниманіе необыкновенную силу этого послѣдняго—несомнѣнно проломилъ бы его на вылетъ копьемъ и лишилъ бы посла жизни. Потомъ еще разъ спрашивали Збышко, имѣлъ ли онъ намѣреніе убить посла, но онъ не хотѣлъ отпираться отъ этого: «Я кричалъ на него издалека,—говорилъ онъ,—чтобы онъ выставилъ копье, потому что живому я не далъ бы себѣ шлемъ сорвать, но если бы и онъ мнѣ закричалъ издалека, что онъ посолъ, тогда я оставилъ бы его въ покоѣ».

Эти слова понравились рыцарямъ, которыя изъ сочувствія къ юношѣ цѣлыми толпами пришли на судъ и сейчасъ же послышались многочисленные голоса: «Правда! почему онъ не кричалъ?» Но лицо кастеляна оставалось мрачнымъ и суровымъ. Приказавъ присутствующимъ молчать, онъ также помолчалъ минуту, а потомъ испытующе посмотрѣлъ на Збышко и спросилъ:

— Можешь ли поклясться мученіями Господа нашего, что ты не видалъ ни плаща, ни креста?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Збышко:—если бы я не видѣлъ креста, я подумалъ бы, что это нашъ рыцарь, а на нашего я вѣдь не нападалъ бы.

— А какъ же другой крестоносецъ могъ очутиться подъ Краковомъ, если не посолъ или не кто-нибудь изъ посольской свиты?

На это Збышко ничего не отвѣчалъ, потому что, нечего было отвѣчать. Для всѣхъ было совершенно ясно, что если бы не рыцарь изъ Тачева, то въ эту минуту передъ судомъ лежалъ бы не панцарь посла, а самъ посолъ съ пробитой грудью, на вѣчный позоръ польскаго народа,—а потому даже тѣ, которые всей душей сочувствовали Збышко, поняли, что приговоръ не могъ быть для него благопріятнымъ...

Черезъ минуту кастелянъ заговорилъ:

— Такъ какъ ты въ пылу своемъ не подумалъ о томъ, на кого ты нападаешь, и такъ какъ ты дѣлалъ это не со зла, то Спаситель проститъ тебя, но ты, несчастный, довѣрься Матери Божіей, потому что я простить тебя не могу...

Услыхавъ это, Збышко, хотя и ожидалъ этихъ словъ, всетаки нѣсколько поблѣднѣлъ, но сейчасъ же встряхнулъ своими длинными волосами, перекрестился и сказалъ:

— Воля Божья! Да, трудно!

Потомъ онъ обратился къ Мацько и глазами указалъ ему на Лихтенштейна, какъ бы поручая его памяти дяди, а Мацько кивнулъ въ знакъ того, что онъ понялъ и не забудетъ. Но и Лихтенштейнъ также понялъ этотъ взглядъ, и хотя въ груди его билось столь же мужественное, сколь и злопамятное сердце, но дрожь пробѣжала по его тѣлу съ ногъ до головы—такое страшное и зловѣщее лицо было въ эту минуту у стараго воина. Понималъ крестоносецъ, что съ этой минуты между нимъ и этимъ рыцаремъ дѣло пойдетъ не на жизнь, а на смерть, и что если бы даже онъ хотѣлъ укрыться отъ него, то это не удастся ему и, когда онъ перестанетъ быть посломъ, они должны встрѣтиться, хотя бы въ Мальборгѣ.

Тѣмъ временемъ кастелянъ удалился въ сосѣднюю комнату, чтобы продиктовать приговоръ Збышко опытному въ письмѣ секретарю. То тотъ, то другой рыцарь подходили къ крестоносцу и говорили:

— Дай Богъ, чтобы на страшномъ судѣ тебя милостивѣе судили! радъ ты этой крови?

Лихтенштейну важно было только мнѣніе Завиши, такъ какъ этотъ послѣдній хорошо былъ извѣстенъ въ свитѣ своими военными дѣлами, знаніемъ рыцарскихъ законовъ и чрезмѣрной строгостью выполненія ихъ; въ наиболѣе запутанныхъ дѣлахъ, въ которыхъ рѣчь шла о рыцарской чести, приходили къ нему часто издалека и никто никогда не смѣлъ противорѣчить ему, не только потому, что единоборство съ нимъ было невозможно, но и потому, что его считали «зеркаломъ чести». Одно слово его порицанія и похвалы быстро разносилось между рыцарями польскими, венгерскими, чешскими и нѣмецкими и могло быть причиной хорошей или дурной славы рыцаря.

По этому Лихтенштейнъ приблизился именно къ нему и какъ бы желая оправдать себя за свою жестокость, сказалъ:

— Одинъ только великій магистръ вмѣстѣ съ капитуломъ могли бы помиловать его, а я не могу...

— Вашему магистру нѣтъ никакого дѣла до нашихъ законовъ; милость можетъ оказывать не онъ, а только король нашъ,—отвѣчалъ Завиша.

— Я же, какъ посолъ, долженъ былъ требовать наказанія.

— Прежде чѣмъ вы сдѣлались посломъ, вы были рыцаремъ, Лихтенштейнъ.

— Развѣ ты полагаешь, что я погрѣшилъ противъ чести и совѣсти?..

— Ты знаешь наши рыцарскія книги и вѣдаешь, что рыцарямъ приказано походить на двухъ звѣрей: на льва и на агнца. На котораго же изъ нихъ ты походишь теперь?..

— Ты не судья мнѣ...

— Ты спрашивалъ, не погрѣшилъ ли ты противъ чести, и я отвѣчалъ тебѣ такъ, какъ думаю.

— Ты не хорошо мнѣ отвѣчалъ, я этого не могу проглотить.

— Ты подавился собственной, а не моей злостью.

— Но Христосъ зачтетъ мнѣ то, что я больше заботился о торжествѣ Ордена, чѣмъ о твоей похвалѣ...

— Онъ всѣхъ насъ также судить будетъ.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ входомъ кастеляна и секретаря. Всѣмъ было ужъ извѣстно, что приговоръ благопріятнымъ не будетъ, но тѣмъ не менѣе водворилась глухая тишина. Кастелянъ занялъ мѣсто за столомъ и, взявъ въ руки Распятіе, повелѣлъ Збышко преклонить колѣна. Секретарь сталъ по латыни читать приговоръ. Ни Збышко, ни рыцарь не поняли его, но всѣ сообразили, что онъ былъ смертный. Послѣ окончанія чтенія, Збышко нѣсколько разъ ударилъ себя въ грудь, повторяя: «Боже, буди милостивъ мнѣ, грѣшному!»

Потомъ онъ всталъ и бросился въ объятія Мацько, который молча сталъ цѣловать его голову, глаза...

Вечеромъ того же дня герольдъ при звукѣ трубъ объявлялъ рыцарямъ, гостямъ и горожанамъ, что благородный Збышко изъ Богданца приговоренъ, согласно постановленію кастеляна, къ отсѣченію головы мечомъ...

Но Мацько умолилъ, чтобы казнь не была немедленно приведена въ исполненіе; это легко удалось ему, такъ какъ по тогдашнимъ временамъ люди особенно любили передъ смертью мелочную раздачу всего имущества и имъ обыкновенно давали время на переговоры съ родными, а также и на примиреніе съ Богомъ. И самъ Лихтенштейнъ не хотѣлъ настаивать на быстромъ исполненіи приговора, понимая, что какъ скоро обиженному достоинству Ордена отдано должное, нельзя совершенно обижать могущественнаго монарха, къ которому онъ былъ высланъ не только для принятія участія въ празднествахъ крестильныхъ, но и для переговоровъ о землѣ Добржинской. Самое важное теперь было здоровье королевы. Епископъ Вышъ не хотѣлъ и слышать о казни передъ родами, справедливо полагая, что такое дѣло нельзя будетъ скрыть отъ королевы, а если она узнаетъ о немъ, то начнетъ волноваться, а волненіе можетъ очень повредить ей. Такимъ образомъ, Збышко оставалось нѣсколько недѣль жизни, а можетъ быть и больше, для послѣднихъ распоряженій и прощанья съ знакомыми.

Мацько ежедневно навѣщалъ его и утѣшалъ какъ умѣлъ. Они съ грустью бесѣдовали о неизбѣжной смерти Збышко, но и съ еще большей грустью о томъ, что родъ долженъ будетъ прекратиться.

— Нельзя иначе, надо будетъ вамъ женщину взять, — сказалъ однажды Збышко.

— Лучше бы отыскать хоть какою-нибудь далекаго родственника— отвѣчалъ печально Мацько.—Гдѣ мнѣ о бабахъ думать, когда тебѣ голову должны отсѣчь. А если бы и пришлось непремѣнно взять какую-нибудь, такъ всетаки я не сдѣлаю этого до тѣхъ поръ, пока не исполню предъ Лихтенштейномъ рыцарской заповѣди и не отомщу за тебя. Ты ужъ не бойся.

— Богъ вамъ заплатитъ: пусть у меня будетъ хоть это утѣшеніе! Но я зналъ, что вы не простите ему этого. Какъ вы это сдѣлаете?

— Когда окончится его посольство, будетъ или война, или миръ— понимаешь? Если будетъ война, я пошлю ему вызовъ, чтобы онъ передъ битвой вышелъ со мной на поединокъ.

— На убитой землѣ?

— Да, коннымъ или пѣшимъ, но только на смерть, не на неволю. Если будетъ миръ, то я поѣду въ Мальборгъ и копьемъ ударю въ ворота замка, а трубачу велю огласить, что я его на смерть вызываю. Ужъ не спрячется онъ отъ меня.

— Конечно, не спрячется. И не выпускайте его, пусть знаетъ...

— Выпустить?.. съ Завишой бы я не справился, съ Пашкой не справился бы, съ Повалой тоже, но, не хвалясь скажу, что съ такими какъ онъ съ двумя справился бы. Увидитъ его крестоносская мать! Развѣ этотъ фризскій рыцарь не былъ сильнѣе его? А когда я его рубилъ сверху безъ шлема, гдѣ мой топоръ остановился?.. На его зубахъ остановился, или не такъ?

Вздохнулъ на это Збышко въ великимъ облегченіемъ и сказалъ:

— Легче будетъ умирать!..

И они оба вздохнули. Наконецъ старый рыцарь заговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Ты не тревожься. Не будутъ кости твои искать другъ дружку на страшномъ судѣ. Гробъ я тебѣ заказалъ дубовый, такой, что и каноники Пресвятой Дѣвы Маріи не имѣютъ лучшихъ. Не пропадешь ты, какъ холопъ. Эхъ! да я и того не допущу, чтобы тебѣ отсѣкли голову на томъ самомъ сукнѣ, на которомъ гражданамъ отсѣкаютъ. Я ужъ переговорилъ съ Амылеемъ, чтобы онъ далъ совсѣмъ новое, такое хорошее, что и королю можно было-бы изъ него сшить одежду. Обѣдень я не пожалѣю для тебя, не бойся!

Развеселилось этимъ сердце Збышко, и наклонившись къ рукѣ дяди, онъ повторилъ:

— Богъ вамъ заплатитъ!

Но по временамъ, не смотря на всѣ утѣшенія, его вдругъ охватывала страшная тоска; такъ, однажды, когда Мацько пришелъ навѣстить его, едва успѣлъ онъ поздороваться съ нимъ, какъ Збышко, гляди через рѣшетку въ стѣну, спросилъ:

— Каково на дворѣ?

— Погода, что золото, а солнце грѣетъ такъ, что всему свѣту любо.

Збышко заложилъ за спину обѣ руки и откинувъ назадъ голову, сказалъ:

— Эхъ! Всемогущій Боже! Имѣть подъ собой коня и ѣздить по полямъ, по широкимъ! Тяжело гибнуть молодому! Страшно тяжело!

— Люди и на коняхъ гибнутъ!—возразилъ Мацько.

— Ахъ! но сколькихъ они сами раньше погубятъ?..

И онъ сталъ разспрашивать о рыцаряхъ, которыхъ онъ видѣлъ при королевскомъ дворѣ: о Завишѣ, о Фаруреѣ, о Повалѣ изъ Тачева, о Лисѣ изъ Тарговискъ и о всѣхъ другихъ: что они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются, въ какихъ занятіяхъ проходитъ ихъ время? И онъ жадно слушалъ разсказы Мацько, который говорилъ, какъ они по утру скачатъ вооруженные на коняхъ, какъ тянутъ веревки, какъ пробуютъ силы свои на мечахъ и на сѣкирахъ съ оловянными остріями, и наконецъ какъ они пируютъ и какія пѣсни поютъ. Хотѣлось Збышко всей душой и всѣмъ сердцемъ летѣть къ нимъ, а когда онъ узналъ, что Завиша сейчасъ-же послѣ крестинъ собирается въ самую долину Венгерскую, на турокъ, онъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Пусть-бы и меня съ нимъ пустили! Умереть, такъ хоть въ битвѣ съ язычниками.

Но этого не могло быть... Тѣмъ временемъ произошло нѣчто другое. Обѣ княгини Мазовецкія не переставали думать о Збышко, который плѣнилъ ихъ своей молодостью и красотой. Наконецъ, княгиня Александра Земовитова надумалась послать письмо къ магистру. Правда магистръ не могъ измѣнить приговора кастеляна, но онъ могъ заступиться за юношу передъ королемъ. Правда, Ягелло не пристало оказывать милости, когда рѣчь шла о нападеніи на посла, но казалось несомнѣннымъ, что онъ радъ будетъ оказать ее, если заступится самъ магистръ. А поэтому надежда снова поселилась въ сердцахъ двухъ княгинь. Княгиня Александра, питавшая слабость къ вылощеннымъ рыцарямъ Ордена, сама ими очень цѣнилась. Неоднократно получала она изъ Мальборга дары и письма, въ которыхъ магистръ называлъ ее достойной уваженія, благочестивой благодѣтельницей и особенной заступницей Ордена. Слова ея имѣли большое значеніе и было весьма вѣроятно, что она не получитъ отказа. Дѣло было только въ томъ, чтобы найти гонца, который-бы приложилъ всѣ старанія, дабы какъ можно скорѣе отдать письмо и возвратиться съ отвѣтомъ. Услыхавъ объ этомъ, Мацько взялся безъ всякихъ колебаній.

Кастелянъ обозначилъ срокъ, до котораго обѣщалъ подождать исполненіе приговора. Полный надежды, Мацько въ тотъ-же день приготовился къ отъѣзду, и потомъ отправился къ Збышко, чтобы подѣлиться съ нимъ счастливой новостью.

Въ первую минуту Збышко такъ сильно обрадовался, какъ-будто предъ нимъ уже отворили двери темницы. Но потомъ онъ задумался, вздохнулъ и сказалъ:

— Дожидайся чего нибудь хорошаго отъ нѣмцевъ! Лихтенштейнъ тоже могъ-бы попросить короля о милости, онъ только выигралъ-бы отъ этого, потому что спасся-бы отъ мести, а вѣдь не хотѣлъ этого сдѣлать.

— Онъ разсердился на то, что мы не хотѣли попросить его на тынецкой дорогѣ. О магистрѣ Кондратѣ говорятъ все хорошее. Да наконецъ на этомъ ты потерять не можешь.

— Конечно,—сказалъ Збышко,—но вы ему тамъ не кланяйтесь слишкомъ низко!

— Зачѣмъ мнѣ кланяться? Письмо отъ княгини Александры везу—и только.

— Ахъ! вы такой добрый, да поможетъ вамъ Богъ!..

Онъ вдругъ взглянулъ на дядю и сказалъ:

— Но если король проститъ меня, то Лихтенштейнъ будетъ мой, а не вашъ. Помните это...

— Еще не увѣренъ, что голова твоя будетъ цѣла, такъ и клятвъ не давай. Довольно съ тебя тѣхъ глупыхъ клятвъ,—отвѣчалъ старикъ съ сердцемъ. Потомъ они бросились другъ другу въ объятія — и Збышко остался одинъ.

Надежда и неувѣренность попеременно овладѣвали его душой. Но когда пришла ночь, а вмѣстѣ съ ней и буря на дворѣ, когда рѣшетчатое окно стало озаряться зловѣщимъ свѣтомъ молніи, а стѣны содрогались отъ грома, — когда, кромѣ того, вѣтеръ со свистомъ проникъ во внутренность темницы и загасилъ тусклый свѣтильникъ у постели, погруженный въ тьму Збышко снова потерялъ всякую надежду—и всю ночь не могъ сомкнуть глазъ.

— Ужъ не уйду я отъ смерти,—думалъ онъ,—и все это ничему не поможетъ...

Но на другой день его навѣстила княгиня Анна Янушева, а вмѣстѣ съ ней и Дануся со своей лютней за поясомъ. Збышко палъ къ ихъ ногамъ, а потомъ хотя онъ и былъ встревоженъ послѣ безсонной ночи, огорченъ и безпокоенъ, но не на столько, однако, забылъ онъ о рыцарскихъ обязанностяхъ, чтобы не высказать Данусѣ своего восторга ея красотѣ...

Но княгиня подняла на него полные грусти глаза и сказала:

— Не любуйся ею, потому что если Мацько не привезетъ благопріятнаго отвѣта, или совсѣмъ не возвратится, то ты, несчастный, вскорѣ будешь любоваться на небѣ лучшими красотами...

Она заплакала, подумавъ о будущей судьбѣ рыцаря, а Дануся

стала сейчасъ же вторить ей. Збышко снова склонился къ ихъ ногамъ, потому что и его сердце смягчилось при видѣ этихъ слезъ, какъ воскъ въ теплѣ. Онъ не любилъ Данусю такъ, какъ мужчина любитъ женщину, но теперь онъ почувствовалъ, что любитъ ее всей душей своей и что при видѣ ея въ душѣ его творится что-то такое, какъ будто въ ней находится другой человѣкъ менѣе строгій, менѣе запальчивый, дышавшій не только одной войной, а вмѣсто того какъ бы алчущій сладкой любви. И его охватила безумная жалость, при мысли, что онъ долженъ покинуть ее и что не сможетъ онъ выполнить клятвъ своихъ.

— Ужъ не брошу я къ твоимъ ногамъ шлемы съ павлиньими перьями,—говорилъ онъ.—Но если я предстану предъ лицомъ Бога, тогда я скажу: прости мнѣ, Господи, мои прегрѣшенія, но все, что есть самаго лучшаго на землѣ отдай дѣвицѣ Юрандовнѣ изъ Спыхова.

— Вы такъ недавно узнали другъ друга! сказала княгиня.—Не дай Богъ, чтобы это было напрасно!

Збышко сталъ вспоминать все, что произошло въ трактирѣ тынецкомъ и совсѣмъ растрогался. Потомъ онъ сталъ просить Данусю, чтобы она спѣла ему ту самую пѣснь, которую пѣла тогда, когда онъ схватилъ ее со скамейки и принесъ къ княгинѣ.

И Дануся, хоть и не до пѣсенъ ей было, сейчасъ-же подняла головку къ сводамъ темницы и полузакрывъ, какъ пташка глаза, начала:

Gdybym ci ja miała
Skrzydełka jak gąska,
Poleciałabym ja
Za Jaśkem do Sląska.
Usiadłabym ci ja
No ślaskowskim płocie...
Przypatrz się Jasiułku...

Но вдругъ у нея изъ подъ опущенныхъ вѣкъ потекли обильныя слезы,—и она не могла больше пѣть. А Збышко схватилъ ее на руки, такъ-же, какъ когда-то въ тынецкомъ трактирѣ и сталъ ходить съ ней по темницѣ, повторяя въ восторгѣ:

— Эхъ, только-бы Господь спасъ меня, а ты выросла, родители позволили-бы, взялъ-бы я тебя, красавица!.. Эхъ!

Дануся, охвативъ шею его руками, скрыла свое заплаканное личико на плечѣ его, — а въ немъ все росла печаль, которая исходя изъ глубины полной славянской натуры, превращалась въ этой простой душѣ въ полевую пѣснь.

«Toby ja cię brał dziewczyno!
Toby ja cię brał!.. [1])

---

[1]) Взялъ-бы я тебя дѣвица, взялъ-бы я тебя!..

Но тутъ произошло нѣчто такое, при чемъ всѣ остальныя дѣла утратили всякое значеніе въ глазахъ людей. Подъ вечеръ 21 іюня по замку разнесся слухъ о внезапной болѣзни королевы. Позванные доктора всю ночь оставались въ ея комнатѣ, а тѣмъ временемъ отъ прислужницъ ея узнали, что королевѣ грозятъ преждевременные роды. Краковскій кастелянъ, Ясько Топоръ изъ Тенчина, въ ту-же ночь выслалъ гонцовъ къ отсутствующему королю. На другой день утромъ вѣсть разнеслась по городу и по окрестностямъ его. Это было воскресенье, а потому толпы наполнили всѣ храмы, въ которыхъ княгини заказали молитвы за здоровье королевы. Тогда всѣми овладѣло сомнѣніе. Послѣ богослуженія, гости рыцари, которые съѣхались на ожидаемыя празднества, шляхта вмѣстѣ съ депутаціями купеческими, отправились въ замокъ; цехи и братства выступали со знаменами. Съ полудня безчисленныя толпы людей окружили Вавель; среди нихъ королевскіе стрѣльцы устанавливали порядокъ, призывая къ спокойствію и тишинѣ. Городъ почти совершенно опустѣлъ и только отъ времени до времени по безлюднымъ улицамъ проходили кучки окрестныхъ крестьянъ, которые тоже успѣли узнать о болѣзни обожаемой королевы и спѣшили къ замку. Наконецъ, въ главныхъ воротахъ показались епископъ и кастелянъ, а съ ними каѳедральные каноники, королевскіе ратманы и рыцари. Они разошлись вдоль стѣнъ, между людей, и на лицахъ ихъ можно было прочесть новость, но они начали прежде всего съ приказанья, чтобы народъ воздержался отъ всякихъ криковъ, такъ-какъ это могло-бы повредить больной. Затѣмъ они всѣмъ присутствующимъ объявили, что королева родила дочь. Новость наполнила радостью сердца всѣхъ, въ особенности когда узнали, что, хотя роды были преждевременны, однако нѣтъ видимой опасности ни для матери, ни для ребенка. Толпы стали расходиться, такъ какъ нельзя было кричать подъ замкомъ, а между тѣмъ каждому хотѣлось выразить радость. И дѣйствительно, когда опустѣли улицы, ведущія къ рынку, послышались пѣсни и радостные возгласы. Не огорчались даже и тѣмъ, что на свѣтъ пришла дочь. «Развѣ плохо было,—говорили,—что король Людовикъ не имѣлъ сыновей, и что королевство перешло къ Ядвигѣ? Посредствомъ ея брака съ Ягелло могущество государства удвоилось. Такъ будетъ и теперь. Гдѣ искать другой такой владѣтельницы, какой будетъ наша королевна, ни цезарь римскій, никто изъ другихъ королей не обладаетъ такимъ огромнымъ государствомъ, такими обширными землями и такимъ многочисленнымъ рыцарствомъ! Ея руки будутъ добиваться самые могущественные монархи на землѣ, будутъ кланяться королю и королевѣ, будутъ съѣзжаться въ Краковъ, а намъ—купцамъ, отъ нихъ будетъ только одна выгода, не говоря уже о томъ, что какое-нибудь новое государство, чешское или венгерское, соединится съ нашимъ коро-

левствомъ». Такъ бесѣдовали между собой купцы, и всеобщая радость увеличивалась съ каждой минутой. Пировали въ частныхъ домахъ и въ трактирахъ. Рынокъ наполнился фонарями и факелами. Въ предмѣстьяхъ подкраковскіе кметы, которые все больше и больше собирались въ городѣ, расположились обозомъ при своихъ повозкахъ. Евреи совѣтывались въ синагогахъ. До поздней ночи, почти до разсвѣта, шумѣли на рынкѣ, въ особенности около ратуши и вѣсовъ, какъ во время большихъ ярмарокъ. Передавали другъ другу новости, посылали за ними въ замокъ и цѣлыми толпами осаждали возвращающихся оттуда.

Худшая изъ вѣстей была та, что епископъ Петръ окрестилъ ребенка въ ту-же ночь, изъ чего заключали, что онъ долженъ быть очень слабымъ. Знающія горожанки передавали случаи, когда дѣтямъ, родившимся полумертвыми, силы приходили именно послѣ крестинъ. А поэтому всѣ утѣшали себя надеждой, которую увеличивало еще имя, данное дѣвочкѣ. Говорили, что ни одинъ Бонифацій, ни одна Бонифація не могутъ умереть сейчасъ послѣ рожденія, такъ-какъ имъ предназначено сдѣлать что-нибудь хорошее, а въ первые годы, и тѣмъ болѣе въ первые мѣсяцы жизни, ребенокъ не можетъ дѣлать ни зла, ни добра.

Но тѣмъ не менѣе на слѣдующій день изъ замка пришли неблагопріятныя вѣсти, какъ о новорожденной, такъ и о матери, и взволновали весь городъ. Въ костелахъ цѣлый день господствовала толкотня, какъ во время праздника. Посылались вклады за здоровье королевы и королевны. Можно было видѣть убогихъ крестьянъ, жертвующихъ ягнятъ, куръ, вязанки сушеныхъ грибовъ, четверти ржи, или корзины орѣховъ, и богатыя пожертвованія отъ рыцарей, купцовъ, ремесленниковъ. Посылали гонцовъ къ чудотворнымъ мѣстамъ. Астрологи вопрошали звѣзды. Въ самомъ Краковѣ заказывались праздничныя процессіи. Выступили всѣ цехи и всѣ братства. Весь городъ наполнился разноцвѣтными знаменами. Была устроена процессія дѣтей, потому что думали, что невиннымъ существамъ легче всего будетъ вымолить у Бога милосердіе. Черезъ городскія ворота въѣзжали все большія и большія толпы.

И такъ шелъ день за днемъ, среди безпрерывнаго звона колоколовъ, среди шума въ костелахъ, процессій и богослуженій, и когда минула недѣля, а знатная больная и ребенокъ еще были живы, надежда начала проникать въ сердца людей. Народу казалось невѣроятнымъ, чтобы Богъ преждевременно взялъ къ себѣ владычицу государства, которая сдѣлала для него столько и которая должна была-бы оставить недоконченнымъ свое огромное дѣло,—посланницу его, которая, жертвуя собственнымъ счастьемъ, обратила въ христіанство послѣдній языческій народъ въ Европѣ. Ученые вспоминали, сколько она сдѣлала для академіи, духовенство—сколько для славы Божіей, государственные люди—сколько для мира между христіанскими монархами, юристы—сколько для справедливости, бѣдные—

сколько для убогихъ, и у всѣхъ не вмѣщалось въ головѣ, чтобы жизнь, столь необходимая для королевства и для всего міра, могла быть преждевременно пресѣчена.

А тѣмъ временемъ 13-го іюля похоронный звонъ объявилъ о смерти ребенка. Снова зашумѣлъ городъ и безпокойство охватило людей, а толпы снова окружившія замокъ, разспрашивали о здоровьи королевы. Но на этотъ разъ никто не возвращался съ хорошей вѣстью. Дѣйствительно, лица всѣхъ, въѣзжавшихъ въ замокъ или выѣзжавшихъ изъ воротъ, были мрачны и съ каждымъ днемъ они становились все мрачнѣе. Говорили, что ксендзъ Станиславъ изъ Скарбимира, магистръ свободныхъ наукъ въ Краковѣ, уже не отходитъ отъ королевы, которая каждый день принимаетъ причастіе. Говорили также, что послѣ каждаго причастія комната ея наполняется небеснымъ свѣтомъ. Нѣкоторые видѣли ее въ окнѣ, но видъ королевы скорѣе огорчалъ преданныя ей сердца, это было признакомъ того, что для нея уже начинается неземная жизнь.

Но нѣкоторые не вѣрили, что можетъ стрястись такая страшная бѣда и эти послѣдніе подкрѣпляли себя надеждой, что вѣроятно небеса удовлетворятся одной жертвой. А тѣмъ временемъ, въ пятницу 17-го іюля, народъ какъ громомъ пораженъ былъ извѣстіемъ, что королева кончается. Кто только дышалъ, тотъ спѣшилъ къ замку. Городъ опустѣлъ такъ, что въ немъ остались одни калѣки, даже матери съ грудными дѣтьми поспѣшили къ воротамъ. Лавки были закрыты; ѣда не готовилась. Всѣ дѣла остановились, а вмѣсто этого подъ окнами замка чернѣло одно сплошное море людей,—безпокойное, испуганное, но безмолвное. И вотъ въ тринадцатый часъ, послѣ полудня раздался звонъ на каѳедральной башнѣ. Сразу не поняли, что это значитъ, но безпокойство сразу охватило всѣхъ. Головы и глаза обратились къ башнѣ, къ все сильнѣе раскачивающемуся колоколу, жалобный стонъ котораго стали повторять другіе колокола: у Францисканавъ, у св. Троицы, у Дѣвы Маріи,—и дальше по всему городу. Наконецъ всѣ поняли, что значатъ эти стоны; сердца народа переполнились такимъ отчаяніемъ и такимъ страданіемъ, какъ будто эти удары колоколовъ были направлены прямо въ сердца всѣхъ присутствующихъ.

Вдругъ на башнѣ взвился черный флагъ съ большой мертвой головой посерединѣ, подъ которой бѣлѣли двѣ сложенныя на крестъ человѣческія кости. Всякое сомнѣніе исчезло. Королева отдала Богу душу.

У замка раздались крики, плачъ стотысячной толпы смѣшался съ мрачнымъ звономъ колоколовъ. Нѣкоторые бросались на землю, другіе рвали на себѣ одежду или царапали себѣ лицо,—третьи, въ нѣмомъ оцѣпененіи глядѣли на стѣны, нѣкоторые глухо стонали, протягивали руки къ костелу и къ комнатѣ королевы, молили о чудѣ и милосердіи

Божіемъ. Но слышались также и гнѣвные голоса, которые въ своемъ отчаяніи доходили до богохульства. «Зачѣмъ взята у насъ наша королева? Къ чему послужили всѣ наши процессіи, наши молитвы и мольбы, къ чему были серебряные и золотые вклады, все напрасно! Взять-взяли, а дать ничего не дали!» Другіе непрестанно повторяли, заливаясь слезами и рыдая: «Христосъ, Христосъ, Христосъ!» Народъ хотѣлъ войти въ замокъ, чтобы еще разъ взглянуть на дорогія черты королевы, его не пустили, но обѣщали, что вскорѣ тѣло будетъ выставлено въ костелѣ, а тогда каждому можно будетъ смотрѣть на него и молиться при немъ. Подъ вечеръ мрачный народъ сталъ возвращаться въ городъ, передавая другъ другу о послѣднихъ минутахъ королевы, о будущемъ погребеніи и о чудесахъ, которыя будутъ твориться при ея тѣлѣ и около ея могилы, и въ которыхъ всѣ были вполнѣ убѣждены. Разсказывали также, что королева сейчасъ-же будетъ канонизирована, а когда нѣкоторые сомнѣвались можетъ-ли это быть, стали волноваться и грозить Авиньономъ.

Мрачное уныніе охватило весь городъ, весь край, и не только простому народу, но и всѣмъ казалось, что вмѣстѣ съ королевой для королевства угасла счастливая звѣзда его. Даже между краковскими вельможами были такіе, которые мрачно смотрѣли на будущее. Задавали себѣ и другъ другу вопросъ: что теперь будетъ? имѣетъ-ли Ягелло право господствовать въ королевствѣ послѣ смерти королевы, возвратится-ли онъ въ свою Литву и сядетъ-ли на великокняжескій престолъ? Нѣкоторые предвидѣли,—и какъ оказалось справедливо,—что онъ самъ захочетъ отказаться и, что, въ такомъ случаѣ, отъ короны отпадутъ обширныя земли и начнутся снова со стороны Литвы нападенія и кровавыя расплаты коренныхъ жителей королевства, Орденъ укрѣпится, укрѣпится и римскій цезарь и король венгерскій,—а королевство, бывшее до вчерашняго дня однимъ изъ самыхъ могущественныхъ, придетъ въ упадокъ и униженіе.

Купцы, которымъ до сихъ поръ были открыты обширные литовскіе и русскіе края, предвидя убытокъ, давали обѣты, желая чтобы Ягелло оставался на королевскомъ престолѣ, но въ такомъ случаѣ предсказывали въ скоромъ времени войну съ Орденомъ. Извѣстно было, что удерживала ее только королева. Народъ вспоминалъ, какъ когда-то, возмущенная жадностью и хищничествомъ крестоносцевъ, она въ пророческомъ всевѣдѣніи сказала имъ: «Пока я жива, я удержу руку и справедливый гнѣвъ моего мужа, но помните, что послѣ моей смерти васъ постигнетъ кара за ваши грѣхи!»

А они въ своей гордости и ослѣпленіи не боялись войны, разсчитывая, что послѣ смерти королевы очарованіе святости исчезнетъ и не будетъ сдерживать наплыва добровольцевъ изъ странъ западныхъ, и тогда

къ нимъ придутъ на помощь тысячи воиновъ изъ Германіи, Бургундіи, Франціи и еще болѣе отдаленныхъ странъ. Но смерть Ядвиги была такой неожиданностью, что посолъ крестоносцевъ, Лихтенштейнъ, даже не ожидая возвращенія отсутствующаго короля, поспѣшилъ выѣхать въ Мальборгъ, чтобы какъ можно скорѣе объявить великому магистру и капитулу важную и отчасти грозную новость.

Послы венгерскіе, рагузскіе, чешскіе, двинулись вслѣдъ за нимъ, или-же выслали гонцовъ къ своимъ монархамъ. Ягелло прибылъ въ Краковъ въ тяжеломъ отчаяніи. Въ первую минуту онъ объявилъ вельможамъ, что не хочетъ ужъ быть королемъ безъ королевы и что онъ уѣдетъ въ свои владѣнія на Литву, послѣ этого, онъ какъ-бы окаменѣлъ отъ огорченія, не желалъ разсматривать никакихъ дѣлъ, не отвѣчалъ на вопросы, а минутами впадалъ въ страшный гнѣвъ на самаго себя за то, что уѣхалъ, что не былъ при смерти королевы, что не простился съ ней и не выслушалъ ея послѣдней воли и повелѣній. Напрасно Станиславъ изъ Скарбимра и епископъ Вышъ объясняли ему, что королева заболѣла неожиданно и что по законамъ природы онъ имѣлъ полнѣйшую возможность возвратиться, еслибы роды произошли своевременно. Но это совершенно не утѣшило его и не уменьшило его огорченья. «Не король я безъ нея,—отвѣчалъ онъ епископу,—а только грѣшникъ кающійся, который не узнаетъ утѣшенія!» Потомъ онъ уставился глазами въ землю и никто не смогъ добиться отъ него ни слова.

А тѣмъ временемъ мысли всѣхъ заняты были погребеніемъ королевы. Со всего свѣта начали собираться новыя толпы вельможъ, шляхты и простого народа, въ особенности нищихъ, ожидавшихъ щедрой милостыни при погребальномъ обрядѣ, который долженъ былъ продолжаться цѣлый мѣсяцъ. Тѣло королевы было поставлено въ каѳедральномъ соборѣ на возвышеніи, устроенномъ такъ, что болѣе широкая часть гроба, въ которомъ покоилась голова усопшей, была расположена гораздо выше болѣе узкой части его. Это было сдѣлано нарочно для того, чтобы народъ могъ лучше видѣть лицо королевы. Въ соборѣ неустанно отправляли богослуженіе: при катафалкѣ горѣли тысячи восковыхъ свѣчъ, а среди этого блеска и цвѣтовъ лежала она, спокойная, ясная, похожая на бѣлую прекрасную розу, со сложенными накрестъ руками, на лавровомъ суднѣ. Люди считали ее святой, къ ней посылали бѣсноватыхъ, калѣкъ, больныхъ дѣтей—и въ серединѣ храма то и дѣло раздавался крикъ какой-нибудь матери, которая на лицѣ своего больного ребенка замѣтила румянецъ предвѣщающій здоровье, или какого-нибудь паралитика, который вдругъ чувствовалъ силу въ своихъ больныхъ членахъ. И тогда сердца людей охватывалъ трепетъ, вѣсть о чудѣ проносилась по всему костелу, замку, городу и все больше и больше привлекала человѣческую нужду, которая только въ чудѣ могла видѣть спасеніе свое.

О Збышко въ это время совершенно забыли; кто-же предъ лицомъ такого огромнаго несчастья могъ помнить объ обыкновенномъ шляхетскомъ юношѣ и о его заключенiи въ замковой башнѣ! Но Збышко зналъ отъ сторожей темницы о болѣзни королевы, онъ слышалъ людской шумъ около замка, а когда услышалъ слезы и звонъ колоколовъ онъ бросился на колѣна и, вспомнивъ о собственной судьбѣ, отъ всей души сталъ оплакивать смерть обожаемой королевы. Ему казалось, что вмѣстѣ съ нею и для него угасло что-то и что послѣ такой смерти никому не стоитъ жить на свѣтѣ.

Отзвукъ похоронъ, звонъ колоколовъ, пѣнiе и плачъ народа достигалъ къ нему въ продолженiи цѣлой недѣли. За это время онъ сдѣлался мраченъ, похудѣлъ, пересталъ ѣсть и спать и ходилъ по своему подземелью, какъ дикiй звѣрь въ клѣткѣ. Его тяготило одиночество, такъ какъ бывали дни, когда сторожъ темницы даже не приносилъ ему свѣжей ѣды и воды, такъ сильно были всѣ заняты похоронами королевы. Со времени ея смерти никто не навѣстилъ его; ни княгиня, ни Дануся, ни Повала изъ Тачева, который прежде показывалъ ему столько расположенiя, ни купецъ Амылей, знакомый Мацько. Збышко съ горечью думалъ, что съ отъѣздомъ Мацько всѣ забыли о немъ. Минутами ему приходило въ голову, что можетъ быть и законъ забудетъ о немъ—и что придется ему гнить до смерти въ этой темницѣ. И тогда онъ начиналъ молиться и просить смерти. Наконецъ, когда послѣ погребенiя королевы прошелъ мѣсяцъ и начался другой, онъ сталъ сомнѣваться въ возвращенiи Мацько. Вѣдь обѣщалъ-же Мацько ѣхать скорѣе, не жалѣть коня. Мальборгъ вѣдь не на краю свѣта. За двѣнадцать недѣль можно было доѣхать туда и возвратиться — въ особенности если дѣло было спѣшное — «но можетъ быть ему не къ спѣху! думалъ съ болью Збышко—можетъ быть ему гдѣ-нибудь по пути приглянулась баба и онъ везетъ ее въ Богданецъ, чтобы дождаться собственнаго потомства, а я тутъ буду цѣлый вѣкъ ожидать, что Господь смилуется надо мной!»

Подъ конецъ онъ потерялъ счетъ времени, пересталъ совершенно разговаривать и только по паутинѣ, все больше покрывающей желѣзную рѣшетку окна, онъ догадывался, что тамъ въ мiру приближается осень. Теперь онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на постели, опершись локтями о колѣна и запустивъ пальцы въ волоса, которые у него отросли далеко ниже плечъ—и въ полуснѣ или полуоцѣпенѣнiи не поднималъ головы даже и тогда, когда стражникъ заговаривалъ съ нимъ, принося ѣду. Но вотъ однажды заскрипѣли засовы, и знакомый голосъ еще съ порога темницы позвалъ его:

— Збышко!

— Дядя!— закричалъ въ отвѣтъ Збышко, сорвавшись со своихъ наръ.

Мацько обнялъ его свѣтлую голову обѣими руками и сталъ цѣловать. Печаль, горечь и тоска такъ сжимали сердце юноши, что онъ началъ горько плакать на груди дяди, какъ малый ребенокъ.

— Я думалъ, что вы ужь не возвратитесь, — говорилъ онъ рыдая.

— Я и самъ думалъ!—отвѣчалъ Мацько.

И только теперь Збышко поднялъ голову и, взглянувъ на него, закричалъ:

— А съ вами что случилось?

И онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на похудѣвшее и блѣдное какъ полотно лицо стараго воина, на его согбенную фигуру и на посѣдѣвшіе волосы.

— Что съ вами?—повторилъ онъ.

Мацько сѣлъ на постель и нѣсколько времени только тяжело вздыхалъ.

— Что со мной случилось? — сказалъ онъ наконецъ. — Едва я успѣлъ переѣхать черезъ границу, какъ меня въ лѣсу подстрѣлили изъ лука.—Разбойники рыцари!—знаешь?.. Мнѣ еще трудно дышать... Богъ послалъ мнѣ помощь—иначе-бы ты не видѣлъ меня здѣсь.

— Кто-же спасъ васъ?

— Юрандъ изъ Спыхова—отвѣчалъ Мацько.

Наступила минута молчанія.

— Они напали на меня, а черезъ полдня онъ напалъ на нихъ. Едва-ли половина ихъ ушла отъ него. Онъ меня взялъ съ собой въ замокъ и тамъ въ Спыховѣ онъ три недѣли отвоевывалъ меня у смерти. Богъ не далъ умереть—и хоть мнѣ тяжело еще, но Онъ возвратилъ меня къ жизни.

— Значитъ ты не былъ въ Мальборгѣ?

— Съ чѣмъ-же мнѣ было ѣхать? Обобрали меня до чиста и письмо, и другія вещи забрали. Я возвратился, чтобы попросить княгиню Земовитову о другомъ письмѣ, но я разминулся съ ней по дорогѣ — и догоню-ли я ее—не знаю, потому что мнѣ тоже надо собираться на тотъ свѣтъ.

Сказавъ это, онъ плюнулъ на руку и протянулъ ее къ Збышко и тотъ увидѣлъ на ней чистую кровь.

— Видишь?

А черезъ минуту прибавилъ:

— Видно Божья воля!

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Порою туманной
Дорогою трудной
        Иду.
О, другъ мой желанный,
Спаситель мой чудный,
        Я жду.
Мгновенное племя,—
Цвѣтутъ при дорогѣ
        Мечты,
Медлительно время,
И сердце въ тревогѣ,—
        А ты,—
Хоть смертной тропою,
Въ послѣдній жестокій
        Мой день,
Пройди предо мною,
Какъ призракъ далекій,
        Какъ тѣнь!

Ѳедоръ Сологубъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Н. С. Лѣсковъ.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

«Святочные разсказы» и «Разсказы кстати». — Романы Лѣскова: «Обойденные», «Островитяне», «Некуда», «На ножахъ». — Артуръ Бенни въ характеристикѣ Лѣскова и въ характеристикахъ П. Д. Боборыкина, В. В. Чуйко и А. Н. Толивѣровой-Пѣшковой. — Романическія черты изъ жизни «Загадочнаго человѣка».—Смерть Бенни.—«Загадочный человѣкъ» въ образѣ Райнера.—Нигилистическіе герои романа.— Клевета и сплетни. — Нигилисты и «негилисты». — Скромная жертва Стебницкаго на алтарь либерализма.—«Чортовы куклы». — Изъ личной переписки Лѣскова.

I.

Мы отмѣтимъ немногими словами рядъ очерковъ Лѣскова, въ которыхъ онъ соединялъ свои наблюденія съ публицистическими разсужденіями на временно возбужденныя темы. Между этими произведеніями имѣется довольно много, такъ называемыхъ, «святочныхъ разсказовъ» и «разсказовъ кстати», написанныхъ живо, бойко, съ присущимъ Лѣскову юморомъ, но почти всегда безъ настоящаго художественнаго вдохновенія. Нужно сказать, что, при удивительномъ талантѣ повѣствователя, Лѣсковъ не обладалъ тѣмъ особенно легкимъ воображеніемъ, которое позволяетъ создавать невинные, какъ дѣтство, образы, облекать свои свободныя мечтанія въ подвижныя, играющія формы. Чудесное, непонятное, недоступное никакому разсудочному истолкованію не входило въ область его постоянныхъ преобладающихъ настроеній. Трезвый, хотя и благочестивый умъ Лѣскова не позволялъ ему увлечься ничѣмъ безцѣльнымъ, разсѣивалъ тѣ галлюцинаціи, которыя встаютъ передъ художникомъ въ извѣстныя минуты,—когда неодолимо хочется дать полную волю чувствамъ, которыя отличаютъ свѣтлое дѣтство отъ суровой и разочарованной возмужалости. Изображенныя фигуры въ этихъ разсказахъ

одѣты грубою плотью и, несмотря на примѣсь странныхъ и причудливыхъ эпизодовъ, повѣствованіе кажется мало поэтичнымъ. Самъ Лѣсковъ понималъ общія качества своихъ «святочныхъ разсказовъ». Изъ этихъ разсказовъ, пишетъ онъ, только немногіе «имѣютъ элементъ чудеснаго—въ смыслѣ сверхчувственнаго и таинственнаго». Въ большинствѣ изъ нихъ «причудливое или загадочное имѣетъ свои основанія не въ сверхъестественномъ или сверхчувственномъ, а истекаетъ изъ свойствъ русскаго духа и тѣхъ общественныхъ вѣяній, въ которыхъ для многихъ и въ томъ числѣ для самого автора, написавшаго эти разсказы, заключается значительная доля страннаго и удивительнаго». Этими словами Лѣсковъ предупреждаетъ читателя относительно содержанія своихъ очерковъ: ничего фантастическаго, сочная жизненная правда, высказанная по такимъ поводамъ, которые обыкновенно отвлекаютъ отъ истинъ повседневнаго, будничнаго существованія. Именно въ мелкихъ разсказахъ Лѣскова, которые онъ самъ называетъ святочными и которые печатались въ рождественскихъ и новогоднихъ номерахъ періодическихъ изданій, нѣтъ никакого праздничнаго свѣта, нѣтъ радостной, веселой нарядности, которая возбуждаетъ ощущеніе легкости и душевнаго подъема. Этихъ разсказовъ цѣлыхъ полтора десятка, и между ними попадаются такіе удачные очерки, какъ «Звѣрь», «Путешествіе съ нигилистомъ», «Пугало», «Жидовская кувырколлегія» и друг. Однако, и эти наброски ничѣмъ особенно не отличаются отъ подобныхъ же очерковъ, писанныхъ гораздо менѣе крупными талантами. То, что придавало характерную силу такимъ разсказамъ Лѣскова, какъ «Полунощники», «Шерамуръ», «Овцебыкъ», т.-е. разлагающій анализъ житейскихъ нравовъ и отношеній, здѣсь теряетъ свое значеніе, даже утомляетъ и досаждаетъ, не позволяя отдаться никакому фантастическому очарованію. Сатира ѣдкая, а не игривая, воображеніе, насыщенное тяжкими злобами дня, а не летящее къ небу, настроеніе мрачное и сдавленное, а не привольное, какъ капризная волна,—таковы особенности этихъ разсказовъ, изъ которыхъ никакая критика, при самомъ внимательномъ чтеніи, не могла бы извлечь ничего новаго для характеристики писательской физіономіи Лѣскова. Онъ остается при прежнихъ, уже выясненныхъ нами чертахъ литературнаго изографа стариннаго пошиба, съ его могучимъ полетомъ въ области народной вѣры и религіознаго благочестія, съ неизмѣнными паденіями и уродствами, когда ему случается выйти за черту своего наиболѣе глубокаго вдохновенія. Иногда онъ показываетъ, среди прозаическаго, но манернаго разсказа, одну изъ блестящихъ и рельефныхъ сторонъ своего таланта. Временами переливаются въ картинѣ теплыя, мягкія краски на ясномъ и свѣтломъ фонѣ. Но въ цѣломъ все-таки не получается слитнаго музыкальнаго впечатлѣнія, которое несовмѣстимо съ разсудочною работою.

Гораздо значительнѣе въ бытовомъ отношеніи и даже въ смыслѣ историческаго интереса тѣ произведенія, которыя Лѣсковъ называетъ «разсказами кстати». Нѣкоторые изъ нихъ могли-бы по всей справедливости занять мѣсто между святочными разсказами, потому что въ нихъ играетъ живая, иногда увлекательная фантазія. Другіе написаны по личнымъ воспоминаніямъ изъ разныхъ періодовъ жизни автора и обнаруживаютъ широкое знакомство съ русскимъ бытомъ — въ его самыхъ затаенныхъ и диковинныхъ проявленіяхъ, въ его тяжеломъ и запутанномъ механизмѣ, который Лѣсковъ умѣлъ разлагать по частямъ, добираясь до самыхъ его каверзныхъ винтиковъ и пружинокъ. Съ тою остротою зрѣнія, которую развила въ немъ тонкая работа изографа строгановскаго пошиба, Лѣсковъ, переходя въ область современной и исторической россійской правды, открываетъ язвы общественной жизни, и затѣмъ, съ хитрымъ подмигиваніемъ спеціальнаго знатока, какъ-бы злорадно указываетъ на нихъ пальцемъ. Разсказы читаются, несмотря на растянутость, съ большимъ интересомъ, хотя серьезнаго художественнаго значенія они тоже не имѣютъ. Стиль ясенъ, точенъ, твердъ, но нигдѣ не играетъ тѣмъ золотымъ блескомъ, который отличалъ его великолѣпное иконописное мастерство. Образы шутливы, иногда смѣхотворны, но въ нихъ нѣтъ и тѣни того благочестиваго юмора, который разливался въ его лучшихъ художественныхъ произведеніяхъ — въ «Очарованномъ странникѣ», гдѣ комизмъ достигаетъ иногда высоты беззлобнаго смѣха, въ «Соборянахъ», гдѣ на главныхъ фигурахъ тихо дрожитъ невинная улыбка, въ чудесномъ разсказѣ «Котинъ Доилецъ и Платонида», гдѣ внѣшнее уродство облагорожено мягкою душевною красотою. Нельзя забыть въ этой параллели и геніальнаго очерка «На краю свѣта», съ его вдохновеннымъ юморомъ, неотдѣлимымъ отъ тончайшаго религіознаго экстаза. Между этими «разсказами кстати» нѣтъ ни одного такого, въ которомъ блеснула бы какая-нибудь новая мысль, по сравненію съ тѣми художественными очерками, которые нами прослѣжены въ предъидущихъ статьяхъ. Они не обнаруживаютъ никакой новой струи въ развитіи авторскаго таланта. Большинство изъ нихъ представляетъ повтореніе старыхъ мотивовъ, но безъ той красоты и цѣльности настроенія, которая проникала его лучшія произведенія. Такіе разсказы, какъ «Совмѣстители», «Старинные психопаты», «Интересные мужчины», «Таинственныя предвѣстія», «Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ», «Умершее сословіе», и друг., несмотря на разнообразіе передаваемыхъ жизненныхъ курьезовъ и веселую пестроту красокъ, не прибавляютъ ни единой черты для пониманія Лѣскова. Писатель какъ бы не могъ совладать съ богатымъ міромъ своихъ наблюденій и свѣдѣній, который не уложился въ законченную художественную форму. Широкій жизненный опытъ шевелился въ немъ вмѣстѣ съ неугомонными

стремленіями къ нравоучительнымъ назиданіямъ, съ раздражительнымъ брюзжаніемъ на существующіе порядки и постоянно прорывался въ растянутыхъ анекдотическихъ повѣствованіяхъ, лишенныхъ былой фантазіи и настоящаго идейнаго интереса. Между этими очерками, можетъ быть, только небольшой разсказъ «Александритъ» представляетъ нѣчто свѣжее въ литературномъ отношеніи и въ то же время нѣчто типичное для Лѣскова, съ его любительскими пристрастіями ко всему диковинному. Описывается старый чехъ—гранильщикъ драгоцѣнныхъ камней, «кабалистъ и мистикъ», восторженный поэтъ этого дѣла. Игра свѣта въ этихъ камняхъ кажется ему отблескомъ таинственной жизни горныхъ духовъ. На очень немногихъ страницахъ образъ стараго чеха, окутанный какимъ-то фантастическимъ облакомъ, выступаетъ, какъ привлекательное созданіе живого и яркаго воображенія. Тутъ сказалась собственная натура Лѣскова, въ рабочемъ кабинетѣ котораго тоже находились рѣдкостные камни и который не безъ артистическаго удовольствія отмѣчаетъ въ своемъ разсказѣ, что ему самому досталось кольцо съ александритомъ отъ одного извѣстнаго общественнаго дѣятеля. Передавая свои бесѣды со старымъ чехомъ, Лѣсковъ даетъ исходъ своемъ богатому темпераменту, своему увлеченію загадочною красотою, которая одухотворяетъ драгоцѣнныя бездѣлки природы. Его приводитъ въ восторгъ «густой бредъ» стараго гранильщика, который сквозь прозрачные камни заглядываетъ въ таинственныя бездны природы. «Спишь, а все это снится... И какъ славно, какъ это все густо, и жизненно, хотя и знаешь, что все это вздоръ. Не вздоръ—это то, что знаетъ оцѣнщикъ камней въ ломбардѣ. О да, то не вздоръ: то оцѣнка, то фактъ...» Въ этомъ восклицаніи автора чувствуется теплота непосредственнаго отношенія къ жизни, не изсушеннаго, благодаря страстному и неистощимо-сильному темпераменту, даже привычкою къ резонерству. Случайное впечатлѣніе зажгло кровь прирожденнаго любителя художественныхъ и поэтическихъ секретовъ. Когда гранильщикъ послѣ долгихъ хлопотъ успѣшно обдѣлываетъ дорогой пиропъ, Лѣсковъ предается нескрываемой радости. «Камень поглощалъ и извергалъ изъ себя пуки густого темнаго огня, пишетъ онъ. Венцель на какую-то незамѣтную линію снялъ края верхней площадки пиропа, и середина его поднялась капюшономъ. Гранатъ принялъ въ себя свѣтъ и заигралъ: въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, горѣла въ огнѣ очарованная капля несгораемой крови». Восхищеніе любителя, смѣшанное съ глубокимъ, почти символическимъ пониманіемъ природы. сказалось въ этихъ превосходныхъ словахъ, достойныхъ живописнаго таланта Лѣскова. Но очеркъ «Александритъ», какъ мы уже сказали, является нѣкоторымъ исключеніемъ среди другихъ «разсказовъ кстати», повторяющихъ старые, использованные авторомъ идеи и мотивы. Онъ выдѣляется своею краткостью, своею поэтическою густотою, свѣжестью

чувства, хотя по глубинѣ разработки, конечно, не можетъ сравниться съ такимъ произведеніемъ Лѣскова, каковъ, напримѣръ, «Запечатлѣнный ангелъ». Недодѣланный именно какъ разсказъ, онъ не производитъ полнаго художественнаго впечатлѣнія и только отдѣльными своими частями приближается къ тому высокому мастерству, на какое былъ способенъ авторъ.

Но если въ «Александритѣ» можно открыть свѣжую поэтическую фантазію, которая нашла для себя новый предметъ, то въ такихъ «разсказахъ кстати», какъ «Дама и фефела», «Загонъ», или такихъ очеркахъ, какъ «Продуктъ природы», «Сибирскія картинки XVIII вѣка», «Язвительный», «Домашняя челядь» и даже такихъ удачныхъ по художественному направленію вещахъ, какъ «Вдохновенные бродяги», «Некрещеный попъ» и «Владычный судъ», мы уже не найдемъ никакихъ оригинальныхъ замысловъ. «Дама и фефела»—небольшое повѣствованіе, написанное острымъ и сильнымъ талантомъ, но идея этого разсказа, его лучшія краски напоминаютъ нѣкоторыя стороны «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда». Воображеніе Лѣскова кружится около типовъ рыхлой и цыбастой красавицы въ смѣшанныхъ житейскихъ образахъ, и хотя отдѣльныя описанія отличаются сочною колоритностью, но нельзя не видѣть, что Лѣсковъ пускаетъ въ ходъ остатки своей богатой, хотя уже истощенной палитры. Тѣ же чувственныя подробности, та же жадная физическая страсть, находящая созвучіе въ мірѣ хищныхъ животныхъ, какъ и въ «Леди Макбетъ»,—почти такой же конецъ, какъ въ разсказѣ «Котинъ Доилецъ и Платонида». Очеркъ написанъ въ послѣдній періодъ жизни Лѣскова, когда померкшая фантазія невольно искала возбужденія въ старыхъ чувственныхъ образахъ. Уже безсильный открыть новую черту въ человѣческой душѣ, онъ прикрывалъ вычурными и тенденціозными наименованіями исчерпанные до конца художественные сюжеты. Въ этомъ смыслѣ разсказъ о вдохновенныхъ бродягахъ, гдѣ нѣкоторыя детали играютъ безподобнымъ юморомъ, тоже не можетъ быть причисленъ къ значительнымъ произведеніямъ Лѣскова. Авторъ проводитъ параллель между современнымъ авантюристомъ Ашиновымъ и вдохновенными бродягами прошедшихъ эпохъ русской исторіи. Не будучи въ силахъ превозмочь бурлившей въ немъ злобы противъ разныхъ современныхъ шарлатановъ съ широкими карьеристскими вожделѣніями, онъ примѣшиваетъ къ смѣху художника надъ уродствами жизни несдержанный, страстный гнѣвъ публициста. Уже пріобщенный къ стану русскихъ либераловъ, онъ яростно казнитъ «историческую фигуру Каткова», благодаря которому съ помпою выступила на сцену пройдошеская наглость Ашинова. Этотъ «вольный казакъ» стоитъ передъ глазами, какъ живой, посреди своей причудливой свиты изъ заморскихъ птицъ, черномазаго мальчика и неизвѣстной дѣвицы «въ званіи принцессы и дочери друже-

ственнаго царя Менелика». Около Ашинова — маленькая толпа петербургскихъ знаменитостей, между которыми выдаются два поэта: старикъ Розенгеймъ, который обкуривалъ Ашинова мариландскою папироскою, и другой—поэтическій невеличка, но «нарочито искательный мелодикъ», который «втягивалъ въ себя даже собственныя черевы». Прекрасный юмористическій очеркъ, полный негодованія и болѣзненнаго личнаго раздраженія, заканчивается обличительнымъ пророчествомъ: бродяга XX в. съ «таковскимъ духомъ» начнетъ съ того, чѣмъ кончилъ Ашиновъ, когда «сталъ въ гордой позѣ надъ тѣломъ послѣдняго славянофильскаго поэта, лежавшаго у его ногъ въ генеральской униформѣ», и сказалъ: «эхъ ты! Нашелъ гдѣ умирать, дурашка!» Въ противоположность «Вдохновеннымъ бродягамъ», гдѣ сильною стороною является злобный юморъ, разсказы «Некрещеный попъ» и «Владычный судъ» написаны въ духѣ серьезно-моралистическомъ. Первый изъ нихъ представляетъ запутанное и сбивчивое повѣствованіе, къ тому же несносно растянутое и болтливое, съ блѣдною, худосочною мыслью въ основѣ, нелишенной протестантскаго оттѣнка. «Владычный судъ» представляетъ pendant къ разсказу «На краю свѣта». Несмотря на грубую каррикатурность центральнаго лица разсказа, переплетчика-еврея, очеркъ заключаетъ въ себѣ драматическій интересъ и движеніе. Но то, что въ разсказѣ «На краю свѣта» получило удивительно совершенную поэтическую обработку, здѣсь представлено въ блѣдныхъ фигурахъ и тусклой обрисовкѣ: нѣтъ ни единаго живого лица, и даже кіевскій владыко Филаретъ, въ которомъ должна была воплотиться широкая человѣчная идея, не вышелъ здѣсь въ своихъ дѣйствительно привлекательныхъ чертахъ. Въ отличіе отъ ярославскаго епископа Нила, изображеннаго въ разсказѣ «На краю свѣта» съ обворожительною простотою и проникновеннымъ глубокомысліемъ, кіевскій митрополитъ нарисованъ сухими, жесткими, прозаическими чертами, которыя не отвѣчаютъ его дѣйствительной натурѣ, какъ она представлена даже самимъ Лѣсковымъ въ VI, рѣдкостномъ, томѣ его произведеній.

Затѣмъ слѣдуетъ еще цѣлая серія разсказовъ: «Смѣхъ и горе», «Воительница», «Грабежъ», «Антука», «Колыванскій мужъ», «Ракушанскій меламедъ», «Пламенная патріотка» и «Бѣлый орелъ». За исключеніемъ 2-хъ послѣднихъ, всѣ эти разсказы поражаютъ своею растянутостью. При отсутствіи выдающихся поэтическихъ качествъ въ изложеніи, они не производятъ цѣльнаго и сильнаго впечатлѣнія. Ненужныя подробности, длинныя отступленія, съ безчисленными вводными эпизодами, несдержанное резонерство въ однообразныхъ діалогахъ утомляютъ и затрудняютъ самое чтеніе этихъ разсказовъ. Очеркъ «Смѣхъ и горе», представляющій собою пестрое попурри на темы россійскаго уродства, занимаетъ 220 печатныхъ страницъ, хотя въ немъ нельзя

найти никакихъ новыхъ откровеній или смѣлыхъ художественныхъ объясненій русскаго быта. Повѣствованіе тянется медленно, лишь временами оживляясь отдѣльными мѣткими наблюденіями. Слогъ худосоченъ и баналенъ. Въ разсказѣ «Воительница» попадаются удачныя и драматически сильныя страницы. Несмотря на различіе сюжета, этотъ длинный очеркъ напоминаетъ «Тупейнаго художника»—тономъ сдавленныхъ страданій, которыя иногда захватываютъ и самого писателя, и читателя. Главная фигура разсказа, кружевница Домна Платоновна, женщина, въ которой сидѣлъ «аггелъ сатаны», неустанная посредница по разнымъ щекотливымъ дѣламъ, обрисована довольно яркими и типичными чертами. На послѣднихъ страницахъ разсказа, когда Домна Платоновна, уже почти старухою, изнываетъ отъ безнадежной страсти, Лѣсковъ собралъ нѣсколько удивительно сильныхъ художественныхъ эффектовъ. «Я все люблю! восклицаетъ она, — и все безъ радости, безъ счастья безъ всякаго. Богъ съ ними люди! Не понять имъ, какая это бѣда, если прилучится такое надъ человѣкомъ не ко времени. Ходила я къ староверу,—говоритъ: это тебѣ аггелъ сатаны данъ въ плоть... На, возносись. Пошла къ священнику, говорю: вотъ, батюшка, что со мною, такъ и такъ, говорю, силъ моихъ надъ собою нѣтъ... Ну, священникъ меня хорошо пощунялъ: читай, говоритъ, раба, канонъ Утоли моя печали. Я теперь и канонъ этотъ читаю, и къ мѣсту такому нарочно опредѣлилась, чтобы никакихъ смущеній мнѣ не было. Ну, только... Валерушка! цыпленокъ ты мой! Сокровище благихъ!...» Домна Платоновна умерла отъ быстраго истощенія силъ, безболѣзненно, тихо и спокойно. «Лежала она въ гробикѣ черномъ такая маленькая, сухенькая, точно въ самомъ дѣлѣ всѣ хрящички ея изныли и косточки прилипли къ суставамъ». Нѣсколько прекрасныхъ, съ тонкимъ мастерствомъ положенныхъ оттѣнковъ, среди безконечно длинныхъ діалоговъ, въ которыхъ однако шевелится глубокая житейская драма. Иногда діалоги прерываются лирическимъ изліяніемъ автора, иногда попадаются художественныя подробности, свѣтящіяся трогательною красотою. Одна изъ жертвъ усердія Домны Платоновны по любовнымъ дѣламъ, Леканида Петровна, выступаетъ въ разсказѣ живымъ существомъ — по крайней мѣрѣ до того момента, когда она поддается грубымъ подталкиваніямъ сводницы. Однажды, послѣ тяжелой сцены, Домна Платоновна выскочила на улицу, купила десять штукъ песочнаго пирожнаго, пришла домой и поставила самоваръ. «Сама чаю чашку ей налила и подаю съ пирожнымъ, разсказываетъ Домна Платоновна своему собесѣднику. Она взяла изъ моихъ рукъ чашку и пирожное взяла, откусила кусочикъ, да межъ зубовъ и держитъ. Кусочикъ держитъ, а сама вдругъ улыбается, улыбается и весело улыбается, а слезы кап-кап-кап, — такъ и брызжутъ». Борьба оканчивается подчиненіемъ Леканиды своей злой судьбѣ. Истощенная

суровыми обстоятельствами, Леканида смиряется съ чувствомъ безпросвѣтнаго отчаянія. Нѣсколько новыхъ описательныхъ строкъ—и заурядное, но тяжкое житейское паденіе озаряется со стороны автора нѣжнымъ лучемъ божественнаго сострадания. «Я ее опять по головкѣ глажу, продолжаетъ свой разсказъ Домна Платоновна, а она сидитъ и глазкомъ съ лампады не смигнетъ. Лампадъ горитъ передъ образами таково тихо, сіяніе отъ иконъ на нее идетъ, и вижу, что она вдругъ губами все шевелитъ, все шевелитъ». Таковъ этотъ разсказъ, написанный мрачными и грустными красками, но, какъ мы сказали, общимъ настроеніемъ напоминающій прежніе образы Лѣскова: унылые и трагическіе при сѣрой, безнадежной жизненной обстановкѣ. Гораздо менѣе значительными по сюжету надо считать разсказы «Пламенная патріотка», «Ракушанскій меламедъ», «Грабежъ» и «Антука». Въ «Ракушанскомъ меламедѣ», при обычномъ у Лѣскова шаржѣ въ описаніи еврейскихъ характеровъ, есть веселіе, игривость, за которыми скрывается бездна запутанной отечественной психологіи, какъ и въ разсказахъ «Жидовская кувырколлегія» и «Владычный судъ». «Грабежъ» и «Пламенная патріотка» представляются довольно мелкими набросками, — можетъ быть, по ничтожнымъ личнымъ воспоминаніямъ, — лишенными чисто литературнаго интереса. Невольно удивляешься, что богато одаренная натура Лѣскова могла размѣниваться на такіе ничтожные анекдоты почти сплетническаго пошиба. Что-то постоянно заставляло его писать на самыя случайныя темы. Все давало пищу его необузданной словоохотливости, возбуждало въ немъ желаніе припоминать и воспроизводить обрывки давно забытыхъ впечатлѣній, осколки нѣкогда шумныхъ провинціальныхъ исторій, подъ предлогомъ создать наглядное нравоученіе для общества. Справедливость требуетъ сказать, что эти благія цѣли автора, призваннаго къ тонкому иконописному художеству, вносили въ его работу больше трескучей суеты, чѣмъ серьезныхъ, пригодныхъ для искусства идей. Характернымъ примѣромъ можетъ служить очеркъ «Антука», гдѣ авторъ, повидимому, задавался мыслью противопоставить двухъ представителей Польши—стараго и новаго типа. Ухищренная, но все-таки расплывчатая и неясная обрисовка современнаго безличнаго поляка не производитъ впечатлѣнія настоящей художественной характеристики: много словъ, много «священно-ябедническихъ» намековъ, бросаемыхъ въ разныя стороны, чрезмѣрно тонкая игра мѣстными бытовыми особенностями, вплоть до «жидовскаго щупака съ шафраномъ»—и тѣмъ не менѣе ни одного истинно удачнаго художественнаго штриха, оживляющаго образъ или картину. Отраднымъ и замѣчательнымъ исключеніемъ изъ этой серіи разсказовъ является «Бѣлый Орелъ». Вотъ по истинѣ фантастическое произведеніе, въ лучшемъ смыслѣ слова, какихъ немного у Лѣскова. Краткость въ обрисовкѣ дѣйствія, необычайная мѣткость каждой характеристики, тон-

кость психологической отдѣлки при мягкомъ и болѣзненномъ настроеніи главнаго лица, безобидный юморъ, напоминающій неуловимый комизмъ знаменитаго «ди-ка-ти-ли-ка-ти-пе» изъ «Очарованнаго странника»—таковы безподобныя достоинства этого небольшаго очерка, который читается съ восхищеніемъ. Въ сжатомъ, плотномъ рисункѣ гармонично слиты мечтательныя краски. Простая грубая дѣйствительность, съ удручительнымъ содержаніемъ и трагическими происшествіями—какъ внезапная смерть, раззореніе трудовой семьи, помѣшательство подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго потрясенія—изображены волнующими, тонко артистическими словами, на какія былъ способенъ Лѣсковъ въ лучшія минуты своего творческаго просвѣтленія. На первомъ планѣ «худородный вельможа» Галактіонъ Ильичъ—чиновникъ, производящій въ провинціи предварительную работу для готовящейся сенаторской ревизіи. Некрасивый до уродства, болѣзненный, онъ наводилъ тоскливый ужасъ однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Этому человѣку, которому природа отказала въ самыхъ примитивныхъ и насущныхъ радостяхъ жизни, Лѣсковъ даетъ страстное и доброе сочувствіе всему здоровому и красивому. Рядомъ съ нимъ поставлена жизнерадостная фигура мелкаго провинціальнаго чиновника Ивана Петровича, здоровяка, красавца и талантливаго мастера на всѣ руки. Тутъ же находится лицо, съ отвѣтственнымъ, учительнымъ положеніемъ, которое на всѣхъ «священно-ябедничаетъ»,—нѣсколькими строками очерченъ, съ великимъ Лѣсковскимъ мастерствомъ, удивительно реальный образъ. Почти за кулисами событій—бѣдная мать Ивана Петровича и сиротка Татьяна, которую онъ обучаетъ и съ которой вмѣстѣ проходитъ, по самоучителю, курсъ французскаго языка. Болѣзненный петербургскій чиновникъ всею душою привязался къ Ивану Петровичу. Однажды у губернатора готовился вечеръ съ живыми картинами, въ которыхъ главную роль долженъ былъ играть Иванъ Петровичъ. Въ ожиданіи назначеннаго приглашеніемъ часа, ревизоръ заснулъ. Его посѣтило тягостное и зловѣщее сновидѣніе. Иванъ Петровичъ вошелъ спѣшной походкой, шумно оттолкнулъ стоявшіе посрединѣ комнаты стулья и произнесъ: «Вотъ можете меня видѣть. Но только покорно васъ благодарю, вы меня сглазили. Я вамъ за это отомщу». Чиновникъ, проснулся съ тревожнымъ, смутнымъ предчувствіемъ. Придя на вечеръ, онъ узналъ, что живыя картины отмѣнены вслѣдствіе внезапной смерти Ивана Петровича. Съ этого момента передъ Галактіономъ Ильичомъ повсюду носится видѣніе жизнерадостнаго красавца, со всѣми его обычными особенностями, съ полутрогательными, полусмѣшными недостатками его молодой, веселой натуры. «Замогильный гость приходитъ на землю, окрашиваясь, точно свѣтовой лучъ, проходящій черезъ цвѣтное стекло»: болѣзненныя галлюцинаціи, можетъ быть, ничего не давая для пониманія загробнаго міра, бросаютъ тревожный свѣтъ на міръ зем-

ныхъ страданій и недуговъ самого галлюцинанта. Провинціальная толпа шепчетъ, что несчастнаго юношу погубилъ недобрый глазъ петербургскаго ревизора, и эта молва, сгущаясь и разростаясь, создаетъ опасныя настроенія для его болѣзненной и щепетильной души, терзаетъ его нервы, заставляетъ его искать успокоенія въ помощи пострадавшей семьѣ. Молва докатывается до Петербурга, и ревизора отзываютъ. Провинціальное болото, встревоженное пріѣздомъ нежелательнаго ревизора, мало по малу затягивается прежнею тиною: концы скрыты, на поверхности никакихъ, даже самыхъ отдаленныхъ уликъ, единственнымъ виновникомъ загадочной смерти Ивана Петровича представленъ петербургскій чиновникъ, къ которому умершій былъ прикомандированъ въ качествѣ помощника. Мнимый виновникъ трагическаго событія постепенно сживается со своими галлюцинаціями, все болѣе погружается въ дикій бредъ маніакально настроеннаго воображенія. Все, что отличало беззаботную, шумную и пѣвучую жизнь Ивана Петровича, проходитъ въ яркихъ и разнообразныхъ видѣніяхъ, повторяющихъ комизмы земнаго существованія. По дорогѣ въ Петербургъ впадающій въ безуміе чиновникъ шутливо перекоряется съ неотступнымъ призракомъ по поводу недоученнаго французскаго языка. Иванъ Петровичъ замѣчаетъ: «на что мнѣ учиться: я теперь отлично самоучкой жарю». Когда полупомѣшанный чиновникъ готовится получить обѣщанный ему за ревизію орденъ Бѣлаго Орла, призракъ Ивана Петровича съ чисто земною фамильярностью подставляетъ ему подъ самый носъ шишъ. Выслушивая по поводу неуспѣха по службѣ соболѣзнованія отъ своего зятя, Галактіонъ Ильичъ самъ чувствуетъ непреодолимое желаніе показать ему языкъ или шишъ: видѣніе отражаетъ нѣкоторыя безсознательныя движенія самого больного и въ то же время является гипнотизирующимъ образомъ, который развинчиваетъ его нервный механизмъ, подтянутый при обычныхъ условіяхъ чиновнической жизни. Галлюцинаціи окончательно овладѣваютъ душою больного. На вечерѣ, въ гостяхъ, при встрѣчѣ новаго года, онъ опять слышитъ маленькій веселый монологъ Ивана Петровича, съ исковерканными французскими словами и съ пѣніемъ прощальныхъ стиховъ. Онъ проходитъ мимо него по лѣстницѣ, въ вицмундирѣ, съ пышнымъ галстухомъ гранатоваго цвѣта. Внизу лѣстницы тяжело хлопнула парадная дверь, такъ что дрогнулъ весь домъ. Хозяинъ и люди бросаются смотрѣть, въ чемъ дѣло,—но Галактіонъ Ильичъ, съ лукавой скрытностью форменнаго сумасшествія, не выдаетъ понятной ему тайны. Когда онъ возвращается домой, бредъ окончательно заслоняетъ для него жизненную правду: на столѣ, подъ бѣлою бумагою, лежитъ орденъ Бѣлаго Орла, а у кровати на столикѣ небольшой конвертикъ съ надписью, сдѣланной рукою Ивана Петровича—и внутри конверта «на почтовой бумажкѣ» экземпляръ приказа о наградѣ. «И

что еще лучше, разсказываетъ Галактіонъ Ильичъ,—всю остальную ночь я спалъ, хотя слышалъ, какъ что-то гдѣ-то пѣло самыя глупыя слова: до свидансъ, до свидансъ,—же але о контрадансъ». Это Иванъ Петровичъ, догадывается сумасшедшій,—«по французски жаритъ самоучкою»... Такъ кончается этотъ великолѣпный фантастическій разсказъ, достойный геніальной кисти Гоголя—по реальности наивныхъ и ужасныхъ жизненныхъ подробностей, которыя видны сквозь галлюцинаціи и бредъ помѣшаннаго чиновника. Между послѣдними мелкими произведеніями Лѣскова это, быть можетъ—самое замѣчательное, самое законченное, одухотворенное особеннымъ, трагическимъ пониманіемъ россійской жизни. Здѣсь чувствуется сильное вліяніе нѣкоторыхъ классическихъ образцовъ русскаго искусства, но въ обработкѣ подробностей Лѣсковъ сохраняетъ типическія черты своего темперамента и оригинальнаго художественнаго письма.

Въ заключеніе отмѣтимъ отрывки изъ юношескихъ воспоминаній Лѣскова подъ названіемъ «Печерскіе антики». Это небольшая галлерея характерныхъ и живыхъ типовъ, наблюденныхъ въ Кіево-Печерской лаврѣ и около нея. Воспоминанія написаны въ мягкомъ эпическомъ стилѣ, просто, отчетливо, съ нѣкоторымъ добродушіемъ въ разрисовкѣ нравовъ сравнительно недавняго прошлаго. Отрокъ Гіезій и старый раскольникъ Малафей Пимычъ, лелѣющій неосуществимую надежду, что русскій Государь Николай I, при посѣщеніи Кіева, перекрестится двуперстнымъ знаменіемъ, полковникъ Берлинскій, самохвальный разсказчикъ съ неудержимой фантазіей—всѣ эти фигуры, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, изображены упругими чертами. Между прочимъ авторъ разсказываетъ нѣсколько интересныхъ подробностей изъ жизни извѣстнаго Аскоченскаго и даетъ нѣкоторыя поясненія по поводу «Запечатлѣннаго ангела». Однимъ словомъ, эти довольно пространныя юношескія воспоминанія Лѣскова, и по таланту изложенія, и по интересу историческихъ справокъ, представляютъ живое и вполнѣ достойное художника произведеніе.

II.

Переходимъ къ разсмотрѣнію дѣятельности Лѣскова въ качествѣ романиста—къ произведеніямъ: «Обойденные», «Островитяне», «Некуда» и «На ножахъ». Страннымъ образомъ, литературная судьба Лѣскова сложилась такъ, что его широкая извѣстность, невыгодная и малопочетная, долгое время держалась именно на его романическихъ произведеніяхъ—даже тогда, когда уже были напечатаны такіе художественные перлы, какъ «Соборяне», «Запечатлѣнный ангелъ», «На краю свѣта», «Очарованный странникъ» и другіе. Знали Стебницкаго, злобнаго и пристрастнаго обличителя нигилистическаго поколѣнія, и

почти не догадывались о томъ громадномъ, поразительно колоритномъ талантѣ, который обнаруживалъ этотъ писатель въ области утонченнаго и по народному религіознаго искусства. Произведенія, которыя достойны самаго внимательнаго изученія, оставались въ тѣни,—на первый планъ выдвигались романы съ кричащимъ содержаніемъ, которые отразили страстный и не сдержанный темпераментъ, а не глубоко-скрытыя свѣтлыя теченія его души. Романы «Некуда» и «На ножахъ» стали всеобщимъ достояніемъ и, какъ мы уже знаемъ, опредѣлили, вмѣстѣ со статьями о пожарахъ, напечатанными въ «Сѣверной Пчелѣ», всю литературную карьеру Лѣскова вплоть до послѣднихъ дней, когда ему довелось, наконецъ, получить малозначущее прощеніе отъ современнаго русскаго либерализма. Мы увидимъ ниже, что и этотъ моментъ литературной дѣятельности Лѣскова не обошелся безъ внутреннихъ противорѣчій, въ которыхъ замѣтную роль играло его почти болѣзненное и неугомонное самолюбіе: оно толкало его къ непрочному внѣшнему союзу съ людьми, раздающими значки передовой благонадежности, вопреки его природному тяготѣнію къ искателямъ религіозной и художественной правды. Приступая къ разбору немногихъ романовъ Лѣскова, вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій, для заключенія всей статьи, мы начнемъ съ тѣхъ, которыя никогда не имѣли особеннаго успѣха, но все-таки характерныхъ для пониманія его писательскаго дарованія. Здѣсь мы увидимъ, до какой степени талантъ Лѣскова мельчалъ и падалъ при разработкѣ, такъ-сказать, свѣтскихъ темъ, дающихъ богатый матеріалъ для широкой художественной живописи, но недоступныхъ для иконописца, съ геніальными прозрѣніями въ области народнаго богопониманія, хотя съ узкимъ и нетвердымъ кругозоромъ разсудка. Отъ знакомаго намъ Лѣскова мы найдемъ въ этихъ произведеніяхъ очень мало слѣдовъ.

«Обойденные»—довольно большой романъ, написанный жидко, блѣдно, съ незначительными проблесками таланта, которому нельзя было бы предсказать на основаніи этой вещи никакой серьезной будущности. Красавица Анна и увлекательная «ундина» Дора Прохоровы, безвольный молодой писатель Несторъ Долинскій, художникъ Илья Журавка—маленькій человѣкъ съ большою душою, каверзная развратница Юлія Азовцева, патеръ Заіончикъ и, наконецъ, два косматыхъ, нечистоплотныхъ и нравственно подозрительныхъ нигилиста—Спиридонъ Вырвичъ и Иванъ Шпандорчукъ—представляются то плоско-наивными, то грубо-каррикатурными изображеніями изъ русской жизни шестидесятыхъ годовъ. Авторъ хотѣлъ показать героевъ современной дѣйствительности, обойденныхъ модными въ то время писателями. Несмотря на внѣшнее безстрастіе, романъ заключаетъ въ себѣ скрытую полемику противъ художественной литературы того времени, съ ея «уѣздными учителями»

и библіотеками «для безграмотнаго народа», съ ея сѣдыми въ тридцать лѣтъ «женскими развивателями» и другими лицедѣями. «Пусть читатель не ожидаетъ, пишетъ Лѣсковъ, встрѣтиться здѣсь ни съ героями русскаго прогресса, ни съ свирѣпыми ретроградами. Въ романѣ этомъ не будетъ ни уѣздныхъ учителей, открывающихъ дешевыя библіотеки для безграмотнаго народа, ни мужей, выдающихъ субсидіи любовникамъ своихъ сбѣжавшихъ женъ, ни гвоздевыхъ постелей, на которыхъ какъ-то умѣютъ спать образцовые люди, ни самодуровъ отцовъ, спеціально занимающихся угнетеніемъ геніальныхъ дѣтей». Незамѣтно потѣшаясь надъ ходячими словами передового жаргона, Лѣсковъ предваряетъ читателя, что онъ не будетъ изображать никакихъ «благородныхъ организмовъ»—на ихъ мѣсто онъ поставитъ людей дурного воспитанія съ безсильными страстями и хорошими, неиспорченными сердцами. Извѣстное произведеніе Чернышевскаго широко распространялось въ обществѣ, и самъ Лѣсковъ далъ о немъ, какъ мы уже знаемъ, сочувственный отзывъ—правда, не безъ двусмысленнаго заигрыванія и съ восторженными, и съ скептическими судьями романа. Въ настоящемъ произведеніи Лѣсковъ хотѣлъ бы поставить передъ читателями портреты простыхъ и скромныхъ людей, которые по-своему открываютъ рабочіе магазины, на человѣчныхъ и любвеобильныхъ началахъ, не задаваясь эмансипаціонными цѣлями героевъ Чернышевскаго. Обойденные публичнымъ сочувствіемъ, эти люди, навѣрно, достигли бы успѣха въ своемъ дѣлѣ, если бы не преслѣдованія жестокой судьбы. Такова идея этого романа Лѣскова, воплощенная въ трехъ его главныхъ фигурахъ—Аннѣ и Дорѣ Прохоровыхъ и Несторѣ Долинскомъ. На заднемъ планѣ картины мелькаютъ два уродливыхъ нигилиста, нарисованныхъ аляповатыми красками. Они говорятъ по книжному, безпрестанно возбуждаютъ вопросы о свободѣ женской любви, затѣваютъ безплодныя словесныя бури, отъ которыхъ страдаютъ нервы положительныхъ героевъ романа. Вырвичъ и Шпандорчукъ не занимаютъ въ романѣ виднаго мѣста, но они нужны автору, какъ назидательное противоположеніе дѣйствительно честнымъ рабочимъ людямъ. Заканчивая романъ, Лѣсковъ играетъ темными, позорящими намеками по ихъ адресу. «Вырвичъ и Штандорчукъ, говоритъ онъ, благодаря Бога, живы и здоровы. Они теперь служатъ гайдуками или держимордами при какомъ-то приставѣ исполнительныхъ дѣлъ по вѣдомству нигилистической полиціи». Неясныя выраженія, съ нарочитою запутанностью житейскихъ понятій, останавливаютъ на себѣ вниманіе и шевелятъ въ читателѣ смутную вражду къ новымъ типамъ русской жизни. Сестры Прохоровы, которыхъ Лѣсковъ помазалъ мvромъ своего полнаго сочувствія, вышли чрезмѣрно прекраснодушными и, несмотря на обиліе почти реторическихъ описаній ихъ внѣшней и внутренней красоты, могутъ плѣнить только самыхъ невзыскательныхъ читателей.

Въ противоположность тонкимъ и острымъ чертамъ, которыми Лѣсковъ писалъ героинь своихъ лучшихъ произведеній, эти двѣ женщины изображены затертыми, опошленными словами. Анна Михайловна Прохорова—«прекрасная» женщина: высокая, стройная, «съ роскошными круглыми формами», съ «большими черными глазами, умно и страстно смотрящими сквозь густыя рѣсницы», и до синевы черными волосами, «изящно оттѣняющими высокій мраморный лобъ и блѣдное лицо, которое могло много разсказать о борьбѣ воли со страстями и страданіями». Уже въ восемнадцать лѣтъ Анна расцвѣла «пышною розой». Душѣ ея были свойственны всѣ человѣческія добродѣтели: «она была существо самое кроткое, нѣжное сердцемъ, честное до болѣзненности и безпредѣльно довѣрчивое». Разставаясь съ сестрою, которую она посылаетъ заграницу въ сопровожденіи своего возлюбленнаго, Анна «стояла молча, блѣдная, какъ мраморная статуя». Переживъ измѣну Долинскаго, она не уступаетъ ничьимъ ухаживаніямъ, даже благоговѣйной любви художника Журавки. Несмотря на всѣ эти трогательныя качества, несчастная Анна кажется мертвою фигурою. Въ обрисовкѣ Доры художникъ позволилъ себѣ нѣкоторые размашистые удары кисти. Это дѣвушка «восхитительной красоты», съ «золотисто-красными волосами, разсыпавшимися около самой милой головки». Она бойка, умна, искренна и «необыкновенно понятлива». Въ разговорѣ она постоянно прибѣгаетъ къ стихотворнымъ цитатамъ, иногда въ пѣніи, иногда въ декламаціи. Направляясь въ комнату, гдѣ поджидаетъ ее впервые явившійся съ визитомъ Долинскій, Дора звонкимъ контральто поетъ въ корридорѣ: «Если жизнь тебя обманетъ, не печалься, не сердись. Въ день несчастія смирись, день веселья, вѣрь, настанетъ». Она рѣшила никогда не выходить замужъ: «Я жить хочу, восклицаетъ она—жить, жить и пѣть». И тутъ же слѣдуетъ новая пѣсенка. По пріѣздѣ въ Петербургъ, когда Прохоровы показываютъ Долинскому свою квартиру съ магазиномъ, Дора оттѣняетъ свои мысли о демократической простотѣ ихъ рабочаго жилья посредствомъ выразительнаго четверостишія. Это повторяется много разъ. Романъ испещренъ стихотворными выписками, а многочисленныя главы снабжены игривыми названіями—въ духѣ эпопеи Чернышевскаго. Описывая патетическую минуту въ отношеніяхъ между Дорою и Долинскимъ, который измѣняетъ ради нея прекрасной Аннѣ, Лѣсковъ прибѣгаетъ къ пышнымъ, но безвкуснымъ краскамъ. Дора «неистово обхватила голову» молодого писателя и «впилась въ него безконечнымъ поцѣлуемъ».— «Небо... небеса спускаются на землю! шептала она, сгорая подъ поцѣлуями. Лепетъ прерывалъ поцѣлуи, поцѣлуи прерывали лепетъ. Головы горѣли и туманились, сердца замирали въ сладкомъ томленіи, а песочные часы Сатурна пересыпались обыкновеннымъ порядкомъ, и ночь раскинула надъ усталой землей свое прохладное одѣяло». Это лубочное

неистовство, подъ прохладнымъ «одѣяломъ» напыщенной реторики особенно поражаетъ въ произведеніи Лѣскова, который умѣлъ рисовать страсти такими жгучими красками въ разсказѣ «Котинъ Доилецъ и Платонида», въ трагической исторіи «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда». Наконецъ,—что всего удивительнѣе,—смерть Доры не производитъ никакого впечатлѣнія. Въ послѣднюю минуту Дора сыплетъ мелодраматическими восклицаніями и междометіями и, умирая, кричитъ: «А-а! В-о-т-ъ о-н-а смерть!», — выговаривая отдѣльно каждую букву, даже твердый знакъ. Странно видѣть такое описаніе смерти у Лѣскова, который, подобно классическимъ русскимъ художникамъ, умѣлъ создавать невыразимо нѣжные и волнующіе оттѣнки въ изображеніи того момента, когда личное человѣческое начало разрушается и расплывается въ бѣломъ сіяніи сверхчеловѣческой стихіи. Глава дочитывается съ томительнымъ недоумѣніемъ, воображеніе невольно отвлекается къ безподобнымъ сценамъ смерти въ другихъ повѣствованіяхъ Лѣскова. Главная мужская фигура — Долинскій — вышла такою блѣдною въ обрисовкѣ автора, что почти не стоитъ собирать вмѣстѣ ея разрозненныя черты. Потерявъ Дору, Долинскій впадаетъ въ нервное разстройство—съ нелѣпыми сновидѣніями, безсмысленными галлюцинаціями и тягучими философскими умствованіями довольно безтолковаго свойства. Онъ поселяется въ Парижѣ, въ «Батиньельской голубятнѣ», среди легкомысленныхъ «пижоновъ» и «коломбинъ», пытающихся совратить его на путь разврата. Но старанія пижоновъ и коломбинъ ни къ чему не приводятъ: душою Долинскаго овладѣваетъ патеръ Заіончикъ, таинственный руководитель союза христіанскаго братства, который дастъ окончательное направленіе его жизни. Анна Прохорова пріѣзжаетъ спасти его, предлагаетъ ему переѣхать въ Россію, но Долинскій, покоренный таинственными чарами Заіончика, отправляется съ іезуитскими миссіонерами въ Парагвай. Таковы герои этого романа, обойденные сочувствіемъ русскаго общества. Желая создать параллель роману Чернышевскаго, Лѣсковъ не съумѣлъ внести въ свое произведеніе никакого опредѣленнаго, живого пониманія современныхъ общественныхъ движеній. Не представляя психологическаго интереса и законченности въ изображеніи умственныхъ и нравственныхъ характеровъ, этотъ романъ не подкупаетъ и тою нервною игрою и идейными страстями, которыя увлекаютъ иногда въ произведеніяхъ писателей, не призванныхъ къ настоящему художеству. Холодное, вымученное повѣствованіе, съ ненужными отступленіями и резонерскою трескотнею, совершенно ничтожно по замыслу и не производитъ никакого впечатлѣнія.

Повѣсть «Островитяне» не представляетъ въ идейномъ отношеніи никакого серьезнаго интереса. Описывается небольшая нѣмецкая семья,

живущая на Васильевскомъ Островѣ,—въ приподнято-сентиментальномъ тонѣ, который въ концѣ разсказа переходитъ въ какой-то романтическій бредъ. Центромъ этой семьи является молодая, болѣзненная и нѣжная, какъ морская пѣна, дѣвушка—Манечка Норкъ. Она—почти неземное существо. Ея ранніе годы, проходившіе сначала въ обычной шаловливости вдругъ ознаменовались глубокимъ, почти безпричиннымъ переломомъ: «легла спать вечеромъ одна дѣвушка, встала другая». Съ этихъ поръ Манечка всецѣло ушла въ книги. Въ разсказѣ чувствуется слѣдъ живыхъ и непосредственныхъ наблюденій автора, отъ лица котораго ведется все повѣствованіе. «Манечка Норкъ! восклицаетъ Лѣсковъ,—гдѣ бы ни было ты теперь, восхитительное дитя Васильевскаго Острова, по какой бы далекой землѣ ни ступали нынче твои маленькія слабыя ножки, какое бы солнце ни грѣло твое хрустальное тѣло, всюду я шлю тебѣ мой душевный привѣтъ и мой поклонъ до земли. Всюду я шлю тебѣ, незлобный земной ангелъ, мою просьбу покорную, да простишь ты мнѣ, что я рѣшаюсь разсказать людямъ твою сердечную повѣсть. Протяни мнѣ твои маленькія прозрачныя ручки, дохни на эти строки твоимъ чистымъ дыханіемъ и поклонись изъ нихъ своей граціозной головкой всему широкому міру божьему, куда случай занесетъ неискусный разсказъ мой про твою заснувшую весну, про твою любовь до слезъ, про твои горячіе пламенные восторги». Эта чудесная дѣвочка, съ граціозной головкой, съ хрустальнымъ тѣломъ, сдѣлалась жертвою кровожаднаго вампира въ лицѣ красиваго и талантливаго художника Романа Истомина. Въ день ея рожденія Истоминъ принесъ ей въ подарокъ этюдъ неоконченной картины, гдѣ Манечка была изображена впервые вышедшей на берегъ русалкою. Очарованная Манечка, съ ея тонкой впечатлительностью ко всему изящному и возвышенному, тутъ же приняла въ душу образъ самого художника. Вечеромъ устроились танцы, былъ ужинъ, а послѣ ужина разгоряченный художникъ много и съ волненіемъ говорилъ о настоящей женской любви. Когда Истоминъ распрощался, чтобы идти домой, передъ нимъ промелькнула въ полутьмѣ, какъ китайская тѣнь, фигура молодой дѣвушки. Истоминъ поцѣловалъ ея руку въ ладонь. Такъ завязался романъ Манечки съ художникомъ. Въ недолгое время романъ этотъ прошелъ всѣ перипетіи обычныхъ любовныхъ исторій—отъ первыхъ страстныхъ ласкъ до полнаго покоренія всего ея существа. Затѣмъ начались несчастья и страданія, потому что Истоминъ быстро охладѣлъ къ Манечкѣ и убѣжалъ куда-то заграницу, гдѣ запутался въ новой любовной исторіи. Манечка, убитая горемъ, переживъ тяжелые роды, на время сходитъ съ ума и, послѣ новыхъ глубокихъ потрясеній, безвольно отдается во власть судьбы. Ее выдаютъ замужъ за нѣмецкаго машиннаго фабриканта. Дѣйствіе запутывается и окутывается какимъ-то непроницаемымъ для читателя облакомъ. На сцену появляется для

чего-то, какъ въ слезливой мелодрамѣ, ослѣпшій Истоминъ. Мужъ Манечки оказывается въ высшей степени добродѣтельнымъ существомъ, совершенно «непретендательнымъ» и даже «безпретендательнымъ» по отношенію къ своей женѣ. Послѣ длинныхъ объясненій, въ самомъ возвышенномъ романтическомъ стилѣ, онъ отпускаетъ ее въ далекое путешествіе на кораблѣ. Манечка, въ полномъ одиночествѣ, исчезаетъ съ горизонта, а черезъ нѣкоторое время въ семью ея приходитъ печатное извѣстіе о «дѣтской книжкѣ путешествій, написанной путешественницей Маріей Норкъ». Рядомъ съ этимъ восхитительнымъ женскимъ образомъ авторъ, съ особеннымъ стараніемъ, описываетъ сестру Манечки, Иду Норкъ, которая является ангеломъ-хранителемъ всей семьи. Она умна, трудолюбива, обладаетъ замѣчательной нравственной выдержанностью, подъ которою таится цѣлое море нѣжныхъ чувствъ. Слово ея мѣтко и рѣжетъ душу своей правдивостью. Когда Идѣ приходится объясниться по поводу Манечки съ Истоминымъ, она заставляетъ его дрожать отъ своихъ безпощадныхъ нотацій. Жизнь ея проходитъ внѣ романтическихъ увлеченій, на благо окружающимъ людямъ. Манечка гдѣ-то путешествуетъ по невѣдомымъ краямъ, а Ида Норкъ воспитываетъ чужихъ дѣтей, читая имъ изъ Плутарха про великихъ героевъ, разсказывая имъ о матери Вольфганга Гете, ознакомляя ихъ съ книгою Смайльса о «Самопомощи». Эта вторая по важности фигура также залита восторженнымъ авторскимъ сочувствіемъ. Кромѣ этихъ дѣйствующихъ лицъ, Манечки, Иды и Истомина, въ повѣсти имѣется еще нѣсколько второстепенныхъ фигуръ, описанныхъ съ такими же подозрительными литературными достоинствами: мать прекрасныхъ сестеръ, Софья Карловна Норкъ, бабушка ихъ, Мальвина Федоровна, передвигающаяся на креслѣ съ колесами, Фридрихъ Шульцъ, богатый практическій нѣмецъ, любящій поиграть на русской патріотической струнѣ. Послѣдній описанъ авторомъ съ добродушнымъ весельемъ. Онъ старается говорить съ нарочито русскимъ пошибомъ и приводитъ въ смущеніе васильеостровскихъ нѣмцевъ своимъ пристрастіемъ къ русскимъ знаменитостямъ. О пѣвцѣ Петровѣ онъ разсуждаетъ, захлебываясь отъ восторга. «Это высочайшій басъ! восклицаетъ онъ. Понимаете вы: это, Петровъ, басъ: Осипъ Афанасьевичъ—нашъ Петровъ. Пѣвецъ Петровъ, понимаете: пѣвецъ, пѣвецъ!» Бесѣдующій съ Шульцемъ нѣмецъ смущенъ, прижатъ къ стѣнѣ и съ блаженной улыбкой лопочетъ какую-то чепуху. Но Шульцъ не можетъ угомониться. «Да—съ, продолжаетъ онъ свои объясненія по части русской оперы, это бархатъ, это бархатъ! Знаете, какъ у него это:

«Друзья! Тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри
«Друзья! томъ-томъ-та-ра-ра-ра
«Тримъ-тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри
«Тромъ-томъ-томъ-томъ-та-ра-ра-ра».

Жена этого забавнаго нѣмца, Берта Шульцъ, описана Лѣсковымъ съ литературною сочностью, обычною для него, когда онъ создавалъ типы рыхлыхъ красавицъ. Таково общество «островитянъ», представленное въ этой повѣсти. Слѣдуетъ отмѣтить, что, изображая русскаго художника, Лѣсковъ не могъ удержаться отъ довольно пылкихъ, но банальныхъ изліяній по вопросу о русскомъ живописномъ искусствѣ вообще. Можетъ быть, именно тогда, когда самъ писатель былъ—по собственнымъ позднѣйшимъ признаніямъ—«настоящимъ аггеломъ», онъ обрушивается съ особеннымъ негодованіемъ на чувственную развращенность дѣятелей русскаго искусства. При этомъ Лѣсковъ, не выражая ни одной глубокой или оригинальной мысли, упрекаетъ художниковъ въ неумѣніи «понять круглымъ счетомъ ровно никакихъ задачъ искусства, кромѣ задачъ сухо-политическихъ, мелкихъ или конфортативныхъ, разрѣшаемыхъ въ угоду своей субъективности». Тутъ же, давая откликъ на современныя волненія мысли, онъ бросаетъ нѣсколько полемическихъ стрѣлъ въ «теоретиковъ, поставившихъ себѣ миссіею игнорированіе произведеній искусства и опошленіе самихъ натуръ, чувствующихъ неотразимость художественнаго призванія». Отголоски журнальныхъ разсужденій звучатъ здѣсь неясно и сбивчиво, рядомъ съ либеральными упованіями на успѣхи русскаго прогресса. Вмѣстѣ съ тѣмъ проскальзываютъ, подъ видомъ отголосковъ общественнаго мнѣнія, пренебрежительныя фразы о «болванахъ петербургскаго нигилизма», о «самоновѣйшихъ женщинахъ, которыя мудренѣе нигилистовъ и всего доселѣ появлявшагося въ женскомъ родѣ». Лѣсковъ уже разгорается тою нечистою злобою противъ ненавистнаго ему типа, которая неудержимо разлилась въ его романахъ «Некуда» и «На ножахъ». «Безтолковѣе и гаже этого ассортимента фразъ, ходячихъ въ юбкахъ, пишетъ онъ, кажется еще никогда ничего не было. Передъ мало-мальски умнымъ и логическимъ человѣкомъ онѣ бываютъ жалки до самой послѣдней степени». Слогъ повѣсти не блещетъ ни яркостью, ни красотою, хотя Лѣсковъ не прочь иногда удариться въ фатовское остроуміе или въ пышную реторику. «Комильфотныя» женщины, посѣщавшія студію художника Истомина, называются у него «дамами сильныхъ страстей и густыхъ вуалей»: фраза съ извѣстной точки зрѣнія реально-правдивая, но отдающая специфическою пошлостью холостыхъ компаній. Разсуждая о преимуществахъ художественныхъ натуръ передъ людьми житейскаго склада, Лѣсковъ говоритъ: «всякое дарованіе легко пріобрѣтаетъ себѣ враговъ у мѣщанствующаго разума, живо чувствующаго безсиліе своей практической лошади передъ огневымъ конемъ таланта». Фраза эта заключаетъ въ себѣ несомнѣнную истину, но она составлена изъ такихъ реторическихъ словъ и образовъ, что производитъ комическое впечатлѣніе. Таковы особенности этого произведенія Лѣскова. Написанное на очень «непретендательную» избитую тему, оно

не имѣетъ даже того поверхностнаго значенія, какое имѣетъ выше разобранный романъ «Обойденные». Въ замыслѣ автора, кромѣ сентиментальнаго прославленія добродѣтельныхъ дѣвицъ, нѣтъ ничего достойнаго вниманія. Смѣсь плаксиваго романтизма съ забавнымъ, но очень ничтожнымъ водевильнымъ комизмомъ, наставническія указанія на буржуазно-наивную книгу Смайльса послѣ фантастически-нелѣпаго изображенія подвиговъ Манечки Норкъ—все это кажется почти неестественнымъ даже въ молодой повѣсти Лѣскова.

III.

Обратимся теперь къ роману «Некуда». Какъ извѣстно, произведеніе это навлекло на Лѣскова неудовольствіе почти всей либеральной печати того времени. Многія лица узнали себя въ изображенныхъ герояхъ и, какъ это довольно часто бываетъ, возроптали на писателя за нѣкоторую безцеремонность въ воспроизведеніи отдѣльныхъ чертъ ихъ нравственной физіономіи или жизни. Можно сказать, цѣлый кругъ замѣтныхъ въ Петербургѣ общественныхъ и журнальныхъ дѣятелей далъ Лѣскову матеріалъ для его обличительнаго романа. Негодованіе заинтересованнаго общества было такъ велико, что оно распространилось даже на редактора «Библіотеки для чтенія», П. Д. Боборыкина, который принялъ этотъ романъ для напечатанія въ своемъ журналѣ. Однако, въ этомъ отношеніи историческая правда можетъ быть возстановлена и дополнена нѣкоторыми небезъинтересными сообщеніями самого Боборыкина. Въ личной бесѣдѣ со мною этотъ неутомимый дѣятель современной литературы передалъ мнѣ для публичнаго оглашенія слѣдующія обстоятельства: еще до предъявленія въ редакцію «Библіотеки» романа, Лѣсковъ развилъ передъ Боборыкинымъ на словахъ основную тему своего произведенія. Видно было, что Лѣсковъ относится съ критикою къ нѣкоторымъ «конькамъ» современности, но личнаго раздраженія противъ отдѣльныхъ представителей нигилистическаго движенія не чувствовалось. Затѣмъ, Боборыкинъ имѣлъ возможность ознакомиться въ рукописи съ нѣсколькими листами первой части романа. Произведеніе было пущено въ наборъ—и романъ, который въ началѣ встрѣтилъ даже нѣкоторыя цензурныя затрудненія, сталъ развертываться внѣ редакторскаго контроля Боборыкина. Онъ доставлялся по частямъ, такъ сказать, ежемѣсячными порціями. Въ это время матеріальныя средства «Библіотеки для чтенія» пошатнулись, и самъ Боборыкинъ, сохраняя оффиціальное редакторство, въ дѣйствительности, перешелъ на положеніе одного изъ сотрудниковъ журнала. «Повѣрите!—говорилъ мнѣ П. Д. Боборыкинъ, по обыкновенію оживленно жестикулируя,—я до сихъ поръ не читалъ третьей части этого романа, а между тѣмъ вліятельный журнализмъ

долго не могъ забыть моего прегрѣшенія. Дѣло дошло до того, что когда, по закрытіи «Библіотеки для чтенія», я написалъ повѣсть, мнѣ было трудно пристроить ее въ какой-нибудь подходящей для меня редакціи». Надо думать, что по мѣрѣ того, какъ Лѣсковъ подвигалъ впередъ свое произведеніе, чувства его, сначала сдержанныя, все болѣе разгорячались—быть можетъ, подъ вліяніемъ притекавшихъ къ нему впечатлѣній и сплетень, всего того ропота и шума, который возбуждалъ романъ въ литературныхъ кругахъ. Нервный и мстительный Лѣсковъ, какъ бы увлекаясь жгучей полемикой, сгущалъ краски, усиливалъ обличеніе до степени каррикатуры. Но раньше, чѣмъ перейти къ характеристикѣ этого романа, остановимся на одной фигурѣ, которая изображена въ немъ съ натуры и представляетъ самостоятельный интересъ. Мы говоримъ объ Артурѣ Бенни, который выведенъ въ романѣ подъ именемъ Райнера. Лѣсковъ дорожилъ воспоминаніемъ объ этомъ человѣкѣ, любилъ говорить о немъ съ друзьями, показывать уже описанную нами фотографическую карточку, гдѣ онъ былъ снятъ вмѣстѣ съ Бенни. Вскорѣ послѣ смерти Бенни, Лѣсковъ написалъ о немъ обширную статью въ полубеллетристической формѣ подъ названіемъ «Загадочный человѣкъ». Въ статьѣ разсказывается вся жизнь Бенни, отъ рожденія до смерти, хотя мы должны сказать, что характеристика Лѣскова кажется намъ въ общемъ нѣсколько натянутою, сочиненною, неподходящею къ типу «загадочнаго человѣка», какимъ былъ и остался Бенни. Въ монографіи Лѣскова Бенни рисуется «пылкой», «пламенной», «жгучей» натурой. «Горячій, какъ бы весь изъ одного сердца, нервъ и симпатій сотканный», Бенни кажется Лѣскову въ то же время «легкомысленнымъ», порою даже «назойливымъ» въ сношеніяхъ съ людьми. «Крайнее непониманіе жизни, врожденная легкомысленность и отвычка вдумываться въ дѣло»—при «полномъ отсутствіи всякой устойчивости»—вотъ какія особенности характера обусловили его трагическую судьбу. При этомъ Бенни, по признанію Лѣскова, отличался высшимъ благородствомъ и до конца жизни дѣвственною чистотою въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Его романъ съ Коптевой, которая съумѣла очаровать его своимъ умомъ и личными достоинствами, остался незапятнаннымъ никакими обычными осложненіями и неудовольствіями, но Бенни расплачивался за свою чистоту нервными разстройствами и под впечатлѣніями какого-либо физическаго или нравственнаго цинизма впадалъ въ столбнякъ. «Большіе, черные, какъ уголь, глаза Бенни при всякомъ грубомъ и неделикатномъ поступкѣ, пишетъ Лѣсковъ, имѣли странную способность останавливаться и тогда стоило большого труда, чтобы его, въ такое время снова докликаться и заставить перевести свой взглядъ на другой предметъ». Маніакъ, фанатикъ до готовности къ мученичеству, Бенни, по словамъ Лѣскова, не съумѣлъ оградиться отъ ужасной клеветы, распу-

щенной про него въ мірѣ петербургскихъ журналистовъ. Таковъ Бенни въ пространной, фактически правдивой, но непродуманной и противорѣчивой характеристикѣ Лѣскова. Врожденное легкомысліе и отвычка вдумываться въ дѣло—это черты, которыя плохо соединяются съ представленіемъ о фанатизмѣ убѣжденій до готовности къ мученичеству, не говоря уже о томъ, что цѣльная, нравственно утонченная и изящная фигура Бенни, съ англійскимъ самообладаніемъ, должна была производить впечатлѣніе, несовмѣстимое съ представленіями о пылкости и назойливости. «Крайнее непониманіе жизни»—это тоже слова, не передающія истинной натуры Бенни. Человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ, съ острымъ чутьемъ къ идейно-прекрасному и нервнымъ отвращеніемъ отъ всякаго безобразія, долженъ былъ казаться нѣсколько чуждымъ жизни но не лишеннымъ пониманія ея. Характеристика Лѣскова, при всей горячности защиты Бенни отъ недостойныхъ инсинуацій и клеветы, страдаетъ явными недостатками въ смыслѣ мѣткости отдѣльныхъ художественныхъ опредѣленій. Мы находимъ гораздо болѣе правдоподобными отрывочныя сужденія и догадки о Бенни П. Д. Боборыкина, сдѣланныя въ вышеупомянутой личной бесѣдѣ. Боборыкинъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ Бенни и въ Петербургѣ, гдѣ ихъ знакомство было устроено Лѣсковымъ, и въ Лондонѣ, гдѣ Бенни жилъ одно время послѣ высылки изъ Россіи, занимая видное положеніе среди серьезныхъ англійскихъ журналистовъ. Онъ познакомилъ Боборыкина съ нѣсколькими англійскими писателями, которые относились къ нему съ замѣтнымъ уваженіемъ. «Это былъ, говорилъ Боборыкинъ, скорѣе всего головной энтузіастъ». Несмотря на очень молодые годы—Бенни умеръ не болѣе 27 лѣтъ отъ роду [1])—онъ былъ крайне сдержанъ въ разговорѣ. Участвуя въ «Библіотекѣ для чтенія» и часто посѣщая редакцію, онъ никогда не вдавался съ Боборыкинымъ ни въ какую интимность, хотя самъ Боборыкинъ охотно раздѣлялъ его общество, посѣщая его и на дому. Отъ Бенни вѣяло нѣкоторымъ холодкомъ. «Можетъ быть, говорилъ Боборыкинъ, это происходило отъ того, что онъ былъ слегка иностранецъ. Хотя онъ говорилъ по-русски, но фраза не всегда складывалась у него легко и на русскій манеръ. Онъ писалъ по-русски недурно, правильно, но съ дѣловитой сухостью. По-англійски онъ писалъ лучше, чѣмъ по русски,—можетъ быть, отчасти потому, что англійская фраза короче русской». Сынъ англичанки и жившаго въ Польшѣ кальвинистскаго пастора еврейскаго происхожденія, Бенни никогда не затрагивалъ въ разговорѣ вопроса о своемъ кровномъ прикосновеніи къ еврейству. Эта черта хорошо запомнилась Боборыкину, хотя надо думать, что, имѣя въ иныхъ натурахъ довольно низменное происхожденіе, она сливалась у Бенни съ присущею

[1]) Бенни умеръ 28 декабря 1867 г.

ему сдержанностью и душевной замкнутостью. Въ Лондонѣ Бенни говорилъ о своей неудачной дѣятельности въ Россіи съ легкою, загадочною ироніею. Вопроса о позорной клеветѣ на него онъ никогда не касался ни единымъ словомъ, по чувству нравственной гордости, которая не позволяла говорить объ оскорбительныхъ сплетняхъ, созданныхъ злобнымъ измышленіемъ недобросовѣстныхъ людей. Боборыкинъ увѣренъ, что это была личность незапятнанной порядочности. Такого же мнѣнія о Бенни держался Тургеневъ, который имѣлъ возможность лично ознакомиться съ оффиціальными протоколами по дѣлу Бенни и Ничипоренко. «Тургеневъ говорилъ мнѣ, замѣтилъ Боборыкинъ, что его поразила прямота, честность и смѣлость показаній Бенни на слѣдствіи по крайне отвѣтственному дѣлу». Извѣстно, что Тургеневъ первый запротестовалъ, когда, послѣ смерти Бенни, въ печати произнесено было о немъ неосторожное и двусмысленное слово. Бенни былъ настоящій «безсребренникъ», по выраженію Боборыкина. Вся его жизнь, проникнутая головнымъ энтузіазмомъ, вылилась изъ одного, ничѣмъ незамутненнаго источника. Характеристика Боборыкина, сложившаяся въ живой бесѣдѣ, прекрасно сочетается съ воспоминаніями В. В. Чуйко, изложенными—по моей просьбѣ—въ письмѣ, которое я привожу дословно.

Многоуважаемый
Акимъ Львовичъ,

Съ удовольствіемъ исполняю Ваше желаніе—сообщаю Вамъ кое-что изъ моихъ воспоминаній объ Артурѣ Бенни, личность котораго, повидимому, живо интересуетъ Васъ. И Вы, кажется, не ошибаетесь: Бенни, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ числу выдающихся людей. Покойный Лѣсковъ, умѣвшій, благодаря своему художественному чутью, распознавать людей, не ошибся и на этотъ разъ. Онъ познакомился съ Бенни вскорѣ послѣ пріѣзда этого послѣдняго въ Петербургъ,—должно быть въ 1862 г., если память не измѣняетъ мнѣ, и дружески сошелся съ нимъ. Впрочемъ, объ этой дружбѣ я не могу сообщить ничего особеннаго, потому что въ то время я не былъ еще знакомъ съ Лѣсковымъ, а съ Бенни встрѣчался неособенно часто. Съ Бенни я познакомился гораздо раньше,—въ самомъ началѣ 1861 г., въ Парижѣ, куда онъ пріѣхалъ какъ-то внезапно и совсѣмъ неожиданно съ рекомендательными письмами Герцена. Слухи о подготовлявшемся возстаніи въ Польшѣ и тогда уже довольно опредѣленно ходили въ Парижѣ, и объ этомъ я, помнится, впервые узналъ на одномъ изъ «четверговъ» Мишле, въ маленькой гостиной котораго собиралось много «красныхъ», но немногіе придавали этимъ слухамъ серьезное значеніе. По нѣкоторымъ даннымъ, о которыхъ здѣсь было бы лишнее рас-

пространяться, можно полагать, что Бенни и въ Парижъ пріѣхалъ съ вполнѣ опредѣленной цѣлью агитировать въ пользу возстанія и даже, если окажется возможнымъ, образовать во французской столицѣ революціонный комитетъ: при его удивительной энергіи, настойчивости въ преслѣдованіи опредѣленной цѣли, при его большомъ организаторскомъ талантѣ—такая задача не была выше его силъ. Благодаря письмамъ Герцена, онъ очень быстро познакомился съ небольшимъ кружкомъ русскихъ, проживавшихъ тогда въ Парижѣ. Кружокъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, слушавшихъ лекціи въ Сорбоннѣ и Collège de France. Всѣ эти молодые люди бывали у Татьяны Петровны Пассекъ, близкой родственницы Герцена, жившей въ Парижѣ съ двумя сыновьями и племянникомъ. Тутъ то мы и познакомились съ Бенни. На первый взглядъ онъ производилъ не столько непріятное, сколько неопредѣленное впечатлѣніе. Воспитанный на англійскій манеръ, онъ имѣлъ видъ безукоризненнаго джентльмена, приличнаго молодого человѣка, но неразговорчиваго и сдержаннаго. Онъ воспитывался въ Лондонѣ, превосходно говорилъ по-польски, но прекрасно владѣлъ и русскимъ, хотя въ его произношеніи и слышался иностранный акцентъ. Сдержанный, приличный, мало разговорчивый, онъ, тѣмъ не менѣе, обращалъ на себя вниманіе какой-то особенной дѣловитостью и нѣкоторой таинственностью въ поступкахъ,—откровенничать онъ, повидимому, не любилъ, хотя искалъ знакомствъ и умѣлъ ихъ дѣлать. Я скоро сталъ замѣчать, что прелестями французской столицы онъ нисколько не увлекался (что, принимая во вниманіе его молодость, было бы понятно), даже театры не посѣщалъ, что въ Парижѣ у него есть неотложное и серьезное дѣло и что онъ знакомился, въ большинствѣ случаевъ, не зря, но зорко и съ большимъ тактомъ выбирая людей, почему-либо ему пригодныхъ. Уже въ первые дни его пребыванія въ Парижѣ онъ познакомился съ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, жившимъ тогда въ Парижѣ въ качествѣ эмигранта, и съ И. С. Тургеневымъ; познакомился онъ также и съ нѣсколькими молодыми славянами, посѣщавшими и нашъ кружокъ, между которыми были полякъ Абихтъ (впослѣдствіи казненный въ Вильнѣ), сербъ Павловичъ и чехъ Фричъ. Мои сношенія съ Бенни ограничивались тогда простымъ знакомствомъ: по временамъ я его встрѣчалъ у Пассекъ или у Тургенева; по временамъ мы сходились у кого-нибудь изъ насъ «поболтать», но почти всегда выходило такъ, что разговоръ, съ самого начала, благодаря Бенни, принималъ политическій оттѣнокъ и въ большинствѣ случаевъ вращался вокругъ идеи славянскаго единенія. Для меня вдругъ стало ясно, что Бенни, не-

смотря на всю свою cachotterie, что-то затѣваетъ и агитируетъ; но онъ никогда не проговаривался, и все ограничивалось простыми намеками. Его сдержанность могла показаться сухостью или подозрительностью, но, въ дѣйствительности, онъ былъ человѣкъ съ прекраснымъ сердцемъ, сострадательный и готовый придти на помощь нуждающемуся человѣку. По крайней мѣрѣ, я знаю, что во время своего краткаго пребыванія въ Парижѣ онъ сдѣлалъ два-три добрыхъ дѣла, не только не рисуясь этимъ, но даже скрывая ихъ. Я тогда же отчасти разглядѣлъ его: онъ былъ добръ и поддавался движеніямъ своего сердца, но лишь тогда, когда это не мѣшало его политической дѣятельности, которой онъ какъ бы посвятилъ всю свою жизнь.

Эти мои догадки оправдались нѣсколько позднѣе, — въ Петербургѣ, куда я пріѣхалъ въ концѣ того же года. Въ концѣ зимы пріѣхалъ въ Петербургъ и Бенни и заѣхалъ ко мнѣ — «по дѣлу», какъ онъ выразился: передъ его отъѣздомъ изъ Парижа чешскій поэтъ Фричъ просилъ его передать мнѣ томикъ его стихотвореній и еще кое-что. И въ Петербургѣ меня поражала удивительная способность Бенни знакомиться: не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ онъ былъ ужъ знакомъ со «всѣмъ» Петербургомъ,—по преимуществу съ представителями литературы. Когда я его увидѣлъ въ первый разъ въ Петербургѣ, онъ уже былъ членомъ Комитета грамотности, куда уговаривалъ и меня поступить. Повидимому, онъ былъ очень занятъ, но его дѣятельность по прежнему отзывалась нѣкоторой таинственностью. Удивляло меня также и то, что, располагая, какъ кажется, довольно порядочными средствами, онъ тѣмъ не менѣе поспѣшилъ пристроиться къ газетѣ «Сѣверная Пчела», въ редакціи которой вскорѣ занялъ довольно вліятельное положеніе; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, когда я раза два или три посѣтилъ его тамъ. Однако, его положеніе въ Петербургѣ было незавидно: Вы, конечно, знаете о тѣхъ слухахъ, которые съ быстротою молніи распространились въ Петербургѣ сейчасъ же послѣ его пріѣзда. Сначала его прославили «герценовскимъ эмиссаромъ», а потомъ стали обвинять въ шпіонствѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это была наглая клевета, но, можетъ быть, самъ Бенни отчасти далъ поводъ къ этой клеветѣ, вслѣдствіе той загадочной роли, которую онъ игралъ. Какъ тяжело было его положеніе, можно заключить изъ слѣдующаго: Бенни былъ очень радушно принимаемъ въ домѣ князя X., которому былъ представленъ Василіемъ Алексѣевичемъ Слѣпцовымъ (беллетристомъ), но когда распространились слухи о томъ, что онъ будто бы шпіонъ, ему было отказано отъ дому.

Повидимому, его агитаторская дѣятельность въ Петербургѣ не встрѣтила достаточно благопріятной почвы, такъ что вскорѣ послѣ подавленія возстанія въ Царствѣ Польскомъ онъ окончательно покинулъ Петербургъ, и затѣмъ мы узнали, что онъ состоитъ корреспондентомъ газеты «Times» при главной квартирѣ Гарибальди Несчастная экспедиція Гарибальди на Римъ, окончившаяся пораженіемъ при Ментанѣ, оказалась несчастной и для Бенни; будучи корреспондентомъ, онъ тѣмъ не менѣе дрался въ рядахъ гарибальдійцевъ; при Ментанѣ онъ былъ опасно раненъ и умеръ въ Римѣ, куда былъ перевезенъ, какъ плѣнный.

Въ огромной галлереѣ лицъ, съ которыми мнѣ когда-либо въ жизни приходилось встрѣчаться, въ моихъ воспоминаніяхъ наиболѣе ярко выступаетъ фигура Артура Бенни. Онъ мнѣ представляется прямолинейнымъ якобинцемъ, не знавшимъ никакихъ компромиссовъ и идущимъ къ цѣли съ напряженной энергіей человѣка глубоко убѣжденнаго, но узкаго и прямолинейнаго. Онъ мнѣ напоминаетъ великолѣпную фигуру Кассія въ шекспировской трагедіи «Юлій Цезарь». Мѣткую и глубокую характеристику Кассія даетъ Цезарь, когда говоритъ Антонію: «Онъ много читаетъ, наблюдателенъ, быстро прозрѣваетъ сокровенный смыслъ человѣческихъ дѣйствій; онъ не любитъ игръ; не охотникъ до музыки; улыбается рѣдко, а если улыбается, то такъ, какъ будто онъ насмѣхается надъ самимъ собой, или негодуетъ на то, что могъ чему-нибудь улыбнуться. Такіе люди... очень опасны». Но у Бенни была одна черта, которой не было у Кассія: при всей своей якобинской прямолинейности, онъ былъ, при случаѣ, добродушенъ и сердеченъ и «ничто человѣческое не было ему чуждо». На мой взглядъ это—чисто славянская черта, благодаря которой славянинъ, какой бы славянской народности онъ ни принадлежалъ, не будетъ никогда тѣмъ прямолинейнымъ и безпощаднымъ революціонеромъ, какимъ бываетъ человѣкъ Западной Европы. Тутъ разница не только въ культурѣ и въ соціальныхъ условіяхъ, но и въ свойствахъ расы.

Примите и пр.

Владиміръ Чуйко.

Сжатая и мѣткая характеристика В. В. Чуйко какъ нельзя лучше возсоздаетъ передъ нами образъ Артура Бенни и во всемъ существенномъ сходится съ замѣчаніями Боборыкина. Чуйко отмѣчаетъ таинственность, загадочность, которая окружала молодого друга Лѣскова,—объ этой же чертѣ его говорилъ намъ и Боборыкинъ. Прямолинейный якобинецъ, Бенни былъ именно головнымъ энтузіастомъ, человѣкомъ съ умствен-

ными страстями и сдержаннымъ темпераментомъ борца самаго лучшаго типа. При этихъ особенностяхъ, онъ обладалъ чуткимъ и нѣжнымъ сердцемъ, которое придавало ему, при суровости духовнаго облика, оттѣнокъ славянскаго добродушія. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ характеристикъ, это небольшое письмо В. В. Чуйко кажется намъ самой удачной оцѣнкой нравственной личности Бенни. Онъ рисуется передъ нами, какъ живой человѣкъ, несмотря на отсутствіе внѣшнихъ признаковъ. Эти внѣшніе признаки любезно сообщила намъ въ личной бесѣдѣ извѣстная въ литературѣ Александра Якоби, нынѣ Толивѣрова-Пѣшкова, редакторъ-издательница дѣтскаго журнала «Игрушечка». Г-жа Толивѣрова познакомилась съ Бенни въ послѣдніе дни его жизни, когда онъ лежалъ, раненый въ битвѣ гарибальдійцевъ при Ментанѣ, въ римскомъ лазаретѣ св. Онуфрія. При первомъ взглядѣ на Бенни ее поразила его наружность. Онъ лежалъ въ лиловой гарибальдійкѣ и обращалъ на себя вниманіе чертами глубокаго, но тихаго страданія. Съ тѣхъ поръ прошло уже почти 30 лѣтъ, но г-жа Толивѣрова отчетливо помнитъ его блѣдное лицо, съ горящими темно-карими глазами, тонкими губами, запавшими на испорченныхъ и обломанныхъ зубахъ, его носъ съ горбинкой, его черные съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосы и бороду, его безкровныя руки съ четырехугольными ногтями, какъ у чахоточныхъ. Онъ говорилъ нѣжнымъ, музыкальнымъ голосомъ, былъ жалостливъ къ товарищамъ по лазарету и стыдливъ, какъ дѣвушка. Когда г-жа Толивѣрова, которая ухаживала за нимъ до его послѣднихъ минутъ, перемѣняла на немъ бѣлье, Бенни, съ болѣзненной щепетильностью, натягивалъ на себя простыню, стараясь не показать своего до крайности истощеннаго и худого тѣла, съ впалой грудью и выступающими ребрами. Записываемъ эти черты, художественно возсоздающія внѣшнюю фигуру Бенни, потому что въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Недѣлѣ» 1870 г. (№№ 22, 23, 24), г-жа Толивѣрова почти не коснулась его наружности, ограничившись лишь немногими указаніями на этотъ счетъ. Бенни лежалъ въ лазаретѣ, терпѣливо подчиняясь безобразнымъ порядкамъ папскаго правительства. Съ нимъ, какъ и съ другими плѣнными гарибальдійцами, обращались небрежно до жестокости. Незначительная рана на правой рукѣ между большимъ и указательнымъ пальцами, превратилась въ смертоносную, именно вслѣдствіе неряшливости врачей. Между прочимъ г-жа Толивѣрова передала мнѣ слѣдующую подробность. Когда на ранѣ наросло дикое мясо, врачи обрѣзали его ножницами, отъ которыхъ пахло керосиномъ—и это вызвало одну изъ немногихъ жалобъ Бенни. Онъ лежалъ всегда задумчивый, и все, что могло бы разсмѣшить другого, отражалось на его лицѣ только какой-то неопредѣленной гримасой. Но и въ болѣзни Бенни не прекращалъ переписки со своимъ ближайшимъ другомъ и товарищемъ по убѣжденіямъ—г-жею Коптевой, которая

жила въ Швейцаріи. Страстно желая ее видѣть, онъ тѣмъ не менѣе удерживалъ г-жу Толивѣрову, когда она предлагала ему вызвать Коптеву. Онъ откладывалъ свиданіе въ тайной надеждѣ поправиться, чтобы не предстать передъ любимымъ человѣкомъ въ своемъ жалкомъ, безпомощномъ состояніи. Когда, наконецъ, г-жа Толивѣрова сказала ему однажды, что она уже послала Коптевой телеграмму съ просьбой немедленно пріѣхать, Бенни, скрывая по обыкновенію свою тонкую и сложную психологію, смущенно произнесъ одно только слово: «неужели?» и попросилъ передать содержаніе депеши. Въ день смерти г-жа Толивѣрова нашла его въ сильно лихорадочномъ состояніи, съ осунувшимся лицомъ, заострившимся носомъ и подбородкомъ.

«—Бенни! воскликнула я,—пишетъ г-жа Толивѣрова.

«Онъ губами прикоснулся къ моей рукѣ и нѣсколько крупныхъ слезъ выкатились изъ глазъ.

«—Теперь я, дѣйствительно, умираю. А она... вы сказали, что пріѣдетъ къ одиннадцати часамъ. Ну, я и старался дожить, болѣе не могу».

Коптева пріѣхала на другой день послѣ смерти Бенни и была встрѣчена на вокзалѣ г-жею Толивѣровой, которая до сихъ поръ не можетъ безъ волненія вспоминать о томъ, что пришлось пережить несчастному другу Артура Бенни. Коптева получила изъ рукъ г-жи Толивѣровой лиловую гарибальдійку и пледъ—никакого другого имущества въ Италіи отъ Бенни не осталось, кромѣ корреспондентскаго дневника, который онъ велъ при Ментанѣ и который былъ заарестованъ чиновниками папскаго правительства. Но—черта, которая достойна глубокаго и нѣжнаго романа изъ жизни русскихъ нигилистовъ—Коптева, съ трогательной любовью ко всякой мелочи его предсмертной обстановки, попросила г-жу Толивѣрову собрать для нея хотя-бы оставшіеся въ его комнатѣ огарки свѣчей, говоря, что она будетъ хранить ихъ до послѣдней минуты жизни, а когда приблизится ея смерть, зажжетъ ихъ, чтобы погаснуть вмѣстѣ съ ними. Г-жѣ Толивѣровой казалось, что потрясенная горемъ Коптева теряетъ разсудокъ. Днемъ огарки хранились въ мѣшечкѣ, но вечеромъ они вынимались оттуда и разставлялись на столѣ—это возбуждало въ г-жѣ Толивѣровой тревожное опасеніе относительно настроеніи и намѣреній Коптевой: не зажжены-ли уже огарки, не готовится-ли въ домѣ какое-нибудь трагическое событіе. Эта дѣвушка съ жесткимъ характеромъ и рѣзкимъ складомъ ума, который еще въ Россіи произвелъ на Бенни такое неизгладимое впечатлѣніе, здѣсь, передъ лицомъ смерти, вдругъ смирилась и раскрылась съ неожиданной, глубоко-человѣчной стороны. На отлетающій образъ рыцарски-благороднаго и загадочнаго человѣка упалъ теплый лучъ сердечнаго благоговѣнія. Это возвышенный романъ, который подъ рукою психологическаго художника въ духѣ Тур-

генева могъ-бы дать матеріалъ для сложнаго и тонко справедливаго произведенія. Бенни и Коптева, среди многоволнистаго теченія эпохи, съ ея нравственными паденіями и подъемами, надолго останутся въ памяти людей, дорожащихъ живыми документами исторіи. Вотъ какимъ рисуется Бенни въ разсказѣ г-жи Толивѣровой, дополняющемъ то, что говорятъ о немъ Боборыкинъ и Чуйко. Когда я напомнилъ г-жѣ Толивѣровой характеристику Лѣскова, всего менѣе подходящую къ представленію о загадочномъ человѣкѣ, отдѣльные эпитеты Лѣскова, каковы «пылкій», «пламенный», «легкомысленный», «назойливый», г-жа Толивѣрова съ живостью отвергла эту характеристику, сказавъ, что Бенни былъ человѣкъ сосредоточенный, скрытный, безъ малѣйшихъ проявленій внѣшней горячности и неуравновѣшенности. «Никогда нельзя было узнать до конца, сказала она, что́ онъ думаетъ о предметѣ, но онъ никогда не лгалъ». Съ интимной стороны онъ ни передъ кѣмъ не открывался. Можно было-бы замѣтить, что г-жа Толивѣрова, также какъ и Боборыкинъ, и Чуйко, знала Бенни недолгое время, тогда какъ Лѣсковъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ. Но мы рѣшительно отдаемъ предпочтеніе ея показаніямъ передъ длинными, противорѣчивыми и тенденціозными разсказами Лѣскова: эти краткія показанія, отличаясь художественною цѣльностью и внутренней логикой, сливаются съ фактическими данными относительно его происхожденія, воспитанія и образа жизни. Это былъ особенный въ Россіи типъ благовоспитаннаго прогрессиста на европейскій манеръ, съ англійской сдержанностью въ обращеніи, съ просвѣщенной терпимостью къ оттѣнкамъ убѣжденій, которая позволяла ему пользоваться дружбою такого неуравновѣшеннаго человѣка, какъ Лѣсковъ, съ дѣвственно прекрасной скромностью, стыдливостью и героическою самоотверженностью, готовою придти на помощь всякому народу. Жизнь въ Россіи, приведшая его къ печальному разладу съ петербургскими либералами, менѣе его тонкими и благородными, была неудачною попыткою послужить русскому обществу,—но въ интеллигентной журналистикѣ Лондона онъ сразу занялъ видное положеніе публициста по вопросамъ современной политики, а въ Италіи—въ критическую минуту—ему довѣрено было командованіе полкомъ гарибальдійцевъ. Повсюду онъ обращалъ на себя общее вниманіе и незамѣтно для себя оказывался въ центрѣ наиболѣе идейныхъ событій. Въ его болѣзненномъ тѣлѣ, которое никому не причиняло никакихъ неудобствъ и страданій, жила прямая и закаленная душа.

Все, что разсказано Лѣсковымъ въ монографіи подъ названіемъ «Загадочный человѣкъ», представляетъ какъ-бы сокращенное изложеніе, съ опущеніемъ разныхъ любовныхъ исторій и бытовыхъ картинъ, того, что получило разработку въ романѣ «Некуда». Бенни, изображенный подъ именемъ Райнера, выступаетъ здѣсь положительнымъ героемъ, къ

которому обращены всѣ симпатіи автора. Разсказано его дѣтство, его воспитаніе,—правда, съ нѣкоторыми неизбѣжными въ романѣ прикрасами, намѣчено отдѣльными летучими штрихами его путешествіе по Россіи съ Нйчипоренко (въ романѣ Пархоменко), воспроизведена злокозненная сплетня, распущенная про него врагами, затронута одна изъ нѣжныхъ чертъ его жизни — горячая дружба съ Коптевой, и наконецъ представлена его героическая смерть—нужно отмѣтить—еще при жизни Бенни, за нѣсколько лѣтъ до его дѣйствительной смерти. Райнеръ не стоитъ на первомъ планѣ романа, но тѣмъ не менѣе онъ образуетъ его главный идейный интересъ: если задаться мыслью о томъ, кому въ 1864 г. Лѣсковъ сочувствовалъ и кого ожесточенно обличалъ, то придется сказать, что фигурою Райнера отъ такъ или иначе защитилъ себя отъ упрековъ въ ретроградствѣ. Онъ сочувствовалъ Бенни. Повсюду онъ незамѣтно подчеркиваетъ его нравственную щепетильность и отвращеніе ко всѣмъ разновидностямъ человѣческаго разврата. Запечатлѣвая дѣйствительную черту характера Бенни, Лѣсковъ рисуетъ нервные столбняки, въ которые впадалъ Райнеръ, когда къ нему приставали съ циническими откровенностями. Мы уже знаемъ, что Бенни былъ стыдливъ и скроменъ, какъ дѣвушка, и, встрѣчаясь въ романѣ съ этой особенностью Райнера, испытываемъ отрадное впечатлѣніе. Однако, фигура Райнера, мелькнувшая въ первой части романа и затѣмъ окончательно притягивающая къ себѣ вниманіе въ двухъ послѣднихъ частяхъ,—вышла у Лѣскова блѣдною, слегка безжизненною. Въ простыхъ воспоминаніяхъ Чуйко и г-жи Толивѣровой образъ Артура Бенни кажется болѣе обаятельнымъ, болѣе цѣльнымъ и болѣе трогательнымъ. Мелкія подробности его наружности—эти тонкія губы, запавшія на искрошившихся зубахъ, истощенное блѣдное лицо съ красивыми темно-карими глазами, черные волосы съ огненнымъ отливомъ и, наконецъ, безкровныя руки съ четырехугольными ногтями—внушаютъ тысячу значительныхъ психологическихъ представленій, которыя не вызываются чтеніемъ романа. Все произведеніе написано извнѣ, безъ осторожнаго и тонкаго прозрѣнія въ душу людей. Нарисованъ «пламенный» демократъ по убѣжденіямъ, но читатель не видитъ его внутренняго міра. Лѣсковъ, который имѣлъ долгое общеніе съ Бенни, зналъ разныя интимныя стороны его жизни, не постигалъ и не чувствовалъ внутреннихъ основъ его натуры, которая для романиста должна была представлять наибольшій интересъ. Повторяемъ, несмотря на все сочувствіе, которое Лѣсковъ изливаетъ по адресу своего героя, фигура Райнера не представляетъ живого литературнаго интереса. Съ такимъ-же несовершенствомъ нарисована Лиза Бахарева, главная героиня романа, непримиримая фанатичка новаго направленія, бросающая отцовскій домъ, чтобы жить въ родственной ей средѣ передовыхъ людей,—такая-же честная натура,

какъ и Райнеръ, умирающая послѣ его трагической гибели. Ея душа тоже не открыта для читателя: ея рѣзкость и рѣшительность имѣютъ какой-то внѣшній, стихійный характеръ и переданы авторомъ съ сухою прямолинейностью. Только въ одномъ мѣстѣ Лиза кажется живою русскою дѣвушкою, которая вдругъ ощутила въ себѣ полное чувство несказаннаго умиленія, когда обожающій ее Помада сталъ развертывать передъ нею съ «нетерпѣливымъ ликованіемъ» свои маленькіе подарки. Нѣсколько строкъ этого описанія, слѣдующаго за великолѣпнымъ описаніемъ сонныхъ видѣній Помады, производятъ истинно художественное, трогательное впечатлѣніе. Но, за исключеніемъ этой сцены, всѣ прочіе эпизоды романа, связанные въ Лизою, отличаются безцвѣтностью и какою-то суетливостью. Даже сцена ея смерти не обнаруживаетъ подъема авторскаго вдохновенія, которое такъ свѣтло развертывалось въ другихъ произведеніяхъ Лѣскова, когда ему приходилось изображать смерть. Для оживленія послѣдняго драматическаго періода ея жизни, Лѣсковъ прибѣгаетъ къ мелодраматическимъ средствамъ: Лиза бросается туда, гдѣ долженъ быть разстрѣленъ Райнеръ, и возвращается посѣдѣвшею. Но въ романѣ обойдены всѣ трудныя художественныя задачи: читатель не видитъ, какъ умираетъ Рейнеръ, не присутствуетъ при острыхъ страданіяхъ Лизы на его казни, — все это разсказано въ сокращенномъ видѣ, заднимъ числомъ, хотя одна сцена съ полнымъ психологическимъ содержаніемъ придала-бы роману большую значительность, чѣмъ всѣ внѣшнія перипетіи въ исторіи Лизы. Одна великолѣпная подробность изъ личныхъ воспоминаній г-жи Толивѣровой—эти тщательно собранные и благоговѣйно хранимые огарки свѣчей, которыя разгоняли тьму послѣднихъ мучительныхъ ночей Бенни,—овладѣваетъ воображеніемъ съ безконечно большею силою, чѣмъ внезапная сѣдина Лизы Бахаревой, глубже вводитъ въ человѣческую душу съ ея неуловимыми, скорбно-мечтательными настроеніями. Лиза не типъ, созданный талантливымъ художникомъ, а блѣдный фотографическій снимокъ съ живого лица. Подруга Бахаревой, Женя Гловацкая, по мужу Вязмитинова, нарисована мягкими, но банальными красками. Это одна изъ разновидностей любимаго Лѣсковымъ рыхлаго типа женщины, съ «роскошнымъ» бюстомъ и голубыми глазами, которые «такъ и западали въ сердце», а минутами «вспыхивали пожаромъ». «Если-бы художнику нужно было изобразить на полотнѣ извѣстную дочь, кормящую грудью осужденнаго на смерть отца, то онъ не нашелъ-бы лучшей натурщицы, какъ Евгенія Петровна Гловацкая», нѣсколько разъ замѣчаетъ Лѣсковъ въ разныхъ мѣстахъ своего романа. Эту дѣвушку, со склонностями къ благополучной семейной жизни, Лѣсковъ сочувственно противопоставляетъ буйной протестанткѣ Лизѣ, которой не съ кѣмъ и «некуда» идти: противопоставленіе, проникнутое плоскою, житейскою моралью и несвязанное ни съ какими

серьезными идейными задачами. Рядомъ съ этими женщинами въ романѣ фигурируетъ множество другихъ женщинъ изъ описываемой нигилистической среды: московская маркиза де-Бараль, «углекислыя феи Чистыхъ Прудовъ», дѣвица Бертольди, Полинька Калистратова и другія «женщины гражданскаго направленія»—цѣлая галлерея блѣдныхъ или грубо каррикатурныхъ портретовъ современнаго прогрессивнаго общества. Между этими фигурами дѣвица Бертольди, говорящая вѣрно подмѣченнымъ откровеннымъ и неряшливымъ жаргономъ того времени, является порожденіемъ темной бездны авторской злобы и закоренѣлой ненависти къ типу стриженой, цыбастой женщины. Каждое появленіе дѣвицы Бертольди возбуждаетъ невольное раздраженіе противъ художника, который способенъ унизиться до отвратительнаго шаржа и готовъ съ безпощадною местью сладострастія бить въ женщинѣ все то, что не подходитъ подъ его вкусъ. Легко понять, какое негодованіе должна была вызвать дѣвица Бертольди въ читателяхъ шестидесятыхъ годовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ живымъ моделямъ художника, искаженнымъ каррикатурою, приходилось выносить кричащій скандалъ лицемѣрнаго суда надъ ихъ частной жизнью. Изображенныя безъ художественной глубины и перспективы, онѣ должны были почувствовать всю оскорбительную дерзость этого самовольнаго призыва къ отвѣту по щекотливымъ вопросамъ, всю тяжесть общественнаго недоумѣнія, возбужденнаго литературною клеветою. Мы говоримъ клеветою, потому что Лѣсковъ вносилъ въ свой романъ ходячіе анекдоты, сплетни и собственныя каверзныя измышленія, которыя не открываютъ надежныхъ путей въ глубину человѣческихъ душъ, если писатель прибѣгаетъ къ литературному орудію не для отъисканія правды, а для того, чтобы излить свои накипѣвшія страсти и пристрастія. Въ романѣ отсутствуетъ то настоящее искусство, которое оправдываетъ пользованіе человѣческими документами. которое видитъ подъ мутнымъ, часто уродливымъ покровомъ жизни святыя боренія пытливаго и страдающаго духа. Нельзя сказать, чтобы Лѣскову удалось придать большую художественную глубину и мужскимъ лицамъ «гражданскаго направленія». Мы уже знаемъ, какимъ вышелъ Бенни — несмотря на желаніе автора представить его въ идеальномъ свѣтѣ. Помада и Розановъ тоже пользуются сочувствіемъ автора. Они не сливаются съ толпою немытыхъ нигилистовъ и остаются вѣрными представителями здоровой Россіи: одинъ выдѣляется своимъ безконечнымъ добродушіемъ и самоотверженіемъ, другой—Розановъ, въ которомъ авторъ далъ отраженіе нѣкоторыхъ чертъ собственнаго жизненнаго характера — своимъ прямымъ умомъ, который быстро прозрѣваетъ пошлую суету нигилистическаго краснорѣчія, своей враждою ко всякой партійности и къ узкимъ, изсушающимъ теоріямъ. Какъ-бы въ параллель къ каррикатурному образу дѣвицы Бертольди, Лѣсковъ вводитъ самонадѣяннаго, развратнаго и нрав-

ственно нечистоплотнаго художника Бѣлоярцева, заправилы либеральнаго общежитія, подъ названіемъ «Домъ согласія». Люди, слѣдившіе за характерными явленіями петербургскаго нигилизма, легко могли узнать въ Бѣлоярцевѣ, по этому послѣднему внѣшнему признаку, извѣстнаго, довольно талантливаго писателя Василія Слѣпцова. Именно въ изображеніи этого «Дома согласія» пасквиль, отравленный безсознательнымъ ябедничествомъ, бьетъ въ глаза и производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Искусство почти совсѣмъ исчезаетъ въ этихъ страницахъ романа, оставляя грязную накипь недоброжелательныхъ наблюденій, и цинизмъ, замаскированный моральными обличеніями. Таковъ этотъ знаменитый романъ Лѣскова, совершенно недостойный его таланта.

Въ противоположность роману «Некуда», въ которомъ мѣстами прорывается злобствующій темпераментъ Лѣскова, романъ «На ножахъ» написанъ съ неимовѣрною тягучестью и, какъ это ни странно, безъ сколько-нибудь замѣтнаго таланта. Это запутанное произведеніе, съ невѣроятно сложными и нелѣпыми интригами, съ убійствами, поджогами и любовными исторіями, которыя для однихъ кончаются уголовнымъ судомъ, а для другихъ благополучнымъ бракомъ. Нельзя понять, какимъ образомъ Лѣсковъ, тончайшій и, можетъ быть, единственный изографъ русской литературы, могъ написать именно такое произведеніе. Въ романѣ нѣтъ не только никакого цѣльнаго настроенія, но даже сколько-нибудь осмысленной внѣшней архитектуры, которая позволяла-бы обнять его цѣликомъ. Линія разсказа постоянно прерывается длиннѣйшими и скучнѣйшими отступленіями. Эпизоды, разработанные въ духѣ старинной и скверной мелодрамы, составляютъ огромную часть романа, мѣшая сложиться опредѣленному впечатлѣнію. О художественности рисунка и красокъ не можетъ быть и рѣчи: романъ написанъ тѣмъ вульгарнымъ слогомъ, которымъ щеголяютъ обыкновенно авторы бульварнаго пошиба. Лѣскову захотѣлось, послѣ «Некуда», показать новый моментъ въ развитіи русскаго нигилизма, имъ открытый и постигнутый среди мѣняющихся явленій и теченій общественной жизни. Осмѣявъ молодое поколѣніе въ самыхъ яркихъ его представителяхъ, Лѣсковъ задумалъ наглядно показать, до какого паденія дойдетъ нигилизмъ, уступая новымъ вѣяніямъ современной науки и общественной мысли. Были нигилисты, а за ними вдругъ, подъ вліяніемъ Дарвина, должны были народиться негилисты—люди, признавшіе гилью всякую порядочность, даже нигилистическую, всякій чистый либерализмъ, не сопряженный съ личными выгодами. Такимъ негилистомъ, въ этомъ пошломъ смыслѣ плохо сочиненнаго слова, выступаетъ въ романѣ Гордановъ—низменный развратникъ, эгоистъ и даже убійца изъ корыстныхъ цѣлей. Поучая своего друга, Іосифа Висленьева, житейской мудрости, Гордановъ говоритъ ему: «Гиль заставила тебя фордыбачить и отказываться отъ пособія, которое

тебѣ Тихонъ Ларіонычъ предлагалъ для ссудной кассы. Гиль заставила тебя метаться и искать судебныхъ мѣстъ, къ которымъ ты неспособенъ. Гиль загнала тебя въ литературу, которая вся яйца выѣденнаго не стоитъ, еслибы не имѣла одной цѣли—убить литературу». Таковъ главный герой, около котораго безвольно вертится жалкій маніакъ Висленьевъ, разъ навсегда запутавшійся въ хитро разставленныхъ сѣтяхъ Гордaнова и совершающій подъ его вліяніемъ всевозможныя подлости. По наущенію Горданова онъ женится на ничтожной женщинѣ, находящейся въ любовной связи съ литераторомъ Кишенскимъ, — «жидомъ», содержащимъ кассу ссудъ и вообще темнымъ дѣльцомъ, изображеннымъ въ духѣ юдофобски обличительныхъ романовъ Вс. Крестовскаго. Изъ-за Висленьева добродѣтельная героиня романа, Александра Ивановна Гриневичъ, выходитъ замужъ за нелюбимаго человѣка, вліятельнаго генерала Синтянина, который можетъ спасти его отъ кары за политическое преступленіе. Эта послѣдняя исторія раскрывается въ длинной исповѣди Синтяниной, написанной на случай ея смерти и адресованной къ ея близкимъ друзьямъ. «Я, незамѣтная и неизвѣстная женщина, говоритъ въ этой исповѣди Синтянина,—попала подъ колесо обстоятельствъ, накатившихъ на мое отечество въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, которымъ принадлежитъ моя первая молодость. Безъ всякаго призванія къ политикѣ,—продолжаетъ она тѣмъ-же ходульнымъ слогомъ,—я принуждена была съиграть роль въ событіяхъ политическаго характера, о чемъ, кромѣ меня, знаетъ еще только одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ никогда объ этомъ не скажетъ». Этотъ человѣкъ есть великодушный генералъ Синтянинъ, который, умирая, добровольно освобождаетъ ее отъ всякаго этикета по отношенію къ его памяти и, можно сказать, передаетъ ее изъ рукъ въ руки нѣкоему Подозерову, замѣнившему въ сердцѣ Синтяниной негоднаго Висленьева. Вдова Синтянина и Подозеровъ, честный труженикъ на пользу крестьянъ, соединяются мирными брачными узами, и романъ, исполненный кровопролитныхъ событій, спиритическихъ чудесъ, фокусовъ и самаго плоскаго цинизма, заканчивается тихоструйнымъ діалогомъ между молодыми супругами:

«— И вотъ, мы мужъ и жена,—сказалъ Подозеровъ. И вотъ мы одни и другъ съ другомъ.

«— Да,—уронила тихо Александра Ивановна.

«— Ты хочешь молчать?

«— Нѣтъ, я хочу жить! — отвѣчала она и, обвивъ руками голову Подозерова, покрыла ее зовущими жить поцѣлуями».

Кромѣ Подозерова, Синтянина, Горданова, Висленьева, мы находимъ въ романѣ еще нигилистическую староверку Ванскокъ и безконечное множество другихъ дѣйствующихъ лицъ, описанныхъ съ такимъ-же бульварнымъ великолѣпіемъ. На Горданова «нахлестываютъ шумящія волны

какого-то хаоса» со всѣхъ сторонъ. Около него вертятся колеса самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, накатившихъ на отечество, пока, наконецъ, одно изъ этихъ колесъ не зацѣпляетъ его самого—посредствомъ «нескверннаго и неблазнаго» юноши Ропшина, чухонца по происхожденію. Ропшинъ служитъ секретаремъ у Бодростина и ухаживаетъ за его красивой женой Глафирой, любовницей Горданова. Ухаживанье Ропшина, послѣ разныхъ ухищреній съ духовнымъ завѣщаніемъ Бодростина, въ духѣ Рокамболя, и послѣ убійства, совершеннаго Висленьевымъ, оканчивается успѣхомъ, а отвергнутый Глафирою и посрамленный Гордановъ умираетъ въ тюрьмѣ отъ яда. Висленьевъ кончаетъ жизнь въ сумасшедшемъ домѣ. Такъ по волѣ Лѣскова завершаютъ свою карьеру непоколебимый негилистъ Гордановъ, который презиралъ Базарова, Маркушку Волохова и Раскольникова—послѣдняго за то, что онъ имѣлъ привычку «безпрестанно чесать свои душевныя мозоли»,—и развихляйный негилистъ Висленьевъ.

Переданное нами содержаніе романа, вмѣстѣ съ приведенными образцами стиля—съ этими колесами обстоятельствъ, накатившихъ на отечество, и волнами хаоса, нахлестывающими на героевъ,—уже показываетъ все безсиліе Лѣскова разобраться въ сложномъ соціальномъ явленіи. При всемъ стремленіи его смѣло и размашисто намалевать лицедѣевъ новѣйшей россійской исторіи, Лѣскову не удалось создать ни единаго живого лица. Какъ художественное литературное явленіе, романъ не существуетъ. Это—двухтомная вещь, самая большая изъ всего, что написано Лѣсковымъ, и въ то-же время самая ничтожная. Она ниже «Обойденныхъ», ниже «Островитянъ», гдѣ по крайней мѣрѣ есть удачныя комическія черты, и гораздо ниже «Некуда», въ которомъ—надъ всѣми аляповатостями каррикатурнаго письма—витаетъ блѣдною тѣнью воспоминаніе о благородномъ и загадочномъ Артурѣ Бенни. Въ романѣ «На ножахъ» и выдумка, и стиль, и распланировка событій—все грубо, мелко и недостойно таланта Лѣскова ни въ какомъ отношеніи. Любопытно отмѣтить, что непосредственно послѣ «Некуда» и «На ножахъ» Лѣсковъ напечаталъ такое удивительное произведеніе, какъ «Соборяне», гдѣ мѣстами тоже говорится о нигилистахъ,—съ тѣми же антихудожественными пріемами, съ тѣмъ же циническимъ сквернословіемъ, но гдѣ все главное, идейное, отражаетъ лучшія стороны его противорѣчиваго духа и какъ бы вытѣсняетъ изъ памяти уродство его личнаго озлобленія на людей извѣстной категоріи. Романъ «На ножахъ» напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», редакціи Каткова 1870—1871 гг. Уже въ 1872 г. на страницахъ того же изданія появились «Соборяне», гдѣ борьба съ нигилистами даетъ себя знать въ яркихъ, но уже послѣднихъ вспышкахъ. Бизюкина и Варнава Препотенскій дополняютъ галлерею безобразныхъ портретовъ, написанныхъ рукою, дрожащею отъ раздраженія и гнѣва, и потому невѣрныхъ.

нестерпимо пошлыхъ и крайне несовершенныхъ въ художественномъ отношеніи. То, что вскипѣло въ Лѣсковѣ, вслѣдствіе его же безтактности въ вопросѣ о пожарахъ, мало по малу излилось, освободивъ душу для новыхъ, глубокихъ, истинно оригинальныхъ настроеній. Сейчасъ же за «Соборянами», въ 1873 г., въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ», напечатано такое классическое произведеніе, какъ «Запечатлѣнный ангелъ», гдѣ Лѣсковъ показалъ себя писателемъ почти великимъ, равнымъ по мастерству самымъ замѣчательнымъ художникамъ, ни съ кѣмъ не сравнимымъ въ качествѣ стариннаго литературнаго иконописца. Его охватило глубокое религіозное вдохновеніе, которое помогло ему уйти прочь отъ путей, одновременно и суетныхъ, и пагубныхъ для его таланта. Слава Лѣскова, которая никогда не померкнетъ въ литературѣ, неразрывна только съ такими его произведеніями, какъ «Соборяне», «Запечатлѣнный ангелъ», «На краю свѣта»—и другими, въ томъ же изографическомъ стилѣ.

IV.

Мало по малу, побѣждая разныя трудности, Лѣсковъ достигъ внѣшняго примиренія съ либерализмомъ. Произведенія его, отлученныя отъ передовой журналистики, стали появляться на страницахъ такихъ изданій, какъ «Русская Мысль» и даже «Вѣстникъ Европы». Имя Стебницкаго предавалось забвенію. Правда, въ печати оставались еще люди, которые не прощали Лѣскову его романовъ съ нигилистами, но общее журнальное настроеніе замѣтно измѣнялось въ пользу Лѣскова—какъ-то само собою, безъ всякой агитаціи за него со стороны. Настоящая литературная дѣятельность его была уже кончена, но неукротимый духъ и страстный темпераментъ Лѣскова обратились на дѣла текущихъ дней, съ прежнею злостью обличенія, и это обстоятельство соединило его съ либералами. Однако, какъ мы только что сказали, примиреніе съ нѣкогда ненавистнымъ писателемъ лишено было глубокихъ корней: Лѣсковъ имѣлъ совершенно другія основанія для своего либерализма. Онъ радовался всякой откровенной полемикѣ между представителями прогрессивнаго лагеря, выражая крайне рѣзкое несочувствіе писателямъ закоренѣлаго политиканства, отрѣшеннаго отъ чисто моральныхъ требованій. Мы сейчасъ увидимъ, съ какою безпощадностью онъ о нихъ отзывался, но прежде отмѣтимъ немногими словами одно небольшое, неоконченное его произведеніе «Чортовы куклы», написанное съ живостью и въ то же время проникнутое узкимъ либерализмомъ. Тонъ разсказа напоминаетъ переложенія «Прологовъ», но его главная мысль, хитроумно скрытая подъ невинною оболочкою, заключаетъ въ себѣ ѣдкую сатиру на всякое писательство, зависящее отъ меценатовъ. Изображены три художника: Фебуфисъ, Пикъ и Макъ, сначала соединенные между собою дружбою,

но затѣмъ разошедшіеся по разнымъ путямъ. Фебуфисъ—великій мастеръ писать голыя женскія тѣла—вдругъ ушелъ на службу къ одному герцогу, который высоко оцѣнилъ его талантъ. Служеніе герцогу оказалось тѣмъ ядомъ, который медленно сталъ разлагать въ немъ творческую силу. Фебуфисъ предался чистому искусству и своимъ примѣромъ увлекъ малодаровитаго Пика. Прошло нѣсколько времени, и оба художника не могли не почувствовать, что они вступили на погибельную для искусства дорогу. Это своевременно предвидѣлъ мудрый Макъ, художникъ-мыслитель, котораго занимали «общественные вопросы», который скорбѣлъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ и задумывался «надъ служебными цѣлями искусства». Таково идейное содержаніе этого очерка, если не останавливаться на разныхъ подробностяхъ, оживленныхъ ѣдкимъ, но не глубокимъ юморомъ. На алтарѣ либерализма закурилась скромная жертва принесшаго покаяніе Стебницкаго. Какъ опытный въ бояхъ журналистъ, Лѣсковъ хорошо понималъ, что нѣсколькими дешевыми словами о необходимости подчинить искусство общественнымъ вопросамъ онъ можетъ занять достойное мѣсто среди наиболѣе популярныхъ писателей передового лагеря. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отрывокъ изъ неоконченнаго романа имѣлъ успѣхъ и даже обратилъ на себя вниманіе заинтересованныхъ лицъ своимъ протестантскимъ оттѣнкомъ. Однако нельзя не видѣть, что именно тенденція этого произведенія, не безъ легкомысленныхъ намековъ по адресу величайшаго русскаго поэта, не отличается оригинальностью, а мысль объ искусствѣ, подчиненномъ общественнымъ злобамъ, является одною изъ самыхъ банальныхъ мыслей, заѣзженныхъ на страницахъ русскихъ журналовъ извѣстнаго типа.

«Чортовы куклы» остались неоконченными, но надо думать, что Лѣсковъ имѣлъ въ виду набросать обширную картину нравовъ извѣстной среды. Онъ хотѣлъ явиться смѣлымъ обличителемъ того особеннаго типа, которому обезпечено въ Россіи широкое сочувствіе читающей публики. Кто знаетъ,—можетъ быть, сатира Лѣскова, только что оплодотворенная идеями журнальнаго либерализма, просвистала бы надъ представителями, такъ-называемаго «чистаго искусства», и не подлежитъ сомнѣнію, что такая задача, мелкая и фальшивая по существу, могла бы подъ рукою Лѣскова выродиться въ злобную сплетню,—такъ какъ настоящаго сатирическаго таланта у него, какъ мы уже говорили, не было. Но при этомъ особенно любопытно отмѣтить, что, вооружаясь на борьбу за «служебную» эстетику, Лѣсковъ былъ въ глубокомъ разладѣ съ самимъ собою. Уже примирившись съ тѣми либералами, которые въ вопросѣ объ искусствѣ шли на компромиссъ съ новыми эстетическими теченіями, онъ съ неумѣренною страстью не только на словахъ, но и на бумагѣ, накидывался на главныхъ героевъ публицистической критики. Онъ сыпалъ характеристиками—болѣе злобными, чѣмъ мѣткими, присо-

единяясь ко всякому литературному протесту противъ устарѣвшихъ взглядовъ на искусство. Въ моихъ рукахъ имѣется небольшая связка писемъ, гдѣ Лѣсковъ съ какой-то неожиданной горячностью выражаетъ сочувствіе полемикѣ, завязавшейся именно по этому вопросу. «Вы должны продолжать идти *этою дорогою*, пишетъ онъ лицу, которому пришлось оспаривать литературныя мнѣнія одного извѣстнаго публициста. И бояться Вамъ нечего». Опускаемъ имя либеральнаго дѣятеля, который вызывалъ негодованіе Лѣскова. «Онъ много старался, продолжаетъ Лѣсковъ, наговорить обо мнѣ пошлаго, но я могу сказать о немъ, что я считаю его за ничто. Онъ гораздо менѣе значителенъ, чѣмъ Буренинъ и Скабичевскій. Для критика по должности и по призванію онъ, однако, дастъ очень хорошій матеріалъ: на этомъ пустомъ и надутомъ пузырѣ, въ которомъ гремитъ сухой горохъ, отлично можно показать жалкое состояніе умовъ цѣлой эпохи, которая представляется, или, лучше сказать, выставляется за просвѣтительное время». Но эта хула еще не удовлетворяетъ Лѣскова, хотя поставить ниже ординарнаго Скабичевскаго и буффонствующаго Буренина писателя хотя и верхогляднаго и распущеннаго, но, во всякомъ случаѣ, талантливаго, значило ужъ и безъ того нарушить литературную справедливость. «Въ его ничтожествѣ стóитъ убѣждать людей, пишетъ далѣе Лѣсковъ, ибо это значитъ отъучить ихъ идти за фразеромъ, который и писать-то совсѣмъ не умѣетъ, а вдобавокъ, по избалованности своей, думаетъ, что какъ бы онъ ни сбрехалъ, все это должно за малиновый звонъ сойти». Думая, что этими неумѣренными полемическими выходками можно сблизиться съ поколѣніемъ современныхъ защитниковъ искусства, Лѣсковъ тутъ же выражаетъ адресату свое полное сочувствіе: «Вы мнѣ напоминаете, восклицаетъ онъ, мою молодость,—стало быть Вы мнѣ этимъ милы и я душою съ Вами». Такъ писалъ Лѣсковъ изъ Шмецка 23 Іюня 1892 г. Мѣсяцъ спустя, онъ въ новомъ письмѣ, которое послужило отвѣтомъ на нѣкоторыя разсужденія о буддизмѣ и христіанствѣ, какъ бы подзадориваетъ своего корреспондента бросить несвоевременныя философскія занятія и вполнѣ предаться полемикѣ съ ненавистнымъ писателемъ. «Борьба съ М., пишетъ онъ, очень своевременна и очень нужна... Я бы, на Вашемъ мѣстѣ, и отдалъ этому всѣ свои силы теперь и велъ бы эту линію неотступно и неослабно, а Вы даете слишкомъ большіе интервалы. Не до Будды намъ теперь, когда мы совсѣмъ зло отъ добра отъучились различать». Затѣмъ, давая откликъ на печатное разсужденіе о типѣ умѣреннаго и уравновѣшеннаго человѣка, Лѣсковъ говоритъ: «Тенденціи средняго человѣка мнѣ противны. Но теперь и ихъ нѣтъ, а заполняетъ все человѣкъ пошлый, и даже въ поэзіи царитъ пошлость, выражаемая пушкинскимъ стихомъ». Всѣ эти сбивчивыя разсужденія съ крайне рѣзкими оцѣнками, которыя постоянно перемежаются съ жалобами на мучительную болѣзнь, пока-

зываютъ, что его единеніе съ либеральною партіею, благополучное съ внѣшней стороны, имѣло свои глубокія внутреннія трещины. Въ частныхъ письмахъ Лѣсковъ обстрѣливаетъ литератора, рядомъ съ которымъ, на страницахъ одного и того же журнала, онъ печатаетъ, время отъ времени, свои произведенія, откуда выглядываетъ его новопріобрѣтенный либерализмъ. Онъ поддерживаетъ защитниковъ философскаго взгляда на эстетику, и въ то же время, окончательно запутываясь въ собственныхъ настроеніяхъ и понятіяхъ, сочувственно выводитъ въ «Чортовыхъ куклахъ» борца за служебное искусство, а втихомолку издѣвается надъ ретивымъ борцомъ того же склада въ области современной печати. Удивительный писатель, который въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ» и «На краю свѣта», можно сказать, самобытно упредилъ нѣкоторыя новѣйшія умственныя теченія съ религіозной окраской, утверждаетъ теперь, что русскому писателю не до Будды,—и въ то же время радостно идетъ на встрѣчу Толстому. Онъ жадно ловитъ всякое доброе вѣяніе, доносящееся къ нему изъ Ясной Поляны. Въ отвѣтъ на письмо, посланное мною Лѣскову 1 Января 1893 г. по поводу его «Пустоплясовъ», онъ въ тотъ же день, несмотря на тяжелую болѣзнь, отвѣчаетъ слѣдующею запискою: «Если бы я былъ помоложе, я бы сталъ бояться, что возмню о себѣ что-нибудь, но эта опасность уже прошла. Я знаю мое скромное мѣсто и значеніе, но хочу быть работникомъ полезнымъ и честнымъ. Искреннихъ людей я не могу не любить: это кость костей моихъ. И такъ, полно говорить обо мнѣ. Хотите слышать о прекрасномъ? Слушайте: Левъ Николаевичъ позавчера собрался ко мнѣ, чтобы навѣстить меня... Успокоительное извѣстіе его остановило. Зная его нелюбовь къ Петербургу и нежеланіе быть здѣсь *ни для чего*, что я чувствовалъ при этомъ извѣстіи и... какъ я заплакалъ! Радъ, однако, что онъ не поѣхалъ». Такъ писалъ, со слезами на глазахъ, Лѣсковъ, быть можетъ, уже замышляя для либеральной «Русской Мысли» пейзажъ и жанръ «Зимній день»—ядовитую сатиру на «непротивленышей». Старый изографъ, потерявшій свое непосредственное религіозное вдохновеніе въ народномъ духѣ и самолюбиво озабоченный мыслью о примиреніи и единеніи съ разнообразными передовыми силами, окончательно запутывался въ умственныхъ противорѣчіяхъ, которыя разрѣшила только его тихая смерть.

А. Волынскій.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе апрѣля мѣсяца.

Абрамовъ, Я. В. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Алексѣевъ, В. Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. I. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Айзлеръ, Р. Психологія. Перев. съ нѣмецкаго Н. Ремизова. Одесса 1897. Ц. 10 к.

Алфавитный указатель «Извѣстій Московской городской думы». За 1896 г. Москва 1897.

А. М. Семья Маге. Передѣлано съ французскаго. М. 1897 г. 84 стр. Ц. 12 к.

Багинскій, А. проф. Руководство къ дѣтскимъ болѣзнямъ. Перев. съ 5-го изданія д-ровъ С. С. Груздева, С. А. Раскиной, Я. Б. Эйгера, т. I. Изд. журн. «Современная медицина и гигіена». Спб. Ц. 3 р.

Барановъ, А. Въ защиту погибшихъ женщинъ. Казань 1897. Ц. 25 к.

Бразоль, Л. Е. Докторъ медицины. Публичныя лекціи о гомеопатіи. Изданіе третье. Спб. 1896.

Бразоль, Л. Е. Самуилъ Ганеманъ. Очерки его жизни и дѣятельности. Спб. 1896. Ц. 50 коп.

Веберъ, М., д-ръ. Биржа и ея значеніе. Пер. съ нѣм. С. К. (№ 48 Международная библіотека). Спб. 1897 г. 47 стр. Ц. 15 к.

Веневитиновъ, М. А. Русскіе въ Голландіи. Москва 1897.

Витте, (шт.-капит.). Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для ротныхъ, эскадронныхъ, батарейныхъ, парковыхъ школъ и полковыхъ учебныхъ комнатъ. Саратовъ 1897. Ц. 40 к.

Гадзяцкій, К. Борьба съ голодомъ въ періодѣ XI — XIII вѣковъ русской исторіи. Спб. 1897 г. 45 стр.

Ганнеманъ, Самуилъ. Опытъ новаго принципа для нахожденія цѣлительныхъ свойствъ лѣкарственныхъ веществъ. Перев. съ нѣмецкаго Л. Е. Бразоля. Спб. 1896.

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ. Съ измѣн. и допол. примѣнительно къ Россіи, подъ ред. А. Ѳ. Баталина и Н. А. Монтеверде. Съ 80 хромолит. табл и 500 политип. Спб. изд. А. Ф. Девріена. Ц. 10 р.

Грачевъ, В. И. О воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ въ память 15-ти лѣтія, прекращенія торговли по воскреснымъ и другимъ праздничнымъ днямъ въ г. Смоленскѣ. Смоленскъ 1897 г. 120 стр. Ц. 50 к.

„Двадцатипятилѣтіе Т-ва передвижн. выставокъ“. Альбомъ фототипій. Изданіе художеств. фототипіи К. А. Фишеръ подъ непосредств. наблюден. комм. Товарищества. Вып. I. М. 1897.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабиты по пристанищата. Пазарни цѣна въ поглавниты градове прѣзъ мѣсяцъ Ноемврий 1896 година. София 1897.

Дружининъ, А. Н. Очеркъ развитія податныхъ реформъ въ Привислинскомъ краѣ. Часть II. Плоцкъ 1897 г. 225+21 стр. Ц. 2 р.

Езіоранскій, Іосифъ. Монетная реформа въ Россіи. Варшава 1897.

Журналы Высочайше утвержденной Коммиссіи по надзору устройствомъ новаго водопровода и канализаціи въ Москвѣ. Москва 1896.

Жуковскій, В. И., пр.-доц. Болѣзни новорожденныхъ дѣтей. Лекція. 2-ое изд. Спб. Изд. К. Риккера. Ц. 1 р. 40 к.

Ибсенъ, Генрихъ. Собраніе сочиней. Т. V. Этюдъ проф. А. Н. Веселовскаго: Ибсенъ. Изданіе I. Юровскаго. Спб. 1897.

Казанскій, П. проф. Международный союзъ для измѣренія земли. Одесса. 1897.

Кацъ, Р., д-ръ мед. Очки, ихъ польза и вредъ съ 7 рисунками въ текстѣ. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Кернъ, Э. Э. Овраги, ихъ закрѣпленіе, объясненіе и запруживаніе. Издан. 3-е. Москва 1897. Ц. 75 к.

Келлеръ, К. Жизнь моря. Переводъ съ нѣмецкаго, съ дополненіями относительно русскихъ морей Петра Шмидта. Спб. 1896. Выпуска IX—X. по 60 к.

Красновъ, А. Н. Формы поверхности суши и дѣятели ихъ создающіе. Харьковъ 1897. Ц. 1 р. 30 к

Крафтъ-Эбингъ. Д-ръ. Учебникъ психіатріи, перевелъ А. Черминскій. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1897. Ц. 5 р.

Коншинъ, В. Ц. Стихотворенія. Томъ I. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Кубасовъ, П. И. Что такое микробы вообще и болѣзнетворные въ частности? Спб. 1897.

Леббокъ, Дж. Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго Д. А. Карабчевскаго (Библіотека Дѣтскаго Чтенія), 2-е изд. съ портретомъ. М. 1897. Ц. 75 к.

Литвинова, С. Ѳ. Правители и мыслители. Біографическіе очерки. Съ 16-ю портретами. Спб. 1897. 302 стр. Ц. 1 р.

Мартыновъ, Н. Справочная книга для опекуновъ и попечителей. Сборникъ законовъ и разъясненій. Съ приложеніемъ образцовъ опекунскихъ донесеній и отчетовъ. Спб. 1897.

— Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Изданіе второе. Спб. 1896.

Метерлинкъ, Морисъ. Слѣпцы, Тайны души, Семь принцессъ, Смерть Тентажиля, Вторженіе смерти. Москва, типографія товарищества А. И. Мамонтова. MDCCCXCVI. Изданіе это заключаетъ въ себѣ 200 экземпляровъ на роскошной бумагѣ, 10 на японской бумагѣ (не вошло въ продажу).

Мижуевъ, П. Г. Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Невѣжинъ, П. М. Жестокая воля. Повѣсть. Москва. 1896. Ц. 1 р.

Неймайръ, М. Исторія земли. Переводъ со 2-го переработаннаго и дополненнаго проф. Улигомъ изд. Съ дополненіями по геологіи Россіи и библіограф. указателемъ В. Ламанскаго и А. П. Нечаева. Подъ ред. А. А. Иностранцева. Спб. 1897, вып. 1—2. Ц. за выпускъ 50 к.

Obersteiner, H. Dr. Руководство къ изученію строенія центральной нервной системы. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Б. Ю. Стурцель, подъ ред. ч. ор. С. П. Чернышева. М. 1897.

Одарченко, К. Ф. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М. 1897. Ц. 1. 50 к.

Олексенко, С. Народное обычное право въ общинномъ землевладѣніи Бердянскаго уѣзда, Тавр. губ. 15 стр.

Орловъ, Е. Сократъ, его жизнь и философская дѣятельность. Спб 1897. 75 стр. Ц. 25 к. (Жизнь замѣчательныхъ людей Ф. Павленкова).

Отчетъ бывшаго департамента неокладныхъ сборовъ, а нынѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1895 годъ. Спб. 1897. Приложеніе къ отчету за 1895 г. Спб. 1897.

Отчетъ общества взаимнаго кредита Спб. уѣзднаго земства за 1896 годъ. Спб. 1897.

Отчетъ за 1896 г. общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи. Спб. 1897.

Отчетъ воронежской библіотеки имени А. В. Кольцова за 1896 г. Воронежъ. 1897.

Отчетъ общества вспомоществованія студентамъ Императ. Спб. университета. Спб. 1897.

Покровскій, Влад. Десятилѣтіе (1885—1895) церковно-приходскихъ школъ Оренбургской епархіи. Историко-статистическій очеркъ. Оренбургъ. 1896. 55 стр.

Полушинъ, Н. А. Не ищи въ селѣ, ищи въ себѣ. Москва. 1897.

Прэнсъ, А. Организація свободы и общественный долгъ. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисл. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897. 185 стр. Ц. 80 к.

Псковичъ. Разсказы. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Ревонъ, Мишель. Жозефъ де-Мэстръ. Философія войны. Переводъ Н. Роспопова. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Родзевичъ, С. В. Записка по вопросу о введеніи на станціяхъ коммиссіонной операціи по отправкѣ грузовъ. Кіевъ. 1896. 37 стр.

Сборникъ Пермскаго земства. 1896. № 5—6

Сборникъ статей по вопросамъ относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. IV. (Изъ «Изв. моск. гор. думы» за 1896 г.). М. 1897.

Смѣта доходовъ и расходовъ г. Москвы на 1897 годъ. Москва. 1896.

Спенсеръ, Гербертъ. Введеніе въ философію въ краткомъ изложеніи И. Любомудрова. Самара. 1897. Ц. 40 к.

Степовичъ, А. І. Е. В. Галаганъ. Кіевъ. 1896.

Стороженко. Н. И. Вольнодумецъ эпохи возрожденія. Москва. 1897. Ц. 20 к.

Трачевскій, А. С., проф. Средняя исторія. Спб. 1897. Изд. К. Л. Риккера. 2-е изданіе. Ц. 4 р.

Указатель книгъ, допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для публичныхъ народныхъ чтеній. Выпускъ I—II. Одесса. 1897. Ц. 20 к.

Чеховъ, А. (А. Сѣдой). I. Призрѣніе душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. II. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Уилльямсъ, Е. Е. Торжество германской промышленности. «Made in Germany», пер. съ англ. Н. Ляпидевской съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 1897. 221 стр. Ц. 1 р.

Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. Томъ первый. Съ 377 рисунками въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1897. Ц. 5 р.

Шевелевъ, А. Къ вопросу о народномъ театрѣ. Москва. 1897.

Charbonnel, Victor Abbé. Congrès universel des Religions en 1900. Paris. 1897.

Штейнгауеръ, И. С. Землевѣдѣніе. Предварительныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Пособіе для самообученія. Спб. 1897. Ц. 12 к.

Шульце-Геверницъ, Герг. Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Этюдъ изъ области хлопчатобумажной промышленности. Пер. съ нѣм. Л. Б. Красина, подъ ред. и съ предисл. П. Б. Струве. Въ приложеніи лекція Е. фонъ-Филипповича. Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры. Спб. 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Ящерицынъ, П. В. Положеніе о видахъ на жительство. Изд. второе, значительно дополненное. Саратовъ. 1897.

Эльснеръ, А. Зеленая книга. Сатана. Тифлисъ. Ц. 1 р. 25 к.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Порядки въ Одесской городской больницѣ.

(Письмо съ юга).

Городскіе выборы, только-что окончившіеся въ однихъ городахъ и продолжающіеся въ другихъ, породили цѣлую обличительную литературу. Состояніе городскаго хозяйства рисуется довольно мрачными красками.

Въ такъ называемой столицѣ юга разоблаченія городскихъ неурядицъ начались вслѣдъ за окончаніемъ выборовъ. Мы говоримъ объ Одессѣ, гдѣ подъ эгидою городскаго самоуправленія происходили невѣроятныя вещи. Раскрытыя въ печати, а затѣмъ ревизіею и слѣдствіемъ злоупотребленія не ограничивались обычными хищеніями и растратами. Нѣтъ, здѣсь творились болѣе вопіющія безобразія. О нихъ-то пойдетъ у насъ рѣчь. Какъ во всѣхъ благоустроенныхъ городахъ, въ Одессѣ существуютъ больницы, обыкновенная и психіатрическая, сиротскій домъ и т. п. учрежденія. Если вы думаете, что въ первыхъ лечили больныхъ, а въ послѣднемъ призрѣвали и воспитывали бездомныхъ сиротъ, то вы жестоко ошибаетесь. Въ больницахъ калѣчили призрѣваемыхъ физически, а въ сиротскомъ домѣ — калѣчили души сиротъ. Изъ больницъ выходили физически искалѣченные люди, а изъ сиротскаго дома—деморализованные субъекты, а подчасъ и форменные преступники, которые, благодаря полной распущенности педагогическаго персонала, еще въ стѣнахъ пріюта занимались воровствомъ. Начнемъ съ больницы.

I.

Въ богоугодномъ заведеніи, именуемомъ «Одесскою городскою больницей», какъ выяснила ревизія ея цѣлою думскою коммиссіею, больныхъ отвратительно кормили, заставляли спать на ужасныхъ матрацахъ, оставляли подолгу безъ бѣлья, вмѣсто хины, давали мѣлъ, и въ довершеніе

всего этого пьяные фельдшера за дѣйствительную или мнимую провинность били, истязали и сажали больныхъ въ карцеръ. На солому для набивки матрацовъ ассигновывали чуть ли не 1000 руб. въ годъ. На эти деньги, по приблизительному разсчету, можно имѣть солому, по меньшей мѣрѣ, на десять перемѣнъ въ теченіе года. Въ дѣйствительности-же солома не мѣнялась по цѣлымъ годамъ. Куда дѣвались деньги, ассигновавшіяся на солому, — догадаться не трудно. Онѣ оставались въ тѣхъ-же рукахъ, гдѣ застрѣвали суммы, отпускавшіяся на бѣлье, халаты, пищу и т. п. Вмѣсто нѣсколькихъ смѣнъ бѣлья, въ больницѣ было всего двѣ смѣны: одна рубаха на тѣлѣ, другая въ стиркѣ. На ночь оставляли больныхъ безъ бѣлья. Халатовъ у многихъ больныхъ вовсе не оказалось. Когда въ больницу нагрянули думскіе ревизоры, то позаимствовали бѣлье изъ недавно открытаго на частное пожертвованіе хроническаго отдѣленія больницы, но это своевременно замѣтили и, такимъ образомъ, больничнымъ заправиламъ не удалось замазать слѣдовъ своихъ хищеній.

Допросомъ больныхъ установлено, что лишеніе ихъ свободы практиковалось въ довольно широкихъ размѣрахъ. Въ больницѣ существовалъ карцеръ, куда и сажали провинившихся въ чемъ-либо больныхъ. Никакая кутузка не можетъ сравниться съ больничнымъ карцеромъ. Больныхъ, нуждающихся въ чистомъ воздухѣ и внимательномъ уходѣ, сажали въ темные чуланы и подземныя мины. Заключеніе продолжалось день, два, а иногда и двѣ недѣли. Любопытно, что иной сердобольный фельдшеръ, вопреки распоряженію врача, выпускалъ въ отсутствіе послѣдняго больного, когда замѣчалъ, что онъ переноситъ сильныя мученія. Но заслышавъ голосъ врача, фельдшеръ водворялъ больного арестанта на прежнюю квартиру. Сажали въ карцеръ и фельдшера собственною властью изъ-за недоразумѣній чисто денежнаго свойства. Кто платилъ контрибуцію, тотъ освобождался отъ карцера, а кто почему-либо отказывалъ платить требуемое, —водворялся въ карцеръ. Сопротивлявшихся связывали веревками.

Интересно слѣдующее обстоятельство. Когда больничная коммиссія, производившая ревизію, высказала свое недоумѣніе по поводу заключенія больныхъ въ карцеръ, то ей было заявлено «компетентными» людьми, что больничный уставъ допускаетъ такой способъ наказанія для провинившихся. Дѣйствительно, по уставу врачъ имѣетъ право, съ особаго разрѣшенія старшаго врача больницы, заключать больныхъ въ карцеръ. На практикѣ-же сажали безъ такого разрѣшенія. Когда виновнымъ въ такомъ нарушеніи устава двумъ врачамъ, нынѣ привлеченнымъ вмѣстѣ со старшимъ врачомъ къ суду, было поставлено это на видъ, что они въ свое оправданіе сослались на незнаніе такого пункта устава.

Всѣ указанные нами безпорядки и неурядицы въ стѣнахъ одесской городской больницы были возможны, съ одной стороны, вслѣдствіе несовершенства больничнаго устава, а съ другой—преступнаго попусти-

тельства со стороны членовъ управы, въ вѣдѣніи которыхъ находятся больницы, и крайне неудовлетворительнаго врачебнаго и вообще административнаго персонала. Въ этомъ отношеніи больницѣ особенно не везло. Болѣе или менѣе порядочные врачи или сами уходили изъ больницы, или высылались товарищами. Но уходя, они почему-то не считали нужнымъ раскрывать злоупотребленія, свидѣтелями которыхъ они были, поднимать уголокъ завѣсы, скрывавшей долго отъ общества больничные порядки. Изрѣдка лишь въ печать проникали отдѣльныя жалобы больныхъ. Мѣстныя газеты долго не оглашали никакихъ жалобъ изъ стѣнъ больницы. Лишь въ послѣднее время одинъ врачъ, нѣкто Цѣповскій, выступилъ въ печати съ разоблаченіями, подавшими поводъ къ ревизіи больницы.

II.

Всѣ описанныя нами неурядицы въ одесской городской больницѣ—незначительны по сравненію съ тѣмъ, что дѣлалось въ психіатрическомъ отдѣленіи той-же городской больницы. Во главѣ этого отдѣленія находился нынѣ преданный суду за цѣлый рядъ беззаконій д-ръ Шпаковскій.

Формуляръ этого психіатра таковъ. Онъ былъ частнымъ повѣреннымъ въ Пинскѣ, затѣмъ какими-то судьбами попалъ въ завѣдующіе новгородской колоніей для душевно-больныхъ, оттуда былъ устраненъ за какую-то исторію съ сѣномъ, купленнымъ для колоніи, а чрезъ нѣкоторое время мы видимъ его во главѣ психіатрическаго отдѣленія городской больницы. Здѣсь—что ни шагъ, то преступленіе. Взяточничество, хищеніе городскихъ денегъ, присвоеніе вещей, принадлежавшихъ больнымъ, насилія надъ несчастными, лишенными разсудка,—все это совершалось почти открыто.

На этотъ разъ сигналомъ для похода въ печати противъ преступнаго психіатра послужилъ уходъ изъ психіатрической лечебницы служащаго, нашедшаго себѣ пріютъ въ редакціи одной газеты.

И грянулъ громъ! Печатью и послѣдовавшею затѣмъ ревизіею, произведенною чиновникомъ городской управы, обнаружены такіе факты, которые не имѣли мѣста даже въ желтыхъ домахъ давно минувшихъ дней.

Начать съ того, что ни одинъ психически больной не могъ проникнуть въ одесскій бедламъ, не уплативъ извѣстной суммы доктору Шпаковскому, смотря по состоянію больного. Но вотъ больной принятъ и родные его успокоиваются на мысли, что онъ будетъ пользоваться внимательнымъ уходомъ, долженствующимъ благотворно дѣйствовать на его психику.

Но не тутъ-то было. Проходитъ нѣкоторое время, и имъ настойчиво начинаютъ предлагать взять больного домой. Опять контрибуція, и это повторяется до тѣхъ поръ, пока больного окончательно не возьмутъ изъ лечебницы и не отдадутъ въ частное заведеніе.

Но особенно безпощаденъ бывалъ завѣдующій лечебницей къ больнымъ, не имѣющимъ счастья состоять уроженцами города Одессы и не приписаннымъ къ одному изъ мѣстныхъ сословій. Такихъ душевно-больныхъ д-ръ Шпаковскій или вовсе не принималъ, а если и принималъ, по внесеніи ему извѣстной суммы, то чрезъ нѣкоторое время, безъ вѣдома родныхъ, отправлялъ за счетъ послѣднихъ на мѣсто приписки за тридевять земель. Одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ такого отношенія къ больнымъ огласилъ недавно одесскій врачъ. Сынъ мѣстнаго ювелира и племянникъ бывшаго ординатора городской больницы, нѣкто Грумбергъ, человѣкъ интеллигентный, заболѣлъ. Позвали доктора, который посовѣтовалъ отправить больного, никогда раньше не хворавшаго, въ городскую больницу. Тамъ продержали Грумберга три дня и, не предупредивъ родныхъ, отправили въ домъ умалишенныхъ. Отецъ Грумберга и его жена со слезами на глазахъ стали умолять доктора Шпаковскаго выпустить больного, котораго они желаютъ лечить дома. Но тотъ на мольбы и слезы родныхъ отвѣчалъ насмѣшками и издѣвательствами — обычный способъ обращенія у этого психіатра. Его задобрили, и онъ обѣщалъ роднымъ чрезъ 10 дней выпустить больного, но съ условіемъ, чтобы до истеченія этого срока они не посѣщали лечебницы. Тѣмъ временемъ жестокій психіатръ отправилъ Грумберга въ зимнюю пору по этапу въ Слуцкъ—мѣсто приписки. Плохо одѣтый, безъ копѣйки въ карманѣ больной съ искривленной ногой на костылѣ очутился на чужбинѣ сначала въ кутузкѣ, а затѣмъ былъ выброшенъ на улицу, на потѣху уличнымъ мальчишкамъ, забрасывавшимъ его грязью и наносившимъ ему побои. Наконецъ, полиція сжалилась надъ нимъ и отправила его въ Минскъ въ богоугодное заведеніе. Можно себѣ представить, что пережили родные Грумберга, когда, явившись въ условленный срокъ въ психіатрическую лечебницу, узнали о высылкѣ его въ какой-то Слуцкъ, откуда, замѣтимъ мимоходомъ, они уже были перечислены въ Херсонскую губернію, несмотря на доносы и происки д-ра Шпаковскаго, почему-то вмѣшавшагося и въ это дѣло!.. Немедленно отправили надежнаго человѣка въ Слуцкъ, а затѣмъ въ Минскъ, откуда несчастный Грумбергъ былъ возвращенъ въ Одессу, гдѣ скоро умеръ отъ воспаленія легкихъ, полученнаго въ время странствованія по этапу.

Не лучше было и больнымъ, остававшимся въ стѣнахъ лечебницы. Кормили ихъ не лучше, если не хуже, чѣмъ въ городской больницѣ, хотя содержаніе каждаго больного обходилось здѣсь несравненно дороже; истязали ихъ такъ же, какъ и въ больницѣ, о чемъ свидѣтельствовали выбитые зубы, поломанные члены, кровоподтеки и другіе слѣды воздѣйствія на психику душевныхъ больныхъ.

Этими насиліями дѣло не ограничивалось. При психіатрической лечебницѣ обнаружено дѣтское кладбище, гдѣ похоронены недоноски и умершія подозрительною смертью дѣти, зачатіе коихъ происходило въ стѣнахъ больницы. Кстати, объ этомъ послѣднемъ открытіи мѣстная

печать почему-то умалчиваетъ, хотя оно не составляетъ тайны ни для кого. Вообще, печать нравственно виновата отчасти, въ томъ, что творилъ безнаказанно д-ръ Шпаковскій. Года три-четыре тому назадъ въ мѣстныхъ «Новостяхъ» былъ напечатанъ обличительный фельетонъ г. Діонео, повѣдавшаго многое о порядкахъ въ психіатрической лечебницѣ, но его голосъ заглохъ среди толковъ мѣстной печати о разныхъ уличныхъ скандалахъ. Коснулся было мимоходомъ дѣяній д-ра Шпаковскаго д-ръ Богровъ въ предисловіи къ своей докторской диссертаціи, но онъ сталъ мишенью для нападокъ со стороны дѣятелей мѣстнаго «Листка». Кончилось тѣмъ, что въ угоду доктору Шпаковскому управа вынудила д-ра Богрова, помощника Шпаковскаго, оставить занимаемую должность. Та-же судьба постигла и докторовъ Симоновича и Хмѣлевскаго, относившихся отрицательно къ дѣятельности своего начальника. Только съ уходомъ изъ городского общественнаго управленія покровителей д-ра Шпаковскаго удалось сломить эту «силу»—и въ скоромъ времени онъ будетъ держать отвѣтъ предъ судомъ и обществомъ.

Мы далеки отъ мысли приводить въ связь изложенные нами вопіющіе факты съ самимъ институтомъ самоуправленія. Виновато не учрежденіе, а лица, подвизавшіяся въ немъ. Составъ нашихъ думъ и управъ крайне неудовлетворителенъ въ качественномъ отношеніи. Какъ мы уже говорили, отъ участія въ городскихъ дѣлахъ устранены нынѣ дѣйствующимъ городскимъ положеніемъ люди съ образовательнымъ цензомъ, лишенные соотвѣтственнаго имущественнаго ценза. и тѣ элементы городского населенія, которые наиболѣе заинтересованы въ томъ или другомъ состояніи городского хозяйства. Несмотря, однако, на несовершенства городового положенія, признанныя недавно оффиціальнымъ органомъ—«Вѣстникомъ Финансовъ», на городскихъ выборахъ во многихъ городахъ замѣчается теперь побѣда интеллигентныхъ гласныхъ надъ представителями торгово-купеческаго класса. Повидимому значительная часть городскихъ избирателей прониклась сознаніемъ необходимости ввести болѣе интеллигентные элементы въ думѣ и при ихъ содѣйствіи упорядочить городскія дѣла.

К—нъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Комитетъ попеченія о дворянахъ.—Пересмотръ законовъ о печати.—Высшее техническое образованіе.—Отмѣна особаго сбора съ польскихъ землевладѣльцевъ. — Дѣло россійскаго торговаго и коммиссіоннаго банка.

Дворянское сословіе, давно уже игнорируемое на разлагающемся западѣ, у насъ опять служитъ объектомъ особой заботливости со стороны государства. Указомъ отъ 13 апрѣля повелѣно образовать особое совѣщаніе «для всесторонняго выясненія современныхъ нуждъ дворянскаго сословія и соображенія тѣхъ мѣръ, которыя могли-бы обезпечить помѣстному дворянству способы нести и впредь его исконно-вѣрную службу престолу и отечеству».

Совѣщаніе, по смыслу указа, должно играть не болѣе какъ подготовительную роль, т. е. выяснить нужды и сообразить мѣры, а главное—впереди, и нельзя думать, чтобы были осуществлены новыя мѣры, приносящія въ жертву интересы всѣхъ другихъ классовъ населенія обширной страны одностороннимъ интересамъ дворянства — сословія, достаточно расшатаннаго и обнаруживающаго съ каждымъ годомъ все меньше внутренней жизненности.

Главная задача коммисія—пока свести во-едино разнообразные матеріалы и противорѣчивые отзывы о нуждахъ дворянства, какъ упадающаго сословія, и о мѣрахъ къ его поддержанію. До сихъ поръ до насъ доходили лишь отрывочные проекты и жалобы. За десятки лѣтъ ихъ накопилось такъ много, что сводка и группировка ихъ представляютъ не только практическій интересъ, но и немалую долю поучительности. По самому смыслу указа ясно, что дѣло не должно клониться къ одной только матеріальной поддержкѣ отдѣльнаго «сословія». При томъ-же трудно и придумать еще новыя льготы и воспособленія. Если оглянуться назадъ, то надо будетъ признать, что въ достаточной мѣрѣ ихъ было оказано. Вспомнимъ щедрыя ссуды изъ старыхъ кредитныхъ учрежденій, разные подарки и льготы. Эти формы поддержки подробно иллюстрированы въ извѣстномъ очеркѣ С. Атавы «Оскудѣ-

ніе». Вспомнимъ въ 50-хъ годахъ надѣлъ землею неимущихъ дворянъ, по 60 дес. на семейство,—въ числѣ ихъ были старинные роды. Надѣлы эти отводились въ Самарской губ., гдѣ образовалось нѣсколько дворянскихъ поселковъ. Не лишено интереса, что когда лѣтъ черезъ тридцать производилось статистическое изслѣдованіе этихъ поселковъ, то 30°/о дворянъ оказались неграмотными, а хозяйство у большинства изъ нихъ въ плачевномъ состояніи. Затѣмъ — для дворянъ-же устроено было общество взаимнаго поземельнаго кредита, потопившее многихъ изъ нихъ въ пучинѣ кредита и запутавшее свои дѣла до того, что его должны были закрыть. На нашихъ глазахъ народился дворянскій банкъ, раздавшій дворянамъ-землевладѣльцамъ нѣсколько сотъ милліоновъ за пониженные проценты, о какихъ и не мечтаютъ землевладѣльцы иныхъ сословій. Крестьянскій банкъ также много помогаетъ дворянамъ, покупая у нихъ земли по хорошей цѣнѣ. Затѣмъ, государственный банкъ открылъ кредитъ по соло-векселямъ; онъ-же щедро выдавалъ ссуды подъ хлѣбъ землевладѣльцамъ, при чемъ этимъ несложнымъ способомъ предполагалось поддержать по преимуществу тѣхъ-же дворянъ, дать имъ возможность выдержать кризисъ и не погибнуть подъ гнетомъ низшихъ цѣнъ. Заботы объ этомъ выдвинуты были еще въ 1888 г., когда Министръ внутреннихъ дѣлъ въ особомъ докладѣ обрисовалъ затруднительное положеніе землевладѣнія вслѣдствіе паденія цѣнъ. Послѣ того была образована «коммисія по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія». Въ позднѣйшихъ докладахъ министра финансовъ дворянское сословіе неоднократно выдвигалось, какъ больше всѣхъ пострадавшее отъ сельскохозяйственнаго кризиса; въ докладѣ на 1896 г. выражено, что г. министръ «почиталъ и почитаетъ нынѣ необходимымъ принимать зависящія отъ него мѣры» къ облегченію положенія помѣщичьяго землевладѣнія; въ докладѣ на 1897 г. сказано, что землевладѣльцы, принадлежащіе въ большинствѣ къ доблестному сословію, сослужившему историческую службу отечеству, и впавшіе въ затруднительное положеніе, достойны, конечно, особаго о нихъ попеченія правительственной власти. Надо думать, что новый комитетъ займется вопросомъ и о формахъ такого «особаго попеченія», но все-же не это—его главная задача. Остается упомянуть еще о законѣ, упрочившемъ маіоратныя владѣнія съ цѣлью поддержки дворянскаго землевладѣнія, о созданіи новыхъ платныхъ должностей спеціально для дворянъ и пр. Не говоримъ уже о разныхъ случайныхъ проектахъ поддержки дворянства, въ родѣ предлагавшагося кн. Мещерскимъ, лѣтъ пять назадъ, въ его «Гражданинѣ», чтобы обѣднѣвшимъ дворянамъ дозволено было переуступать свое дворянское званіе и права лицу недворянскаго происхожденія за приличное вознагражденіе. Проектировалось также прощеніе недоимокъ, отсрочки банковыхъ платежей и т. п. Былъ даже странный проектъ, вызывавшій сочувствіе многихъ, чтобы «обезсилѣвшіе» дворяне-землевладѣльцы отдавали свои имѣнія государству, а взамѣнъ этого получали

отъ послѣдняго опредѣленную вѣчную ренту рублей по пяти съ каждой уступленной десятины. Но всѣхъ проектовъ не перечтешь, и новыхъ формъ воспособленія придумать трудно: все тотъ-же меліоративный кредитъ, который и пущенъ въ ходъ съ нынѣшняго года; но и этотъ кредитъ и другія экономическія мѣропріятія, при гармоніи хозяйственныхъ интересовъ въ государствѣ, будутъ, разумѣется, помогать не однимъ дворянамъ, интересовъ которыхъ нельзя изолировать, напр., отъ интересовъ крестьянъ и землевладѣльцевъ другихъ сословій. Такъ, напр., мѣры, которыя могло-бы предпринять министерство финансовъ противъ пагубнаго вліянія низшихъ хлѣбныхъ цѣнъ на дворянское сословіе, подѣйствуютъ въ то-же время и на улучшеніе положенія землевладѣльцевъ всѣхъ другихъ сословій, но за то дворяне непомѣстные ничего отъ подобныхъ мѣръ не выиграютъ; для нихъ нужно нѣчто другое, а что именно — вопросъ очень трудный. Если вникнуть глубже въ смыслъ указа, то имѣется въ виду главнымъ образомъ нематеріальное содѣйствіе подъему дворянства, напр. въ видѣ расширенія его участія въ управленіи, особенно въ мѣстномъ. Еще въ 1858 г. гр. Д. А. Толстымъ была представлена записка, оставленная по тогдашнимъ обстоятельствамъ безъ движенія, гдѣ было выражено, что главное зло не въ крѣпостномъ правѣ, а въ преобладаніи бюрократіи, что взамѣнъ мѣстнаго чиновничества слѣдуетъ раздѣлить Россію на мелкіе вотчинные округа и въ каждомъ изъ нихъ административно распорядительную и судебную власть предоставить мѣстному дворянину-помѣщику по выбору другихъ помѣщиковъ; изъ другихъ подобнаго-же пошиба проектовъ болѣе извѣстенъ поданный въ 70-хъ годахъ и предлагающій, чтобы государственная служба была достояніемъ однихъ только дворянъ и чтобы въ ихъ-же руки была передана и вотчинная полиція. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, мѣстная служба дворянъ расширена предоставленіемъ имъ мѣстъ земскихъ начальниковъ и преобладающаго участія въ земскихъ учрежденіяхъ. Но нѣкоторая часть дворянъ, принадлежащая къ стариннымъ родамъ, всегда признавала, что всякія внѣшнія привиллегіи и исключительныя преимущества вредны для самого дворянства. Эти дворяне стояли за подъемъ нравственнаго и культурнаго уровня, полагая свою гордость въ просвѣщенной дѣятельности на пользу общую. Особыхъ правъ требуютъ лишь дворяне чуждые достодолжной скромности. Число именно этихъ дворянъ, не имѣющихъ корней въ прошломъ, растетъ съ каждымъ годомъ. Кромѣ помѣстнаго и чиновно-меркантильнаго дворянства, сколько еще остается дворянъ-пролетаріевъ, безземельныхъ и не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій или служащихъ урядниками, сидѣльцами и на еще менѣе значительныхъ мѣстахъ. Съ другой стороны, у насъ разростается денежная и умственная аристократія, не принадлежащая къ бѣлой кости, но сильно умаляющая значеніе родовитыхъ дворянъ. Значеніе это давно упало: сколько дворянскихъ родовъ возсоединилось путемъ браковъ съ купеческими и мѣщанскими. Значитъ—

дѣло плохо, если даже такіе защитники дворянства, какъ кн. Мещерскій, доходятъ до проектовъ, подобныхъ вышесказанному. Былъ даже проектъ возводить въ дворянство землевладѣльцевъ-недворянъ, хорошо ведущихъ хозяйства. Помѣстное значеніе дворянства также все падаетъ съ усиленіемъ его задолженности и съ переходомъ значительной доли его земель въ руки другихъ сословій, такъ что теперь только по традиціи отожествляютъ слова «землевладѣльцы» и «дворяне».

Какими-же средствами можно создать нормальное положеніе вещей въ этомъ вопросѣ? Создать изъ дворянъ аристократію финансовую и умственную государство не въ силахъ; всякая денежная поддержка будетъ въ ущербъ общему бюджету; особаго образованія дать имъ также нельзя. Можно предположить нѣкоторыя временныя мѣры, чтобы дворяне могли пережить кризисъ, больше сплотиться и сами позаботиться о внутреннемъ своемъ подъемѣ; мѣры эти могли-бы быть опять въ видѣ скидки процента въ дворянскомъ банкѣ, надѣленія неимущихъ дворянъ землею, но все это слабо и преходяще; даже введеніе неотчуждаемости дворянскихъ земель, чтобы ихъ не съѣлъ «чумазый», прежде всего стѣснитъ самихъ же дворянъ. Другія мѣры, въ родѣ меліоративнаго кредита, большей заботы о нуждахъ сельскаго хозяйства и т. п. помогутъ не однимъ дворянамъ, а всѣмъ сословіямъ, соприкосновеннымъ съ землею. Затѣмъ, что дѣлать съ дворянами служилыми, не имѣющими ни пяди земли, или сдавшими имѣніе другимъ? Если для дворянъ изобрѣсти какія-либо новыя особыя права, то придется логически потребовать отъ нихъ и особой дѣятельности на пользу государства, а это имъ давно не по силамъ. Словомъ — новаго способа оздоровленія и возстановленія дворянства мы со своей стороны не можетъ придумать.

Недавно прошелъ слухъ о предстоящемъ пересмотрѣ законовъ о печати, очень кстати совпавшій съ предположеніемъ созвать съѣздъ литераторовъ. Это—вещи давно назрѣвшія, и теперь какъ разъ время поставить нашу печать, какъ единственный выразитель общественнаго мнѣнія, въ болѣе нормальное положеніе, соотвѣтствующее настоящимъ потребностямъ и запросамъ государственной жизни. Въ этихъ видахъ, уже 17 лѣтъ назадъ была образована особая коммиссія, но она скоро закрылась, и вмѣсто обновленныхъ законовъ были изданы временныя правила, создавшія для печати особое положеніе. Несмотря на то, печать во многомъ дѣлала полезныя указанія по поводу экономическо-финансовыхъ вопросовъ, народныхъ бѣдствій, разныхъ явленій общественной жизни и пр.; указаніями ея постоянно пользовались правительственныя вѣдомства. Не даромъ еще въ 1895 году, Высочайшимъ указомъ отъ 12 января, признано, что печать и ея представители несутъ великую службу на пользу государства. Недавно еще министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ содѣйствію гласности по такому вопросу первостепенной важности, какъ измѣненіе положенія о крестьянахъ. Не

смотря на все это, вмѣсто дальнѣйшаго развитія печати, остаются еще многія ограниченія, часто приводящія къ одностороннему обсужденію разныхъ явленій въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ; при этомъ часто бываетъ, что очень полезные проекты, вслѣдствіе недостаточно-гласнаго обсужденія, или задерживаются, или осуществляются въ жизни въ неправильномъ и незаконченномъ видѣ, а это въ свою очередь ведетъ иногда къ обратнымъ результамъ, и благая мысль законодателя преломляется подъ другимъ угломъ. Въ особенности отстала въ своемъ развитіи печать въ провинціи, гдѣ еще нужнѣе всестороннее обсужденіе всякихъ вопросовъ, такъ какъ провинція наша быстро ростетъ, самостоятельно поднимаетъ самые животрепещущіе вопросы, доставляетъ живыя данныя, необходимыя для успѣшной дѣятельности центральной администраціи, и пр.

Если стѣснять указанія отрицательныхъ сторонъ нашего финансово-хозяйственнаго строя, то это не можетъ породить ничего, кромѣ пагубнаго оптимизма, что въ будущемъ неминуемо ведетъ къ разочарованіямъ, осложненіямъ и недовольству. Мало того—одностороннее освѣщеніе вопроса о кризисѣ, доходящее до его отрицанія, поведетъ къ тому, что будутъ искать источника золъ въ условіяхъ, лежащихъ внѣ экономической сферы, а это едва-ли можетъ способствовать разъясненію дѣла. Въ отношеніи другихъ явленій русской жизни, кромѣ экономическихъ, также неумѣстны никакія особенныя опасенія. Злоупотребленія, затрогивающія напр., отдѣльныхъ лицъ и вѣдомства, достаточно предусмотрѣны общими уголовными законами. У насъ все шире допускаются обсужденія въ ученыхъ обществахъ, публичныя чтенія, лекціи и т. п., а въ связи съ этимъ логически должно идти и расширеніе правъ печати; нельзя, чтобы въ такой сложной машинѣ, какъ государство, одно колесо вертѣлось медленнѣе другихъ и съ остановками, мѣшая другимъ частямъ и ослабляя ихъ продуктивность. Пора поставить печать подъ сѣнь твердыхъ законовъ и освободить изъ-подъ дѣйствія временныхъ правилъ, введенныхъ 32 года назадъ и получившихъ какъ-бы силу закона, что вовсе не практикуется въ другихъ областяхъ государственной жизни, гдѣ всякія временныя правила въ большинствѣ случаевъ давно замѣнены законами, дающими болѣе простора и гарантіи. Надо надѣяться, что предполагаемая коммиссія по пересмотру законовъ о печати начнетъ прежде всего съ такой-же замѣны, выдвинетъ на первый планъ юридическую отвѣтственность, уравняетъ въ правахъ провинціальную печать со столичною. Подчиненіе печати исключительно закону и суду представляетъ у насъ тѣмъ менѣе затрудненій, что по русскимъ законамъ за всякія злоупотребленія печатью назначены такія строгія наказанія, что отпадаетъ надобность еще въ какихъ-либо административныхъ воздѣйствіяхъ. Двѣ бывшія въ 1865 и 1880 г. коммиссіи по измѣненію законовъ о печати признали необходимость ихъ обновленія, а съ тѣхъ поръ утекло много воды.

Предполагаемый съѣздъ писателей какъ нельзя лучше можетъ быть пріуроченъ къ задачамъ пересмотра законовъ о печати. Коммиссія, имѣющая быть въ видахъ этого пересмотра, немыслима безъ подобнаго съѣзда, который долженъ доставить ей обширный и богатый матеріалъ. Поэтому, надо ожидать особаго поощренія со стороны правительства такому съѣзду; если уже допускаются съѣзды разныхъ промышленниковъ, заводчиковъ-стачечниковъ, то тѣмъ болѣе сочувствія встрѣтитъ съѣздъ, имѣющій задачею выяснить положеніе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ нашего общественнаго развитія. Былъ-же недавно разрѣшенъ съѣздъ сценическихъ дѣятелей, преслѣдующихъ болѣе узкія задачи. Помимо съѣзда—коммиссія, несомнѣнно, озаботится привлеченіемъ свѣдущихъ людей—не только изъ числа хозяевъ изданій, какъ было въ 1881 году, но изъ среды болѣе извѣстныхъ и опытныхъ литераторовъ, могущихъ дать немало цѣнныхъ указаній. Въ связи съ пересмотромъ постановленій о печати въ собственномъ смыслѣ нельзя также оставить безъ вниманія и настоящее, весьма зыбкое, положеніе литературной собственности.

Наши западныя и югозападныя губерніи давно уже вошли въ составъ коренной Россіи. Для привлеченія ихъ къ общему государственному движенію не требовалось особыхъ усилій уже потому, что большая часть этого края съ незапамятныхъ временъ была русскою и только временно подвергалась польскому вліянію. Въ большинствѣ этихъ губерній преобладаетъ русское населеніе, при чемъ процентъ его гораздо больше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ великорусскихъ губерніяхъ, въ родѣ Пермской, Олонецкой, Казанской, Вятской, Оренбургской. Изъ девяти западныхъ и югозападныхъ губерній только въ трехъ — Виленской, Ковенской и Гродненской русское населеніе представляетъ меньшинство, въ остальныхъ же шести мы видимъ почти сплошное русское крестьянское населеніе. Въ виду этого здѣсь признано своевременнымъ введеніе земскихъ учрежденій, что окончательно закрѣпитъ связь этого края съ остальной Россіей. Между тѣмъ здѣсь до послѣдняго времени оставались нѣкоторыя стѣснительныя формы, не вызываемыя общими пользами государства и только искуственно создавшія отчужденіе. Таковъ особый процентный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ лицамъ польскаго происхожденія, установленный послѣ возстанія 1863 г.; сборъ этотъ за 34 года давно утратилъ свой raison d'être и только напрасно давилъ на сознаніе землевладѣльцевъ-католиковъ, которыхъ всего лучше можно было пріурочить къ общему государственному движенію знаками довѣрія, а не стѣснительными надбавочными сборами, взимавшимися, не взирая на тридцатилѣтнее мирное настроеніе и на готовность къ сліянію съ интересами остальнаго населенія на почвѣ сельско-хозяйственной дѣятельности. Извѣстно, что въ средѣ землевладѣльцевъ-поляковъ этой полосы гораздо

большій процентъ, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, сидитъ на своей землѣ и успѣшно занимается хозяйствомъ; для такихъ владѣльцевъ надбавочный сборъ, имѣющій характеръ наказанія за прошлое, покрытое давностью, представлялъ большую нравственную и матеріальную тягость. Это сознано правительствомъ, и недавно послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ сбора, при чемъ выражена надежда, что «сей новый знакъ Монаршаго снисхожденія вящше побудитъ польскихъ землевладѣльцевъ къ мирному развитію своею благосостоянія подъ сѣнью Россійской державы».

На-дняхъ окончилось въ с.-петербугской судебной палатѣ томительное дѣло россійскаго торговаго и коммиссіоннаго банка. Виновные понесли заслуженную кару, невинные освобождены—порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ, но дѣло не въ томъ; это все не ново. Главное, что послѣдній банковый процессъ внесъ много поучительнаго для нашего поколѣнія, навелъ на разныя мысли, которыя почему-то забывались, прибавилъ немалую дозу спасительнаго страха для еще «непойманныхъ» дѣльцовъ и спекулянтовъ.

Поучительность этой эпопеи въ томъ, что въ теченіи пяти съ половиною лѣтъ, на глазахъ всего общества и многочисленныхъ властей, крупное кредитное учрежденіе могло попирать всякіе уставы и правила, расхищать ввѣренные капиталы, вести запрещенную биржевую игру, составлять и публиковать ложные отчеты, выдавать фиктивные документы. Многіе это знали и все-таки дали банку свободно дѣйствовать какъ разъ до того момента, когда всѣ его средства свелись къ нулю, дальнѣйшая дѣятельность стала невозможною, и директоръ-распорядитель покусился самовольно прекратить данную ему Богомъ жизнь.

Вся дѣятельность банка представлялась съ юридической стороны сплошной рядъ криминаловъ, которые въ общежитіи и среди дѣльцовъ почитались вполнѣ «терпимыми» и «общепринятыми» дѣйствіями. При этомъ имѣлось въ виду, что если бы всѣхъ судить за такія дѣянія, то не хватило бы судовъ. Этимъ отчасти объясняется и путаница нравственныхъ понятій, и всеобщее попустительство, давшее возможность банку безостановочно дѣйствовать до конца, пока въ кассѣ оставался хоть одинъ сантимъ. Когда запретная чаша была осушена до дна, тогда только стали искать виновныхъ.

Дѣянія банка были весьма нехитрыя. Главари его, всѣ люди слабо знающіе банковое дѣло, за то обладавшіе хорошими аппетитами, прежде всего стали играть на биржѣ на деньги кліентовъ банка, при чемъ выигрышъ на разницѣ брали себѣ, даже авансами, а потери благоразумно относили за счетъ банка. Привлекая чужія бумаги ввидѣ пре-

словутыхъ онкольныхъ счетовъ (on coll), они съ бодрымъ духомъ и легкимъ сердцемъ оперировали съ ними; произведя за счетъ кліентовъ разныя операціи, они преспокойно ампоширововали получаемую съ нихъ коммиссію вмѣсто того, чтобы отчислять ее въ доходъ банка. Они же, ради нѣсколькихъ тысячъ коммиссіи, рѣшались на фиктивную реализацію акцій фантастическихъ обществъ. Вопреки уставу, они занялись покупкою и продажею хлѣба, преимущественно своего собственнаго, относя весь рискъ на счетъ банка. Предсѣдатель совѣта продавалъ банку свой испорченный и залежавшійся хлѣбъ за дорогую цѣну, при чемъ и банковскую коммиссію по этой продажѣ бралъ себѣ же, т. е. сдиралъ двѣ шкуры; онъ-же выдавалъ фальшивые векселя отъ имени несуществующаго торговаго дома. Для задѣлки бреши заправилы банка предприняли синдикатскую операцію для возсоединенія съ другимъ болѣе крупнымъ банкомъ и на покупку его акцій добывали средства учетомъ дутыхъ векселей, чѣмъ подвели другіе банки. Словомъ, они обратили банкъ въ орудіе для личной наживы и для обдѣлыванія своихъ дѣлъ, забывая о его уставѣ, о его задачахъ, какъ общественнаго кредитнаго учрежденія. Когда прокурорская власть опечатала банкъ, то въ кассѣ оставалось какихъ-то несчастныхъ шесть тысячъ; милліонъ основного капитала и много денегъ кліентовъ исчезли, какъ дымъ, да кромѣ того банкъ понесъ убытка и задолжалъ 2 милл. 162 тыс. Слѣдствіе велось три года и восемь мѣсяцевъ, часть виновныхъ ускользнула, но главные воротилы наказаны строже, чѣмъ ожидалось. Но на этомъ успокоиться нельзя: многое изъ того, за что ихъ покарали, продѣлывается и въ другихъ банкахъ и банкирскихъ конторахъ.

Судъ надъ коммиссіоннымъ банкомъ развернулъ передъ нами одну изъ печальныхъ страницъ нашей соціальной психологіи: стремленіе къ легкой наживѣ, распатанность нравственныхъ началъ, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ судъ долженъ дать толчокъ вопросу объ установленіи болѣе строгаго контроля за частными банками, что укрѣпитъ довѣріе къ нимъ, подорванное настоящимъ процессомъ. Это особенно необходимо въ виду нарожденія новыхъ формъ производительнаго кредита, какъ напр., горнопромышленнаго, меліоративнаго, ремесленнаго и др. Если все расширяется контроль надъ страховыми обществами, если министерство финансовъ строго ревизуетъ городскіе банки и ссудосберегательныя товарищества съ ихъ грошовыми оборотами, то гораздо нужнѣе усилить контроль надъ банками не только для предупрежденія потерь, но и для облегченія слѣдствія при злоупотребленіяхъ, чтобы дѣло не тянулось годами, какъ въ данномъ случаѣ, что ведетъ къ забывчивости со стороны свидѣтелей, къ упущеніямъ и сокрытію слѣдовъ.

За послѣдній мѣсяцъ много говорилось о необходимости расширить въ Россіи высшее техническое образованіе въ виду развитія нашей промышленности, размноженія горныхъ, фабрично-заводскихъ, транспорт-

ныхъ и др. предпріятій. Число существующихъ высшихъ техническихъ заведеній крайне недостаточно; тѣ средства, какія могли-бы быть обращены на открытіе новыхъ, непроизводительно уходятъ на образованіе, непримѣнимое къ жизни и скорѣе мѣшающее развитію производительныхъ силъ, о которомъ такъ усердно заботятся, по крайней мѣрѣ на словахъ. Объ этомъ начали усиленно говорить еще тридцать лѣтъ назадъ, но вмѣсто хлѣба былъ поднесенъ камень, и столь нужныхъ для страны техниковъ пришлось въ большинствѣ случаевъ вызывать изъ-за-границы. Но и ихъ было мало, такъ что промышленность наша развивалась туго и въ значительной части оставалась при рутинныхъ пріемахъ. Правда—въ 70-хъ годахъ стали открывать болѣе демократическія «реальныя училища», преимущественно въ уѣздныхъ городахъ, но это были неполноправныя заведенія, откуда трудно попасть въ высшія заведенія, такъ что большинство реалистовъ оставалось за флагомъ, что представляло вредъ и съ государственной точки зрѣнія. Въ 1886 г. подлежащее вѣдомство составило проектъ расширенія реальнаго образованія, но дѣло свелось къ плану промышленныхъ училищъ, да и на нихъ не отпущено средствъ.

Кризисы послѣднихъ лѣтъ заставили крѣпко подумать о развитіи техническаго и профессіональнаго образованія, чтобы можно было расширять существующія въ Россіи производства и насаждать новыя. Сама жизнь наталкивала на необходимость новыхъ высшихъ и среднихъ техническихъ училищъ. Спросъ на техниковъ и инженеровъ превысилъ предложеніе. Даже въ агрономахъ, не взирая на непозволительно-малое количество высшихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ, ощущается гораздо меньшая надобность, что объясняется упадкомъ сельскаго хозяйства и тѣмъ, что большинство землевладѣльцевъ махнуло рукою на всякія меліораціи и др. улучшенія. Высшія техническія училища сосредоточены почти всѣ въ столицахъ; въ провинціи ихъ только два: въ Ригѣ и въ Харьковѣ. Съ этимъ мириться нельзя, и само общество идетъ навстрѣчу этой потребности, невольно вызывая и оффиціальныя заботы. Потребность эта всего болѣе тамъ, гдѣ ростетъ горная и др. промышленность—на югѣ и на Уралѣ. За послѣдніе мѣсяцы налаживается устройство политехническаго института въ Кіевѣ. Лица, жертвующія на него средства, выставили очень справедливое и серьезное требованіе, чтобы образованіе не было односторонне-техническимъ, т.-е. чтобы спеціальность не заѣдала общеобразовательную сторону,—чтобы училище не давало узкихъ спеціалистовъ, безъ научнаго кругозора, какъ это бываетъ въ нашихъ техническихъ заведеніяхъ. По ихъ мнѣнію, спеціальному образованію должно предшествовать общетехническое, вводящее учащихся, до выбора ими спеціальности, въ кругъ общихъ свѣдѣній изъ области научно-технической дѣятельности. Проектируются также горный институтъ въ Екатеринославѣ, какъ въ центрѣ южнаго горнозаводства, и политехникумъ на Кавказѣ. Для Урала мѣстные дѣятели проектируютъ высшую естественно-историческую школу съ

горнымъ, лѣснымъ и сельско-хозяйственнымъ отдѣленіями, т.-е. тотъ-же политехникумъ, приспособленный къ мѣстнымъ потребностямъ. Такая школа, конечно, много поможетъ культурному развитію этого богатаго края, его изученію и промышленному прогрессу, которые замѣнятъ настоящій застой, съ его многочисленными антикультурными проявленіями въ техникѣ, въ отношеніи къ рабочимъ и пр. Но однимъ открытіемъ высшихъ техническихъ школъ ограничиться нельзя. Надо въ связи съ этимъ, сообразно кореннымъ потребностямъ и запросамъ русской жизни, обновать систему нашего средняго образованія.

КРИТИКА.

П. Гнѣдичъ.—Исторія искусствъ. Первые три выпуска. Изданіе А. Ф. Маркса. 1897 г.

Настоящее изданіе г. Маркса есть, собственно говоря, очень расширенное, совершенно переработанное и обновленное сочиненіе г. Гнѣдича, изданное г. Марксомъ еще въ 1885 году и состоявшее первоначально изъ одного объемистаго тома, снабженнаго 340 прекрасными рисунками. Настоящее изданіе книги г. Гнѣдича, за исключеніемъ рисунковъ не имѣющей почти ничего общаго съ прежнимъ изданіемъ,— будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ съ 2000 снимковъ и 30 большими хромолитографіями. Судя по тремъ уже вышедшимъ выпускамъ, это будетъ роскошное изданіе, которое нельзя не отмѣтить съ особеннымъ сочувствіемъ. Въ Западной Европѣ, въ особенности въ Германіи, литература, имѣющая своимъ предметомъ исторію искусствъ, очень обширна и съ каждымъ днемъ обогащается новыми сочиненіями, между которыми встрѣчаются сочиненія первоклассндго достоинства. Это не покажется ни страннымъ, ни удивительнымъ, если принять во вниманіе постоянно возростающій интересъ къ искусству въ образованныхъ классахъ. Искусство, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ дѣятельности человѣческаго духа, съ каждымъ днемъ завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе обширное поле въ интересахъ культурнаго человѣчества и становится не только существенною частью общаго образованія, но является, кромѣ того, однимъ изъ важнѣйшихъ подспорій при изученіи исторіи культуры. Можно даже сказать, что исторія культуры прямо немыслима безъ исторіи искусствъ. Возбужденію интереса къ искусству не мало способствуетъ сознаніе того, что художественное творчество, въ различныхъ своихъ проявленіяхъ, съ каждымъ днемъ занимаетъ все большее мѣсто въ жизни каждаго образованнаго человѣка и, въ концѣ концовъ, налагаетъ извѣстную печать изящества на его душевный міръ, и даже извѣстнымъ образомъ окрашиваетъ всю его практическую дѣятельность.

Вкусъ утончается и развивается, и этотъ новый эстетическій элементъ жизни отражается даже на обычной обстановкѣ всякаго образованнаго человѣка, прежде очень мало заботившагося о декоративномъ украшеніи своего дома. Интересуясь все больше и больше искусствомъ, которое изъ прихоти превращается въ потребность, онъ хочетъ знать и его исторію въ послѣдовательномъ развитіи художественныхъ формъ и идеаловъ, въ связи съ другими сторонами культуры. Необходимо также замѣтить, что всякая, хоть сколько-нибудь научно обоснованная, раціональная эстетика возможна только при самомъ тщательномъ и обстоятельномъ изученіи исторіи искусствъ, потому что, — какъ это само собой разумѣется, — прежде чѣмъ формулировать законы, которымъ подчиняется художественное творчество, прежде чѣмъ понять и объяснить произведеніе искусства, его нужно знать и изучить, не только въ отдѣльности, но и въ связи съ другими проявленіями творчества.

Въ Западной Европѣ исторія искусствъ успѣшно разрабатывается еще со второй половины прошлаго вѣка, съ тѣхъ поръ какъ Винкельманъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Исторію античнаго искусства» (1764 г.). Одинъ перечень главнѣйшихъ сочиненій по исторіи искусствъ занялъ бы нѣсколько печатныхъ страницъ, но все это въ большинствѣ случаевъ спеціальныя монографіи, изучающія или исторію какого-нибудь одного искусства (архитектуры, живописи, скульптуры), или же какой-нибудь отдѣльный памятникъ, — монографіи, чаще всего мало доступныя образованной публики. Тѣмъ не менѣе, эти изслѣдованія уже на столько подвинулись впередъ, сырой матеріалъ исторіи искусства на столько уже оказался разработаннымъ, что открылась возможность начертить общую картину этой исторіи, въ формѣ-ли учебниковъ для изученія произведеній художественнаго творчества, или же въ формѣ популярныхъ сочиненій, предназначаемыхъ для чтенія, или какъ пособіе при изученіи исторіи. Это пока новая область исторической литературы, но уже обширная и богатая, въ которой найдется нѣсколько вполнѣ капитальныхъ сочиненій. Въ русской литературѣ эта область только начинаетъ разрабатываться. По этой части у насъ есть уже нѣсколько переводныхъ сочиненій, не на столько устарѣвшихъ, чтобы ими нельзя было пользоваться: «Искусство въ связи съ развитіемъ культуры» Карьера, «Руководство къ исторіи искусства» и «Руководство къ исторіи живописи» Куглера, «Исторія пластики» и «Исторія искусствъ» Любке. Изъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій мы можемъ указать на «Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства» и на «Исторію итальянскаго искусства въ XV столѣтіи» (еще не оконченную) г. Фрикенъ; оба эти сочиненія, превосходно обставленныя въ документальномъ отношеніи, представляютъ довольно цѣнный вкладъ въ нашу, пока еще очень бѣдную литературу по исторіи искусствъ. Относительно-же популярныхъ сочиненій до настоящаго времени у насъ было только сочиненіе г. Гнѣдича, о которомъ мы упомянули выше. Насколько по-

требность въ подобнаго рода книгахъ ощущается въ русскомъ обществѣ, видно изъ того, что эта небольшая книжка г. Гнѣдича, далеко не исчерпывающая предмета, разошлась до послѣдняго экземпляра и въ настоящее время представляетъ библіографическую рѣдкость.

На сколько можно судить по первымъ выпускамъ, г. Гнѣдичъ удержалъ и въ новой переработкѣ первоначальный планъ, съ единственнымъ, если не ошибаемся, исключеніемъ: въ новомъ изданіи выпущена исторія индійскаго и китайскаго искусствъ. Японскаго искусства не было и въ первомъ изданіи; не будетъ его и во второмъ. Трудно объяснить, почему г. Гнѣдичъ оставилъ совершенно въ сторонѣ исторію искусствъ восточной Азіи; эти искусства имѣютъ свое значеніе, тѣмъ болѣе, что въ наше время японское, напримѣръ, искусство оказываетъ, видимое вліяніе на художественное творчество въ Европѣ, настолько что игнорировать его не приходится. Можно упрекнуть автора также и въ томъ, что въ исторіи греческаго искусства онъ совершенно устранилъ древне-греческую живопись. Правда, древне-греческую живопись начали изслѣдовать сравнительно очень недавно; нельзя также сказать, чтобы эти изслѣдованія были уже вполнѣ закончены, — много предстоитъ еще впереди, но тѣмъ не менѣе, греческая живопись и теперь уже настолько разслѣдована и представляетъ настолько значительный интересъ, что она должна обязательно войти въ общую исторію искусства. Конечно, при нашихъ современныхъ знаніяхъ трудно сказать, на сколько приближается греческая живопись къ греческой скульптурѣ, но во всякомъ случаѣ живопись въ Греціи получила громадное развитіе. Памятниковъ греческой живописи почти не осталось; и фрески Полигнота, и картины Зевксиса, Парразія, Аппелеса — погибли, и тѣмъ не менѣе оказалась возможность хоть отчасти воскресить памятники греческой живописи. Во-первыхъ остались описанія очень точныя и, иногда, подробныя лучшихъ произведеній живописи, сужденія греческихъ писателей, бросающія яркій свѣтъ на живопись того времени. Во-вторыхъ, мы имѣемъ, античныя раскрашенныя вазы, дающія намъ точное представленіе о живописныхъ пріемахъ грековъ, о томъ, какіе сюжеты они чаще всего выбирали для живописи. Въ-третьихъ, значительнымъ подспорьемъ при изученіи греческой живописи является стѣнная живопись Помпеи; хотя по исполненію эта живопись и не представляетъ ничего значительнаго, но для насъ она представляетъ драгоцѣнный матеріалъ, потому что помпейскіе живописцы очень часто воспроизводили наиболѣе извѣстныя произведенія греческой живописи; наконецъ, при изученіи греческой живописи нѣкоторымъ подспорьемъ могутъ служить и знаменитыя танагрскія фигурины, большею частью раскрашенныя. Все это вмѣстѣ взятое даетъ такой матеріалъ, что греческая живопись перестала быть загадкой и ея исторія разрабатывается съ большимъ успѣхомъ. Г. Гнѣдичъ, устранивъ ее, лишилъ книгу полноты текста и

многихъ рисунковъ, которые составили бы настоящее украшеніе его труда.

Мы упомянули о танагрскихъ фигуринахъ; нельзя понять, почему и этотъ богатый отдѣлъ античной индустріальной скульптуры не попалъ въ книгу г. Гнѣдича. Фигурины не только сами по себѣ представляютъ огромный художественный интересъ, не только по временамъ являются нагляднымъ объясненіемъ монументальной скульптуры грековъ, но кромѣ того какъ бы иллюстрируютъ съ замѣчательной точностью и правдой бытъ, нравы, домашніе обычаи, костюмы, уличную жизнь древнихъ грековъ,—все то, однимъ словомъ, что до сихъ поръ мы съ такимъ трудомъ и съ такими пробѣлами могли почерпать только въ литературныхъ памятникахъ. Этотъ пробѣлъ въ книгѣ г. Гнѣдича тѣмъ болѣе страненъ, что авторъ не задавался цѣлью написать исключительно исторію искуствъ, но разсматриваетъ эту исторію въ связи съ бытомъ и культурой. Въ этомъ отношеніи, танагрскія фигурины были бы для него большимъ и цѣннымъ подспорьемъ, тѣмъ болѣе, что петербургскій Эрмитажъ обладаетъ такой богатой коллекціей танагрскихъ фигуринъ, какъ, можетъ быть, ни одинъ другой музей.

И еще съ однимъ вопросомъ можно обратиться къ г. Гнѣдичу: почему онъ въ своей исторіи искусствъ такъ мало или почти совсѣмъ не пользовался художественными памятниками, собранными въ Эрмитажѣ? Казалось бы, что именно Эрмитажъ долженъ былъ дать главный матеріалъ для снимковъ, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ отдѣламъ. Это имѣло бы то удобство, что русскій читатель, который не довольствуется одними лишь снимками, могъ бы пользоваться оригиналами, если бы на эти оригиналы ему указалъ авторъ.

Наконецъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно плана, котораго придерживается г. Гнѣдичъ. Исторію искусствъ обыкновенно разсматриваютъ или по народностямъ, или по родамъ искусства. Въ первомъ случаѣ начинаютъ, положимъ, съ Египта, затѣмъ слѣдуетъ Индія, Китай, Японія, восточная и западная Азія, Греція, Римъ, Аравія; потомъ, переходя къ среднимъ вѣкамъ, мы встрѣчаемъ древне-христіанское искусство, Византію, Россію, и наконецъ переходимъ къ новѣйшимъ временамъ, въ которыя мы только отчасти можемъ пользоваться исторіей искусствъ по народностямъ. Такого плана въ общемъ придерживался и г. Гнѣдичъ, но далеко не всегда строго ему слѣдовалъ; говоря напримѣръ о римскомъ искусствѣ, онъ часто смѣшиваетъ архитектуру съ живописью или скульптурой, затѣмъ снова возвращается къ архитектурѣ, продолжая ея исторію и по временамъ иллюстрируетъ ее описаніемъ быта и нравовъ. Такимъ образомъ его разсказъ, несмотря на живость изложенія, изящество языка, лишенъ строгой послѣдовательности, и непривычному читателю въ немъ не легко оріентироваться. Все это составляетъ недостатокъ въ книгѣ, предназначенной для чтенія вообще, а не какъ учебникъ.

Другой планъ, которымъ пользовался, между прочимъ, и Любке, на

нашъ взглядъ гораздо проще и раціональнѣе. Онъ заключается въ томъ, чтобъ послѣдовательно переходить отъ архитектуры къ скульптурѣ и затѣмъ къ живописи, трактуя исторію каждаго изъ этихъ искусствъ по народностямъ и въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія. При такомъ планѣ сочиненіе пріобрѣтаетъ единство и содержаніе исторіи легче усваивается. Наиболѣе раціональнымъ планомъ, однако, намъ кажется планъ, выработанный Бухеромъ: въ немъ очень искусно сочетается исторія по народностямъ съ исторіей по искусствамъ. Исторію искусства Бухеръ подраздѣляетъ на три части: древность, средніе вѣка, позднѣйшее время. Къ древности онъ причисляетъ искусство восточной и западной Азіи, Египта, Греціи и итальянскихъ народовъ (этрусковъ и римлянъ). Въ отдѣлѣ среднихъ вѣковъ онъ говоритъ о древне-христіанскомъ искусствѣ, византійскомъ, арабскомъ, и затѣмъ переходитъ къ романскому и готическому стилямъ. Наконецъ въ отдѣлѣ позднѣйшаго времени, онъ помѣщаетъ эпоху Возрожденія (въ Италіи, Скандинавіи, Германіи, Фландріи, Голландіи, Франціи, Англіи, Испаніи), затѣмъ переходитъ къ XVII и XVIII вѣкамъ и заканчиваетъ исторіей искусствъ въ XIX вѣкѣ, при чемъ, въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ онъ строго отдѣляетъ искусство различныхъ народности, и одно искусство отъ другого въ данной народности. Такой планъ имѣетъ то преимущество, что позволяетъ читателю слѣдить за исторіей каждаго искусства одновременно и какъ бы параллельно въ различныхъ народностяхъ, при чемъ ярко обнаруживается художественное вліяніе одного народа на другой.

Очень жаль, что г. Гнѣдичъ не воспользовался именно этимъ планомъ или не выработалъ своего плана, хоть сколько-нибудь подходящаго къ этому. Несмотря на пробѣлы, на которые мы указали, книга г. Гнѣдича имѣетъ нѣкоторыя достоинства и займетъ среди однородныхъ изданій подобающее ей мѣсто. Гнѣдичъ располагаетъ достаточнымъ знаніемъ и художественнымъ вкусомъ, благодаря чему онъ является полезнымъ популяризаторомъ сложной и нелегко усваиваемой исторіи искусствъ.

Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе. Спб. 1897. V+385 стр.

Изслѣдованіе г-на Дружинина о юридическомъ положеніи крестьянъ нельзя не признать полезнымъ вкладомъ въ нашу довольно убогую литературу по государственному праву. Констатируя тотъ фактъ, что нынѣ «выступила въ подобающемъ значеніи личность крестьянина со всею совокупностію ея требованій», что въ обществѣ постепенно приходятъ къ предположенію, «что скорѣй къ юридическому, нежели къ экономическому благоустройству, къ обезпеченію крестьянамъ необходимыхъ условій юридическаго существованія и къ упроченію закона и порядка среди нихъ приложится само собою все остальное», авторъ обращаетъ свое вниманіе именно на изслѣдованіе юридическаго положенія крестьянъ. И это положеніе—согласно выводамъ автора—представляется крайне

неутѣшительнымъ. «Сельскіе обыватели Россіи нуждаются въ твердомъ, ясномъ, достаточно подробномъ и заключающемся въ доступныхъ источникахъ познанія законѣ, который давалъ-бы имъ вполнѣ прочное юридическое положеніе» (стр. 201). Точка зрѣнія автора намъ кажется совершенно правильной. Дѣйствительно, времена полицейскаго государства прошли безвозвратно и прививать его принципы искусственными мѣрами къ нынѣшнему времени—является анахронизмомъ. Съ одной стороны очевидна вся неправильность взгляда на крестьянское сословіе исключительно какъ *на объектъ* государственной дѣятельности и государственнаго попеченія. Съ другой стороны и отношеніе интеллигенціи къ крестьянину, какъ къ объекту благотворительности, тоже отличается какой-то узостью и фальшью. Не говоря уже о томъ, что вообще «навязанная» филантропія довольно сомнительна по своему качеству, подобное отношеніе интеллигентнаго общества къ «мужичку» покоится на игнорированіи *личности* крестьянина. Только тогда, когда крестьянинъ станетъ личностью ничѣмъ не связанной въ своихъ начинаніяхъ, способной къ самодѣятельности, только тогда можетъ произойти обновленіе крестьянской жизни. Поэтому казалось-бы и главной задачей государства по отношенія къ крестьянскому сословію является созданіе такихъ условій, которые-бы содѣйствовали наступленію этого обновленія, раскрѣпощенія крестьянина, какъ отъ гнета «общества», такъ и отъ пекущихся о его благосостояніи властей. Авторъ утвердительнѣйшимъ образомъ доказываетъ, насколько запутанно и неестественно нынѣшнее положеніе крестьянъ, сопряженное съ отсутствіемъ законности и юридическаго обезпеченія лицъ сельскаго состоянія. Надо надѣяться, что эта сторона вопроса остановитъ, наконецъ, на себѣ вниманіе законодателя.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію труда г-на Дружинина, нельзя не задать себѣ вопроса, для какого круга читателей авторъ написалъ свою книгу? Если онъ разсчитывалъ на большую публику, то напрасно онъ такъ долго останавливался на нѣсколько утомительномъ выясненіи различныхъ юридическихъ тонкостей. Если-же авторъ имѣлъ въ виду читателя юриста, то незачѣмъ ему было давать довольно-таки поверхностнаго описанія образованія и развитія права, или очерка кодификаціи русскаго права и т. п. (см. гл. II и III). Понятно, что подобныя экскурсіи въ различныя области государственнаго права не могли быть развиты авторомъ съ достаточною полнотою, такъ какъ это не входило въ его непосредственную задачу, но зато это привело къ тому' что многія положенія автора являются далеко необоснованными. Для примѣра укажемъ хотя-бы на утвержденіе автора (стр. 40), что *всѣ* предначертанія законовъ разсматриваются по русскому праву въ государственномъ совѣтѣ, и «ни въ какомъ иномъ высшемъ учрежденіи не можетъ быть дѣлаемо законодательныхъ постановленій». Если проф. Коркуновъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Указъ и законъ» и доказываетъ, что по русскому праву закономъ является лишь Высочайше утвер-

жденное мнѣніе государственнаго совѣта (стр. 325—346 ср.; его-же Русск. госуд. право, т. II, изд. 2-е, стр. 35), то онъ говоритъ лишь о законѣ въ «формальномъ» смыслѣ, и конечно не отрицаетъ того, что въ «матеріальномъ» смыслѣ и у насъ юридическія нормы очень часто устанавляются безъ участія государственнаго совѣта. «Но въ такомъ случаѣ *формально* это не законъ, а указъ». Дружининъ-же ни словомъ не обмолвился о различіи закона въ формальномъ и матеріальномъ смыслѣ. почему онъ и приходитъ къ выводу, что будто-бы внѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта у насъ не могутъ быть установлены юридическія нормы, что, конечно, совершенно неправильно.

Далѣе, одною изъ главныхъ причинъ правовой неурядицы крестьянской жизни авторъ считаетъ несовершенство нашей кодификаціи, и съ особенной настойчивостью указываетъ на многочисленныя ошибки допущенныя при изданіи Особаго Приложенія къ IX тому, и вообще на несовершенство нашего Свода Законовъ. «Дѣйствующее право утонуло, запуталось во множествѣ продолженій и въ разновременныхъ отдѣльныхъ несогласованныхъ между собою изданіяхъ», говоритъ г-нъ Дружининъ на стр. 185. «Юридическая личность крестьянъ, даже и выигрывая съ изданіемъ нѣкоторыхъ новыхъ узаконеній — проигрывала отъ состоянія источниковъ законодательства о крестьянахъ» (стр. 187). «Нетолько... законы о крестьянахъ недостаточны, но и существующіе законы неудобопонятны и подчасъ неизвѣстно гдѣ находятся» (стр. 196). (Ср. также стр. 28—39, 124—125 и possim).

Все это совершенно вѣрно. Но отчего этимъ невзгодамъ подвергаются только крестьяне? Если нашъ Сводъ не на высотѣ своего положенія, то вѣдь отъ этого страдаютъ не только одни крестьяне, но и всѣ другія сословія. Кромѣ того, неужели положеніе крестьянъ существенно измѣнилось-бы къ лучшему, еслибы завтра-же вышло въ свѣтъ новое, единовременное изданіе всего Свода, притомъ безъ единой ошибки? Да, наконецъ, какое вообще юридическое значеніе имѣетъ ошибка, допущенная въ Сводѣ? Авторъ совершенно не останавливается на этомъ вопросѣ, какъ и вообще на вопросѣ о юридической силѣ Свода Законовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ это капитальнѣйшій вопросъ для русскаго юриста [1]). Но даже не предрѣшая его, надо всетаки замѣтить, что авторъ крайне преувеличиваетъ значеніе ошибокъ Свода (см. стр. 125). Кодификація настолько сложная и трудная работа, что кодификаціонныя ошибки неизбѣжны. На само собою разумѣется, что эти ошибки для практики необязательны. И если, по опечаткѣ, въ IX т. была пропущена ссылка на относящіяся къ дѣлу статьи, то изъ этого никакъ нельзя дѣлать того заключенія, которое допускаетъ авторъ, а именно, что «случайно, новыя учрежденія оказались внѣ обязанности руководствоваться 37 важнѣйшими

---

[1]) См. *Н. М. Коркуновъ*. Значеніе Свода Законовъ. Журн. Мин. Нар. Просв. Сент. 1894 г.

постановленіями» (стр. 125). Повторяемъ—кодификація тутъ не причемъ, если-же кого и слѣдуетъ обвинять въ хаотическомъ состояніи Свода, то скорѣй несовершенство законодательной техники. Въ Высочайше утвержденныхъ мнѣніяхъ государственнаго совѣта, до сихъ поръ еще встрѣчается фраза: «въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній постановить», причемъ не опредѣляется точно, какія это «подлежащія узаконенія» [1]).

Къ своему изслѣдованію авторъ приложилъ нѣсколько статей, бывшихъ уже ранѣе напечатанными въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Во всѣхъ статьяхъ проходитъ та-же мысль о необходимости укрѣпленія правовой личности русскаго крестьянина. И если автору представляется неяснымъ «выиграла-ли втеченіе (послѣднихъ) 35 лѣтъ личность бывшаго крѣпостного крестьянина» (стр. 178), то надо надѣяться, что труды коммиссіи, образованной въ настоящее время для пересмотра законоположеній о крестьянахъ, сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи крупный шагъ впередъ.

Ф.

---

[1]) *Лозинъ-Лозинскій.* Кодификація законовъ и т. д. Ж. М. Ю. 1897. Апрѣль.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА И КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

А. Заринъ. **«Силуэты».** Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Дарвинъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что въ свободное отъ научныхъ занятій время онъ занимался обыкновенно чтеніемъ беллетристическихъ произведеній, причемъ ему безразлично нравились всѣ, «если только они не оканчивались несчастливо, противъ чего слѣдовало-бы издать законъ». Романъ г. Зарина, будь онъ написанъ по-англійски и изданъ при жизни Дарвина, имѣлъ-бы всѣ основанія понравиться знаменитому ученому, и проектированный этимъ послѣднимъ законъ, конечно, пощадилъ-бы его. Правда, на протяженіи романа совершается достаточное количество несчастій: кто-то сходитъ съума, кто-то отравляется, кто-то бѣжитъ отъ мужа, кто-то идетъ въ проститутки и т. д., но въ концѣ концовъ главный герой, честный и благородный юноша, и главная героиня, прекрасная и благородная дѣвица, торжествуютъ надъ препятствіями и сочетаются законнымъ бракомъ. Мрачныя происшествія тутъ даже нужны для оттѣненія происшествія свѣтлаго, да безъ нихъ вѣдь, откровенно говоря, и романа не было-бы. Къ тому-же, въ противовѣсъ имъ, читатель можетъ остановиться и на нѣсколькихъ отрадныхъ явленіяхъ—на посрамленіи интригъ одного развратника, на исправленіи одного порочнаго юноши и т. п.

Внѣшнія достоинства повѣсти г. Зарина отвѣчаютъ внутреннимъ. Вотъ образчики его слога: «Онъ (герой) шелъ въ восторженномъ настроеніи духа. Онъ обѣдалъ въ обществѣ свободомыслящихъ, даровитыхъ людей, чьи заслуги давно уже оцѣнило и признало общество. Онъ слушалъ ихъ честныя рѣчи, видѣлъ ихъ неподдѣльное увлеченіе прекраснымъ и чистымъ и теперь торопился домой, подѣлиться съ женою своими впечатлѣніями. Она ждетъ его въ ихъ крошечной, уютной квартиркѣ; она встрѣтитъ его и обниметъ, и, сидя подлѣ нея, онъ будетъ говорить съ нею далеко за полночь и слѣдить за выраженіемъ ея подвижнаго, милаго личика...» (стр. 237). Или: «Григорій злобно усмѣхнулся. Какъ гнусны люди!—подумалъ онъ и вошелъ къ себѣ» (стр. 174).

Поистинѣ отрадно вкушать плоды такого добродѣтельнаго вдохновенія!

Аполлонъ Коринфскій. **«Тѣни жизни».** Стихотворенія 1895—1896 гг. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Аполлонъ Коринфскій. **«Вольная птица»** и другіе разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

А. Коринфскій неутомимъ: едва выпустилъ онъ, прошлой зимой, огромный томъ стиховъ—«Черныя розы», какъ теперь уже шлетъ ему въ догонку другой, подъ столь-же вычурнымъ заглавіемъ—«Тѣни жизни». Солидная книжка въ 260 страницъ написана въ два года—продуктивность, которую можно было-бы назвать пушкинской, если-бы качество здѣсь отвѣчало количеству. Аполлонъ Коринфскій представляетъ въ современной литературѣ интересное явленіе, какъ образчикъ распространенности и всемогущества въ наши дни рекламы. Кто повѣрилъ-бы, пробѣгая эти обильные продукты бездарной версификаціи, что авторъ ихъ можетъ пользоваться хотя какой-либо репутаціей въ литературѣ? И съ другой стороны—кто подумаетъ, встрѣчая во множествѣ нашихъ печатныхъ органовъ поощрительные отзывы о «симпатичномъ молодомъ дарованіи», что г. Коринфскій не обладаетъ почти никакимъ серьезнымъ дарованіемъ? Никто не читаетъ Аполлона Коринфскаго, но это имя примелькалось. Что-же? вѣдь и Майкова и Фета «большая» публика знаетъ тоже почти по именамъ. И вотъ въ концѣ концовъ «преемникъ» великимъ покойникамъ найденъ. Читая ихъ некрологи, публика спокойна относительно

замѣщенія вновь открывшейся вакансіи: нѣтъ Аполлона Майкова, живъ Аполлонъ Коринфскій!

Что сказать о сборникѣ разсказовъ г. Коринфскаго? Онъ отличается среди тысячи ему подобныхъ «сѣренькихъ» книжекъ развѣ лишь обиліемъ «посвященій», да якобы реальной вычурностью «народной» рѣчи, гдѣ «мужикъ» словечка въ простотѣ не скажетъ—все съ ужимкой.

Маминъ-Сибирякъ, Д. И. **Аленушкины сказки.** (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія»). Со многими рисунками. М. 1897 г. 104 стр. Ц. 75 к.

Книгъ и журналовъ для дѣтей у насъ выходитъ сравнительно достаточно и, все-таки, мы затруднились-бы опредѣлить,—въ какой степени они могутъ удовлетворять маленькихъ любителей чтенія. Быть дѣтскимъ писателемъ не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Умѣньемъ говорить съ дѣтьми простымъ языкомъ владѣютъ немногіе (напр. В. Острогорскій, П. Засодимскій), чѣмъ, однако, не можетъ похвалиться г. Маминъ, несмотря на свою талантливость и бойкое перо. Его дѣтскіе разсказы, за немногими исключеніями, приходится признать довольно заурядными. «Аленушкины сказки» служатъ тому яркимъ доказательствомъ. Въ сказочной формѣ писали любимые дѣтскіе писатели, Крыловъ и Андерсонъ, но что вышло талантливымъ изъ подъ ихъ пера, что можетъ быть совершенно негоднымъ у другихъ, если не умѣть относиться къ поставленной задачѣ съ должною серьезностью. Именно отсутствіемъ серьезности страдаетъ названная книжка для дѣтей. «Аленушкины сказки» представляютъ ничто иное, какъ довольно неудачное, отдаленное подражаніе датскому писателю. Какую-бы вы ни взяли сказку: про храбраго-ли зайца, козявочку, послѣднюю муху—всѣ онѣ носятъ на себѣ печать явной дѣланности и вымученности.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. С. **Съ Поволжья.** Родныя картинки. (Библіотека «Дѣтскаго чтенія»). Съ рисунками. М. 1897 г. 200 стр. Ц. 60 к.

Давая отзывъ объ «Аленушкиныхъ сказкахъ» Д. Мамина, мы, между прочимъ, указали на отсутствіе хорошей текущей дѣтской литературы. Къ сожалѣнію, новая серія изданій журнала «Дѣтское чтеніе» подъ общимъ названіемъ «Библіотека» также не можетъ похвалиться выборомъ достойныхъ вниманія произведеній, несмотря на солидный составъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Выпущенный недавно сборникъ очерковъ г. Соловьева-Несмѣлова, гдѣ авторъ пытается познакомить маленькихъ читателей съ малоизвѣстнымъ для нихъ крестьянскимъ міромъ, съ его нуждами, безвыходнымъ горемъ и незатѣйливыми радостями, страдаетъ тою-же шаблонностью и вымученностью сюжетовъ, какою обыкновенно отличается почти все что только пишется и писалось для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Надо отдать справедливость, очерки г. Несмѣлова написаны литературно, мѣстами даже талантливо, но всѣ они страдаютъ какой-то неясностью, отрывочностью, такъ что иногда позволяютъ усомниться въ знакомствѣ автора съ тою средою, откуда онъ обильно черпалъ свой матеріалъ, а тотъ убійственный „народный“ языкъ, на которомъ говорятъ почти всѣ дѣйствующія лица, напоминающій отчасти литературу Никольскаго рынка, рѣшительно портитъ все впечатлѣніе. Единственный изъ 13 очерковъ, заслуживающій, со стороны читателя, особеннаго вниманія, — это «Савося», гдѣ авторъ съумѣлъ вполнѣ справиться съ своей задачей и мастерски нарисовалъ портретъ знакомаго, съ самыхъ раннихъ ступеней школьной жизни, труженика-малютки. Все-же остальное—ничто иное, какъ громоздкой балластъ и безъ того уже тяжеловѣсной дѣтской литературы.

Справочный указатель земскихъ сельскохозяйственныхъ учрежденій (по свѣдѣніямъ на 1896 г.). Годъ второй. Спб. 1897 г. 265 стр.

Книги, какъ библіографическаго, такъ и энциклопедическаго характера, охватывающія тѣ или другія стороны общественной жизни, у насъ пока еще составляютъ довольно рѣдкое явленіе—это хорошо знаютъ въ особенности тѣ лица, которымъ приходилось знакомиться съ литературою какого-нибудь частнаго вопроса. Министерство земледѣлія, желая ознакомить общество съ постоянно расширяющеюся дѣятельностью земскихъ учрежденій въ области народнаго хозяйства, разослало земскимъ управамъ вопросные листки съ просьбою отвѣтать по слѣдующимъ пунктамъ. Имѣются-ли при земскихъ управахъ: 1) коллегіальныя сельскохозяйственныя учрежденія, 2) агрономы и спеціалисты по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, 3) склады земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ, 4) опытныя поля, опытныя и метеорологическія станціи, 5) сельскохозяйственныя фермы и музеи, 6) сельскохозяйственныя учебныя заведенія и, наконецъ, какія-либо другія земскія сельскохозяйственныя учрежденія. Земства откликнулись на предложеніе министерства и большинство изъ нихъ доставило въ министерство необходимыя свѣдѣнія, которое и опубликовало ихъ въ настоящемъ изданіи, составленномъ совершенно по образцу перваго указателя (за 1895 г.). Новинкою указателя являются только приложенія: 1) таблица, въ которой сведены воедино всѣ земскіе расходы на сельскохозяйственныя учрежденія, и во 2) картограмма, наглядно показывающая густоту сѣти сельскохозяйственныхъ учрежденій.

Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ *В. Алексѣевъ.* Томъ первый. Спб. 1897.

Въ прошломъ году, въ изданіи г. Суворина, вышла хрестоматія древне-греческихъ поэтовъ, составленная г. Алексѣевымъ; продолжая дѣло, начатое тогда, г. Алексѣевъ приступилъ теперь къ хрестоматіи римскихъ поэтовъ, первый томъ которой находится передъ нами. Оба сборника составлены по одному и тому же плану, очень простому, но вполнѣ раціональному. Сборнику отрывковъ изъ римскихъ поэтовъ предшествуетъ краткій, но очень содержательно составленный и обстоятельный очеркъ римской поэзіи. Въ этомъ очеркѣ самъ составитель сознается, что римскую литературу ни въ какомъ случаѣ нельзя поставить на одинъ уровень съ греческой. «И въ самомъ дѣлѣ, можно ли сравнивать величайшаго эпика римлянъ — Виргилія съ Гомеромъ, или Плавта съ Аристофаномъ? Ни одинъ изъ римскихъ лириковъ не въ состояніи помѣряться силой таланта съ Симонидомъ и Пиндаромъ, не говоря уже о трагикахъ. Вы не найдете въ этой литературѣ глубины и высоты чувства и силы фантазіи, не заботящейся о пользѣ настоящаго дня, возвышающейся надъ обыденною жизнію, стремясь къ прекрасному, въ міръ идеаловъ, но встрѣтите въ этой литературѣ практическую серьезность, трезвость и благородный патріотизмъ, — качества, которыя дѣлаютъ ее заслуживающей уваженія». Конечно, къ этой характеристикѣ можно было бы прибавить и кое-что другое, но оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, можно, однако-же, прибавить, что римская литература можетъ быть въ большей степени, чѣмъ греческая, оказывала вліяніе на позднѣйшія европейскія литературы, и въ томъ числѣ на русскую. Этого, на нашъ взглядъ, совершенно достаточно, чтобы оправдать и съ сочувствіемъ отнестись къ хрестоматіи римскихъ поэтовъ, даже такой пространной, какъ сборникъ г. Алексѣева. Послѣ очерка слѣдуетъ сначала Антологія, состоящая всего изъ нѣсколькихъ страничекъ, затѣмъ: Плавтъ, Теренцій, Катуллъ и Виргилій. Остальные поэты попадутъ, конечно, въ слѣдующіе тома. Каждому изъ этихъ поэтовъ предшествуетъ обстоятельная біографія поэта. Не всегда переводы, выбранные г. Алексѣевымъ для его сборника, удовлетворительны. Катулла, напримѣръ, г. Алексѣевъ даетъ почти исключительно въ переводѣ Фета, — неправильномъ и по временамъ темномъ. Затѣмъ, въ сборникѣ мы встрѣчаемъ переводъ Гербеля одного изъ стихотвореній Катулла («на смерть соловья») и тутъ-же г. Алексѣевъ въ примѣчаніи прибавляетъ, что этотъ переводъ — скорѣе подражаніе, чѣмъ переводъ, но тѣмъ не менѣе онъ даетъ это подражаніе, потому что оно «очень изящно». Подражанія, хотя бы и изящныя, не слѣдовало бы, именно, печатать, тѣмъ болѣе, что хрестоматія и безъ того слишкомъ обширная, на нашъ взглядъ, могла бы обойтись и безъ этого стихотворенія, не представляющаго ничего особенно характернаго для поэзіи Катулла. Но въ общемъ слѣдуетъ, однако, признать, что выборъ переводовъ сдѣланъ тщательно и внимательно. Лучше другихъ составленъ Виргилій: кромѣ большихъ отрывковъ изъ «Энеиды», болѣе извѣстной русскимъ читателямъ, чѣмъ другія произведенія этого поэта, въ сборникѣ помѣщены большіе отрывки изъ «Буколикъ» и «Георгикъ» и три небольшихъ стихотворенія, изъ которыхъ два («Шинкарки» и «Похлебка») появляются въ русскомъ переводѣ впервые.

Художественная критика. *А. С. Рождествина.* Воронежъ. 1897 г. Ц. 15 к.

Статья г. Рождествина производитъ довольно симпатичное впечатлѣніе, хотя заглавіе ея оказывается крайне неточнымъ: это отнюдь не этюдъ по теоріи критики и даже не какія-либо практическія иллюстраціи по этому вопросу — это просто «памятка», посвященная недавно скончавшемуся Н. Н. Страхову. Покойный критикъ, произведенія котораго представляютъ одно изъ очень интересныхъ и глубокихъ явленій русской духовной жизни, остается еще и понынѣ почти неизвѣстнымъ массѣ нашей публики. Въ виду этого, нельзя не привѣтствовать одинъ изъ немногихъ голосовъ, пытающихся извлечь изъ-подъ спуда такого талантливаго критика, какимъ былъ Страховъ. Въ подробностяхъ не всегда можно согласиться съ г. Рождествинымъ: такъ лучшей изъ статей Страхова о Тургеневѣ является, конечно, не письмо о «Литературныхъ воспоминаніяхъ» послѣдняго, а блестящая статья объ «Отцахъ и дѣтяхъ» и нѣсколько отдѣльныхъ, поразительныхъ по глубинѣ, замѣчаній о послѣднихъ разсказахъ Тургенева. Въ оцѣнкѣ-же «Двухъ міровъ» Майкова Страховъ, вопреки мнѣнію г. Рождествина, погрѣшилъ излишней снисходительностью. Но это частности, а общая тенденція брошюры г. Рождествина заслуживаетъ, повторяемъ, полнаго сочувствія.

Семья Маге. Передѣлано съ французскаго А. М. Изд. Мурииновой. Ц. 12 к. М. 1897 г.

Въ книжечкѣ рисуется правдивая картина изъ жизни углекоповъ во Франціи. Нѣтъ въ ней ни прикрасъ, ни преувеличеній, ни сентиментальностей, такъ часто встрѣчающихся въ разсказахъ изъ народнаго быта. Работы въ шахтахъ, домашняя будничная обстановка описаны настолько подробно, что кажется предусмотрѣны всѣ мелочи повседневной жизни. Благодаря этому, а главное мастерскому, талантливому изложенію, «Семья Маге» читается съ большимъ интересомъ.

1) **Деревенскіе разсказы.** Сборникъ. М. 1897. 105 стр.

2) **Житейскія невзгоды.** Сборникъ. М. 1897. 142 стр. (Новая серія изданій).

Съ живымъ интересомъ слѣдимъ мы за прогрессивнымъ ростомъ народной литературы, мало по малу вытѣсняющей все еще популярныя изданія Никольскаго и Апраксина рынковъ. Названные сборники по подбору статей могутъ удовлетворить самаго взыскательнаго критика. Несмотря на небольшой объемъ книжекъ, составители—какъ видно, не новички въ издательскомъ дѣлѣ—мастерски съумѣли выбрать и расположить соотвѣтствующій матеріалъ. Читатель изъ народа встрѣтится здѣсь исключительно съ именами своихъ наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ писателей, которыхъ онъ привыкъ видѣть въ изданіяхъ бывшаго Комитета грамотности, Посредника и другихъ фирмъ. Въ сборникахъ встрятъ имена Астырева, Никитина, Некрасова, Чехова, Короленко и многихъ другихъ. Мы не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ произведеній извѣстныхъ авторовъ,—отмѣтимъ только нѣсколько переводныхъ очерковъ (Юхани-Ахо: «Хуторокъ» и «Торперъ», Раффи: «Хасъ пуши» и Прошьянца: «Провѣрка общественныхъ денегъ»), талантливо рисующихъ мрачныя стороны жизни бѣдняковъ. Въ заключеніе намъ остается привѣтствовать «новую издательскую фирму» и пожелать ей полнаго успѣха.

II. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ФИЛОСОФІЯ.

Д-ръ Крафтъ-Эбингъ. **Учебникъ психіатріи.** Перев. съ нѣм. А. Черемшанскій. 3-е русское изданіе К. Риккера. Спб. 1897. Ц. 5 р.

Имя автора настолько извѣстно и за границей, и у насъ, что устраняетъ надобность вновь подвергать этотъ трудъ подробному разбору. Переводчикъ же, относящійся къ своему дѣлу очевидно съ любовью и добросовѣстностью, счелъ нужнымъ для новаго изданія не только пересмотрѣть переводъ и внести измѣненія, согласно съ послѣднимъ изданіемъ оригинала, но и пополнилъ книгу литературными указаніями и самостоятельными примѣчаніями. Книга Крафтъ-Эбинга можетъ считаться полезнымъ руководствомъ не для однихъ только спеціалистовъ. Ея серьезное, и въ то же время ясное изложеніе столь интереснаго предмета, какъ нарушеніе психическаго равновѣсія, представляетъ возможность ознакомиться съ этой областью явленій всѣмъ, кто по существу интересуется человѣческой душой. Многіе общественные дѣятели, какъ судьи, педагоги и т. п., вынесутъ изъ нея не мало поучительнаго.

Д-ръ мед. Р. Кацъ. **Очки, ихъ польза и вредъ.** Изд. И. П. Мазурецъ. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Задача названной книжки очень симпатичная и серьезная — разъяснить публикѣ истинное значеніе того цѣннаго приспособленія, которое мы имѣемъ въ оптическихъ стеклахъ. Авторъ — спеціалистъ своего дѣла, обстоятельно выясняетъ читателю, въ чемъ заключаются выгоды очковъ при правильномъ выборѣ подходящихъ стеколъ и чѣмъ рискуютъ тѣ, которые полагаютъ, что выбрать очки и пользоваться ими можно по собственному разумѣнію и вкусу. Изложеніе предмета ясное и простое, вполнѣ общедоступное. Книжка, однако, выиграла бы, если бы авторъ ближе познакомилъ читателя съ процессомъ воспроизведенія изображенія въ глазу и нѣсколько сократилъ бы свои вычисленія относительно преломляющей силы стеколъ того или другого номера.

Д-ръ Р. фонъ-Якша. **Клиническая діагностика внутреннихъ болѣзней.** Перев. съ нѣм. д-ровъ мед. К. Н. Пурица и Г. Ю. Явейна. Изд. 2-е К. Риккера. Спб. 1897. Ц. 4 р. 50 к.

Только что вышедшая вторымъ русскимъ изданіемъ книга эта — переводъ съ 4-го нѣм. изданія—представляетъ собой цѣнное руководство, какъ для студентовъ медиковъ, такъ и для врачей. Наиболѣе существенными ея достоинствами являются современность научныхъ свѣдѣній, полнота и систематичность изложенія. Весь матерьялъ расположенъ по отдѣламъ, что предоставляетъ занимающемуся полную возможность самостоятельно изучать, въ клинической обстановкѣ, всѣ діагностическіе пріемы—въ области химическаго, микроскопическаго и бактеріологическаго изслѣдованія. Студентъ можетъ успѣшно пользоваться этимъ руководствомъ для систематическаго и послѣдовательнаго ознакомленія съ нормальными и патологическими отдѣленіями и выдѣленіями человѣка, служащими показателемъ состоянія его здоровья. Врачу же руководство это можетъ весьма облегчить клиническій діагнозъ, давая возможность быстро находить, въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ, необходимыя ему справки и указывая новѣйшіе клиническіе пріемы изслѣдованія. Такого матеріала и въ самой книгѣ весьма достаточно, а русскіе переводчики съ своей стороны сдѣлали къ нему еще нѣкоторыя цѣнныя добавленія и измѣненія. Издана книга со свойственной фирмѣ К. Риккеръ добросовѣстностью и изяществомъ.

Введеніе въ исторію философіи Герберта Спенсера. Въ краткомъ изложеніи *И. Любомудрова.* Самара 1897.

Нѣкто г. Любомудровъ (мы не знаемъ, настоящая-ли это фамилія или псевдонимъ) предпринялъ въ Самарѣ нелегкій трудъ изложить на сорока трехъ страницахъ крупной печати философію Герберта Спенсера, не смотря на то, что изложеніе этой философіи мы имѣемъ уже въ обширномъ трудѣ г. Коллинса, существующемъ и въ русскомъ переводѣ. Въ краткомъ предисловіи г. Любомудровъ говоритъ, что при

составленіи своей брошюры онъ руководствовался слѣдующими словами самого Спенсера: «Передъ путешествіемъ по незнакомой сторонѣ полезно изучать ея карту; при этомъ гораздо легче получить яркое, предварительное понятіе по небольшой, упрощенной картѣ, чѣмъ по большой картѣ, переполненной подробностями. Подобнымъ же образомъ, передъ чтеніемъ ряда томовъ, хотя и проникнутыхъ извѣстными организующими идеями, но трактующихъ о разнообразныхъ предметахъ, предварительное обозрѣніе, предлагающее эти организующія идеи въ книгѣ меньшаго объема и свободной отъ выработки подробностей, едва-ли окажется неспособнымъ облегчить пониманіе предмета». Г. Любомудровъ,—повидимому большой и даже фанатическій поклонникъ Спенсера, — предпринялъ составленіе именно такой упрощенной карты для облегченія пониманія философіи современнаго англійскаго мыслителя. Относительно путешествія по невѣдомой странѣ изученіе упрощенной карты, какъ говоритъ Спенсеръ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ полезно, но весьма сомнительно, чтобы упрощенное и краткое изложеніе, къ тому-же и неуклюжее, могло способствовать пониманію какой-либо цѣльной философской системы. Къ тому-же если авторъ такого «краткаго и упрощеннаго» изложенія и самъ далеко не вполнѣ овладѣлъ «организующими идеями» предмета, то изъ такого предпріятія, кромѣ путанницы, ничего не можетъ выйти. На этомъ основаніи мы принуждены заключить, что «пламенныя надежды» г. Любомудрова помочь читателю разобраться въ философіи Спенсера останутся неосуществимыми. Не вдаваясь въ совершенно безполезный разборъ этой странной брошюры, приведемъ одинъ только примѣръ пониманія и изложенія г. Любомудрова; онъ говоритъ на первой же страницѣ: «Изъ того факта, что сила не можетъ ни явиться изъ ничего, ни превратиться въ ничто, вытекаетъ начало постоянства отношеній между силами, что обыкновенно называется закономѣрностію». Сдѣлавъ это изумительное логическое открытіе, авторъ тутъ-же прибавляетъ въ видѣ поясненія: «Даны заряды пороха, равные количествомъ и качествомъ въ одинаковыхъ стволахъ и выбрасывающіе снаряды, одинаково расположенные и равные по вѣсу, формѣ и объему; при такихъ обстоятельствахъ, всякое различіе въ результатахъ было бы безпричиннымъ — явилось бы вслѣдствіе созданія или уничтоженія силы. Такъ и во всемъ». Необыкновенно вразумительно, понятно и глубоко. Если мы прибавимъ, что и вся брошюра написана съ такой логикой и съ такимъ пониманіемъ, то читатели, надѣемся, освободятъ насъ отъ дальнѣйшаго изложенія мыслей г. Любомудрова, который, хотя и любитъ мудрость, но едва-ли проникъ въ ея сокровенный смыслъ.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Уильямсъ Е. Е. **Торжество германской промышленности.** «Made in Germany». Переводъ съ англійскаго В. Ляпидевской съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 1897 г. 221 стр. Ц. 1 р.

«Посвящается промышленникамъ и торговцамъ Великобританіи»—вотъ слова, бросающіяся внимательному читателю на первой же страницѣ. Довольно яркими красками авторъ рисуетъ постепенный захватъ нѣмецкою промышленностью міроваго рынка, подкрѣпляя свои соображенія убѣдительными цифрами изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей производства, начиная съ такихъ крупныхъ, какъ желѣзодѣлательное, стальное, хлопчатобумажное, и постепенно переходя къ такимъ незначительнымъ, какъ изготовленіе перчатокъ, духовъ и т. п. Съ грустью авторъ жалуется на упадокъ отечественнаго производства, на то, что «англійская работа небрежна, грубой отдѣлки, запаздываетъ сдачей къ сроку и дорога» Заканчивая свой разсказъ «о позорѣ англійской промышленности», Уильямсъ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ причинъ и условій, которыя, главнымъ образомъ, содѣйствовали успѣшному развитію германской промышленности. Анализъ его крайне не утѣшителенъ для англійскаго производства. Низкая заработная плата, сравнительно съ нѣмецкой; длинный рабочій день; незначительное знакомство Германіи съ «тѣми печальными явленіями», которыя принято, обыкновенно, называть «стачками»; дешевые и плохіе товары; безсовѣстное злоупотребленіе «торговыми марками», наконецъ, покровительственные тарифы, техническое образованіе, нѣмецкая настойчивость и приспособленность вотъ чѣмъ занимается авторъ на протяженіи всей своей довольно объемистой книги.

Благодаря обилію цифроваго и документальнаго матеріала, книжка является довольно цѣннымъ вкладомъ въ литературу, а остроумное легкое изложеніе ея доставитъ ей широкій кругъ читателей.

Веберъ-Максъ, д-ръ. **Биржа и ея значеніе.** Переводъ съ нѣмецкаго С. К. (Международная библіотека № 48). Спб. 1897 г. 47 стр. Ц. 15 к.

Въ большинствѣ случаевъ у нашего интеллигентнаго общества, а еще болѣе среди легковѣрной «широкой публики» съ понятіемъ о биржѣ связаны неясныя, сбивчивыя и подчасъ даже нелѣпыя представленія. Конечно, подобныя представленія о «биржевой игрѣ» по существу не имѣютъ никакой цѣны и свидѣтельствуютъ только о полномъ незнакомствѣ съ цѣлью

и прямыми задачами биржи. Авторъ названной выше брошюры задался мыслью изложить въ общедоступной формѣ идею биржи, ея необходимость и роль при существующихъ условіяхъ капиталистическаго строя общественной жизни. Не подвергая пока биржу никакой строго-научной критикѣ, не вдаваясь ни въ какія философскія разсужденія, авторъ съ необычайною терпѣливостью описываетъ сложную механику биржевой работы. Начавъ съ анализа первобытныхъ формъ обмѣна и затѣмъ переходя къ изученію современнаго денежнаго рынка, онъ показываетъ, какъ естественно сложилось такое учрежденіе, какъ биржа, при существующемъ капиталистическомъ строѣ. Книжка читается съ интересомъ.

Гадзяцкій К. **Борьба съ голодомъ въ періодѣ XI—XIII вѣковъ русской исторіи.** Спб. 1897. 45 стр.

Мы совершенно не понимаемъ, что собственно пытался сказать въ своей работѣ г. Гадзяцкій. Если онъ задался цѣлью добросовѣстно перечитать лѣтописи и примѣчанія къ исторіи Карамзина, сдѣлать изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ соотвѣтствующія выписки, подсчитать по нимъ великія и малыя голодовки и, наконецъ, торжественно уличить невѣрность подобныхъ-же подсчетовъ, исполненныхъ такими же малоизвѣстными учеными, какъ и самъ г. Гадзяцкій, то заслуга его не очень велика. Конечно, мы не станемъ отрицать важность и необходимость изученія такихъ болѣзненныхъ явленій соціально-экономической жизни, какъ наши хроническія голодовки, ихъ историческое значеніе и мѣсто въ хозяйственной жизни. Все это очевидно само собою. Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одного обстоятельнаго изслѣдованія, посвященнаго этому вопросу, если не считать немногія статьи, разбросанныя по журналамъ и газетамъ (обращаемъ вниманіе на интересную статью проф. Исаева: «La famine en Russie» въ Revue d'Economie Politique за 1892 г.). Брошюра же г. Гадзяцкаго мало того, что ничего не прибавляетъ новаго для уясненія вопроса, но даже и написана-то не на тему. Читатель можетъ найти въ ней все, что только заблагоразсудится, но ни слова о «борьбѣ съ голодомъ». Остается только удивляться заблужденію ученаго жюри, присудившаго автору золотую медаль.

Проф. А. Трачевскій. **Средняя исторія.** Спб. 1897.

Настоящее изданіе исторіи среднихъ вѣковъ г. Трачевскаго является уже вторымъ, но до такой степени дополненнымъ и передѣланнымъ, что его можно считать какъ бы первымъ. «Не стѣсняясь размѣрами, значительно превышающими первое изданіе, — говоритъ авторъ, — я старался многое передѣлать, сообразно съ современнымъ состояніемъ науки: въ особенности подверглась измѣненіямъ первая часть книги, гдѣ играетъ выдающуюся роль столь мудрый и спорный вопросъ, какъ феодализмъ». Слѣдуетъ прибавить, что значительныя дополненія и измѣненія часто встрѣчаются и въ другихъ частяхъ книги. По опредѣленію почтеннаго автора, средніе вѣка характеризуются появленіемъ христіанства съ одной стороны и варваровъ съ другой. Тогда же существенно измѣнился и классическій міръ; въ политикѣ возникла новая форма — имперія; умственный міръ становился другимъ подъ вліяніемъ новыхъ идей. Но классическій міръ самъ воздѣйствовалъ на христіанство и варваровъ: изъ слiянія этихъ трехъ основъ образовалось новое время въ исторіи, первую часть которой принято называть средними вѣками. Собственно средніе вѣка г. Трачевскій, вопреки нѣкоторымъ другимъ историкамъ, начинаетъ съ 50 года до Р. Хр. и заканчиваетъ началомъ XVI в., захвативъ, такимъ образомъ, и часть эпохи Возрожденія, которую авторъ тѣмъ не менѣе считаетъ переходомъ отъ средневѣковой исторіи къ новой. Для цѣльности впечатлѣнія можетъбыть было бы лучше, если бы авторъ закончилъ средніе вѣка 1300 годомъ и не касался на послѣднихъ страницахъ своей книги эпохи Возрожденія. Заканчивая свою книгу, авторъ вполнѣ справедливо называетъ средніе вѣка хаосомъ. Никогда не сталкивалось столько разнородныхъ двигателей исторіи, борьба которыхъ вносила въ жизнь смуту и страстность. Съ самого начала выступала мучительная задача слiянія классицизма, христіанства и варварства, — основъ не только разнаго характера, но и различныхъ ступеней развитія. Какъ потребность исторіи, слiяніе совершилось, но въ тяжкихъ, уродливыхъ формахъ. Три основы дали три рода политическаго, общественнаго и идеальнаго быта: изъ классицизма пронстекли цезаризмъ (съ республиканскими попытками), демократизмъ и свѣтскій реализмъ, изъ христіанства—папство, начало равенства (съ братствомъ) и церковный идеализмъ, изъ варварства—феодализмъ, аристократизмъ и романтизмъ или рыцарство въ смыслѣ идеала. Основы переплетались между собой среди ожесточенной борьбы; преобладаніемъ той или другой изъ нихъ обрисовываются эпохи. Такова основная идея, изложенная г. Трачевскимъ въ его «среднихъ вѣкахъ». Можетъ быть, кое какія оговорки и слѣдовало бы сдѣлать относительно этой идеи, но какъ схема, она очень удобна, и почтенный авторъ воспользовался ею очень искусно. Собственно говоря, это не столько политическая исторія, сколько исторія учрежденій, политическихъ и соціальныхъ, культуры и быта. Написанная очень живо, съ множествомъ мѣткихъ характеристикъ (укажемъ, напримѣръ, на

характеристику Данте, котораго авторъ называетъ «новымъ человѣкомъ»). Книга г. Трачевскаго является прекраснымъ и поучительнымъ чтеніемъ, которое смѣло можно рекомендовать всякому образованному человѣку.

Отчетъ коммисіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній, за 1894 и 95 гг. М. 1897 г.

Потребность въ самообразованіи теперь ощущается даже въ такихъ сферахъ, гдѣ лѣтъ 5—10 тому назадъ встрѣчалась, если вѣрить цифрамъ Эрисмана, Дементьева, Погожева и др., почти поголовная безграмотность или-же царили разные Гуаки Бовы и Англійскіе милорды. Четыре года тому назадъ общество распр. техническихъ знаній, желая придти на помощь этому движенію, организовало при своемъ учебномъ отдѣлѣ «комиссію домашняго чтенія», которая и работаетъ, не покладая рукъ, о чемъ красноречиво и убѣдительно говоритъ сухой почти изъ однихъ цифръ, отчетъ комиссіи за первые два года ея дѣятельности. За это время комиссія успѣла выработать общей планъ занятій, составить и и отпечатать въ количествѣ 14700 экз. (2 изданія) программы на 1-й годъ, устроить для своихъ читателей библіотеку, составить и перевести нѣкоторыя весьма цѣнныя руководства (напримѣръ, Логика Пинто, Чичерина—Политическіе мыслители, Шенберга—Положеніе труда въ промышленности и др.) и руководила чтеніями 130 лицъ.

Въ настоящее время комиссіею изданы программы на 2-й годъ и приступлено къ составленію программъ на 3-й годъ. Въ этотъ сборникъ выйдутъ программы: по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ, по астрономіи (двѣ программы, одна—по элементарному курсу, другая по болѣе подробному), программы по метеорологіи, физіологіи животныхъ и растеній, философіи (исторія философіи, метафизика и исторія познанія), по экономіи сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, по экономической исторіи Россіи, по наукѣ гражданскаго и уголовнаго права, по русской и всеобщей исторіи XVII и XVIII вв., по исторіи всеобщей литературы въ XVIII в. и началѣ XIX с. Кромѣ того, въ сборникъ войдутъ отдѣльныя темы: объ арендѣ внѣнадѣльныхъ земель, о приростѣ населенія, о кустарной промышленности, о судѣ присяжныхъ, смертной казни, сыскѣ, объ общинномъ землевладѣніи и другія.

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Вѣстникъ Европы»: «По другому», романъ г Боборыкина.—«Наблюдатель»: «Смѣна поколѣній», романъ А. Михайлова (Шеллера). — «Русская Мысль»: «Мужики» г. Чехова.

Мы уже имѣли случай сказать нѣсколько словъ о романѣ г. Боборыкина «По другому»; теперь явился конецъ романа, вслѣдствіе чего мы еще разъ принуждены возвратиться къ нему съ тѣмъ, чтобы высказать общее и, на этотъ разъ, уже окончательное впечатлѣніе, производимое этимъ романомъ.

Закончился романъ какъ-то внезапно и неожиданно для читателя, который полагалъ, читая первыя три книжки «Вѣстника Европы», что романъ, повидимому, только начинается и что какъ разъ теперь авторъ, окончивъ экспозицію, приступитъ къ самому роману. Въ дѣйствительности, однако, вышло совсѣмъ другое: авторъ предпочелъ остановиться на экспозиціи и окончилъ романъ банально, кое-какъ, безпорядочно сводя счеты со своими дѣйствующими лицами. Вслѣдствіе этого романъ представляется чѣмъ-то отрывочнымъ, недодѣланнымъ, какимъ-то обломкомъ, въ которомъ нѣтъ ни содержанія, ни идеи. Въ романѣ нѣтъ ничего органически цѣльнаго, это—не болѣе, какъ рядъ отдѣльныхъ сценъ, болѣе или менѣе живо написанныхъ и связанныхъ между собою лишь внѣшнимъ образомъ. Такимъ образомъ и новѣйшая «полоса жизни», которую почтенный авторъ намѣревался отмѣтить въ современномъ русскомъ обществѣ, осталась не отмѣченною и не высказанною. Главные представители различныхъ поколѣній, которымъ авторъ поручилъ функціи обнаружить эту полосу жизни, оказались несостоятельными. Они сходились на страницахъ журнала, повторяли фразы, диктованныя имъ авторомъ, позировали передъ читателемъ, рисуясь болѣе или менѣе претенціозно и, затѣмъ, скрывались за кулисы, оставляя въ умѣ читателя одно лишь недоумѣніе.

Странное впечатлѣніе оставляютъ эти представители различныхъ поколѣній и «теченій»; они не только не высказываются хоть сколько-ни-

будь опредѣленно и понятно, но даже, повидимому, очень тщательно скрываютъ свои мысли, такъ что нѣтъ возможности догадаться, что именно они представляютъ, какую идею или какое соціальное явленіе. Г. Боборыкинъ и самъ, когда говоритъ отъ себя, имѣетъ привычку говорить обиняками и эту привычку онъ внушаетъ своимъ героямъ: они также загадочны, какъ и авторъ. Они что-то вѣщаютъ, но что—неизвѣстно. При такомъ пріемѣ нѣтъ возможности отмѣтить «полосы жизни». Жоржъ-Зандъ, Тургеневъ, по слѣдамъ которыхъ пошелъ г. Боборыкинъ, улавливая «моментъ», поступали какъ разъ наоборотъ; они старались быть по возможности опредѣленными и ясными. Какой-нибудь Орасъ въ романѣ Жоржъ-Зандъ того-же имени, стоитъ передъ читателемъ цѣликомъ со всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ, съ опредѣленною индивидуальностью, впитавшей въ себя всѣ элементы окружающей его жизни и, поэтому, онъ и есть настоящій представитель этой жизни, а не подставное лицо, съ извѣстнымъ ярлыкомъ. Тоже самое и у Тургенева: какое недоразумѣніе въ умѣ читателя могутъ внушить Рудинъ, Базаровъ, Неждановъ? Каждый изъ нихъ не только имѣетъ свою рѣзко очерченную индивидуальность, но и высказывается вполнѣ опредѣленно; авторъ не только не скрываетъ мыслей своихъ героевъ, но все время ищетъ случая, который-бы помогъ имъ высказаться еще опредѣленнѣе, ставя ихъ въ различныя положенія и условія. Вспомните Базарова: онъ точенъ, ясенъ, какъ точны и ясны его отношенія къ современности, къ старому и новому поколѣніямъ, къ «отцамъ» и «дѣтямъ». Вотъ почему они не только типы, вмѣщающіе въ себѣ существенныя черты людей своего времени, какими сдѣлали ихъ обстоятельства и условія соціальной жизни, но и яркіе представители современности. Теперь сравните всѣхъ этихъ Токаревыхъ, Разсудиныхъ, Шемадуровыхъ съ Базаровымъ. Всѣ они туманны и безличны; втеченіи всего романа ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни одной фразы, изъ которой можно было-бы догадаться, къ какой струѣ современной жизни онъ принадлежитъ, къ чему стремится, въ чемъ заключаются его идеалы. Вмѣсто всего этого, авторъ приклеилъ къ нимъ ярлыки, изъ которыхъ должно явствовать, что Токаревъ—представитель шестидесятыхъ годовъ, чувствующій себя одинокимъ и какъ будто огорченнымъ, Разсудинъ — народникъ семидесятыхъ годовъ, пострадавшій за народническую вѣру, и, наконецъ, Шемадуровъ—все повернувшій «по другому» и исповѣдующій теорію «экономическаго матеріализма». Разгуливая по страницамъ журнала съ этими ярлыками и болтая вздоръ, не относящійся къ дѣлу, они въ тоже время ровно ничего не дѣлаютъ, не обнаруживаютъ себя никакими поступками, ничего не предпринимаютъ. Одинъ Разсудинъ обнаруживаетъ нѣчто въ родѣ дѣйствія, влюбляясь въ г-жу Студенцову и высказывая ей свою любовь рыданіями и плачемъ; но совершенно непонятны и психологически фальшивы эти терзанія человѣка, въ индивидуальности котораго, насколько можно судить по скуднымъ намекамъ автора, нѣтъ

элемента подобныхъ порывистыхъ увлеченій. Все это такъ странно и, въ концѣ концовъ, такъ непріятно дѣйствуетъ на читателя, что онъ не на шутку готовъ предположить, что талантливый беллетристъ совсѣмъ и не наблюдалъ въ жизни своихъ героевъ, что онъ изобрѣталъ ихъ, такъ сказать, по наслышкѣ, изъ разговоровъ съ знакомыми, улавливая внѣшнія черты.

Гораздо интереснѣе и въ художественномъ отношеніи правдивѣе представители другихъ современныхъ «настроеній»—Анемоновы, Шпандины и сама героиня, г-жа Студенцова; они опредѣлены и ихъ не трудно характеризовать. Они ни надъ чѣмъ не задумываются, а просто срываютъ «цвѣты удовольствія», хватая въ жизни все, что плохо лежитъ, беззастѣнчивые, откровенные циники и пошляки. Но и они не представляютъ вполнѣ законченныхъ художественныхъ типовъ или живыхъ индивидуальностей; обрисованы они поверхностно, внѣшнимъ образомъ и также, какъ и Разсудины, Токаревы и Шемадуровы, они—съ ярлыками: у Шпандина—ярлыкъ эфеба и атлета, у Анемонова—ярлыкъ новѣйшаго эстета на подкладкѣ бульварной жизни, съ развращеннымъ воображеніемъ, но не безъ практической сметки. Отнимите, однако, у нихъ эти ярлыки и вы не въ состояніи будете сказать, чѣмъ живутъ эти soit-disant люди, чѣмъ отличаются ихъ духовная организація, къ какой категоріи индивидуальностей она принадлежитъ.

Опредѣленнѣе другихъ въ художественномъ отношеніи является героиня, г-жа Студенцова. Бульварная цивилизація наложила на нее неизгладимую печать, развратила и разстроила ея воображеніе; у нея нѣтъ ни страстей, ни увлеченій, а одна лишь взбалмошная, исковерканная разсудочность при полномъ отсутствіи душевнаго порыва. Въ отрицательномъ смыслѣ Студенцова задумана превосходно, но непонятно, почему авторъ старается ее обѣлить передъ читателями, и представить ее въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ она есть въ дѣйствительности? Въ ея душѣ нѣтъ никакихъ серьезныхъ задатковъ, она не способна ни къ какому хоть сколько-нибудь опредѣленному дѣлу, къ какой-либо дѣятельности; она умѣетъ только позировать, когда съ нея пишутъ портретъ. Ничего не дѣлая, ничего не чувствуя, изображая изъ себя нѣчто въ родѣ каррикатурной Гедды Габлеръ Ибсена, она живетъ на средства, доставляемыя зятемъ, а когда эти средства изсягаютъ, она задумываетъ покончить жизнь самоубійствомъ, но во время одумывается и «красивой смерти» предпочитаетъ некрасивую роль содержанки богатаго офицера...

Романъ, написанный торопливо, небрежно, отрывочно, заключаетъ въ себя нѣсколько живо и художественно написанныхъ сценъ, которыя въ самомъ дѣлѣ украшаютъ послѣднее произведеніе г. Бобрыкина и являются свѣтлыми точками на довольно тускломъ и скромномъ фонѣ.

Въ pendant къ роману г. Бобрыкина можно поставить романъ г. Шеллера (Михайлова) «Смѣна поколѣній»

Уже и по самому заглавію не трудно догадаться, о чемъ идетъ рѣчь въ этомъ романѣ. Авторъ задался цѣлью характеризовать и выдѣлять въ точномъ художественномъ анализѣ типическія черты нѣсколькихъ поколѣній, послѣдовательно смѣнявшихся въ русскомъ обществѣ, но ближайшій и самый непосредственный интересъ романа онъ, какъ это само по себѣ понятно, сосредоточилъ на послѣднемъ поколѣніи. Эти поколѣнія олицетворяются, если можно такъ выразиться, въ небольшой группѣ лицъ, принадлежащихъ къ одной и той-же семьѣ. Во главѣ семьи мы видимъ старую княгиню Стронину, принадлежавшую къ числу большихъ старыхъ барынь. Хотя она прожила не мало лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, но деревня и провинція не положили своей печати на ея внѣшность и не стерли ни одной черты изъ того внѣшняго лоска, который получился ею въ дѣтствѣ и въ юности въ лучшихъ салонахъ столицы. Прекрасно образованная, отличавшаяся когда-то замѣчательной красотой, избалованная богатствомъ и поклоненіемъ, долго вращавшаяся въ большомъ свѣтѣ въ столицѣ, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, когда у многихъ людей ея круга чувствовался особый подъемъ духа, и при воцареніи императора Александра 1-го, и во время отечественной войны двѣнадцатаго года, и во время спасенія цѣлой Европы русскою кровью, когда кони «дикихъ скиѳовъ» паслись въ садахъ блестящаго Парижа,— она подъ старость стала отличаться массой странностей и чудачествъ и было уже трудно сказать, чего больше въ ея характерѣ—добраго или злого; внѣшность сохранилась чисто европейская, въ поступкахъ-же часто стало прорываться самодурство некультурнаго человѣка. Ея дочь, вопреки ея волѣ, вышла замужъ за бѣдного чиновника Чупруненко, переѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Петербургъ, окончательно поссорившись съ матерью, которая лишила ее наслѣдства. Эта Вѣра Васильевна Чупруненко съ самыхъ юныхъ дней враждебно смотрѣла на мать и на все, что рекомендовалось матерью, сознавая только одно, что та «изъ самодурства» лишила ее въ лучшіе годы общества и хотѣла похоронить въ деревенской глуши ея молодость. Располагая очень ограниченными средствами, она привыкла утягивать копѣйки у прислуги и въ то-же время пускать пыль въ глаза своими нарядами, чтобы всѣ считали ее богатою.

Младшія ея дѣти — сынъ Евгеній и дочь Евгенія, — пошли отчасти въ мать и, несмотря на то, что ихъ драли до шести-семилѣтнаго возраста, уже на десятомъ году кричали то на того, то на другого слугу: «хамъ эдакій, подать платья не умѣешь», швыряли слугамъ въ лицо нехорошо вычищенные сапоги и отвѣшивали деньщикамъ пощечины за малѣйшее неуваженіе къ нимъ. Несчастнымъ выродкомъ вышла только старшая дочь Варвара и то потому, что когда-то Вѣра Васильевна изъ жалости «призрѣла» какую-то старушонку-гувернантку «изъ колбасницъ» и эта старушонка отплатила Вѣрѣ Васильевнѣ черной неблагодарностью. Она внушила Варварѣ всякія «мѣщанскія бредни», внушила, что будто-бы всѣ люди передъ Богомъ равны, что никакой трудъ не унижаетъ, что

образованіе—великое счастіе для человѣка, дѣлая его самостоятельнымъ и, наконецъ, указала ей, что въ Петербургѣ есть такія школы для дѣвочекъ, гдѣ учатъ и иностраннымъ языкамъ, и русской исторіи, и литературѣ, и рукодѣлью; однимъ словомъ, сбила всякими бреднями съ толку дѣвочку, и та, по свойственнымъ ей настойчивости и упрямству, настояла, чтобы ее отдали въ такую школу.

Центральной и положительной фигурой романа является именно эта старшая дочь Варвара. Когда Чупруненко попалъ въ тюрьму и подъ судъ за растраченныя казенныя деньги, а семья окончательно раззорилась, Варвара, съ помощью своего прежняго учителя Нащокина (очень талантливо обрисованнаго г. Шеллеромъ), открыла школу и стала кое-какъ содержать семью. Ея братъ Евгеній, несмотря на то, что ничему не учился, оказался шустрымъ малымъ: онъ женился на богатой наслѣдницѣ и сдѣлался биржевымъ дѣльцомъ. Онъ проповѣдывалъ съ безцеремонностью нахала и невѣжды практическую мораль, которая состояла въ томъ, чтобы ничѣмъ не стѣсняться въ пріобрѣтеніи чужого добра. По этому поводу онъ имѣлъ привычку поговорить: «Дарвинъ только подтверждаетъ то, что народъ своимъ трезвымъ умомъ подмѣтилъ давно, и даже въ побасенкахъ выразилъ, какъ въ природѣ все и всѣ пожираютъ другъ друга: зайчикъ—капусту, зайчика—волки,—борьба за существованіе вездѣ». Сестра Варвары—Евгенія, какъ это обыкновенно бываетъ, когда дѣвушка хорошенькая и кокетливая не встрѣчаетъ въ семьѣ ничего, кромѣ ругани, побоевъ и грязныхъ сценъ,—пошла по торной дорожкѣ разврата. Отъ Нащокина у Варвары была дочь Зоя; но и этому послѣднему отпрыску пошлой мѣщанской семьи не посчастливилось: она влюбилась въ какого-то офицера и сошлась съ нимъ; разумѣется, офицеръ обманулъ ее и она отравилась...

Вотъ и весь романъ этой «смѣны поколѣній». Въ романѣ встрѣчаются сплошь и рядомъ мастерски написанныя сцены: г. Шеллеръ чудесно знаетъ бытъ петербургскаго мелкаго чиновничества, эту мѣщанскую жизнь, гдѣ нужда, невѣжество, корыстныя побужденія, грязные инстинкты окончательно извращаютъ людей и дѣлаютъ ихъ скорѣе похожими на звѣрей, чѣмъ на существа, сотворенныя по образу и подобію Божію. Картина, получаемая благодаря такому художественному анализу, возмутительна своими подробностями, но правдива. Нельзя, однако же, сказать, чтобы авторъ былъ пессимистомъ: онъ и въ этой человѣческой грязи видитъ свѣтлыя стороны и останавливается на нихъ съ любовью и съ вѣрой въ будущее.

Нельзя того-же сказать о г. Чеховѣ. Этотъ чистый художникъ, объективно изучая жизнь, по временамъ рисуетъ картины, страшныя по своей неумолимой правдѣ и уже ни въ какомъ случаѣ не внушающія никакого оптимизма. Его идейныя произведенія не даютъ того чисто эстетическаго впечатлѣнія, которое является печатью истиннаго творчества; въ такихъ

произведеніяхъ онъ неровенъ и на ряду съ великолѣпными подробностями чувствуется слабость и даже просто безсиліе мысли. Но г. Чеховъ становится по истинѣ замѣчательнымъ мастеромъ, когда, не мудрствуя лукаво, подчиняясь своему художественному чутью, онъ изображаетъ жизнь, объективно и просто. Давно уже въ русской литературѣ не появлялось такой замѣчательной вещи, въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія жизни, какъ его «Мужики», напечатанные въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли». Авторъ въ этомъ разсказѣ, въ которомъ, собственно говоря, нѣтъ никакого опредѣленнаго содержанія, даетъ просто рядъ картинъ деревенской жизни. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что лакей при московской гостинницѣ «Славянскій базаръ», Николай Чикильдѣевъ, заболѣлъ. У него онѣмѣли ноги и измѣнилась походка, такъ что однажды, идя по корридору, онъ споткнулся и упалъ вмѣстѣ съ подносомъ, на которомъ была ветчина съ горошкомъ. Пришлось оставить мѣсто. Какія были деньги, свои и женины, онъ пролѣчилъ, кормиться было уже не на что, стало скучно безъ дѣла, и онъ рѣшилъ, что, должно быть, надо ѣхать къ себѣ домой, въ деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и не даромъ говорится: «дома стѣны помогаютъ». Пріѣхалъ онъ въ свое Жуково подъ вечеръ. Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представляется ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ, теперь-же, войдя въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и нечисто. Пріѣхавшія съ нимъ жена Ольга и дочь Саша съ недоумѣніемъ поглядывали на большую, непріятную печь, занимавшую чуть-ли не полъ-избы, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу возлѣ иконъ были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги— это вмѣсто картинъ... Таковы были впечатлѣнія первой минуты; весь разсказъ г. Чехова есть не болѣе, какъ передача дальнѣйшихъ впечатлѣній нашихъ странниковъ, при чемъ авторъ рисуетъ нѣсколько случайныхъ сценъ, просто, безъискусственно, съ великой художественной правдой. Вотъ, напримѣръ, небольшая сценка, на которой Николай присутствуетъ въ родной избѣ, сейчасъ-же послѣ своего прихода: «По случаю гостей, поставили самоваръ. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы; было противно пить, и разговоръ былъ противный—все о нуждѣ да о болѣзняхъ. Но не успѣли выпить по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, протяжный пьяный крикъ:—Ма-арья!—Похоже, Кирьякъ идетъ, — сказалъ старикъ.—Легокъ на поминѣ.—Всѣ притихли.—И немного погодя, опять тотъ-же крикъ, грубый и протяжный, точно изъ-подъ земли:—Ма-арья!— Марья, старшая невѣстка, поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ-то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выраженіе испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась равнодушной, вдругъ громко заплакала.—А

ты чего, холера?—крикнула на нее Θекла, красивая баба, тоже сильная и широкая въ плечахъ.—Не бось, не убьетъ!—Отъ старика Николай узналъ, что Марья боялась жить въ лѣсу съ Кирьякомъ и что онъ, когда бывалъ пьянъ, приходилъ всякій разъ за ней и при этомъ шумѣлъ и билъ ее безъ пощады.—Ма-арья!—раздался крикъ у самой двери.— Вступитесь Христа-ради, родименькіе,—залепетала Марья, дыша такъ, точно ее опускали въ очень холодную воду.—Вступитесь, родименькіе... Заплакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ избѣ, и, глядя на нихъ, Саша тоже заплакала. Послышался пьяный кашель, и въ избу вошелъ высокій, чернобородый мужикъ въ зимней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампочки не было видно его лица—страшный. Это былъ Кирьякъ. Подойдя къ женѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кулакомъ по лицу, она-же не издала ни звука, ошеломленная ударомъ, и только присѣла, и тотчасъ-же у нея изъ носа пошла кровь. — Экой срамъ-то, срамъ, — бормоталъ старикъ, взлезая на печь.—При гостяхъ-то, грѣхъ какой! — А старуха сидѣла молча, сгорбившись, о чемъ-то думала. Θекла качала люльку... Видимо сознавая себя страшнымъ и довольный этимъ, Кирьякъ схватилъ Марью за руку, потащилъ ее къ двери и закричалъ звѣремъ, чтобъ казаться еще страшнѣе, но въ это время вдругъ увидѣлъ гостей и остановился. — А, пріѣхали... — проговорилъ онъ, выпуская жену.— Родной братецъ съ семействомъ...—Онъ помолился на образа, пошатываясь, широко раскрывая свои пьяные, красные глаза, и продолжалъ:— Братецъ съ семействомъ пріѣхали въ родительскій домъ... изъ Москвы, значитъ... Первопрестольный, значитъ, градъ Москва, матерь городовъ... Извините...—Онъ опустился на скамью около самовара и сталъ пить чай, громко хлебая изъ блюдечка, при общемъ молчаніи... Выпивъ чашекъ десять, онъ склонился на скамью и захрапѣлъ».

Такихъ сценъ, поражающихъ своей безсмысленной жестокостью, нелѣпымъ звѣрствомъ, въ разсказѣ г. Чехова найдется нѣсколько. Онѣ напоминаютъ подобныя-же сцены въ «La Terre» Золя, но французскій беллетристъ далеко не достигаетъ того реализма, отъ котораго дѣлается жутко. Золя обвинялся въ клеветѣ на французскаго крестьянина. Золя оправдался блистательно, доказавъ, что онъ ничего не сочинялъ и почти цѣликомъ передалъ дѣйствительность. Г. Чехову такого обвиненія нечего бояться, потому что наша литература изъ народнаго быта не разъ воспроизводила подобнаго-же рода сцены, хотя и не съ такой непосредственной, художественной правдой. У Золя, однако, вы не встрѣтите ничего похожаго на другую сценку, въ иномъ тонѣ, хотя столь-же непосредственно правдивую: «Марья рожала тринадцать разъ, но осталось у нея только шестеро и всѣ—дѣвочки, ни одного мальчика, и старшей было восемь лѣтъ. Мотька босая, въ длинной рубахѣ, стояла на припёкѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стала съ нею рядомъ и сказала, глядя на церковь: — Въ церкви Богъ живетъ! У людей горятъ лампы, да свѣчи, а у Бога

лампадочки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ—тупъ, тупъ, тупъ... А сторожу страшно, страшно... И—и, касатка!—добавила она, подражая своей матери.—А когда будетъ свѣтопредставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо.—Съ ко-ло-ко-ла-ми?—спросила Мотька басомъ, растягивая каждый слогъ.—Съ колоколами. А когда свѣтопредставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марьѣ Богъ скажетъ: вы никого не обижали и за это идите направо, въ рай; а Кирьяку и бабкѣ скажетъ: а вы идите налѣво, въ огонь. И кто скоромное ѣлъ, тотъ тоже въ огонь. — Она посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза, и сказала: — гляди на небо, не мигай, — ангеловъ видать. — Мотька тоже стала смотрѣть на небо, минута прошла въ молчаніи. — Видишь? — спросила Саша. — Не видать, — проговорила басомъ Марья.—А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками—мелькъ, мелькъ, будто комарики.—Мотька подумала немного, глядя въ землю, и спросила:—Бабка будетъ горѣть? — Будетъ, касатка». Не напоминаетъ-ли эта тонко и нѣжно написанная сценка «Ганнеле» Гауптмана?—Это — тѣ-же типы, тотъ-же художественный пріемъ, то-же пониманіе народной фантазіи.

На Западѣ.

I. Политическая лѣтопись.

I.

Война и миръ. Естественное и международное право.

Свершилось!.. Въ самомъ мрачномъ углу Европы, на границѣ съ азіятчиной, поднялось азіятское чудовище, чтобы напомнить смертнымъ объ ихъ горькой долѣ. Воскресла та безпощадная, грязная и кровавая смерть, тотъ позоръ человѣчества, болѣе жестокій, чѣмъ лютѣйшій звѣрь, который рисовался, въ игривомъ воображеніи древнихъ эллиновъ, въ поэтическомъ образѣ Марса. Теперь именно потомки Перикла и Аристотеля испытываютъ всѣ прелести ближайшаго знакомства съ этимъ героемъ ихъ фантазіи...

Въ прошлый разъ мы остановились въ недоумѣніи передъ вопросомъ: что побѣдитъ—*право-ли народовъ* на свободу и независимость отъ ига иноплеменниковъ, или *право человѣчества*—на миръ и на общую пользу культурнаго развитія? Мы не знали даже, на какую сторону должно склоняться сердце друзей добра и человѣчества. Слишкомъ великіе и законные интересы положены судьбой на обѣ чашки вѣсовъ текущей исторіи.

Въ дѣлѣ грековъ столько естественной правды и юнаго благородства, что у кого же поднимется рука карать угнетаемаго, задыхающагося человѣка за избытокъ *сердца*, страсти, желанія дышать, жить? Кто не признаетъ, что націонализмъ еще не исполнилъ своей задачи на Востокѣ? Вѣдь, если къ Васькѣ, въ Константинополѣ, обращаться только съ гуманными поученіями, онъ молчкомъ съѣстъ все кругомъ. Греки и турки — даже не двѣ разныя народности, а два разныхъ міра: переговариваться добромъ съ Илдызъ-Кіоскомъ, неспособнымъ на реформы,— все равно, что раскланиваться съ бенинскимъ фулой, царькомъ людоѣдовъ. А въ дѣлѣ державъ столько трогательной преданности самому

высокому интересу всего міра, что слово проклятія застываетъ на языкѣ, когда оно хочетъ вырваться при видѣ избытка *разсудка*.

Такъ, выражаясь языкомъ старыхъ юристовъ, *естественное* право побѣждаетъ право *международное*. Но значитъ ли это, что война побѣдила миръ, революція—реформы? Припомнимъ наши послѣднія слова, передъ началомъ новаго кровопролитія: «сердце сжимается отъ сознанія, что такъ легко было бы исцѣлить наболѣвшую душу людей и народовъ, еслибы только побольше было теперь чистыхъ рукъ да поменьше базальтовыхъ лбовъ». Теперь очевиднѣе, чѣмъ тогда, что греко-турецкая война была бы избѣгнута, еслибы дипломатія не стала на ложную дорогу въ достиженіи вѣрной цѣли: ниже это будетъ выяснено. И несомнѣнно, что сами враги, втравленные въ борьбу, тяготятся ею, а не восторгаются жаждою подвиговъ, какъ въ былое время: они жаждутъ другого—случая, какъ бы поскорѣе развязаться съ этой ненавистной войной. Это—знаменіе времени. Но гораздо важнѣе другое знаменіе. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ сказать, что, конечно, турки и греки проклинаютъ войну, испытывая на своей кожѣ всѣ ея прелести, о которыхъ мы сейчасъ разскажемъ читателю. Ну, а какъ другіе, посторонніе зрители, которые могутъ создавать разныя исторіи насчетъ поэтическаго Марса? Рукоплещутъ-ли они попрежнему ужасному поединку двухъ народовъ, какъ толпа въ Колизеѣ, при видѣ гладіаторовъ?..

Какъ извѣстно, прежде не одни фанатики и спеціалисты *милитаризма* стояли за кровавую расправу, хотя и брезгливо отворачивались отъ «кулачнаго права» рыцарей. И люди прогресса оправдывали Марса, хотя какъ неизбѣжное зло. Иные приравнивали его даже къ чумѣ или циклону, которые помогаютъ человѣчеству, въ виду закона Мальтуса. Вообще же на войну смотрѣли, какъ на международную революцію: историки, вѣдь, такъ и называли «революціонерами на тронѣ» такихъ воителей и разрушителей старины, какъ Фридрихъ II, Наполеонъ I и даже Петръ I. При этомъ указывали на прогрессивное значеніе войны тамъ, гдѣ иначе застой, блаженная дремота царствовали бы, пожалуй, и до сихъ дней. Конечно, въ былыя времена вы благословляли бы и коноваловъ, которые спасали вамъ жизнь отхватываніемъ руки, хотя только потому, что не умѣли вылечить пальца! Теперь не то.

Замѣчательно то *благоразуміе*, которое овладѣло теперь не одними дипломатами, но и народами на Западѣ. Сначала, какъ мы видѣли въ прошлыхъ лѣтописяхъ, подымался общественный голосъ въ пользу грековъ, хотя замѣтно только въ Англіи и Италіи. Теперь же, когда полилась кровь, причемъ турокъ походитъ на бульдога, терзающаго шавку, вдругъ все затихло. Только итальянцы бросились на помощь забіякѣ, облекшись въ «гарибальдійки», да и тѣ опозорились всякимъ «сбродомъ», которагѳ вездѣ наберется не мало при нынѣшнихъ соціальныхъ условіяхъ, въ особенности же въ странѣ, облагодѣтельствованной подвигами Криспи: эти новые Леониды устремились къ Ѳермопиламъ по той же при-

чинѣ, по которой голодный крадетъ явно тряпку, чтобы только покормиться въ тюрьмѣ; и они разбѣжались при первомъ снѣгѣ въ горахъ Өессаліи. Характерно и то, что изъ крупныхъ народовъ Запада самыми благоразумными оказались нѣмцы и французы: очевидно они хорошо помнятъ, чего стоятъ Седаны, и каковы такія обузы, какъ Эльзасъ-Лотарингія. Ясно основное побужденіе, руководившее народами Запада. Сначала они поднялись помочь грекамъ своимъ *нравственнымъ* вліяніемъ, потомъ поняли, что, когда уже бѣда пришла, нужно «локализовать» пожаръ съ тѣмъ, что, въ удобную минуту, они и совсѣмъ погасятъ пламя. Словомъ, народы постоянно раздѣляли взглядъ правительствъ на необходимость мира, а слѣдовательно и всеобщаго «концерта». Поведеніе же правительствъ—самое крупное и небывалое знаменіе времени. Въ виду такого твердаго поведенія державъ, мы вправѣ сказать: историческій смыслъ греко-турецкой войны состоитъ въ торжественномъ всеобщемъ *отрицаніи войны*, какого еще не видала исторія.

II.

Чужіе и родные защитники войны.

Мы хотѣли прибавить: ясно, что теперь уже нѣтъ въ Европѣ ни одного настоящаго фанатика войны. Но два свѣженькія явленія, одно самое западное, другое болѣе восточное—заставили вспомнить насъ, что нѣтъ правила безъ исключенія. Вы не знаете француза изъ Бордо — Шарля *Мало̀*, этого славнаго вояки,—впрочемъ въ фельетонахъ, а не на военной службѣ, гдѣ ему не удалось покуда пожать не одного лавра, хотя онъ уже въ отставкѣ? Въ концѣ прошлаго года этотъ необычайно убѣжденный донъ-Кихотъ выступилъ съ новымъ произведеніемъ въ пользу давно и страстно защищаемой имъ кровавой Дульцинеи. Онъ вообразилъ, что великій писатель русской земли кинулъ ему перчатку своею статьей «Les temps sont proches», помѣщенной въ «Journal des Débats» отъ 30 октября. Содержаніе статьи явствуетъ (для того, кто не читалъ статей автора на ту же тему, въ «Revue blanche» отъ 15 апрѣля и 1 мая 1896 г.) изъ помѣщеннаго, въ самомъ началѣ, письма молодого голландца, Ван-дер-Вэра, къ начальнику гвардіи въ Миддельбургѣ, гдѣ этотъ новобранецъ объясняетъ принципіальныя побужденія своего отказа отъ службы,—исторія, тогда же разсказанная во всѣхъ русскихъ журналахъ. Редакція весьма благоразумной парижской газеты, знающей, гдѣ раки зимуютъ, назвала статью «замѣчательною страницей», но прибавила: «мы, конечно, оставляемъ за собой сужденіе о выраженныхъ авторомъ мысляхъ».

13 ноября она помѣстила отнынѣ знаменитый фельетонъ самого Шарля Мало̀, подъ пикантнымъ названіемъ «Guerre à la guerre» (Война войнѣ). Авторъ владѣетъ всѣми пріемами, всѣми прелестями бульварнаго остроумія, самъ ставя себѣ правиломъ—primo vivere, deinde philosophari

(первое дѣло—жить, а потомъ ужъ разсуждать). Онъ, съ яростью стародума, обрушился на статью, которая, «пожалуй, не особенно достойна пера патріарха» литературы. Человѣкъ, очевидно, военный, по храбрости и натиску (онъ самъ видитъ, какъ его читатель «улыбается или хохочетъ во все горло») и весьма ученый (онъ клянется учеными именами), онъ въ конецъ доказалъ, въ 250 строкахъ, что война—«*фактъ* всѣхъ, и будущихъ, временъ, т. е. неизбѣжная необходимость; и она полезна, нравственна, здорова, подкрѣпительна; мало того, это—*незамѣнимое* орудіе цивилизаціи, счастья и прогресса». Мало плачется даже о томъ, что теперь уже не настоящія арміи: вѣдь, давнымъ-давно усачи-гренадеры изъ русскаго плѣна брели! Серьезно совѣтуемъ нетвердымъ въ вѣрѣ въ Марса познакомиться съ этимъ завываніемъ сорвавшагося барбоса милитаризма. И пусть они воздержатся отъ чтенія газеты «Indépendance belge» (отъ 21 ноября), не знающей, гдѣ раки зимуютъ: тамъ между прочимъ, указаны такіе друзья мира, какъ философъ Кантъ, генералы Грантъ, Гарибальди, Тюрръ, герцогъ Ольденбургскій и старый вояка Канроберъ. Послѣдній, не такъ давно, писалъ извѣстной баронессѣ Суттнеръ, автору переведеннаго у насъ романа «Долой оружіе»: «я воевалъ всю жизнь; вы правы, возставая противъ войны: это—мерзость (c'est une vilaine chose)».

Тотчасъ же, въ декабрѣ, западный милитаристъ получилъ сикурсъ съ востока. Въ газетѣ «Развѣдчикъ» появились какіе-то «антимилитаристы» изъ военныхъ, которые приравнивали войну къ «паразитству, проказѣ, безчестью, глупости», къ «религіознымъ преслѣдованіямъ, невѣжеству, крѣпостному праву» и другимъ перламъ «мрачнаго» средневѣковья, даже прямо называли ее, à la Канроберъ, «скверностью, а почему—это знаетъ всякій и давно уже». Противъ этого-то исчадія гибельнаго миролюбія выступилъ извѣстный генералъ, (№ 325 «Развѣдчика»). Его свидѣтельство тѣмъ важнѣе, что это человѣкъ положительно передовой: онъ поклонникъ Дидро, съ его детерминизмомъ «революціонныхъ войнъ и наполеоновской бури», искоренившей старый порядокъ; онъ сознаетъ, что «Европа наканунѣ борьбы труда и капитала»; онъ, кажется, даже чувствуетъ слабость къ Руссо, все приписывая «природѣ, созданіе которой составляетъ человѣчество». Съ послѣдней точки зрѣнія понятно его убѣжденіе, что безъ «крови» ничего путнаго не подѣлаешь въ исторіи и что «сила господствуетъ надъ правомъ, безъ нея нѣтъ права, она есть источникъ всякаго права», а отсюда онъ выводитъ, что «*одна* только война вызываетъ на подвигъ самопожертвованія» и т. под.

Впрочемъ, генералъ «позволяетъ мечтать о томъ, чтобы порѣже прибѣгали къ этому грубому средству». Вполнѣ сочувствуя ему въ этомъ, порадуемся, что никогда еще ненависть къ миру не проявлялась такъ замѣчательно, какъ здѣсь и—утѣшаясь надеждой на то, что кровь армянъ и грековъ пролита недаромъ, перейдемъ отъ теорій войны къ ея послѣднему проявленію!

III.

Какъ теперь доходятъ до войны?

Да, какъ въ наши дни доходятъ до кровавыхъ потасовокъ между народами? Вотъ самый любопытный поучительный вопросъ, который служитъ одною изъ отличительныхъ чертъ «конца вѣка». Въ самомъ дѣлѣ, прежде, когда война была тѣмъ священнымъ и благодѣтельнымъ дѣломъ, какимъ рисуютъ ее намъ послѣдніе могикане милитаризма, когда народы только и дѣлали, что чесали себѣ ладони да потрясали мечомъ и поднимали кулаки передъ носомъ другъ у друга, такой вопросъ былъ бы празднымъ. Но онъ необходимъ, онъ уясняетъ историческій смыслъ момента теперь, когда доказано, что не только «Европу не такъ легко встревожить, какъ гарнизонъ въ Потедатѣ» [1]), но что сами греки и турки вовсе не жаждали войны, да и не вѣрили въ ея неизбѣжность. Право, какъ же ухитрились теперь-то дойти до воскрешенія Марса? Укажемъ лишь на основные и достовѣрные факты: выводы вытекутъ изъ нихъ сами собой, потому что правды не скроешь, какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Разбирая новѣйшую тяжбу двухъ народовъ, какъ историки изслѣдуютъ старину, по документамъ, мы видимъ. что сыръ-боръ загорѣлся съ той минуты, когда могущественная сосѣдка Турціи строго выставила «принципъ цѣлости Оттоманской имперіи», который долженъ былъ принять, хотя и съ рыканьемъ, даже британскій левъ. Этотъ великій поворотъ въ современной дипломатіи привелъ, 21 февраля, къ «Наварину наизнанку», и тотчасъ же началась мобилизація греческой арміи, т. е. снаряженіе ея въ походъ на ѳессальскую границу: пылкость оскорбленнаго «забіяки» доходила тогда до того, что офицеры «поклялись» воевать вопреки державамъ, толпа, въ Аѳинахъ, врывалась во дворецъ,—и развернулъ изумительную энергію страшный «Невидимый», который превратился теперь изъ тайнаго учрежденія въ своего рода славянскій комитетъ, подъ именемъ *Этнике Гетерія* или Народное Товарищество. Эта гетерія обладающая капиталами, огромными связями даже за границей и искусными вождями, устроила цѣлую армію добровольцевъ, на шапкахъ которыхъ красуются буквы *Э. Г.*, набрала массу динамита для судовъ, наводнила Македонію своими агентами и воззваніями; самъ король—какъ бы ея плѣнникъ.

Васька въ Илдызъ-Кіоскѣ еще дремалъ, въ своемъ азіятскомъ халатѣ, и въ увѣренности, что его и безъ войны выручатъ державы, которые «находятся съ нимъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ». Но, понимая забіяку лучше, чѣмъ его друзья, и онъ началъ мобилизоваться, недѣли двѣ спустя, когда была рѣшена «мирная блокада» Крита: онъ предвидѣлъ, что этотъ новый фокусъ-покусъ дипломатіи обратится въ безполез-

---

[1]) См. нашу апрѣльскую лѣтопись, стр. 38.

ную «полицейскую мѣру» (слова Керзона въ палатѣ общинъ), которая только окончательно выведетъ изъ терпѣнія грековъ. Зато Васька мобилизовался молодцомъ: уже къ концу марта, онъ ощетинился, на всей Өессалійской границѣ, хорошими штыками и пушками; а наканунѣ блокады, 20-го марта, изъ Стамбула вышелъ, впрочемъ, только для пущей важности, его негодный флотъ, который сейчасъ же застрялъ неподалеку.

Признаться, все это походило на солдатскую гимнастику, или на «вооруженный миръ», на «мирную блокаду». Именно въ эти дни въ Аөинахъ, на дипломатическихъ пріемахъ, послы«дружественныхъ» державъ блистали своимъ отсутствіемъ, а турецкій посланникъ—своимъ присутствіемъ; между Портой и Акрополемъ шли сосѣдскіе переговоры о полюбовномъ размежеваніи; и обѣ стороны ежедневно приказывали своимъ застрѣльщикамъ, стоявшимъ въ 15-ти шагахъ другъ отъ друга, «тщательно воздерживаться отъ столкновеній»; противники превели даже между собой какую-то «демаркаціонную линію» или «нейтральную зону».

Громъ приближающейся бури уже замиралъ въ отдаленіи, какъ вдругъ, въ самомъ концѣ марта, обнаружилось, что Европа рѣшила подвергнуть «мирной» блокадѣ уже не генерала Вассоса, который цѣлыхъ полтора мѣсяца сидѣлъ на Критѣ, какъ въ мышеловкѣ, а самого забіяку. Этотъ шквалъ налетѣлъ оттуда же, со стороны ближайшей сосѣдки Порты. 4-го апрѣля въ «Journal de St.-Pétersbourg» было напечатано замѣчательное, по силѣ и образности слога, произведеніе современной дипломатіи. Оно весьма краснорѣчиво распространялось, по адресу забіяки, о «прискорбномъ упорствѣ», о «похожденіяхъ», объ «анархической распущенности», наконецъ, прямо-таки о «крайнемъ безуміи» (suprême folie). Въ возмездіе за это, ему вообще обѣщали «самыя прискорбныя разочарованія, самыя жестокія послѣдствія», а въ частности блокаду Аөинскаго залива, «подавленіе, при нуждѣ, всякихъ пертурбацій». При этомъ выставленъ новый великій принципъ международнаго права: державы, «полное согласіе которыхъ остается неизмѣннымъ», рѣшили, «каковъ бы ни былъ исходъ борьбы» между Греціей и Турціей, «никогда не допускать, чтобы нападающая сторона извлекла изъ нея малѣйшую выгоду».

Но блокада Греціи означала, прежде всего, отнятіе у этого государства возможности полной мобилизаціи, которая немыслима безъ содѣйствія флота. Конечно, забіяка не хотѣлъ отдаться противнику со связанными руками и ногами: его мобилизація пошла лихорадочнымъ темпомъ; 29 марта самъ наслѣдникъ королевичъ Константинъ, съ своею супругой, Софіей, очутился въ Ларисѣ, какъ главнокомандующій «операціонною» арміей.

IV.

Кровопролитіе—не война

Во все это время многострадальный Критъ продолжалъ служить поприщемъ военныхъ дѣйствій—безъ объявленія войны. Блокада сдѣлала

только одно—разоряла островъ и самую Грецію, разрушая торговлю и промышленность грековъ; мѣстами наставалъ голодъ, который одно время терпѣли и войска державъ, а также заразныя болѣзни. Враждебныхъ дѣйствій блокада не остановила: она даже расширила ихъ. Вассосъ и повстанцы продолжали громить турокъ да еще формально объявили войну державамъ: какіе-то «оборванцы» плѣнили цѣлый иностранный отрядъ; суда державъ нерѣдко стрѣляли въ грековъ, отстаивая турецкіе гарнизоны въ фортахъ; адмиралы получали подкрѣпленія и даже горныя орудія. Но и сикурсъ не помогъ. Греки держали весь островъ въ своихъ рукахъ; они тѣсно обложили главные береговые пункты,—Канею, Кандію, Ретимію и Ситію, а также турецкія укрѣпленія въ горахъ.

Такъ дошли до апрѣля. Стоятъ двое нищихъ противниковъ другъ противъ друга, истощаются, проѣдаютъ послѣдніе гроши, взятые въ долгъ, мучительно растравляютъ свои нервы, каждое утро ожидая призыва къ смерти,—и ни взадъ, ни впередъ: державы прикрикнули, что горе тому, кто начнетъ, а сами ничего не дѣлаютъ! Противники горько жалуются и просятъ опекуновъ развести ихъ или пустить драться. Особенно часты были формальныя заявленія Порты. Въ своихъ дипломатическихъ разговорахъ и даже нотахъ она доказывала, что «вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ» и мобилизаціи, «находится наканунѣ финансоваго краха», и умоляя державы (9-го апрѣля) «поторопиться съ вмѣшательствомъ». Она извѣщала пословъ, что трудно сдерживать и войска на границѣ: особенно не было сладу съ новыми башибузуками или курдами, какими оказались албанцы, которые, увидя, въ Скутари, свиной хвостъ въ своей мечети, начали рѣзать и грабить по всей своей странѣ христіанъ, а кстати и евреевъ, въ которыхъ всегда щепки летятъ, гдѣ-бы ни кололи дрова. Еще болѣе волновался забіяка: онъ сильнѣе страдалъ, какъ старѣйшій. Въ Благовѣщеніе, 6-го апрѣля, въ годовщину освобожденія Греціи отъ турецкаго ига, вся Европа дрожала: ждали объявленія войны. Аѳины разукрасились, какъ невѣста или идущая къ алтарю жертва. Улицы были переполнены опьянѣлою отъ восторга толпой, которая послала королю резолюцію съ девизомъ: «впередъ, вѣрные до смерти!» Въ университетѣ произносились патріотическія рѣчи; въ экипажъ короля сыпались записочки—«война!» Тоже кричалъ народъ передъ дворцомъ, распѣвая воинственныя пѣсни; онъ даже стрѣлялъ и схватывался съ полиціей.

Черезъ три дня, 9-го апрѣля, потекла кровь,—только не оффиціально: до 3,000 греческихъ «инсургентовъ», съ пушками, офицерами и трубными звуками, а также съ итальянцами, предводимыми польскимъ графомъ, частью замерзшими, частью разбѣжавшимися, перешли границу, у Краніи, въ углу между Ѳессаліей, Македоніей и Эпиромъ, по тремъ мало доступнымъ и потому плохо охраняемымъ проходамъ Пинда. 10-го греки пытались высадиться въ Эпирѣ, у Превезы и Арты. 11-го числа турецкій посланникъ въ Аѳинахъ спрашивалъ: «какъ это инсур-

генты могли пробраться черезъ границу, усыпанную греческими войсками, да еще съ офицерами во главѣ?» А ему отвѣчали: «Инсургенты прошли въ лѣсахъ, ночью, отрядцами; а какъ это турки, оцѣпляющіе всю границу, позволили имъ проникнуть на свою землю? Что вы указываете на офицеровъ, такъ это—дезертиры. А позвольте спросить, какъ это, еще 28-го марта, турецкій капитанъ на постѣ пророка Иліи велѣлъ стрѣлять по греческому посту насупротивъ, безъ всякаго повода?» Затѣмъ командиры обоихъ лагерей получили новые приказы отнюдь не шевелиться, чтобы выждать Европу а Европа прогуливалась въ это время на югѣ Франціи, въ лицѣ маркиза Сольсбери. «Инсургенты» же продолжали забавляться, устилая турецкую землю своими трупами. Они дошли до *Гревены*, въ 20 верстахъ за Краніей; переходили границу и въ другихъ мѣстахъ. Къ 15-му они вездѣ должны были возвратиться въ предѣлы Греціи, потерпѣвъ большой уронъ.

Тутъ произошла точка съ запятой. Вышло такъ, что *на дѣлѣ* война несомнѣнно началась *16-го апрѣля*, а кто началъ ее—не разберешь: въ этотъ день впервые столкнулись между собою войска Греціи и Турціи. Въ теченіе всей этой недѣли, съ появленія грековъ у Краніи, греческое правительство молчало, какъ человѣкъ, безповоротно принявшій рѣшеніе; а въ Ильдызъ-Кіоскѣ господствовалъ переполохъ. Тамъ ежедневно засѣдалъ совѣтъ министровъ и полководцевъ, подъ предсѣдательствомъ самого султана. Главнокомандующій на ѳессалійской границѣ, Эдхемъ-паша, осаждалъ его требованіемъ разрѣшить ему походъ, такъ-какъ трудно сдерживать солдатъ. Почти всѣ соглашались съ нимъ, въ особенности приближенные Абдулъ-Гамида и самъ великій визирь; но султанъ боялся державъ и до конца колебался, подъ «противоположными» вліяніями пословъ. Наконецъ, его сломили отчаянныя телеграммы Эдхема, котораго совсѣмъ одолѣвали мятежные албанцы, а также увѣщанія самого мусульманскаго папы, шейхъ-уль-ислама, и страхъ увидѣть въ Босфорѣ греческій флотъ, которому нечего было противопоставить. Онъ позволилъ Эдхему двинуться, при малѣйшемъ поводѣ со стороны грековъ; не извѣстилъ пословъ, 17-го, что, хотя «греческія регулярныя войска перешли границу», онъ готовъ отодвинуть свои войска, если греки уйдутъ и съ ѳессалійской границы, и изъ Крита; 4 дня спустя онъ прибавилъ, что, ради державъ, готовъ опять остановиться, если только Греція вполнѣ вознаградитъ его контрибуціей за издержки.

17-го апрѣля прервались дипломатическія сношенія между противниками: ихъ посланники были взаимно отозваны; война началась и *формально*. Послѣднимъ шагомъ Порты въ Аѳинахъ была нота, обвиняющая Грецію въ нападеніи, но въ сдержанныхъ выраженіяхъ, подобная-же бумага была разослана державамъ, — убѣждая, что греки первые перешли границу ночью 17-го, но что султанъ «готовъ пріостановить военныя дѣйствія, чтобы еще разъ доказать всѣмъ свое миролюбіе». Деліаннисъ отвѣчалъ Портѣ горячею нотой, въ которой сваливалъ вину

на нее, ссылаясь на постъ прор. Иліи, на турецкую аттаку 16-го числа, «безъ всякаго повода со стороны королевскихъ войскъ» и на то, что 18-го орудія Превезы потопили греческій пароходъ въ Амбракійскомъ заливѣ, въ 5½ ч. утра, тогда-какъ нота Турціи о разрывѣ сношеній была вручена въ Аѳинахъ только въ 10 ч.

V.

Шавка и бульдогъ.

Сію минуту потоки крови льются у Ѳермопилъ. Невольно припоминается тотъ безсмертный праздникъ человѣчества, когда, почти 24 вѣка тому назадъ, въ лицѣ эллиновъ, впервые качество взяло верхъ надъ количествомъ, нравственное величіе—надъ физическою силой, европейскій духъ—надъ азіатчиной. При Марафонѣ 10.000 грековъ побили 100.000 персовъ; при Ѳермопилахъ 1.200 гоплитовъ сдерживали напоръ двухъ-милліоннаго полчища Ксеркса. А тогда положеніе Эллады было, пожалуй лучше, чѣмъ теперь: всего грековъ насчитывалось до 20 милл.; передъ пелопоннезской войной одна аѳинская держава состояла изъ 10 милл. населенія; древняя Эллада раскидывалась почти на 100.000 кв. верстъ. Нынѣшняя Греція обнимаетъ всего 65.000 кв. верстъ и 2½ милл. жителей; и изъ нихъ около 14.000 кв. принадлежатъ ей лишь съ 1881 г.: она еще не получила уступленныхъ ей берлинскимъ договоромъ 1878 г. двухъ клочковъ земли—въ Эпирѣ (Янину) и въ Македоніи (Элассона, Олимпъ и часть Салоникскаго залива). А если собрать и грековъ Оттоманской Имперіи, то всего будетъ не больше 5 милліоновъ. При массѣ горъ, скалъ, болотъ, рѣкъ, при крайней сухотѣ климата и плохомъ земледѣліи, 25% этой земли совсѣмъ не обработаны, да и остальная процвѣтаетъ лишь на половину. Финансы разстроены: уже накопилось съ полмилліарда драхмъ (франковъ) государственнаго долга, при 100-милліонномъ бюджетѣ. Войска трудно набрать болѣе 200,000; вооруженіе его устарѣло; провіантская и особенно санитарная часть развиты слабо. Да и чѣмъ кормить армію, на содержаніе которой требуется полмилліона драхмъ въ день? Ясно, что нужно было или тотчасъ объявить войну, или предоставить арміи помирать съ голоду, такъ-какъ распущеніе ея вызвало-бы революцію. А нынѣшній Ксерксъ и теперь смотритъ грозно. Онъ имѣетъ въ полномъ владѣніи (не считая вассаловъ, и такихъ, какъ Египетъ) до 5 милл. кв. верстъ земли и до 25 милл. населенія; онъ можетъ выставить до 1 милл. солдатъ, съ 2.000 орудій, съ новѣйшимъ вооруженіемъ, съ сносною продовольственною частью и съ хорошимъ санитарнымъ составомъ. У него бюджетъ въ 600 милліоновъ франковъ.

Конечно, не въ количествѣ дѣло: лучше всего доказали это греки-же, съ ихъ Мильтіадами и Леонидами. Но то было время, теперь другое. На нашихъ глазахъ даже полудикари Абиссиніи задали жестокую треп-

ку итальянцамъ, а турецкая Плевна надолго не изгладится изъ памяти народовъ. Дѣло въ томъ, что, при нынѣшнемъ объединеніи человѣчества, культура, въ особенности внѣшняя, быстро проникаетъ во всѣ уголки свѣта. Положимъ, турки лѣнивы, невѣжественны и нищи; но европейскіе капиталисты и мастера живо устраиваютъ имъ желѣзныя дороги, корабли и банки, а Круппы предлагаютъ самоновѣйшій товаръ для человѣческой бойни. Положимъ, у османліевъ «пушечнаго мяса» дѣвать не куда, но не хватаетъ его двигателей;—а на что европейскіе спеціалисты кровавой расправы, которымъ становится мало дѣла дома? Особенно первымъ воителямъ въ мірѣ дѣваться некуда: и вотъ, въ Турціи мы видимъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ «инструкторовъ», отъ пашей до фельдфебелей; сію минуту оказалось, что всѣ позиціи, занятыя Эдхемомъ, были давно и тщательно ими изучены, и турецкою Красною Луной называется просто нѣмецкій Красный Крестъ. Оттого-то и артиллерія у султана вышла хорошая, хотя тутъ такъ-же, какъ и въ инженерной части, греки отличились, какъ нація даровитая, способная къ наукѣ. Если османліи ухитрились такъ низвести свое знаменитое коневодство (помѣсь арабской лошади дала англійскаго скакуна), что принуждены покупать лошадей въ Россіи, то у грековъ почти совсѣмъ нѣтъ кавалеріи, въ строгомъ смыслѣ слова. Остается пѣхотинецъ, греческій *эвзонъ*—хорошій вояка: своимъ геройствомъ, отвагой, французскимъ натискомъ (élan), онъ напоминаетъ знаменитыхъ клефтовъ и поликаровъ временъ борьбы Греціи за освобожденіе. Но онъ невыносливъ, нѣженъ, слишкомъ пылокъ. А турецкій *низамъ* отличается русской выносливостью и упорствомъ и спартанскою закаленностью. Если грекъ живетъ патріотизмомъ и гордымъ историческимъ сознаніемъ, то турокъ поддерживаетъ желѣзная дисциплина и одушевляетъ магометанскій фанатизмъ. Да фанатизмъ: передъ войной, на румынскомъ пароходѣ, плыли 400 греческихъ добровольцевъ; среди нихъ проскользнули 3 турки и чуть не взорвали котелъ судна.

Есть еще важное обстоятельство, которое уравновѣшиваетъ борьбу. До сихъ поръ мы говорили только про армію; а въ тѣхъ морскихъ странахъ, съ богатѣйшею береговою линіей, гдѣ вспыхнула теперь война, флотъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Какъ оказалось, его вовсе нѣтъ у турокъ, а у грековъ онъ, ко всеобщему признанію, великолѣпенъ, и его моряки славятся всюду по своей ловкости, по героизму, мужеству и сметливости. Передъ изумленнымъ человѣчествомъ можетъ возникнуть и здѣсь картина борьбы слона съ китомъ.

IV.

Деньги или штыки?

Для оцѣнки предстоящей войны мы должны еще разъ остановиться на знаменіи времени. Такъ какъ деньги признали «нервомъ войны» съ

самаго своего появленія на свѣтъ, то каково-же ихъ значеніе въ нашу, попреимуществу экономическую, эпоху? И это обстоятельство—новый, едва-ли даже не лучшій соперникъ миротворцевъ. Всякому извѣстно, что вопросъ о всеобщемъ разоруженіи, о которомъ говорятъ все чаще и чаще, уже переходитъ изъ области утопій въ требованіе дѣйствительности именно по этой причинѣ: скоро просто не хватитъ денегъ на войны (прежде говорили: не хватаетъ народу). Въ этомъ смыслѣ, нынѣшняя война—шагъ впередъ. Она положительно кончилась-бы комизмомъ еще до своего начала: обѣ арміи внезапно разбѣжались-бы отъ голода, еслибы державамъ удалось задержать взрывъ еще хоть на недѣлю. Султанъ умолялъ ихъ разрѣшить ему начало дѣйствій прежде всего, по этому поводу Деліаннисъ прямо говорилъ имъ (13-го апрѣля): «Греція *не можетъ* содержать долѣе 80,000 солдатъ на военномъ положеніи». Возможно, что слѣдующая «война» въ Европѣ кончится поединкомъ двухъ сосѣднихъ лавочниковъ: у кого кошель толще, кто дольше сможетъ «выдержать», тотъ и возьметъ противника измором. То-же, вѣдь, теперь въ тѣхъ экономическихъ битвахъ, которыя, подъ именемъ стачекъ, болѣе характеризуютъ наше время, чѣмъ кровопролитія.

Ну, а экономическая сторона уже не такъ проста и матеріальна, какъ число квадратныхъ верстъ и производство пушечнаго мяса: примѣръ—такія богатства у такой крошки, какъ Бельгія, съ ея 30 т. кв. в. и $5^1/_2$ милл. жителей. Вотъ, и въ нынѣшней тяжбѣ народовъ оказывается такая странность: бульдогъ и шавка одинаково слабы, и еще неизвѣстно, кто слабѣе.

Правда, положеніе Греціи неблестяще, какъ показываетъ только-что изданный отличный докладъ знатока дѣла, бельгійскаго посланника въ Аѳинахъ. Банкиры стѣснены, доходы падаютъ, предметы первой необходимости дорожаютъ, а заработная плата не увеличивается; земледѣліе развивается плохо, вслѣдствіе рутины и недостатка рабочихъ рукъ, а для фабрикъ не хватаетъ уже и сырья; и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ Греція уплачиваетъ лишь $^1/_3$ процентовъ по своимъ долгамъ. Но эта картина сложилась лишь за послѣдній десятокъ лѣтъ; и въ ней виноваты не одни греки, а многолѣтній неурожай да тотъ милый меркантилизмъ временъ Людовика XIV, который сталъ одолѣвать теперь и Европу, по примѣру Маккинлея. Фактъ, что положеніе Греціи стало ухудшаться со времени увеличенія во Франціи пошлинъ на изюмъ (главный предметъ греческаго вывоза), на вина и масло. А передъ тѣмъ въ Греціи было столько золота, что она ссужала имъ другія государства. Да и теперь горное дѣло развивается: желѣзо, свинецъ, цинкъ добывается въ такомъ изобиліи (и перваго сорта), что идутъ даже въ Америку. Развивается также производство свѣчъ, шерстяныхъ и особенно бумажныхъ матерій и еще больше разныхъ водокъ, въ особенности коньяку. Улучшается и качество вина и масла. Не забудемъ торговую и финансовую сторону греческой буржуазіи: не только въ самой Греціи,

но и далеко за ея предѣлами есть много греческихъ милліонеровъ. А патріотизмъ теперь такъ охватываетъ всѣхъ, что и эти крезы не скупятся на пожертвованія: факты оправдали слова Деліаниса передъ войной о томъ, что казна должна позаботиться только о хлѣбѣ войскамъ и объ углѣ кораблямъ, а все остальное покроется добровольно богачами. Хлѣба-же выйдетъ не Богъ знаетъ сколько: южный человѣкъ, греческій воинъ выглядитъ молодцомъ при горсти сухариковъ и маслинъ. Сверхъ того, забіяка—не промахъ. Въ 1886 г. онъ воспользовался «мирною блокадой»: онъ сдѣлалъ тогда богатые запасы для войска и хранилъ ихъ, да еще экономилъ, откладывая копѣйку про нынѣшній черный день; а въ послѣднее время Богъ благословилъ его урожаями.

Словомъ, какъ ни поверни, забіяка является передъ нами симпатичнымъ созданіемъ, своимъ братомъ, европейцемъ: это—словно даровитый юноша, полный жизни, стремленій, жажды образованія, только временно несчастный и именно отъ узости пеленокъ, изъ которыхъ онъ выросъ. Ему душно, тѣсно. Дайте ему простора, дайте развернуться его генію! Еслибы Европа сдержала хоть свое берлинское слово—не то-бы было. Деліанисъ съ рѣшимостью отчаянія воскликнулъ ей въ лицо, 13-го апрѣля: «если и теперь не дадутъ *линіи по берлинскому договору*, греки сами возьмутъ ее»! Запомнимъ эти слова жаждущаго жизни и достойнаго ея народа: на-дняхъ они стали новымъ знаменемъ времени. Именно по всей этой знаменитой линіи и началась борьба, невольно напомнившая Европѣ ея изначальную гордость—Мараѳонъ и Ѳермопилы, за которыми еще легче послѣдовать Саламину.

А Турокъ точно также невольно напоминаетъ мрачные облики Ксеркса, Тамерлана и Чингисхана. Онъ, право, и теперь такой-же азіятъ. Не будемъ вспоминать о курдахъ, албанцахъ, обо всѣхъ «звѣрствахъ», которыя совершаются имъ и сейчасъ, хотя тонутъ среди болѣе крупныхъ дѣлъ. Но и со стороны экономіи османліи никуда не годятся. Тутъ царитъ первобытность: не жди никакой промышленности и торговли. Куда ужъ турку, который, замѣчательно, самъ собою вымираетъ (по даннымъ статистики), и не только въ Европѣ, но и въ Азіи! Османлій, съ его халатомъ, гаремомъ и фатальнымъ кораномъ, аки нагъ, аки благъ и у себя въ Стамбулѣ, гдѣ всѣ деньги у того же грека да армянина; а чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ и его подданные представляютъ видъ разбойниковъ или нищихъ, курдовъ или бедуиновъ. Оттого-то никуда не годится у него такое дѣло, какъ флотъ, требующій много денегъ и ума, образованія. Да еще хватитъ-ли у его браваго низама хлѣба для похода въ Аѳины, хотя онъ привыкъ голодать: Европа изумляется, какъ турецкій солдатъ безропотно работаетъ въ Канеѣ по 12 ч. въ сутки и не получаетъ по 16 мѣсяцевъ жалованья? Наканунѣ войны, въ совѣтѣ Илдызъ-Кіоска «негодовали на дурное веденіе хозяйства, которое вызываетъ ежемѣсячно непроизводительные расходы на полмилліона фунтовъ, которые идутъ на обогащеніе поставщиковъ военнаго и мор-

ского министерствъ». А тутъ попался любимецъ султана, пресловутый Изветъ-бей, обѣщавшій грекамъ, за милліонную взятку, спроворить Критъ и скрывавшій депеши Эдхема: его ужъ хотѣли судить, часовые стояли у его дверей; но теперь онъ «снова попалъ въ милость у султана». Немудрено, что иностранцы уже рисуютъ жалкій портретъ полуголодного низама, въ лохмотьяхъ, босякомъ, страдающаго оспой и диссентеріей. Немудрено, что, уже за недѣлю до объявленія войны, въ Илдызъ-Кіоскѣ заговаривали о такихъ «каимэ» (бумажныя деньги), какъ въ войну 1877—1878 г., когда ихъ натворили столько, что они потеряли всякую цѣну: ими обклеивали комнаты вмѣсто обоевъ. Но какъ-же допустятъ такое новое твореніе иностранные кредиторы, которымъ Порта и теперь выплачиваетъ по 2 милл. лиръ въ годъ однихъ процентовъ?

Вотъ условія, при которыхъ шавкѣ пришлось бороться съ бульдогомъ. Посмотримъ, какъ началась эта крайне поучительная и драматическая борьба.

VII.

Греко-турецкая война.—Западный театръ.

Отъ Олимпа до Артскаго залива тянутся могучіе отроги Пинда, отдѣляющіе Турцію отъ Греціи, подъ именемъ Камбунскаго и Керавискаго хребтовъ. По нимъ извивается граница, верстъ на 300; ея большая половина идетъ, отъ Олимпа до Краніи, почти прямо съ востока на западъ, отдѣляя Ѳессалію отъ Македоніи; остальная часть круто спускается на югъ, отдѣляя Ѳессалію отъ ю. Албаніи или древняго Эпира. Вся она—въ суровыхъ, скалистыхъ тѣснинахъ, изрѣзанныхъ глубокими, мрачными ущельями. Проходовъ есть не мало, но трудныхъ: это по большей части — тропинки; лучшій изъ нихъ «почтовый», доступенъ только всадникамъ: это — отнынѣ знаменитый *Мелунскій* проходъ, въ 50 в. отъ Эгейскаго моря. Между нимъ и моремъ, у самой границы, у большого озера, лежитъ греческій городокъ съ славянскимъ именемъ — *Незеросъ* (Наозерье), надъ которымъ поднимаются, у турокъ, снѣжныя вершины девятиглаваго Олимпа, а у грековъ—Осса, и подъ покровомъ оковъ этихъ миѳологическихъ гигантовъ стремится Пеней (теперь Саламбрія) по романтической Темпейской долинѣ. По сю сторону Мелуна, верстахъ въ 8-ми, лѣпится, подъ утесами, турецкій городокъ *Элассона*, штабъ-квартира Эдхема; а за нимъ идетъ дорога въ *Лариссу*, отстоящую отъ него на 40 в.; отъ Лариссы-же начинается желѣзная дорога въ *Воло* — приморскій портъ, главная связь Ѳессаліи съ Аѳинами и та мрачная, окруженная скалами, какъ стѣнами, бухта, откуда выѣхали, по сказкѣ, отважные Аргонавты. Въ 25 в. отъ Мелуна, по дорогѣ въ Лариссу, лежитъ большое село *Тырнавосъ* (Терновое), служащее скатомъ съ трехъ террасъ Камбунскаго хребта въ равнину Лариссы; а къ югу отъ него верстъ на 10 таится другой важный проходъ, *Ревени*, по которому

вторглись персы въ 480 г. до Р. Х. Равнина, на которую выходишь изъ Ревени и Тырнавоса, маленькая, и только здѣсь можетъ развернуться кавалерія. Уже въ 40 в. къ югу отъ Лариссы начинаются новыя горы, Өрюсскія, у *Фарсалы*, гдѣ Цезарь побилъ Помпея въ 48 г. до Р. Х. и гдѣ проходили границы Греціи до ея освобожденія отъ турецкаго ига. Отъ Фарсалы идетъ верстъ на 60 узкій проходъ до самыхъ *Өермопиллъ*, представляющихъ теперь болото. Это — вторая оборонительная линія грековъ, еслибы они утратили Камбунскіе проходы. А за Өермопиллами ужъ рукой подать до Аөинъ—какихъ-нибудь 70 в.

Таковъ *восточный* театръ войны. *Западный* менѣе интересенъ въ смыслѣ сухопутной борьбы. Тутъ граница между Өессаліей и Албаніей тянется всего верстъ на 100, по Керавискому хребту и р. Артѣ; она менѣе извилиста; проходы менѣе трудны. Она идетъ отъ *Краніи* до впаденія р. Арты въ Артскій заливъ, гдѣ стоитъ греческая крѣпость *Арта*, а напротивъ ея, у самаго залива, расположена турецкая крѣпость *Превеза*. У этой деревушки, населенной большею частью христіанами, разбросаны развалины Акціума—«города побѣды», основаннаго Августомъ, послѣ пораженія Антонія, въ 31 г. до Р. Х.; подлѣ нихъ стоятъ угрюмыя батареи и равнодушно сосетъ трубку низамъ, босикомъ, въ оборваннымъ мундирахъ; или сидятъ на корточкахъ, вокругъ костра и что-то жрутъ, безъ вилокъ и ножей, косматыя фигуры албанцевъ въ буркахъ, съ длинными кинжалами; а на сѣверѣ золотятся снѣжныя вершины суліотскихъ горъ. Эти гиганты мѣшаютъ провести желѣзную дорогу къ столицѣ Албаніи, Янинѣ, которая отстоитъ всего верстъ на 80 отъ залива. Но этотъ-то заливъ и Іоническое море придаютъ морское значеніе западному театру войны: здѣсь слѣдовало ожидать первыхъ подвиговъ греческихъ моряковъ. Турки не только ничего не могли имъ противопоставить, но и пренебрегли сухопутной охраной Эпира, стянувъ свои лучшіе силы къ восточному театру войны.

Оттого здѣсь и началась борьба 9-го апрѣля, вторженіемъ инсургентовъ, черезъ проходъ *Кранію*, съ веселыми кликами, патріотическими пѣснями, стрѣльбой изъ револьверовъ. И цѣлую недѣлю Эпиръ переполнялся греческими добровольцами, которые появились даже на о. Корфу. А 18-го апрѣля началась и война: турки потопили выстрѣлами одинъ греческій пароходъ въ Артскомъ заливѣ; а греческій флотъ превратилъ Превезу въ груду развалинъ и сталъ обстрѣливать побережье Эпира, истребляя провіантскіе склады турокъ. Въ то же время храбрые эвзоны, предводимые полковникомъ Маносомъ, взяли грозный Имаретъ—фортъ противъ Арты, разбили врага въ двухъ горячихъ битвахъ и взяли Пентенегодію, на половинѣ пути между Артой и Яниной. Турки отступали по всей эпирской границѣ; Маносъ становился Мильтіадомъ; турецкаго начальника смѣнили, посадивъ на его мѣсто свирѣпаго Саадъ-Эддина, того самого, который ѣздилъ недавно на Критъ возбуждать мусульманъ противъ реформъ.

Какъ вдругъ все измѣнилось. Успѣхи грековъ объясняются недостаточностью войска у непріятеля и измѣной православныхъ албанскихъ баталіоновъ. Порта тотчасъ усилила свою операціонную армію на 80.000 человѣкъ. И это—лишь часть ея мобилизаціоннаго плана: у нея подъ ружьемъ сейчасъ до 400.000 солдатъ, а пущено въ огонь лишь около 250.000. Оттого уже 25-го апрѣля Маносъ отступилъ къ Артѣ, послѣ новаго кроваваго боя у Пентенегодіи, съ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ; а 27-го турки опять подходили къ Превезѣ.

VIII.

Восточный театръ войны.—Мелунъ и Ревени.

Но все это—эпизоды борьбы. Самая война кипѣла на восточномъ театрѣ, гдѣ былъ сосредоточенъ цвѣтъ обоихъ войскъ и надежды обоихъ противниковъ. Тутъ все дѣло было конечно въ огневой линіи Незеросъ—Ревени, съ ея очагомъ, Мелуномъ. И здѣсь-то подробности боя спутываются противорѣчивыми извѣстіями соперниковъ. Видны только общіе результаты и характеръ дѣла. Обѣ стороны дрались львами и ложились костьми тысячами: всѣ говорятъ, что артиллерія у обѣихъ отличалась «изумительною точностью стрѣльбы». Очевидцы употребляютъ гомерическое выраженіе: «ущелья завалены грудами труповъ; горные рѣки окрашивались въ кровь; многія позиціи по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки», съ обѣихъ сторонъ пало множество офицеровъ, у турокъ убиты 4 генерала. И все это въ угрюмыхъ скалахъ, на которыя взирали поэтическіе вершины Олимпа и Оссы; все это среди снѣжныхъ вьюгъ, на тѣсныхъ тропинкахъ. Особенно страдали молодцоватые эвзоны: ихъ раненыхъ «безостановочно» приносили на перевязочные пункты; а Краснаго Креста почти не было, и несчастныхъ оперировали безъ хлороформа. Героевъ всюду встрѣчали нескончаемыя массы врага: бульдогъ давилъ шавку одною тяжестью своего тѣла: по донесенію генерала Вильгельма II, тамъ было 140.000 турокъ и только 80.000 грековъ.

Дѣло началось съ того, что, 17-го апрѣля, кажется, оба противника разомъ устремились на нейтральный холмъ у *Незероса*. Здѣсь турки были отброшены послѣ неоднократныхъ жестокихъ аттакъ. Въ то же время кипѣлъ самый ожесточенный бой на другомъ концѣ огневой линіи, въ проходѣ *Ревени*, гдѣ «Скобелевымъ греческой арміи», если не Леонидомъ, оказался полковникъ Смоленскій. Здѣсь турки остервенѣло нападали три дня, оставаясь 30 часовъ подрядъ безъ пищи и сна. Они положили до 7.000 своихъ труповъ. Преслѣдуя ихъ, побѣдители врѣзались верстъ на 5 въ турецкую землю. Зато въ Мелунѣ, гдѣ особенно отличилась турецкая артиллерія, греки были побиты, но только когда турки, потерявъ массу убитыхъ, въ томъ числѣ бригаднаго командира, 80-лѣтняго старика, получили подкрѣпленіе и бросились въ штыки; Эдхемъ писалъ тутъ приказы на окровавленной бумагѣ, поджавъ ноги на мокрой землѣ.

Несомнѣнно, что въ эти ужасные три дня (17—19 апр.) греки превзошли себя въ героизмѣ и стойкости. Между тѣмъ какъ эвзоны и добровольцы упорно бились съ вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ, озадачивая его своимъ мужествомъ на всѣхъ границахъ, ихъ эскадры искали врага, гдѣ можно. Мы видѣли дѣла западной; восточная-же бомбардировала турецкіе порты въ Салоникскомъ заливѣ, хватала непріятельскія суда съ провіантомъ, готовила возстаніе на островахъ, высылала дессантные отряды, изъ которыхъ одинъ пробрался на Аѳонъ, другой чуть не взорвалъ желѣзную дорогу въ Салоникахъ. Вся нація трепетала. Въ Аѳинахъ улицы переполнялись толпами съ телеграммами въ рукахъ, по церквамъ служились молебны; оттуда были посланы на границу королевская гвардія, даже жандармы и полицейскіе. Отовсюду шли добровольцы, отъ 15-лѣтнихъ юношей до глубокихъ старцевъ, и масса моряковъ. Дамы, съ королевой во главѣ, устраивали лазареты и отправляли сестеръ милосердія въ армію. Внутренній заемъ въ 30 милл. фр. былъ немедленно покрытъ банками и богачами. Въ Одессѣ въ одинъ день собрали 6.000 р.; и тамъ, видно, греки такъ одушевляли всѣхъ, что даже русскія дамы захотѣли поступить въ ихъ Красный Крестъ,—но еще «не послѣдовало особаго распоряженія правительства».

А турки, мечтавшіе однимъ щелчкомъ раздавить забіяку, опѣшили. Извѣстная бездарность, Эдхемъ, то молчалъ, такъ что султанъ узнавалъ извѣстія о разгоравшейся войнѣ изъ иностранныхъ газетъ, то присылалъ чудовищныя телеграммы: у него одинъ городъ былъ 4 раза взятъ турками, и въ «горячемъ бою» оказывался 1 убитый и десятокъ плѣнныхъ. Онъ твердилъ объ «упорномъ сопротивленіи» и о «стройномъ отступленіи» врага и все просилъ подкрѣпленій. Да онъ и былъ мученикомъ военнаго совѣта въ Ильдызъ-Кіоскѣ, который не дозволялъ ему выходить изъ рамокъ его приказовъ. Этотъ совѣтъ и министры засѣдали безпрерывно, даже по ночамъ; султанъ мѣнялъ рѣшенія съ часу на часъ, Наконецъ, рѣшилъ послать подкрѣпленіе и назначить новыхъ полководцевъ, гази Османа и Саадъ-Эддина, давъ имъ свободу дѣйствій; а грекамъ велѣно покинуть Турцію въ 3 дня!

Греки сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ. Но сила солому ломитъ. Они, наконецъ, потеряли проходы—и имъ оставалось отступать ко второй оборонительной линіи, къ Фарсалу. Такъ они и сдѣлали. Отступленіе было опять блестяще. Съ 20-го, когда у нихъ отняли Тырнавосъ, послѣ многихъ кровавыхъ ошибокъ, въ теченіе пяти дней, они дрались отчаянно, дорого уступая каждый свой шагъ. Турки лишь 28-го расположились въ *Лариссѣ* хозяевами и взяли, опять послѣ кроваваго боя, *Триккалу*, въ 60 в. къ западу отъ нея, т. е. захватили только сѣверную половину равнины. Но вотъ грекамъ начинаетъ овладѣвать сознаніе своего безсилія. Начинаются взаимныя нареканія; въ Лариссѣ итальянцы передрались съ эвзонами; общество требуетъ удаленія принцевъ съ театра войны; назначенъ новый полководецъ, Мавромихалисъ,

потомокъ героя временъ освобожденія. Въ Аѳинахъ, по свѣдѣніямъ отъ 27-го, ростетъ волненіе. Населеніе вооружается; купцы образуютъ изъ себя стражу для охраны лавокъ; по улицамъ ходятъ патрули; палатъ нельзя собрать; заговариваютъ о замѣнѣ Деліаниса Ралли; и въ Копенгагенѣ очищаютъ отъ паутины давно заброшенный дворецъ короля Георга.

И вдругъ новая непостижимость. Турки, передъ которыми скатертью дорога къ Фарсалу, стали, какъ вкопанные. Конечно, имъ нужно собраться съ силами послѣ такихъ Пирровскихъ побѣдъ; и у нихъ не можетъ быть легко на сердцѣ при мысли о «второй оборонительной линіи», съ новыми «проходами». Но, кажется, они натолкнулись уже и на новую силу. Передышка, которую даютъ они врагу, даетъ возможность и намъ разсказать, въ двухъ словахъ, о немногосложныхъ подвигахъ державъ за апрѣль.

IX.

Подвиги Европы. «Батюшка-Стыдъ».

Въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлала «Европа»? Чего смотрѣла эта строгая гувернантка задравшихся народовъ, которая съ самаго начала взяла въ свои руки ихъ тяжбу. Неужели она не видитъ, что если Греція начала войну фактически, а Турція—формально, то оба эти государства столько же виноваты въ этомъ передъ нелицепріятнымъ судомъ исторіи, сколько Франція въ 1870 году? О, еслибы Европа не сознавала и не видѣла ничего! Вѣдь, тогда возмутилось бы ея благородное сердце, и его желаніе было бы немедленно исполнено эскадрами, которыя стоятъ въ двухъ шагахъ отъ театра войны да изрѣдка пострѣливаютъ въ своего брата, въ забіяку.

Но, быть можетъ, Европа все знала и понимала, да не имѣла времени? Что дѣлать! Своя рубашка къ тѣлу ближе. Какія же собственныя великія дѣла отвлекали ея вниманіе отъ страшнаго пожара у сосѣда? Германія занималась помимо обученія турецкихъ войскъ и юбилейнаго торжества, оцѣниваемаго нами въ «культурномъ письмѣ», вопросомъ о непоздравленіи императоромъ Бисмарка съ днемъ ангела, а ея рейхстагъ разминалъ такіе вопросы, какъ «вознагражденіе за убытки отъ свиныхъ болѣзней въ провинціи Силезіи». Въ Австріи, благодаря вступленію низшаго класса въ рейхсратъ, вышла такая конфузія, что Бадени то выступалъ изъ министерства, то опять вступалъ: и до сихъ поръ бѣдняга не можетъ «сформировать большинства» (вѣдь, въ Австріи министерство не подбираетъ большинство въ парламентѣ!). Въ Италіи то же возятся съ налаживаніемъ большинства; и этимъ опять чуть не воспользовался Криспи—еслибы не проворовался опять. Свыше слова выказывалось сочувствіе къ итальянскому Иззетъ-бею. А 22-го апрѣля какой-то Аччіарито чуть не зарѣзалъ короля въ экипажѣ такимъ же кинжаломъ, съ крестомъ

на рукояткѣ, какимъ Казеріо закололъ Карно. Въ Англіи и Франціи палаты, вопреки требованіямъ оппозиціи, вовсе не расходиться, распустили себя, на Святую, на самое долгое время (въ Парижѣ на 5 недѣль!) и не только депутаты, но и министры разбѣжались по дачамъ, а Сольсбери отдыхаетъ и сейчасъ на прелестномъ югѣ Франціи, Форъ же поѣхалъ въ Вандею укрѣпить республиканскій духъ. Впрочемъ, въ Парижѣ палата, послѣ 13 «вопросовъ» и 22 «запросовъ», особенно по восточному вопросу, успѣла еще покричать о Панамѣ, а сенатъ все время воевалъ съ уличною порнографіей, подстрекаемый неумолимымъ «Батюшкой-Стыдомъ» (Père le Pudeur—кличка сенатора Беранже, который громитъ срамоту самыми непристойными словами).

Вотъ за этими-то великими дѣлами, за борьбой съ пѣсенками въ кабачкахъ, Европа провела апрѣль, посвоему понимая Батюшку-Стыдъ. А касательно сосѣдняго пожара она ограничилась вышеуказаннымъ репримандомъ непослушной питомицѣ отъ 4-го апрѣля. Вездѣ на запросы оппозиціи, которую возмущала «помощь туркамъ», доходящая до того, что даже Бельгія, вопреки международному праву, не выдала грекамъ оружія, заказаннаго до войны, державы отвѣчали, что «усмирятъ», а Ганото, какъ Тирситъ, снова запѣлъ даже о «реформахъ» въ Турціи. И все хвастались несокрушимостью «концерта», который дошелъ дѣйствительно до невиданнаго въ исторіи факта: въ Парижѣ, французскій и англійскій министры позавтракали наединѣ! А ужъ миръ-то, при эдакихъ его заступникахъ, обезпеченъ на вѣки. Францъ-Іосифъ возвѣстилъ 9-го апрѣля (день Краніи!): «державы проникнуты истиннымъ миролюбіемъ,—и эра сдѣлокъ, взаимныхъ уступокъ, составляющихъ суть жизни, водворится въ Европѣ и навсегда устранитъ войны». Вильгельмъ II возвѣстилъ 24-го (день Лариссы!) бургомистру въ Карлсруэ: «Надѣюсь, что миръ обезпеченъ нашему отечеству и, можетъ быть, всему свѣту; уваженіе, которымъ мы пользуемся вездѣ, доказываетъ, что наша политика на вѣрномъ пути». Въ это самое время оба императора видѣлись въ Вѣнѣ (21-го) и подтвердили «единогласное» рѣшеніе французскаго совѣта министровъ (20-го) «ничего не измѣнять въ политикѣ», ибо «державы не имѣютъ права вмѣшиваться», а затѣмъ пристали къ циркулярной нотѣ Муравьева (23-го) о томъ, что «нѣтъ никакого повода къ измѣненію политики державъ и на Критѣ». Апрѣль завершился серіей свиданій трехъ императоровъ, причемъ западная печать отмѣтила тотъ фактъ, что внезапный пріѣздъ Вильгельма II въ Вѣну случился за нѣсколько дней до отъѣзда Франца-Іосифа въ Петербургъ. А въ пештской палатѣ оппозиція, въ лицѣ Аннальи, обратилась (28-го) къ министерству Банфи съ запросомъ по поводу визитовъ и съ какими-то намеками на то, что не слѣдуетъ поощрять «никакихъ амбицій».

Прибавимъ къ ряду этихъ непостижимостей политики, очевидно спутывающейся въ мудреный клубокъ, такія характерныя мелочи. Въ Ливорно власти запрещаютъ большой филэллинскій митингъ, устроенный

гарибальдійскимъ обществомъ; а въ Стамбулѣ всѣ послы, съ супругами, чуть не слезно провожаютъ греческаго посланника, Маврокордато, и подносятъ на набережной букетъ его супругѣ (22-го), а затѣмъ вручаютъ султану строгую ноту противъ немедленнаго изгнанія грековъ изъ его владѣній (24-го). Наконецъ, 28-го вдругъ во всей печати упорный слухъ, что державы, съ Россіей и Англіей во главѣ, уже готовы крикнуть туркамъ: «стопъ, машина!» Одна только Германія продолжаетъ ворчать: «подѣломъ забіякѣ!»

Немудрено, что стали усиливаться сплетни, особенно раздуваемыя французскими, англійскими и нѣмецкими газетами. Устанавливается мнѣніе, что Германія стремится «вернуть гегемонію надъ Европой», пользуясь восточнымъ вопросомъ, Россія замышляетъ великій «coup de maitre», а Англія «играетъ въ двойную игру». Особенно достается Англіи: она де помѣшала блокадѣ Греціи, чтобы дать ей время отправить войска къ турецкой границѣ, помогла забіякѣ и деньгами (директоръ англо-египетскаго банка, Гуліосъ, разжигавшій прежде возстаніе на Критѣ и въ Македоніи, орудуетъ Народнымъ Товариществомъ). Сейчасъ уже открыто говорятъ о томъ, что въ Англіи все готово, чтобы провозгласить протекторатъ надъ Египтомъ и поставить Критъ въ положеніе Кипра.

X.

Братушки и педагогія войны.

Въ довершеніе путаницы, готова выступить еще сила жизни, про которую также забыла европейская дипломатія. Державы упустили изъ виду *братушекъ*: онѣ думали, что за глаза довольно строгаго вліянія на нихъ спасителей. Братушки и вели себя образцово, какъ мы видѣли въ прошлыхъ лѣтописяхъ. Но съ ними, кажется, происходитъ теперь тоже, что съ забіякой—становится не въ моготу. Братушки поступили умно: собирались съ силами, выжидая, пока истомятся турки и греки, одинаково враждебные имъ. Они угощали другъ друга тостами и таинственными разговорами на виду у всего міра. Когда ихъ враги задрались между собой, они стали ихъ руками таскать каштаны изъ огня. Пока Васька мобилизовался, они рвали у него по клочкамъ разные выгодные «бераты» (привиллегіи), то по церковному, то по школьному вопросу. Они все указывали ему на его незащищенную спину; а болгаринъ предложилъ ему даже выставить, на помощь, 3 дивизіи въ Македоніи, хотя его дипломатъ въ Аѳинахъ переговаривался въ это время съ Деліаннсомъ. Васька подумалъ: «пусти только волка въ овчарню, такъ его ничѣмъ не выгонишь оттуда». Султанъ отказался отъ помощи своего вассала, предложивъ ему, съ своей стороны, прогнать представителя Греціи изъ Софіи (18-го). Тѣмъ временемъ болгарскій князь побывалъ въ Берлинѣ (21-го) и Стоиловъ отказался, ссылаясь на «общественное настроеніе»

въ Болгаріи и, услуга за услугу, потребовалъ пять новыхъ бератовъ для пяти болгарскихъ епископствъ въ Македоніи да, кстати, разрѣшеніе завести тамъ же 8 болгарскихъ консульствъ. Вассалъ поставилъ эти свои желанія въ видѣ «ультиматума»: иначе грозилъ мобилизоваться и провозгласить свою независимость. Султанъ сообразилъ, что ему не къ лицу отстаивать греческаго патріарха, владыку церквей въ Македоніи: онъ уступилъ. По крайней мѣрѣ, телеграфъ принесъ, 28-го апрѣля, важное, хотя и не особенно изумительное, извѣстіе изъ Софіи: двухъ-тысячная толпа на митингѣ рѣшила поднять возстаніе въ Македоніи

Не дремали и сербы. Ихъ посланникъ въ Константинополѣ, поддерживаемый черногорскимъ коллегой, твердилъ о «200 случаяхъ насилій со стороны Порты» и получалъ удовлетвореніе по частямъ. Затѣмъ онъ началъ издавать ноты объ «исправленіи границъ»: въ началѣ апрѣля было 4-е, теперь—неизвѣстно, которое по счету. Газеты и либераловъ, и радикаловъ все задорнѣе кричали о необходимости profiter de l'occasion,—и 28-го апрѣля міръ былъ пораженъ сюрпризомъ: такъ какъ султанъ не согласился тотчасъ на выборъ сербскаго епископа для Ускюба, сербскій посланникъ съ шумомъ выѣхалъ изъ Константинополя, товарищи, болгарскій и черногорскій посланники, сердечно провожали его на вокзалѣ.

Какъ-ни-какъ, а братушки и забіяка дѣлаютъ свое жизненное дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подталкиваютъ исторію по прямой дорогѣ логики фактовъ. Они окончательно вытѣсняютъ турка, залѣзшаго не въ свои сани. Всѣ три стороны справедливо досадуютъ только на Европу, зачѣмъ она мѣшаетъ имъ поскорѣе свести счеты. Историческій фактъ, что, наканунѣ войны, и Греція, и Турція равно желали покончить полюбовно: Порта была не прочь отступиться отъ Крита и уступить уже разъ признанныя ею границы берлинскаго договора. Османліи, число которыхъ въ Европѣ уже сократилось до 1¼ милліона, инстинктивно уходятъ во-свояси: они все переселяются въ Азію, и не только изъ утраченныхъ мѣстъ въ Европѣ, но и изъ тѣхъ угловъ, гдѣ они еще господа; и извѣстенъ ихъ обычай завѣщать, чтобы ихъ трупы хоронились на азіятскомъ берегу.

А Европа? Ея роль въ этой кровавой драмѣ смутитъ историка. Она начала съ наивной фанаберіи, вообразивъ, что «реформъ» ея премудрыхъ пословъ въ Стамбулѣ и «нотъ» ея канцелярій достаточно для того, чтобы играть «народами», какъ пѣшками. За это предстательница мира получила «Наваринъ на изнанку» и «мирную блокаду». Европа приказала стоять смирно (но не расходиться) противникамъ, поднявшимъ, на 15 шагахъ растоянія, ружья другъ противъ друга. За это представительница мира получила Мелунъ и Ревени. И эти ужасы, передъ которыми блѣднѣютъ всякія армянскія и критскія звѣрства, не смутили ее. При томъ, предстательница мира пріобрѣла новые доводы въ его пользу: теперь она легко убѣдитъ всѣхъ въ «мерзости» войны. Вѣдь, никто не

забудетъ хоть такихъ педагогическихъ фактовъ: Ущелье завалено трупами отъ очаровательной мѣткости артиллеріи; покраснѣвшая рѣка наполнилась человѣческими кишками—отъ прелестной остроты штыковъ; послѣ пуль, гранатъ и штыковъ, грековъ рѣжутъ хирурги безъ хлороформа, такъ что одинъ капитанъ застрѣлился; турки стрѣляютъ (у Арты) въ Красный Крестъ, а греки звѣрски обращаются съ своими плѣнниками.

Все это прекрасно. Но въ какую же стѣну уперлась хитроумная Европа? Наканунѣ войны она грозно заявила: горе нападающему! Теперь нужно наказать забіяку, хотя объявленіе войны послѣдовало со стороны Порты. Но Европа крикнула также: ничего не получитъ побѣдитель! И 28-го уже послы Россіи, Франціи и Англіи предложили султану перемиріе, хотя какъ «частное» желаніе короля Георга, который желаетъ только «консолидировать отношенія въ Аѳинахъ», т. е. Осману-пашѣ предоставляется роль Бисмарка, который хотѣлъ консолидировать Наполеона III въ Парижѣ, послѣ Седана. И уже флоты всѣхъ державъ плывутъ въ Пирей. Наказывать забіяку?

---

20 Апрѣля / 2 Мая 1897 г.

II. Культурныя письма.

(Письмо 3-е).

I.

Героепоклонство, какъ одно изъ «главныхъ теченій».

Въ прошломъ письмѣ я обѣщалъ попытаться обозначить «главныя теченія» въ современной цивилизаціи Запада,—намѣреніе ужъ не такъ дерзкое въ виду того самоограничительнаго метода, который разъясненъ тамъ. Но прошу позволенія у читателя отложить эту немножко мудреную матерію до слѣдующаго раза. Я взялся вообще слѣдить за культурною жизнью Запада, а жизнь — капризна: она постоянно не знаетъ соображенія ученаго, назойливо преподнося ему, какъ торговка на рынкѣ, самый свѣжій и модный товаръ. Тутъ всегда жди городничаго, для котораго, хоть лопни, а найди проходъ. Такимъ городничимъ служатъ для меня сейчасъ *юбилеи*: а, вѣдь, это—чисто красное яичко, которое дорого лишь къ великому дню. За треть текущаго года на Западѣ произошло три болѣе крупныхъ юбилея чисто-культурнаго свойства,—три праздника науки, свѣта, т.-е. тѣ «скромныя» торжества, которыя, однако, касаются не однѣхъ націй, устроившихъ ихъ, но взываютъ къ участью цивилизованныхъ людей всего міра. Но самымъ свѣжимъ и шумнымъ оказался юбилей политическій, и именно пангерманскій, т.-е. наиболѣе любопытный для меня, какъ временного жителя Германіи. Его значеніе указано нами, гдѣ слѣдуетъ, т.-е. въ прошлой «Политической Лѣтописи» (стр. 36);

но тамъ же мы обѣщали разсмотрѣть его самую интересную сторону, взглянуть на него, какъ на «признакъ нравовъ», т.-е. отнести его къ «культурнымъ письмамъ». Ему-то и посвящается наша настоящая бесѣда съ читателемъ.

Но, прежде всего, какъ-же не подѣлиться съ нимъ мыслями, которыя, конечно, приходятъ и ему въ голову, по поводу такого, весьма культурнаго вопроса, какъ *юбилей* вообще? Вѣдь юбилеи—истинное знаменіе «конца вѣка», тѣмъ болѣе, что они связаны съ еще болѣе важною и любопытною злобою дня—съ вопросомъ о великихъ людяхъ или о *героепоклонствѣ* (heroworship), какъ выражался жрецъ этого культа, Карлейль. Вѣдь теперь мы, т.-е. люди жизни—безстрастная наука идетъ себѣ своимъ путемъ, ничто же сумняшеся—опять (въ который разъ въ исторіи?) увлечены разными исканіями, томленіями, словно потерявъ компасъ въ одиссеевскихъ странствіяхъ по волнамъ моря житейскаго. Отцы вчера только, казалось, совсѣмъ погребли «великаго человѣка», согласно съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ, а дѣти, сегодня, опять обрѣли его—да какого! Вродѣ тѣхъ костей допотопнаго животнаго, которыя однажды были приняты за останки Ильи Муромца, или тѣхъ громадныхъ мечей и сосудовъ, которые закопалъ Александръ Великій у Инда, остановившаго его геркулесовы подвиги,—чтобы потомки дивились «поколѣнію великановъ». И на помощь этому открытію идетъ сама соціологія съ своею теоріей «подражательности» или стадообразія, изъ которой теперь всякій вьетъ свои веревки.

Я долженъ спѣшить: укажу на одинъ только фактъ, подвернувшійся мнѣ подъ руку, благодаря все той-же любезной библіографіи. Дѣло касается именно нагорной проповѣди того-же жреца новаго культа,—знаменитой книжки *Карлейля* «О герояхъ, героепоклонствѣ и героическомъ въ исторіи» (On Heroes and Hero-Worship and Heroic in history). Идея этого бойкаго стилистическаго произведенія—вся въ этомъ заглавіи, гдѣ трижды, и прописными буквами, провозвѣщена новая религія, которой уже тогда было около 22-хъ вѣковъ отъ роду. Говоря съ научной точностью, ей было тогда 2196 л., такъ какъ тѣ 6 лекцій, изъ которыхъ вытекли книжки Карлейля, были читаны въ 1840 г., по Р. Х., а Александръ Македонскій, признанный Великимъ даже со стороны городничаго, родился въ 356 г. до Р. Х.; и его сопровождалъ въ Индію тотъ философъ Эвгемеръ, который (и за то спасибо!) низвелъ Зевса на степень «апоѳеозы» великаго человѣка. Такъ вотъ, эта поистинѣ героическая книжка, чтеніемъ которой захлебывались современники, была, казалось, совсѣмъ изъята изъ употребленія неблагодарнымъ потомствомъ поколѣніе спустя. А въ 1870 г. она вдругъ снова вынырнула изъ потока забвенія, въ извѣстномъ популярномъ изданіи *классиковъ XIX-го вѣка*, (Nineteenth Century Classics). И въ 25 л. разошлось болѣе 100.000 экземпляровъ; да и въ текущемъ десятилѣтіи ея продается каждый годъ столько, что всякій авторъ порадовался-бы на такой успѣхъ своего произведенія.

И это въ то время, когда, на материкѣ, другой мыслитель тевтонской расы, Ницше, создавалъ своего «сверхчеловѣка», который и сейчасъ еще подавляетъ многихъ своимъ величіемъ.

Это-ли не одно изъ «главныхъ теченій современной цивилизаціи»? А юбилеи, это—эвгемеризмъ нашего времени. Такъ, мы въ сущности и въ этомъ письмѣ не уклоняемся отъ нашего обѣщанія.

II.

Юбилеи встарь и нынѣ.

Юбилеи взяты все у того же патріархальнаго народа. Еще Моисей установилъ, чтобы, черезъ каждыя 50 лѣтъ, *іобель* (родъ іерихонской трубы) возвѣщалъ Израилю пору «отпущенія». Каждый еврей долженъ былъ освободить рабовъ, простить долги и возвратить землю первоначальному владѣльцу. Тогда имущіе кормили бѣдныхъ, враги примирялись, миръ и благоволеніе сходили на многострадальную землю. Такъ совершалось возстановленіе общественной справедливости, заглаживаніе грѣховъ двухъ поколѣній. То было доброе старое время: юбилей означалъ—*отдай!* Папы ничего не пропускали изъ Ветхаго Завѣта для устроенія своего новаго благополучія. Они забрали и юбилей, но у нихъ онъ означалъ—*бери!* Они превратили его изъ теоріи раскаянія въ собственныхъ грѣхахъ въ теорію отпущенія чужихъ грѣховъ — вполнѣ или частично, смотря по количеству сребренниковъ. Бонифацій VIII, тотъ самый папа съ блаженной улыбкой на красивомъ лицѣ, который придѣлалъ третью корону къ тіарѣ и облекся въ знаки императорскаго достоинства, за что былъ чуть не побитъ французскимъ королемъ, задалъ, въ 1300 г., такой юбилей, что пришлось расширить улицы Рима для 2 милл. богомольцевъ, а 2 клэрка не успѣвали сгребать благочестивыя приношенія, за которыя отпускались грѣхи «полностью». Эта реставрація древняго обычая такъ понравилась св. отцу, что Бонифацій назначилъ его черезъ 100 л., а его преемники юбилейничали уже черезъ 50, 33 и 25 л., а многіе—и въ годъ своего избранія. Недавно Зола въ своемъ «Римѣ» показалъ, какъ и теперь работаютъ въ Ватиканѣ загребущія лопаточки.

Между тѣмъ еще у евреевъ стали устраивать юбилей въ память событій, бывшихъ за 100, 50, 25 л., а также лицъ, связанныхъ съ ними. Папы знали только праздники и дни святыхъ: въ средніе вѣка, не было видно не только человѣческой личности, но и природы. Возрожденіе окрылило и человѣка, и природу. Въ лицѣ Петрарки, который первый взошелъ на гору, преодолѣвъ суевѣрный страхъ, человѣчество опять стало упиваться красотами природы; въ его-же лицѣ оно вѣнчало лаврами человѣка, личность. Флорентійцы обращали свой соборъ въ Пантеонъ знаменитостей; церковные хоры замѣнялись серенадами поэтамъ, поклоненіемъ ихъ домамъ и могиламъ. Культъ великихъ людей получилъ

глубокій смыслъ. И пошли ставить имъ памятники, совершать ихъ юбилеи, какъ свѣтскія панихиды. Затѣмъ начали чествовать ихъ и при жизни. Движеніе росло по мѣрѣ развитія новаго принципа жизни. И сначала вспоминали больше воителей да собирателей земли; потомъ, съ расширеніемъ кругозора обществъ, съ развитіемъ культуры, народъ увидѣлъ своихъ представителей въ вождяхъ мысли, таланта и образованія, добра и правды. Оттого теперь почти каждый юбилей полонъ смысла: въ немъ сквозитъ крупная идея. Говоримъ—«почти», потому что и на Западѣ бываютъ грѣхи и прорѣхи, здѣсь, какъ во всемъ.

И мы, здѣсь, какъ во всемъ, не ударили въ грязь лицомъ, пошли по стопамъ Европы, приглядываясь къ ней съ тѣхъ поръ, какъ прорубили окно. Какъ нація молодая, которая недавно справляла всего только 1000-лѣтній свой юбилей, мы увлеклись: стали юбилейничать по всѣмъ отраслямъ культуры и (какъ нація завѣдомо демократическая) по всѣмъ слоямъ общества, съ самаго верха до самаго низу. Въ послѣднее время, особенно отсюда, издали, стало такъ отрадно наблюдать это открытіе въ отечествѣ личностей и великихъ людей, которое совершается гораздо легче путешествія Нансеновъ къ полюсу!

Здѣсь, на Западѣ, юбилеевъ меньше. Особенно мало ихъ у одной наиболѣе публичной и у одной наиболѣе казистой націи,—у англичанъ и у французовъ. Болѣе подходятъ къ намъ болѣе близко живущіе къ намъ нѣмцы. Оставляя до другого случая объясненіе этого явленія, замѣтимъ, что теперь въ Германіи особенно развивается юбилейная страсть. Правда, нѣмцамъ далеко до насъ. Къ чести «націи философовъ-поэтовъ», они больше чтутъ героевъ науки, просвѣщенія. Но боюсь, чтобы они не стали тутъ стулья ломать. Вотъ теперь самъ нѣмецъ говоритъ, въ лицѣ умной, профессорской газеты въ Мюнхенѣ («Allgemeine Zeitung»): «Новѣйшая фаза нашего юбилейнаго головокруженія (Jubiläumschwindel) обнимаетъ поминки съ совершенно неизвѣстною хронологическою основой». Дѣло идетъ о суматохѣ почтеннаго города Майнца, который «снаряжаетъ къ 1900-му году новый Гутенберговъ праздникъ на основѣ этой черной магіи». Нѣмцы задумываются также надъ вопросомъ, какъ-бы примазаться къ фріульцамъ, которые хотятъ праздновать 1100-лѣтнюю годовщину смерти ихъ «великаго сына, Павла Дьякона (историка Лонгобардовъ), который и самъ-то хромалъ въ хронологіи и о которомъ никто не знаетъ, ни когда онъ родился, ни когда умеръ. Вѣдь этотъ Дьяконъ принадлежалъ одно время къ ученому кружку Карла Великаго; а бургомистръ Фріули умоляетъ латинскимъ циркуляромъ ученыхъ всѣхъ странъ пожаловать въ его «cividale» для «обмѣна мнѣній» о «великомъ» историкѣ, если не для поддержанія коммерціи въ гостиницахъ его городка.

Итакъ, къ новѣйшимъ нѣмецкимъ юбилеямъ! Первое мѣсто послѣднему и самому великому изъ нихъ.

III.

Еще «Великій».

Und es geht von Mund zu Munde
Kunde auf dem Erdenrunde:
Einst, in festgeweihter Stunde
Gab, wie die Geschichte weiss,
«*Rheingold*», Schaum entstiegenes schlürfend,
Kaiser Wilhelm den Beweis:
«*Deutschem Wein gebührt der Preis!*»

Этотъ образчикъ остроумія и поэтическаго вдохновенія современнаго Михеля имѣетъ для меня личное значеніе. Владыка пріютившей меня «Золотой Короны» въ одной «общинѣ» (мѣстечкѣ), коренастый южный нѣмецъ, охотникъ и «ветеранъ», увѣшавшій всю свою обитель рогами оленей и клыками кабановъ окружныхъ лѣсовъ, подарилъ и мнѣ, въ числѣ своихъ «гостей» (его «корона»—Gasthaus), роскошное меню съ печатными девизами: «собственность гостей» и «перепечатка воспрещается». Здѣсь изображена большущая бутылка «Сента» (шампанское) фирмы *Rheingold* (рейнское золото), а надъ нею дѣдушка — Рейнъ, въ видѣ здоровеннаго костромича, изливающаго свои винные «перлы», которые улавливаютъ русалки, предводимыя миѳическимъ старичкомъ, съ надписью «1780—1871». На оборотѣ меню—старикъ въ генеральскомъ мундирѣ, похожій на кого-угодно, кромѣ «великаго императора», и надпись: «1797—22 März — 1897». А подъ нимъ двѣ длинныхъ строфы, изъ которыхъ взятъ мой эпиграфъ.

По привычкамъ головотяпа и какъ часть Германіи, я хотѣлъ умилиться и уже поднялъ свой стаканъ воды—этотъ признакъ русской некультурности, смущающій моихъ сотрапезниковъ, которые все допытывались: «неужели-же въ Россіи не пьютъ за столомъ ни пива, ни *даже* рейнвейна?» Но мой порывъ былъ остановленъ ехидными улыбочками и плечепожатіями. Я вспомнилъ о черномъ, зло-нахохленномъ орлѣ на вагонахъ германскихъ станцій, о красивыхъ воротникахъ подъ гордыми лицами и надъ грудьми—колесомъ, о крупномъ «Kais.» на вокзалѣ и на почтѣ. Когда я, бывало, разспрашивалъ мою компанію объ этой магіи, они глухо отвѣчали: «Да, съ января и у насъ почта — kaiserliche; въ Германіи остается уже только одно мѣсто, гдѣ не все—kaiserliche: это—Баварія. Ну, та посильнѣе нашего Бадена: королевство! Да и тутъ теперь, вотъ, будетъ кокарда [1])!» Тѣ-же чувства подавленности и вмѣстѣ оглядливости, которая слабѣетъ по мѣрѣ довѣрія къ вамъ, замѣчалъ я у моихъ новыхъ

[1]) По поводу юбилея Вильгельма I, Вильгельмъ II «пожаловалъ» всѣмъ своимъ «союзникамъ» общую кокарду, которую ихъ войска будутъ носить, какъ «вещественное напоминаніе величія Германіи». Имъ-же пожалована особая медаль «изъ бронзы завоеванныхъ орудій».

знакомцевъ въ сосѣднемъ университетскомъ городкѣ. А одинъ «практикантъ» (готовящійся въ судьи), уже толстый, хотя съ еще свѣжими слѣдами студенческихъ дуэлей на лунообразномъ лицѣ, сказалъ мнѣ, за общимъ столомъ: «Вонъ, недавно изъ Берлина вышло дозволеніе нашимъ учителямъ занимать мѣста у *нихъ*, а йхнимъ у насъ. Мы обрадовались, а вышло дѣло дрянь: ихніе нахлынули къ намъ. Вотъ-те, единеніе! Нѣтъ, полнаго сліянія у насъ съ ними никогда не будетъ: das geht nicht!» А одинъ пруссакъ, проникшій уже сюда книжникъ, жаловался мнѣ: «Не знаю, какъ вести дѣло: народъ здѣсь такой тупой, тяжеловѣсный (schwerfällig) и все чванится остатками своихъ *фоновъ* и фюрстовъ да развалинами замковъ!» И мнѣ припомнилась извѣстная сцена, въ Москвѣ, во время коронаціи, послѣ которой одному «союзнику» пришлось путешествовать въ Берлинъ, въ kaiserlichen вагонахъ. Сейчасъ, по поводу юбилея, произошло нѣчто подобное съ принцемъ Рейсскимъ...

Вы поймете, что меня заняла эта загадка. Какъ же это такія рѣчи (и онѣ, говорятъ, слышны вездѣ за предѣлами Пруссіи)—и такой пышный юбилей новаго «Великаго»? Вѣдь, приведенная мною строфа во славу нѣмецкаго вина и смаковавшаго его императора, хотя бы она была заказана мѣстному піитѣ всего за одну бутылку искрометнаго, изображеннаго на меню, была лишь образчикомъ той массы прозаической поэзіи и стиховъ въ прозѣ, которая преслѣдовала меня на каждомъ шагу текущаго года. Я наталкивался на проявленіе чувствъ всюду—отъ здѣшней газеты (есть такая въ общинѣ съ 5.000 жителей!) утромъ, отъ меню и стаканчикомъ съ «героемъ» и нахохленнымъ орломъ за обѣдомъ, до тихой бесѣды, на ночь, съ моими печатными друзьями. Развертываю кучу каталоговъ съ новинками необъятнаго книжнаго рынка Германіи,— и съ каждой страницы глядитъ на меня суровая фигура прусскаго ландвермана или гренадера во всѣхъ мундирныхъ регаліяхъ. Меня пронизываетъ своимъ дисциплинарнымъ взглядомъ «Вильгельмъ Великій, Нашъ герой-императоръ, спаситель и мститель (Retter und Rächer) Германіи» и даже «Pro Machiavell», какъ ухитрился назвать юбиляра профессоръ Тудихумъ, ибо идея Макіавеля—объединеніе Италіи. Сотни стиховъ и журналовъ, брошюръ, листковъ, книжекъ и толстыхъ книгъ [1]), кричатъ на всѣ лады о «немъ», какъ о какомъ-то символѣ «столѣтія борьбы и побѣдъ». Простые марши и Trauermarsch'и воспѣваютъ «героическіе подвиги (Heldenthaten)» Великаго. Маменькамъ преподносятся стихотворныя сладости временъ романтизма, вродѣ «Васильковъ», «Лавровыхъ листьевъ», «Корзинки цвѣтовъ»; дѣтямъ дарится «Игра императоръ Вильгельмъ», съ вопросами и отвѣтами о «подвигахъ Великаго»; всѣхъ нѣмцевъ угощаютъ карманными Вильгельмами-календарями, да «Монументами императора», «Праздникомъ цвѣтовъ» (Blumenfestspiel) къ столѣтію дня рожденія Вильгельма Великаго. «Придворный поэтъ» фон-Вильден-

[1]) При этомъ случаѣ сбывалось и старье залежалое: одна книжка имѣла 3-е изданіе въ 1888 г.!

брухъ сотворилъ такую «драматическую Festspiel», что въ одной нѣмецкой-же газетѣ сказали непереводимо: «это уже не byzantinisch, а neureichsdeutsch!».

Еще болѣе трогательны изображенія, принадлежащія кистямъ всѣхъ свѣтилъ современнаго искусства Германіи, — свѣтилъ, которымъ милостиво раскрыты теперь, выражаясь словами профессора Онкена, всѣ «художественныя сокровища гогенцоллернскаго музея и королевскихъ дворцовъ». Вотъ 10-лѣтній карапузъ-офицеръ, но, замѣчательно! — съ тѣмъ-же дисциплинарнымъ взглядомъ и военною выправкой, какъ «герой 1870 года». Вотъ онъ маршируетъ въ залѣ-манежѣ дворца, со стѣнъ котораго на него смотрятъ лики предковъ, точно также марширующихъ. Вотъ его игрушки—опять марширующіе оловянные солдатики. А тамъ отецъ и мать у колыбели Великаго. Чаще всего встрѣчаешь воспроизведеніе дворцовой картины—«Императоръ Вильгельмъ I передъ своей колыбелью»: посѣдѣвшій въ подвигахъ герой глубокомысленно, какъ надъ могилой дорогого покойника, всматривается въ эти новыя ясли, очевидно изумляясь, какъ могъ помѣщаться въ нихъ, хотя-бы и сто лѣтъ тому назадъ, такой «Спаситель Германіи», какъ онъ. И все это, по справкамъ, оказалось твореніемъ учителей, семинаристовъ, пасторовъ и военныхъ, военныхъ безъ конца, на жалованьи или на пенсіи.

IV.

Трехдневное празднество.

22-е марта н. с. Боже мой! да я въ Россіи! Или это коверъ-самолетъ перенесъ меня духомъ, пока я спалъ, въ мое отечество? Съ 7-ми часовъ утра звонъ во всѣхъ церквахъ (тутъ живутъ католики и протестанты) и пушечная пальба. Южные нѣмцы встаютъ рано: лекціи въ университетѣ начинаются съ 8 ч.; въ 12—2 ч. почти никого не видно на улицѣ и въ лавкахъ—обѣдаютъ; въ 8 ч. запираются магазины; въ 10—улицы пустѣютъ. Но празднество рожденія героя началось еще вчера, а кончится завтра. И все это, какъ мнѣ объяснили, «по распоряженію правительства». Какого? — не разберешь. Уже вчера въ нашей «общинѣ» тамъ и сямъ торчали рядомъ флаги: яркій, грубый черно-красно-бѣлый (имперскій) и блѣдноватый желто-красный (баденскій). Но сегодня они переплетались вездѣ, такъ какъ бургомистръ «покорно просилъ гражданъ» заняться этими украшеніями. Появились даже могучіе злые черные орлы на стѣнахъ и знаменахъ. Къ 4 ч., когда добрые граждане выспались послѣ обѣда, у ратуши собралась toute Gemeinde: ровно десятокъ пожарныхъ (двое въ сѣрыхъ штанахъ), ихъ музыканты, «отцы города» въ черной сюртучной парѣ, въ черныхъ перчаткахъ и въ цилиндрѣ, цехи и ферейны (гимнасты, пѣвцы) съ значками и масса школьниковъ и школьницъ со всѣхъ учебныхъ заведеній общины. Проходя мимо крошечнаго памятника въ честь

«павшихъ въ 1870 г.», процессія остановилась и глава «ветерановъ» зычно произнесъ рѣчь. Затѣмъ двинулись въ Tonhalle—большой сарай, уступленный желѣзною дорогой, гдѣ дѣти произносили стихи, ихъ учителя—рѣчи (священство проповѣдывало вчера въ церквахъ), пѣвцы пѣли, музыканты играли. Тема вездѣ одна и та-же, понятная сама собой.

Все это не только умилительно, но возвышенно и полно «историческаго смысла» (historischer Sinn). Націонализмъ—великая сила нашего вѣка, своего рода паровая машина въ политикѣ. И она неизбѣжна, какъ корь или пора любви. Тамъ, гдѣ она еще не изжита, съ нею необходимо считаться, какъ мы видимъ на примѣрѣ блистательной Порты. И съ этой точки зрѣнія позволительно гоняться за величіями и искать ихъ среди героевъ *километрита*, какъ назвалъ удачно чичиковскую болѣзнь въ политикѣ г. Новиковъ, въ своемъ новомъ сочиненіи о «Сознаніи и волѣ обществъ». Здѣсь я окончательно убѣдился въ томъ, что зналъ, пребывая въ отечествѣ, такъ сказать, теоретически. *Великій* «желѣзный канцлеръ», даже великій «стратегъ» и молчальникъ Мольтке: это Михель еще готовъ признать, скрѣпя сердце и почесывая себѣ спину. Михель уже записалъ и своего канцлера въ «отставные геніи», онъ негодуетъ на его послѣднія «разоблаченія» и на его дружбу съ такими героями административной Панамы въ Берлинѣ, какъ Таушъ, Лютцовъ и К°.

V.

Гласъ народа.

Однако на каждомъ шагу наталкиваешься на доказательства искусственнаго значенія трехдневнаго празднества. Мы уже не говоримъ о нашемъ убѣжищѣ—о южной Германіи, чувства которой извѣстны и понятны. Меня не удивило отсутствіе всякаго восторга и присутствіе какой-то казенной молчаливости въ процессіяхъ «общины». Важно то, что, въ началѣ года, въ самомъ Берлинѣ произошла непріятность для устроителей «22-го марта». Значительное число гласныхъ думы протестовало противъ предложенія магистрата—дать 20.000 марокъ на изготовленіе ста тысячъ экземпляровъ «юбилейнаго сочиненія» (Festschrift) о героѣ для раздачи ученикамъ городскихъ школъ. Да еще эти господа жаловались, какъ это въ лучахъ военной славы забываются юбилеи Канта и Лессинга, Гете и Шиллера, Фихте и Гегеля' Они даже припомнили, какъ, въ 1863 г., та же дума, большинствомъ 66 голосовъ противъ 14, рѣшила послать депутацію къ тому же Вильгельму I съ заявленіемъ протеста противъ разныхъ нарушеній конституціи, особенно по дѣламъ печати.

Въ эту минуту голосъ народа, массъ слышится намъ явственно, причемъ насъ поражаетъ берлинская мягкость послѣ преслѣдованій печати за пустяки, именно въ послѣдніе мѣсяцы. Вотъ что читаемъ мы сейчасъ въ одномъ изъ наиболѣе серьезныхъ народныхъ органовъ.

Журналъ припоминаетъ характеристику Вильгельма I, по поводу его кончины, сдѣланную «французскимъ буржуа», публицистомъ «Revue des deux Mondes», Шербюлье. Въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ личность героя отражается такъ: «У него не было ни великаго духа, ни великой души. Не было человѣка, столь мало склоннаго приносить жертвы для чужаго счастья. Онъ умѣлъ выбирать свои орудія. При всей своей подозрительности, онъ 25 лѣтъ довѣрялъ Бисмарку, но говорилъ: «приходится терпѣть его!» Онъ лишь почиталъ его суевѣрно, какъ счастливый игрокъ почитаетъ своего фетиша. Но ошибись Бисмаркъ серьезно, потерпи пораженіе—и онъ также навѣрное былъ бы выставленъ, и его монархъ издалъ бы одинъ только вздохъ—вздохъ облегченія. Когда приходилось предпринимать что-нибудь или дерзать, монархомъ обыкновенно овладѣвали сомнѣнія, безпокойство, озабоченность: нужно было успокаивать его, одобрять, подталкивать. А послѣ побѣды онъ горячо хватался за все. Никто не умѣлъ такъ ловко выставлять дѣло насилія волей Провидѣнія. Въ 1866 г. Бисмаркъ съ великимъ трудомъ умѣрилъ аппетитъ своего короля. Министръ, правда, и не читалъ ему лекцій по морали: онъ только убѣждалъ его въ политической необходимости. Но императоръ съ трудомъ отказывался отъ добычи; при этомъ онъ проливалъ настоящія слезы».

IV.

Работа профессоровъ.

Пробѣгая печатный юбилейный хламъ, мы, съ чувствомъ облегченія, набросились на самыя серьезныя вещи,—на произведенія профессоровъ, имѣющихъ имя въ наукѣ. И здѣсь-то, увы, мы нашли всю мораль той басни, которой посвящено наше письмо. Судите сами. Выше мы встрѣтились съ Промакіавелемъ одного профессора; а вотъ другой коллега. Это — *Эрмансдерферъ*, извѣстный изслѣдователь дипломатіи прошлаго и текущаго столѣтія, ординарный профессоръ исторіи въ Гейдельбергѣ, именующій себя на обложкѣ своихъ твореній «велико-герцогскимъ надворнымъ совѣтникомъ». Подлѣ него—*Онкенъ*, еще болѣе извѣстный ученый и издатель лекцій Гейссера, авторъ дѣльныхъ сочиненій по исторіи Греціи, революціи, эпохи Наполеона I и Вильгельма I, редакторъ обширной «Всеобщей Исторіи», нынѣ ординарный профессоръ въ Гессенѣ, именующій себя «тайнымъ надворнымъ совѣтникомъ». Первый издалъ надняхъ свою торжественную рѣчь (Festrede), читанную въ университетѣ уже 6-го февраля, по поводу юбилея Вильгельма I. Съ именемъ втораго связана самая солидная и роскошная книга праздниковъ, которую можно рекомендовать и для подарковъ (она и недорога — 5 марокъ). «Unser Heldenkaiser» былъ заказанъ Онкену комитетомъ церкви въ память Вильгельма I, для усиленія его средствъ. Онъ украшенъ множествомъ рисунковъ лучшихъ художниковъ Германіи. А, главное, онъ снабженъ

высочайшею перепиской изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ Гогенцоллерновъ,—этимъ истиннымъ подаркомъ для науки и публицистики.

Просто «надворный совѣтникъ» ограничился 24 страничками разгонистаго шрифта: всякая лирика чѣмъ короче, тѣмъ лучше. Лирика университетской каѳедры ясна и крѣпка: ея не превзойти и лирикѣ любого восточнаго профессора. Она вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что я слышалъ за эти дни въ Эбербахѣ. Поэтъ на каѳедрѣ поставилъ даже, для пущей важности, эллинскій эпиграфъ: «старѣюсь, все учась». Это—о человѣкѣ, который, по его-же словамъ, былъ «*солдатъ* душой и тѣломъ, съ ограниченнымъ кругомъ интересовъ и знаній, собственно лишенный геніальности, часто ѣздившій въ Россію поддерживать братство по оружію съ русскою арміей». У псалмопѣвца нѣтъ другого названія для этого солдата, какъ «нашъ дорогой, великій герой», который, впрочемъ, особенно великъ тѣмъ, что поступался своимъ величіемъ въ пользу «спасительнаго генія, величайшаго государственнаго мужа» и въ пользу «величайшаго полководца своего времени». Историкъ восхваляетъ своего героя за то, что онъ послушался Бисмарка: начавъ «нравственными завоеваніями въ Германіи», кончилъ «кровью и желѣзомъ». Онъ восторгается бѣгствомъ «картечнаго принца» въ Англію, въ 1848 г., и его «хорошею солдатскою работой» въ Пфальцѣ и Баденѣ, по возвращеніи въ отечество. Особенна поэтична и трогательна вышла у него картина смерти героя, которая служитъ также образчикомъ неувядаемости напыщеннаго «историческаго слога» въ Германіи. Здѣсь нѣмцы почувствовали себя «внезапно осиротѣлыми», когда «смежились вѣчно неустанныя очи ихъ отца»; облеклись въ трауръ «даже самыя отдаленныя и чужія націи по сю и по ту сторону моря». И «настало какъ-бы міровое горе, словно почилъ патріархъ всѣхъ націй: величіе этой смерти породило минуту всеобщаго мира Божьяго». Воспаряя до пророчества, ученый просто «надворный совѣтникъ» боится, что «солнце ужъ не будетъ свѣтить такъ ярко и радостно» въ наши дни «партійной ненависти, соціальныхъ противорѣчій, отрицанія и разрушенія...»

«Тайный надворный совѣтникъ» болѣе прозаикъ, чѣмъ поэтъ. Конечно, и у него есть «герой, Великій, геній, лучи счастья» и т. д. Но это—лишь вначалѣ, какъ неизбѣжная принадлежность праздничнаго изданія. Къ тому-же Вильгельмъ II самъ заказалъ эту книгу и слѣдилъ за ея исполненіемъ [1]).

[1]) Онкенъ приводитъ поощрительныя письма къ нему Вильгельма II. Въ одномъ изъ нихъ нарисованъ столъ, за которымъ герой завтракалъ, въ маѣ 1870 г., съ офицерами, и разсказано слѣдующее. Герою поднесли «стаканъ добраго *рейн*-вейна». Онъ поднялъ его, но остановился, увидѣвъ висѣвшую напротивъ картину аттаки прусскими гвардейцами одной позиціи Наполеона I, и воскликнулъ: «имъ не пить его!» Вѣнчанный корреспондентъ прибавляетъ: «вопреки всякой дисциплинѣ, въ посмѣяніе всѣмъ законамъ почтенія, офицерство разразилось долгимъ громовымъ старопрусскимъ ура! Всякому казалось, что по немъ пробѣжала электрическая искра, въ предчувствіи великихъ грядущихъ событій! Не великолѣпно-ли это?» А присяжный

Ему дѣлаетъ честь, какъ свобода, предоставленная народной печати на этотъ разъ, такъ и трудъ Онкена. Послѣдній гораздо больше, чѣмъ рѣчь Эрдмансдерфера, похожъ на исторію: онъ даетъ не мало фактовъ и документальныхъ свидѣтельствъ. И цѣлую главу въ книгѣ составляетъ упомянутая выше переписка между Вильгельмомъ I и его супругой въ 1870—1871 г.

V.

Отголоски кровавой драмы.

Франко-германская война—такое важное событіе, что о немъ до сихъ поръ ходятъ легенды, хотя оно совершилось на нашихъ глазахъ. Недавно «разоблачилась» исторія эмской депеши, послужившей началомъ войны и бывшей страннымъ подлогомъ со стороны Бисмарка. Теперь подтверждается нерасположеніе Вильгельма I къ войнѣ и, сверхъ того, объясняются личныя отношенія стараго императора къ императрицѣ (дочери великой герцогини веймарской, Маріи Павловны), которые считались до сихъ поръ холодными. Оказывается, что между супругами велась задушевная, почти ежедневная переписка, составляющая какъ-бы дневникъ императора.

Замѣчательная переписка, усыпанная французскими словами, прекрасно характеризуетъ и потсдамское воспитаніе, и добродушный нравъ богобоязливаго воина, попавшаго, волею судебъ, въ круговоротъ великихъ событій. Она доказываетъ, что Вильгельмъ I дѣйствительно былъ далекъ отъ интригъ въ дѣлѣ гогенцоллернской кандидатуры въ Испаніи: онъ искренно изумлялся «оскорбленному тщеславію» Наполеона III, но у него самого «камень свалился съ сердца», когда прусскій кандидатъ «отступился», хотя «Бисмаркъ, конечно, въ глубинѣ души, стоитъ еще за него». Вообще, когда французскіе министры насѣдали на Вильгельма, онъ говорилъ: «отчего не направятъ ихъ къ Бисмарку!» Бѣдняга до конца боялся «невѣрнаго будущаго»; и побѣды не радовали его при воспоминаніи о жертвахъ. Онъ сначала не надѣялся даже на нѣмцевъ внѣ Пруссіи. И какъ живо рисуется, въ его простыхъ словахъ, великій историческій моментъ,—и радость старика, и національное одушевленіе, ростущее подъ вліяніемъ «почувствованнаго оскорбленія!» А что сталось съ героемъ, когда уже 19 іюля онъ могъ написать женѣ: «Россія-же не только пообѣщала свой Neutralité bienveillante, но и даетъ чувствовать *еще больше!*»

Далѣе передъ нами — упорный собиратель земель, но правдивый солдатъ, признающій, что его игольчатое ружье плохо и что въ его арміи встрѣчаются «печальные эксцессы» (жестокости), хотя она и пред-

историкъ замѣчаетъ: «Всякій хорошій нѣмецъ долженъ, вмѣстѣ съ нами, благодарить его величество нашего императора за это, во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательное сообщеніе» и т. д.

ставляетъ плодъ «всего нравственнаго образованія нашего народа, въ особенности-же школьнаго обученія». Онъ крѣпко уцѣпился за «нѣмецкія земли», Эльзасъ-Лотарингію, которыя, въ его глазахъ, такъ требовались «ипаніme голосомъ *всей* Германіи», что «противные этому нѣмецкіе государи рисковали своими тронами». Вильгельмъ просилъ «великую княгиню Елену» (супругу Михаила Павловича, принцессу вюртембергскую) разрушать «интриги» Горчакова. Наконецъ, мы присутствуемъ при мукахъ героя въ Версалѣ: онъ готовъ былъ отречься отъ престола, чтобы только не видѣть «паденія прусскаго титула передъ императорскимъ».

Есть еще не мало любопытныхъ чертъ въ интересной перепискѣ. Такъ, просто, кратко и впервые достовѣрно описана сцена свиданія Вильгельма съ Наполеономъ послѣ Седана. Вѣнчанный плѣнникъ восхвалялъ армію врага, въ особенности ея «несравненную артиллерію», и бранилъ свои войска за недостатокъ дисциплины. Онъ просилъ отправить его въ Вильгельмсгеге черезъ Бельгію, а не черезъ Францію, и позволить ему взять съ собой свое хозяйство. Побѣдитель позволилъ. Онъ вообще былъ тронутъ и любезенъ. На прощанье Вильгельмъ сказалъ ему, что, зная его, онъ думаетъ, что война совершилась не по его желанію. Наполеонъ: «Вы совершенно правы; меня принудило общественное мнѣніе».—Вильгельмъ: «Общественное мнѣніе, принужденное министерствомъ». Наполеонъ «согласился, пожавъ плечами».

Помимо психологическаго интереса, переписка доказываетъ, что не Вильгельмъ, да пожалуй, и не Наполеонъ были виновниками войны: теперь подлогъ съ эмской депешей пріобрѣтаетъ еще болѣе важное историческое значеніе. Съ другой стороны, переписка подтверждаетъ слова Бисмарка, сказанныя позже г-ну Сен-Валье, французскому послу въ Берлинѣ: «присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи было личною мыслью короля и Мольтке». Припомнимъ, что, тотчасъ послѣ Садовой, Бисмаркъ съ трудомъ отговорилъ своего короля отъ присоединенія Богеміи, части Саксоніи и австрійской Силезіи. Но, съ третьей стороны, переписка еще разъ разоблачаетъ живую натуру «великаго» канцлера. Она почти дословно подтверждаетъ слова дневника кронпринца Фридриха объ отвращеніи, которое питалъ Вильгельмъ I къ императорской коронѣ. А за обнародованіе этихъ словъ бѣднаго профессора Геффкена преслѣдовали, по требованію Бисмарка, какъ за оскорбленіе величества.

А. Трачевскій.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ.

(Нѣкоторые итоги нашей умственной и эстетической жизни).

Всякій, кто внимательно слѣдитъ за проявленіями нашего общественнаго самосознанія, не можетъ не замѣтить, что за послѣднее время повсюду наростаетъ тревожное исканіе умственнаго свѣта и возвышенныхъ, очищающихъ и укрѣпляющихъ душу, художественныхъ наслажденій. Это пока еще смутное стремленіе властно охватываетъ молодые умы и создаетъ цѣлый рядъ новыхъ запросовъ, подавленныхъ въ истекшія десятилѣтія болѣе утилитарными стремленіями. Общество, которое за послѣднее сорокалѣтіе отдавало и отдаетъ свои лучшія силы на служеніе народу, какъ-бы почувствовало потребность запастись новыми силами, по новому освѣтить въ своемъ сознаніи порывы и дѣла своихъ лучшихъ представителей. Потребность въ самообразованіи, въ расширеніи и углубленіи тѣхъ скудныхъ и блѣдныхъ знаній, которыя даются школою, чувствуется повсюду. Публика жадно ищетъ живого слова, художественныхъ, поэтическихъ, музыкальныхъ впечатлѣній. Великіе русскіе поэты, заслоненные въ общественныхъ симпатіяхъ писателями натуралистическаго направленія, опять становятся общими любимцами. Таковы неуловимыя вѣянія новой эпохи. Но если отъ настроеній и запросовъ общества перейти къ тѣмъ средствамъ, которыми они должны были-бы удовлетворяться, насъ поражаетъ прежде всего полная неорганизованность нашего общества. Будемъ говорить только о томъ, что дѣлается у насъ на глазахъ—въ Москвѣ. Разрозненность дѣятельныхъ силъ, случайность и безсистемность благихъ начинаній — съ одной стороны, узкая партійность, замкнутость, сухая спеціализація—съ другой стороны. Существующіе въ Москвѣ общества и кружки явно не удовлетворяютъ назрѣвающимъ въ публикѣ общеобразовательнымъ и эстетическимъ потребностямъ. Неумѣлость, вялость, иногда небрежность ихъ руководителей бросаются въ глаза.

Мы лишній разъ передумывали эти мысли, присутствуя на литературно-музыкальномъ вечерѣ, посвященномъ памяти Лермонтова и устроен-

номъ въ истекающемъ сезонѣ *Обществомъ Любителей Россійской Словесности*. Оригинальная аудиторія историческаго музея, со своими внутренними лѣстницами, круто расположенными другъ надъ другомъ мѣстами, напоминающими ячейки улья, быстро наполнялась все вновь и вновь прибывающей публикой. За недостаткомъ мѣстъ, она располагалась на ступеняхъ боковыхъ всходовъ, сплошной стѣной занимая ихъ отъ верху до низу. Радостныя, оживленныя лица молодежи обоего пола составляли значительное большинство слушателей. Шумнымъ гуденіемъ они и сами напоминали рой пчелъ, когда онъ въ солнечный день вылетаетъ за взяткой. Вечеръ, посвященный памяти одного изъ любимѣйшихъ русскихъ поэтовъ, представлялъ для всѣхъ выдающійся интересъ. Передъ началомъ чтенія, предсѣдатель общества, профессоръ Н. И. Стороженко, въ нѣсколькихъ словахъ передалъ исторію нигдѣ еще не появлявшагося портрета М. Ю. Лермонтова, писаннаго художникомъ Астафьевымъ. За этимъ слѣдовалъ главный номеръ программы—чтеніе или лекція И. И. Иванова о «личности и поэзіи Лермонтова». Сгрупированные лекторомъ факты изъ жизни и особенно изъ дѣтства поэта, вмѣстѣ съ характеристикой тогдашняго общества, могли-бы представить значительный интересъ для слушателей, но впечатлѣніе сильно ослаблялось недостаткамъ г. Иванова, какъ лектора, а образъ поэта, общій характеръ его творчества оставлены были имъ безъ надлежащаго выясненія. Остальные №№ программы — пѣніе романсовъ на слова Лермонтова, чтеніе нѣкоторыхъ его произведеній артистами—все это было лишено какого-либо цѣльнаго и цѣлесообразнаго характера. Слишкомъ много пѣнія, слишкомъ случайный выборъ произведеній, слишкомъ мало серьезнаго, дѣльнаго—вотъ общее впечатлѣніе отъ всего вечера, который носилъ характеръ домашняго литературно-музыкальнаго собранія. Настроеніе неудовлетворенности чувствовалось во всей публикѣ: она какъ-то притихла, ушла въ себя и поспѣшила разойтись. Настроеніе, принесенное ею въ аудиторію, совершенно не соотвѣтствовало настроенію самого вечера, тусклаго и блѣднаго. Мы упомянули объ этомъ вечерѣ, какъ объ очень характерномъ явленіи нашей жизни въ этой области. Во всѣхъ такихъ вечерахъ поражаетъ неумѣлость распорядителей и небрежность исполнителей къ своимъ обѣщаніямъ. Выставленные на программѣ №№ замѣняются другими, пропускаются, иногда исполнители вовсе не появляются передъ публикою, что естественно расхолаживаетъ общее настроеніе [1]). Но кромѣ того, нужно замѣтить, что обычныя «общедоступныя» собранія, устраиваемыя членами Общества Любителей Россійской Словесности,—публичныя лекція и вечера—являются обыкновенно и очень малодоступными —какъ вслѣдствіе дороговизны мѣстъ и спеціальности программъ, такъ и вслѣдствіе непомѣстительности аудиторій, куда попадаютъ только избранные и завсегдатаи. Читають все «тѣ же»—и слушаютъ все тѣ-же. Общество,которое имѣло-бы возможность

[1]) За эту зиму въ театрѣ Корша было устроено два вечера и въ послѣднемъ, какъ мы слышали, не было исполнено и половины обѣщанныхъ номеровъ.

широко удовлетворять интеллигентныя потребности публики, оказывается, такимъ образомъ, какимъ-то замкнутымъ кружкомъ. Вообще, это старѣйшее и серьезнѣйшее изъ нашихъ обществъ за послѣдніе годы какъ-то застыло и лишь въ позапрошломъ году, послѣ долгаго перерыва, ознаменовало свою дѣятельность, выпустивъ сборникъ, подъ названіемъ «Починъ». Приложенные къ нему уставы литературныхъ обществъ и кассъ, а также извлеченіе изъ устава о цензурѣ и печати, конечно, могутъ быть весьма полезны, такъ какъ у насъ очень затруднительно получать какія-либо справки, особенно человѣку, стоящему внѣ литературной жизни нашихъ столицъ [1]). Но статьи, вошедшія въ сборникъ и подписанныя выдающимися литературными именами далеко не всѣ могутъ носить названіе «лучшихъ произведеній», даже и нашей сѣренькой эпохи. Довольно странное впечатлѣніе производитъ предисловіе сборника, гдѣ говорится, что въ сборникъ войдутъ, между прочимъ, статьи «спеціально написанныя» для него;—мы полагаемъ, что цѣль литературнаго общества была бы несравненно больше достигнута помѣщеніемъ «лучшихъ» произведеній даннаго года,—даже независимо отъ членства авторовъ. Весною прошлаго года вышелъ въ свѣтъ II-й томъ «Почина», болѣе толстый и болѣе дорогой, чѣмъ предыдущій. Но что сказать о его содержаніи! Вначалѣ опять помѣщено предисловіе, въ которомъ заявляется, что обширность матеріала «заставила редакцію отказаться отъ мысли предложить болѣе или менѣе полный библіографическій обзоръ выдающихся явленій литературы за истекшій годъ, ограничиваясь пока лишь оцѣнкой *нѣсколькихъ сочиненій*, относящихся къ области критики. Но вмѣсто оцѣнки «нѣсколькихъ» сочиненій помѣщена единственная библіографическая замѣтка г. Гольцева объ изданіи произведеній Шелгунова. Неужели произведенія Шелгунова единственное выдающееся явленіе русской литературы за истекшій годъ, а замѣтка г. Гольцева—заслуживающій особой привилегіи шедевръ? Что-же касается «обширнаго матеріала», то онъ состоитъ въ значительной степени изъ статей, относящихся къ области спеціальныхъ и историко-литературныхъ изысканій, какъ напримѣръ «Homunculus»—Пыпина, «Былина о Батыѣ» В. Ѳ. Миллера и многія другія. Современныя-же явленія остаются совершенно не отмѣченными.

Переходя къ музыкальнымъ и художественнымъ обществамъ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ отмѣтить у насъ какихъ-либо выдающихся явленій въ этой области. Болѣе другихъ везетъ кружкамъ «драматическимъ» въ столицахъ, равно и въ провинціяхъ, такъ какъ является много охотниковъ «играть» передъ публикой, для чего и даются спектакли и вечера, преимущественно съ благотворительной цѣлью. Не менѣе драматурговъ,

---

[1]) Это—громадный пробѣлъ, сильно затрудняющій работы, пополнить который должны были-бы наши ученыя и литературно-художественныя общества, давая желающимъ всевозможныя справки на каждый предложенный вопросъ, по ихъ спеціальности.

подвизаются музыканты-любители, но тѣ и другіе—почти исключительно въ дѣлѣ «исполненія», не руководствуясь притомъ никакою системою въ выборѣ произведеній. Библіотекъ съ цѣлью самообразованія, саморазвитія, изученія теоріи или исторіи даннаго искусства, къ сожалѣнію, почти не существуетъ въ этихъ обществахъ. А между тѣмъ, именно такія общества разсѣянныя по городамъ и весямъ, вдали отъ большихъ культурныхъ центровъ, при болѣе серьезной своей постановкѣ, могли бы стать свѣточами, источникомъ удовлетворенія лучшихъ духовныхъ потребностей. А если-бы ко всему этому общества столичныя, съ одной стороны, расширили-бы свои уставы, съ другой, свою дѣятельность, раскрывая двери не для однихъ своихъ, избранныхъ, а для каждаго, кто идетъ къ нимъ съ запросомъ, если-бъ они соединились и приняли подъ свое покровительство многіе мелкіе провинціальные кружки, которые могли-бы стать ихъ филіальными отдѣленіями съ живымъ, дѣятельнымъ обмѣномъ мыслей и работъ, то разультаты могли-бы получиться очень значительные.

Наше «*Общество Искусствъ и Литературы*» имѣетъ довольно обширный уставъ, но ограничивается 3—4 спектаклями въ годъ и вообще носитъ не общественный, а интимный характеръ, такъ какъ и засѣданія его происходятъ въ частной квартирѣ.

Общество драматическихъ писателей преслѣдуетъ исключительно матеріальныя задачи (охраненіе литературной собственности), не имѣетъ ни библіотеки, ни публичныхъ собраній, ни вечеровъ, ни изданій, ни сборниковъ и вообще занято своими дѣлишками, между тѣмъ какъ оно могло-бы очень легко составить цѣнную библіотеку, обязавши своихъ членовъ представлять обществу всѣ свои произведенія въ двухъ экземплярахъ.

Театральное бюро, открытое въ Москвѣ, задается многими симпатичными задачами, но дѣятельность его далеко не опредѣлилась.

У насъ существуютъ многочисленныя музыкальныя общества, дающія филармоническіе, симфоническіе, камерные и иные концерты. Но ни отъ кого не тайна, что толпа, собирающаяся на эти концерты, очень плохо подготовлена къ сознательному воспріятію музыкальныхъ произведеній, что публика ходитъ въ концертъ, въ громадномъ большинствѣ, не ради исполняемыхъ произведеній, а ради исполнителей—своихъ любимцевъ и божковъ, вызывающихъ стихійные, почти дикіе восторги. Когда божокъ сходитъ съ эстрады, публика позволяетъ себѣ ходить, переговариваться, хлопать дверьми. Винить-ли въ этомъ только публику, съ ея некультурностью, или отвѣтственность за такую невоспитанность ея падаетъ отчасти и на тѣхъ, которые, собирая публику во имя искусства, не даютъ ей возможности ближе подойти къ исполняемымъ произведеніямъ, не помогаютъ ей узнать то, чего она еще не знаетъ: охарактеризовать и указать построеніе той или иной симфоніи, выяснить смыслъ произведенія, почтить память его создателя хотя

самой краткой біографіей, не говоря уже о демонстраціи бюста или портрета композитора. Афиши многихъ заграничныхъ театровъ и концертовъ, составляя родъ маленькой брошюры, помѣщаютъ подробный анализъ исполняющихся музыкальныхъ произведеній и даже иллюстрируются нотными примѣрами.

То, что мы сказали о музыкальныхъ обществахъ, приходится сказать и о театрахъ. Въ Москвѣ насчитывается не малое количество театровъ, какъ императорскихъ, такъ и частныхъ. Въ нихъ даются ежедневныя представленіи, играются всевозможныя пьесы, ставятся оперы, «новинки» драматическія и музыкальныя. Но воспитательное значеніе театровъ крайне незначительно. Не говоря уже о коршевской сценѣ, смѣнившей прежній серьезный, классическій репертуаръ, пьесами самаго пошлаго и тривіальнаго характера, создавшей себѣ «особую» публику и «особыхъ» писателей вродѣ гг. Мясницкихъ и Мансфельдовъ, мы не можемъ указать и во всѣхъ остальныхъ театрахъ на сознательное отношеніе къ своей задачѣ, на стремленіе поставить свое дѣло сколько-нибудь послѣдовательно. Надо замѣтить, кромѣ того, что посѣщеніе театровъ далеко не доступно, благодаря крайней дороговизнѣ мѣстъ, а единственный *народный* театръ «Скоморохъ» ставитъ на ряду съ немногими избранными произведеніями, вещи такого характера, которыя можно сравнить лишь съ изданіями былого, такъ называемаго, «Никольскаго рынка», отличающимися многословными заглавіями и «ужаснымъ» содержаніемъ. Театра или, по крайней мѣрѣ, особыхъ спектаклей для дѣтей и подростковъ, для учащагося юношества у насъ совершенно не существуетъ. Дирекціи и антрепренеры театровъ сами смотрятъ, повидимому, на представленія, какъ на источникъ простого развлеченія и легкаго удовольствія для публики, и никому не приходитъ въ голову устроить спектакли съ образовательнымъ характеромъ, гдѣ представленію пьесы извѣстнаго автора предшествовало-бы сообщеніе о характерѣ его творчества, о его значеніи и мѣстѣ въ литературѣ.

Мы невольно вспоминаемъ по этому поводу образцовый литературно-музыкальный вечеръ, устроенный въ прошломъ году Комиссіей Народныхъ Чтеній, во время II съѣзда Дѣятелей по техническому образованію. Не говоря уже о прекрасно составленной программѣ, съ литературнымъ и общеобразовательнымъ чтеніемъ, съ иллюстраціями посредствомъ туманныхъ картинъ, онъ выдѣлялся именно тѣми поясненіями къ исполняемымъ музыкальнымъ произведеніямъ, которыя заставляли слушателей относиться къ нимъ вполнѣ сознательно. Такъ, передъ исполненіемъ музыкальной картины Бородина «въ Средней Азіи», дирижеръ оркестра г. Суворовъ произнесъ небольшую, но живую и образную рѣчь, въ которой далъ біографію композитора, объяснилъ публикѣ характеръ даннаго произведенія, а также выяснилъ соотвѣтствіе между его содержаніемъ и музыкальною формою. Даже техническіе вопросы не были [обой]дены имъ. Изложеніе, сопровождаемое туманными картинами, вышло

общепонятнымъ, завлекательнымъ даже для плохо подготовленной народной аудиторіи, и музыка Бородина была прослушана послѣ этого съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ.

Таковъ былъ удачный опытъ Комиссіи Народныхъ Чтеній, почти обойденный молчаніемъ въ печати и не оставившій замѣтныхъ слѣдовъ въ нашей общественной жизни — не вызвавшій другихъ подобныхъ опытовъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что такіе образовательно-художественнные вечера привлекли-бы публику изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ обществъ. Повсюду начинаютъ чувствоваться въ немъ художественные запросы—и повсюду бросается въ глаза отсутствіе разумной иниціативы и серьезной организаціи. Спросъ и предложеніе въ области умственныхъ и эстетическихъ потребностей не урегулированы. Люди, обладающіе жизненнымъ опытомъ и силами, не умѣютъ откликнуться на расширяющіеся запросы молодого общества. Книжный и художественный рынокъ—въ полномъ безпорядкѣ. Молодыя силы рвутся помогать народу, но имъ самимъ не достаетъ широкаго и достаточно глубокаго развитія и средствъ самообразованія. Правда, въ сферѣ знанія и науки мы можемъ указать за послѣднее время на нѣкоторыя, заслуживающія вниманія, попытки, каковы, напримѣръ, образованная московскими профессорами Коммиссія «Домашнихъ чтеній», немногочисленныя публичныя лекціи профессоровъ и чтенія, устраиваемыя учебнымъ отдѣломъ общества распространенія техническихъ знаній [1]). Но въ сферѣ издательской дѣло идетъ гораздо слабѣе. Мы видимъ нѣсколько обществъ, посвятившихъ свою дѣятельность изданію, составленію и распространенію многочисленныхъ книгъ и брошюръ спеціально для народа, но нѣтъ ни одного общества, которое поставило-бы себѣ задачей изданіе доступныхъ по цѣнѣ (ибо современная интеллигенція далеко не располагаетъ большими средствами) популярныхъ книгъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ. Не говоря уже о доступныхъ изданіяхъ избранныхъ произведеній иностранныхъ классиковъ, преподносимыхъ публикѣ въ такомъ видѣ и переводѣ, что лучше было-бы вовсе не выпускать ихъ въ свѣтъ, мы не имѣемъ многихъ отечечественныхъ писателей, отошедшихъ въ область «исторіи литературы». Мы не можемъ пріобрѣсти даже и по высокой цѣнѣ «собранія» или отдѣльныхъ сочиненій, напр., Лажечникова и Загоскина и многихъ другихъ. Хорошо составленныхъ и опять-таки *дешевыхъ* литературныхъ хрестоматій, за исключеніемъ сравнительно не дешеваго изданія Гербеля, при нормальной цѣнѣ печатнаго листа въ 3—6 коп., мы совершенно не можемъ указать.

Дешевыхъ нотныхъ изданій русской музыки, подобныхъ заграничнымъ, у насъ совершенно не имѣется. Объ эстампахъ, снимкахъ

[1]) Характерно, что въ программѣ комиссіи «Домашнихъ чтеній» совершенно отсутствуетъ отдѣлъ, посвященный искусствамъ, и даже исторія литературы о[...] начинается греческой, римской и 2-мя отрывками изъ русской.

съ картинъ, бюстахъ и портретахъ дѣятелей и говорить нечего. Портреты авторовъ, доступные по цѣнѣ, можно случайно купить «подъ Сухаревкой» у букинистовъ, а въ магазинахъ имѣются далеко не всѣ и конечно по высокой цѣнѣ. Аляповатые, грубо-бронзированные бюсты писателей, не говоря уже о значительной ихъ стоимости, представляютъ изъ себя жалкія, антихудожественныя копіи, видимо съ дешевыхъ, далеко не первоклассныхъ оригиналовъ. Да и ихъ уже почти нѣтъ въ продажѣ. Бюста гр. А. Толстого и—хорошо исполненнаго—Лермонтова до сихъ поръ нельзя получить даже въ лучшихъ скульптурныхъ заведеніяхъ Москвы, тогда какъ ученики академіи и различныхъ «школъ» лѣпятъ во множествѣ всяческія группы и головки, рѣшительно ничего не выражающія, никому ничего не говорящія.

Альбомы русскихъ живописцевъ и скульпторовъ издаетъ исключительно одинъ г. Булгаковъ въ С.-Петербургѣ и, являясь монополистомъ, конечно, назначаетъ весьма солидныя цѣны: 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к. за тетрадь. Въ прошломъ году онъ выпустилъ между прочимъ альбомъ В. В. Верещагина, правда, большой и довольно толстый, съ біографіей, многими портретами и даже статьями самого художника, но снимки съ его картинъ сдѣланы въ общемъ весьма посредственно, а многіе даже плохо. Стоитъ онъ 10 р.—цѣна недоступная большему кругу цѣнителей художника. Альбомъ 120-й выставки Айвазовскаго (того-же издателя) исполненъ очень хорошо, но тоже дорогъ. Выпускъ, того-же Булгакова, этюдовъ Шишкина разошелся очень быстро и теперь сталъ въ 2—3 года библіографическою рѣдкостью, такъ какъ изданіе не возобновлено.

Заграницей во всѣхъ городахъ и чѣмъ-либо замѣчательныхъ мѣстностяхъ есть альбомы видовъ, изящные и сравнительно недорогіе. У насъ же виды Москвы и С.-Петербурга можно имѣть въ хорошихъ фотографическихъ снимкахъ (очень маленькаго размѣра), цѣною въ 2 р. 50 к. за 10 рисунковъ; литографическіе же плохой работы по 1 р. 50 к. Исключеніе составляетъ изданіе г. Кирхнера—26 видовъ С.-Петербурга въ изящной папкѣ, цѣною въ 1 р. Что же касается провинціальныхъ городовъ, то виды ихъ крайне дороги и неудовлетворительны.

Впрочемъ, что говорить о снимкахъ съ памятниковъ и зданій, если сами памятники и зданія, достойные самаго внимательнаго отношенія, наводятъ уныніе своей некультурной запущенностью. Войдите въ Румянцевскій музей (нашу Публичную библіотеку), заключающій въ себѣ такія сокровища искусства, какъ картина знаменитаго русскаго живописца Иванова «Явленіе Христа народу». Густые слои пыли, закоптѣлые потолки, почернѣвшая мраморная статуя «Мира» Кановы, загрязнившіяся бронзовыя изваянія гр. Румянцева и Екатерины II — все это странно и грустно поражаетъ вниманіе посѣтителя...

И все это — наряду съ пробивающимися живыми умственными запросами общества, съ нетерпѣливою потребностью въ книгахъ и художественныхъ впечатлѣніяхъ.

Москвитянинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Профессорскій инцидентъ

Въ концѣ апрѣля немалую пищу для газетъ доставилъ случай или, какъ принято называть, «инцидентъ» гг. Исаева и Яроцкаго—двухъ ученыхъ экономистовъ и приватъ-доцентовъ здѣшняго университета, изъ которыхъ первый пытался уязвить второго, вывести его на свѣжую воду за защиту не праваго дѣла—извѣстнаго изданія министерства финансовъ «О вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ». Для пущаго уязвленія г. Исаевъ, какъ видно не вполнѣ прошедшій дипломатическую школу, употребилъ весьма странный, чтобы не сказать болѣе, пріемъ: послалъ въ самую распространенную изъ большихъ петербургскихъ газетъ облыжное извѣстіе, отъ имени Яроцкаго, будто послѣдній работаетъ надъ обширнымъ трудомъ «Дешевый хлѣбъ есть источникъ благополучія для всей русской жизни». Многіе этому повѣрили, когда же г. Яроцкій опровергъ слухъ и доискался, что авторомъ его былъ г. Исаевъ, то люди безпристрастные были въ недоумѣніи, никакъ не ожидая отъ г. Исаева такого «фортеля», сторонники его были смущены и возмущены, а противники злорадствовали. Для полнаго освѣщенія этой «исторіи» надо разсказать ея подоплёку, ибо здѣсь важенъ не столько самый фактъ, сколько сопутствовавшія ему обстоятельства.

Извѣстно, что г. Исаевъ принадлежалъ къ группѣ «независимыхъ» экономистовъ, ополчившихся противъ вышеупомянутаго изданія. Они ратовали и въ обществѣ, и въ печати, главный же турниръ съ редакторами изданія и его сторониками произошелъ въ стѣнахъ вольно-экономическаго общества—въ засѣданіяхъ 28 февраля и 1 марта, о которыхъ своевременно отмѣчено въ нашемъ журналѣ (№ 4, «Внутр. Об.,» стр. 22 — 23). Извѣстно, что нападки сводились къ двумъ главнымъ пунктамъ: 1-е, что представители науки, въ особенности изъ лагеря «Русскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Богатства», не должны были идти на призывъ нынѣшняго министерства финансовъ и давать свое имя для выставленія кризиса лишь крупнаго землевладѣнія, въ унисонъ съ докладомъ министерства на 1896 годъ; 2-е, что самое изданіе выполн

ненаучно, данныя сгруппированы тенденціозно, выводы изъ нихъ сдѣланы поспѣшно и легкомысленно. Въ печати сильнѣе всего были нападки въ «Хозяинѣ» и «Кіевлянинѣ»; редакторъ послѣдняго проф. Пихно издалъ свои статьи особой брошюрою, въ концѣ которой прямо приходитъ къ заключенію, что «работа проф. Чупрова и Посникова есть полное отрицаніе науки, печальный памятникъ легкомыслія и злоупотребленія наукою», что они «поставили на карту свое имя и ученую репутацію», «нанесли ударъ русской экономической наукѣ, который не скоро забудется». Даже дружественный авторамъ инкриминируемаго «изданія» органъ — «Русская Мысль» — отнесся съ порицаніемъ къ ихъ работѣ. Интересно, что изъ ученыхъ экономистовъ никто не выступалъ на ея защиту, и въ засѣданіи 1 марта въ вольно-экономическомъ обществѣ, когда оппоненты собирали силы, то разсчитывали, что и г. Яроцкій выступитъ вмѣстѣ съ ними противъ книги. Поэтому многіе были непріятно удивлены, когда онъ выступилъ «за», при чемъ избралъ болѣе легкую часть, ратовалъ не за самую книгу, обходя ея содержаніе, а за право ея авторовъ идти на призывъ министерства финансовъ. На него посыпались нареканія, распускались, какъ всегда, нелестные слухи и намеки. Все это только разжигало страсти, и теперь еще многіе возмущаются противъ редакторовъ и сотрудниковъ злополучнаго «изданія», до обвиненія ихъ въ томъ, что, стоя всю жизнь за интересы массы населенія, они вдругъ ни съ того ни съ сего измѣнили своему знамени, доказывая пользу низкихъ цѣнъ для народа и вредъ только для крупныхъ землевладѣльцевъ (аграріевъ), которымъ-де и слѣдуетъ особо помочь. Въ пылу страстей г. Исаевъ и надумалъ вызвать г. Яроцкаго на объясненіе: почему онъ, проф. Яроцкій, оказался единственнымъ изъ ученыхъ экономистовъ, выступившимъ за неправое дѣло? Для этого г. Исаевъ не нашелъ ничего лучше, какъ учинить свою «шутку съ подлогомъ». Когда на него посыпались нареканія въ печати, то онъ послалъ въ то-же «Новое Время» оправдательное письмо, гдѣ указывалъ, что изданіе министерства финансовъ «не можетъ быть предметомъ только спокойныхъ академическихъ преній», что «выводы, сдѣланные въ этой книгѣ, внушаютъ слишкомъ оптимистическое отношеніе къ русскому экономическому быту, а мѣропріятія, основанныя на этихъ выводахъ, на положеніи, что низкія хлѣбныя цѣны нарушаютъ интересы только не большой части русскихъ людей, могутъ быть очень вредными». Въ виду этого, г. Исаевъ счелъ себя въ правѣ выступить съ «пріемомъ ироніи», какъ онъ наивно именуетъ свою облыжную замѣтку: пріемъ этотъ, согласно извѣстному іезуитскому принципу, почтенный экономистъ объясняетъ «доброй цѣлью»; «направить мысль читателей на то, какъ лично усердная защита положенія о малой убыточности для Россіи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ можетъ привести къ самымъ страннымъ и неожиданнымъ выводамъ». Кромѣ того, онъ выставляетъ въ оправданіе, что его милый пріемъ не оскорбляетъ г. Яроцкаго, не причиняетъ ему убытка и даже, въ качествѣ иро-

ніи, не направленъ лично на него, а «въ силу особыхъ, спеціальныхъ условій» (!) связанъ съ его именемъ. Какихъ это «особыхъ условій» — предоставляется догадкѣ читателей; не этими-ли словами г. Исаевъ мнилъ вызвать г. Яроцкаго на полемику, отъ которой тотъ благоразумно воздержался?

Оцѣнивая по достоинству пріемъ г. Исаева, надо признать его не только не научнымъ, но прямо недостойнымъ со стороны ученаго. Та группа, къ которой причисляетъ себя г. Исаевъ, не похвалитъ его за подрывъ ея репутаціи; состоя изъ защитниковъ народа и свободнаго развитія государственныхъ силъ, всегда соблюдая въ средѣ своей «безукоризненное поведеніе», она вдругъ наталкивается на «подлогъ», учиняемый однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и краснорѣчивыхъ ея сторонниковъ. Подобные некрасивые пріемы всего менѣе пригодны для лица, защищающаго правое дѣло. Это одинъ изъ тѣхъ неудачныхъ шахматныхъ ходовъ, которыми съ успѣхомъ пользуются противники,—то что у французовъ называется faux pas. Такимъ легкомысленнымъ пріемомъ г. Исаевъ унизилъ достоинство своей группы и далъ козырь въ руки противниковъ. Единственный поводъ къ снисхожденію въ отношеніи г. Исаева только въ томъ, что пріемъ его не имѣлъ злостнаго характера, не преслѣдовалъ личной цѣли и не принесъ никому вреда, кромѣ его самого и его сторонниковъ. Но отъ этого не легче, и нельзя не пожалѣть, что на г. Исаева, до сихъ поръ державшагося довольно корректно, нашло какое-то затменіе, и своимъ необдуманнымъ шагомъ онъ оказалъ медвѣжью услугу тому дѣлу, за которое стоятъ болѣе благомыслящіе люди, противная-же сторона, сбитая-было съ позиціи и сильно сконфуженная, теперь опять поднимаетъ голову и злорадствуетъ.

